V. Qb. 704.

Под автора 28/IX 03

Программа лекцій

по общей части

русскаго уголовнаго права

съ краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ понятій и объясненій.

Выпускъ I.

Введеніе. Источники уголовнаго права.

П. П. Пусторослева,

доктора уголовнаго права, ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета.

№ 99790

Цѣна 2 рубля.

Bibliotheca universitatis Jurievensis

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1904.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1904 г.

4-IV A
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
12227

У меня нѣтъ времени обработать для печати свои лекціи по общей части русскаго уголовнаго права, а между тѣмъ весьма желательно облегчить моимъ слушателямъ самостоятельное правильное составленіе записокъ по этому предмету, такъ какъ мои лекціи не литографируются, но записываются весьма тщательно многими студентами. Входя въ интересы записывающихъ, я прежде диктовалъ опредѣленія важнѣйшихъ понятій, относящихся къ общей части уголовнаго права, но теперь это стало невозможно, такъ какъ пришлось ввести въ свои лекціи постановленія уголовнаго уложенія 1903 г., между тѣмъ какъ число лекціонныхъ часовъ осталось прежнимъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, я печатаю программу своихъ лекцій по общей части русскаго уголовнаго права, съ краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ понятій и объясненій. Въ этомъ изданіи сдѣлано лишь извлеченіе изъ моихъ лекцій. Напечатанная мною программа, опредѣленія и объясненія предназначены служить моимъ слушателямъ твердыми точками опоры для самостоятельнаго правильнаго составленія записокъ по общей части русскаго уголовнаго права.

П. Пусторослевъ.

Сокращенія.

Вр. Пол. о Кр. Начальникахъ — Временное Положеніе о Крестьянскихъ Начальникахъ.
д. — дѣло.
К. р. — Кассаціонное рѣшеніе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.
Ж. М. Ю. — Журналъ Министерства Юстиціи.
П. С. З. (с. 1, или 2, или 3.) Т. — Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. (собраніе 1-е, или 2-е, или 3-е). Томъ.
по изд. указаннаго г. — по изданію указаннаго года.
по прод. указаннаго г. — по Продолженію соотвѣтствующаго Тома Свода Законовъ Россійской Имперіи указаннаго года.
Пост. — Постановленіе Государственнаго Совѣта.
С. З. или Св. Зак. — Сводъ Законовъ Россійской Имперіи.
С. З. Г. или Св. Зак. Гр. — Сводъ Законовъ Гражданскихъ.
Собр. уз. — Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства.
Уг. ул. — Уголовное уложеніе 22 марта 1903 года.
Ул. — уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.
У. Г. С. или Уст. Гр. Суд. — Уставъ Гражданскаго Судопроизводства.
Уст. Дух. — Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій.
У. Н. или Уст. о нак. — Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями.
У. У. С. или Уст. Уг. Суд. — Уставъ Уголовнаго Судопроизводства.

Программа лекцій по общей части русскаго уголовнаго права.

Введеніе.

Глава I. Предварительныя свѣдѣнія. § 1. Матерьяльныя и духовныя потребности человѣка, стремленіе къ ихъ удовлетворенію, условія жизни, государство и право. § 2. Культурное государство и высшій руководящій принципъ его общественной дѣятельности — поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, матерьяльнаго и духовнаго. § 3. Уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова. § 4. Подраздѣленіе уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова на двѣ и на четыре вѣтви. Господствующее подраздѣленіе на двѣ вѣтви: на уголовное право и уголовно-судебное. Недостатки этого подраздѣленія: 1) отсутствіе исчерпывающаго характера, 2) нарушеніе принципа единства, при раздѣленіи права на отрасли, по предметамъ вѣдомства, и отграниченіи уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова отъ другихъ отраслей права, а въ особенности отъ полицейскаго или, точнѣе, отъ административнаго права, и 3) возможность вредныхъ послѣдствій для интересовъ народнаго благосостоянія отъ расширенія области полицейскаго или, точнѣе, административнаго права въ ущербъ области уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова. Подраздѣленіе уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова на четыре вѣтви: на уголовное или уголовно-опредѣлительное право, на уголовно-охранительное право, уголовно-судебное право и уголовно-исполнительное право. § 5. Уголовное право и его подраздѣленіе на двѣ части: общую и особенную. § 6. Названія уголовнаго права. § 7. Энциклопедическое мѣсто уголовнаго права. § 8. Наука уголовнаго права, ея методъ съ его наиболѣе употребительными видами и ея составъ: исторія уголовнаго права, догма уголовнаго права и уголовная политика. Опредѣленіе науки уголовнаго права. Метафизическій методъ и его ненаучность. Положительный

или позитивный методъ. Виды позитивнаго метода, наиболѣе употребительные въ наукѣ уголовнаго права, извѣстные подъ именемъ методовъ: догматическаго, историческаго, сравнительно-историческаго и уголовно-политическаго. Догматическій методъ, догма уголовнаго права и ея подраздѣленіе на двѣ части: общую и особенную. Историческій методъ и исторія уголовнаго права. Сравнительно-историческій методъ. Уголовно-политическій методъ, уголовная политика и ея высшій руководящій принципъ у культурныхъ народовъ. Задачи уголовной политики, какъ науки, въ культурномъ государствѣ: 1) по отношенію къ преступленію, 2) по отношенію къ условіямъ, способствующимъ развитію преступности, индивидуальнымъ или личнымъ, соціальнымъ или общественнымъ и космическимъ или внѣшнимъ природнымъ, и 3) по отношенію къ наказанію и другимъ обуздывающимъ мѣрамъ борьбы съ проявившейся преступностью, какъ принудительнымъ, такъ и не имѣющимъ принудительнаго характера. Пріемы научной разработки уголовной политики: уголовно-политическій пріемъ, пріемъ наблюденія, пріемъ позволительнаго опыта, статистическій пріемъ, пользованіе указаніями исторіи уголовнаго права и пользованіе указаніями сравнительно-исторической разработки уголовнаго права. Составъ науки уголовнаго права. § 9. Литература уголовнаго права. § 10. Вспомогательныя науки и отрасли знанія: наука уголовно-охранительнаго права, наука уголовно-судебнаго права, наука уголовно-исполнительнаго права, тюрьмовѣдѣніе, психологія, судебная психопатологія, судебная медицина, уголовная антропологія, уголовная соціологія, уголовная статистика, ученіе о дисциплинарномъ правѣ, наука государственнаго права, наука полицейскаго или, точнѣе, административнаго права, наука гражданскаго права, наука церковнаго права, наука международнаго права, исторія политической жизни народовъ и исторія цивилизаціи или культуры. § 11. Предметъ и планъ лекцій.

Общая часть русскаго уголовнаго права.

Отдѣлъ I.

Источники уголовнаго права.

Глава II. Источники уголовнаго права. § 12. Источники права. § 13. Источники уголовнаго права вообще и источники его въ культурныхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россійской Им-

періи. § 14. Подраздѣленіе уголовнаго права на общее и особенное. § 15. Подраздѣленіе уголовнаго права Россійской Имперіи на общее и особенное. § 16. Подраздѣленіе общаго уголовнаго права на двѣ части: общую и особенную. § 17. Краткій историческій очеркъ главныхъ законодательныхъ памятниковъ общаго уголовнаго права въ Россійской Имперіи: 1) Соборное „Уложеніе“ Царя Алексѣя Михайловича 29 января 1649 г. [1]), 2) „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“ Царя Петра I 30 марта 1716 г. [2]), обращенный царскимъ указомъ 10 апрѣля 1716 г. [3]) къ примѣненію въ общихъ уголовныхъ судахъ на правахъ общаго уголовнаго закона, на ряду съ соборнымъ уложеніемъ 1649 г., 3) „Сводъ Законовъ Уголовныхъ“ Императора Николая I, изданный или, точнѣе, напечатанный въ 1832 г. [4]) и удостоившійся Высочайшаго утвержденія 31 января 1833 г. [5]), съ

1) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи повѣленіемъ Государя Императора Николая Павловича составленное. Собраніе 1. Томъ I. 1830 г. № 1. Уложеніе 29 Генваря 7157/1649 года.

2) 30 Марта 1716 года. „Петръ Первый, Царь и Самодержецъ Всероссійскій“ утвердилъ обширный проектъ закона, состоящаго изъ четырехъ частей и извѣстнаго подъ именемъ „Устава Воинскаго“ [П. С. З. (с. 1.), Т. V. № 3006. Уставъ Воинскій.]. Вторую часть этого закона и составляетъ „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“.

3) П. С. З. (с. 1.). Т. V. № 3010. Именной указъ о разсылкѣ книгъ воинскаго Устава по корпусамъ войскъ, по Губерніямъ и Канцеляріямъ и о приниманіи его въ основаніе, какъ по дѣламъ воинскимъ, такъ и земскимъ.

4) Выраженіе: „Законъ такой-то такого-то года“ означаетъ, что указанный законъ былъ утвержденъ верховной законодательной властью въ указанномъ году. Выраженіе же: „законъ такой-то, по изданію такого-то года“ означаетъ, что указанный законъ былъ утвержденъ верховной законодательной властью въ томъ видѣ, въ какомъ былъ напечатанъ окончательный текстъ проекта этого закона въ указанномъ году. Въ такомъ значеніи принято употреблять эти выраженія какъ въ нашемъ законодательствѣ, такъ и въ нашей литературѣ, хотя второе выраженіе, очевидно, страдаетъ неточностью и двусмысленностью, такъ какъ явно, но напрасно наводитъ еще и на ту мысль, будто указываемый законъ былъ утвержденъ верховной законодательной властью въ указанномъ году.

5) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Сводъ Законовъ Уголовныхъ. Санктпетербургъ. 1832. Книга I. О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще. Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, а въ томъ числѣ и Сводъ Законовъ Уголовныхъ былъ изданъ или, точнѣе, напечатанъ въ 1832 году, а удостоился Высочайшаго утвержденія и сталъ дѣйствительно закономъ только 31 января 1833 года, вступилъ же въ дѣйствіе съ 1 Января 1835 года. П. С. З. (с. 2.). Т. VIII. 1. № 5947. Манифестъ объ изданіи Свода Законовъ Россійской Имперіи.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Законы уголовные. Изданіе 1842 года. Сводъ Законовъ Уголовныхъ. Санктпетербургъ. 1842. Книга I. О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще.

послѣдующимъ изданіемъ 1842 г., 4) „Уложеніе о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ“ Императора Николая I 15 августа 1845 г. [1]), съ послѣдующими изданіями 1857-го, 1866-го и 1885-го годовъ, 5) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ Императора Александра II 20 ноября 1864 г. [2]), съ послѣдующими изданіями 1883-го

Въ 1842 г. состоялось второе изданіе Свода Законовъ Россійской Имперіи, а въ томъ числѣ и Свода Законовъ Уголовныхъ. Высочайшее же утвержденіе этихъ сводовъ послѣдовало 4 марта 1843 года. П. С. З. (с. 2.) Т. XVIII. № 16584. Именной указъ о книгахъ новаго изданія Общаго Свода Законовъ Имперіи.

1) П. С. З. (с. 2.). Т. XX. 1. № 19283. Уложеніе о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ, Высочайше утвержденное 15 августа 1845 года.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Изданіе 1857 года. Т. XV. Законы уголовные. Санктпетербургъ. 1857. Книга I. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Высочайшее утвержденіе этого свода послѣдовало 12 мая 1858 года. П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIII. № 33140. Именной указъ о третьемъ изданіи Общаго Свода Законовъ Россійской Имперіи.

Сводъ Законовъ Уголовныхъ. Книга I. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1866 года. Санктпетербургъ. 1866. — П. С. З. (с. 2.). Т. XLI. 1. № 43265. Именной указъ Сенату 5 мая 1866 г. о новомъ изданіи Уложенія о наказаніяхъ: . . . „Мы утвредили составленное имъ изданіе Уложенія“.

Сводъ Законовъ Уголовныхъ. Часть первая. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 года. С.-Петербургъ 1885. — П. С. З. (с. 3.). Т. VI. № 3468. Высочайшее повелѣніе 22 января 1886 г., объявленное Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи о новомъ изданіи Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. „Соблаговоливъ принять экземпляры означенныхъ изданій, Государь Императоръ, въ 22-й день января 1886, Высочайше соизволилъ на присвоеніе этимъ изданіямъ именованія изданій 1885 года и на внесеніе оныхъ въ Правительствующій Сенатъ для обнародованія“.

2) П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIX. 2. № 41478. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями, Высочайше утвержденный 20 ноября 1864 года. — П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIX. 2. № 41473. Именной указъ Сенату 20 ноября 1864 г. объ учрежденіи судебныхъ установленій и Судебныхъ Уставахъ.

Судебные Уставы Императора Александра Втораго, изданные по повелѣнію Императора Александра Александровича. Изданіе 1883 г. Санктпетербургъ. 6. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1883 года. Санктпетербургъ. Высочайше утвержденіе Судебныхъ Уставовъ, изданныхъ въ 1883 г. подъ именемъ „Судебныхъ Уставовъ Императора Александра Втораго“, послѣдовало 17 апрѣля 1884 года. П. С. З. (с. 3.). Т. IV. № 2153. Именной указъ Сенату 17 апрѣля 1884 г. о новомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года и о наименованіи оныхъ „Судебными Уставами Императора Александра II“.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 года. С.-Петербургъ. 1885. — П. С. З. (с. 3.). Т. VI. № 3468. Высочайшее повелѣніе 22 января 1886 г. о новомъ изданіи уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Выдѣленіе этого устава изъ „Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II“ произведено на

и 1885-го года, и 6) „Уголовное уложеніе“ Императора Николая II 22 марта 1903 г. [1]). § 18. Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника: „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г. [2]), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями [3]), и „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г. [4]), съ соотвѣтствующими позднѣйшими узаконеніями [5]). „Уголовное уложеніе“ 22 марта 1903 г. § 19. Подраздѣленіе дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права на двѣ части: общую и особенную и соотвѣтствующее подраздѣленіе уголовнаго уложенія. § 20. Пособія къ изученію русскаго уголовнаго права: I) пособія къ изученію текста дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи, II) пособія къ изученію судебной практики по общей и особенной части общаго уголовнаго права Россійской Имперіи и III) литературныя пособія къ изученію общей и особенной части общаго уголовнаго права Россійской Имперіи. § 21. Дѣйствующее особенное уголовное право Россійской Имперіи [6]), его

основаніи закона 5 ноября 1885 года. П. С. З. (с. з.). Т. V. № 3261. Высочайше утвержденное мнѣніе Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта 5 ноября 1885 г. о переработкѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ. п. 1.

1) Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства. 16 Апрѣля 1903 г. Отдѣлъ I. № 38. ст. 416. Объ утвержденіи уголовнаго уложенія. Приложеніе къ Собр. узак. и расп. Прав. за 1903 г., № 38 отд. I. ст. 416. Уголовное уложеніе.

2) Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по Продолженіямъ 1890 и 1891 годовъ. Санктпетербургъ.

3) Статьи къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ: а) по Продолженію 1890 г., б) по Продолженію 1891 г., в) по Продолженію 1895 г. и г) по Продолженію 1902 г. (Продолженіе Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года. Часть вторая. Статьи къ Томамъ VIII ч. 2, IX, X, XI ч. 1, XII ч. 2 и XIII—XVI.). — Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ. Годы 1902—1903.

4) Уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г., со включеніемъ статей по Продолженіямъ 1890 и 1891 годовъ. Санктпетербургъ.

5) Статьи къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ Россійской Имперіи по Продолженію 1902 г. (Продолженіе Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 г. Часть II.). — Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства. Годы 1902—1903.

6) Уголовное уложеніе не указываетъ прямо и ясно ни видовъ, ни развѣтвленій особеннаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, но довольствуется въ этомъ отношеніи намеками неяснаго характера въ сбивчивой формѣ. 5-я статья уголовнаго уложенія постановляетъ: „Дѣйствіе сего уложенія не распространяется:

виды (8), ихъ источники и внѣшнія формы воплощенія этихъ источниковъ: 1) русское военно-уголовное право и его развѣтвленія (2): а) русское военно-сухопутное уголовное право т. е. русское военно-уголовное право, учрежденное для арміи, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Воинскій уставъ о наказаніяхъ“, по изданію 1879 г. [1]), съ соотвѣтсвующими дальнѣйшими узаконеніями, и б) русское военно-морское уголовное право т. е. русское военно-уголовное право, учрежденное для флота, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Военно-морской уставъ о наказаніяхъ“, по изданію 1886 г. [2]), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, 2) крестьянское уголовное право Россійской Имперіи [3]) и его развѣтвленія (5): а) крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, въ которыхъ введено „Положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ“ [4]), ис-

1) На дѣянія, наказуемыя по законамъ церковнымъ, воинскому и военно-морскому уставамъ о наказаніяхъ, уставамъ дисциплинарнымъ, уставу о ссыльныхъ и уставамъ казенныхъ и административныхъ управленій, а также по особымъ положеніямъ и узаконеніямъ, въ предѣлахъ, сими законами, уставами, положеніями и узаконеніями установленныхъ;

2) на дѣянія, наказуемыя по обычаямъ инородческихъ племенъ, въ предѣлахъ, закономъ установленныхъ;

3) на преступныя дѣянія, учиненныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, за исключеніемъ случаевъ, особо въ законѣ указанныхъ;

4) на преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности“.

1) Сводъ Военныхъ Постановленій. Книга XXII. Изданіе 1879 года. Санктпетербургъ. 1879. Уголовное уложеніе дѣлаетъ намекъ на существованіе русскаго военно-сухопутнаго уголовнаго права. 5-я статья уг. уложенія говоритъ: „Дѣйствія сего уложенія не распространяется: 1) на дѣянія, наказуемыя по . . . воинскому и военно-морскому уставамъ о наказаніяхъ“.

2) Сводъ Морскихъ Постановленій. Книга XVI. Изданіе 1886 года. С.-Петербургъ. 1887. Въ уг. уложеніи (ст. 5 п. 1.) есть намекъ на существованіе русскаго военно-морскаго уголовнаго права.

3) Уголовное уложеніе содержитъ лишь очень неясные намеки на существованіе и дѣйствіе русскаго крестьянскаго уголовнаго права. Ст. 5 п. 1: . . . „дѣянія, наказуемыя . . . по особымъ положеніямъ и узаконеніямъ, въ предѣлахъ, сими . . . положеніями и узаконеніями установленныхъ“.

4) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Томъ IX. Особое приложеніе. Положенія о Сельскомъ Состояніи. Изданіе 1902 года. Санктпетербургъ. 1902. Книга I. Общее Положеніе о Крестьянахъ. Раздѣлъ II. Объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей и общественнаго ихъ управленія. Глава III. Отдѣленіе IV. 1. Временныя правила о Волостномъ Судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ. — Книга III. Положенія объ Установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами. Введеніе ст. 1 п. 1.

точникъ этого права — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Общее Положеніе о крестьянахъ“, по изданію 1902 г. [1]) и „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ“, по изданію 1857 г. [2]), б) крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, „въ которыхъ не введено Положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ“ [3]), источникъ этого права — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Общее положеніе о крестьянахъ“ [4]) и „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ“ [5]), в) крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ Черноморской Губерніи и Закавказьи [6]), источникъ этого права — законъ и внѣшняя форма воплощенія этого источника — „Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила“,

1) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Общее положеніе о крестьянахъ: 1) Разд. II. ст. 79 съ прим.; 104; 127 п. 2 и 3; 143 п. 3 и 4; 146—148; 151 п. 2. и 2) Разд. V. Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила ст. 371.

2) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Общее Положеніе о крестьянахъ. ст. 79 съ прим. (сельскій староста) и ст. 104 (волостной старшина). — Св. Зак. Томъ XII. Часть II. Изданіе 1857 г. Санктпетербургъ 1857. II. Уставъ о Благоустройствѣ въ Казенныхъ Селеніяхъ. Разд. III. Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ. ст. 440—536.

„Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ“ составляетъ въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ одну изъ частей „Устава о Благоустройствѣ въ Казенныхъ Селеніяхъ“. Этотъ сельскій судебный уставъ былъ выработанъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго XIX-го вѣка, удостоился Высочайшаго утвержденія 23 марта 1839 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XIV. № 12166.] и съ тѣхъ поръ не потерпѣлъ никакихъ существенныхъ измѣненій.

3) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Книга I. Общее положеніе о Крестьянахъ. Разд. II. Гл. III. Отд. IV. 2. Временныя правила о Волостномъ Судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введено Положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ. — Книга III. Положенія объ Установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами. Введеніе. ст. 1 п. 2, 4 и 5 съ 1-мъ примѣчаніемъ къ этой статьѣ. Разд. IV. ст. 367 п. 7; 376.

4) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Общее Положеніе о крестьянахъ. ст. 79 съ прим.; 104; 162 съ прим. 2; 163; 164.

5) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Общее Положеніе о крестьянахъ. ст. 79 съ прим. (сельскій староста); 104 (волостной старшина), 164 (волостной судъ). — Св. Зак. Т. XII. Ч. II. II. Уставъ о Благоустройствѣ въ Казенныхъ Селеніяхъ. Разд. III. Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ.ст. 440—536.

6) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Книга I. Общее Положеніе о крестьянахъ. Разд. V. Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила. Гл. III. ст. 390 (губерніи: Черноморская, Тифлисская, Кутаисская, Бакинская, Эриванская и Елизаветпольская.). — Книга III. Положенія объ Установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами. ст. 1. п. 3.

по изданію 1902 г. [1]), г) крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири [2]) и Средней Азіи [3]), въ которыхъ введено „Временное Положеніе о Крестьянскихъ Начальникахъ“, источникъ этого права — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Общее Положеніе о крестьянахъ“ [4]), „Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила“ [5]) и „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ“ [6]) и д) крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ Прибалтійскихъ губерніяхъ [7]),

---

1) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Общее положеніе о крестьянахъ. Разд. V. Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила. ст. 418 съ прим.; 430 съ прим. 2 и 3; 431.

2) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Положенія о Сельскомъ Состояніи: 1) Книга I. Общее Положеніе о крестьянахъ. Разд. V. Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила. Гл. IV. ст. 472; 473 и 2) Книга III. Положенія объ Установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами. Введеніе. ст. 1 п. 7, а также Разд. VII. Временное Положеніе о Крестьянскихъ Начальникахъ. ст. 405 (губерніи: Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская и Забайкалская область.) съ 1 и 2 примѣчаніемъ къ этой статьѣ. — Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 27 мая 1902 г. о распространеніи на Амурскую и Приморскую области дѣйствія временнаго положенія 2 іюня 1898 года о крестьянскихъ начальникахъ. Отд. I. (Собр. уз. и расп. Правительства. 1902 г. № 68 ст. 677.).

3) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 10 іюня 1902 г. о распространеніи на Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Уральскую области Высочайше утвержденнаго 2 іюня 1898 года временнаго положенія о крестьянскихъ начальникахъ. Отд. I. (Собр. уз. 1902 г. № 71 ст. 737.).

4) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Общее Положеніе о крестьянахъ: 1) Разд. V. Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила. Гл. IV. ст. 472; 473; 494 и 2) Разд. II. ст. 79 съ прим.; 104; 162 съ прим. 2; 163; 164.

5) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Разд. V. Дополнительныя къ Общему положенію о крестьянахъ правила. ст. 487; 494.

6) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Общее Положеніе о крестьянахъ: 1) Разд. V. Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила. Гл. IV. ст. 472; 473; 418; 430; 494 и 2) Разд. II. Объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей и ихъ общественнаго управленія. ст. 79 съ прим. (сельскій староста); 104 (волостной старшина); 164 (волостной судъ). — Св. Зак. Т. XII. Ч. II. II. Уставъ о Благоустройствѣ въ Казенныхъ Селеніяхъ. Разд. III. Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ. ст. 440—536.

7) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Собраніе 3. Томъ IX. 1889. Санктпетербургъ. 1891. № 61889. Положенія: I. О преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и II. О преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, Высочайше утвержденныя 9 іюля 1889 года. Положеніе о преобразованій крест. присут. мѣстъ въ Прибалт. губерніяхъ. А. Волостной судебный уставъ. Часть IV. Временныя правила о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами. ст. 1 (губерніи: Лифляндская, Эстляндская и Курляндская.).

источникъ этого права — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Волостной судебный уставъ“, по изданію 1889 года [1]), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и „Положеніе о крестьянахъ Лифляндской Губерніи“ 1860 года [2]), 3) религіозно-уголовное право, дѣйствующее въ Россійской Имперіи [3]), и его развѣтвленія (6): а) церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно православныхъ христіанъ въ Россійской Имперіи, источники этого права: α) законъ и β) правила православной церкви, одобренныя закономъ [4]), внѣшнія формы воплощенія закона, служащаго источникомъ православнаго церковно-уголовнаго права въ Россійской Имперіи, — „Уставъ Духовныхъ Консисторій“, по изданію 1883 года [5]), „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ [ст. 58 съ примѣчаніемъ 1, по продолженію 1902 г. [6]); 86.], „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“ (ст. 5.) и „Уставъ уголовнаго судопроизводства“, по изданію 1892 года [7]), б) церковно-уголовное право,

---

1) П. С. З. (с. З.). Т. IX. № 61889. Положеніе о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. А. Волостной судебный уставъ. Часть IV. Временныя правила о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами. ст. 1—7; 14.

2) П. С. З. (с. З.). Т. IX. № 61889. Положеніе о преобразованіи крест. присут. мѣстъ въ Прибалт. губерніяхъ. А. Волостной Судебный уставъ. Часть IV. ст. 1—4. — П. С. З. (с. 2.). Т. XXXV. 1860. Санктпетербургъ. 1862. № 36312. Положеніе о крестьянахъ Лифляндской губерніи, Высочайше утвержденное 13 ноября 1860 года. Разд. III. Полицейскія постановленія и полицейскіе проступки. ст. 1033; 1036; 1038; 1040; 1042; 1043; 1049; 1051; 1052; 1054—1061; 1069—1075; 1078; 1079; 1081; 1082; 1086 и 1095—1102.

3) Въ уголовномъ уложеній есть намекъ на существованіе церковно-уголовнаго права въ Россійской Имперіи. ст. 5 п. 1: . . „дѣянія, наказуемыя по законамъ церковнымъ“.

4) П. С. З. (с. З.). Т. III. 1883. Санктпетербургъ 1886. № 1495. Высочайшее повелѣніе 9 апрѣля 1883 года, сообщенное вѣдѣніемъ Святѣйшаго Синода, о введеніи въ дѣйствіе Устава Духовныхъ Консисторій въ исправленномъ видѣ. „Святѣйшій Правительствующій Синодъ, въ вѣдѣніи своемъ, сообщилъ Правительствующему Сенату, что, въ 9-й день апрѣля 1883 года, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на введеніе въ дѣйствіе Устава Духовныхъ Консисторій въ исправленномъ видѣ“. Уставъ Духовныхъ Консисторій. ст. 6; 175 съ прим.; 195; 196.

5) П. С. З. (с. З.). Т. III. № 1495. Уставъ Духовныхъ Консисторій, удостоившійся 9 апрѣля 1883 года Высочайшаго соизволенія на введеніе въ дѣйствіе. ст. 6; 175 съ прим.; 177—180; 186; 188—190; 195; 196.

6) Продолженіе Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года. Санктпетербургъ. 1902. Часть II. Статьи къ томамъ VIII ч. 2, IX, X, XI, ч. 1, XII ч. 2 и XIII—XVI.

7) Св. Зак. Т. XVI. Ч. I. Судебные уставы Императора Александра II. Изданіе 1892 года. IV. Уставъ уголовнаго судопроизводства, ст. 1016; 1028; 1029.

дѣйствующее относительно христіанъ римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданій въ Россійской Имперіи, в) церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно христіанъ евангелическо-лютеранскаго, евангелическо-аугсбургскаго и евангелическо-реформатскаго исповѣданій въ Россійской Имперіи, г) церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно христіанъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія въ Россійской Имперіи, источники церковно-уголовнаго права христіанъ римско-католическаго, армяно-католическаго, евангелическо-лютеранскаго, евангелическо-аугсбургскаго, евангелическо-реформатскаго и армяно-грегорьянскаго исповѣданій въ Россійской Имперіи: α) законъ Россійской Имперіи и β) церковныя правила римско-католическаго, армяно-католическаго, евангелическо-лютеранскаго, евангелическо-аугсбургскаго, евангелическо-реформатскаго и армяно-грегоріанскаго исповѣданія, одобренныя закономъ Россійской Имперіи [1]), внѣшнія формы воплощенія этого закона: „Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій", по изданію 1896 года [2]), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ" (ст. 58 съ примѣчаніемъ 1, по прод. 1902 г.; 86), „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями" (ст. 5.) и „Уставъ уголовнаго судопроизводства" (ст. 1016; 1028; 1029.); д) религіозно-уголовное право, дѣйствующее относительно магометанъ въ Россійской Имперіи, источники этого права: α) законъ Россійской Имперіи и β) правила магометанской вѣры, одобренныя закономъ Россійской Имперіи [3]), внѣшнія формы воплощенія этого закона: „Уставы

---

1) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. XI. Ч. I. Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. Изданіе 1896 года. Санктпетербургъ. 1896. Относительно церковныхъ правилъ римско-католическаго исповѣданія (ст. 3; 64 I п. 3, II, III.), армяно-католическаго (ст. 3; 250 I. п. 5, II п. 1, III.), евангелическо-лютеранскаго (ст. 3; 553 п. 9, 18, 19, по прод. 1902 г., и 24; 656; 1053; 1083.), евангелическо-аугсбургскаго (ст. 3; 938 п. 20, 21 и 27; 946 п. 5; 949.), евангелическо-реформатскаго (ст. 3; 984; 992; 1024; 1027; 1030; 1033; 1053.) и армяно-грегоріанскаго (ст. 3; 1142; 1143; 1188 п. 5—6.).

2) Св. Зак. Т. XI. Ч. I. Изданіе 1896 г. Римско-католическое исповѣданіе (ст. 3; 64 I п. 3, II, III.), армяно-католическое (ст. 3; 250 I п. 5, II п. 1, III.), евангелическо-лютеранское (ст. 3; 553 п. 9, 18, 19, по прод. 1902 г., и 24; 656; 1053; 1083.), евангелическо-аугсбургское (ст. 3; 938 п. 20, 21 и 27; 946 п. 5; 949.), евангелическо-реформатское (ст. 3; 984; 992; 1024; 1027; 1030; 1033; 1053.) и армяно-грегоріанское (ст. 3; 1142; 1143; 1188 п. 5—6.).

3) Св. Зак. Т. XI. Ч. I. Изданіе 1896 г. Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. ст. 3; 1347; 1399 п. 2—3; 1418; 1493 п. 2; 1501 п. 2; 1514 п. 3—4; 1608 п. 2; 1616 п. 2; 1629 п. 3—4.

Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій“ [1]), „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ (ст. 1585 съ прим.) и „Уставъ уголовнаго судопроизводства“ (ст. 1028.) и е) религіозно-уголовное право, дѣйствующее относительно лицъ, исповѣдующихъ ламайскую вѣру въ Россійской Имперіи, источники этого права: α) законъ Россійской Имперіи и β) правила ламайской вѣры, одобренныя закономъ Россійской Имперіи [2]), внѣшнія формы воплощенія этого закона: „Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій“ [3]) и „Уставъ уголовнаго судопроизводства“ (ст. 1028.), 4) инородческое уголовное право т. е. обычное уголовное право нѣкоторыхъ некультурныхъ инородческихъ племенъ Россійской Имперіи, напр., самоѣдовъ, чукчей, дѣйствующее съ разрѣшенія закона въ узаконенныхъ предѣлахъ [4]),

---

1) Св. Зак. Т. XI. Ч. I. Изданіе 1896 г. Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. ст. 3; 1347; 1399 п. 2—3; 1418; 1493 п. 2; 1501 п. 2; 1514 п. 3—4; 1608 п. 2; 1616 п. 2; 1629 п. 3—4.

2) Св. Зак. Т. XI. Ч. I. Изданіе 1896 г. Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностран- Исповѣданій. ст. 3; 1682—1683.

3) Св. Зак. Т. XI. Ч. I. Изданіе 1896 г. Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. ст. 3; 1682—1683.

4) Уложеніе о наказаніяхъ. ст. 168. Приложеніе V. — Св. Зак. Т. XVI. Судебные уставы. IV. Уставъ уголовнаго судопроизводства. ст. 1256 съ прим. 1; 1257; 1283, по прод. 1902 г.; 1284; 1285 съ примѣчаніемъ къ 1 пункту ея, по прод. 1902 г.; 1377 съ прим., по прод. 1902 г.; 1410, по прод. 1902 г.; 1451, по прод. 1902 г. — Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. II. Сводъ Губернскихъ Учрежденій (Изданіе 1892 года. Санктпетербургъ.): V) Учрежденіе Управленія Кавказскаго края. ст. 220 съ прим.; VII) Положеніе объ Управленіи Туркестанскаго края. ст. 118; 210—211; VIII) Положеніе объ Управленіи областей Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской, Уральской и Тургайской. ст. 102; X) Положеніе объ Инородцахъ. ст. 1; 15; 61 в. 3; 75 съ прим.; 254; 373 съ прим. 2, а также съ прим. 3, по прод. 1895 г.; 519; 522. — П. С. З. (с. 2. Санктпетербургъ. 1884.). Т. LV. Дополненіе къ LIII-му Тому Втораго Полнаго Собранія Законовъ Рос. Имперіи. (Къ Полн. Собр. Зак. за 1878 годъ). № 58862 а. Утвержденное Его Императорскимъ Высочествомъ, Главнокомандующимъ Кавказскою арміею 20 сентября 1878 года, по Высочайше предоставленной Его Высочеству власти, Временное Положеніе объ управленіи Батумскою областью. §§ 11; 12; 14. — П. С. З. (с. 2). Т. LV. Дополненіе къ LIII-му Тому Втор. П. С. З. № 58953 а. Утвержденный Его Императорскимъ Высочествомъ, Главнокомандующимъ Кавказскою арміею 27 октября 1878 года, по Высочайше предоставленной Его Высочеству власти, проектъ временнаго положенія объ управленіи Карскою областью. §§ 12—14. — Собр. уз. 8 іюня 1899 г. № 66. ст. 914. Временныя правила о подсудности народнымъ судамъ Закаспійской области гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ туземцевъ, утвержденныя Военнымъ Министромъ 9 апрѣля 1899 г., по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, на основаніи XII-го отдѣла Высочайше утвержденнаго положенія Государственнаго Совѣта 15 февраля 1899 г. (Собр. уз. 12 марта 1899 г. № 31.

источникъ этого права — обычай, одобренный закономъ, 5) уголовное право, дѣйствующее относительно каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ въ Россійской Имперіи, источникъ этого права — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Уставъ о ссыльныхъ“, по продолженію 1890 г. [1]), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, б) русское финансово-уголовное право и его развѣтвленія (2): а) русское акцизно-уголовное право, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Сводъ Уставовъ объ Акцизныхъ Сборахъ“, по изданію 1901 г. [2]), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и б) таможенно-уголовное право, дѣйствующее въ Россійской Имперіи, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Сводъ Учрежденій и Уста-

---

ст. 394.) объ устройствѣ судебной части въ Закаспійской области. ст. 1 и 6 въ связи съ 2 и 7.

Дѣйствіе обычнаго инородческаго уголовнаго права дозволено закономъ Россійской Имперіи въ узаконенныхъ предѣлахъ и въ Квантунской области, арендованной Русскимъ Правительствомъ у Китайской Имперіи. Собр. уз. 20 августа 1899 г. № 104. ст. 1524. Временное положеніе объ управленіи Квантунской области, Высочайше утвержденное 16 августа 1899 года. ст. 1; 42 п. 2 съ прим.; 94—95.

Наше уголовное уложеніе дѣлаетъ нѣкоторый намекъ на существованіе и дѣйствіе обычнаго инородческаго уголовнаго права въ Россійской Имперіи, дозволеннаго закономъ, и при томъ — въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. 5-я статья уложенія говоритъ, что его дѣйствіе „не распространяется . . . на дѣянія, наказуемыя по обычаямъ инородческихъ племенъ, въ предѣлахъ, закономъ установленныхъ“.

1) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. XIV. Уставъ о ссыльныхъ. Изданіе 1890 года. Санктпетербургъ. ст. 435 съ замѣчаніемъ, по прод. 1902 г.; 436 съ прим., по прод. 1902 г.; 437 § I—IV, § V, по прод. 1902 г.; 438 съ прим. и замѣч., по прод. 1902 г.; 439—441 безъ прим., по прод. 1902 г.; 442 съ прим. и замѣч., по прод. 1902 г.; 443—445 съ замѣчаніями, по прод. 1902 г.; 446—449 съ замѣч., по прод. 1902 г.; 450 съ замѣч., по прод. 1902 г.; 451; 453—455; 456, по прод. 1902 г.; 457; 458; 459, по прод. 1902 г.; 460—462; 463 и 464 съ прим., по прод. 1902 г.; 465; 466, по прод. 1902 г.; 467 съ замѣч. по прод. 1902 г.; 488; 498 п. 2 съ замѣч., по прод. 1902 г., п. 3, по прод. 1902 г., п. 4—6 съ замѣч., по прод. 1902 г.; 499 съ замѣч. по прод. 1902 г. Въ уголовномъ уложеніи есть намекъ на существованіе особаго уголовнаго права для каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ въ Россійской Имперіи. ст. 5 п. 1: . . . „дѣянія, наказуемыя по . . . уставу о ссыльныхъ“.

2) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. V. „Сводъ Уставовъ объ Акцизныхъ Сборахъ“. Изданіе 1901 г. Санктпетербургъ. Разд. V. Правила о взысканіяхъ за нарушенія постановленій объ акцизныхъ сборахъ. ст. 1058—1270, а также Разд. VI. Правила о порядкѣ производства дѣлъ по нарушеніямъ постановленій объ акцизныхъ сборахъ. ст. 1273; 1274; 1275—1277. — Уст. уг. суд. ст. 1124—1213.

вовъ Таможенныхъ", по изданію 1892 г. [1]), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями [2]), 7) уголовное право, дѣйствующее въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, составляющемъ обособленную часть Россійской Имперіи, или, короче сказать, финляндское уголовное право, источникъ этого права — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника — „Уголовное уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 года, въ текстѣ, Высочайше одобренномъ 4 іюля 1892 года (Сб. П. В. К. Ф. 1894 г., № 17, и съ измѣненіями на основаніи Высочайшаго Постановленія 21 Апрѣля 1894 года (Сб. П. В. К. Ф., № 17)" [3]), съ дальнѣйшими соотвѣтствующими узаконеніями, и 8) административно-уголовное право, установленное, по чрезвычайному уполномочію закона [4]), Главноначальствующими, Генералъ-Губернаторами, Губернаторами и Градоначальниками, дѣйствующее, въ качествѣ исключенія, въ мѣстностяхъ Россійской

---

1) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. VI. Сводъ Учрежденій и Уставовъ Таможныхъ. Изданіе 1892 г. Санктпетербургъ. Книга III. О взысканіяхъ и наказаніяхъ за нарушенія постановленій Устава Таможеннаго и о производствѣ дѣлъ о сихъ нарушеніяхъ. Разд. I. О взысканіяхъ и наказаніяхъ за нарушенія постановленій Устава Таможеннаго. ст. 1431—1564, а также Разд. II. О производствѣ дѣлъ по нарушеніямъ таможенныхъ постановленій. ст. 1565; 1566; 1568. — Уст. уг. суд. ст. 1124 съ приложеніемъ отд. I; 1125.

2) Статьи къ Шестому Тому Свода Законовъ по Продолженію 1895 г.

3) Уголовное уложеніе В. К. Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія. С.-Петербургъ. 1900. Уголовное уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго удостоилось Высочайшаго утвержденія со стороны Государя Императора Александра III 19 декабря 1889 г., а потомъ, въ виду своего несоотвѣтствія дѣйствительнымъ отношеніямъ между Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ и Россійской Имперіей и русскимъ интересамъ, еще до вступленія въ дѣйствіе подверглось измѣненіямъ, Высочайше утвержденнымъ 2 (14) апрѣля 1894 года. См. уголовное уложеніе В. К. Финляндскаго. Манифестъ 2/14 апрѣля 1894 г. Въ уголовномъ уложеніи Россійской Имперіи 1903 года есть намекъ на существованіе и дѣйствіе финляндскаго уголовнаго права. 5-я статья этого уложенія говоритъ: „Дѣйствіе сего уложенія не распространяется: . . . 3) на преступныя дѣянія, учиненныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, за исключеніемъ случаевъ, особо въ законѣ указанныхъ".

4) Св. Зак. Т. XIV. Уставъ о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій. Изданіе 1890 года. Санктпетербургъ. ст. 1: α) Примѣчаніе 2. Приложеніе I къ статьѣ 1 (прим. 2). Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. ст. 15 и 26 п. 3 и 5; и β) Примѣчанія 6—7, по прод. 1902 г. Уголовное уложеніе дѣлаетъ лишь весьма неясный намекъ на существованіе административно-уголовнаго права въ Россійской Имперіи. Такъ, въ 5-й статьѣ этого уложенія поставлено: „Дѣйствіе сего уложенія не распространяется: 1) на дѣянія, наказуемыя . . . по особымъ положеніямъ и узаконеніямъ, въ предѣлахъ, сими . . . положеніями и узаконеніями установленныхъ".

Имперіи, объявленныхъ на положеніи чрезвычайной или усиленной охраны, и въ нѣкоторыхъ другихъ, источникъ этого права — постановленіе или распоряженіе, сдѣланное Главноначальствующимъ, Генералъ-Губернаторомъ, Губернаторомъ или Градоначальникомъ, по чрезвычайному уполномочію закона, и внѣшнія формы воплощенія этого источника: „обязательныя постановленія“ Главноначальствующихъ, Генералъ-Губернаторовъ, Губернаторовъ и Градоначальниковъ [1]) и объявленія Главноначальствующихъ и Генералъ-Губернаторовъ [2]). § 22. Общее уголовное право, дѣйствующее въ нѣкоторыхъ выдающихся иностранныхъ культурныхъ государствахъ, его источники и нѣкоторыя пособія къ его изученію: 1) Французская Республика — уголовное уложеніе 2 февраля 1810 г. (Code pénal), исправленное въ 1832 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, 2) Австрійская Имперія — уголовный законъ о преступленіяхъ, проступкахъ и нарушеніяхъ 27 мая 1852 г. (Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen), съ дальнѣйшими узаконеніями, 3) Бельгійское Королевство — уголовное уложеніе 8 іюня 1867 г. (Code pénal), съ дальнѣйшими узаконеніями, 4) Германская Имперія — уголовное уложеніе Германской Имперіи 15 мая 1871 г. (Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich), съ дальнѣйшими узаконеніями, 5) Голландское Королевство — голландское или нидерландское уложеніе 3 марта 1881 г., съ дальнѣйшими узаконеніями, 6) Итальянское Королевство — уголовное уложеніе Королевства Италіи 30 іюня 1889 г. (Codice pénale), съ дальнѣйшими узаконеніями, 7) Сѣверо-американскій Штатъ Нью-Іоркъ — уголовное уложеніе Штата Нью-Іоркъ 26 іюля 1881 г., исправленное въ 1898 г. (The penal code of the State of New York), съ дальнѣйшими узаконеніями, и 8) Королевство Великобританія — отсутствіе уголовнаго уложенія и какого бы то ни было свода уголовныхъ законовъ, отдѣльные уголовные законы, постановленія объединенныхъ уголовныхъ законовъ 1861 г. (The Criminal Law Consolidation Acts) и обычай, одобренный государствомъ.

Глава III. Уголовный законъ. § 23. Понятіе уголовнаго закона. § 24. Основное содержаніе и главныя формы выраженія уголовныхъ

---

1) Св. Зак. Т. XIV. Уставъ о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій. ст. 1: α) Примѣчаніе 2. Приложеніе 1. Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. ст. 15 и 26 п. 5; и β) Примѣчанія 6—7, по прод. 1902 г.

2) Св. Зак. Т. XIV. Уставъ о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій. ст. 1. Примѣчаніе 2. Приложеніе I. Положеніе о мѣрахъ. ст. 26 п. 5.

законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ученіе Биндинга и его несостоятельность. § 25. Санкція уголовнаго закона въ тѣсномъ смыслѣ слова, ея виды: 1) абсолютно неопредѣленная санкція, 2) абсолютно опредѣленная санкція и 3) относительно опредѣленная санкція, ихъ достоинства, недостатки и положеніе въ уголовномъ правѣ культурныхъ государствъ. § 26. Съ точки зрѣнія интересовъ наибольшаго народнаго благосостоянія, законъ долженъ быть единственнымъ источникомъ уголовнаго права въ культурномъ государствѣ. § 27. Дѣйствіе уголовнаго закона въ времени. Начало дѣйствія уголовнаго закона. Конецъ дѣйствія уголовнаго закона. Понятіе о дѣйствіи уголовнаго закона. Коллизія или столкновеніе между нѣсколькими уголовными законами относительно дѣйствія во времени. Какой изъ уголовныхъ законовъ долженъ имѣть дѣйствіе, въ случаѣ столкновенія между ними относительно дѣйствія во времени? Рѣшеніе большинства ученыхъ: 1) общее правило — къ дѣянію долженъ быть примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствовалъ во время учиненія этого дѣянія, и 2) исключеніе — въ пользу новаго болѣе мягкаго уголовнаго закона. Соотвѣтствіе этого рѣшенія съ принципомъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія. Рѣшеніе меньшинства ученыхъ: 1) общее правило — къ дѣянію долженъ быть примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствуетъ во время отправленія правосудія по этому дѣянію, и 2) исключенія въ различномъ объемѣ — въ пользу прежняго болѣе мягкаго уголовнаго закона, дѣйствовавшаго во время учиненія дѣянія. Несостоятельность этого рѣшенія. Взгляды дѣйствующихъ иностранныхъ культурныхъ законодательствъ нашего времени. Взглядъ отжившихъ законодательствъ, дѣйствовавшихъ во многихъ изъ небольшихъ нѣмецкихъ государствъ во времена съ 1813 г. до семидесятыхъ годовъ прошлаго XIX-го вѣка. Постановленія дѣйствующихъ основныхъ законовъ Россійской Имперіи. Указъ 27 марта 1846 г. относительно правилъ замѣны наказаній присудимыхъ и присужденныхъ на основаніи „Свода Законовъ Уголовныхъ“, по изданію 1842 г., наказаніями по „Уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ 1845 г., вступающему въ дѣйствіе съ 1 мая 1846 г.[1]). Взглядъ, высказанный Государственнымъ Совѣтомъ въ 1848 г. на значеніе указа 27 марта 1846 г. Разъясненія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената по во-

1) П. С. З. (с. 2.). Т. XXI. 1. № 19880. Именной указъ 27 марта 1846 г. „о правилахъ для замѣна наказаній, присужденныхъ на основаніи дѣйствующихъ нынѣ законовъ уголовныхъ, наказаніями по новому уложенію“.

просу о дѣйствіи уголовнаго закона во времени. Уголовное уложеніе. § 28. Дѣйствіе уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ по мѣсту и лицамъ. Высшій руководящій принципъ — поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія. Принципы, ближайшимъ образомъ опредѣляющіе дѣйствіе уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ по мѣсту и лицамъ: территоріальный принципъ, какъ выраженіе общаго правила, и принципы уголовной безотвѣтственности царствующаго туземнаго государя, уголовной безотвѣтственности царствующихъ иностранныхъ государей, національный и реальный, какъ источники для установленія исключеній изъ общаго правила. Иностранныя законодательства. Уложеніе о наказаніяхъ и уголовное уложеніе. Космополитическій принципъ и его несостоятельность. § 29. Выдача преступниковъ. Понятіе. Основаніе этого учрежденія. Строй этого учрежденія у культурныхъ народовъ: общее правило о выдачѣ преступниковъ, исключенія изъ этого правила и принятыя условія производства выдачи. § 30. Толкованіе уголовнаго закона. Подраздѣленіе толкованія на два вида, по способу толкованія: толкованіе грамматическое и толкованіе логическое, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на систематическое и историческое. Подраздѣленіе толкованія на три вида, по разницѣ отношеній между словами и мыслью закона: толкованіе объяснительное, толкованіе распространительное и толкованіе ограничительное. Подраздѣленіе толкованія на два вида, по органу и цѣли толкованія: толкованіе судебное и толкованіе научное. Неправильность въ понятіи и названіи: „аутентическое толкованіе“. Смѣна взглядовъ на полномочія уголовныхъ судовъ къ толкованію законовъ. Толкованіе закона уголовными судами по дѣйствующему русскому законодательству. § 31. Пополненіе уголовнаго закона по аналогіи уголовнымъ судомъ. Смѣна взглядовъ на полномочія уголовныхъ судовъ къ пополненію уголовнаго закона по аналогіи. Дѣйствующее русское законодательство и уголовное уложеніе. § 32. Законная сила судебнаго толкованія и аналогическаго пополненія закона. Дѣйствующее русское законодательство и неправильный взглядъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

Краткое изложеніе нѣкоторыхъ понятій и разъясненій по общей части русскаго уголовнаго права.

Введеніе.

Глава I.

Предварительныя свѣдѣнія.

§ 1. Матерьяльныя и духовныя потребности человѣка, стремленіе къ ихъ удовлетворенію, условія жизни, государство и право [1]).

Предметомъ нашего изученія служитъ общая часть уголовнаго права.

Чтобы понять, что такое представляетъ уголовное право, нужно выяснить себѣ сначала, что такое право; а чтобы составить себѣ правильное понятіе о правѣ, нужно обратить вниманіе на происхожденіе, развитіе и современное состояніе права въ человѣческой средѣ.

Обращаясь къ этой задачѣ, начнемъ съ человѣка.

У каждаго человѣка есть матерьяльный организмъ и духовныя способности. Обладая матерьяльнымъ организмомъ, человѣкъ имѣетъ матерьяльныя потребности, напр., потребность въ пищѣ, въ снѣ, въ одеждѣ и т. д. Обладая же духовными способностями, онъ имѣетъ и духовныя потребности, напр., потребность въ безопасности, въ общеніи съ людьми, въ свободѣ и. т. д.

Каждая наличная потребность побуждаетъ своего обладателя стремиться къ ея удовлетворенію, побуждаетъ тѣмъ, что причиняетъ своему обладателю страданіе, соотвѣтственно своему напряженію, до тѣхъ поръ, пока не получитъ себѣ удовлетворенія. Съ удовлетво-

---

1) П. П. Пусторослевъ — Понятіе о преступленіи. Москва. 1891. с. 14—169. — П. П. Пусторослевъ — Анализъ понятія о преступленіи. Москва. 1892. с. 5—89. Во избѣжаніе излишняго повторенія тѣхъ же самыхъ именъ и тѣхъ же самыхъ заглавій, при указаніи литературы вопросовъ, относящихся къ введенію въ уголовное право и общей части уголовнаго права, я не буду приводить тѣхъ руководствъ и учебниковъ по общей части уголовнаго права, которые указаны мною далѣе въ отдѣлѣ литературныхъ пособій къ изученію общей и особенной части русскаго уголовнаго права.

реніемъ же потребности страданіе прекращается и замѣняется благосостояніемъ въ данномъ отношеніи.

Удовлетвореніе потребности человѣка всегда стоитъ въ зависимости отъ условій жизни; но иногда оно происходитъ безъ всякаго содѣйствія со стороны обладателя, а большею частью необходимо, чтобы человѣкъ самъ способствовалъ удовлетворенію своей потребности, въ противномъ случаѣ она остается безъ удовлетворенія и своей жаждой мучитъ своего обладателя. Такимъ образомъ, потребности своимъ давленіемъ обыкновенно побуждаютъ человѣка къ совершенію поступковъ, способствующихъ доставленію удовлетворенія.

Но человѣкъ — не одинъ на землѣ: людей — много. Совмѣстное существованіе ихъ, въ свою очередь, играетъ важную роль.

Въ однихъ случаяхъ оно создаетъ препятствія къ удовлетворенію потребностей, а въ другихъ — благопріятствуетъ. Такъ, нерѣдко бываетъ, что человѣкъ, доставляя удовлетвореніе своей потребности, неминуемо сталкивается съ ближнимъ и препятствуетъ удовлетворенію его потребности, какъ напр., въ томъ случаѣ, когда одному жильцу комнаты хочется пѣть, а другому — спать. Однако, часто случается, что, доставляя удовлетвореніе своей потребности, человѣкъ удовлетворяетъ и потребности ближняго, какъ напр., въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ пассажировъ вагона затворяетъ окно, при сквозномъ вѣтрѣ.

Кромѣ того, есть множество случаевъ, гдѣ удовлетвореніе потребности достижимо лишь совокупными усиліями нѣсколькихъ и даже многихъ лицъ, но никакъ не единичными силами одного человѣка. Многочисленности сотрудниковъ энергично требуетъ и одна изъ самыхъ раннихъ и самыхъ настоятельныхъ потребностей человѣка, — потребность безопасности, а нерѣдко — и потребность добыванія пищи.

Подъ вліяніемъ личныхъ потребностей, а главнымъ образомъ — потребностей: безопасности отъ враговъ и обезпеченія отъ голода, подъ вліяніемъ совмѣстнаго существованія людей, при дѣйствіи многочисленныхъ и разнообразныхъ условіи жизни, постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ, сложилась у людей новая потребность, — потребность объединенія въ независимые, прочные и сильные союзы для обезпеченія себѣ удовлетворенія другихъ насущныхъ потребностей. Это и была потребность въ государствѣ. Удовлетворяя ее на дѣлѣ, люди и образовали государственные союзы или государства.

Государство есть такая группа людей, которая объединена въ общественный союзъ постояннаго общенія, не только личнаго, но потомственнаго и преемственнаго, имѣетъ внутри себя особый органъ,

руководящій ея жизнью въ потребныхъ отношеніяхъ, и составляетъ одно самостоятельное, независимое цѣлое.

Жизнь выработала въ людяхъ потребность объединенія въ государство, жизнь и поддерживаетъ эту потребность, постоянно, энергично, на дѣлѣ, самимъ опытомъ внушая людямъ, что безъ государственнаго союза крайне трудно, а часто и не возможно обезпечить удовлетвореніе многихъ настоятельныхъ потребностей. Оттого, потребность объединенія людей въ государство такъ прочна, что, разъ появившись въ человѣческой средѣ, твердо сохраняется многія тысячелѣтія. Почувствовавъ эту потребность и создавъ подъ ея вліяніемъ государство, народъ уже не разстается съ государственнымъ строемъ, хотя съ теченіемъ времени, подъ давленіемъ нѣкоторыхъ глубокихъ измѣненій въ потребностяхъ и условіяхъ народной жизни, измѣняетъ формы своего государственнаго устройства.

Вмѣстѣ съ потребностью объединенія въ государство и даже отчасти подъ ея вліяніемъ постепенно сложилась у людей еще новая потребность, потребность въ томъ, чтобы государство установило своей волей и поддержало своей силой такой порядокъ внѣшнихъ отношеній между людьми, который обезпечивалъ бы членамъ государства возможность удовлетворенія ихъ важнѣйшихъ потребностей въ средѣ человѣческаго общенія. Эта новая потребность, обращенная къ государству, была не чѣмъ инымъ, какъ потребностью въ установленіи и поддержаніи правового порядка.

Государство было вызвано къ жизни насущною потребностью людей обезпечить объединеніемъ ихъ въ самостоятельный, прочный и сильный союзъ возможность удовлетворенія ихъ важнѣйшихъ потребностей. Обезпеченіе возможности удовлетворенія потребностей своему народу явилось съ самаго возникновенія государства основнымъ назначеніемъ государства въ жизни и сохранило это значеніе навсегда.

При такомъ происхожденіи и задачѣ, государству не оставалось ничего иного, какъ тотчасъ по возникновеніи удовлетворить потребность въ правовомъ порядкѣ, — учредить и поддержать правовой порядокъ.

До возникновенія государства не существовало такого общественнаго союза, который возвышался бы надъ отдѣльными лицами, надъ ихъ волей и силой и имѣлъ бы свою волю и силу, способную установить правовой порядокъ; а какъ только такой союзъ явился, онъ явился именно въ видѣ государства. Ни исторія, ни этнографія, ни соціологія не даютъ намъ ни одного факта, который позволялъ бы сдѣлать иное заключеніе.

Съ возникновеніемъ государства явился творецъ правового порядка и создалъ право своей волей и силой, по мѣрѣ пониманія, возможности и надобности, сообразно важнѣйшимъ наличнымъ потребностямъ и условіямъ жизни своего народа.

Государство было первымъ и навсегда осталось единственнымъ творцомъ права. Такова — дѣйствительность, удостовѣренная безчисленными фактами исторической и современной государственной жизни народовъ, чуждая всякихъ иллюзій, будто частныя лица, ученые, администраторы, судьи, корпораціи, общества, церковь, сами собою, по собственному усмотрѣнію и желанію, безъ всякаго полномочія отъ верховной государственной власти, творятъ право. Безчисленное множество фактовъ изъ современной и прошедшей жизни народовъ ясно и неоспоримо доказываетъ, что государство установляетъ и отмѣняетъ право своей волей и силой, при посредствѣ своего органа верховной власти, а также при посредствѣ органовъ, уполномоченныхъ къ тому послѣднимъ. А между тѣмъ нѣтъ ни одного факта, который позволялъ бы заключить не только съ достовѣрностью, но даже съ большою вѣроятностью, чтобы кто-нибудь кромѣ государства самостоятельно, безъ всякаго полномочія отъ государства, установлялъ и отмѣнялъ право.

Право есть порядокъ особаго рода. Это — тотъ порядокъ, который должны соблюдать люди въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Онъ опредѣляетъ, каковы могутъ или даже должны быть внѣшнія отношенія между людьми при удовлетвореніи матерьяльныхъ и духовныхъ потребностей въ средѣ совмѣстнаго существованія, какія изъ внѣшнихъ отношеній требуются, какія позволяются, какія запрещаются, и каковы могутъ или даже должны быть мѣры внѣшняго принужденія и даже поощренія людей къ соблюденію надлежащихъ внѣшнихъ отношеній, какія изъ внѣшнихъ мѣръ принужденія или поощренія требуются, какія позволяются и какія запрещаются. Этотъ порядокъ установленъ государствомъ при посредствѣ органа верховной власти, а также органовъ, уполномоченныхъ къ тому послѣднимъ. Обладатель верховной власти, самолично или посредствомъ этихъ уполномоченныхъ, установляетъ этотъ порядокъ различными способами, а именно — путемъ изданія законовъ, путемъ заключенія международныхъ договоровъ и путемъ законодательнаго, или международно-договорнаго, или даже молчаливаго [1]) одобренія какъ заранѣе

1) Молчаливое одобреніе обычая или правила религіозной общины государствомъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда государство въ лицѣ своего облада-

сложившихся обычаевъ, такъ и правилъ, уже принятыхъ религіознымъ союзомъ людей одного и того же вѣроисповѣданія. Государство, по мѣрѣ разумѣнія, возможности и надобности, не только опредѣляетъ этотъ порядокъ, но и приводитъ его въ дѣйствіе и поддерживаетъ его дѣйствіе въ народной жизни. Такимъ образомъ, право есть порядокъ, установленный и поддерживаемый государствомъ, опредѣляющій, каковы могутъ или даже должны быть внѣшнія отношенія людей другъ къ другу, при удовлетвореніи матерьяльныхъ и духовныхъ человѣческихъ потребностей въ средѣ совмѣстнаго существованія, и каковы могутъ или даже должны быть мѣры внѣшняго принужденія или даже поощренія людей къ соблюденію надлежащихъ отношеній.

Желая обезпечить человѣку возможность удовлетворенія его потребностей, достойныхъ государственной защиты или покровительства, государство налагаетъ соотвѣтствующія правовыя обязанности на другихъ людей. Эти обязанности, по содержанію своему, бываютъ двухъ видовъ: положительныя и отрицательныя.

Положительная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы обязанный субъектъ произвелъ дѣйствіе, способное содѣйствовать уполномоченному лицу къ удовлетворенію покровительствуемой потребности или къ пользованію защищаемымъ благомъ. Напр., въ обезпеченіе удовлетворенія потребностей жизни и здоровья наложена на врача обязанность подавать возможную врачебную помощь людямъ, находящимся въ опасности смерти и тяжко больнымъ.

Отрицательная же обязанность заключается въ томъ, чтобы обязанный субъектъ не производилъ дѣйствія, способнаго препятствовать управомоченному лицу къ удовлетворенію покровительствуемой потребности или къ пользованію защищаемымъ благомъ. Напр., въ обезпеченіе человѣческой потребности „жить“ установлена обязанность „не убей“.

Правовая обязанность существуетъ только тамъ, гдѣ государство не предоставляетъ на выборъ человѣку поступать, по личному усмотрѣнію и желанію, такъ или иначе, но требуетъ, чтобы это лицо вело

теля верховной власти или, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ органовъ, уполномоченныхъ послѣднимъ къ установленію права, знаетъ о данномъ обычаѣ или данномъ правилѣ религіозной общины, своимъ образомъ дѣйствій допускаетъ его соблюденіе, но не заявляетъ своего согласія ни въ устной, ни въ письменной, ни въ печатной формѣ. Согласіе государства есть, но утверждающаго слова не выражено. А между тѣмъ основные законы государства не требуютъ въ данномъ случаѣ, чтобы утверждающая воля государства выразилась именно словами въ устной, или письменной, или печатной формѣ.

себя именно такъ, какъ велѣно государствомъ или посредствомъ приказа: „дѣлай указанное дѣйствіе“, или посредствомъ запрета: „не дѣлай указаннаго дѣйствія“. Въ случаѣ же неповиновенія, государство повелѣваетъ или, по крайней мѣрѣ, позволяетъ подвергать ослушника установленнымъ государственнымъ или частнымъ мѣрамъ внѣшняго принужденія.

Потребность человѣка въ правовомъ порядкѣ не принадлежитъ ни къ числу прирожденныхъ, ни къ числу первичныхъ. Она не встрѣчается у дикарей, стоящихъ на крайне низкомъ уровнѣ духовнаго развитія.

Это — потребность, въ свою очередь, производная. Она вырабатывается въ человѣкѣ лишь тогда, когда его духовное развитіе поднимется до нѣкотораго уровня. Она не передается отъ предковъ потомкамъ путемъ наслѣдственности: никто не родится съ готовой потребностью правового порядка, но, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, благодаря наслѣдственности, потомки становятся все болѣе и болѣе способными какъ къ достиженію и усовершенствованію необходимаго духовнаго развитія вообще, такъ и къ усвоенію и развитію этой потребности въ частности.

Потребность правового порядка не зарождается сама собою въ человѣкѣ, способномъ къ ней по своему духовному развитію. Она вырабатывается достаточно развитыми для нея духовными способностями человѣка подъ могучими ударами условій жизни и другихъ насущныхъ потребностей.

Каждая изъ нихъ энергично требуетъ удовлетворенія, требуетъ тѣмъ, что, соотвѣтственно своему напряженію, причиняетъ страданія своему обладателю до тѣхъ поръ, пока не будетъ удовлетворена. Съ удовлетвореніемъ же ея, страданіе прекращается и замѣняется благосостояніемъ въ соотвѣтствующемъ отношеніи.

Условія жизни почти постоянно воздвигаютъ препятствія къ удовлетворенію потребностей, никогда не искоренимыя разъ навсегда во всей ихъ совокупности, но болѣе или менѣе преодолимыя во множествѣ случаевъ путемъ борьбы, производимой союзами людей.

Духовныя же способности человѣка, достаточно развившись, даютъ ему возможность хотя бы смутно почувствовать двѣ неразрывно связанныя потребности: 1) потребность объединенія съ другими людьми въ независимый, прочный, сильный союзъ, способный обезпечить своимъ членамъ возможность удовлетворенія ихъ важнѣйшихъ потребностей, и 2) потребность въ томъ, чтобы этотъ союзъ установилъ своей волей и поддержалъ своей силой такой порядокъ внѣшнихъ

отношеній между людьми, который обезпечилъ бы членамъ союза возможность удовлетворенія ихъ важнѣйшихъ потребностей. А эти двѣ потребности представляютъ собой не что иное, какъ потребность государственнаго объединенія и потребность правового порядка.

Онѣ и возникаютъ у людей, благодаря постоянному, энергичному, совокупному дѣйствію условій жизни и другихъ настоятельныхъ потребностей, когда духовныя способности этихъ лицъ пріобрѣтутъ развитіе выше первоначальныхъ самыхъ низкихъ ступеней.

Первоначально, потребность правового порядка, наравнѣ съ потребностью государственнаго объединенія, вырабатывается крайне туго и медленно. Но, съ теченіемъ времени, при благопріятной наслѣдственности и воспитательномъ вліяніи человѣческой среды, уже проникнутой правовымъ порядкомъ и привычкой къ нему, процессъ развитія правовой потребности въ отдѣльныхъ людяхъ все болѣе и болѣе облегчается и ускоряется.

Она глубоко укореняется въ людяхъ и сильно чувствуется ея обладателями, хотя нерѣдко большинство изъ нихъ смутно сознаетъ ее и даже иногда не можетъ выразить ее словами. Ее вызываетъ и настойчиво поддерживаетъ, а съ удовлетвореніемъ ея удовлетворяется до нѣкоторой степени та жгучая жажда благосостоянія, которой вѣчно горитъ человѣкъ. Оттого-то потребность правового порядка, разъ укоренившись въ человѣческой средѣ, отличается замѣчательной прочностью, живучестью и распространенностью.

Громадное большинство людей живо чувствуетъ правовую потребность, твердо стоитъ за правовой порядокъ вообще и борется противъ его нарушеній, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ представляется въ ихъ глазахъ не соотвѣтствующимъ своему назначенію въ жизни. Только въ кругу меньшинства встрѣчаются такіе люди, одни изъ которыхъ, какъ напр., идіоты и нѣкоторые закоренѣлые преступники, вовсе не имѣютъ правовой потребности; между тѣмъ какъ у другихъ она есть, но, благодаря стеченію обстоятельствъ, такъ подавлена въ отдѣльныхъ случаяхъ другими потребностями, что эти лица уже не стоятъ здѣсь за правовой порядокъ, но борятся противъ него, въ пользу его нарушенія.

Народы, доросшіе до правовой потребности и правовой жизни, уже не разстаются съ ними.

Какъ въ первоначальныя, такъ и въ позднѣйшія времена своего существованія правовой порядокъ постоянно стоитъ въ тѣсной связи съ государствомъ, съ условіями жизни и съ матерьяльными и духовными потребностями гражданъ. Онъ составляетъ великое произведеніе

государства въ отвѣтъ на живую, прочную, могучую правовую потребность громаднаго большинства гражданъ. Въ удовлетвореніе ея, государство, по мѣрѣ пониманія, возможности и надобности, сообразно наличнымъ условіямъ жизни и потребностямъ своихъ членовъ, установляетъ своей волей и поддерживаетъ своей силой избранный имъ правовой порядокъ.

Если бы ни условія жизни, ни потребности никогда не измѣнялись; то разъ цѣлесообразно устроенный правовой порядокъ всегда достаточно соотвѣтствовалъ бы имъ, никакой потребности въ видоизмѣненіи его никогда не являлось бы въ средѣ гражданъ, и онъ оставался бы неизмѣннымъ. Но полной неизменности нѣтъ ни въ условіяхъ жизни, ни въ потребностяхъ гражданъ. Напротивъ, съ теченіемъ времени, то въ той, то въ другой области, то въ обѣихъ происходятъ перемѣны. Благодаря перемѣнамъ, нерѣдко нарушается въ значительной степени соотвѣтствіе дѣйствующаго правового порядка съ наличными условіями жизни и потребностями. Значительное нарушеніе соотвѣтствія вызываетъ недовольство въ гражданахъ и порождаетъ потребность въ видоизмѣненіи дѣйствующаго правового порядка, сообразно наступившимъ перемѣнамъ. А эта новая потребность, достигнувъ значительной силы, въ свою очередь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, приводитъ государство къ удовлетворенію ея и соотвѣтствующему видоизмѣненію правового порядка.

Такъ, первоначально, пока удовлетвореніе потребностей гражданъ еще не стало въ сильную зависимость отъ иностранцевъ, пока, по отсутствію этой зависимости, еще не выработалось въ средѣ гражданъ ни потребности покровительства иностранцамъ, ни сознанія полезности его для самихъ гражданъ; до тѣхъ поръ правовой порядокъ государства отличается односторонностью, узкостью. Онъ обезпечиваетъ возможность удовлетворенія потребностей только гражданамъ, нисколько не заботясь объ иностранцахъ. Иностранецъ считается по праву или врагомъ, подлежащимъ истребленію, или, по крайней мѣрѣ, безправнымъ человѣкомъ, предоставленнымъ на произволъ гражданъ. Но когда у гражданъ явилась надобность въ иностранцахъ, когда подъ ея вліяніемъ выработалась потребность покровительства чужеземцамъ и сознаніе его полезности, а тѣмъ болѣе необходимости; тогда правовая потребность гражданъ въ свою очередь расширяется. Она требуетъ обезпеченія возможности удовлетворенія потребностей уже не только для самихъ гражданъ, но, ради нихъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, и для иностранцевъ. Тогда государство измѣняетъ прежній правовой порядокъ въ новомъ направленіи. Прежняя одно-

сторонность устраняется, и видоизмѣненный правовой порядокъ обезпечиваетъ возможность удовлетворенія потребностей уже не только однимъ гражданамъ этого государства, но, ради нихъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, и иностранцамъ.

Въ свою очередь, первоначально, правовая потребность требуетъ обезпеченія возможности удовлетворенія лишь для важнѣйшихъ потребностей, а потомъ, съ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ, — и для важныхъ, и даже для маловажныхъ. Соотвѣтственно этому происходятъ перемѣны и въ правовомъ порядкѣ. Первоначально, онъ обезпечиваетъ возможность удовлетворенія лишь важнѣйшимъ потребностямъ, а впослѣдствіи распространяетъ свою защиту на важныя и даже маловажныя.

Установленіе, своевременное видоизмѣненіе и надлежащее поддержаніе правового порядка, соотвѣтственно условіямъ жизни и потребностямъ гражданъ, составляетъ постоянный, прямой и чрезвычайно важный долгъ государства относительно гражданъ. Исполняя его доброкачественно, государство выполняетъ надлежащимъ образомъ одну изъ важнѣшихъ задачъ своего основного, исконнаго назначенія въ жизни.

Основное назначеніе государства состоитъ въ томъ, чтобы обезпечивать возможность удовлетворенія потребностей своему народу. Доброкачественнымъ же исполненіемъ своего долга относительно гражданъ въ правовомъ отношеніи государство дѣйствительно, сильно обезпечиваетъ возможность удовлетворенія матерьяльныхъ и духовныхъ потребностей своему народу.

Такимъ исполненіемъ своего долга государство пріобрѣтаетъ себѣ довѣріе, уваженіе и любовь своихъ гражданъ и упрочиваетъ свое существованіе крѣпчайшими внутренними связями, а внутренняя прочность государства служитъ первымъ надежнымъ условіемъ благосостоянія, долговѣчности, силы и славы народа и государства.

Напротивъ, исполняя плохо свой долгъ относительно гражданъ въ правовомъ отношеніи, государство не только дурно выполняетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ своей жизни, не только не обезпечиваетъ возможности удовлетворенія потребностей своему народу въ надлежащей мѣрѣ, но само расшатываетъ довѣріе, уваженіе и любовь своихъ гражданъ, само возбуждаетъ недовольство своего народа и своими собственными руками разрушаетъ свою силу и крѣпость.

§ 2. Культурное государство и высшій руководящій принципъ его общественной дѣятельности — поддержаніе и возможно

большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, матерьяльнаго и духовнаго.

Культурное государство есть соединеніе культурнаго народа въ одно самостоятельное, независимое цѣлое подъ одной верховной властью.

Каждый культурный народъ стремится, по мѣрѣ пониманія, силъ и возможности, къ удовлетворенію всѣхъ своихъ потребностей, какъ матерьяльныхъ, такъ и духовныхъ. Эти потребности — весьма многочисленны и разнообразны, а очень многія изъ нихъ — способны къ дальнѣйшему широкому развитію. При благопріятныхъ же обстоятельствахъ, каждый культурный народъ стремится къ расширенію, увеличенію и усовершенствованію своихъ потребностей и въ то же время къ увеличенію и улучшенію средствъ ихъ удовлетворенія. Это — неоспоримые выводы изъ наблюденій надъ жизнью культурныхъ народовъ.

Опираясь на эти выводы и принимая въ соображеніе, что удовлетвореніе потребности доставляетъ благосостояніе въ соотвѣтствующемъ отношеніи, мы имѣемъ полное основаніе признать, что каждый культурный народъ стремится, по мѣрѣ пониманія, силъ и возможности, къ увеличенію своего всесторонняго благосостоянія, матерьяльнаго и духовнаго, а, гдѣ увеличеніе не возможно, тамъ, по крайней мѣрѣ, — къ поддержанію своего благосостоянія на достигнутой высотѣ. Въ этомъ стремленіи ярко выражается самая высшая изъ дѣйствительныхъ цѣлей жизни культурнаго народа, доступныхъ наблюденію.

Будучи соединеніемъ культурнаго народа въ одно самостоятельное цѣлое подъ одной верховной властью, культурное государство весьма дорожитъ народнымъ благосостояніемъ т. е. благосостояніемъ всего своего народа, какъ одного цѣлаго, воплощающагося въ государствѣ.

Между культурнымъ государствомъ и его подданными обыкновенно существуетъ крѣпкая, тѣсная связь. Она почерпаетъ свою силу и прочность въ потребностяхъ и условіяхъ жизни подданныхъ, въ устройствѣ, назначеніи и дѣятельности государства, въ соотвѣтствіи этого устройства, назначенія и дѣятельности потребностямъ и условіямъ жизни подданныхъ и въ дѣйствительной способности государства къ доставленію благосостоянія своему народу, своимъ подданнымъ. Эта живая связь составляетъ основу внутренней прочности и силы культурнаго государства. Эта связь есть взаимная преданность между культурнымъ государствомъ и его гражданами, преданность подданныхъ своему отечеству и преданность отечества своему народу подъ знаменемъ

наибольшаго народнаго благосостоянія. Чѣмъ больше любятъ и уважаютъ подданные свое отечество, чѣмъ больше вѣрятъ въ его неизмѣнную преданность интересамъ ихъ благосостоянія; тѣмъ больше проникнуты подданные преданностью отечеству, тѣмъ больше они жертвуютъ собой и своими средствами на благо своего народа и отечества, тѣмъ лучше ихъ народу и отечеству. Чѣмъ больше государство дорожитъ своими подданными, чѣмъ больше заботится о поддержаніи и увеличеніи благосостоянія своего народа; тѣмъ больше преданность государства своему народу, тѣмъ больше внушаетъ оно къ себѣ любви, уваженія и довѣрія своимъ подданнымъ, тѣмъ больше увеличиваетъ и упрочиваетъ преданность своихъ подданныхъ, тѣмъ лучше и самому государству, и его народу.

Такимъ образомъ, уже въ наши времена культурное государство признаетъ поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія самымъ главнымъ изъ тѣхъ принциповъ, которыми должно руководиться государство во всей своей общественной дѣятельности т. е. какъ въ дѣятельности внутренней, направленной на само государство, его территорію и народонаселеніе: законодательной, правительственной и судебной, такъ и въ дѣятельности внѣшней, международной.

Но этого мало. Съ повышеніемъ прогресса, всестороннее народное благосостояніе все болѣе и болѣе стремится подчинить себѣ всѣ другіе принципы и стать единственнымъ руководителемъ государства во всей его общественной дѣятельности, и внутренней, и внѣшней. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше обнаруживается правдивость принципа, что для культурнаго государства точно также, какъ и для каждаго его истиннаго гражданина благосостояніе всего народа, какъ одного цѣлаго, воплощающагося въ государствѣ, должно быть гораздо дороже благосостоянія отдѣльныхъ лицъ, благосостоянія отдѣльныхъ классовъ или сословій и благосостоянія другихъ государствъ или народовъ.

При такомъ положеніи вещей, становится ясно, что, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности.

§ 3. Уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова. Правовой порядокъ или право имѣетъ нѣсколько различныхъ предметовъ

вѣдомства и, соотвѣтственно имъ, раздѣляется на нѣсколько различныхъ отраслей. Одна изъ нихъ называется уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, другая — гражданскимъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, третья — государственнымъ правомъ, четвертая — полицейскимъ правомъ или, точнѣе, административнымъ правомъ т. е. правомъ внутренняго государственнаго управленія, пятая — финансовымъ правомъ, шестая — дисциплинарнымъ и. т. д.

Уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова есть совокупность правилъ права, опредѣляющихъ правомѣрную борьбу государства и частныхъ лицъ противъ уголовныхъ правонарушителей и уголовныхъ правонарушеній или, короче сказать, противъ преступленій и преступниковъ.

Правонарушеніе есть несоблюденіе правилъ дѣйствующаго правового порядка въ надлежащемъ случаѣ субъектомъ, обязаннымъ къ соблюденію, или, иначе сказать, неисполненіе своей правовой обязанности субъектомъ въ надлежащемъ случаѣ [1]).

Правонарушенія раздѣляются на нѣсколько особыхъ разрядовъ. Правонарушенія одного разряда называются уголовными, какъ напр., убійство, кража; правонарушенія другого разряда носятъ названіе гражданскихъ, какъ напр., неуплата долга кредитору по наступленіи срока расплаты; правонарушенія третьяго разряда извѣстны подъ именемъ финансовыхъ, какъ напр., неуплата подати по наступленіи срока; правонарушенія четвертаго разряда носятъ названіе дисциплинарныхъ, какъ напр., явка солдата на смотръ въ не вычищенномъ мундирѣ и т. д.

Уголовныя правонарушенія называются также преступными правонарушеніями, преступными или уголовными посягательствами, а очень часто — преступленіями и проступками или, просто, преступленіями.

Какія правонарушенія являются уголовными или преступными въ данное время въ данномъ государствѣ, это опредѣлить не трудно. Признавая существованіе не только уголовныхъ правонарушеній, но и неуголовныхъ, государство, при посредствѣ своего органа верховной власти и уполномоченныхъ послѣдняго, само опредѣляетъ тѣмъ или инымъ путемъ, какія правонарушенія оно признаетъ въ данное время уголовными и какія — неуголовными. Только эта классификація и имѣетъ обязательную правовую силу въ данное время въ данномъ государствѣ. Только этой классификаціей и необходимо руководствоваться, при рѣшеніи вопроса, какія правонарушенія составляютъ преступленія, по дѣйствующему праву даннаго государства. Въ данное

---

1) П. П. Пусторослевъ — понятіе о преступленіи. с. 169—173. — П. П. Пусторослевъ — Анализъ понятія о преступленіи. с. 90—92.

время въ данномъ государствѣ преступны только тѣ правонарушенія, которыя признаны въ это время преступными со стороны этого государства.

Что же касается вопроса, почему государство признаетъ одни правонарушенія уголовными, а другія — неуголовными, то этотъ вопросъ — оченъ сложенъ. Мы займемся имъ впослѣдствіи. А теперь я ограничусь однимъ замѣчаніемъ. По моему мнѣнію, правильнѣе думать, что государство признаетъ преступленіемъ лишь такое правонарушеніе, въ которомъ видитъ особенно дурное дѣло, обязанное своимъ происхожденіемъ особому психическому, духовному состоянію учинителя, особенно недоброкачественному и особенно предосудительному, или, короче сказать, состоянію преступности. Съ этой точки зрѣнія, преступленіе есть такое правонарушеніе, которое признано преступнымъ со стороны государства, какъ внѣшнее проявленіе внутренняго состоянія преступности правонарушителя.

Правонарушителемъ называется учинитель правонарушенія.

Учинитель уголовнаго правонарушенія или преступленія называется уголовнымъ правонарушителемъ или преступникомъ.

Правомѣрная борьба государства и частныхъ лицъ противъ правонарушителей и правонарушеній производится различными внѣшними средствами, а главнымъ образомъ — различными средствами внѣшняго принужденія. Самымъ сильнымъ изъ этихъ средствъ принужденія и притомъ наиболѣе чувствительнымъ для правонарушителей является наказаніе.

Правомѣрное наказаніе есть особое внѣшнее средство принужденія, учрежденное государствомъ для примѣненія къ учинителямъ правонарушеній нѣкоторыхъ разрядовъ, въ качествѣ правового послѣдствія, налагаемаго на учинителя за учиненіе правонарушенія и при томъ учрежденное съ цѣлью обузданія правонарушителей.

Въ правомѣрной борьбѣ государства и частныхъ лицъ противъ уголовныхъ правонарушителей и уголовныхъ правонарушеній наказаніе играетъ самую выдающуюся роль.

§ 4. Подраздѣленіе уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова на двѣ и на четыре вѣтви.

По господствующему мнѣнію ученыхъ, уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна изъ нихъ извѣстна подъ именемъ уголовнаго права, а другая — уголовно-судебнаго.

Уголовное право опредѣляетъ въ общемъ видѣ содержаніе уголовныхъ правонарушеній и установленныхъ за нихъ наказаній въ государствѣ.

Уголовно-судебное право опредѣляетъ въ общемъ видѣ систему органовъ и ихъ дѣятельности по отправленію уголовнаго правосудія въ государствѣ.

Это общепринятое подраздѣленіе нельзя признать удовлетворительнымъ, въ виду нѣсколькихъ недостатковъ [1]).

Первый недостатокъ этого подраздѣленія состоитъ въ томъ, что оно не имѣетъ исчерпывающаго характера, такъ какъ содержаніе уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова гораздо больше суммы содержаній уголовнаго права и уголовно-судебнаго. Въ доказательство достаточно указать на то, что уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова не ограничивается опредѣленіемъ уголовныхъ правонарушеній и наказаній, уголовнаго судоустройства и судопроизводства, но опредѣляетъ, сверхъ того, въ общемъ видѣ, кому, при какихъ условіяхъ и какими способами надлежитъ приводить въ исполненіе правомѣрные оправдательные, освободительные и наказательные приговоры и опредѣленія, а также правомѣрныя распоряженія о принудительныхъ мѣрахъ по уголовнымъ дѣламъ, напр., приговоры уголовныхъ судовъ о смертной казни, ссылкѣ или тюремномъ заключеніи осужденнаго преступника, опредѣленія уголовныхъ судовъ о взысканіи штрафовъ за неявку съ экспертовъ, свидѣтелей, присяжныхъ, или распоряженія судебныхъ слѣдователей о содержаніи обвиняемыхъ подъ стражею въ предупрежденіе уклоненія отъ суда. Уже отсюда становится ясно, что уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова не раздѣляется только на двѣ вѣтви, извѣстныя подъ именемъ уголовнаго права и уголовно-судебнаго, но имѣетъ и еще особую вѣтвь,

---

1) П. П. Пусторослевъ — Подсудность арестантовъ и арестантокъ за уголовныя правонарушенія, учиненныя во время пребыванія въ заключеніи. Москва. 1889. с. 3—10. — P. Poustoroslew — D'après quels principes devrait être faite la délimitation de la juridiction des tribunaux, du pouvoir disciplinaire pour les délits de droit commun commis par les détenus durant leur incarcération? Quels délits de ce genre devraient être jugés par les tribunaux et lesquels pourraient être punis par voie disciplinaire? IV-e Congrès Pénitentiaire International de Saint-Pétersbourg (1890). Travaux préparatoires. Saint-Pétersbourg. 1890. Rapport. p. 3—7. — P. Poustoroslew — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Quels sont les principes à suivre en déterminant les limites de la compétence de la justice criminelle quant à la poursuite de délits commis à l'étranger ou en coopération avec des individus, nationaux ou étrangers, résidant à l'étranger? Actes du Congrès Pénitentiaire International de Bruxelles août 1900. Rapports sur les questions du programme de la Section de la législation pénale. Bruxelles et Berne. 1901. Volume II. p. 324—326. Этотъ докладъ напечатанъ въ первый разъ въ Bulletin de la Commission Pénitentiaire internationale. Quatrième série. Livraison I — 1899. Bruxelles et Berne 1899.

достойную особаго имени и названную мною уголовно-исполнительнымъ правомъ.

Второй недостатокъ общепринятаго двухчленнаго подраздѣленія заключается въ томъ, что оно нарушаетъ принципъ единства, при раздѣленіи права на отрасли, по предметамъ вѣдомства, и отграниченіи уголовнаго права отъ другихъ отраслей права, а въ особенности отъ полицейскаго или, точнѣе, отъ административнаго права.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ уголовное, такъ и уголовно-судебное право представляютъ собой не что иное, какъ различные отдѣлы права, каждый изъ которыхъ установляетъ въ своей области особую своеобразную систему правомѣрной борьбы противъ уголовныхъ правонарушителей и правонарушеній.

Уголовно-исполнительное право также является не чѣмъ инымъ, какъ особымъ отдѣломъ права, установляющимъ въ своей области нѣкоторую систему правомѣрной борьбы противъ уголовныхъ правонарушителей и правонарушеній. Эта система, хотя и имѣетъ много общаго съ двумя только что указанными системами, но отличается отъ нихъ и своими особенностями.

Наконецъ, существуетъ еще особый отдѣлъ права, посвященный предупрежденію и пресѣченію уголовныхъ правонарушеній и ихъ неправомѣрныхъ послѣдствій органами полиціи, извѣстный подъ именемъ полиціи предупрежденія и пресѣченія преступленій или подъ именемъ полиціи безопасности. Онъ установляетъ въ своей области особую своеобразную систему правомѣрной борьбы со стороны органовъ полиціи противъ уголовныхъ правонарушителей и правонарушеній. А эта система восполняетъ собою систему правомѣрной борьбы производимой частными лицами съ цѣлью устраненія будущихъ или прекращенія происходящихъ уголовныхъ правонарушеній и ихъ неправомѣрныхъ послѣдствій, выгодныхъ правонарушителю.

При раздѣленіи права на отрасли, по предметамъ вѣдомства, принципъ единства требуетъ, чтобы правонарушенія одного и того же разряда и устроеніе правомѣрной борьбы противъ нихъ были относимы къ одной и той же отрасли права.

Отсюда становится ясно, что и въ данномъ случаѣ, въ силу принципа единства, уголовныя правонарушенія и устроеніе правомѣрной борьбы противъ нихъ должны быть отнесены къ одной и той же отрасли права и при томъ именно къ той, которая извѣстна подъ именемъ уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова. А между тѣмъ господствующее мнѣніе, правильно относя какъ уголовное, такъ и уголовно-судебное право къ области уголовнаго права въ обшир-

номъ смыслѣ слова, умалчиваетъ объ уголовно-исполнительномъ правѣ и относитъ особый отдѣлъ права, посвященный предупрежденію и пресѣченію уголовныхъ правонарушеній и ихъ неправомѣрныхъ послѣдствій органами полиціи, къ области полицейскаго или точнѣе, административнаго права, а не къ области уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова. При такомъ образѣ дѣйствій, принципъ единства, очевидно, нарушается и область полицейскаго или административнаго права расширяется въ ущербъ области уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова.

Наконецъ, третій недостатокъ общепринятаго двухчленнаго подраздѣленія состоитъ въ томъ, что оно, расширяя область полицейскаго или, точнѣе, административнаго права въ ущербъ области уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова, открываетъ широкую возможность нарушенія интересовъ народнаго благосостоянія. А между тѣмъ, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности.

Такъ, въ интересахъ наибольшаго народнаго благосостоянія необходимо, чтобы борьба за господство права противъ уголовныхъ правонарушителей и правонарушеній въ государствѣ была устроена и осуществляема, сообразно принципу наибольшаго народнаго благосостоянія. Для достиженія же этого соотвѣтствія, въ свою очередь, необходимо, чтобы строй и осуществленіе этой борьбы были проникнуты принципами единства, цѣлесообразности, основательности и правомѣрности. А между тѣмъ съ отнесеніемъ предупрежденія и пресѣченія преступленій и ихъ неправомѣрныхъ послѣдствій, производимаго органами полиціи, къ области полицейскаго или административнаго права, а не къ области уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова принципъ единства въ устройствѣ и осуществленіи борьбы противъ преступленій и преступниковъ, несомнѣнно, нарушается. При этомъ примѣненіе принудительныхъ мѣръ органами полиціи по предупрежденію и пресѣченію преступленій и ихъ неправомѣрныхъ послѣдствій не можетъ быть поставлено подъ надежный контроль со стороны чиновъ судебнаго вѣдомства; дисциплинарная отвѣтственность органовъ полиціи за неосновательное и неправомѣрное примѣненіе или непримѣненіе этихъ принудительныхъ мѣръ не можетъ быть обезпечена надежнымъ образомъ, и даже къ установленію правомѣрной, энергичной и быстрой, уголовной и гражданской отвѣтственности органовъ полиціи за неосно-

вательное и неправомѣрное примѣненіе или непримѣненіе этихъ мѣръ встрѣчаются большія препятствія. Полиція же, вооруженная энергичными принудительными мѣрами по предупрежденію и пресѣченію преступленій и ихъ неправомѣрныхъ послѣдствій, но не обставленная надежными обезпеченіями въ пользу цѣлесообразнаго, основательнаго и правомѣрнаго употребленія этихъ мѣръ, можетъ принести много вреда не только благосостоянію отдѣльныхъ лицъ, но и благосостоянію народа.

Принимая во вниманіе принципы единства, цѣлесообразности, основательности и правомѣрности и руководствуясь принципомъ наибольшаго народнаго благосостоянія, мы должны признать, что отдѣлъ права, посвященный предупрежденію и пресѣченію преступленій и ихъ неправомѣрныхъ послѣдствій, производимому органами полиціи, долженъ быть отнесенъ къ области не полицейскаго или административнаго права, но къ области уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова.

Этотъ отдѣлъ права, имѣя много общаго съ отдѣломъ, посвященнымъ устраненію и пресѣченію преступленій и ихъ неправомѣрныхъ послѣдствій, производимому частными лицами, составляетъ съ нимъ одно цѣлое, одну составную часть уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова. Эта составная часть, по принципу разницы, въ виду важныхъ отличій отъ другихъ составныхъ частей или вѣтвей уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова, должна быть признана, въ свою очередь, особою вѣтвью этого права. Эту вѣтвь можно назвать уголовно-охранительнымъ правомъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что общепринятое подраздѣленіе уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова на двѣ вѣтви: на уголовное право и уголовно-судебное является не удовлетворительнымъ.

Уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова представляетъ собой одно сложное цѣлое, состоящее изъ четырехъ вѣтвей или составныхъ частей, тѣсно связанныхъ между собою. Первой составной частью или вѣтвью уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова служитъ уголовно-опредѣлительное или, короче сказать, уголовное право, второй — уголовно-охранительное право, третьей — уголовно-судебное и четвертой — уголовно-исполнительное.

Уголовно-опредѣлительное или уголовное право опредѣляетъ въ общемъ видѣ содержаніе уголовныхъ правонарушеній и установленныхъ за нихъ наказаній въ государствѣ.

Уголовно-охранительное право опредѣляетъ въ общемъ видѣ, кому, при какихъ условіяхъ и какими способами надлежитъ устранять будущія и прекращать происходящія уголовныя правонарушенія и ихъ неправомѣрныя послѣдствія, выгодныя правонарушителю.

Уголовно-судебное право опредѣляетъ въ общемъ видѣ систему органовъ и ихъ дѣятельности по отправленію уголовнаго правосудія въ государствѣ или, иначе сказать, опредѣляетъ, каково должно быть отправленіе уголовнаго правосудія въ государствѣ и какимъ органамъ вручено производство этой дѣятельности.

Наконецъ, уголовно-исполнительное право опредѣляетъ въ общемъ видѣ, кому, при какихъ условіяхъ и какими способами надлежитъ приводить въ исполненіе правомѣрные оправдательные, освободительные и наказательные приговоры и опредѣленія, а также правомѣрныя распоряженія о принудительныхъ мѣрахъ по уголовнымъ дѣламъ [1]).

---

1) Черезъ семь лѣтъ послѣ моихъ первыхъ указаній на необходимость подраздѣленія уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова на четыре вѣтви: на уголовное или, точнѣе, уголовно-опредѣлительное право, уголовно-охранительное право, уголовно-судебное право и уголовно-исполнительное право (Пусторослевъ — Подсудность арестантовъ и арестантокъ. 1889. с. 3—10. — Poustoroslew — D'après quels principes devrait être faite la délimitation de la juridiction des tribunaux, du pouvoir disciplinaire pour les délits de droit commun commis par les détenus durant leur incarcération? Quels delits etc. Congrès Pénit. Intern. de St. Pétersbourg. Travaux préparatoires. I-ère Section. 8-ème question. Saint-Pétersbourg. 1890. p. 3—7.), австрійскій профессоръ Ю. Варга, въ свою очередь, пришелъ къ заключенію, что кромѣ такъ называемаго матерьяльнаго уголовнаго права (или уголовнаго права въ тѣсномъ смыслѣ слова) и такъ называемаго формальнаго уголовнаго права (или уголовнаго процесса) существуютъ еще предупредительное уголовное право или уголовно-полицейское право и уголовно-исполнительное право.

Такъ по мнѣнію Ю. Варги (Julius Vargha — Die Abschaffung der Strafknechtschaft. I. Theil. Graz. 1896. II. Die naturwissenschaftliche Methode der Kriminologie. S. 173—195.), криминологія (die Krimonologie) есть ученіе о существѣ, формахъ и факторахъ преступленія, а также о законахъ природы, которые обусловливаютъ и опредѣляютъ причины и послѣдствія преступленія (S. 173.).

Криминологія (die Kriminologie) распадается на три главныя части (S. 173.): первою служитъ уголовная антропологія (die Kriminal-Antropologie), второю — уголовное право (das Kriminalrecht) и третьею — уголовная политика (die Kriminal-Politik).

Уголовная антропологія есть наука, стремящаяся понять преступность, какъ форму проявленія дѣятельности индивидовъ и соціальныхъ группъ, вытекающую съ естественной необходимостью изъ законовъ, господствующихъ надъ природой человѣка (S. 173.).

Уголовная антропологія подраздѣляется на антропо-біологію (die Antropo-Biologie) и антропо-соціологію (die Antropo-Sociologie). Антропо-біологія изучаетъ преступленіе, какъ біологическое проявленіе человѣческаго организма (S. 173.), а антропо-соціологія или уголовная соціологія (die Kriminal-Sociologie) изучаетъ преступленіе, какъ соціальное явленіе (S. 173—174.).

Вторую часть криминологіи составляетъ уголовное право (das Kriminalrecht. S. 173.) или, точнѣе, наука уголовнаго права, т. е. наука о государственныхъ правоохранительныхъ средствахъ противъ преступности (S. 186.).

Уголовное право имѣетъ двѣ вѣтви.

§ 5. Уголовное право и его подраздѣленіе на двѣ части: общую и особенную.

Уголовное право учреждено государствомъ при посредствѣ государственной верховной власти.

Уголовное право каждаго государства представляетъ не что иное, какъ совокупность правилъ права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ содержаніе уголовныхъ правонарушеній и установленныхъ за нихъ наказаній въ государствѣ. Тѣмъ не менѣе, уголовное право, учрежденное государствомъ культурнаго народа, гораздо совершеннѣе уголовнаго права, учрежденнаго государствомъ полукультурнаго народа, а тѣмъ болѣе варварскаго и тѣмъ болѣе дикаго.

Уголовное право, учрежденное государствомъ полукультурнаго, или варварскаго, или дикаго народа, есть совокупность правилъ права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ, какія правонарушенія преступны и какими наказаніями они обложены въ данномъ государствѣ.

Уголовное же право каждаго культурнаго государства, напр., Россійской Имперіи, Французской Республики, Итальянскаго Королевства, Германской Имперіи, представляетъ не что иное, какъ совокупность

Первую вѣтвь уголовнаго права представляетъ предупредительное уголовное право или уголовно-полицейское право (das präventive Kriminalrecht, oder Kriminal-Polizei-Recht. S. 190.). Оно обнимаетъ правила о предупредительныхъ мѣрахъ правовой охраны, направленныхъ къ предотвращенію уголовнаго правонарушенія.

Вторую же вѣтвь уголовнаго права составляетъ обуздательное уголовное право или право накаванія (das repressive Kriminalrecht oder Strafrecht. S. 190; 192.). Оно обнимаетъ правила о мѣрахъ правовой охраны, направленныхъ къ подавленію и заглаженію уже происшедшаго уголовнаго правонарушенія.

Обуздательное уголовное право подраздѣляется на три части.

Первою изъ нихъ служитъ матерьяльное уголовное право или уголовное право въ тѣсномъ смыслѣ слова (das sog. materielle Strafrecht oder Strafrecht im engeren Sinne. S. 192—193.), посвященное ученію о преступныхъ проявленіяхъ воли, о законныхъ составахъ преступленій и наказательныхъ средствахъ; второю — такъ называемое формальное уголовное право или уголовный процессъ (das sog. formelle Strafrecht oder der Srtafprocess. S. 192—193.) т. е. ученіе о тѣхъ законныхъ формахъ процесса, съ соблюденіемъ которыхъ преступныя проявленія воли должны быть констатируемы властью и привлекаемы къ наказанію, и третьею — уголовно-исполнительное право (das Strafvollzugsrecht. S. 192—193.) т. е. ученіе о законныхъ способахъ приведенія наказаній, присужденныхъ судомъ, въ исполненіе надъ изобличеннымъ преступникомъ.

Наконецъ, третья часть криминологіи, уголовная политика (die Kriminal-Politik. S. 173; 193—194.) представляетъ собой отрасль государственнаго искусства, имѣющую своей задачей изысканіе и осуществленіе мѣропріятій, направленныхъ къ цѣлесообразному полезному подавленію преступности, соотвѣтствующему современнымъ потребностямъ.

правилъ права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ, что такое уголовное правонарушеніе или преступленіе, что такое наказаніе, какія правонарушенія преступны и какими наказаніями они обложены въ данномъ государствѣ [1]).

Изъ всѣхъ правонарушеній подвѣдомственны уголовному праву только одни уголовныя или преступныя. Всѣ же прочія правонарушенія, напр., гражданскія, финансовыя, дисциплинарныя и т. д., лежатъ за предѣлами уголовнаго права.

Точно также изъ всѣхъ наказаній, учрежденныхъ правомъ, вѣдѣнію уголовнаго права подлежатъ только тѣ, которыя составляютъ правовое послѣдствіе уголовныхъ правонарушеній. Всѣ же прочія наказанія чужды уголовному праву. Оно не опредѣляетъ, напр., ни дисциплинарныхъ наказаній, установленныхъ за дисциплинарныя правонарушенія, ни гражданскихъ наказаній, установленныхъ гражданскимъ правомъ за нѣкоторыя изъ гражданскихъ правонарушеній.

Право наложенія дисциплинарныхъ наказаній за дисциплинарныя правонарушенія принадлежитъ, напр., родителямъ относительно дѣтей, воспитателямъ относительно воспитываемыхъ, учащимъ относительно учащихся, начальству относительно подчиненныхъ и т. д.

Примѣрами гражданскихъ наказаній за нѣкоторыя изъ гражданскихъ правонарушеній могутъ служить: 1) утрата задатка покупателемъ въ пользу продавца, въ случаѣ отказа покупателя, безъ уважительной причины, отъ совершенія купчей крѣпости или запродажной записи, обезпеченнаго внесеніемъ задатка и задаточной распиской (Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Томъ X. Часть I. Сводъ Законовъ Гражданскихъ. Изданіе 1900 г. ст. 1688.); 2) уплата задатка въ двойномъ количествѣ продавцомъ въ пользу покупателя, въ случаѣ отказа продавца, безъ уважительной причины, отъ совершенія купчей крѣпости или запродажной записи, обезпеченнаго внесеніемъ задатка и задаточной распиской (Св. Зак. Т. X. Ч. I. ст. 1688.); 3) уплата законной неустойки должникомъ кредитору въ размѣрѣ 3 % со всего не уплоченнаго капитала, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ по заемному обязательству, не обезпеченному залогомъ недвижимаго имущества (Св. Зак. Т. X. Ч. I. ст. 1575.), и 4) уплата договорной неустойки контрагентомъ за неисполненіе принятаго на себя обязательства въ установленный срокъ (Св. Зак. Т. X. Ч. I. ст. 1583; 1585.).

---

1) Напр. 1-я статья „уголовнаго уложенія“ Россійской Имперіи 1903 года говоритъ: „Преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ подъ страхомъ наказанія“.

Уголовное право каждаго культурнаго государства можетъ быть раздѣлено, по содержанію, на двѣ части: общую и особенную.

Общей частью уголовнаго права, учрежденнаго даннымъ государствомъ, называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ общее понятіе уголовнаго правонарушенія или преступленія и общее понятіе наказанія, принятое въ этомъ правѣ.

Особенной же частью уголовнаго права, учрежденнаго даннымъ государствомъ, называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ, какія правонарушенія преступны и какими наказаніями они обложены въ данномъ государствѣ.

§ 6. Названія уголовнаго права.

Уголовное право носитъ различныя названія. Въ отличіе отъ „уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова“ уголовное право называется „уголовнымъ правомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова“.

Въ противоположность уголовно-судебному праву, называемому иногда „формальнымъ уголовнымъ правомъ“, уголовное право носитъ названіе „матерьяльнаго уголовнаго права“. Называя уголовно-судебное право формальнымъ, а уголовное — матерьяльнымъ уголовнымъ правомъ, стремятся выразить ту мысль, что уголовно-судебное право опредѣляетъ порядокъ и способъ примѣненія тѣхъ правовыхъ правилъ, которыя опредѣлены по содержанію уголовнымъ правомъ.

Если, говоря объ уголовномъ правѣ, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ уголовныя правонарушенія; то очень часто придаютъ этому праву такое названіе, въ которомъ выражается идея преступленія. Таковы, напр., названія: jus criminale, le droit criminel, il diritto criminale, das Criminalrecht, the criminal law.

Обращая же главное вниманіе на наказаніе, очень часто выражаютъ идею наказанія и въ самомъ названіи уголовнаго права. Отсюда названія: jus poenale, le droit pénal, il diritto penale, das Strafrecht.

Нашъ русскій терминъ „уголовное право“, взятый въ его современномъ общепринятомъ значеніи, отличается нейтральнымъ характеромъ, не выдвигаетъ впередъ ни идеи преступленія, ни идеи наказанія, но намекаетъ на обѣ.

Нѣмецкіе ученые употребляютъ терминъ: „das Strafrecht“ (карательное право) въ двоякомъ смыслѣ: 1) въ объективномъ и 2) въ субъективномъ. „Das Strafrecht im objectiven Sinne“ (карательное право въ объективномъ смыслѣ) означаетъ совокупность правилъ права, опредѣляющихъ содержаніе уголовныхъ правонарушеній и установленныхъ за нихъ наказаній. „Das Strafrecht im subjectiven Sinne“ (карательное

право въ субъективномъ смыслѣ) означаетъ право воспрещать правонарушенія подъ страхомъ наказанія и примѣнять наказанія къ учинителямъ правонарушеній, воспрещенныхъ подъ этой угрозой.

Слѣдуя примѣру нѣмецкихъ ученыхъ, многіе изъ русскихъ ученыхъ употребляютъ термины: „уголовное право въ объективномъ смыслѣ слова“ и „уголовное право въ субъективномъ смыслѣ слова“. Эта терминологія, по справедливому мнѣнію Н. С. Таганцева[1]), совершенно не нужна въ русской литературѣ. Нашъ терминъ „уголовное право“ выражаетъ какъ разъ то, что разумѣется подъ именемъ „уголовнаго права въ объективномъ смыслѣ слова“. Идея же, подразумѣваемая подъ названіемъ „уголовное право въ субъективномъ смыслѣ слова“ достаточно выражается терминомъ „право наказанія“ (jus puniendi).

§ 7. Энциклопедическое мѣсто уголовнаго права.

Уголовное право культурнаго народа принадлежитъ къ области публичнаго права (juris publici).

Убѣдиться въ этомъ весьма не трудно. Уголовныя правонарушенія часто причиняютъ вредъ благосостоянію отдѣльныхъ лицъ т. е. частному благосостоянію, но обыкновенно оказываютъ вредное вліяніе на народное благосостояніе. Культурное государство сильно дорожитъ народнымъ благосостояніемъ и при томъ тѣмъ болѣе, чѣмъ выше поднимается по пути прогресса. Уже во времена полуобразованности интересы народнаго благосостоянія постепенно пріобрѣтаютъ въ глазахъ государства большое значеніе во многихъ случаяхъ. Во времена же образованности народное благосостояніе становится главнымъ руководителемъ общественной дѣятельности государства и съ повышеніемъ прогресса стремится стать единственнымъ высшимъ руководителемъ государства. Глубоко дорожа народнымъ благосостояніемъ, культурное государство не можетъ предать его въ жертву преступленіямъ. Ради народнаго благосостоянія государство выступаетъ борцомъ и въ то же время руководителемъ борьбы противъ уголовныхъ правонарушеній. Дѣйствуя въ качествѣ руководителя и при томъ дѣйствуя, если и не подъ единственнымъ, то во всякомъ случаѣ подъ главнымъ руководствомъ интересовъ народнаго благосостоянія, культурное государство установляетъ правовыми правилами, какова можетъ или даже должна быть правомѣрная борьба общественныхъ и частныхъ лицъ противъ уголовныхъ правонарушителей и уголовныхъ правонару-

---

1) Н. С. Таганцевъ — Русское уголовное право. Лекціи. 2-е изданіе. Часть общая. С.-Петербургъ. 1902. Томъ I. с. 18. прим. 1.

шеній. Совокупность этихъ правилъ, несомнѣнно, составляетъ особое право, публичное по своему основному характеру. А это право и есть уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова. Но это право состоитъ изъ четырехъ составныхъ частей: первой служитъ уголовное право, второй — уголовно-охранительное, третьей — уголовно-судебное и четвертой — уголовно-исполнительное. Слѣдовательно, и каждая изъ этихъ четырехъ составныхъ частей должна принадлежать къ области публичнаго права.

§ 8. Наука уголовнаго права, ея методъ съ его наиболѣе употребительными видами и ея составъ: исторія уголовнаго права, догма уголовнаго права и уголовная политика.

Наука уголовнаго права есть систематическое ученіе объ основныхъ принципахъ уголовнаго права, его историческомъ развитіи, его современномъ состояніи, его отношеніи къ потребностямъ и условіямъ народной жизни и его усовершенствованіи.

Въ прежнія времена многіе ученые пользовались метафизическимъ методомъ или умозрительнымъ пріемомъ для разработки уголовнаго права. Этотъ пріемъ разработки уголовнаго права состоитъ въ томъ, что мыслитель, не обращая вниманія на уголовное право, существовавшее или существующее въ дѣйствительности, строитъ a priori съ помощью своихъ умозрѣній, необходимыя ему общія понятія, напр., понятія о преступленіи, о наказаніи, и выводитъ изъ такихъ понятій все свое ученіе объ изслѣдуемомъ предметѣ.

Ненаучность этого пріема не подлежитъ сомнѣнію. Онъ даетъ намъ не свѣдѣнія по уголовному праву, существовавшему или существующему въ дѣйствительности, а лишь фантазіи на тему объ уголовномъ правѣ. Тѣмъ не менѣе метафизическій методъ имѣлъ въ прошлыя времена большое примѣненіе.

Многіе ученые даже думали, что такимъ методомъ, на основаніи разума, можно построить систему уголовнаго права, годную для всѣхъ народовъ. Въ дѣйствительности же оказывается, что построить ее не возможно ни метафизическимъ методомъ, ни какимъ бы то ни было другимъ. Дѣло въ томъ, что система уголовнаго права можетъ быть удовлетворительна лишь тогда, когда она соотвѣтствуетъ потребностямъ и условіямъ жизни народа. А между тѣмъ и потребности, и условія жизни часто бываютъ болѣе или менѣе различны не только у разныхъ народовъ, но даже у одного и того же народа въ разныя времена его существованія.

Строго научнымъ пріемомъ изслѣдованія является позитивный

или положительный методъ. Онъ состоитъ въ томъ, что изслѣдователь изучаетъ дѣйствительность посредствомъ наблюденія и опыта и составляетъ о ней представленія и понятія, съ помощью индукціи и дедукціи, съ неуклоннымъ соблюденіемъ требованій логики.

Индукція или наведеніе есть тотъ способъ мышленія или тотъ мыслительный процессъ, посредствомъ котораго мы дѣлаемъ заключеніе отъ извѣстнаго частнаго къ неизвѣстному частному или общему. Дедукція же или выведеніе есть тотъ мыслительный процессъ, посредствомъ котораго мы дѣлаемъ заключеніе отъ извѣстнаго общаго къ неизвѣстному частному.

При такихъ условіяхъ положительный методъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки съ ея неизмѣннымъ стремленіемъ къ раскрытію истины.

Этотъ методъ въ его различныхъ видахъ служитъ единственнымъ строго научнымъ пріемомъ изслѣдованія и въ области уголовнаго права.

Позитивный методъ изслѣдованія имѣетъ въ области уголовнаго права нѣсколько видовъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое значеніе, но чаще употребляются четыре вида, которые обыкновенно также называются методами. Одинъ изъ этихъ видовъ позитивнаго метода называется догматическимъ методомъ, другой — историческимъ, третій — сравнительно-историческимъ, а четвертый можно назвать уголовно-политическимъ методомъ.

Догматическій методъ изслѣдованія въ области уголовнаго права состоитъ въ томъ, что изслѣдователь отвлекаетъ основныя начала или принципы отъ постановленій уголовнаго права, дѣйствительно существующаго въ данное время въ государствѣ даннаго народа, и, на основаніи этихъ отвлеченныхъ началъ, логически опредѣляетъ содержаніе и строй изслѣдуемаго уголовнаго права или изслѣдуемой части этого права.

Съ помощью догматическаго метода строится догма уголовнаго права.

Догмой уголовнаго права называется система правилъ, излагающая содержаніе уголовнаго права, построенная съ помощью отвлеченія основныхъ началъ или принциповъ отъ постановленій уголовнаго права, дѣйствительно существующаго въ данное время въ государствѣ даннаго народа. Короче сказать, догма уголовнаго права есть система положительнаго уголовнаго права въ ея научномъ построеніи. Положительнымъ уголовнымъ правомъ называется такое уголовное право, которое дѣйствительно существуетъ въ государствѣ какого-нибудь народа, а дѣйствуетъ ли оно на всей территоріи этого государства или только на какой-нибудь ея части, это — безразлично.

Есть догма русскаго уголовнаго права, догма французскаго уголовнаго права, догма уголовнаго права Германской Имперіи и. т. д. Можетъ быть догма нѣсколькихъ различныхъ уголовныхъ правъ, дѣйствующихъ въ нѣсколькихъ различныхъ частяхъ одного и того же государства. Можетъ быть догма нѣсколькихъ различныхъ уголовныхъ правъ, дѣйствующихъ въ нѣсколькихъ различныхъ государствахъ. Но догмы уголовнаго права, не принадлежащаго никакому государству, нѣтъ и быть не можетъ. Основанія — ясны. Во первыхъ, уголовнаго права, не принадлежащаго никакому государству или государствамъ, вовсе не существуетъ въ дѣйствительности. Во вторыхъ, догма строится посредствомъ догматическаго метода, а онъ требуетъ отвлеченія принциповъ отъ постановленій права, дѣйствительно существующаго въ данное время въ государствѣ какого-нибудь народа.

Догма уголовнаго права раздѣляется на двѣ части: общую и особенную.

Общая часть содержитъ въ себѣ систематическое ученіе объ источникахъ уголовнаго права, дѣйствующаго въ данное время въ государствѣ даннаго народа, а главнымъ образомъ — объ общемъ понятіи уголовнаго правонарушенія или преступленія и общемъ понятіи наказанія, принятомъ въ этомъ правѣ.

Общая часть догмы уголовнаго права раздѣляется на три отдѣла. Въ первомъ излагается ученіе объ источникахъ уголовнаго права, во второмъ — объ уголовномъ правонарушеніи вообще и въ третьемъ — о наказаніи за уголовное правонарушеніе вообще. Этотъ третій отдѣлъ называется иногда не совсѣмъ точно — пенологіей [1]).

Что же касается особенной части догмы уголовнаго права, то эта особенная часть заключаетъ въ себѣ систематическое ученіе о составѣ, подраздѣленіи и наказуемости уголовныхъ правонарушеній, предусмотрѣнныхъ въ данное время въ государствѣ даннаго народа.

Историческій методъ изслѣдованія въ области уголовнаго права состоитъ въ томъ, что изслѣдователь изучаетъ и опредѣляетъ по фактамъ ходъ измѣненій уголовнаго права въ государствѣ того или другого народа въ теченіе даннаго промежутка времени, въ связи съ измѣненіями потребностей и условій тогдашней жизни этого народа.

Съ помощью историческаго метода вырабатывается исторія уголовнаго права.

---

1) Неточность состоитъ въ излишней широтѣ названія. Подъ именемъ пенологіи можно разумѣть ученіе о наказаніи вообще, а не объ одномъ только наказаніи за уголовное правонарушеніе.

Исторія уголовнаго права есть послѣдовательное изложеніе развитія уголовнаго права въ государствѣ какого нибудь народа или въ государствахъ нѣсколькихъ народовъ за опредѣленный промежутокъ времени, въ связи съ измѣненіями потребностей и условій тогдашней народной жизни. Исторія уголовнаго права, подобно догмѣ, стоитъ въ неразрывной связи съ положительнымъ уголовнымъ правомъ и безъ этой связи существовать не можетъ.

Сравнительно-историческій методъ выступаетъ въ томъ случаѣ, когда изслѣдованіе и рѣшеніе юридическаго вопроса производится на основаніи сравнительнаго изученія отдѣльныхъ постановленій права по данному предмету, дѣйствующихъ въ разныхъ государствахъ или, по крайней мѣрѣ, въ разныхъ частяхъ одного и того же государства у народовъ или, по крайней мѣрѣ, народностей, стоящихъ на одной и той же ступени духовнаго развитія.

Уголовно-политическій методъ есть сравненіе правилъ уголовнаго права, дѣйствующаго или даже проектируемаго въ данное время въ государствѣ даннаго народа, съ современными имъ потребностями и условіями жизни этого народа и оцѣнка удовлетворительности этихъ правилъ, съ точки зрѣнія этихъ потребностей и условій жизни. Этимъ методомъ опредѣляется, соотвѣтствуетъ ли дѣйствующее уголовное право современнымъ ему потребностямъ и условіямъ жизни того народа, среди котораго оно дѣйствуетъ. А это соотвѣтствіе составляетъ самое важное изъ желательныхъ достоинствъ уголовнаго права.

Благодаря уголовно-политическому методу, вырабатывается уголовная политика.

Уголовной политикой называется ученіе о томъ, какимъ образомъ нужно строить уголовное право, чтобы сдѣлать его цѣлесообразнымъ средствомъ борьбы противъ преступленій и преступниковъ и при томъ сообразнымъ съ современными ему потребностями и условіями народной жизни.

Опредѣливъ понятіе уголовной политики, необходимо указать, въ чемъ состоитъ ея высшій руководящій принципъ у культурныхъ народовъ.

Уголовное право есть произведеніе народной жизни. Это — сложная система практическихъ средствъ съ наказаніемъ во главѣ, устроенная государствомъ, по мѣрѣ разумѣнія, надобности и возможности, на служеніе практической цѣли. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить гражданамъ, а ради нихъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, и иностранцамъ возможность удовлетворенія матерьяльныхъ и духовныхъ потребностей противъ правонарушеній особаго разряда, извѣстныхъ подъ именемъ уголовныхъ правонарушеній или преступленій.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, уголовное право имѣетъ организацію, стоящую въ тѣсной зависимости отъ современныхъ ему потребностей и условій народной жизни, но за то, въ свою очередь, и само оказываетъ вліянія на народную жизнь.

Эти вліянія многочисленны, сложны и важны.

Въ самомъ дѣлѣ, обезпечивая лицамъ извѣстныхъ разрядовъ возможность удовлетворенія избранныхъ потребностей, напр., потребностей жизни, здоровья, чести, свободы, имущества и. т. д., уголовное право уже тѣмъ самымъ способствуетъ благосостоянію этихъ лицъ.

Это обезпеченіе производится главнымъ образомъ посредствомъ наказаній. Наказанія же, при своемъ исполненіи, уничтожаютъ или, по крайней мѣрѣ, ограничиваютъ для наказуемыхъ возможность удовлетворенія извѣстныхъ потребностей и, такимъ образомъ, содѣйствуютъ неблагосостоянію этихъ лицъ. Напр., смертная казнь разъ навсегда отнимаетъ у наказуемаго всякую возможность удовлетворенія какихъ бы то ни было потребностей. Тюремное заключеніе стѣсняетъ свободу наказуемаго и. т. д.

Однако этимъ не исчерпывается дѣло. У человѣка — много потребностей. Соединеніе ихъ въ одной и той же личности вноситъ свои осложненія въ сферу вліяній уголовнаго права. Въ большинствѣ случаевъ — не возможно дѣйствовать на одну потребность человѣка, не задѣвая въ то же время другой или другихъ. Да и вліянія, испытываемыя всѣми ими при этомъ, не всегда однородны. Иногда каждая изъ этихъ потребностей испытываетъ однородное вліяніе, благопріятное или неблагопріятное. Иногда же одна подвергается благопріятному вліянію, а другая — неблагопріятному. Напр., продолжительное совмѣстное содержаніе взрослыхъ, здоровыхъ, нравственно испорченныхъ преступниковъ въ одномъ и томъ же помѣщеніи не только ограничиваетъ свободу каждаго изъ нихъ, но и вредно дѣйствуетъ на нравственность ихъ. Продолжительное же содержаніе малолѣтнихъ преступниковъ въ тюрьмѣ, по одиночкѣ, отдѣльно другъ отъ друга и отъ каждаго изъ прочихъ заключенныхъ, предохраняетъ нравственность малолѣтнихъ отъ вреднаго вліянія арестантской среды, но за то вредно отзывается на ихъ здоровьѣ.

Есть и другой источникъ осложенія вліяній уголовнаго права, также весьма богатый. Въ каждомъ государствѣ, а тѣмъ болѣе въ государствѣ культурномъ между потребностями различныхъ людей существуетъ зависимость, прямая или обратная.

Прямая зависимость имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ удовлетвореніе потребности одного лица обусловливается удовлетвореніемъ потреб-

ности другого. Напр., здоровье грудного ребенка зависитъ отъ здоровья кормилицы. Ссылка отца, содержавшаго своимъ заработкомъ свою семью, вредно отражается на тѣхъ потребностяхъ этой семьи, которыя получали удовлетвореніе съ помощью отцовскаго заработка, если не принято мѣръ къ обезпеченію этой семьи другими средствами.

Что же касается обратной зависимости, то она является тамъ, гдѣ удовлетвореніе потребности одного человѣка обусловливается неудовлетвореніемъ или стѣсненіемъ удовлетворенія потребности другого лица. Напр., огульное запрещеніе подъ страхомъ наказанія частнымъ лицамъ имѣть огнестрѣльное оружіе стѣсняетъ удовлетвореніе ихъ потребности въ своевременной и надежной защитѣ отъ воровъ, разбойниковъ, убійцъ и прочихъ преступниковъ, но въ то же время благопріятствуетъ удовлетворенію различныхъ потребностей преступниковъ.

Однако и это еще не все. Уголовное право, осуществляясь на дѣлѣ, удовлетворяетъ насущной потребности гражданъ въ господствѣ права. Но постановленія уголовнаго права не осуществляются сами собою. Напротивъ, для осуществленія ихъ въ практической жизни необходима затрата нѣкоторой доли средствъ, принадлежащихъ народу, состоящихъ въ имуществѣ и человѣческомъ трудѣ. Эти народныя средства, хотя и громадны, но не безконечны и при томъ не достаточны для доставленія полнаго удовлетворенія всѣмъ народнымъ потребностямъ, требующимъ затратъ. Вслѣдствіе этого, уголовное право, отвлекая нѣкоторую долю народныхъ средствъ на свое осуществленіе, уже тѣмъ самымъ стѣсняетъ удовлетвореніе другихъ народныхъ потребностей.

Наконецъ, многочисленныя потребности индивидуальныхъ лицъ народонаселенія въ государствѣ, доступныя вліяніямъ уголовнаго права, не одинаковы по своему отношенію къ народному благосостоянію. Онѣ раздѣляются на три группы.

Къ первой — принадлежатъ тѣ потребности, удовлетвореніе которыхъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, способно содѣйствовать увеличенію или, по крайней мѣрѣ, поддержанію матерьяльнаго и духовнаго народнаго благосостоянія. Удовлетвореніе этихъ потребностей полезно для народнаго благосостоянія. Таковы, напр., потребность въ обезпеченіи безопасности отъ внѣшнихъ враговъ, потребность въ существованіи внутренняго управленія въ государствѣ, потребность въ обезпеченіи безопасности отъ правонарушеній и правонарушителей, потребность жизни, потребность здоровья, потребность чести и т. д.

Къ второй группѣ относятся тѣ потребности, удовлетвореніе которыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не способствуетъ ни поддержанію,

ни увеличенію народнаго благосостоянія, словомъ — безразлично для послѣдняго. Такова, напр., умѣренная потребность слѣдовать модѣ.

Въ третьей же группѣ находятся тѣ потребности, удовлетвореніе которыхъ, при всякихъ или, по крайней мѣрѣ, при данныхъ условіяхъ, способствуетъ ослабленію или уменьшенію народнаго благосостоянія, словомъ — вредно для послѣдняго. Таковы, напр., потребность биржевой игры или иныхъ азартныхъ игръ, потребность пьянства, потребность разврата и др.

Разсматривая обширную область человѣческихъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, доступную вліяніямъ уголовнаго права, мы видимъ, что уголовное право какъ своими постановленіями о преступленіяхъ, такъ и своими постановленіями о наказаніяхъ можетъ оказать множество благопріятныхъ и неблагопріятныхъ вліяній на различныя многочисленныя потребности индивидуальныхъ лицъ народонаселенія въ государствѣ, какъ полезныя, такъ и безразличныя и даже вредныя для народнаго благосостоянія. Отсюда ясно, что въ культурномъ государствѣ уголовное право со всѣми его постановленіями о преступленіяхъ и наказаніяхъ должно подлежать тщательному изслѣдованію и оцѣнкѣ въ практическомъ отношеніи. Необходимо, во первыхъ, изслѣдовать и опредѣлить, какія вліянія или послѣдствія оказываетъ уголовное право въ дѣйствительности, въ культурной странѣ, при современныхъ ему потребностяхъ и условіяхъ жизни, и, во вторыхъ, оцѣнить его по этимъ вліяніямъ.

Чтобы оцѣнить уголовное право по его вліяніямъ въ культурномъ государствѣ, нужно имѣть общую мѣру или общій руководящій принципъ для измѣренія доброкачественности этихъ вліяній.

Въ чемъ долженъ состоять этотъ руководящій принципъ, рѣшить не трудно.

Съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть, какъ извѣстно, единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности. Слѣдовательно, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть признано и высшимъ руководящимъ принципомъ для оцѣнки значенія вліяній, оказываемыхъ уголовнымъ правомъ на современныя ему потребности, при современныхъ ему условіяхъ жизни культурнаго народа. Съ этой точки зрѣнія, уголовное право культурнаго государства тѣмъ удовлетворительнѣе, тѣмъ совершеннѣе; чѣмъ болѣе способствуетъ

это право своими вліяніями на современныя ему потребности народонаселенія, при современныхъ условіяхъ жизни культурнаго народа, поддержанію и возможно большему увеличенію всесторонняго народнаго благосостоянія.

Такимъ образомъ, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, матерьяльнаго и духовнаго должно быть признано высшимъ руководящимъ принципомъ для уголовной политики культурнаго государства. Это тѣмъ болѣе правильно, что онъ, по содержанію своему, не представляетъ къ тому никакихъ препятствій. Онъ проникнутъ внутреннимъ единствомъ и вполнѣ доступенъ пониманію разумнаго человѣка.

Этимъ принципомъ нужно руководствоваться и при выработкѣ проектовъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе уголовнаго законодательства у культурныхъ народовъ.

Почему же мы отказываемся признать справедливость высшимъ руководящимъ принципомъ для уголовной политики культурныхъ государствъ? Потому, что справедливость есть идеалъ права, не вполнѣ ясный и опредѣленный, создаваемый посредствомъ исправленія правовыхъ понятій, частью унаслѣдованныхъ отъ предковъ, частью самостоятельно пріобрѣтенныхъ, и при томъ создаваемый у культурныхъ народовъ посредствомъ исправленія правовыхъ понятій подъ руководствомъ интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія.

Опредѣливъ понятіе уголовной политики, какъ составной части науки уголовнаго права, и указавъ, что поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, матерьяльнаго и духовнаго должно быть единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ уголовной политики въ каждомъ государствѣ каждаго прогрессирующаго культурнаго народа, отмѣтимъ вкратцѣ, въ общихъ чертахъ, какими задачами [1]) должна заниматься наука уголовной политики въ культурномъ государствѣ и съ помощью какихъ пріемовъ она можетъ рѣшать эти задачи.

Обращаясь къ опредѣленію этихъ задачъ, необходимо принять въ соображеніе, что онѣ должны относиться къ той области, которая дѣйствительно подлежитъ вѣдѣнію уголовной политики. Нужно помнить, что уголовная политика составляетъ рядомъ съ исторіей и догмой

---

1) Von Liszt — Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Berlin. IX Band, 1889: S. 452—498; 737—782. X B., 1890, S. 51—82. XII B., 1892, S. 161—192. — Franz von Liszt — Задачи уголовной политики, въ изложеніи Бориса Гурвича. С.-Петербургъ. 1895.

лишь необходимую составную часть науки уголовнаго права. Нужно помнить, что уголовное или уголовно-опредѣлительное право представляетъ, въ свою очередь, одну изъ четырехъ вѣтвей уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова и имѣетъ рядомъ съ собою и уголовно-охранительное право, и уголовно-судебное право, и уголовно-исполнительное право. Наконецъ, нужно помнить, что каждая изъ этихъ трехъ дальнѣйшихъ вѣтвей уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова можетъ и должна имѣть, въ свою очередь, не только исторію и догму, но и политику. Въ виду этихъ обстоятельствъ, опредѣляя задачи, подлежащія вѣдѣнію уголовной политики, необходимо, въ интересахъ обезпеченія основательности и правильности рѣшенія, не обременять уголовной политики такими задачами, которыя прямо и непосредственно подлежатъ вѣдѣнію политики уголовно-охранительнаго права, или политики уголовно-судебнаго права, или политики уголовно-исполнительнаго права.

Оставаясь строго въ предѣлахъ уголовной политики, необходимо признать, что научная уголовно-политическая разработка уголовнаго права въ культурномъ государствѣ имѣетъ широкую и сложную задачу. Эта задача состоитъ въ томъ, чтобы сравнить уголовное право, дѣйствующее въ государствѣ даннаго культурнаго народа, съ современными потребностями этого народа, при современныхъ условіяхъ жизни, опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли это право требованіямъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія и, не трогая обособленныхъ частей, оказавшихся удовлетворительными, выяснить и указать, каково должно быть, въ интересахъ наибольшаго народнаго благосостоянія, надлежащее преобразованіе частей, оказавшихся неудовлетворительными.

Эта широкая и сложная задача можетъ быть правильно рѣшена только въ томъ случаѣ, когда она будетъ разложена на три ряда входящихъ въ нее задачъ, и каждый изъ нихъ будетъ подвергнутъ основательному, тщательному изслѣдованію какъ въ отдѣльности, такъ и въ связи съ соприкасающимися прочими и затѣмъ будетъ правильно рѣшенъ, по существу, съ соблюденіемъ надлежащаго соотвѣтствія съ рѣшеніями задачъ другихъ рядовъ, при постоянномъ неизмѣнномъ соблюденіи требованій наибольшаго народнаго благосостоянія.

Первый рядъ задачъ уголовной политики относится къ преступленію. Обращаясь къ научной уголовно-политической разработкѣ уголовнаго права, дѣйствующаго въ государствѣ культурнаго народа, необходимо прежде всего обратить вниманіе на уголовныя правонарушенія, предусмотрѣнныя этимъ правомъ, и опредѣлить, дѣйствительно ли они принадлежатъ къ числу такихъ дѣяній, которыя должны быть

признаны преступными и наказуемыми, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Уголовныя правонарушенія, соотвѣтствующія этому требованію, должны быть признаны достойными своего имени и подлежащими оставленію въ разрядѣ уголовныхъ правонарушеній.

Уголовныя правонарушенія, не вполнѣ удовлетворительно опредѣляемыя дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ, по своему составу, но принадлежащія, при правильномъ опредѣленіи ихъ состава, къ числу дѣяній, достойныхъ имени преступленія, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, должны быть отмѣчены. А при этомъ должно быть указано, какой составъ должны имѣть эти уголовныя правонарушенія, съ этой точки зрѣнія.

Уголовныя правонарушенія, принадлежащія къ числу явленій, не содержащихъ въ себѣ ничего преступнаго, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, должны быть намѣчены къ исключенію изъ разряда уголовныхъ правонарушеній.

Наконецъ, дѣянія, не предусмотрѣнныя дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ культурнаго государства, но достойныя имени преступленія, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, должны быть отмѣчены въ числѣ дѣяній, подлежащихъ зачисленію въ разрядъ уголовныхъ правонарушеній.

Основательное и правильное рѣшеніе этого ряда весьма важныхъ задачъ уголовной политики стоитъ въ тѣсной связи съ основательнымъ и правильнымъ рѣшеніемъ другого чрезвычайно важнаго ряда задачъ уголовной политики, а именно — задачъ объ условіяхъ возникновенія и развитія преступленій и человѣческой преступности.

Каждое уголовное правонарушеніе, дѣйствительно достойное своего имени, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, есть не что иное, какъ послѣдствіе сложной причины. Этой причиной служитъ сочетаніе предшествующихъ положительныхъ и отрицательныхъ явленій, способствующихъ, подъ дѣйствіемъ законовъ природы, появленію или осуществленію этого преступленія въ дѣйствительности, во внѣшнемъ мірѣ.

Каждое предшествующее явленіе, способствующее въ сочетаніи съ другими предшествующими явленіями, подъ дѣйствіемъ законовъ природы, появленію или осуществленію преступленія называется условіемъ преступленія.

Разсматривая условія, способствующія возникновенію и развитію преступленій, можно замѣтить, что эти условія раздѣляются на двѣ группы.

Къ первой группѣ принадлежатъ тѣ условія, которыя лежатъ въ

самомъ субъектѣ преступленія, въ самой личности человѣка, учиняющаго преступленіе. Ихъ можно назвать субъективными, или индивидуальными, или личными условіями преступленій. Таковы, напр., темпераментъ, возрастъ, алкоголизмъ.

Ко второй группѣ принадлежатъ тѣ условія, которыя находятся не въ субъектѣ преступленія, не въ человѣкѣ, но во внѣшней окружающей его средѣ. Ихъ можно назвать объективными условіями преступленія. Они подраздѣляются на двѣ подгруппы.

Условія преступленія, принадлежащія къ первой подгруппѣ даются самой общественной средой, самимъ обществомъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ, являющійся учинителемъ преступленія. Эти условія можно назвать соціальными или общественными. Таковы, напр., нравы и обычаи, дурное устройство полиціи, война.

Наконецъ, условія преступленія, относящіяся ко второй подгруппѣ, лежатъ не въ человѣкѣ и не въ обществѣ, а въ самой внѣшней природѣ. Эти условія можно назвать космическими или внѣшними природными. Таковы, напр., почва, климатъ, а въ частности — холодъ, сырость, засуха.

Субъективныя, индивидуальныя или личныя условія преступленія, находясь въ самомъ человѣкѣ, способствуютъ образованію въ немъ внутренней готовности къ учиненію преступленія или, короче сказать, образованію внутренней преступности, а потому и могутъ быть названы субъективными, индивидуальными или личными условіями человѣческой преступности.

Многія изъ объективныхъ условій преступленія, какъ космическихъ, такъ и въ особенности соціальныхъ, оказываютъ свое вліяніе на психическую сторону человѣка, но только не непосредственно, а не иначе, какъ при посредствѣ нерво-мозговой системы человѣка и при томъ лишь настолько, насколько она передаетъ ихъ своимъ богатымъ, но все же ограниченымъ языкомъ т. е. своими различными состояніями, связанными съ соотвѣтствующими психическими состояніями человѣка. Благодаря этой передачѣ, многія изъ объективныхъ условій преступленія, какъ космическихъ, такъ и въ особенности соціальныхъ, въ свою очередь создаютъ въ человѣкѣ мотивы или побужденія, подстрекающія къ преступленію, въ свою очередь способствуютъ образованію внутренней готовности человѣка къ преступленію или внутренней преступности, а потому и могутъ быть названы объективными и при томъ космическими и соціальными условіями человѣческой преступности [1]).

1) P. Poustoroslew — Criminalité et imputabilité. Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Юрьевъ. 1900. № 1. p. 9—10; 20—21.

Ученіе о субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ возникновенія и развитія преступленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ о субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ возникновенія и развитія преступности въ людяхъ нерѣдко называется криминологіей. Это названіе употребляетъ, напр., Францъ фонъ Листъ [1]), А. А. Піонтковскій [2]). Но это названіе является неудобнымъ, по своей излишней широтѣ, такъ какъ оно, по своему коренному смыслу, означаетъ ученіе о преступленіи и употребляется нѣкоторыми учеными, напр., Ю. Варгой (см. выше с. 38—39 прим. 1.), въ самомъ широкомъ значеніи. Гораздо лучше воспользоваться терминомъ Г. ванъ Гамеля [3]) и М. П. Чубинскаго [4]) и назвать ученіе о субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ возникновенія и развитія преступленій и человѣческой преступности уголовной этіологіей, хотя эта терминологія и не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать тому значенію, которое придаютъ этому термину эти ученые.

Необходимость изученія индивидуальныхъ, соціальныхъ и космическихъ условій возникновенія и развитія преступленій, необходимость изученія индивидуальныхъ, соціальныхъ и космическихъ условій возникновенія и развитія преступности въ людяхъ и при томъ необходимость изученія въ интересахъ устройства правильной, цѣлесообразной и успѣшной борьбы государства съ преступленіемъ была сознана впервые во второй половинѣ XIX-го вѣка.

Честь почина принадлежитъ И. Я. Фойницкому. Въ 1873 г. онъ

---

1) Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Zehnte Auflage. Berlin. 1900. S. 57—61.

2) А. А. Піонтковскій — Наука уголовнаго права, ея предметъ, задачи, содержаніе и значеніе. Ярославль. 1895. с. 6—10.

3) G. A. van Hamel — Kriminal-Ätiologie. Aus dem Niederländischen übersetzt von Dr. Colthoff. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. Berlin. 1901. XXI Band. S. 345—346. „Ätiologie" ist die Lehre von den Ursachen, говоритъ Г. ванъ Гамель (S. 345.), folglich ist Kriminal-Ätiologie die Lehre von den Ursachen der Kriminalität".

4) М. П. Чубинскій — Наука уголовнаго права и ея составные элементы. Ж. М. Ю. 1902. № 7. с. 58. „Изслѣдованіе причинъ, которыми обусловливается возникновеніе, развитіе и измѣненіе преступности, говоритъ М. П. Чубинскій (с. 58.), и образуетъ вторую часть, второй составной элементъ науки уголовнаго права. Въ этомъ отношеніи уже сдѣлано не мало, при чемъ констатированы три группы причинъ или факторовъ преступности: факторы личные (біологическіе, антропологическіе), лежащіе внутри человѣка, — его физическая и психическая организація со всѣми ея свойствами, предрасположеніями, особенностями, дефектами и т. д.; факторы соціальные — политическіе, экономическіе и т. д., и факторы космическіе — климатъ, температура и т. д. . . . Мы предпочитаемъ называть эту часть науки — уголовной этіологіей".

первый указалъ на необходимость изученія личныхъ, общественныхъ и физическихъ условій преступности для устройства правильной общественной или государственно-общественной борьбы съ преступленіемъ [1]).

---

1) Это указаніе было сдѣлано И. Я. Фойницкимъ въ его изслѣдованіи подъ заглавіемъ — „Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій". Это изслѣдованіе было напечатано въ 1873 г. въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ номерѣ „Судебнаго Журнала", издававшагося въ „Санктпетербургѣ", въ качествѣ приложенія къ „Судебному Вѣстнику". Мнѣ не удалось видѣть этого изслѣдованія въ его первомъ изданіи. Я говорю объ этой работѣ только на основаніи второго ея изданія, напечатаннаго въ I-мъ томѣ юридическихъ статей и изслѣдованій И. Я. Фойницкаго въ 1898 г.: На досугѣ. Сборникъ юридическихъ статей и изслѣдованій съ 1870 года И. Я. Фойницкаго. Томъ I. С.-Петербургъ. 1898. VI. Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій. (Опытъ соціальнаго діагноза преступленія.). (Суд. Журн. 1873 г. №№ 1, 2 и 3). с. 261—397. „Изученіе причинъ преступленія, говоритъ И. Я. Фойницкій (с. 263.), беретъ на себя, между прочимъ, уголовная статистика". „Легкое обобщеніе результатовъ уголовно-статистическихъ работъ, продолжаетъ онъ (с. 263—264.), даетъ уже возможность теоретически распредѣлить всѣ возможныя условія преступности, не смотря на все ихъ разнообразіе, на три группы: физическія, общественныя и личныя. Первыя коренятся въ физической природѣ и физическомъ положеніи человѣка; онѣ вызываются его организаціей, поломъ, возрастомъ, климатомъ, въ которомъ онъ живетъ, почвою, которая его питаетъ. Если эти условія противодѣйствуютъ преступленію, очевидно, государственно-общественная дѣятельность должна щедро пользоваться ими; если же онѣ благопріятствуютъ или даже вызываютъ усиленную преступность, въ такомъ случаѣ эта дѣятельность должна бороться съ ними, стремясь къ парализованію ихъ вліянія. Но какъ? Прямое устраненіе ихъ большею частью невозможно: доказано, напр., что преступленіе вызывается жаркимъ климатомъ, но какъ вы измѣните температуру воздуха? Въ такомъ случаѣ необходимо прибѣгнуть къ системѣ косвеннаго парализированія ихъ вліяній, при помощи условій общественныхъ. Онѣ, какъ и физическія, могутъ или вызывать преступность, — тогда обязанность общественной дѣятельности устранить ихъ, такъ какъ по отношенію къ нимъ почти всегда возможно прямое устраненіе; — или напротивъ, онѣ могутъ уменьшать ее, т. е. ослаблять силу физическихъ (и личныхъ) вліяній, и въ такомъ случаѣ онѣ представляютъ богатую сокровищницу для государственной дѣятельности. Наконецъ, условія личныя, индивидуальныя, воля, разумъ и проч., представляютъ такой же характеръ, съ точки зрѣнія разсматриваемой общественной дѣятельности, какъ и физическія". „Преступленіе, говоритъ далѣе И. Я. Фойницкій (с. 367.), опредѣляется совмѣстнымъ дѣйствіемъ условій физическихъ, общественныхъ и индивидуальныхъ". „Наказаніе, какъ мѣра индивидуальная, продолжаетъ онъ (с. 370.), можетъ служить противовѣсомъ лишь для индивидуальныхъ условій преступленія, но кромѣ нихъ есть еще условія физическія и общественныя, дающія почву индивидуальнымъ: ясное дѣло, ни тюрьма, ни даже смертная казнь, недостаточны для устраненія ихъ. Борьба съ ними требуетъ дѣятельность другаго рода, предполагающую мѣры общія въ противоположность индивидуальнымъ, разсчитанныя на цѣлую группу явленій и на всѣхъ гражданъ". „Поэтому то раціональное разрѣшеніе борьбы съ преступленіемъ,

Эти идеи И. Я. Фойницкаго не пріобрѣли распространенія въ Россіи и, благодаря изложенію ихъ на русскомъ языкѣ, остались не доступны иностраннымъ ученымъ. Однако, черезъ девять лѣтъ и въ кругу иностранныхъ ученыхъ возникли идеи этого рода.

Въ 1882 г. итальянскій ученый, Э. Ферри [1]), въ свою очередь, провозгласилъ необходимость изученія индивидуальныхъ, соціальныхъ и космическихъ факторовъ преступленія въ интересахъ устройства правильной борьбы съ преступностью. Подъ именемъ факторовъ преступленія Ферри разумѣлъ „причинные моменты, лежащіе въ основаніи преступленія", по поводу же индивидуальныхъ или антропологическихъ факторовъ преступленія указывалъ на особенные заслуги Ч. Ломброзо и этимъ еще разъ [2]) подчеркивалъ свое сочувствіе ученію Ломброзо о существованіи прирожденныхъ преступниковъ и прирожденной наклонности къ преступленію въ нѣкоторыхъ людяхъ.

Ученіе Ферри о существованіи троякихъ факторовъ преступленія было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ, но вскорѣ же было исправлено учеными относительно ошибки, заключавшейся въ признаніи существованія прирожденной наклонности къ преступленію въ нѣкоторыхъ людяхъ.

Уже Францъ фонъ Листъ [3]), допуская въ 1884 г. существованіе прирожденныхъ преступниковъ, замѣтилъ, что они, будучи лицами, находящимися въ состояніи невмѣняемости, должны быть препровождаемы въ особыя заведенія, предназначенныя для преступныхъ умалишенныхъ.

Что же касается И. Я. Фойницкаго [4]), то онъ въ 1889 г. пересмотрѣлъ вопросъ о факторахъ преступности и рѣшительно высказался противъ ученія о существованіи прирожденной преступности.

говоритъ въ заключеніе И. Я. Фойницкій (с. 371.), мы получимъ въ томъ только случаѣ, когда ею будутъ практикуемы мѣры, направленныя къ развитію народнаго благосостоянія путемъ общественной культуры, а къ наказанію государство будетъ обращаться какъ къ самой крайней и самой нежелательной въ ряду ихъ мѣръ".

1) Ferri — Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit von dem jährlichen Temperaturwechsel. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. Berlin und Leipzig. 1882. II. Band. S. 11—49. „Einteilung der dem Verbrechen zu Grunde liegenden ursächlichen Momente oder Factoren" (S. 11.). „Nun sind aber die Factoren des Verbrechens dreierlei Art: anthropologische oder individuelle, sociale und kosmische" (S. 11.).

2) E. Ferri — I nuovi orizzonti del diritto e procedura penale. Bologna. 1881.

3) Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Berlin und Leipzig. 1884. S. 3—5.

4) И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. С.-Петербургъ. 1889. с. 40—48. „Личные факторы преступленій" (с. 45.).

Онъ призналъ, что наказаніе „есть мѣра охраненія общества отъ преступныхъ дѣяній и что для успѣшности этой охраны борьба съ преступленіемъ должна быть сведена къ борьбѣ съ тѣми причинами или условіями, которыя вызываютъ преступную дѣятельность“ (Ученіе. с. 40.). Онъ призналъ, что „причины или условія преступной дѣятельности могутъ быть сведены къ тремъ родовымъ группамъ: а) условія космическія, б) условія общественныя, в) условія индивидуальныя“ (Ученіе. с. 40.). Но онъ рѣшительно и вполнѣ правильно отвергъ существованіе прирожденныхъ преступниковъ и прирожденной наклонности къ преступленію (Ученіе. с. 41—43; 45—48.). „Какъ скоро ненормальное органическое состояніе оказывается причиною преступной дѣятельности, сказалъ онъ (Ученіе. с. 46.), то для борьбы съ нею умѣстными оказываются мѣры терапевтическія и предупредительныя, а не карательныя; здѣсь нѣтъ мѣста преступной дѣятельности и преступности, есть только болѣзнь“.

Признавая существованіе троякихъ факторовъ преступленія, индивидуальныхъ, соціальныхъ и космическихъ, В. Моррисонъ [1]), въ свою очередь, рѣшительно высказался противъ прирожденной преступности.

Впослѣдствіи, съ 1889 г. и Францъ фонъ Листъ [2]) отказался отъ признанія прирожденныхъ преступниковъ.

Основательное изученіе и правильное пониманіе личныхъ, общественныхъ и космическихъ условій возникновенія и развитія преступленій и человѣческой преступности — чрезвычайно важно.

Только при изученіи этихъ условій, уголовныя правонарушенія перестаютъ представляться одними отвлеченными юридическими понятіями и вступаютъ передъ глазами изслѣдователя во всей полнотѣ явленій дѣйствительной жизни.

Только при правильномъ пониманіи этихъ условій, возможно правильное рѣшеніе вопросовъ, какія дѣянія человѣка дѣйствительно должны быть признаны уголовными правонарушеніями, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, и какова должна быть расцѣнка внутренней важности или внутренней тяжести этихъ дѣяній.

Наконецъ, только при основательномъ изученіи и правильномъ

---

1) William Douglas Morrison — Crime and its causes. London. 1891. p. 21; 177—200.

2) Von Liszt — Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. IX B. s. 462—472. — Franz von Liszt — Задачи уголовной политики, въ изложеніи Б. Гурвича. с. 11—19. — Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Berlin. 1898. Neunte Auflage. I. Teil. S. 65—68.

пониманіи этихъ условій, возможно основательное и правильное рѣшеніе третьяго весьма важнаго ряда задачъ уголовной политики, а именно — задачъ по выработкѣ системы борьбы съ преступленіемъ и человѣческой преступностью.

Уголовная политика, руководясь принципомъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія и сообразуясь при этомъ съ указаніями уголовной этіологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимая во вниманіе и указанія догмы уголовнаго права, исторіи уголовнаго права и сравнительно-историческихъ изслѣдованій, должна опредѣлить, какова должна быть система борьбы съ преступленіемъ и преступностью въ государствѣ даннаго культурнаго народа.

Уголовная политика должна опредѣлить въ этомъ отношеніи прежде всего, каковы должны быть цѣли наказанія, каковы должны быть желательныя свойства или качества наказаній, каковы должны быть наказательныя средства и каковы должны быть главныя черты устройства наказаній въ государствѣ даннаго культурнаго народа.

Далѣе, уголовная политика должна опредѣлить, каковы могутъ быть въ государствѣ даннаго культурнаго народа принудительныя обуздывающія мѣры борьбы съ преступленіемъ и проявившейся преступностью, не составляющія наказанія. Примѣромъ такой мѣры можетъ служить оставленіе осужденнаго преступника въ теченіе опредѣленнаго срока на испытаніи, съ цѣлью опредѣленія, слѣдуетъ ли избавить это лицо отъ привлеченія къ отбытію наказанія за осужденное уголовное правонарушеніе или слѣдуетъ привлечь къ отбытію наказанія.

Наконецъ, далѣе, уголовная политика должна опредѣлить, каковы могутъ быть въ государствѣ даннаго культурнаго народа обуздывающія мѣры борьбы съ преступленіемъ и проявившейся преступностью, не имѣющія ни наказательнаго, ни принудительнаго характера. Примѣромъ такой мѣры можетъ служить устройство матерьяльной, духовной и юридической помощи въ борьбѣ съ нуждою, бѣдностью, гнетомъ обстоятельствъ и искушеніями жизни лицамъ, освобожденнымъ изъ-подъ наказанія, ищущимъ этой помощи и дѣйствительно нуждающимся въ ней для поддержанія ихъ на честномъ пути.

Рѣшивъ свои задачи по отношенію къ каждому изъ нѣсколькихъ культурныхъ народовъ въ отдѣльности, уголовная политика съ успѣхомъ можетъ приступить къ постановкѣ и рѣшенію своихъ задачъ въ общемъ видѣ по отношенію ко всѣмъ культурнымъ народамъ, близкимъ другъ къ другу по развитію матерьяльныхъ и духовныхъ потребностей и болѣе или менѣе близкимъ по условіямъ жизни.

Научная разработка уголовной политики можетъ производиться

посредствомъ нѣсколькихъ различныхъ пріемовъ или видовъ положительнаго метода.

Прежде всего въ этой области вполнѣ умѣстенъ пріемъ наблюденія надъ изучаемыми людьми, явленіями, условіями и причинами.

Далѣе, при изученіи личныхъ и соціальныхъ условій возникновенія и развитія преступности въ людяхъ и преступленій допустимъ и опытъ, но не иначе, какъ только позволительный. Таковъ тотъ опытъ, который находитъ полное оправданіе въ интересахъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія и не вызываетъ никакого вреда и опасности для жизни, цѣлости органовъ тѣла, здоровья, нравственности, религіозности и чести людей, надъ которыми онъ производится.

Нѣтъ сомнѣнія, что при изученіи личныхъ, соціальныхъ и космическихъ условій возникновенія и развитія преступленій и человѣческой преступности вполнѣ умѣстенъ статистическій пріемъ или пріемъ массоваго наблюденія. Примѣненіе этого пріема въ этой области уже успѣло дать много цѣнныхъ выводовъ.

Наконецъ, уголовно-политическій пріемъ естественно имѣетъ широкое примѣненіе въ уголовной политикѣ.

Кромѣ того, она можетъ съ успѣхомъ пользоваться указаніями догмы и исторіи уголовнаго права и указаніями сравнительно-исторической разработки уголовнаго права.

Нужно замѣтить вообще, что, при научной разработкѣ предмета, нельзя отказываться отъ привлеченія новыхъ матерьяловъ и примѣненія новыхъ видовъ положительнаго метода, если они способствуютъ расширенію, углубленію и выясненію нашихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ.

Познакомившись съ исторіей уголовнаго права, догмой и уголовной политикой, мы можемъ опредѣлить теперь составъ науки уголовнаго права.

Наука уголовнаго права имѣетъ три части. Первой — служитъ исторія уголовнаго права, второй — догма уголовнаго права и третьей — уголовная политика. Эти три части обработаны неодинаково. Болѣе всѣхъ обработана догма уголовнаго права, гораздо менѣе — исторія уголовнаго права и еще менѣе — уголовная политика.

§ 9. Литература уголовнаго права.

Литература уголовнаго права очень богата. Въ ней много научныхъ произведеній, но много и ненаучныхъ.

Научная литература уголовнаго права возникла только у новыхъ

европейскихъ народовъ въ XIII вѣкѣ, послѣ учрежденія университетовъ. Честь почина принадлежитъ итальянцамъ.

Въ первыя времена не было сочиненій, спеціально посвященныхъ уголовному праву, но вопросы уголовнаго права разсматривались при толкованіи постановленій римскаго права, относящихся къ областямъ гражданскаго и уголовнаго права. Знаменитый итальянскій ученый, Франкъ Аккурсій [1]), родившійся въ 1182 г. и умершій въ 1260, составилъ краткія толкованія къ дигестамъ и кодексу Юстиніана, извѣстныя подъ именемъ глоссы Аккурсія. Въ этихъ толкованіяхъ онъ затронулъ между прочимъ много вопросовъ уголовнаго права и указалъ вкратцѣ, какъ нужно рѣшать ихъ, съ точки зрѣнія римскаго уголовнаго права. Въ глоссѣ Аккурсія встрѣчаются первыя попытки догматической обработки нѣкоторыхъ постановленій римскаго уголовнаго права.

Спеціальная литература уголовнаго права возникла нѣсколько позднѣе. Самое раннее изъ дошедшихъ до насъ сочиненій этого рода принадлежитъ итальянцу Альберту Гандину [2]). Оно носитъ названіе: „Tractatus de Maleficijs“ и написано около 1260 г.

Нечего и говорить, что въ этихъ раннихъ произведеніяхъ было мало научнаго. Съ теченіемъ времени, однако, научный элементъ сталъ

---

1) Francus Accursius. Толкованія Аккурсія пользовались большой славой и издавались много разъ вмѣстѣ съ дигестами и кодексомъ Юстиніана. Одно изъ такихъ изданій было сдѣлано, напр., въ 1548 г. Это изданіе дигестъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Digestum vetus D. Iustiniani . . . Cui praeter notissimos, Accursij Florentini Commentarios, aliquot jam seculorum consensu receptos . . . nouae nunc denuo . . . Annotationes accesserunt“ . . . Lugduni Apud Hugonem . . . M. D. XLVIII. Въ этомъ изданіи вслѣдъ за Digestum vetus напечатано и Digestum novum, только безъ заглавнаго листа. Digestum vetus называлась начальная часть дигестъ, прерывавшаяся на 1-мъ фрагментѣ 3-го титула 24-й книги. Digestum novum называлась послѣдняя часть дигестъ, начиная съ 82-го фрагмента 2-го титула 35-й книги. Средняя же между ними часть дигестъ носила названіе Infortiatum. Изданіе кодекса съ толкованіями Аккурсія озаглавлено въ 1548 г. словами: „Codex Imperatoris semper maximi Divi Iustiniani“ . . . Lugduni Apud Hugonem . . . M. D. XLVIII.

2) Albertus Gandinus или de Gandino жилъ въ XIII вѣкѣ и началѣ XIV вѣка. Сочиненіе Гандина: „Tractatus de Maleficijs“ было напечатано въ Венеціи въ 1491 г. и потомъ выдержало нѣсколько изданій. Въ моихъ рукахъ было венеціанское изданіе, въ которомъ это сочиненіе Гандина напечатано въ одной книгѣ съ соотвѣтствующими сочиненіями Ангела Аретина и Бонифація de Виталинисъ. Эта книга носитъ слѣд. заглавіе: „Angeli Aretini de Maleficiis Tractatus . . . Cui Tractatus Alberti de Gandino, nec non Bonifacii de Vitalinis, . . . subiecimus“. Venetiis. MDLXXXIIII. Alber. de Gan. I. V. D. Clarissimi, Tractatus de Malefijs“. p. 269—368.

увеличиваться, но росъ очень медленно. Такимъ характеромъ отличалась литература уголовнаго права въ теченіе XIII—XVI вѣковъ.

Писатели этой эпохи мало трудились надъ выясненіемъ принциповъ уголовнаго права и ихъ основаній, но главнымъ образомъ заботились о разъясненіи отдѣльныхъ постановленій уголовнаго права и собираніи мнѣній юристовъ по каждому вопросу. Обыкновенно предпочтеніе оказывалось не тому рѣшенію, которое было лучше обосновано, а тому, за которое было больше голосовъ. Общее мнѣніе ученыхъ (communis doctorum opinio) обыкновенно считалось непререкаемымъ авторитетомъ. Словомъ, — въ литературѣ уголовнаго права въ то время господствовалъ схоластическій пріемъ. Тѣмъ не менѣе, и въ это время понемногу развивались попытки догматической обработки нѣкоторыхъ вопросовъ уголовнаго права и даже критическое отношеніе къ господствующимъ мнѣніямъ. Особенно усилилось это въ XVI вѣкѣ.

Изъ писателей этой эпохи, кромѣ Аккурсія и Гандина, наиболѣе выдаются: въ XIV вѣкѣ — итальянцы: С. Бартолъ [1]) и П. Бальдъ [2]), въ XV — итальянецъ А. Аретинъ [3]) и въ XVI — знаменитый итал-

---

1) Bartolus Severus de Alphanis a Saxoferrato родился въ 1313 г., умеръ въ 1356, прославился комментаріями къ дигестамъ, кодексу и институціямъ. Эти комментаріи издавались нѣсколько разъ. Въ 1562 г. они были изданы въ 5 томахъ подъ слѣд. заглавіями: I Томъ — „Bartoli . . . in ius universum civile commentaria“ (т. е. на Digestum vetus), II Томъ — „Bartoli . . . in secundum tomum pandectarum, infortiatum commentaria“, III Томъ — „Bartoli . . . in tertium tomum pandectarum, Digestum novum commentaria“, IV Томъ — Bartoli . . . in duodecim libros Codicis commentaria“ и V Томъ — „Bartoli . . . in institutiones et autenticas commentaria. Ejusdem Tractatus XXXIX“. Basileae. MDLXII.

2) Baldus de Ubaldis (Ubaldus) perusinus Petrus родился въ 1327 г., умеръ въ 1400, прославился комментаріями къ дигестамъ, кодексу и институціямъ. Эти комментаріи издавались нѣсколько разъ. Одно изъ изданій было сдѣлано въ Венеціи въ 1615 и 1616 г. въ 9 томахъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое длинное заглавіе. Содержаніе всѣхъ ихъ выражено вкратцѣ въ заглавіи послѣдняго 9-го тома: „Index locupletissimus rerum omnium ac sententiarum memorabilium, quae in Baldi Ubaldi Commentariis ad libros Digestorum, Codicis et Institutionum necnon in Tract. de Pactis et Constituto continentur“ etc. Venetiis. Apud Iuntas. MDCXV.

3) Angelus de Gambilionibus Aretinus былъ писателемъ XV вѣка, умеръ послѣ 1451 г. Сочиненіе Аретина называлось: „Tractatus de maleficiis“ и издавалось нѣсколько разъ. Напр., оно было издано въ Венеціи въ 1584 г. вмѣстѣ съ соотвѣтствующими сочиненіями Альберта Гандина и Бонифація de Виталинисъ. Эта книга носитъ слѣд. заглавіе: „Angeli Aretini de Maleficiis Tractatus . . . Cui tractatus Alberti de Gandino, nec non Bonifacii de Vitalinis, . . . subiecimus“. Venetiis. MDLXXXIIII. p. 1—268.

янецъ Ю. Кларъ [1]) и въ особенности знаменитый голландецъ І. Дамгудеръ [2]). Хотя Дамгудеръ придерживался вообще стариннаго схоластическаго пріема, но гораздо чаще своихъ предшественниковъ и современниковъ обращался къ догматической обработкѣ и критикѣ уголовнаго права, нерѣдко критиковалъ господствующія мнѣнія и при томъ во многихъ случаяхъ твердо шелъ впередъ въ гуманномъ направленіи. Онъ пользовался наибольшимъ авторитетомъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ. Его знаменитое сочиненіе: „Praxis rerum criminalium“ было переведено на голландскій, нѣмецкій, французскій и итальянскій языкъ, выдержало множество изданій и пользовалось глубокимъ уваженіемъ не только въ XVI вѣкѣ, но и въ XVII и даже въ XVIII.

Въ XVII-мъ столѣтіи кончилось широкое увлеченіе стариннымъ схоластическимъ направленіемъ. Это направленіе ярко проявилось въ послѣдній разъ въ трудахъ выдающихся криминалистовъ: итальянца П. Фаринаціуса [3]) и саксонцевъ М. Берлиха [4]) и Б. Карпцова сильно

---

1) Julius Clarus родился въ Италіи около 1525 г., а умеръ въ Испаніи въ 1575 г. Онъ отличался громадной начитанностью, ясностью изложенія и былъ самымъ талантливымъ изъ всѣхъ итальянскихъ криминалистовъ XIII—XVII вѣковъ. Знаменитое сочиненіе Клара называется: „Receptae sententiae“. Оно написано, по всей вѣроятности, около 1559 г., а напечатано нѣсколько разъ. Напр., оно издано во Франкфуртѣ подъ слѣд. заглавіемъ: „Julii Clari ... receptarum sententiarum opera omnia“. Francoforti M. D. XCVI.

2) Jodocus Damhouderius родился въ 1507 г., а умеръ въ 1581. Сочиненіе Дамгудера „Praxis rerum criminalium“ было напечатано въ первый разъ въ 1554 г., а во второй въ 1555 подъ заглавіемъ: „Enchiridion rerum criminalium, vulgo practica Iodoco Damhouderio Brugensi Jurisconsulto clarissimo autore. Lugduni M. D. LV.

3) Просперъ Фаринаціусъ (Prosper Farinacius) родился въ 1544 г., а умеръ въ 1613-мъ. Сочиненіе Фаринація „Praxis et theorica criminalis“ въ пяти томахъ писалось и издавалось постепенно въ нѣсколько пріемовъ. Двѣ первыя книги приготовлены для печати въ 1595 г., а послѣдняя — въ 1613-мъ. Это сочиненіе выдержало нѣсколько изданій. Двѣ первыя книги напечатаны въ первый разъ въ Венеціи въ 1595 г., а во второй — во Франкфуртѣ въ 1597 г. подъ слѣд. заглавіемъ: Prosperi Farinacii Iurisconsulti Romani praxis et theoricae criminalis Libri duo .... Остальныя книги этого сочиненія издавались то подъ именемъ книгъ, то подъ именемъ частей, напр. Prosperi Farinacii Iur. C.ti Romani Praxis et Theoricae criminalis Pars Tertia. Lugduni MDC. XXXV.

4) Матвѣй Берлихъ (Matthias Berlichius) родился въ XVI вѣкѣ, умеръ въ 1638-мъ году. Сочиненіе Берлиха „Conclusiones practicabiles“ въ четырехъ частяхъ писалось и издавалось постепенно въ нѣсколько пріемовъ. I-я часть была приготовлена къ печати въ 1614-мъ году, а четвертая — въ концѣ 1616-го или въ началѣ 1617-го г.

списывавшаго у М. Берлиха, безъ всякихъ указаній на свои заимствованія[1]). Однако, и въ сочиненіяхъ этихъ трехъ писателей замѣтно усиленіе стремленія къ догматической обработкѣ и критикѣ. Развитіемъ стремленія къ примѣненію догматическаго пріема ясно отличаются сочиненія и другихъ писателей XVII-го вѣка, напр., англичанина М. Гэля[2]). Первое же мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ голландцу Антонію Маттею[3]), который впервые далъ догматическую обработку римскому уголовному праву.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ примѣненіе догматическаго метода въ литературѣ уголовнаго права окончательно упрочивается и широко распространяется. У многихъ изъ культурныхъ народовъ, напр., у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ, уголовное право получаетъ догматическую обработку. Выдающіяся произведенія догматическаго характера появляются теперь большею частью не на латинскомъ языкѣ, а на нѣкоторыхъ новыхъ, напр., на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ. Авторами этихъ

Это сочиненіе выдержало нѣсколько изданій, напр., оно было напечатано въ 1739 г. подъ слѣд. заглавіемъ: D. Matthiae Berlichii .... conclusiones practicabiles secundum ordinem constitutionum Divi Augusti electoris Saxoniae discussae. Coloniae Agrippae M. DCCXXXIX.

1) Бенедиктъ Карпцовъ (Benedictus Carpzovius) родился въ 1595 г., а умеръ въ 1666-мъ г. Въ 1635-мъ году, по мнѣнію однихъ ученыхъ, или въ 1638-мъ, по мнѣнію другихъ, было издано впервые сочиненіе Карпцова, извѣстное подъ именемъ: Practica nova imperialis Saxonica rerum criminalium. Это сочиненіе, переполненное многочисленными заимствованіями и даже буквальными списываніями у Берлиха, пользовалось громаднымъ уваженіемъ въ Германіи въ XVII-мъ вѣкѣ, но за то въ XVIII-мъ потеряло всякій авторитетъ. (См. G. Geib — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. I. Band. Leipzig. 1861. S. 292—296.). Изданій этого сочиненія было нѣсколько. Пятое изданіе, напр., было сдѣлано въ Виттенбергѣ въ 1665 г. подъ слѣд. заглавіемъ: Practica nova imperialis Saxonica rerum criminalium in partes tres divisa auctore Benedicto Carpzovio Jcto. Wittenbergae Anno 1652. На заглавномъ листѣ каждой изъ трехъ частей этого сочиненія напечатана надпись: Wittenbergae MDCLXV Editio quinta.

2) Матью Гэль (Matthew Hale) родился въ 1609 г., а умеръ въ 1676-мъ. Важнѣйшее изъ сочиненій Гэля, относящихся къ уголовному праву, напечатано впервые въ 1678 г. подъ заглавіемъ: The Pleas of the Crown or a methodical summary.

3) Антоній Маттей (Antonius Matthaeus) родился въ 1601 г., а умеръ въ 1654-мъ. Знаменитое сочиненіе Маттея, содержащее догму римскаго уголовнаго права называется: De criminibus ad lib.XLVII et XLVIII Dig. commentarius. Оно было издано впервые въ 1644 г. и потомъ издавалось нѣсколько разъ. Третье изданіе, напр., было сдѣлано въ 1672 г. подъ заглавіемъ: De criminibus ad lib. XLVII. et XLVIII. Dig. commentarius Antonii Matthaei ic. Editio tertia. Vesaliae. MDC. LXXII.

сочиненій выступаютъ: Іоаннъ Бёмеръ [1]), І. Квистропъ [2]), Е. Клейнъ [3]) и К. Грольманъ [4]) — въ Германіи, Д. Жуссъ [5]) и П. Мюяръ де Вугланъ [6]) — во Франціи, В. Блэкстонъ [7]) — въ Англіи и Л. Кремани [8]) — въ Италіи.

---

1) Іоаннъ Бёмеръ (Ioannes Samuelis Fridericus Boehmerus) родился въ 1704 г., а умеръ въ 1772 г. Изъ догматическихъ сочиненій Іоанна Бёмера наиболѣе замѣчательны два: 1) Elementa iurisprudentiae criminalis (Halae. 1733.) и 2) Meditationes in Constitutionem Criminalem Carolinam (Halae. 1770.).

2) Іоаннъ Квистропъ (Iohann Christian Edler von Quistrop) родился въ 1737 г., умеръ въ 1795. Лучшее догматическое сочиненіе Квистропа напечатано въ первый разъ въ 1770 г. подъ заглавіемъ: Grundsätze des Teutschen peinlichen Rechts. Rostock und Leipzig.

3) Эрнстъ Клейнъ (Ernst Ferdinand Klein) родился въ 1743 г., умеръ въ 1810. Въ 1796 г. напечатано въ 1-й разъ извѣстное сочиненіе Клейна: Grundsätze des gemeinen Deutschen und Preussischen Peinlichen Rechts von D. Ernst Fer. Klein. Halle. 1796.

4) Карлъ Грольманъ (Karl Ludwig Wilhelm Grolman) родился въ 1775 г., умеръ въ 1829. Въ 1798 г. напечатано въ 1-й разъ сочиненіе Грольмана: Grundsätze der Criminalrechts-Wissenschaft nebst einer systematischen Darstellung des Geistes der deutschen Criminalgesetze von D. Karl Grolman. Giessen. 1798.

5) Даніилъ Жуссъ (Daniel Jousse) родился въ 1704 г., умеръ въ 1781. Въ 1771 г. было напечатано въ Парижѣ въ 4-хъ томахъ обширное сочиненіе Жусса: Traité de la justice criminelle de France . . . par. M. Jousse, conseiller au Présidial d'Orleans. A Paris. M. DCC. LXXI.

6) Петръ Мюяръ де Вугланъ (Pierre François Muyart de Vouglans) родился въ 1723 г., умеръ въ 1791. Въ 1780 г. впервые напечатано въ Парижѣ обширное сочиненіе этого писателя подъ заглавіемъ: Les loix criminelles de France, dans leur ordre naturel. Par M. Myart de Vouglans, conseiller au Grand-Conseil. A. Paris. M. DCC. LXXX.

7) Вильямъ Блэкстонъ (William Blackstone) родился въ Лондонѣ въ 1723 г., а умеръ въ 1780. До Блэкстона въ англійскихъ университетахъ не преподавалось англійскаго права. Онъ первый началъ преподаваніе этого предмета. Въ 1753 г. Блэкстонъ въкачествѣ частнаго преподавателя открылъ курсъ лекцій англійскаго права въ Оксфордскомъ университетѣ и привлекъ массу слушателей. Въ 1758 г. въ Оксфордскомъ университетѣ на деньги, пожертвованныя частнымъ лицомъ, Винеромъ была учреждена первая въ Англіи каѳедра англійскаго права и первымъ профессоромъ на нее былъ избранъ В. Блэкстонъ. Онъ занималъ ее до 1766 г., а въ 1766 г. вышелъ изъ университета и посвятилъ себя службѣ въ парламентѣ въ званіи депутата. Лекціи Блэкстона по англійскому праву пользовались громаднымъ авторитетомъ въ Англіи въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX-го. Онѣ выдержали множество изданій. Первое изданіе ихъ, краткое, неполное и неудовлетворительное было сдѣлано въ 1765 г. въ Ирландіи однимъ изъ слушателей Блэкстона. Второе же изданіе было сдѣлано самимъ Блэкстономъ въ промежутокъ времени между 1765 и 1768 г. Въ этомъ изданіи лекціи Блэкстона напечатаны подъ именемъ „Толкованій къ англійскому праву“ (Commentaries on the laws of England). Это

Въ XVIII-мъ столѣтіи начинается правильная выработка уголовно-политическаго пріема изслѣдованія. Онъ пріобрѣтаетъ сильное развитіе и получаетъ довольно большое примѣненіе въ области науки уголовнаго права. Самыми блестящими представителями этого направленія выступаютъ: французскій мыслитель К. Монтескье [1]), итальянскіе писатели — Ч. Беккаріа [2]) и Г. Филанджіери [3]), англійскій мыслитель

названіе онѣ сохранили и во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ. Напр., 8-е изданіе носитъ слѣд. заглавіе: Commentaries on the laws of England .... by William Blackstone, Esq. the eigth edition. Oxford MDCCLXXVIII. Четвертая книга этихъ толкованій посвящена догмѣ англійскаго уголовнаго права, но нѣкоторые вопросы уголовнаго права разсматриваются и въ третьей книгѣ.

8) Луиджи Кремани (Aloysius или Luigi Cremani) родился въ 1748 г., умеръ въ 1838. Сочиненіе Кремани объ уголовномъ правѣ было напечатано впервые въ двухъ книгахъ въ 1779 г. въ городѣ Луккѣ. Въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII-го вѣка оно было напечатано вновь съ присоединеніемъ 3-й книги, посвященной уголовному процессу. Послѣднее изданіе сдѣлано въ 1848 г. подъ слѣд. заглавіемъ: Aloysii Cremani ... de jure criminali libri tres. Florentiae.

1) Карлъ де Секонда, баронъ де ла Бредъ и де Монтескье (Charles de Secondat, baron de la Brède et de Montesquieu) родился въ 1689 г., умеръ въ 1755. Знаменитое сочиненіе Монтескье „О духѣ законовъ", De l'esprit des Loix, было напечатано впервые въ Женевѣ въ 1748 г., безъ обозначенія имени автора. Уголовнаго права касается главнымъ образомъ VI-я книга этого сочиненія. Это сочиненіе выдержало множество изданій, при чемъ первыя изданія печатались безъ обозначенія имени автора. Напр., изданіе, сдѣланное въ Женевѣ въ 1749 г., носитъ слѣдующее заглавіе: De l'esprit des Loix, Ou du rapport que les Loix doivent avoir avec la Constitution de chaque Gouvernement, les Moeurs, le Climat, la Religion, le Commerce, etc. Nouvelle edition. Premiere partie. Seconde partie. A Geneve. M. DCC. XLIX.

2) Чезаре Бонесано, маркизъ ди Беккаріа (Cesare Bonesano marchese di Beccaria) родился въ 1738 г., умеръ въ 1794. Знаменитое сочиненіе Беккаріа о преступленіяхъ и наказаніяхъ, Trattato dei delitti e delle pene представляетъ горячій протестъ противъ злоупотребленій, жестокости и невѣжества въ областяхъ уголовнаго и уголовно-судебнаго права. Это сочиненіе было напечатано впервые по итальянски въ Миланѣ въ 1764 г., безъ обозначенія имени автора, подъ заглавіемъ: Trattato dei delitti e delle pene. Потомъ это сочиненіе было переведено по французски съ перестановкой нѣкоторыхъ частей Андреемъ Морелле (André Morellet) и было напечатано въ Амстердамѣ въ 1766 г., также безъ обозначенія именъ автора и переводчика, подъ заглавіемъ: Traité des délits et des peines (A Amsterdam. MDCCLXVI.). Впослѣдствіи это сочиненіе стало издаваться съ обозначеніемъ имени автора и переводчиковъ, было переведено на всѣ культурные европейскіе языки и выдержало множество изданій. Лучшій русскій переводъ принадлежитъ С. И Зарудному (1821—1887 г.). С. Зарудный — Беккаріа о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою X-ю наказа Екатерины II и съ современными русскими законами. С.-Петербургъ. 1879.

3) Гаэтано Филанджіери (Gaetano Filangieri) родился въ 1752 г., умеръ въ 1788. — Gaetano Filangieri — La scienza della legislazione. Napoli. Libro I

I. Бентамъ [1]), и нѣмецкій профессоръ уголовнаго права П. Фейербахъ [2]).

Конецъ XVIII-го вѣка въ Германіи ознаменовался широкимъ энергичнымъ введеніемъ метафизики въ область правовѣдѣнія трудами такихъ первокласныхъ философовъ, какъ И. Кантъ [3]) и І. Фихте [4]). Первыя десятилѣтія XIX-го вѣка въ свою очередь отличались глубокимъ проникновеніемъ блестящей метафизики Г. Гегеля [5]) въ область правовѣдѣнія. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, метафизическій пріемъ находитъ себѣ довольно распространенное примѣненіе въ XIX-мъ вѣкѣ и въ области уголовнаго права. Такъ, напр., К. С. Цахаріэ [6]) и Э. Генке [7])

— Tomo I — MDCCLXXX; Libro II — Tomo II — MDCCLXXX; Libro III parte prima — Tomo III — MDCCLXXXIII; Libro III parte secunda — Tomo IV — MDCCLXXXIII; Libro IV — Tomo V — MDCCLXXXV. Уголовнаго права касается главнымъ образомъ III-я книга.

1) Іеремія Бентамъ (Jeremy Bentham) родился въ 1748 г., умеръ въ 1832. Въ 1780 году Бентамъ напечаталъ сочиненіе: Introduction to the principles of morals and legislation, но, по совѣтамъ друзей, въ виду замѣченныхъ важныхъ недостатковъ этого сочиненія, не выпустилъ его въ продажу. Потомъ это сочиненіе было передѣлано. Въ этой передѣлкѣ оно было издано по французски Дюмономъ (Dumont) въ Парижѣ въ 1789 г., подъ заглавіемъ: Principes de législation. Лучшій русскій переводъ этого сочиненія принадлежитъ А. Н. Пыпину. Іеремія Бентамъ — Избранныя сочиненія. I. Введеніе въ основанія законодательства. Переводъ А. Пыпина. С.-Петербургъ. 1867.

2) Павелъ Іоаннъ Анзельмъ Фейербахъ (Paul Johann Anselm Feuerbach) родился въ 1775 г., умеръ въ 1833. — Paul Johann Anselm Feuerbach — Revision der Grundsätze und Grundbegriffe des positiven peinlichen Rechts. Erster Theil — Erfurt, 1799. Zweiter Theil — Chemnitz, 1800.

3) Иммануилъ Кантъ (Immanuel Kant) родился въ 1724 г., а умеръ въ 1804. Знаменитое сочиненіе Канта о правѣ — „Метафизическія основныя начала ученія о правѣ“ было напечатано впервые въ Кёнигсбергѣ въ 1797 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre von Immanuel Kant. Königsberg. 1797.

4) Іоаннъ Готлибъ Фихте (Iohann Gottlieb Fichte) родился въ 1762 г., а умеръ въ 1814. Извѣстное сочиненіе Фихте о правѣ было напечатано впервые въ двухъ томахъ въ 1796 и 1797 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre von Johann Gottlieb Fichte. Jena und Leipzig. I Band — 1796. II Band — 1797.

5) Георгъ Гегель (Georg Wilhelm Friedrich Hegel) родился въ 1770 г., умеръ въ 1831. — Georg Wilhelm Friedrich Hegel — Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin. 1821.

6) Карлъ Цахаріэ (Karl Salomo Zachariä) родился въ 1769 г., умеръ въ 1843. — Karl Salomo Zachariä. — Anfangsgründe des philosophischen Criminalrechts. Leipzig. 1805.

7) Эдуардъ Генке (Hermann Wilhelm Eduard Henke) родился въ 1783 г., умеръ въ 1869. — Eduard Henke — Ueber den Streit der Strafrechtstheorien. Regensburg. 1811. — Hermann Wilhelm Eduard Henke — Lehrbuch der Strafrechtswissenschaft. Zürich 1815.

выступаютъ въ своихъ сочиненіяхъ по уголовному праву послѣдователями Канта, а Р. Кёстлинъ [1]), Г. Гельшнеръ [2]) и А. Бернеръ [3]) — послѣдователями Гегеля. Метафизическій пріемъ находитъ себѣ примѣненіе и въ сочиненіяхъ другихъ криминалистовъ, какъ напр., въ сочиненіяхъ итальянскаго криминалиста Ф. Каррары [4]).

Широкое развитіе естественныхъ наукъ въ XIX-мъ вѣкѣ, ихъ замѣчательныя открытія и блестящіе успѣхи, достигнутые благодаря полнѣйшему отреченію отъ метафизики и строго послѣдовательному примѣненію одного лишь позитивнаго, положительнаго метода въ его различныхъ видахъ, оказали свое вліяніе главнымъ образомъ со второй половины XIX-го вѣка и на представителей науки уголовнаго права. Увлеченіе метафизическимъ пріемомъ стало ослабѣвать, и выдающіеся

---

1) Рейнгольдъ Кёстлинъ (Christian Reinhold Köstlin) родился въ 1813 г., умеръ въ 1856 г. — C. R. Köstlin — Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. Tübingen. 1845.

2) Гуго Гельшнеръ (Hugo Hälschner) родился въ 1817 г., умеръ въ 1889. — Hugo Hälschner — System des Preussischen Strafrechtes. Erster oder allgemeiner Theil des Systems, Bonn, 1858. Zweiter Theil, Die Verbrechen gegen das Recht der Privatperson, Bonn, 1868. — Hugo Hälschner — Das gemeine deutsche Strafrecht. Bonn. I Band, Die allgemeinen strafrechtlichen Lehren, 1881. II Band, Der besondere Theil des Systems, Erste Abtheilung, 1884; Zweite Abtheilung, 1887.

3) Альбертъ Бернеръ (Albert Friedrich Berner) родился въ 1818 г. — Albert Friedrich Berner — Lehrbuch des Deutschen Strafrechtes. Leipzig. 1857. Послѣднее 18-е изданіе вышло въ 1898 г. въ Лейпцигѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ послѣднихъ изданіяхъ своего учебника Бернеръ сталъ отступать отъ проведенія своихъ прежнихъ взглядовъ, навѣянныхъ философіей Гегеля. Учебникъ уголовнаго права А. Ф. Бернера переведенъ со 2-го изданія (1862 г.) Н. А. Неклюдовымъ. Учебникъ уголовнаго права части общая и особенная. А. Ф. Бернера. Съ примѣчаніями, приложеніями и дополненіями по исторіи русскаго права и законодательству положительному Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. С.-Петербургъ. Томъ I — Часть общая (а, точнѣе, введеніе) — 1865. Томъ I — Часть общая — Выпускъ III (а, точнѣе, II) — 1866. Томъ II — Часть особенная — 1867.

4) Франческо Каррара (Francesco Carrara) родился въ 1805 г., умеръ въ 1888. Знаменитое сочиненіе Каррары носитъ названіе — Programma del corso di diritto criminale. Это сочиненіе содержитъ общую часть курса уголовнаго права, parte generale и особенную, parte speciale. Общая часть напечатана впервые въ 1863 г. въ одномъ томѣ. Она издавалась нѣсколько разъ. Пятое изданіе ея вышло въ 1877 г. въ двухъ томахъ: Programma del corso di diritto criminale dettato nella r. universita di Pisa dal professore Francesco Carrara. Parte generale. Quinta edizione. Lucca. 1877. Vol. I e II. Особенная часть курса уголовнаго права въ семи томахъ издавалась также нѣсколько разъ подъ заглавіемъ: Programma del corso di diritto criminale dettato . . . dal professore Francesco Carrara. Parte speciale. 1-й томъ ея напечатанъ въ 1864 г. 4-е же изданіе 1-го тома этой особенной части напечатано въ Луккѣ въ 1878 г.

криминалисты новѣйшаго времени вполнѣ ясно и сознательно пришли къ убѣжденію, что наука уголовнаго права дѣйствительно можетъ быть наукой въ истинномъ смыслѣ этого слова только въ томъ случаѣ, когда она разъ навсегда освободится отъ метафизическаго пріема и будетъ разрабатываться только съ помощью положительнаго метода въ его различныхъ видахъ, дѣйствительно примѣнимыхъ въ ея области.

Въ XIX-мъ вѣкѣ начинается правильное пониманіе историческаго пріема криминалистами. Примѣненіе этого пріема къ разработкѣ уголовнаго права упрочивается и пріобрѣтаетъ довольно большую распространенность. Къ числу наиболѣе выдающихся ученыхъ, способствовавшихъ своими трудами разработкѣ исторіи уголовнаго права, принадлежатъ: Джемсъ Фицджемсъ Стифенъ [1]) — въ Англіи, В. Вильда [2]), Г. Гельшнеръ [3]), Г. Гейбъ [4]) — въ Германіи, А. Ф. Кистяковскій [5]), Н. А. Неклюдовъ [6]), Н. С. Таганцевъ [7]) и И. Я. Фойницкій [8]) —

---

1) Джемсъ фицджемсъ Стифенъ (James Fitzjames Stephen) родился въ 1-й половинѣ, а умеръ въ началѣ девяностыхъ годовъ XIX-го вѣка. — Sir James Fitzjames Stephen — A history of the criminal law of England. London. 1883.I, II and III vol.

2) Вильгельмъ Вильда (Wilhelm Eduard Wilda) родился въ 1800 г., умеръ въ 1856. — W. E. Wilda — Das Strafrecht der Germanen. Halle. 1842.

3) Hugo Hälschner — Geschichte des Brandenburgisch - Preussischen Strafrechtes. Bonn. 1855.

4) Густавъ Гейбъ (Gustav Geib) родился въ 1808 г., умеръ въ 1864. — Gustav Geib — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Erster Band. Geschichte. Leipzig. 1861.

5) Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій родился въ 1833 г., умеръ въ 1885. А. Кистяковскій — Изслѣдованіе о смертной казни. Кіевъ. 1867. Второе изданіе этого изслѣдованія вышло въ 1896 г. — А. Ѳ. Кистяковскій — Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства. Часть общая. Третье изданіе, печатанное безъ перемѣнъ со второго А. Ѳ. Кистяковскаго. Кіевъ. 1891.

6) Николай Адріановичъ Неклюдовъ родился въ 1840 г., умеръ въ 1896. — Учебникъ уголовнаго права. Части общая и особенная. А. Ф. Бернера. Съ примѣчаніями, приложеніями и дополненіями по исторіи русскаго права и законодательству положительному Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. Т. I. (Вып. I). Часть общая (а, точнѣе, введеніе). С.-Петербургъ 1865. Приложеніе третье. Очеркъ исторіи русскаго уголовнаго права. с. 159—286. — Т. I. Вып. III (а, точнѣе, вып. II.). Часть общая. С.-Петербургъ. 1866.

7) Николай Степановичъ Таганцевъ родился въ 1843 г. — Н. С. Таганцевъ — О повтореніи преступленій. С.-Петербургъ. 1867. — Н. С. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. С.-Петербургъ. Четыре выпуска: 1-й — въ 1887 г., 2-й — въ 1888, 3-й — въ 1890 и 4-й — въ 1892.

8) Иванъ Яковлевичъ Фойницкій родился въ 1847 г. — И. Я. Фойницкій — Ссылка на Западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. С.-Петербургъ. 1881. — И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. С.-Петербургъ. 1889.

въ Россіи и Ж. Луазелёръ [1]) и Ж. Ортоланъ [2]) — во Франціи.

Въ XIX-мъ же столѣтіи начинаетъ развиваться правильное понятіе о сравнительно-историческомъ пріемѣ изслѣдованія. Этотъ пріемъ начинаетъ употребляться и въ наукѣ уголовнаго права, но имѣетъ сравнительно небольшое примѣненіе. Въ числѣ наиболѣе выдающихся примѣнителей этого пріема въ области уголовнаго права находятся: Ф. фонъ Гольцендорфъ [3]) и К. Миттермайеръ [4]) — въ Германіи и А. Ѳ. Кистяковскій [5]), Н. С. Таганцевъ [6]) и И. Я. Фойницкій [7]) — въ Россіи.

Догматическій пріемъ имѣетъ самое широкое примѣненіе въ области науки уголовнаго права въ XIX-мъ вѣкѣ. Разработка этой науки въ эти времена производится главнымъ образомъ съ помощью этого пріема. Уголовное право каждаго культурнаго народа получаетъ догматическую обработку, и сочиненія, богатыя ею появляются въ большомъ количествѣ. Къ числу наиболѣе выдающихся ученыхъ, оказавшихъ большое содѣйствіе развитію догмы уголовнаго права, принадлежатъ: К. Янка [8]) — въ Австріи, Д. Ф. Стифенъ [9]) — въ Англіи, Ж. Гаусъ [10]) — въ Бельгіи, П.

1) Жюль Луазелёръ (Jules Loiseleur). — M. Loiseleur — Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. Paris. 1863.

2) Жюль Ортоланъ (Jules Ortolan). — J. Ortolan — Eléments de droit pénal. 4-ème édition. 2 volumes. Paris. 1875.

3) Францъ фонъ Гольцендорфъ (Franz von Holtzendorff) родился въ 1829 г., умеръ въ 1889. — F. von Holtzendorff — Die Deportation als Strafmittel in alter und neuer Zeit und die Verbrecherkolonien der Engländer und Franzosen. Leipzig. 1859.

4) Карлъ Миттермайеръ (Carl Josef Anton Mittermaier) родился въ 1787 г., умеръ въ 1867. — C. J. A. Mittermaier — Die Todesstrafe. Heidelberg. 1862. — К. Ю. Миттермайеръ — Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ. Переводъ А. Саранчова. С.-Петербургъ. 1864.

5) Изслѣдованіе о смертной казни. — Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права.

6) О повтореніи преступленій. — Лекціи по русскому уголовному праву.

7) Ив. Фойницкій — Мошенничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе. С.-Петербургъ. 1871. — Ссылка на Западѣ. — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ.

8) К. Янка (K. Janka) родился въ 1837 г., умеръ въ 1888. — K. Janka — Das österreichische Strafrecht. Prag. 1884. Четвертое изданіе этого учебника вышло въ Вѣнѣ въ 1902 г.: K. Janka — Das österreichische Strafrecht. Vierte Auflage von E. von Kallina. Wien. 1902.

9) A digest of the criminal law. (Crimes and punishments). By the late Sir James Fitzjames Stephen. Fifth edition by Sir Herbert Stephen . . . and Harry Lushington Stephen . . . London and New York. 1894.

10) Ж. Гаусъ умеръ въ 1881 г. — J. J. Haus — Principes généraux de droit pénal belge. Tome I, Gand, 1874. Tome II, Gand, Paris, 1874. 1-е изданіе вышло въ 1869 г. Это — общая часть.

Фейербахъ [1]), Г. Гельшнеръ [2]), Г. Гейбъ [3]), А. Бернеръ [4]) и Ф. фонъ Листъ [5]) — въ Германіи, Ф. Каррара [6]), Э. Пессина [7]) и Б. Алимена [8]) — въ Италіи, А. Ѳ. Кистяковскій [9]), Н. А. Неклюдовъ [10]), Н. С. Таганцевъ [11]) и И. Я. Фойницкій [12]) — въ Россіи и А. Шово и Ф. Эли [13]),

---

1) Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen Peinlichen Rechts von Dr. Anselm Ritter von Feuerbach. Mit vielen Anmerkungen und Zusatzparagraphen ... herausgegeben von Dr. C. J. A. Mittermaier. 14 Auflage. Giesseen. 1847. Первое изданіе этого учебника Фейербаха напечатано въ 1801 г.

2) H. Hälschner — System des Preussischen Strafrechtes. II und III Theil. Das gemeine deutsche Strafrecht. 2 Bände.

3) Gustav Geib — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Zweiter Band. System. Allgemeine Lehre. Leipzig. 1862.

4) A. F. Berner — Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 18-te Auflage. 1898.

5) Францъ фонъ Листъ (Franz von Liszt) родился въ 1851 г. — Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. 10-te Auflage. 1900.

6) F. Carrara — Programma del corso di diritto criminale. Parte generale e parte speciale.

7) Энрико Пессина. — E. Pessina — Manuale del diritto penale italiano. Napoli. Parte prima, 1893 (общая часть). Parte seconda, 1895 (особенная часть.).

8) Бернардино Алимена. — Bernardino Alimena — I limiti e i modificatori dell' imputabilità. Torino. Volume primo — Introduzione, Naturalismo critico e diritto penale, 1894. Volume secondo — La non imputabilità, 1896. Volume terzo — La giustificazione, 1899.

9) А. Ѳ. Кистяковскій — Изслѣдованіе о смертной казни. — Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства.

10) Н. Неклюдовъ — Руководство для Мировыхъ Судей. 2-е изданіе. С.-Петербургъ. 1874. Томъ II. — Н. А. Неклюдовъ — Общая часть уголовнаго права (Конспектъ). С.-Петербургъ. 1875. — Н. А. Неклюдовъ — Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. С.-Петербургъ. Томъ I и II — 1876. Томъ III — 1878. Томъ IV — 1880.

11) Н. С. Таганцевъ — О повтореніи преступленій. — Н. С. Таганцевъ — О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву. С.-Петербургъ. Томъ I — 1870. Томъ II — 1871. — Н. С. Таганцевъ — Курсъ русскаго уголовнаго права. Часть общая. Ученіе о преступленіи. Санктпетербургъ. Три выпуска: 1-й — въ 1874 г., 2-й — въ 1878 и 3-й — въ 1880. — Н. С. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. Четыре выпуска.

12) И. Я. Фойницкій — Мошенничество по русскому праву. — Ссылка на Западѣ. — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. — И. Я. Фойницкій — Курсъ уголовнаго права. Часть особенная. Посягательства личныя и имущественныя. 4-е изданіе. С.-Петербургъ. 1901. Первое изданіе этого курса сдѣлано въ Петербургѣ въ 1890 г.

13) Адольфъ Шово и Фостенъ Эли, родившійся въ 1799 г. — Adolphe Chauveau et Faustin Hélie — Théorie du code pénal. 3-ème édition. Paris. 1852. 6 volumes. 1-е изданіе вышло въ Парижѣ въ 8 томахъ въ 1834 — 1842 г.

Э. Требюсіенъ [1]), Ж. Ортоланъ [2]) и Р. Гарро [3]) — во Франціи.

Въ XIX-мъ вѣкѣ продолжается выработка уголовно-политическаго пріема изслѣдованія, вырабатывается понятіе объ уголовной политикѣ и начинаетъ складываться мысль, что поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть признано высшимъ руководящимъ принципомъ уголовной политики у культурныхъ народовъ [4]). Въ ряду наиболѣе выдающихся писателей, оказавшихъ важныя услуги уголовной политикѣ, находятся: Ю. Варга — въ Австріи [5]), І. Бентамъ [6]) — въ Англіи, П. Фейербахъ [7]), Г. Бёмеръ [8]), Э. Генке [9]), Р. Кёстлинъ [10]), Г. Гельшнеръ [11]) и Ф. фонъ Листъ [12]) — въ Германіи,

---

1) Э. Требюсіенъ. — E. Trébutien — Cours élémentaire de droit criminel. Paris. 1854. 2 volumes.

2) J. Ortolan — Eléments de droit pénal. 1875. 2 volumes.

3) P. Гарро. — R. Garraud — Précis de droit criminel contenant l'explication élémentaire de la partie générale du code pénal, du code d'instruction criminelle et des lois qui ont modifié ces deux codes. 2-ème édition. Paris. 1885. Послѣднее 7-е изданіе этого учебника вышло въ Парижѣ въ 1901 г. — R. Garraud — Traité théorique et pratique du droit pénal français. Paris. Tome I-er — et II-ème — 1888. Tome III-ème — 1889. Tome IV-ème — 1891. Tome V-ème — 1893.

4) P. Poustoroslew — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Actes du Congrès Pénit. Intern. de Bruxelles. Vol. II. p. 314—315. Этотъ докладъ напечатанъ въ первый разъ въ 1899 г. въ Bulletin de la Commission Pénit. Intern. Quatrième série. Livraison I. См. въ этомъ изданіи с. 2—3.

5) Julius Vargha — Die Abschaffung der Strafknechtschaft. Studien zur Strafrechtsreform. Graz. I Theil, 1896. II Theil, 1897.

6) Traités de législation civile et pénale, Précédés de Principes généraux de Législation, et d'une Vue d'un Corp complet de Droit: terminés par un Essai sur l'influence des Tems et des Lieux relativement aux Lois. par M. Jérémie Bentham, jurisconsulte anglois. Publiés en François par Ét. Dumont, de Genève, d'après les Manuscrits confiés par l'Auteur. Tomes I, II et III. A Paris. An X=MDCCCII. — Jérémie Bentham — Théorie des peines et des recompenses. Paris. 1818. 2 volumes.

7) Feuerbach — Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen Peinlichen Rechts. Herausgegeben von Dr. Mittermaier. 1847.

8) Георгъ Бёмеръ (Georg Wilhelm Böhmer) родился въ 1761 г., умеръ въ 1839. — Georg Wilhelm Böhmer — Handbuch der Litteratur des Criminalrechts in seinen allgemeinen Beziehungen, mit besonderer Rücksicht auf Criminalpolitik nebst wissenschaftlichen Bemerkungen. Göttingen. 1816.

9) Eduard Henke — Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik. Berlin und Stettin. I Theil — 1823. II Theil — 1826. III Theil — 1830. IV Theil — 1838. Четвертая часть относится къ уголовно-судебному праву.

10) R. Köstlin — Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. Tübingen. 1845.

11) H. Hälschner — Das gemeine deutsche Strafrecht. 2 Bände. 1881—1887.

12) Von Liszt — Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. IX-er Band, S. 452—498; 737—782. X-er Band, S. 52—82. XII-er Band,

Д. Карминьяни [1]) и Б. Алимена [2]) — въ Италіи, Н. А. Неклюдовъ [3]), А. Ѳ. Кистяковскій [4]), Н. С. Таганцевъ [5]), И. Я. Фойницкій [6]) и Н. А. Полетаевъ [7]) — въ Россіи и А. Шово и Ф. Эли [8]), Э. Требюсіенъ [9]), Ж. Ортоланъ [10]), Г. Жоли [11]), Г. Тардъ [12]), Р. Гарро [13]) и Л. Проаль [14]) — во Франціи.

Въ XIX-мъ вѣкѣ возникаетъ двѣ новыхъ отрасли знанія, которыя при правильномъ развитіи могутъ принести много пользы наукѣ уголовнаго права, хотя крайніе представители ихъ, въ пылу увлеченія, и утверждаютъ, что онѣ должны поглотить науку уголовнаго права

S. 161—192. — Franz von Liszt — Задачи уголовной политики, въ изложеніи Б. Гурвича. — Franz von Liszt — Das Verbrechen als social-pathologische Erscheinung. Dresden. 1899. — V. Liszt — Die Aufgaben und die Methode der Strafrechtswissenschaft. Zeitschrift. Berlin. 1900. XX B. S. 161—174. — Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. 1900.

1) Джіованни Карминьяни. — Théoria delle leggi della sicurezza sociale di Giovanni Garmignani. 4 tomi. Pisa. 1831—1832.

2) B. Alimena — I limiti e i modificatori dell' imputabilità. 3 volumi.

3) Н. Неклюдовъ — уголовно-статистическіе этюды. Этюдъ первый. Статистическій опытъ изслѣдованія физіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію. С.-Петербургъ. 1865. — Н. А. Неклюдовъ — Общая часть уголовнаго права (Конспектъ).

4) А. Ѳ. Кистяковскій — Изслѣдованіе о смертной казни. — А. Ѳ. Кистяковскій — Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 1891.

5) Н. С. Таганцевъ — Курсъ русскаго уголовнаго права. — Н. С. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. 4 выпуска.

6) И. Я. Фойницкій — Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій. На досугѣ. Т. I. с. 261—397. См. выше с. 55 прим. 1. — И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ.

7) Николай Александровичъ Полетаевъ родился въ 1833 г. — Н. Полетаевъ — Объ основаніяхъ вмѣненія по началамъ положительной философіи. С.-Петербургъ. 1890.

8) A. Chauveau et F. Hélie — Théorie du code pénal.

9) E. Trébutien — Cours élémentaire de droit criminel.

10) J. Ortolan — Eléments de droit pénal.

11) Генри Жоли. — Henri Joly — L'homme et l'animal. 2-ème édition. Paris. 1886. — H. Joly — Le crime. Etude sociale. 3-ème éd. Paris. 1888. — H. Joly — La France criminelle. 2-ème éd. Paris 1889. — H. Joly — Le combat contre le crime. Paris. 1892.

12) Габріэль Тардъ родился въ 1843 г. — G. Tarde — La criminalité comparée. Paris. 1886. — G. Tarde — La philosophie pénale. 3-ème éd. Lyon. Paris. 1892.

13) R. Garraud — Précis de droit criminel. 1885. — R. Garraud — Traité théorique et partique du droit pénal français. 1888—1893.

14) Луи Проаль. — Louis Proal — Le crime et la peine. Paris. 1892.

и стать на ея мѣсто. Эти новыя отрасли знанія — уголовная антропологія и уголовная соціологія [1]).

Уголовная антропологія есть ученіе о преступномъ человѣкѣ и его особенностяхъ, о происхожденіи преступности въ человѣкѣ, о преступленіи и цѣлесообразной борьбѣ съ преступленіемъ и преступностью.

Основателемъ уголовной антропологіи является итальянскій профессоръ Чезаре Ломброзо [2]). Онъ положилъ начало ея въ семидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка своимъ сочиненіемъ о преступномъ человѣкѣ. Оно печаталось впервые по частямъ подъ заглавіемъ „L'uomo delinquente in rapporto all' antropologia, giurisprudenza ed alle discipline carcerarie", съ 1871-го года по 1876-й [3]). Съ теченіемъ времени,

---

1) В. Д. Спасовичъ — Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права. Вѣстникъ Европы. С.-Петербургъ. 1891. № 10. Второе изданіе этой статьи напечатано въ Москвѣ въ 1898 г. — Адольфъ Принсъ — Новыя доктрины уголовнаго права. Лекція 1895 г. Переводъ съ Французскаго Н. Р. 1897. С.-Петербургъ. — Е. Д. Синицкій — Моралистическое направленіе въ уголовномъ правѣ. Сборникъ правовѣденія и общественныхъ знаній. С.-Петербургъ. 1895. Т. IV. с. 224—295 (изложеніе ученій Г. Жоли.). — В. В. Пржевальскій — Профессоръ Францъ Листъ и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе. Сборникъ правовѣденія. 1896. Т. VI. с. 70—127. — Julius Vargha — Die Abschaffung der Strafknechtschaft. Graz. 1896. I. Theil. II. Die naturwissenschaftliche Methode der Kriminologie. S. 163—267. — М. П. Чубинскій — Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ. Кіевъ. 1898. — М. П. Чубинскій — Наука уголовнаго права и ея составные элементы. Ж. М. Ю. 1902. № 7. с. 3 — 72. — С. П. Мокринскій — Наказаніе, его цѣли и предположенія. Москва. 1902. Часть I. с. 1—50. — Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій — Новыя направленія въ уголовномъ правовѣдѣніи. Ж. М. Ю. 1903. № 1. с. 83—120; № 2. с. 152—178. — С. П. Мокринскій — Этико-политическое направленіе въ уголовномъ правѣ. Ж. М. Ю. 1903. № 3. с. 3—15.

2) Чезаре Ломброзо (Cesare Lombroso) родился въ 1836 г. По профессіи онъ — медикъ, профессоръ судебной медицины въ университетѣ въ Туринѣ.

3) Сочиненіе Ломброзо „L'uomo delinquente" было напечатано впервые въ Atti del Istituto Lombardo. Оно выдержало нѣсколько изданій. Второе изданіе вышло въ 1878 г., третье — въ 1884 и четвертое — въ 1885. Cesare Lombroso — L'Uomo Delinquente. 4 ed. Torino. 1885. Сочиненіе Ломброзо о преступномъ человѣкѣ переведено по нѣмецки и по французски. — Der Verbrecher in antropologischer, ärztlicher und juristischer Beziehung von Cesare Lombroso. In deutscher Bearbeitung von Dr. M. O. Fränkel. Hamburg. 1887. — César Lombroso — L'homme criminel. Criminel-né-fou moral-épileptique. Étude antropologique et médico-legale. Traduit sur la IV-e édition italienne par MM. Bernier et Bournet et précédé d'une préface du Dr. Ch. Letourneau. Paris. 1887. — César Lombroso — L'homme criminel. Atlas. Deuxième Édition. Rome. Turin. Florence. 1888. — C. Lombroso e R. Laschi — Il delitto politico e le Revoluzioni in rapporto al diritto, all' antropologia criminale ed alla scienza del governo. Torino. 1890. — C. Lombroso

въ новыхъ изданіяхъ этого сочиненія Ломброзо вносилъ различныя измѣненія въ свое ученіе о преступномъ человѣкѣ, но сущность этого ученія, — признаніе существованія прирожденныхъ преступниковъ и преступнаго типа съ различными физическими и психическими особенностями или признаками, — постоянно оставалась и остается неизмѣнной до сихъ поръ.

Такъ, по ученію Ломброзо, среди человѣческаго рода (genus — homo) существуетъ особый физическій или психо-физическій видъ или типъ съ нѣсколькими разновидностями. Это — прирожденные преступники (homo delinquens, delinquente nato), съ ихъ подраздѣленіями на убійцъ, воровъ, изнасилователей и. т. д. Прирожденный преступникъ родится со спеціальной способностью къ преступленію и, при первомъ удобномъ случаѣ, примется за преступную дѣятельность. Чтобъ быть преступникомъ нѣтъ надобности находиться въ здравомъ умѣ и твердой памяти: преступникомъ можетъ быть и идіотъ, и сумасшедшій. Прирожденный преступникъ имѣетъ отличительные признаки, какъ физическіе, такъ и психическіе. Первыми служатъ анатомическія особенности въ строеніи скелета, черепа, лица, тѣла, а вторыми выступаютъ особенности въ чувствахъ, въ свойствахъ характера, въ языкѣ и. т. д.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ своего сочиненія о преступномъ человѣкѣ Ломброзо сознается, что въ средѣ преступниковъ 40% имѣютъ, а 60% не имѣютъ преступнаго типа [1]), но за то этотъ типъ встрѣчается у 2—3% въ кругу непреступниковъ или людей, считающихся честными. Однако, этотъ процентъ, по словамъ Ломброзо [2]), нельзя считать точнымъ, такъ какъ не всѣ люди, считающіеся честными, дѣйствительно честны [3]).

& G. Ferrero — Женщина преступница и проститутка. Переводъ д-ра Г. И. Гордона. Съ 13 таблицами внѣ текста. Кіевъ. Харьковъ. 1897. Это сочиненіе напечатано по итальянски въ 1893 г. — C. Lombroso — Преступленіе. Переводъ д-ра Г. И. Гордона. С.-Петербургъ. 1900. — Cesare Lombroso — Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. Autorisirte Übersetzung von Dr. Hans Kurella und Dr. E. Jentsch. Berlin. 1902. Этотъ переводъ сдѣланъ съ итальянскаго изданія, вышедшаго въ 1899 г.

1) Lombroso — L'homme criminel. Préface de l'auteur. p. XIII. — Troisième partie. p. 669.

2) Lombroso — L'homme criminel. p. 242—243.

3) Нельзя не отмѣтить признанія Ломброзо (L'homme criminel. p. 243—244.), что, изслѣдуя 400 лицъ, жизнь которыхъ была ему извѣстна, онъ нашелъ у одного изъ нихъ, дѣйствительно честнаго человѣка, полный преступный типъ, а у 213 честныхъ людей — какой-нибудь изъ признаковъ преступнаго типа.

Ученіе Ломброзо нашло себѣ много приверженцевъ [1]), но встрѣтило и много противниковъ. Противники этого ученія вполнѣ доказали, что его основныя положенія о существованіи прирожденныхъ преступниковъ и преступнаго типа съ различными физическими и психическими особенностями или клеймами не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но составляютъ продуктъ слишкомъ спѣшныхъ и неправильныхъ умозаключеній, не удовлетворяющихъ строгимъ требованіямъ логики [2]).

Тѣмъ не менѣе, благодаря неутомимымъ трудамъ, увлеченію и

---

1) Bordier — Examen de trente-six crânes d'assassins. Paris. 1879. — E. Ferri — I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale. Bologna. 1881. — E. Ferri — Dei limiti fra diritto penale ed antropologia criminale. Bologna. 1881. — Р. Минцловъ — Особенности класса преступниковъ. Юридическій Вѣстникъ. Москва. 1881. № X. с. 216—246; № XI. с. 255—418; № XII. с. 577—606. — Д. А. Дриль — Молодые преступники. Москва. 1885. — R. Garofalo — Criminologia. Torino. 1885. — R. Garofalo — La criminologie. Paris. 1888. —A. Marro — I caratteri dei delinquenti. Torino. 1887. — Д. А. Дриль — Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями. Юридическій Вѣстникъ за 1889 г.: № I. с. 1—53; № III. с. 377—392; № V. с. 3—22; VI — VII. с. 171—195 и за 1890 г.: № II. с. 201—243; № III. с. 425—461. — Ch. Féré — Dégénérescence et criminalité. Paris. 1888. — Emile Laurent — Les habitués des prisons de Paris. Paris. 1890. — Havelock Ellis — Преступникъ. Переводъ съ англійскаго доктора А. М. Гринберга подъ редакціей профессора И. А. Сикорскаго. Кіевъ. Харьковъ. 1898. Это сочиненіе напечатано по англійски въ первый разъ въ 1890 г. подъ заглавіемъ „The criminal". — Ch. Letourneau — L'évolution juridique dans les diverses races humaines. Paris. 1891. p. 507—510. — H. Kurella — Die Naturgeschichte des Verbrechers. Stuttgart 1893. — E. Bleuler — Der geborene Verbrecher. München. 1896.

2) G. Tarde — Le type criminel. Revue Philosophique. Paris. 1885. T. XIX. № VI. — Luigi Lucchini — I Semplicisti del Diritto Penale. 1886. Это сочиненіе Луккини переведено по французски подъ заглавіемъ: L. Lucchini — Le droit pénal et les nouvelles théories. 1892. — Henri Joly — Le crime. 1888. — А. Вульфертъ — Антрополого-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи. Выпускъ I, Москва, 1887. Выпускъ II, Ярославль, 1893. — G. Tarde — La philosophie pénale. 1892. — Von Liszt — Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. IX B. S. 462—472. — Franz von Liszt — Задачи уголовной политики, въ изложеніи Бориса Гурвича. с. 11—19. — П. П. Пусторослевъ — Понятіе о преступленіи. Москва. 1891. с. 16—25. прим. 5. — П. П. Пусторослевъ — Анализъ понятія о преступленіи. Москва. 1892. с. 152—162. — Louis Proal — Le crime et la peine. — И. Фойницкій — Женщина-преступница. Сѣверный Вѣстникъ. С.-Петербургъ. 1893. № 2. с. 123—144; № 3. с. 111—140. — Arthur Mac Donald — Abnormal man, being essays on education and crime and related subjects, with digests of literature and a bibliography. Washington. 1893. — P. Poustoroslew — Criminalité et imputabilité. Уч. Зап. Имп. Юрьев. Унив. 1900. № 1. p. 47—54. — Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій — Новыя направленія въ уголовномъ правовѣдѣніи. Ж. М. Ю. 1903. №. 1. с. 85—120.

настойчивости Ломброзо и его приверженцевъ, уголовная антропологія получила большое развитіе ненаучнаго характера и дала мало цѣнныхъ выводовъ. Правильная научная разработка уголовной антропологіи есть дѣло будущаго.

Не смотря на это, нѣкоторые изъ криминалистовъ, какъ напр., Д. А. Дриль [1]), отказываясь отъ нѣкоторыхъ выдающихся крайностей современной уголовной антропологіи [2]), но продолжая увлекаться ею, находятъ необходимымъ подвергнуть уголовное право преобразованіямъ въ духѣ уголовной антропологіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что уголовное право каждаго культурнаго государства нашего времени настоятельно нуждается въ преобразованіяхъ; но они должны быть произведены не въ духѣ уголовной антропологіи, а соотвѣтственно требованіямъ уголовной политики, твердо руководимой правильно понятымъ принципомъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Отъ уголовной антропологіи переходимъ къ уголовной соціологи.

Уголовная соціологія есть ученіе о происхожденіи, проявленіи и напряженіи преступности въ человѣческомъ обществѣ и цѣлесообразной общественной борьбѣ съ нею.

Уголовная соціологія развилась на почвѣ работъ по уголовной статистикѣ.

Честь почина этихъ работъ принадлежитъ бельгійскому математику и астроному А. Кетле [3]), итальянскому писателю А. Бальби [4]) и французскому изслѣдователю А. Герри [5]). Ихъ работы, касающіяся уголовной статистики, были напечатаны въ первый разъ въ 1829 г. [6]).

---

1) Д. А. Дриль — Молодые преступники. — Д. А. Дриль — Позитивная школа уголовнаго права и ея противники. Юридическій Вѣстникъ. Москва. 1886. № XI. с. 539—554. — Д. А. Дриль — Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями. Юрид. Вѣстникъ. 1889 г.: № I, III, V и VI—VII. 1890 г.: № II и III. — Д. А. Дриль — Антропологическая школа и ея критики. Юрид. Вѣстникъ. 1890. № XII. с. 579—599. — Д. А. Дриль — Преступность и преступники. С.-Петербургъ. 1895. 2-е изданіе въ 1899 г.

2) Къ числу осторожныхъ приверженцевъ уголовной антропологіи, рѣшительно отказывающихся отъ крайностей ученія Ломброзо и его горячихъ послѣдователей, принадлежитъ В. Ф. Чижъ. В. Ф. Чижъ — Преступный человѣкъ передъ судомъ врачебной науки. Казань. 1894. Отд. отт. Изъ Неврологическаго Вѣстника т. II, Вып. I.

3) Адольфъ Жакъ Кетле (Adolphe Jaques Quetelet Lambert) родился въ 1786 г., умеръ въ 1874.

4) Адріано Бальби (Adriano Balbi) родился въ 1782 г., умеръ въ 1848.

5) Андрэ Мишель Герри (André Michel Guérry) родился въ 1802 г., умеръ въ 1867.

6) Adolphe Quetelet — Recherches statistiques sur le royaume des

Въ 1835 году Кетле напечаталъ свое изслѣдованіе „О человѣкѣ и развитіи его способностей или опытъ соціальной физики“ [1]) и этимъ изслѣдованіемъ положилъ основаніе уголовной соціологіи. Впослѣдствіи, въ 1869 году, Кетле издалъ эту работу вторично въ переработанномъ видѣ, подъ заглавіемъ „Соціальная физика или опытъ о развитіи способностей человѣка“ [2]), но главныя идеи, имѣющія важное значеніе для уголовной соціологіи, оставилъ безъ измѣненій.

Основываясь на данныхъ уголовной статистики, Кетле указываетъ, что въ одномъ и томъ же человѣческомъ обществѣ одни и тѣ же преступленія производятся каждый годъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Доказательствомъ служитъ то, что годовыя числа однихъ и тѣхъ же преступленій очень близки другъ къ другу (Physique sociale. T. I. p. 95—96. — T. II. p. 249 note 1 et p. 252.). Можно сказать, продолжаетъ Кетле (p. 97.), что есть особая подать, которую человѣкъ платитъ гораздо правильнѣе, чѣмъ ту, которую онъ долженъ природѣ или казначейству, это — подать, которую онъ платитъ преступленію. Можно вычислить заранѣе, сколько лицъ обагритъ свои руки въ крови себѣ подобныхъ, сколько будетъ подлоговъ, сколько отравителей.

Общество, говоритъ Кетле (p. 97.), заключаетъ въ себѣ зародыши всѣхъ преступленій, которыя совершатся. Оно въ нѣкоторомъ родѣ само подготовляетъ преступленія, а виновный служитъ лишь орудіемъ для осуществленія ихъ. Каждое состояніе общества предполагаетъ такимъ образомъ извѣстное число и извѣстный порядокъ

Pays-Bas. Mémoires de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Bruxelles. 1829. Tome V. Первое указаніе на постоянство, съ которымъ повторяются каждый годъ среди одного и того же населенія одни и тѣ же преступленія, было сдѣлано Кетле, судя по его словамъ (Ad. Quetelet — Physique sociale ou essai sur le développement des facultés de l'homme. Bruxelles. Paris. Saint-Pétersbourg. 1869. Tome I. p. 96. Note 2-ème.), въ его Recherches statistiques въ 1829 г. (p. 43.). — Adolphe Quetelet — Recherches sur le penchant au crime aux différents âges. Mémoires. 1832. T. VII. — Adolphe Quetelet — Statistique criminelle de la Belgique. Bruxelles. 1832.

A. Guérry et A. Balbi — Statistique comparée de l'état de l'instruction et du nombre des crimes dans les divers arrondissements des cours royales et des académies universitaires de France. Paris. 1829. — A. Guérry — Essai sur la statistique morale de la France. Paris. 1833.

1) Ad. Quetelet — Sur l'homme et le développement de ses facultés ou essai de physique sociale. Bruxelles 1835. 2 volumes.

2) Ad. Quetelet — Physique sociale ou essai sur le développement des facultés de l'homme. Bruxelles. Paris. Saint-Pétersbourg. 1869. 2 volumes.

преступленій. Преступленія вытекаютъ съ необходимой послѣдовательностью изъ самого строя общества. Хотя это наблюденіе и кажется съ перваго взгляда способнымъ привести въ отчаяніе, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается утѣшительнымъ, такъ какъ указываетъ на возможность улучшенія людей посредствомъ измѣненія ихъ учрежденій, привычекъ, степени образованности и вообще всего того, что оказываетъ вліяніе на ихъ образъ поведенія. Это наблюденіе представляетъ собой въ сущности не что иное, какъ выраженіе закона, отлично извѣстнаго всѣмъ философамъ, изучавшимъ общество въ физическомъ отношеніи. Онъ состоитъ въ томъ, что пока продолжаютъ существовать тѣ же самыя причины, нужно ожидать тѣхъ же самыхъ послѣдствій. Послѣдствія пропорціональны причинамъ (Physique sociale. 1869. T. II. p. 255.).

Кетле положилъ основаніе уголовной соціологіи, но не выдѣлилъ ея изъ своей соціальной физики въ отдѣльную отрасль знанія и не далъ ей особаго названія. Выдѣленіе уголовной соціологіи въ особую отрасль знанія и надѣленіе ея названіемъ „уголовной соціологіи“ было сдѣлано въ Италіи въ 80-хъ годахъ. Первое сочиненіе, посвященное уголовной соціологіи, какъ особой отрасли знанія, и озаглавленное ея особымъ именемъ, принадлежитъ Н. Колаянни[1]). Оно вышло въ 1884 г. на итальянскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Socialismo e sociologia criminale“ т. е. соціализмъ и уголовная соціологія.

Самымъ талантливымъ, самымъ дѣятельнымъ представителемъ уголовной соціологіи, хотя и увлекающимся до крайностей, считается итальянскій профессоръ Э. Ферри[2]). Признавая большія заслуги за

---

1) Наполеонъ Колаянни, Napoleone Colajanni. — N. Colajanni — Socialismo e sociologia criminale. Catania. 1884. — N. Colajanni — Oscillations thermométriques et délits contre les personnes. Archives de l'anthropologie criminelle et des sciences pénales. Lyon. 1886. T. I. — N. Colajanni — La question contemporaine de criminalité. Revue socialiste. Janvier. 1888. — N. Colajanni — sociologia criminale. Catania. 1889.

2) Энрико Ферри (Enrico Ferri) родился въ 1856 г. — E. Ferri — La teorica dell' imputabilità e la negazione del libero arbitrio. Bologna. 1878. — E. Ferri — Dei sostitutivi penali. Diritto penale ed antropologia criminale. Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale. Torino. 1880. T. I. — Enrico Ferri — I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale. Bologna. 1881. — E. Ferri — Dei limiti fra diritto penale ed antropologia criminale. Bologna. 1881. — Ferri — Studi sulla criminalità in Francia dal 1826 al 1878. Annali di statistica del Ministero di agricoltura e commercio. Roma. 1881. — Ferri — Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit von dem jährlichen Temperaturwechsel. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. 1882. II-ter Band. — Ferri — La scuola positiva di diritto pe-

наукой уголовнаго права въ прошедшемъ, онъ утверждаетъ, что въ настоящее время она потеряла почти всякое научное значеніе и должна уступить мѣсто новой наукѣ, — уголовной соціологіи: „ex morte vita“ (Ferri — Das Verbrechen. S. 487, а также S. 486—490. См. также La Justice Pénale.). При ближайшемъ же разсмотрѣніи главныхъ сочиненій Ферри, посвященныхъ этой новой отрасли знанія [1]), открывается съ полнѣйшей очевидностью, что она носитъ только названіе уголовной соціологіи, а въ дѣйствительности представляетъ соединеніе уголовной соціологіи въ чистомъ ея видѣ съ уголовной антропологіей подъ главенствомъ уголовной соціологіи, а потому, при точности терминологіи, должна быть названа уголовной антропо-соціологіей.

Въ своей уголовной соціологіи или, точнѣе, въ уголовной антропо-соціологіи Ферри излагаетъ и развиваетъ свое ученіе о трояких факторахъ преступности, индивидуальныхъ или антропологическихъ, соціальныхъ или общественныхъ и физическихъ или космическихъ (Das Verbrechen. S. 120—134; 148—178.). Главное значеніе онъ придаетъ антропологическимъ и соціальнымъ факторамъ (La Justice Pénale. p. 10—42; 45.).

Ферри опредѣляетъ въ своей уголовной соціологіи или, точнѣе, въ своей уголовной антропо-соціологіи и понятіе о преступленіи, но впадаетъ въ ошибки, неясности и противорѣчія. Онъ признаетъ преступленіемъ всякое дѣйствіе человѣка, вызванное противообщественными побужденіями, нарушающее условія существованія человѣческаго союза

---

nale. Siena. 1883. — E. Ferri — socialismo e criminalità. 1883. — E. Ferri — I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale. 2 edizione. Bologna. 1884. — E. Ferri — La scuola criminale positiva. Napoli. 1885. — E. Ferri — Sociologia criminale. 3 ed. Torino. 1892. Это сочиненіе Sociologia criminale представляетъ переработку сочиненія I nuovi orizzonti, а потому и обозначается въ качествѣ 3-го изданія. „Уголовная соціологія“ Ферри напечатана по французски подъ заглавіемъ: La Sociologie criminelle. Paris. 1893., а по нѣмецки подъ заглавіемъ: Das Verbrechen als sociale Erscheinung. Grundzüge der Kriminal-Sociologie von Enrico Ferri. Autorisirte deutsche Ausgabe von Dr. Hans Kurella. Leipzig. 1896. Четвертое изданіе уголовной соціологіи Ферри вышло въ Италіи въ 1900 г. подъ слѣд. заглавіемъ: Enrico Ferri — Sociologia criminale. Quarta edizione. Torino. 1900. — Enrico Ferri — La Justice Pénale. Son Évolution. — Ses Défauts. — Son Avenir. Résumé du cours de Sociologie criminelle fait à l'institut des hautes études de l'université nouvelle. Bruxelles. 1898.

1) См. различныя переработки главнаго сочиненія, выпущеннаго Ферри подъ различными заглавіями: I nuovi orizzonti, Sociologia criminale, La sociologie criminelle, Das Verbrechen als sociale Erscheinung и резюме курса уголовной соціологіи подъ заглавіемъ — La Justice Pénale.

въ данное время въ данномъ мѣстѣ [1]). Не смотря на всѣ измѣненія формъ преступности, говоритъ Ферри (La Justice Pénale. p. 11.), сущность ея состоитъ въ противообщественныхъ побужденіяхъ и нарушеніи условій существованія. Соединеніе этихъ двухъ элементовъ образуетъ атавическую преступность, la criminalité atavique т. е. преступность, отзывающуюся временами дикости. Таково, напр., убійство изъ личной мести или съ цѣлью похищенія имущества.

Нарушеніе же условій существованія безъ противообщественныхъ побужденій, продолжаетъ онъ (p. 11.), образуетъ эволютивную преступность, обусловленную политическимъ или соціальнымъ фанатизмомъ [la criminalité évolutive (par fanatisme politique ou social)]. Подъ именемъ эволютивной преступности Ферри разумѣетъ преступность, способствующую соціальному прогрессу. Сумасшедшіе и преступники (въ ихъ эволютивныхъ формахъ), говоритъ Ферри (p. 11.), точно такъже, какъ и геніи, но только въ совершенно иной степени, всегда были и будутъ факторами соціальнаго прогресса, благодаря ихъ любви къ новизнѣ, благодаря ихъ готовности къ жертвамъ, благодаря ихъ моноидеизму т. е. беззавѣтной преданности и повиновенію одной руководящей идеѣ, однимъ словомъ, — благодаря ихъ разнымъ особенностямъ, потрясающимъ консервативный мизонеизмъ т. е. консервативную цѣпкую привязанность къ старому, свойственную среднему нормальному человѣку. Каждое общество (господствующій классъ), добавляетъ Ферри (p. 11.), имѣетъ право защищаться противъ нападеній эволютивной преступности, но не имѣетъ права смѣшивать ее съ атавической преступностью.

Виновность, по ученію Ферри (Das Verbrechen. S. 274—326. — La Justice Pénale. p. 57; 62—63.), не входитъ въ составъ преступленія. Чтобъ быть преступникомъ нѣтъ надобности быть виновнымъ въ нарушеніи условій существованія человѣческаго союза по противообщественнымъ побужденіямъ. Преступникомъ является не тотъ, кто виновенъ въ томъ, что, по увлеченію противообщественными побужденіями, нарушилъ условія существованія человѣческаго союза, а тотъ, кто по противообщественнымъ побужденіямъ нарушилъ эти условія. Находился ли этотъ нарушитель во время своего поступка въ здравомъ умѣ и твердой памяти, или былъ сумасшедшимъ, или идіотомъ, это — безразлично: онъ — все равно преступникъ.

---

1) Ferri — La Justice Pénale. p. 11. „Suivant Ferri, Berenini, etc., le crime est „tout acte déterminé par des motifs antisociaux, qui offense les conditions d'existetnce de la collectivité à telle ou telle époque et dans tel on tel endroit"".

Наконецъ, Ферри опредѣляетъ въ своей уголовной соціологіи или, точнѣе, въ своей уголовной антропо-соціологіи и систему цѣлесообразной общественной борьбы съ преступленіемъ и преступностью.

Главное мѣсто въ ряду общественныхъ средствъ защиты отъ преступленій должны занимать, по мнѣнію Ферри (Dei sostitutivi penali. — Das Verbrechen. S. 178—218. — La Justice Pénale. p. 41—42.), предупредительныя мѣры т. е. мѣры, способныя къ предупрежденію возникновенія и развитія преступленій, чуждыя всякаго карательнаго характера. Напр., уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ служитъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ полному искорененію таможенныхъ преступленій. Облегченіе возможности развода служитъ предохранительнымъ средствомъ противъ прелюбодѣяній и супружескихъ убійствъ. Эти предупредительныя мѣры Ферри называетъ замѣстителями наказаній (sostitutivi penali).

Второе мѣсто въ ряду общественныхъ средствъ защиты противъ преступленій должно принадлежать, по мнѣнію Ферри, принудительнымъ мѣрамъ, подлежащимъ примѣненію къ лицамъ, уже учинившимъ преступленія. Такими мѣрами должны служить: наказаніе (Das Verbrechen. S. 165—178; 407—408. — La Justice Pénale. p. 38—39; 57; 78.) и возмѣщеніе вреда, причиненнаго жертвѣ преступленіемъ (Das Verbrechen. S. 414—420. — La Justice Pénale. p. 81—82.). Наказаніе должно состоять въ выдѣленіи лица изъ среды общества посредствомъ заключенія въ земледѣльческую колонію до открытія возможности къ безопасному возвращенію этой личности въ среду общества (Das Verbrechen. S. 407—408. — La Justice Pénale. p. 78.).

Сумасшедшіе преступники, прирожденные преступники и привычные преступники должны быть подвергаемы наказанію съ обязательствомъ къ возмѣщенію вреда, причиненнаго ими жертвамъ преступленія (La Justice Pénale. p. 73—79; 82.).

Случайные преступники и преступники по страсти нравственнаго характера (честь, любовь и пр.) или общественнаго (покровительство слабымъ, жалость, благотворительность и пр.) не должны быть подвергаемы наказанію, но должны быть обязываемы и, въ случаѣ надобности, принуждаемы къ возмѣщенію вреда, причиненнаго ими жертвамъ преступленій (Das Verbrechen. S. 471—473. — La Justice Pénale. p. 79—83.).

Что касается до политическихъ преступниковъ, говоритъ Ферри (La Justice Pénale. p. 82—83.), то они не составляютъ отдѣльной антропологической категоріи преступниковъ, такъ какъ преступникъ политическій (т. е. движимый политическимъ побужденіемъ) можетъ

принадлежать къ каждой изъ пяти антропологическихъ категорій. Онъ можетъ быть сумасшедшимъ преступникомъ или даже прирожденнымъ, хотя характеристическимъ типомъ для него служитъ типъ преступника по страсти (фанатизмъ, моноидеизмъ политическій, религіозный и пр.).

Къ числу выдающихся представителей уголовной антропо-соціологіи принадлежитъ и Р. Гарофало [1]). Хотя онъ и называетъ разработываемую имъ отрасль знанія криминологіей [2]), но эта отрасль знанія представляетъ собой не что иное, какъ своеобразное соединеніе уголовной соціологіи съ уголовной антропологіей подъ нѣкоторымъ главенствомъ уголовной соціологіи, а потому, при точности терминологіи, должна быть названа уголовной антропо-соціологіей.

Охарактеризовавъ въ самыхъ общихъ чертахъ литературу науки уголовнаго права въ XIX-мъ вѣкѣ и отмѣтивъ возникновеніе новыхъ отраслей знанія въ лицѣ уголовной антропологіи, уголовной соціологіи и уголовной антропо-соціологіи, неправильно присвоивающей себѣ названіе уголовной соціологіи [3]), мы можемъ указать теперь вкратцѣ различныя направленія ученыхъ этого вѣка въ разработкѣ науки уголовнаго права.

Представители науки уголовнаго права въ XIX-мъ вѣкѣ раздѣлаются на двѣ группы.

Къ первой принадлежатъ криминалисты такъ называемаго классическаго направленія, напр., К. Янка — въ Австріи, Д. Ф. Стифенъ — въ Англіи, Гаусъ — въ Бельгіи, П. Фейербахъ, Г. Бёмеръ, Э. Генке, Р. Кёстлинъ, Г. Гельшнеръ, Г. Гейбъ, А. Бернеръ, — въ Германіи, Д. Карминьяни, Ф. Каррара и Э. Пессина — въ Италіи, А. Ѳ. Кистяковскій, Н. А. Неклюдовъ и Н. С. Таганцевъ — въ Россіи и А. Шово, Ф. Эли, Э. Требюсіенъ, Ж. Ортоланъ, Р. Гарро и Л. Проаль — во Франціи.

Ко второй же относятся криминалисты новыхъ направленій, напр., Ю. Варга — въ Австріи, А. Принсъ [4]) — въ Бельгіи, Францъ фонъ Листъ — въ Германіи, Г. ванъ Гамель — въ Голландіи, Б. Алимена

---

1) Баронъ Рафаэлло Гарофало (Rafaello Garofalo) родился въ 1852 г.

2) R. Garofalo — Criminologia. Torino. 1885. — R. Garofalo — La criminologie. Paris. 1888.

3) P. Poustoroslew — Quelles sont, au point de vue de la codification pénale future, les conséquences du principe affirmé par l'École nouvelle qu'il faut attacher plus d'importance aux facteurs psychiques qu'aux effets matériels? Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal. Rapport. Berlin. 1902. X-ème volume. Livraison 1. p. 98—100.

4) Адольфъ Принсъ (Adolphe Prins). — A. Prins — Science pénale et droit positif. Bruxelles. Paris. 1899.

— въ Италіи, И. Я. Фойницкій и Н. А. Полетаевъ — въ Россіи и Г. Жоли и Г. Тардъ — во Франціи.

Криминалисты классическаго направленія гораздо многочисленнѣе, чѣмъ криминалисты новыхъ направленій.

Кромѣ того, криминалисты классическаго направленія выступаютъ въ научной литературѣ уголовнаго права гораздо раньше, чѣмъ криминалисты новыхъ направленій. Такъ, криминалисты классическаго направленія, какъ напр., В. Блэкстонъ — въ Англіи, К. Грольманъ и П. Фейербахъ — въ Германіи, начинаютъ свою научную дѣятельность во второй половинѣ XVIII-го вѣка; а криминалисты новыхъ направленій заявляютъ себя научными трудами новаго направленія лишь съ семидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка. Первымъ криминалистомъ новаго направленія является русскій ученый И. Я. Фойницкій, а первымъ научнымъ произведеніемъ новаго направленія — изслѣдованіе И. Я. Фойницкаго, напечатанное въ началѣ 1873 г. въ Судебномъ Вѣстникѣ подъ заглавіемъ — „Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій“ (См. выше с. 54—56.). Въ этомъ изслѣдованіи И. Я. Фойницкій впервые указалъ, что для устройства правильной общественной или государственно-общественной борьбы съ преступленіемъ необходимо изученіе условій преступности и что эти условія раздѣляются на три группы: на условія личныя, условія общественныя и условія физическія (См. выше с. 55 прим. 1.).

Какъ криминалисты классическаго направленія, такъ и криминалисты новыхъ направленій разработываютъ догму уголовнаго права съ надлежащей полнотой и правильностью. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между этими двумя группами ученыхъ; хотя, конечно, есть различія между нѣкоторыми отдѣльными писателями той и другой группы.

Но криминалисты классическаго направленія работаютъ надъ исторіей уголовнаго права гораздо больше, чѣмъ криминалисты новыхъ направленій. Въ этомъ отношеніи есть разница между этими двумя группами ученыхъ; хотя въ группѣ криминалистовъ новыхъ направленій и встрѣчаются такія лица, какъ напр., И. Я. Фойницкій, у которыхъ есть прекрасныя работы по исторіи уголовнаго права, нисколько не уступающія работамъ криминалистовъ классическаго направленія по этому предмету.

Какъ криминалисты классическаго направленія, такъ и криминалисты новыхъ направленій приблизительно одинаково пользуются сравнительно-историческимъ пріемомъ изслѣдованія, но работаютъ этимъ пріемомъ только немногіе.

Въ области же уголовной политики между криминалистами классическаго направленія и криминалистами новыхъ ваправленій существуетъ большое различіе. Криминалисты новыхъ направленій разработали уголовную политику гораздо больше, чѣмъ криминалисты классическаго направленія.

Криминалисты новыхъ направленій рѣшительно отказались отъ метафизическаго метода изслѣдованія въ пользу разныхъ видовъ положительнаго метода и выставили два принципа, весьма важныхъ для развитія уголовной политики, какъ составной части науки уголовнаго права. Первый принципъ состоитъ въ томъ, что въ основаніе уголовной политики должно быть положено тщательное изученіе причинъ, или факторовъ, или условій преступности и преступленій и при томъ изученіе съ помощью различныхъ видовъ положительнаго метода. Второй же принципъ заключается въ томъ, что общественная борьба съ преступленіемъ можетъ быть успѣшна только въ томъ случаѣ, когда она устроена цѣлесообразно, на основаніи глубокаго изученія причинъ, или факторовъ или условій преступности и преступленій.

Правда, въ этихъ принципахъ содержится нѣкоторое смѣшеніе понятій: причины и факторы смѣшиваются съ условіями. Кромѣ того, подъ именемъ преступности нерѣдко разумѣются разныя явленія: иногда — состояніе личности, а иногда — совокупность преступленій въ общественной средѣ. Тѣмъ не менѣе, провозглашеніе этихъ принциповъ и разработка уголовной политики на ихъ основаніи представляютъ несомнѣнное движеніе впередъ, хотя и не совсѣмъ вѣрными шагами. Криминалисты же классическаго направленія не сдѣлали и этого движенія.

Обращаясь къ изученію причинъ, факторовъ или условій преступности и преступленій, многіе изъ криминалистовъ новыхъ направленій, начиная съ И. Я. Фойницкаго, признавали, что эти причины, факторы или условія являются троякими: личными, общественными и космическими. Изученію подвергались главнымъ образомъ личныя условія и общественныя, а космическія изучались гораздо рѣже и меньше. Криминалисты же классическаго направленія вовсе не изучали космическихъ условій, очень мало изучали общественныя, а въ изученіи личныхъ уступали криминалистамъ новыхъ направленій.

Нѣкоторые думаютъ, что криминалисты классическаго направленія не изучали личныхъ условій преступленія; но это совершенно не вѣрно. Доказательствомъ служитъ то, что понятіе о виновности, понятіе о состояніи вмѣняемости, понятіе о состояніи невмѣняемости, понятіе объ обстоятельствахъ, исключающихъ вмѣненіе поступка въ вину, понятія объ обстоятельствахъ, повышающихъ и понижающихъ вину, выработ-

таны главнымъ образомъ трудами криминалистовъ классическаго направленія, а выработка этихъ понятій безъ изученія условій преступности, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ-преступникѣ, не возможна. Но криминалисты классическаго направленія изучали эти условія лишь настолько, насколько считали это необходимымъ для пріобрѣтенія возможности построенія отвлеченныхъ юридическихъ понятій, при чемъ, при построеніи этихъ понятій, нерѣдко прибѣгали къ помощи метафизики, а метафизика оттѣсняла изученіе личныхъ условій преступности на задній планъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что криминалисты классическаго направленія много работали надъ системой наказанія за преступленіе и дали много цѣнныхъ выводовъ. Но криминалисты новыхъ направленій сдѣлали въ этомъ отношеніи еще больше и при томъ именно потому, что разработывали систему общественной борьбы государства съ преступленіемъ на основаніи тщательнаго изученія причинъ, факторовъ или условій возникновенія преступленій и преступности.

Кромѣ того, криминалисты новыхъ направленій ясно отмѣтили, что для успѣшной борьбы государства съ преступленіемъ и преступностью необходима широкая система предохранительныхъ мѣръ, т. е. мѣръ, предупреждающихъ возникновеніе и развитіе преступности въ человѣкѣ, но не имѣющихъ никакого карательнаго характера, какъ напр., поддержаніе и развитіе нравственности, уваженія къ праву, уваженія къ личности въ человѣческой средѣ, обезпеченіе правильнаго воспитанія молодежи, распространеніе образованія, улучшеніе соціальныхъ, экономическихъ и юридическихъ условій жизни народонаселенія и т. д. Правда, нѣкоторые изъ криминалистовъ классическаго направленія, какъ напр., П. Фейербахъ, сдѣлали нѣкоторые намеки на необходимость предохранительныхъ мѣръ этого рода еще задолго до появленія криминалистовъ новыхъ направленій, но честь яснаго выраженія идеи о необходимости цѣлой системы предохранительныхъ мѣръ противъ преступленія принадлежитъ криминалистамъ новыхъ направленій. Этимъ же криминалистамъ принадлежитъ главнымъ образомъ и разработка этой идеи.

Криминалисты новыхъ направленій, отдѣляясь отъ криминалистовъ классическаго направленія въ особую группу, въ свою очередь не отличаются единствомъ направленія, но, соотвѣтственно разницѣ своихъ направленій, подраздѣляются на четыре категоріи.

Къ первой категоріи принадлежатъ тѣ изъ криминалистовъ новаго направленія, которые разработываютъ уголовную политику въ духѣ уголовной антропологіи и, такимъ образомъ, держатся уголовно-антро-

пологическаго направленія. Таковъ, напр., Д. А. Дриль (выше с. 76 прим. 1.).

Ко второй категоріи относятся тѣ изъ криминалистовъ новаго направленія, которые работаютъ надъ уголовной политикой въ духѣ уголовной соціологіи и, такимъ образомъ, держатся уголовно-соціологическаго направленія. Таковъ, напр., Г. Тардъ (выше с. 72 прим. 12.).

Третью категорію составляютъ тѣ криминалисты новаго направленія, которые разработываютъ уголовную политику въ духѣ уголовной антропо-соціологіи и, такимъ образомъ, держатся уголовно-антропо-соціологическаго направленія. Таковы, напр., Францъ фонъ Листъ (выше с. 71 прим. 12.) [1]), Г. ванъ Гамель (с. 54 прим. 3.), А. Принсъ (с. 82 прим 4.) и Ю. Варга (с. 71 прим. 5.).

Наконецъ, къ четвертой категоріи принадлежатъ тѣ криминалисты новаго направленія, которые, разработывая уголовную политику, изучаютъ личныя, общественныя и космическія условія преступности и преступленій, какъ напр., И. Я. Фойницкій [2]), или личныя и общественныя условія, какъ напр., Г. Жоли (выше с. 72 прим. 11.) и Б. Алимена (с. 72 прим. 2.), или, по меньшей мѣрѣ, одни только личныя, какъ напр., Н. А. Полетаевъ (с. 72 прим. 7.), но, при этомъ изученіи точно также, какъ и вообще при разработкѣ уголовной политики, не

---

1) Отношеніе Ф. фонъ Листа, Г. ванъ Гамеля и А. Принса съ ихъ сторонниками къ такъ называемой классической школѣ уголовнаго права охарактеризовано вкратцѣ Ф. фонъ Листомъ въ его рѣчи въ С.-Петербургѣ въ 1902 г. — Ф. фонъ Листъ — Общественные факторы преступности. (Переводъ съ нѣмецкаго). Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи С.-Петербурскаго съѣзда Международнаго союза криминалистовъ 8/21 сентября 1902 года. Ж. М. Ю. 1903. № 2. с. 38—54. „Сущность различія между взглядами обоихъ направленій, сказалъ Ф. фонъ Листъ (Общест. факторы преступности. с. 38—39.), сводится . . . къ различной или, точнѣе, не въ одинаковой степени общей постановкѣ вопроса. Классическая школа поставила себѣ лишь одну задачу — созданіе и разработку догматической системы уголовнаго права; мы же къ этой задачѣ присоединили еще другую — изслѣдованіе причинъ преступленія, созданіе научной этіологіи преступности".

2) И. Я. Фойницкій — Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій. На досугѣ. Т. I. 1898. VI. с. 261—397. Первое изданіе въ 1873 г. См. выше с. 54—56 съ прим. 1 на с. 55, а также с. 83. — И. Я. Фойницкій — Уголовное право, его предметъ, его задачи. Вступительная лекція въ курсъ русскаго уголовнаго права, прочтенная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 10 сентября 1873 г. (Судебн. журн. 1873, № 5). На досугѣ. Т. I. VII. с. 398—431. — И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. См. выше с. 56—57. — И. Фойницкій — Уголовно-правовая доктрина о соучастіи. Юридическій Вѣстникъ. Москва. 1891. № 1. с. 3—28. — И. Фойницкій — Женщина-преступница. Сѣверный Вѣстникъ. 1893. № 2. с. 123 — 144; № 3. с. 111—140.

становятся подъ знамена ни уголовной антропологіи, ни уголовной соціологіи, ни уголовной антропо-соціологіи, а держатся критическаго отношенія и сохраняютъ самостоятельность мнѣній. Криминалистовъ этого направленія можно назвать представителями прогрессивнаго уголовно-политическаго направленія.

§ 10. **Вспомогательныя науки и отрасли знанія.**

Наука уголовнаго права, въ интересахъ своего правильнаго и успѣшнаго развитія, нуждается въ помощи многихъ другихъ наукъ и отраслей знанія, какъ юридическихъ, такъ и неюридическихъ.

Уголовное право, уголовно-охранительное, уголовно-судебное и уголовно-исполнительное представляютъ собой четыре составныя части одного и того же сложнаго цѣлаго, извѣстнаго подъ именемъ уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова. Уголовно-охранительное право занято предупрежденіемъ и пресѣченіемъ тѣхъ самыхъ уголовныхъ правонарушеній, которыя опредѣлены по содержанію уголовнымъ правомъ. Въ свою очередь, уголовно-судебное право и уголовно-исполнительное являются необходимыми средствами къ практическому примѣненію постановленій уголовнаго права о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ дѣйствительной жизни. Въ виду этого, и наука уголовнаго права стоитъ въ тѣсной связи съ науками уголовно-охранительнаго права, уголовно-судебнаго и уголовно-исполнительнаго.

Говоря о связи между уголовнымъ правомъ и уголовно-судебнымъ, многіе ученые утверждаютъ, что первый сознательный шагъ къ систематическому разграниченію уголовнаго права и уголовно-судебнаго въ области положительнаго права былъ сдѣланъ французскимъ законодателемъ въ началѣ XIX вѣка. Такъ, 17 ноября 1808 г. былъ утвержденъ во Франціи уставъ уголовнаго судопроизводства (code d'instruction criminelle), 2 февраля 1810 г. — уголовное уложеніе (code pénal), а 20 апрѣля 1810 г. — законъ о судоустройствѣ (loi sur l'organisation de l'ordre judiciaire et l'administration de la justice).

Этотъ взглядъ, однако, — совершенно не вѣренъ. Честь почина въ данномъ отношеніи принадлежитъ Россіи, а не Франціи. 30 марта 1716 года русскій Царь Петръ I утвердилъ обширный проектъ закона, извѣстнаго подъ именемъ „Устава Воинскаго“ [П. С. З. (с. 1.) Т. V. № 3006. Уставъ Воинскій.]. Этотъ законъ состоитъ изъ четырехъ обширныхъ частей. 1-я носитъ названіе „Уставъ Воинскій“, 2-я — „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“, 3-я — „Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжебъ“, и 4-я — О экзерциціи, о пріуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и о должности полковыхъ чиновъ“. Въ „Артикулѣ воинскомъ съ краткимъ толкованіемъ“

изложены постановленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, а въ „Краткомъ изображеніи Процессовъ или Судебныхъ тяжебъ“ — постановленія о судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

Примѣръ русскаго законодателя не вызвалъ подражанія, примѣру же французскаго послѣдовали многія изъ культурныхъ государствъ въ XIX вѣкѣ.

Наука уголовнаго права, изучая различные роды, виды и подвиды принудительнаго заключенія, установленнаго въ качествѣ наказанія за уголовныя правонарушенія, приходитъ въ близкую связь не только съ уголовно-исполнительнымъ правомъ, изучающимъ, между прочимъ, тѣ же роды, виды и подвиды принудительнаго заключенія, но и съ тюрмовѣдѣніемъ. Тюрмовѣдѣніе есть ученіе о принудительномъ заключеніи, какъ средствѣ, устроенномъ для осуществленія нѣкоторыхъ спеціальныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ нѣкоторыми отраслями объективнаго права, а именно — уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дисциплинарнымъ правомъ, полицейскимъ или, точнѣе, административнымъ правомъ, гражданскимъ правомъ и военнымъ правомъ.

Благодаря тѣсной связи между преступленіемъ и психическимъ, духовнымъ состояніемъ человѣка передъ учиненіемъ и во время учиненія преступленія, наука уголовнаго права стоитъ въ тѣсной связи съ психологіей, какъ наукой о психической жизни человѣка.

Отрицая виновность и уголовную отвѣтственность душевно-больныхъ за ихъ поступки, наука уголовнаго права приходитъ въ связь съ судебной психопатологіей, какъ наукой о душевныхъ болѣзняхъ или разстройствахъ душевной дѣятельности.

Нуждаясь въ помощи медицинскихъ и естественныхъ наукъ для правильнаго рѣшенія многихъ изъ вопросовъ уголовнаго права, напр., вопросовъ о состояніяхъ вмѣняемости и невмѣняемости, о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, о насильственной смерти, наука уголовнаго права, становится въ близкое отношеніе къ судебной медицинѣ. Судебная медицина есть систематическое ученіе объ изслѣдованіи, удостовѣреніи и оцѣнкѣ такихъ явленій, которыя имѣютъ значеніе въ области права, но могутъ быть правильно поняты только съ помощью медицинскихъ и естественныхъ наукъ.

Признавая зависимость преступленія отъ условій, лежащихъ въ самой личности преступника, наука уголовнаго права становится въ связь съ уголовной антропологіей. Уголовная антропологія есть ученіе о преступномъ человѣкѣ и его особенностяхъ, о происхожденіи преступности въ человѣкѣ, о преступленіи и цѣлесообразной борьбѣ съ преступленіемъ и преступностью.

Въ свою очередь, признавая зависимость преступленій отъ условій,

лежащихъ въ самомъ строѣ и экономическомъ, техническомъ, умственномъ, нравственномъ, религіозномъ, правовомъ, семейномъ, государственномъ и вообще общественномъ развитіи того человѣческаго общества, изъ среды котораго являются преступники, наука уголовнаго права приходитъ въ близкое соприкосновеніе съ уголовной соціологіей. Уголовная соціологія есть ученіе о происхожденіи, проявленіи и напряженіи преступности въ человѣческомъ обществѣ и цѣлесообразной общественной борьбѣ съ нею.

Наука уголовнаго права стоитъ въ связи и съ уголовной статистикой. Уголовная статистика изслѣдуетъ, какъ и при какихъ условіяхъ дѣйствуютъ уголовное, уголовно-судебное и уголовно-исполнительное право и какихъ достигаютъ результатовъ.

Въ виду необходимости правильнаго отграниченія уголовныхъ правонарушеній отъ дисциплинарныхъ, а также въ виду однородности и даже тождества нѣкоторыхъ уголовныхъ наказаній съ наказаніями дисциплинарными, наука уголовнаго права соприкасается съ ученіемъ о дисциплинарномъ правѣ. Дисциплинарное право есть совокупность правилъ права, опредѣляющихъ правомѣрную борьбу государства, общественныхъ союзовъ и частныхъ лицъ противъ дисциплинарныхъ правонарушеній и ихъ учинителей.

Наука уголовнаго права стоитъ въ близкой связи съ наукой государственнаго права.

Во первыхъ, основные законы культурныхъ государствъ часто содержатъ въ себѣ важнѣйшіе принципы уголовнаго законодательства. Напр., основные законы многихъ культурныхъ государствъ провозглашаютъ правило: преступно только то, что законъ призналъ преступленіемъ (nullum crimen sine lege).

Во вторыхъ, учрежденіе помилованія, важное для уголовнаго права, опредѣляется во многихъ отношеніяхъ постановленіями государственнаго права, соотвѣтственно особенностямъ государственнаго устройства.

Въ третьихъ, государственное устройство страны имѣетъ важное вліяніе на состояніе дѣйствующаго уголовнаго права.

Наконецъ, въ четвертыхъ, составъ многихъ изъ государственныхъ преступленій стоитъ въ зависимости отъ государственнаго устройства страны и измѣняется съ измѣненіемъ этого устройства.

Наука уголовнаго права соприкасается по нѣкоторымъ вопросамъ съ наукой о полицейскомъ правѣ или, точнѣе съ наукой объ административномъ правѣ т. е. о правѣ внутренняго государственнаго управленія. Таковы, напр., вопросы о предупрежденіи и пресѣченіи особенно вредныхъ дѣйствій со стороны опасныхъ лицъ, находящихся

въ состояніи невмѣняемости, или вопросы объ изданіи обязательныхъ постановленій, съ разрѣшенія закона, административными властями и при томъ такихъ, которыя подлежатъ исполненію подъ страхомъ наказанія.

Между науками уголовнаго и гражданскаго права существуетъ связь по нѣсколькимъ вопросамъ, напр., по вопросу о гражданскихъ убыткахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ уголовному правонарушенію.

Наука уголовнаго права приходитъ въ соприкосновеніе съ наукой церковнаго права по вопросамъ о нѣкоторыхъ преступленіяхъ, напр., о преступленіяхъ противъ вѣры, о преступленіяхъ должности относительно церковнаго бракосочетанія и т. д.

Наукѣ уголовнаго права приходится соприкасаться по нѣкоторымъ вопросамъ и съ наукой международнаго права, напр., по вопросамъ о непримѣненіи туземныхъ уголовныхъ законовъ къ нѣкоторымъ разрядамъ иностранцевъ, о выдачѣ преступниковъ, о государственныхъ преступленіяхъ, затрогивающихъ международныя отношенія, и т. д.

Наконецъ, въ виду постоянной тѣсной связи уголовнаго права съ государствомъ, съ условіями жизни и съ матерьяльными и духовными потребностями гражданъ, наука уголовнаго права стоитъ въ тѣсной связи какъ съ исторіей внѣшней жизни народовъ т. е. съ политической исторіей, такъ и съ исторіей внутренней жизни народовъ т. е. съ исторіей цивилизаціи или культуры.

§ 11. Предметъ и планъ лекцій.

Предметомъ нашихъ занятій служитъ догма дѣйствующаго русскаго уголовнаго права, въ связи съ догмой дѣйствующаго уголовнаго права другихъ культурныхъ государствъ, а также въ связи съ историческимъ и уголовно-политическимъ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ институтовъ или учрежденій уголовнаго права. Мы подвергнемъ изученію систему дѣйствующаго русскаго уголовнаго права въ ея научномъ построеніи, обратимъ вниманіе на системы уголовнаго права другихъ культурныхъ государствъ также въ научномъ построеніи, познакомимся съ историческимъ происхожденіемъ и развитіемъ важнѣйшихъ учрежденій уголовнаго права и разсмотримъ, насколько они въ ихъ современномъ состояніи удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ, при современныхъ условіяхъ народной жизни.

Занимаясь изученіемъ догмы русскаго уголовнаго права, мы начнемъ съ ея общей части и, познакомившись послѣдовательно со всѣми тремя отдѣлами послѣдней т. е. съ ученіемъ объ источникахъ уголовнаго права, съ ученіемъ о преступленіи и учиненіемъ о наказаніи, перейдемъ къ особенной части и закончимъ ею нашу работу.

Общая часть русскаго уголовнаго права.

Отдѣлъ I.

Источники уголовнаго права.

Глава II.

Источники уголовнаго права.

§ 12. Источники права.

Государство, какъ намъ извѣстно (см. выше с. 22—29.), есть единственный учредитель права.

Право есть порядокъ, установленный и поддерживаемый государствомъ, опредѣляющій, каковы могутъ или даже должны быть внѣшнія отношенія людей другъ къ другу, при удовлетвореніи матерьяльныхъ и духовныхъ человѣческихъ потребностей въ средѣ совмѣстнаго существованія, и каковы могутъ или даже должны быть мѣры внѣшняго принужденія или даже поощренія людей къ соблюденію надлежащихъ отношеній (см. выше с. 24—29.).

Каковъ — правовой порядокъ въ государствѣ или, другими словами, каково — содержаніе дѣйствующаго права въ государствѣ, это выражается правилами, которыя и называются правилами правового порядка или правовыми правилами. Только эти правила имѣютъ обязательную силу въ государствѣ. Только они рѣшаютъ вопросъ, что — правомѣрно и что — не правомѣрно въ данномъ государствѣ. Правомѣрно — въ данномъ государствѣ только то, что — позволено или вмѣнено въ обязанность правовыми правилами этого государства; не правомѣрно же — только то, что — противно положительнымъ или отрицательнымъ обязанностямъ, установленнымъ этими правилами.

Государство установляетъ правовыя правила при посредствѣ своего органа верховной власти, а также при посредствѣ органовъ, уполномоченныхъ послѣднимъ къ учрежденію права.

Государство установляетъ правовыя правила тремя способами: 1) путемъ изданія законовъ, 2) путемъ заключенія международныхъ договоровъ и 3) путемъ одобренія какъ заранѣе сложившихся обычаевъ, такъ и правилъ, уже принятыхъ религіознымъ союзомъ людей одного и того же вѣроисповѣданія. Это одобреніе можетъ быть выражено двоякимъ образомъ: 1) посредствомъ словъ закона или международнаго договора — „соблюдать въ извѣстныхъ случаяхъ указанный обычай или указанное правило религіознаго союза“ и 2) молчаливо, безъ словъ, посредствомъ вразумительныхъ безмолвныхъ поступковъ со стороны обладателя верховной власти или, по крайней мѣрѣ, со стороны органовъ, уполномоченныхъ имъ къ установленію права. Молчаливое одобреніе обычая или такого правила государствомъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда государство въ лицѣ своего обладателя верховной власти или, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ органовъ, уполномоченныхъ послѣднимъ къ установленію права, знаетъ о данномъ обычаѣ или данномъ правилѣ религіознаго союза, своимъ образомъ дѣйствій допускаетъ его соблюденіе, но не заявляетъ своего согласія посредствомъ устнаго, или письменнаго, или печатнаго слова. Согласіе государства есть, но утверждающаго слова не выражено. А между тѣмъ основные законы государства не требуютъ въ данномъ случаѣ, чтобы утверждающая воля государства выразилась именно словами въ устной, или письменной, или печатной формѣ.

Изданіе закона, заключеніе международнаго договора и одобреніе обычая или одобреніе правила, принятаго религіознымъ союзомъ людей одного и того же вѣроисповѣданія, одинаково служатъ тѣми способами, съ помощью которыхъ государство установляетъ правила дѣйствующаго правового порядка или дѣйствующаго права. Правила права, дѣйствующаго въ государствѣ, одинаково могутъ содержаться и въ законѣ государства, и въ международномъ договорѣ государства, и въ обычаѣ, одобренномъ со стороны государства, и въ правилахъ религіознаго союза, одобренныхъ государствомъ. Въ виду этого, и законъ, и международный договоръ, и обычай, одобренный государствомъ, и правила религіознаго союза людей одной и той же вѣры, одобренныя государствомъ, одинаково могутъ называться и называются источниками права.

§ 13. Источники уголовнаго права вообще и источники его въ культурныхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россійской Имперіи.

Уголовное право государства можетъ имѣть четыре источника: законъ государства, международный договоръ государства съ другимъ

государствомъ, обычай, одобренный государствомъ, и правила религіознаго союза людей одного и того же вѣроисповѣданія, одобренныя государствомъ.

Въ культурныхъ государствахъ встрѣчается только три источника уголовнаго права: законъ государства, обычай, одобренный государствомъ, и правила религіознаго союза людей одного и того же вѣроисповѣданія, одобренныя государствомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждое культурное государство состоитъ въ различныхъ договорахъ съ другими государствами. Не подлежитъ сомнѣнію, что среди международныхъ договоровъ культурнаго государства обыкновенно имѣются и такіе, которые касаются области уголовнаго права и обыкновенно содержатъ договорныя постановленія о выдачѣ преступниковъ. Тѣмъ не менѣе, и эти международные договоры, касающіеся уголовнаго права, совершенно не служатъ источниками уголовнаго права для культурнаго государства. Дѣло въ томъ, что, выговаривая себѣ права и принимая на себя обязанности передъ другими государствами въ отношеніи преступниковъ, культурное государство не создаетъ въ своемъ договорѣ никакихъ новыхъ преступленій или наказаній, но признаетъ лишь тѣ преступленія и наказанія, которыя уже установлены закономъ этого государства, и, оставаясь послѣдовательнымъ охранителемъ интересовъ наибольшаго благосостоянія своего народа, не можетъ поступать иначе. Отсюда становится ясно, что въ международныхъ договорахъ культурнаго государства, касающихся области уголовнаго права, источникомъ уголовнаго права т. е. источникомъ, опредѣляющимъ содержаніе преступленій и наказаній, признанныхъ со стороны культурнаго государства, служитъ въ дѣйствительности не договоръ, но тотъ уголовный законъ, изъ постановленій котораго о преступленіяхъ и наказаніяхъ исходитъ въ своемъ международномъ договорѣ это культурное государство.

По отношенію къ источникамъ уголовнаго права, культурныя государства раздѣляются на двѣ группы.

Къ первой группѣ принадлежатъ тѣ культурныя государства, въ каждомъ изъ которыхъ уголовное право имѣетъ только одинъ источникъ — законъ. Такъ, законъ является единственнымъ источникомъ уголовнаго права во Французской Республикѣ, въ Германской Имперіи, въ Голландскомъ Королевствѣ, въ Итальянскомъ Королевствѣ и. т. д.

Ко второй же группѣ относятся тѣ культурныя государства, въ каждомъ изъ которыхъ уголовное право имѣетъ два или три источника. Въ случаѣ наличности двухъ источниковъ, ими служатъ: законъ государства и обычай, одобренный государствомъ. При наличности

же трехъ источниковъ, ими служатъ законъ государства, обычай, одобренный государствомъ, и правила религіознаго союза людей одного и того же вѣроисповѣданія, одобренныя государствомъ. Источникъ послѣдней категоріи дѣйствуетъ только въ качествѣ исключенія и имѣетъ сравнительно небольшой кругъ примѣненія. Что касается примѣровъ, то въ Королевствѣ Великобританіи уголовное право имѣетъ два источника: законъ и обычай, одобренный государствомъ. Въ Россійской же Имперіи уголовное право имѣетъ три источника: законъ государства, обычай, одобренный государствомъ, и правила религіозныхъ союзовъ, одобренныя государствомъ.

По отношенію между источниками уголовнаго права: закономъ и одобреннымъ обычаемъ, культурныя государства второй группы въ свою очередь подраздѣляются на двѣ подгруппы.

Первую подгруппу составляютъ тѣ культурныя государства, въ которыхъ законъ является главнымъ источникомъ уголовнаго права и дѣйствуетъ въ видѣ очень широко распространеннаго общаго правила; обычай же, одобренный государствомъ, выступаетъ лишь маловажнымъ источникомъ уголовнаго права, дѣйствуетъ только въ видѣ исключенія изъ общаго правила и имѣетъ сравнительно небольшой кругъ примѣненія.

Такъ, напр., въ Россійской Имперіи, законъ является главнымъ источникомъ уголовнаго права и дѣйствуетъ въ видѣ очень широко распространеннаго общаго правила [1]); обычай же и при томъ только дозволенный закономъ выступаетъ источникомъ уголовнаго права только въ качествѣ ограниченнаго исключенія и при томъ лишь въ случаяхъ, указанныхъ самимъ закономъ [2]).

По нашему законодательству, только инородцамъ, указаннымъ въ законѣ, принадлежащимъ къ одному изъ племенъ, находящихся, по своему духовному развитію, на ступени дикости или варварства, дозволяется закономъ судиться, при нѣкоторыхъ условіяхъ, за уго-

---

1) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. I. Ч. I. Изданіе 1892 г. Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ. ст. 47. — Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по Продолженію 1890 и 1891 годовъ. ст. 1 и 168. — Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по Продолженію 1890 и 1891 годовъ. ст. 1. — Сводъ Военныхъ Постановленій. Книга XXII. Воинскій уставъ о наказаніяхъ. Изданіе 1879 г. ст. 1. — Сводъ Морскихъ Постановленій. Книга XVI. Военноморской уставъ о наказаніяхъ. Изданіе 1886 г. ст. 1. Этотъ принципъ проводится и уголовнымъ уложеніемъ. ст. 1; 4—5.

2) Уложеніе о наказаніяхъ. ст. 168 съ примѣчаніемъ, по прод. 1902 г., и съ приложеніемъ V-мъ, снабженнымъ двумя примѣчаніями и указаніемъ на исключеніе IV-го отдѣла, по прод. 1902 г. — См. выше с. 15—16 и прим. 4 на с. 15—16.

ловныя правонарушенія въ своихъ инородческихъ судахъ, по своему обычному инородческому уголовному праву.

Условій поставлено нашимъ закономъ три.

Во первыхъ, требуется, чтобы преступникъ и потерпѣвшій, оба принадлежали къ числу тѣхъ инородцевъ, которымъ нашъ законъ позволяетъ судиться за уголовныя правонарушенія въ инородческомъ судѣ, по инородческому обычному уголовному праву, какъ напр., самоѣдамъ, чукчамъ, киргизамъ.

Во вторыхъ, необходимо, чтобы уголовное правонарушеніе находилось въ числѣ тѣхъ, по которымъ нашъ законъ дозволяетъ инородческимъ судамъ примѣненіе инородческаго обычнаго уголовнаго права. Эти уголовныя правонарушенія принадлежатъ обыкновенно къ числу маловажныхъ, какъ напр., оскорбленія, драки, а иногда — даже и къ числу важныхъ, какъ напр., кража, но только — не къ числу самыхъ важныхъ, какъ напр., государственная измѣна, убійство, разбой.

Въ третьихъ же, требуется, чтобы уголовное правонарушеніе было учинено въ мѣстности, предоставленной нашимъ закономъ въ вѣдѣніе обычно-правового уголовнаго суда, напр., въ мѣстѣ кочевья инородцевъ, а не въ городѣ.

Въ виду недостатковъ инородческаго обычнаго уголовнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ виду вопіющихъ злоупотребленій въ инородческихъ судахъ, нашъ законодатель начинаетъ стремиться въ послѣднее время сократить дѣйствіе инородческаго обычнаго уголовнаго права въ пользу закона. Такъ, согласно временному положенію объ устройствѣ общественнаго управленія и судѣ кочевыхъ инородцевъ Забайкальской области, удостоившемуся Высочайшаго утвержденія 23 апрѣля 1901 г. (Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства. 29 мая 1901 г. № 50. ст. 975.), уголовныя правонарушенія, подсудныя инородческимъ судамъ Забайкальской области (Вр. пол. ст. 48 п. 1; 49 и 50.) и наказанія за эти дѣянія (Вр. пол. ст. 55—56.) опредѣлены этимъ временнымъ положеніемъ т. е. закономъ, а не обычнымъ уголовнымъ правомъ этихъ инородцевъ. Судоустройство же и судопроизводство инородческихъ судовъ Забайкальской области опредѣлено въ существенныхъ чертахъ тѣмъ же временнымъ положеніемъ т. е. закономъ, и отправленіе правосудія въ этихъ судахъ поставлено подъ контроль крестьянскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ крестьянскихъ начальниковъ.

Что же касается второй подгруппы государствъ, то въ ней находятся тѣ культурныя государства, въ каждомъ изъ которыхъ, какъ напр., въ Королевствѣ Великобританіи, законъ является главнымъ

источникомъ уголовнаго права и дѣйствуетъ въ качествѣ широко распространеннаго общаго правила; обычай же, одобренный государствомъ, хотя и выступаетъ источникомъ уголовнаго права только въ качествѣ исключенія, но за то имѣетъ довольно большое примѣненіе.

§ 14. Подраздѣленіе уголовнаго права на общее и особенное.

Уголовное право каждаго болѣе или менѣе обширнаго культурнаго государства раздѣляется на общее и особенное.

Общимъ уголовнымъ правомъ государства называется то, которое, за нѣкоторыми исключеніями, дѣйствуетъ на всей территоріи этого государства и, за нѣкоторыми исключеніями, примѣняется здѣсь къ лицамъ всѣхъ званій.

Особеннымъ же уголовнымъ правомъ государства является то, которое имѣетъ силу только въ кругу исключеній и распространяетъ свое дѣйствіе только на какую-нибудь часть этого государства, или только на лица особаго званія, или только на уголовныя правонарушенія особой категоріи, или, наконецъ, дѣйствуетъ при сочетаніи нѣсколькихъ изъ этихъ условій.

§ 15. Подраздѣленіе уголовнаго права Россійской Имперіи на общее и особенное.

Уголовное право Россійской Имперіи раздѣляется на общее и особенное.

Общимъ уголовнымъ правомъ Россійской Имперій или, короче сказать, русскимъ уголовнымъ правомъ является то, которое, за нѣкоторыми исключеніями, дѣйствуетъ на всей территоріи Россійской Имперіи и, за нѣкоторыми исключеніями, примѣняется здѣсь къ лицамъ всѣхъ званій.

Особеннымъ же уголовнымъ правомъ Россійской Имперіи является то, которое имѣетъ силу только въ кругу исключеній и распространяетъ свое дѣйствіе только на какую-нибудь часть Россійской Имперіи, или только на лица особаго званія, или только на уголовныя правонарушенія особой категоріи, или, наконецъ, дѣйствуетъ при сочетаніи нѣсколькихъ изъ этихъ условій.

§ 16. Подраздѣленіе общаго уголовнаго права на двѣ части: общую и особенную.

Общее уголовное право каждаго культурнаго государства представляетъ собой не что иное, какъ совокупность такихъ правилъ права, которыя дѣйствуютъ, за нѣкоторыми исключеніями, на всей территоріи этого государства, примѣняются здѣсь, за нѣкоторыми исклю-

ченіями, къ лицамъ всѣхъ званій и опредѣляютъ въ общемъ видѣ, что такое уголовное правонарушеніе или преступленіе, что такое наказаніе, какія правонарушенія преступны и какими наказаніями они обложены въ данномъ государствѣ.

Общее уголовное право каждаго культурнаго государства можетъ быть раздѣлено, по содержанію, на двѣ части: общую и особенную.

Общей частью общаго уголовнаго права, учрежденнаго даннымъ государствомъ, называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ общее понятіе уголовнаго правонарушенія или преступленія и общее понятіе наказанія, принятое въ этомъ правѣ. Особенной же частью общаго уголовнаго права, учрежденнаго даннымъ государствомъ, называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ, какія правонарушенія преступны и какими наказаніями они обложены въ данномъ государствѣ.

§ 17. Краткій историческій очеркъ главныхъ законодательныхъ памятниковъ общаго уголовнаго права въ Россійской Имперіи.

22 октября 1721 года русскій Царь Петръ I, по предложенію Сената и Синода, принялъ титулъ „Императора Всероссійскаго“ [П. С. З. (с. 1.). Т. VI. № 3840.], и съ тѣхъ поръ Россійское Царство, Московское Государство обратилось въ Россійскую Имперію.

Въ теченіе своего долголѣтняго существованія Россійская Имперія имѣла шесть главныхъ законодательныхъ памятниковъ общаго уголовнаго права. Таковы — 1) Соборное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 29 января 1649 г., 2) „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“ Царя Петра I 30 марта 1716 г., обращенный царскимъ указомъ 10 апрѣля 1716 г. къ одновременному примѣненію въ общихъ уголовныхъ судахъ вмѣстѣ съ Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г., 3) „Сводъ Законовъ Уголовныхъ“ Императора Николая I, изданный или, точнѣе, напечатанный въ 1832 г. (см. выше с. 7 прим. 1 и 2.) и удостоившійся Высочайшаго утвержденія 31 января 1833 г., съ послѣдующимъ изданіемъ 1842-го года (выше с. 7—8 съ прим. 5 на с. 7—8.), 4) „Уложеніе о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ“ Императора Николая I 15 августа 1845 г., съ послѣдующими изданіями 1857-го, 1866-го и 1885-го годовъ, 5) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ Императора Александра II 20 ноября 1864 г., съ послѣдующими изданіями 1883-го и 1885-го годовъ, и 6) „Уголовное уложеніе“ Императора Николая II 22 марта 1903 г.

Два первыхъ изъ этихъ шести главныхъ законодательныхъ памятниковъ общаго уголовнаго права Россійская Имперія получила въ

готовомъ видѣ отъ Россійскаго Царства, а четыре послѣднихъ выработаны ея законодателемъ.

16 іюня 1648 г. „Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руссіи Самодержецъ", вмѣстѣ съ Думою рѣшилъ составить, обсудить и утвердить на соборѣ съ выборными людьми такое уложеніе, которое твердо опредѣлило бы правовой порядокъ въ русскомъ государствѣ, „чтобы Его Государево Царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему Его Государеву указу и Соборному Уложенью, впредь были ни чѣмъ нерушимы", „чтобы Московскаго Государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всѣхъ дѣлѣхъ всѣмъ равна" [П. С. З. (с. 1), Т. I. № 1. Уложеніе 29 Генваря 1649 г.].

Составленіе проекта уложенія было поручено комиссіи. Она состояла изъ пяти лицъ: а) изъ двухъ бояръ — князя Н. И. Одоевскаго и князя С. В. Прозоровскаго, б) изъ окольничьяго, князя Ѳ. Ѳ. Волконскаго и в) изъ двухъ дьяковъ — Г. Левонтьева и Ѳ. Грибоѣдова.

Матерьяломъ для составленія проекта послужили главнымъ образомъ прежніе русскіе законы, въ видѣ судебниковъ и указовъ, и прежніе судебные и административные боярскіе приговоры, а затѣмъ нѣкоторыя изъ правилъ, принятыхъ православной церковью т. е. нѣкоторыя изъ правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ церкви и нѣкоторыя изъ статей греко-римскаго законодательства, содержавшихся въ кормчей книгѣ („въ градскихъ законахъ Греческихъ Царей") и нѣкоторыя изъ статей Литовскаго Статута 1588 года. Нѣкоторыя же статьи проекта были составлены самою комиссіей или на основаніи обычаевъ, или по ея собственному благоусмотрѣнію.

Комиссія энергично принялась за дѣло и вскорѣ составила проектъ уложенія.

Онъ содержалъ постановленія по многимъ отраслямъ права: по государственному праву, административному, военному, финансовому, уголовному, гражданскому и т. д.

3 октября 1648 г. началось слушаніе и обсужденіе проекта уложенія. Онъ былъ прочтенъ сначала передъ Государемъ и Думой, а потомъ въ отвѣтной палатѣ передъ выборными людьми. По обсужденіи и исправленіи проекта, онъ былъ утвержденъ Царемъ и соборомъ. Когда именно состоялось утвержденіе, это съ точностью не извѣстно. Если же принять во вниманіе, что слушаніе проекта уложенія Царемъ и Думой началось 3 октября 1648 г., что, при слушаніи этого проекта выборными людьми, вносились въ проектъ, по ихъ

челобитью, различныя измѣненія, что такое исправленіе проекта въ многолюдномъ собраніи выборныхъ людей, необходимо, требовало времени и что въ концѣ уложенія сдѣлана помѣтка: „Совершена сія книга повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Русіи Самодержеца . . . лѣта 7157-го Генваря въ 29 день“; то слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ, что утвержденіе окончательно исправленнаго проекта уложенія состоялось 29 января 1649 года. Въ томъ же году это соборное уложеніе было два раза напечатано и въ томъ же году вступило въ дѣйствіе.

Соборное уложеніе Царя Алексѣя Михайловича не было посвящено исключительно уголовному праву, но заключало въ себѣ обширные ряды узаконеній по многимъ отраслямъ права: по государственному праву, административному, военному, финансовому, уголовному и уголовно-судебному, гражданскому и гражданско-судебному и т. д. Это уложеніе, несомнѣнно, страдало нѣкоторой нестройностью, неполнотой, казуистичностью и излишнимъ многословіемъ; но тѣмъ не менѣе составляло замѣчательное произведеніе своей эпохи и во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ жизни русскаго народа того времени.

По изданіи соборнаго уложенія 1649 г., русское законодательство, въ виду требованій жизни, продолжало свое дальнѣйшее развитіе. Уже къ концу XVII вѣка оказалось такое множество различныхъ дальнѣйшихъ узаконеній, что явилась потребность въ пересмотрѣ уложенія. И вотъ 18 февраля 1700 г. [П. С. З. (с. 1.) Т. IV № 1765.] состоялся указъ Царя Петра I объ учрежденіи особой комиссіи для составленія „новоуложенной книги“ или „новаго уложенья“ путемъ дополненій и исправленій уложенія 1649 года на основаніи послѣдующихъ узаконеній и боярскихъ приговоровъ. Комиссія составила окончательный проектъ „новоуложенной книги“ въ 1703 году, но этотъ проектъ не получилъ утвержденія (Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 195—196.).

30 марта 1716 г. русскій Царь Петръ I утвердилъ въ городѣ Данцигѣ обширный проектъ закона, извѣстнаго подъ именемъ „Устава Воинскаго“ [П. С. З. (с. 1) Т. V. № 3006. Уставъ Воинскій.]. Этотъ законъ изложенъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ и состоитъ изъ четырехъ обширныхъ частей. 1-я носитъ названіе „Уставъ Воинскій“, 2-я — „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“, 3-я — „Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжебъ“ и 4-я — „О экзерциціи, о пріуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и о должности полковыхъ чиновъ“. Въ артикулѣ воинскомъ съ краткимъ толкованіемъ изложены постановленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Артикулъ воинскій составленъ на основаніи шведскаго военно-уголовнаго законодательства 1683 г., съ заимствованіями изъ нѣмецкаго и другихъ иностранныхъ законодательствъ.

Онъ не только заключаетъ въ себѣ законодательныя постановленія, спеціально относящіяся къ области военно-уголовнаго права (каковы статьи о преступленіяхъ и проступкахъ, связанныхъ съ нарушеніемъ обязанностей военной службы и воинской дисциплины, и статьи о наказаніяхъ для лицъ, состоящихъ на военной службѣ или при войскѣ), но содержитъ и много постановленій, относящихся къ области общаго уголовнаго права, примѣнимыхъ къ преступленіямъ и проступкамъ лицъ всякаго званія.

Въ виду этого обстоятельства, Петръ Великій указомъ 10 апрѣля 1716 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. V № 3010.] распространилъ примѣненіе артикула воинскаго и на общіе уголовные суды. Этотъ артикулъ долженъ былъ примѣняться въ нихъ на правахъ общаго уголовнаго закона, рядомъ съ соборнымъ уложеніемъ и другими общими уголовными законами.

Какъ соборное уложеніе 1649 г., такъ и артикулъ воинскій 1716 г. продолжали дѣйствовать, въ качествѣ главныхъ источниковъ общаго уголовнаго права, въ Россійской Имперіи до 1 января 1835 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. II. № 5947. Манифестъ 31 января 1833 г. объ изданіи Свода Законовъ Россійской Имперіи.]. Но оставаясь въ это время главными источниками общаго русскаго уголовнаго права, уложеніе и артикулъ далеко не были единственными источниками этого права. Рядомъ съ уложеніемъ и артикуломъ дѣйствовало множество другихъ уголовныхъ узаконеній, а главнымъ образомъ — указовъ, и своимъ дѣйствіемъ то дополняло, то сокращало, то отмѣняло примѣненіе тѣхъ или другихъ постановленій уложенія и артикула.

Уже между уголовными постановленіями уложенія и артикула было не мало разногласій. Уголовныя же постановленія другихъ узаконеній, дѣйствовавшихъ рядомъ съ уложеніемъ и артикуломъ, въ свою очередь, нерѣдко не соотвѣтствовали не только постановленіямъ уложенія и артикула, но и другъ другу.

Это нестройное многозаконіе расшатывало правовой порядокъ въ государствѣ, сильно затрудняло отправленіе уголовнаго правосудія и открывало широкій просторъ судейскому произволу, проникнутому своекорыстіемъ и лицепріятіемъ. Не даромъ въ указѣ Петра Великаго 17 апрѣля 1722 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. VI. № 3970.] отмѣчено, что въ судахъ играютъ въ законы „какъ въ карты, подбирая масть къ масти“ и добиваются указа „на указъ, дабы въ мутной водѣ удоб-

нѣе рыбу ловить". Благосостояніе народа, государства и частныхъ лицъ требовало простого, яснаго, краткаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно полнаго уголовнаго уложенія, а такого уложенія не было, и вмѣсто него дѣйствовала нестройная масса законовъ сначала съ однимъ соборнымъ уложеніемъ, а потомъ съ соборнымъ уложеніемъ и артикуломъ воинскимъ во главѣ.

Сознавая опасность и вредъ этого положенія вещей и желая устраненія зла, русскіе законодатели XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка, начиная Петромъ Великимъ и кончая Александромъ I, принимаютъ разнообразныя мѣры, чтобы твердо установить на будущее время однимъ законодательнымъ уложеніемъ или сводомъ, каково должно быть дѣйствующее право или, по меньшей мѣрѣ, каково должно быть дѣйствующее общее уголовное право въ русскомъ государствѣ. Для осуществленія этихъ цѣлей въ теченіе 125 лѣтъ, начиная съ 1700 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. IV. № 1765.], учреждаются русскими государями различныя комиссіи, но совершенно безуспѣшно.

Однѣ изъ этихъ комиссій, пробывъ нѣсколько времени или даже нѣсколько лѣтъ, прекратили свое существованіе, не выработавъ никакихъ порученныхъ имъ проектовъ законодательства: ни проектовъ уложенія или свода, обнимающаго все дѣйствующее русское право, ни проектовъ уложенія или свода, обнимающаго дѣйствующее общее русское уголовное право.

Такова была, напр., Комиссія „для сочиненія проекта новаго Уложенія", провозглашенная манифестомъ Императрицы Екатерины II 14 декабря 1766 г. [1]) и учрежденная 30 іюля 1767 г. [2]). Въ руководство этой Комиссіи и данъ былъ Императрицей Екатериной II 30 іюля 1767 г. ея знаменитый наказъ [3]).

---

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XVII. № 12801. Именной указъ 14 декабря 1766 г. Сенату съ манифестомъ „объ учрежденіи въ Москвѣ Коммиссіи для сочиненія проэкта новаго Уложенья, и о выборѣ въ оную Депутатовъ". „Какъ намѣреніе Наше есть, съ Божіею помощію въ будущемъ 1767 году въ Москвѣ учредить Коммиссію для сочиненія проэкта новаго Уложенья; то Мы чрезъ сіе повелѣваемъ".

2) П. С. З (с. 1.). Т. XVIII. № 12948. Обрядъ управленія Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія 30 іюля 1767 г.

3) П. С. З. (с. 1.). Т. XVIII. № 12949. Наказъ, данный 30 іюля 1767 г. Коммиссіи о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія. Этотъ наказъ изданъ на двухъ языкахъ: русскомъ и французскомъ. Онъ составленъ самой Императрицей Екатериной II въ духѣ передовыхъ гуманныхъ идей XVIII вѣка, подъ сильнымъ вліяніемъ сочиненія Монтескьё „О духѣ законовъ" и сочиненія Беккаріа „О преступленіяхъ и наказаніяхъ".

Другія же комиссіи хотя и выработали съ своей стороны или проектъ свода, обнимающаго все дѣйствующее русское законодательство, или, по крайней мѣрѣ, проектъ русскаго уголовнаго уложенія или уголовнаго свода; но за то эти проекты не удостоились Высочайшаго утвержденія.

Такъ, комиссія, учрежденная Царемъ Петромъ Великимъ 18 февраля 1700 г. для составленія „новоуложенной книги“ или, точнѣе, новаго пополненнаго свода дѣйствующихъ русскихъ узаконеній, составила въ 1703 г. окончательный проектъ „новоуложенной книги“; но онъ не получилъ Высочайшаго утвержденія [1]).

Комиссія, учрежденная Сенатомъ 24 августа 1754 г. [П. С. З.

Основныя идеи наказа Императрицы Екатерины II въ отношеніи къ уголовному праву состоятъ въ слѣдующемъ.

Верховная государственная власть, по мнѣнію Императрицы Екатерины II, имѣетъ своею цѣлью руководить людьми для доставленія имъ наибольшаго благосостоянія. Эта цѣль ярко выставлена Императрицей въ отвѣтѣ на вопросъ: „Какой предлогъ самодержавнаго правленія?“ „Не тотъ“, отвѣчаетъ Императрица (Наказъ. Гл. II. ст. 13.), „чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра“.

Средствомъ къ достиженію этой цѣли въ области уголовнаго права служитъ уголовный законъ (Наказъ. Введеніе. ст. 3. — Гл. X. ст. 145—148.).

Только онъ долженъ опредѣлять, какія дѣянія составляютъ преступленія и какимъ подлежатъ наказаніямъ (Гл. X. ст. 148—149.).

Право изданія уголовныхъ законовъ принадлежитъ только одному законодателю (Гл. X. ст. 148—149.).

Для примѣненія уголовнаго закона въ жизни существуетъ судъ (Гл. III. ст. 20. — Гл. X. ст. 148; 151—152.).

Уголовный судъ не долженъ создавать новыхъ правилъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, но долженъ примѣнять лишь существующіе уголовные законы къ случаямъ жизни, тщательно изслѣдуя, „такой-то человѣкъ сдѣлалъ ли, или не сдѣлалъ дѣйствія противнаго закону“ (Гл. X. ст. 151.). Какъ оправданіе, такъ и присужденіе подсудимаго уголовнымъ судомъ къ наказанію должно быть логическимъ заключеніемъ такого силлогизма, въ которомъ постановленіе уголовнаго закона составляетъ большую посылку, а дѣяніе подсудимаго — малую (Гл. X. ст. 152.).

Уголовному суду должно быть предоставлено право толкованія уголовныхъ законовъ, но только грамматическаго (Гл. X. ст. 151; 153.).

Наказъ Императрицы Екатерины II не получилъ силы дѣйствующаго закона въ Россійской Имперіи, но тѣмъ не менѣе оказалъ большое вліяніе на послѣдующія усовершенствованія русскаго уголовнаго законодательства, особенно въ XIX-мъ вѣкѣ.

1) Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 195—196. Подлинникъ проэкта „Новоуложенной книги“ находится, по свидѣтельству Н. С. Таганцева (Рус. уг. право. Т. I. с. 196 прим. 1.), въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

(с. 1.). Т. XIV. № 10283.] для исполненія повелѣнія Императрицы Елисаветы 11 марта того же года „о сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельству нынѣшнихъ временъ“, закончила зимою 1755 г. проекты двухъ изъ четырехъ частей „новоуложенной книги“. Проектъ одной изъ нихъ былъ посвященъ судоустройству и судопроизводству, а проектъ другой опредѣлялъ нѣкоторыя правила розыскного уголовнаго процесса, но главнымъ образомъ былъ проектомъ уголовнаго свода и носилъ названіе: „Новоуложенной книги часть вторая: о розыскныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣиства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены“ [1]). 25 іюля 1755 г. оба эти проекта, по разсмотрѣніи ихъ въ Сенатѣ, были поднесены на утвержденіе Императрицы Елисаветы, но она отказала въ немъ [2]). Проектъ уголовнаго свода не былъ утвержденъ потому, что щедро расточалъ смертную казнь, въ качествѣ наказанія, не только простую, но и квалифицированную; Императрица же Елисавета была рѣшительной противницей смертной казни (Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 197.).

Наконецъ, комиссія составленія законовъ, учрежденная Императоромъ Павломъ, на основаніи его указа 16 декабря 1796 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. XXIV. № 17652.], и преобразованная указомъ Императора Александра I 28 февраля 1804 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. XXVIII. № 21187.], воспользовалась проектомъ уголовнаго уложенія Россійской Имперіи, выработаннымъ трудами члена этой комиссіи, нѣмецкаго ученаго, доктора философіи Людвига Генриха Якоба [3]) и составила съ помощью

---

1) Проекты уголовнаго уложенія 1754—1766 годовъ. Новоуложенной книги часть вторая: о розыскныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣиства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены. Текстъ подъ редакціей А. А. Востокова. Предисловіе Н. Д. Сергѣевскаго. С.-Петербургъ. 1882.

2) Проекты уг. ул. 1754—1766 гг. Сергѣевскій — Предисловіе. с. VI.

3) Ludwig Heinrich Jakob родился въ Веттинѣ 26 февраля 1759 г., а умеръ въ Лаухштетѣ въ Германіи 22 іюля 1827 г. Въ 1785 году Якобъ пріобрѣлъ степень доктора философіи въ университетѣ въ Галле, въ 1789 г. сдѣлался экстраординарнымъ и въ 1791 г. ординарнымъ профессоромъ философіи въ томъ же университетѣ. Въ 1806 г. Якобъ перешелъ профессоромъ въ Харьковскій университетъ, въ 1809 г. назначенъ членомъ финансовой комиссіи въ Петербургѣ, 15 мая 1810 г. назначенъ членомъ комиссіи составленія законовъ по уголовному отдѣленію и вскорѣ сдѣланъ предсѣдателемъ этого отдѣленія. По порученію М. М. Сперанскаго, Якобъ, съ помощью переводчиковъ, составилъ проектъ уголовнаго уложенія Россійской Имперіи на русскомъ языкѣ и закончилъ эту работу въ 1812 г. до ссылки Сперанскаго т. е. до 17 марта 1812 г. Этотъ проектъ раздѣлялся на двѣ части: общую и особенную. Онъ былъ первымъ изъ проектовъ русскихъ уголовныхъ уложеній и сводовъ, въ которомъ появилась общая часть. Она была составлена

передѣлки въ 1812 году свой проектъ уголовнаго уложенія Россійской Имперіи. Этотъ проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ 1813 г., былъ разсмотрѣнъ и исправленъ Департаментомъ Законовъ въ многочисленныхъ засѣданіяхъ, начиная съ 11 января 1813 г. и кончая 25 апрѣля 1814 г., и потомъ, по мѣрѣ исправленія, былъ напечатанъ въ трехъ частяхъ, съ обозначеніемъ 1813 г., подъ именемъ „Проекта уголовнаго уложенія Россійской Имперіи“ [1]), но Высочайшаго утвержденія не получилъ.

Этимъ неудачнымъ попыткамъ положилъ конецъ Императоръ Николай I. Сознавая всю „важность добраго и твердаго законо-

---

Якобомъ подъ вліяніемъ рукописной общей части проекта Баварскаго уголовнаго уложенія, присланной авторомъ ея, знаменитымъ нѣмецкимъ профессоромъ уголовнаго права, П. I. А. фонъ Фейербахомъ (Paul Iohann Anselm von Feuerbach). Въ 1818 г. Якобъ напечаталъ свой проектъ уголовнаго уложенія Россійской Имперіи на нѣмецкомъ языкѣ и въ предисловіи разсказалъ о своемъ участіи въ трудѣ по составленію этого проекта. Ludwig Heinrich von Jakob — Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches für das Russische Reich. Mit Anmerkungen über die bestehenden Russischen Criminalgesetze. Halle 1818. Des Criminal-Gesetzbuches für Russland Erster Theil. — Allgemeine Grundsätze über Verbrechen und Strafen. Des CG. f. R. Zweiter Theil. — Von den einzelnen Verbrechen und deren Bestrafung insbesondere.

Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій родился 1 Января 1772 г., произведенъ Императоромъ Николаемъ I въ графы 1 января 1839 г., умеръ 11 февраля 1839 г.

1) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Журналы по дѣламъ Департамента Законовъ. Санктпетербургъ. 1874. Часть I. Разсмотрѣніе проектовъ уложеній гражданскаго, уголовнаго и торговаго. Приложеніе 3. Проектъ уголовнаго уложенія Россійской Имперіи. Часть I — Основанія уголовнаго права (Въ Санктпетербургѣ 1813 года.). Часть II — О наказаніяхъ за государственныя и общественныя преступленія (Въ СПБ. 1813 г.). Часть III — О наказаніяхъ за частныя преступленія (Въ СПБ. 1813 г.). Почему 1813-й годъ поставленъ годомъ изданія каждой изъ этихъ трехъ частей проекта объяснить не трудно. Двѣ первыя части и двѣ первыя главы третьей части проекта были разсмотрѣны и исправлены Департаментомъ Законовъ въ его засѣданіяхъ съ 1 февраля по 20 декабря 1813 года (Разсмотрѣніе Департаментомъ Законовъ Проекта Уголовнаго Уложенія. с. 178—185.) и, по всей вѣроятности, по мѣрѣ исправленія и удобствъ печатанія, напечатаны въ 1813 г. Двѣ же послѣднія главы третьей части проекта т. е. 3-я и 4-я были разсмотрѣны и исправлены Департаментомъ Законовъ только въ его засѣданіяхъ съ 9 января по 25 апрѣля 1814 г. (Разсмотрѣніе. с. 185—186.). Онѣ были напечатаны только въ 1814 г., но были напечатаны безъ обозначенія года и переплетены вмѣстѣ съ началомъ третьей части, напечатаннымъ въ 1813 г., съ обозначеніемъ этого года. Слѣдуетъ замѣтить, что первая, общая часть этого проекта, составленная подъ вліяніемъ общей части проекта Якоба, оказала свое вліяніе на общую часть позднѣйшаго русскаго уголовнаго свода, узаконеннаго въ 1833 г., а именно, — на общую часть первой книги Свода Законовъ Уголовныхъ, изданной въ 1832 г. подъ заглавіемъ „О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще“.

дательства“ и видя, что труды по составленію уложенія нашего законодательства, „съ давнихъ лѣтъ . . . предпринятые, . . . не достигли своей цѣли“, Императоръ Николай I указомъ 26 января 1826 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. I. № 114.] упразднилъ „Коммиссію Составленія Законовъ“ и учредилъ вмѣсто нея, при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Особое Отдѣленіе, спеціально предназначенное къ выработкѣ нашего законодательства. Желая же, какъ можно болѣе, обезпечить успѣшное исполненіе этой трудной и чрезвычайно важной работы, Императоръ принялъ ее въ свое вѣдѣніе. Онъ рѣшительно измѣнилъ и самое направленіе ея. „Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, сказалъ Императоръ Николай I въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 19 января 1833 г., Я велѣлъ сперва собрать вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное Мое руководство, закрывъ прежнюю комиссію“ (Таганцевъ — Русс. уг. право. Т. I. с. 212.).

Завѣдываніе работами этого Особаго Отдѣленія, названнаго впослѣдствіи „Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи“, по выработкѣ нашего законодательства было поручено члену Государственнаго Совѣта М. М. Сперанскому. Второе Отдѣленіе, подъ энергичнымъ наблюденіемъ Императора Николая I и умѣлымъ руководствомъ М. М. Сперанскаго оправдало свое назначеніе.

Въ 1830 г. были опубликованы первые результаты работъ Второго Отдѣленія. Это были: 1) первое „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленное“, въ 45 томахъ, начиная съ соборнаго уложенія Царя Алексѣя Михайловича 29 января 1649 г. по вступленіе Императора Николая I на престолъ т. е. по 12 декабря 1825 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. I. № 1.] и 2) четыре первыхъ тома второго „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“, начиная со вступленія на престолъ Императора Николая I [1]).

На основаніи Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи

1) Второе „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленное“ содержитъ законы, начиная со вступленія на престолъ Императора Николая I т. е. съ 12 декабря 1825 г. по восшествіе Императора Александра III на престолъ т. е. по 1 марта 1881 г. [П. С. З. (с. 3.). Т. I. № 1.]. Третье „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“ содержитъ законы, начиная со вступленія на престолъ Императора Александра III т. е. съ 1 марта 1881 г.

Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи начало составлять проекты сводовъ по всѣмъ отдѣльнымъ частямъ дѣйствующаго русскаго законодательства, за исключеніемъ военнаго и мѣстнаго права. По мѣрѣ составленія этихъ проектовъ происходилъ пересмотръ ихъ. Онъ былъ оконченъ въ маѣ мѣсяцѣ 1832 г. Въ теченіе того же 1832 г. всѣ проекты сводовъ по всѣмъ отдѣльнымъ частямъ русскаго законодательства, за исключеніемъ военнаго и мѣстнаго права, были напечатаны подъ заглавіемъ: „Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленный".

Въ основаніе этого свода положены русскіе законы, начиная съ соборнаго уложенія 29 января 1649 г. по 1 января 1832 г., при чемъ, въ случаѣ несоотвѣтствія постановленій одного закона постановленіямъ другого, предпочтеніе отдавалось, въ видѣ общаго правила, закону позднѣйшаго времени.

Манифестомъ 31 января 1833 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. VIII. 1. № 5947.] Императоръ Николай I утвердилъ этотъ „Сводъ Законовъ Россійской Имперіи" въ качествѣ закона, устраняющаго дѣйствіе всѣхъ предшествующихъ законовъ, на которыхъ онъ былъ основанъ, и объявилъ, что этотъ сводъ вступитъ въ дѣйствіе съ 1 января 1835 г. Съ этого дня Сводъ Законовъ Россійской Имперіи дѣйствительно вступилъ въ дѣйствіе въ Россійской Имперіи [1]).

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 31 января 1833 г., раздѣлялся на восемь книгъ, а эти 8 книгъ были раздѣлены въ „Общемъ Оглавленіи Свода Законовъ Россійской Имперіи" на пятнадцать томовъ.

Восьмую книгу и вмѣстѣ съ тѣмъ пятнадцатый томъ Свода Законовъ Россійской Имперіи составлялъ „Сводъ Законовъ Уголовныхъ".

Сводъ Законовъ Уголовныхъ раздѣлялся на двѣ книги.

„Книга I" носила названіе: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще", представляла собой не совсѣмъ полный сводъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго законодательства и раздѣлялась на один-

1) Тѣмъ же самымъ манифестомъ 31 января 1833 г. узаконено изданіе Продолженій Свода Законовъ Россійской Имперіи. Въ манифестѣ постановлено, что всѣ узаконенія, которыя были или будутъ изданы по общему русскому законодательству послѣ 1 января 1832 г., будутъ излагаемы вторично въ томъ самомъ порядкѣ и съ тѣмъ самымъ распредѣленіемъ по статьямъ и книгамъ, какъ это принято въ Сводѣ Законовъ, и въ такомъ изложеніи будутъ печатаемы въ ежегодномъ изданіи Продолженія Свода Законовъ. „Такимъ образомъ составъ законовъ, единажды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ его и единствѣ".

надцать раздѣловъ. Первый раздѣлъ содержалъ общую часть постановленій книги уголовныхъ законовъ, а остальные — особенную. Эта книга была первымъ изъ русскихъ уголовныхъ сводовъ и уложеній, въ которомъ появилась общая часть. „Книга II“ имѣла названіе: „О судопроизводствѣ по преступленіямъ“ и содержала сводъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовно-судебнаго законодательства.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, утвержденный въ 1833 г. страдалъ нѣсколькими недостатками, а главнымъ образомъ неполнотой. Въ виду этого, Императоръ Николай I уже 29 октября 1836 г. повелѣлъ приступить къ систематическому исправленію Свода Законовъ и высказалъ мысль „что нужно начать съ исправленія законовъ уголовныхъ, коихъ недостатки въ особенности ощутительны“ [1]).

Приведеніе этого повелѣнія въ исполненіе было поручено Министру Юстиціи Д. В. Дашкову [2]) и Главноуправляющему Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, графу М. М. Сперанскому. По смерти же ихъ обоихъ, руководство этой работой перешло въ 1840 г. къ новому Главноуправляющему Вторымъ Отдѣленіемъ, графу Д. Н. Блудову [3]).

4 ноября 1840 г. статсъ-секретарь Дегай представилъ графу Блудову первоначальный проектъ уложенія о наказаніяхъ, а съ декабря начались засѣданія особаго Комитета подъ предсѣдательствомъ графа Блудова для разсмотрѣнія и переработки этого проекта.

Между тѣмъ въ 1842 г., въ интересахъ нѣкотораго объединенія и пополненія дѣйствующаго русскаго законодательства, состоялось второе изданіе Свода Законовъ Россійской Имперіи и въ томъ числѣ Свода Законовъ Уголовныхъ. Высочайшее же утвержденіе этихъ сводовъ послѣдовало 4 марта 1843 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XVIII. № 16584.]. Въ этомъ изданіи Свода Законовъ Россійской Имперіи Сводъ Законовъ Уголовныхъ былъ пополненъ болѣе, чѣмъ на 300 статей, но составлялъ, по прежнему, восьмую книгу и вмѣстѣ съ тѣмъ пятнадцатый томъ и, по прежнему, раздѣлялся на двѣ книги. „Книга I“ носила названіе: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще“ и представляла не совсѣмъ полный сводъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго законодательства, а „Книга II“ имѣла названіе: „О судо-

1) Обозрѣніе хода работъ по составленію новаго уложенія. Журналъ Министерства Юстиціи. С.-Петербургъ. 1902 г. № 1. с. 264.

2) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ родился въ 1784 г., а умеръ въ 1839.

3) Дмитрій Николаевичъ Блудовъ родился 5 апрѣля 1785 г., произведенъ Императоромъ Николаемъ I въ графы 18 апрѣля 1842 г., умеръ 19 февраля 1864 г.

производствѣ по преступленіямъ“ и содержала сводъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовно-судебнаго права.

Новое изданіе Свода Законовъ Уголовныхъ не остановило работъ по составленію уложенія о наказаніяхъ, и къ концу мая мѣсяца 1843 г. былъ изготовленъ окончательный проектъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. 27 мая 1843 г. этотъ проектъ былъ представленъ Императору Николаю I и, по Высочайшему повелѣнію 30 марта 1844 г., былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ была учреждена особая Комиссія для предварительнаго разсмотрѣнія этого проекта. Она одобрила главныя его основанія, но сдѣлала довольно много измѣненій, преимущественно редакціонныхъ. Вслѣдъ затѣмъ, исправленный проектъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта и 15-го августа 1845 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XX. 1. № 19283.] удостоился Высочайшаго утвержденія. Срокомъ введенія этого уложенія въ дѣйствіе назначено 1-е мая 1846 г.

„Уложеніе о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ“ 1845 г. раздѣлялось на двѣнадцать раздѣловъ: первый былъ посвященъ общей части, а остальные — особенной.

Это уложеніе не представляло законченной системы постановленій общаго уголовнаго права, проникнутой внутреннимъ единствомъ, послѣдовательностью и полнотой, а потому и не было уголовнымъ уложеніемъ въ строгомъ научномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, уложеніе о наказаніяхъ составляло въ дѣйствительности сводъ постановленій дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права, пополненный нѣкоторыми новыми постановленіями: частью подъ вліяніемъ судебной практики, частью подъ вліяніемъ иностранныхъ законодательствъ, а частью подъ вліяніемъ другихъ различныхъ обстоятельствъ.

Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. уже съ самого своего появленія на свѣтъ страдало нѣсколькими недостатками. Среди нихъ особенно выдвигались на видъ: казуистичность и нѣкоторая неполнота постановленій, нѣкоторая непослѣдовательность въ проведеніи принциповъ и излишнее многословіе.

Въ 1857 г., въ видахъ нѣкотораго пополненія дѣйствующаго русскаго законодательства, было произведено третье изданіе Свода Законовъ Россійской Имперіи. Высочайшее утвержденіе этого Свода послѣдовало 12 мая 1858 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIII. № 33140.].

XV-й томъ этого Свода былъ изданъ подъ заглавіями: „Законы уголовные“ и „Сводъ Законовъ Уголовныхъ“.

Этотъ томъ раздѣлялся на двѣ книги.

„Книга I“ содержала „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, раздѣленное, по прежнему, на 12 раздѣловъ, но пополненное новыми статьями, а „Книга II“ — „Законы о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ“.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Императоръ Александръ II произвелъ путемъ закона цѣлый рядъ глубокихъ, чрезвычайно важныхъ преобразованій въ строѣ жизни русскаго народа. Таковы были [1]): освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 г., отмѣна однихъ изъ тѣлесныхъ наказаній и сильное сокращеніе примѣненія другихъ какъ освобожденіемъ отъ нихъ многочисленнаго ряда лицъ, такъ и другими способами въ 1863 г., преобразованіе университетовъ съ дарованіемъ имъ самоуправленія въ 1863 г., учрежденіе земскаго самоуправленія въ 1864 г., судебныя реформы 1864 г. и утвержденіе вмѣстѣ съ ними устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и реформа цензуры въ 1865 г.

При такихъ важныхъ законодательныхъ реформахъ, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ не могло остаться безъ измѣненій. На необходимость этихъ измѣненій особенно ярко указывалъ новый уголовный уставъ о проступкахъ, — „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“.

Уже въ Комиссіи, учрежденной 27 марта 1859 г. для состав-

---

1) Важнѣйшими изъ преобразовательныхъ узаконеній этого времени до 1866 г. были: 1) „Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“, Высочайше утвержденное 19 февраля 1861 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXVI. 1. № 36657.]; 2) именной указъ 17 апрѣля 1863 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, произведшій отмѣну однихъ изъ тѣлесныхъ наказаній и сильное сокращеніе примѣненія другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращеніе различныхъ наказаній, поражающихъ нѣкоторыя иныя блага, [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXVIII. 1. № 39504.]; 3) „Общій Уставъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ“, Высочайше утвержденный 18 іюня 1863 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXVIII. 1. № 39752.]; 4) „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“, Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIX. 1. № 40457.]; 5) Судебные Уставы, Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIX. 2. № 41473.], а именно: а) „Учрежденіе Судебныхъ Установленій“ (№ 41475.), б) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“ (№ 41476.), в) „Уставъ Гражданскаго Судопроизводства“ (№ 41477.) и г) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ (№ 41478.), и 6) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 6 апрѣля 1865 г. о нѣкоторыхъ перемѣнахъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ цензурныхъ постановленіяхъ [П. С. З. (с. 2.). Т. XL. 1. № 41990.].

ленія проектовъ новаго устройства губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, возникла мысль о составленіи проекта устава о маловажныхъ проступкахъ. Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи воспользовалось этой мыслью и предположило составить проектъ судебно-полицейскаго устава т. е. устава о тѣхъ проступкахъ, которые должны быть подсудны проектируемымъ мировымъ судьямъ.

Въ облегченіе составленія этого проекта и въ разъясненіе содержанія проектируемаго устава было сдѣлано извлеченіе изъ уложенія о наказаніяхъ. Это извлеченіе содержало 605 статей уложенія, посвященныхъ проступкамъ, предназначаемымъ къ передачѣ въ вѣдѣніе мировыхъ судей, и носило названіе: „Матеріалы для составленія проекта устава судебно-полицейскаго".

23 марта 1861 года Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ графъ Д. Н. Блудовъ представилъ Императору Александру II докладную записку о необходимости составленія судебно-полицейскаго устава о проступкахъ, передаваемыхъ въ вѣдѣніе мировыхъ судей, и въ поясненіе содержанія предполагаемаго устава приложилъ къ этой запискѣ эти „Матеріалы".

Государь одобрилъ идеи графа Блудова, и съ помощью этихъ „Матеріаловъ" члены особой Комиссіи при Второмъ Отдѣленіи: А. М. Александровичъ, Ф. А. Брунъ и Ф. С. Малевскій составили проектъ: „Устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ".

Послѣ передѣлки этого проекта въ этой Комиссіи, онъ былъ разосланъ на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ лицъ и снова передѣланъ, на основаніи ихъ замѣчаній.

Затѣмъ этотъ переработанный проектъ еще два раза подвергся переработкѣ зимой и весной 1864 г. и только тогда пріобрѣлъ свой окончательный видъ. 15-го мая 1864 г. окончательно выработанный проектъ „Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями" былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подвергся разсмотрѣнію и исправленію сначала въ соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ, а потомъ въ Общемъ Собраніи. По разсмотрѣніи и исправленіи Государственнымъ Совѣтомъ, проектъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ Александромъ II 20 ноября 1864 г., вмѣстѣ съ судебными уставами, въ качествѣ ихъ 4-й составной части, вмѣстѣ съ ними былъ обнародованъ и вмѣстѣ съ ними былъ введенъ въ дѣйствіе [1]).

---

1) Н. С. Таганцевъ — Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 г. С.-Петербургъ. 1902. Изданіе 14. с. V—VIII.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, стремился, съ своей стороны, въ своей области борьбы съ проступками, удовлетворить потребностямъ жизни русскаго народа, преобразуемой Царемъ-Освободителемъ въ духѣ самоуправленія, свободы и уваженія къ личности, а потому во многихъ отношеніяхъ расходился съ уложеніемъ о наказаніяхъ, выработаннымъ при крѣпостномъ строѣ русской жизни.

Этотъ уставъ раздѣлялся на тринадцать главъ. Первая глава составляла общую часть и была посвящена изложенію общихъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, входящихъ въ вѣдомство мировыхъ судей. Остальныя же главы представляли особенную часть и были посвящены изложенію отдѣльныхъ проступковъ и наказаній, предоставленныхъ въ вѣдѣніе этихъ судей.

Въ 1883 г. судебные уставы были изданы во второй разъ и имъ, по повелѣнію Императора Александра III, было присвоено названіе „Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II“. Высочайшее утвержденіе этого изданія послѣдовало 17 апрѣля 1884 г. [П. С. З. (с. 3.). Т. IV. № 2153.]. „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ былъ изданъ при этомъ вторично, въ качествѣ 5-й составной части Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.

Нумерація статей въ этомъ изданіи устава о наказаніяхъ осталась та же, что была и въ первомъ изданіи 1864 г. Это достигнуто тѣмъ, что номера отмѣненныхъ или выключенныхъ статей остались на мѣстѣ, а при нихъ вмѣсто текста статей сдѣланы оговорки объ отмѣнѣ или выключеніи; каждая же новая статья обозначена номеромъ предшествующей статьи съ дополнительной цыфрой справа наверху. Напр., если предшествующая старая статья означена цыфрой 30; то слѣдующая новая статья означается цыфрой 30^1.

Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта 5 ноября 1885 г. о переработкѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ [П. С. З. (с. 3.) Т. V. № 3261.], „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ былъ выдѣленъ изъ состава Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и изданъ въ третій разъ въ 1885 г. Это изданіе удостоилось Высочайшаго утвержденія 22 января 1886 г. и, по Высочайшей волѣ, названо изданіемъ 1885 г.

„Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г., составляетъ одинъ изъ двухъ законодательныхъ сборниковъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права.

Онъ раздѣляется точно также, какъ и уставъ 1864 г., на тринадцать главъ. Первая глава посвящена общей части, а остальныя — особенной.

Нумерація статей въ уставѣ 1885 г. та же, что и въ уставѣ 1864 г. Это достигнуто тѣмъ же путемъ, какъ и при изданіи устава въ 1883 г. Но число статей въ уставѣ 1885 г. больше, чѣмъ въ уставѣ 1883 г. и чѣмъ въ уставѣ 1864 г.

Въ виду чрезвычайно важныхъ преобразованій, произведенныхъ Царемъ-Освободителемъ, Императоромъ Александромъ II въ строѣ жизни русскаго народа въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія, уложеніе о наказаніяхъ 1857 г., въ свою очередь, должно было подвергнуться измѣненіямъ. Необходимость измѣненій особенно ярко выступала наружу, благодаря тому, что рядомъ съ уложеніемъ о наказаніяхъ долженъ былъ дѣйствовать новый уголовный уставъ, построенный примѣнительно къ потребностямъ и условіямъ преобразованной русской жизни, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 20 ноября 1864 г.

И дѣйствительно, 27 декабря 1865 г., на основаніи подготовительныхъ работъ Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о согласованіи Уложенія о наказаніяхъ съ Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ [П. С. З. (с. 2.). Т. XL. 2. № 42839.]. Этимъ закономъ было измѣнено большое число статей уложенія, и были указаны тѣ статьи, которыя отмѣнены или же замѣнены статьями устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

На основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ уставомъ о наказаніяхъ было сдѣлано въ 1866 г. третье исправленное изданіе уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Уложеніе этого изданія содержало уже только 1711 статей вмѣсто прежнихъ 2304. Въ этомъ изданіи приняты во вниманіе всѣ надлежащія уголовныя узаконенія по 1 марта 1866 г. 5 мая того же года Императоръ Александръ II утвердилъ новое изданіе уложенія о наказаніяхъ и повелѣлъ немедленно ввести его въ дѣйствіе [П. С. З. (с. 2.). Т. XLI. 1. № 43265.].

Вслѣдъ за третьимъ изданіемъ уложенія о наказаніяхъ появился рядъ законовъ, внесшихъ многочисленныя измѣненія въ статьи уло-

женія [1]). Въ ряду этихъ законовъ находился, напр., уставъ о воинской повинности 1 января 1874.

Благодаря изданію этихъ новыхъ узаконеній, снова явилась необходимость въ переизданіи уложенія и вызвала законодательную работу.

25 ноября 1885 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта „объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ отмѣною заключенія въ рабоче-смирительныхъ домахъ и новымъ изданіемъ Уложенія о наказаніяхъ“ [П. С. З. (с. 3.). Т. V. № 3316.]. Этотъ законъ коснулся многихъ статей уложенія и при томъ отмѣнилъ однѣ и измѣнилъ другія.

Вслѣдъ за тѣмъ въ 1885 г., по Высочайшему повелѣнію, состоялось третье изданіе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и четвертое изданіе уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. 22 января 1886 года Государь Императоръ Александръ III утвердилъ эти изданія и повелѣлъ называть ихъ изданіями 1885 года [П. С. З. (с. 3.). Т. VI. № 3468. Высочайшее повелѣніе.].

Въ четвертое изданіе уложенія о наказаніяхъ вошли всѣ надлежащія узаконенія, относящіяся къ уложенію, по 31 декабря 1885 г., за исключеніемъ правилъ о взысканіяхъ за нарушеніе постановленій о питейномъ и табачномъ сборѣ и акцизѣ съ сахара, какъ это предписано было Высочайшимъ повелѣніемъ 15 декабря 1883 г. (Уложеніе о нак. уг. и испр. Изданіе 1885 г. С.-Петербургъ. 1885. Предисловіе.).

Нумерація статей въ изданіи уложенія 1885 г. осталась та же, что была и въ изданіи уложенія 1866 г. Это достигнуто тѣмъ, что номера отмѣненныхъ или выключенныхъ статей оставлены на мѣстѣ, а при нихъ вмѣсто текста статей сдѣланы оговорки объ отмѣнѣ или

---

1) Важнѣйшими изъ этихъ узаконеній были: 1) „Уставъ о воинской повинности“ 1 января 1874 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XLIX. 1. № 52983. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о введеніи общей воинской повинности.]; 2) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 4 іюня 1874 г. „о наказаніяхъ за составленіе противузаконныхъ сообществъ и участіе въ оныхъ“ [П. С. З. (с. 2.) Т. XLIX. 1. № 53606.]; 3) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 18 мая 1882 г. „объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ“ [П. С. З. (с. 3.). Т. II. № 890.]; 4) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 24 апрѣля 1884 г. „объ отмѣнѣ заключенія въ смирительномъ и рабочемъ домѣ, о закрытіи сихъ учрежденій“ и т. д. [П. С. З. (с. 3.). Т. IV. № 2172.], и 5) Высочайше утверждённое мнѣніе Государственнаго Совѣта 11 іюня 1885 г. „объ отмѣнѣ установленнаго Уложеніемъ о наказаніяхъ подраздѣленія каторжныхъ работъ на рудничныя, крѣпостныя и работы на заводахъ“ или, короче сказать, о классификаціи каторжныхъ работъ по срокамъ [П. С. З. (с. 3.). Т. V. № 3046.].

выключеніи; каждая же новая статья обозначена номеромъ предшествующей статьи съ дополнительной цыфрой справа наверху. Хотя въ уложеніи 1885 г. точно также, какъ и въ уложеніи 1866 г., считается 1711 статей; тѣмъ не менѣе, за вычетомъ отмѣненныхъ и выключенныхъ статей, оказывается, что уложеніе 1885 г. имѣетъ въ дѣйствительности меньше статей правового содержанія, чѣмъ имѣло уложеніе 1866 г., а именно — только 1560.

„Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ", по изданію 1885 г., составляетъ одинъ изъ двухъ законодательныхъ сборниковъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права.

Это уложеніе точно также, какъ уложеніе 1866 г., раздѣляется на двѣнадцать раздѣловъ. Первый посвященъ изложенію общей части, а остальные — особенной.

„Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ", по изданію 1885 г., составляетъ первую часть XV-го тома Свода Законовъ Россійской Имперіи, а „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями," по изданію 1885 г., — вторую.

Переизданіе уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ въ 1885 г. не пріостановило законодательной дѣятельности. Напротивъ, и въ послѣдующее время является много новыхъ законовъ, вносящихъ различныя измѣненія въ постановленія уложенія и устава.

Уголовныя узаконенія, которыми внесены какія-нибудь измѣненія въ постановленія уложенія о наказаніяхъ или устава о наказаніяхъ послѣ 1885 г., напечатаны въ двухъ изданіяхъ: 1) въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемомъ при Правительствующемъ Сенатѣ", за послѣдующіе годы, начиная съ 1886-го, и 2) въ „Статьяхъ къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ" Россійской Имперіи: а) по „Продолженію Свода Законовъ" 1890 г., б) по Продолженію 1891 г., в) по Продолженію 1895 г. и г) по „Продолженію Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года" (Ч. II.). Уголовныя узаконенія, вышедшія съ 1 января 1902 г., напечатаны въ настоящее время только въ I-хъ отдѣлахъ „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства" за соотвѣтствующіе годы.

Познакомившись съ уложеніемъ о наказаніяхъ и уставомъ о наказаніяхъ, перейдемъ къ оцѣнкѣ этихъ памятниковъ.

Если принять во вниманіе, что уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, составляютъ съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго XIX-го вѣка два законодательныхъ памятника, опредѣляющихъ дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи, и оцѣнить эти памятники,

съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго благосостоянія русскаго народа; то нельзя не признать, что замѣна уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ однимъ систематичнымъ уголовнымъ уложеніемъ, построеннымъ подъ руководствомъ интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, въ полномъ соотвѣтствіи съ широкимъ ростомъ потребностей и условій жизни русскаго народа, давно уже является дѣйствительной необходимостью.

Убѣдиться въ этомъ весьма не трудно. Стоитъ только обратить вниманіе на недостатки уложенія о наказаніяхъ и рѣшительное несоотвѣтствіе между нѣкоторыми существенными постановленіями уложенія и нѣкоторыми существенными постановленіями устава о наказаніяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, великія преобразованія Царя-Освободителя, Императора Александра II въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія, будучи вызваны глубокимъ измѣненіемъ потребностей и условій русской жизни, сами, въ свою очередь, оказали могучее содѣйствіе широкому развитію потребностей и условій жизни русскаго народа. При такомъ положеніи вещей, уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., выработанное въ старыя времена, глубоко проникнутыя духомъ крѣпостного права и закрѣпощенія, не могло уже удовлетворять потребностямъ и условіямъ жизни разкрѣпощеннаго русскаго народа и не могло удовлетворять ни въ шестидесятыхъ годахъ, ни въ послѣдующее время, не смотря на всѣ свои частичныя значительныя исправленія въ 1857 г. и даже въ 1866 и 1885. Уложеніе о наказаніяхъ какъ въ исправленномъ изданіи 1857 г., такъ и въ исправленныхъ изданіяхъ 1866 и 1885 г. постоянно болѣе или менѣе страдало однимъ и тѣмъ же непростительнымъ недостаткомъ, а именно — устарѣлостью содержанія т. е. глубокимъ несоотвѣтствіемъ содержанія съ современными потребностями и условіями жизни русскаго народа.

Этотъ недостатокъ ярко отмѣченъ и Государственнымъ Совѣтомъ въ засѣданіи 11 мая 1898 г. Государственный Совѣтъ призналъ, что „дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, во многихъ отношеніяхъ, оказывается устарѣвшимъ вслѣдствіе измѣнившихся потребностей народной жизни подъ вліяніемъ коренныхъ преобразованій, послѣдовавшихъ въ царствованія блаженныя памяти Императоровъ Александра II и Александра III, существеннымъ образомъ повліявшихъ и на складъ гражданскихъ правоотношеній, и на условія экономическаго и общественнаго быта“ [1]).

1) Журналъ Министерства Юстиціи. С.-Петербургъ. 1902. № 1. Обозрѣніе хода работъ по составленію новаго уголовнаго уложенія. с. 292—293.

Вторымъ недостаткомъ уложенія о наказаніяхъ во всѣхъ его изданіяхъ служитъ нерѣдкое присутствіе противорѣчій между принципами, положенными въ основаніе различныхъ раздѣловъ уложенія.

Третьимъ недостаткомъ уложенія является отсутствіе опредѣленнаго точнаго масштаба, при распредѣленіи наказаній за преступленія и проступки.

Четвертымъ недостаткомъ уложенія служитъ казуистичность опредѣленія преступленій и проступковъ или отсутствіе такихъ опредѣленій, въ которыхъ законный составъ предусматриваемаго преступленія или проступка обрисовывался бы правильно и полно путемъ описанія общихъ признаковъ этого уголовнаго правонарушенія.

Пятый недостатокъ уложенія о наказаніяхъ составляетъ неполнота содержанія, шестой — излишнее многословіе и седьмой — нерѣдкая неясность выраженій.

Что же касается попытки согласованія уложенія о наказаніяхъ съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, то она не избавила уложенія отъ его недостатковъ и далеко не достигла цѣли. Такъ, хотя въ уложеніе и были внесены различныя измѣненія соотвѣтственно постановленіямъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; но дѣйствительнаго полнаго согласованія постановленій уложенія и устава не было произведено. И въ уложеніи, и въ уставѣ осталось много такихъ постановленій, которыя не соотвѣтствуютъ другъ другу и порождаютъ вредное раздвоеніе законодательныхъ постановленій. Этотъ недостатокъ особенно подчеркиваютъ: Главноуправляющій Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи князь С. Н. Урусовъ и Министръ Юстиціи Д. Н. Набоковъ въ ихъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, удостоившемся Высочайшаго одобренія 22 апрѣля 1881 г. „За выдѣленіемъ изъ уложенія маловажныхъ проступковъ въ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, говорятъ въ этомъ докладѣ кн. С. Н. Урусовъ и Д. Н. Набоковъ[1]), уголовные законы наши не составляютъ одного стройнаго цѣлаго, а содержатся въ двухъ совершенно отдѣльныхъ кодексахъ, при чемъ между постановленіями того и другаго встрѣчаются крайне рѣзкія противорѣчія, которыя не могли бы имѣть мѣста при существованіи единаго уголовнаго уложенія“.

Важные недостатки уложенія о наказаніяхъ, а позднѣе и вредное значеніе раздвоенія въ нашемъ общемъ уголовномъ законодательствѣ, благодаря совмѣстному существованію и недостаточному соотвѣтствію

1) Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе хода работъ. с. 281.

уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, обратили на себя вниманіе и науки, и правительства, и законодателя. Сначала возникла мысль о необходимости полной переработки уложенія о наказаніяхъ, а потомъ явилась идея о необходимости замѣны уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ однимъ основательно обработаннымъ уложеніемъ, обнимающимъ все общее русское уголовное право.

Такъ, въ сентябрѣ 1862 года Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графъ М. А. Корфъ представилъ Императору Александру II всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ излагалъ, что уложеніе о наказаніяхъ слѣдовало бы пересмотрѣть основательно въ полномъ объемѣ, но только безъ всякой поспѣшности и немедленнаго обращенія къ пересмотру. Этотъ взглядъ удостоился Высочайшаго одобренія 20 сентября 1862 г. (Ж. М. Ю. 1902 № 1. Обозрѣніе. с. 270—272.).

Въ свою очередь, Высочайше учрежденная Комиссія, подъ предсѣдательствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго, для разсмотрѣнія отчета Министерства Юстиціи за 1867 г., признала, что уложеніе о наказаніяхъ, въ интересахъ обезпеченія успѣшности уголовнаго правосудія въ новыхъ судахъ, необходимо и неотложно требуетъ общаго пересмотра, и высказала заключеніе о необходимости обратить на эту потребность вниманіе Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Императоръ Александръ II выразилъ свое согласіе на заключеніе Комиссіи, и резолюція Императора была сообщена Комитетомъ Министровъ въ апрѣлѣ 1870 года Министру Юстиціи графу К. И. Палену и Главноуправляющему Вторымъ Отдѣленіемъ князю С. Н. Урусову [1]).

Министръ Юстиціи, Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ А. Е. Тимашевъ, по совѣщаніи другъ съ другомъ, пришли къ заключенію, что приступить къ общему пересмотру уложенія о наказаніяхъ можно будетъ только тогда, когда будетъ установлена на новыхъ началахъ, выработанныхъ наукой и практикой, новая система наказаній уголовныхъ и исправительныхъ.

Для пересмотра старой системы наказаній, принятой въ уложеніи, и построенія новой, въ 1871 г., съ Высочайшаго соизволенія, была учреждена Комиссія, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, бывшаго

---

1) Ж. М. Ю. 1902 г. № 1. Обозрѣніе. с. 275—276. — Журналъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта, Высочайше учрежденнаго для обсужденія проекта уголовнаго уложенія. С.-Петербургъ. 1902. с. 6.

въ то время Оберъ-Прокуроромъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Эта Комиссія выработала проектъ новой лѣстницы наказаній или, точнѣе, проектъ II-й главы I-го раздѣла уложенія о наказаніяхъ и закончила свою работу въ апрѣлѣ 1872 г.

Въ мартѣ 1873 г. этотъ проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. 30 ноября 1874 г. Государственный Совѣтъ отложилъ разсмотрѣніе этого проекта для совокупнаго обсужденія его вмѣстѣ съ проектомъ тюремной реформы, ожидаемымъ отъ Комитета, Высочайше учрежденнаго 19 мая 1873 г., подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Зубова (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 275—276.).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ 1875 году Государь Императоръ Александръ II, заинтересовавшись преніями въ бельгійской палатѣ депутатовъ по вопросу о наказуемости предложенія учинить преступленіе, снова обратилъ вниманіе на наше уложеніе о наказаніяхъ съ его недостатками и 18 (30) мая 1875 г. повелѣлъ приступить къ общему пересмотру уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и внести проектъ новаго уложенія о наказаніяхъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Министру Юстиціи, графу Палену повелѣно было озаботиться подготовленіемъ необходимаго матерьяла. Въ виду этого, Министерство Юстиціи циркулярнымъ распоряженіемъ 14 августа 1875 г. предложило чинамъ судебнаго вѣдомства доставить ихъ замѣчанія на уложеніе о наказаніяхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 275—276. — Журналъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта. с. 6.).

Между тѣмъ Комитетъ тюремныхъ преобразованій окончилъ свою работу, и его проектъ тюремной реформы былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ 1875 г., а въ теченіе 1876 г. были получены и отзывы различныхъ вѣдомствъ объ этомъ проектѣ. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 276.).

Государственный Совѣтъ, приступивъ въ 1877 г. къ разсмотрѣнію проектовъ тюремной реформы и новой лѣстницы наказаній, нашелъ, что эти проекты не согласованы другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ въ интересахъ дѣла тюремная реформа должна быть построена соотвѣтственно желательной системѣ наказаній, что тюремная реформа требуетъ скорѣйшаго осуществленія и что въ видахъ скорѣйшаго осуществленія ея необходимо выдѣлить изъ ея области вопросы, требующіе безотлагательнаго рѣшенія. Исполненіе намѣченныхъ работъ Государственный Совѣтъ находилъ нужнымъ поручить

особой Комиссіи. [П. С. З. (с. 2.). Т. LIV. 2. № 60268. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 11 декабря 1879 г.].

Согласно этому, по Высочайшему повелѣнію 28 февраля 1877 г., была учреждена при Государственномъ Совѣтѣ особая Комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта К. К. Грота. Выполнивъ свой трудъ, она внесла его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта въ ноябрѣ 1878 г. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе с. 276—277.).

Комиссія К. К. Грота представила Государственному Совѣту два своихъ проекта: 1) проектъ объ учрежденіи Главнаго Тюремнаго Управленія въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и 2) проектъ новой лѣстницы наказаній для уложенія, обработанный до мелкихъ подробностей.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ проектъ Комиссіи К. К. Грота объ учрежденіи Главнаго Тюремнаго Управленія и соглашаясь съ этимъ проектомъ по существу, представилъ на Высочайшее утвержденіе свое мнѣніе „объ учрежденіи въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Главнаго Тюремнаго Управленія“. Это мнѣніе удостоилось Высочайшаго утвержденія 27 февраля 1879 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. LIV. 1. № 59360.].

Обратившись къ разсмотрѣнію проекта Комиссіи К. К. Грота объ установленіи новой лѣстницы наказаній для уложенія во всей полнотѣ и подробностяхъ, Государственный Совѣтъ встрѣтилъ „сомнѣніе въ томъ, предстоитъ ли надобность и возможность утверждать теперь же всѣ подробности предполагаемой системы наказаній. Опасеніе стѣснить такою мѣрою будущихъ составителей новаго Уголовнаго Уложенія привело къ заключенію, что въ настоящее время слѣдуетъ, не предрѣшая еще всѣхъ относящихся до сего важнаго предмета подробностей, установить лишь въ общихъ чертахъ тѣ главные типы карательныхъ учрежденій, къ устройству коихъ нужно безотлагательно приступить путемъ тюремной реформы“ [П. С. З. (с. 2.). Т. LIV. 2. № 60268. 11 декабря 1879 г.].

При обсужденіи того же проекта въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 19 ноября 1879 г., возникъ вопросъ, не своевременно ли было бы приступить къ подготовительнымъ работамъ по составленію новаго уложенія о наказаніяхъ.

Въ разъясненіе этого вопроса управлявшій въ то время Министерствомъ Юстиціи Товарищъ Министра Э. В. Фришъ обстоятельно изложилъ Государственному Совѣту вопіющіе недостатки уложенія о наказаніяхъ и настоятельную необходимость коренного пересмотра,

подчеркнулъ сочувствіе Государя Императора Александра II такому пересмотру, указалъ на облегченіе пересмотра вслѣдствіе состоявшагося опредѣленія главныхъ основаній карательной системы и въ заключеніе рѣшительно настаивалъ на необходимости безотлагательнаго обращенія къ коренному пересмотру уложенія о наказаніяхъ.

Государственный Совѣтъ согласился въ этомъ отношеніи съ взглядомъ Э. В. Фриша. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе с. 280—282.).

Такимъ образомъ, Государственный Совѣтъ, обсудивъ докладъ Комиссіи К. К. Грота объ установленіи новой лѣстницы наказаній для уложенія, разошелся съ Комиссіей и составилъ мнѣніе, далеко несогласное съ ея предложеніями. Въ этомъ мнѣніи Государственный Совѣтъ опредѣлилъ не всю лѣстницу наказаній, но только тѣ основныя положенія относительно устройства наказательнаго заключенія, которыя должны служить руководствомъ при преобразованіи тюремной системы и пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ высказался въ пользу того, чтобы Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерству Юстиціи предоставлено было составить, по взаимному соглашенію, планъ работъ по пересмотру дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ и затѣмъ представить этотъ планъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе Государя Императора, вмѣстѣ съ соображеніями о томъ, какимъ порядкомъ этотъ трудъ всего успѣшнѣе могъ бы быть приведенъ въ исполненіе.

Это мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоилось Высочайшаго утвержденія со стороны Императора Александра II 11 декабря 1879 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. LIV. 2. № 60268. Высочайше утвержд. мнѣніе Гос. Совѣта „объ основныхъ положеніяхъ, имѣющихъ служить руководствомъ при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ Уложенія о наказаніяхъ“.].

Исполняя порученіе, возложенное на нихъ этимъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ князь С. Н. Урусовъ и Министръ Юстиціи Д. Н. Набоковъ представили Императору Александру III въ апрѣлѣ 1881 г. всеподданнѣйшій докладъ.

Въ этомъ докладѣ они прежде всего обстоятельно изложили глубокіе недостатки дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, по изданію 1866 г., и вредное значеніе раздвоенія въ нашемъ общемъ уголовномъ законодательствѣ, происходящаго благодаря совмѣстному дѣйствію и недостаточному соотвѣтствію уложенія о наказаніяхъ и

устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, указали на настоятельную надобность въ составленіи одного уголовнаго уложенія въ замѣнъ этихъ двухъ кодексовъ и отмѣтили, что подготовительная работа къ составленію такого уложенія уже закончена.

Далѣе, князь С. Н. Урусовъ и Д. Н. Набоковъ изложили свои предположенія о порядкѣ работъ по составленію новаго уголовнаго уложенія. Для составленія проекта новаго уголовнаго уложенія предположено учредить особый Комитетъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ теоріею уголовнаго права и судебною практикою, подъ ближайшимъ руководствомъ Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министра Юстиціи и образовать изъ состава этого Комитета Редакціонную Комиссію, на которую возложить составленіе первоначальнаго проекта уголовнаго уложенія и объяснительной записки.

Наконецъ, для облегченія Комитета въ исполненіи его труда князь С. Н. Урусовъ и Д. Н. Набоковъ предположили дать въ руководство Комитету четыре указанія. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 280—283.).

„I. Комитетъ, принявъ за основаніе начала, установленныя Высочайше утвержденнымъ 11 декабря 1879 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о преобразованіи тюремной части и существующей лѣстницы наказаній, сообразуетъ свои труды съ потребностями современнаго состоянія государства, указаніями судебнаго опыта при примѣненіи дѣйствующаго законодательства, а равно съ положеніями науки уголовнаго права и постановленіями уголовныхъ законодательствъ иностранныхъ государствъ.

II. Комитетъ долженъ составить проектъ одного уголовнаго уложенія, замѣняющаго собою нынѣ дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

III. Комитетъ не включаетъ въ проектъ новаго уголовнаго уложенія тѣ изъ проступковъ по службѣ государственной и общественной, которые заключаются въ нарушеніи исключительно служебныхъ обязанностей и, по маловажности своей, не подлежатъ внесенію въ общее уложеніе, а должны войти въ особый дисциплинарный уставъ.

IV. Комитету предоставляется не вносить въ проектъ уложенія нарушеній уставовъ казенныхъ управленій и другихъ, включенныхъ въ уложеніе о наказаніяхъ, спеціальныхъ уставовъ, а ограничиться опредѣленіемъ общихъ основаній отвѣтственности за сіи нарушенія и предѣловъ ихъ наказуемости. Подробныя постановленія о сихъ нару-

шеніяхъ должны составлять предметъ отдѣльныхъ уставовъ по принадлежности“ [1]).

Всѣ эти предположенія доклада удостоились Высочайшаго утвержденія со стороны Императора Александра III 22 апрѣля 1881 г. (Уголовное уложеніе. Т. X. с. 1. — Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 280—284.).

Высочайшимъ повелѣніемъ 30 апрѣля 1881 г. назначены члены Комитета.

2 мая Комитетъ открылъ свои засѣданія, избралъ изъ своей среды Редакціонную Комиссію и предложилъ предсѣдательство въ ней Товарищу Министра Юстиціи Э. В. Фришу, сохранившему это предсѣдательство, не смотря на свои другія назначенія, до конца существованія этой Комиссіи.

Въ члены Комиссіи были избраны: 1) состоящіе на службѣ по Министерству Юстиціи — докторъ уголовнаго права Н. С. Таганцевъ и магистры уголовнаго права — Н. А. Неклюдовъ и И. Я. Фойницкій и 2) юристы-практики — В. Р. Лицкой, замѣщенный вскорѣ, по случаю смерти, В. К. Случевскимъ, и Е. Н. Розинъ.

Редакціонная Комиссія распредѣлила между Н. А. Неклюдовымъ, Н. С. Таганцевымъ и И. Я. Фойницкимъ подготовленіе проектовъ и объясненій къ нимъ по отдѣльнымъ частямъ уложенія.

Составленіе проекта общей части новаго уложенія было поручено Н. С. Таганцеву.

22 октября 1881 г. Редакціонная Комиссія начала разсмотрѣніе проекта общей части, составленнаго Н. С. Таганцевымъ, и посвятила на это 25 засѣданій.

Переработавъ этотъ проектъ и составивъ на основаніи этой переработки свой проектъ общей части уложенія, Редакціонная Комиссія въ ноябрѣ 1882 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, разослала свой проектъ съ объяснительной запиской русскимъ ученымъ и практикамъ, съ просьбой о доставленіи замѣчаній. Кромѣ того, этотъ проектъ общей части уложенія вмѣстѣ съ объяснительной запиской былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ, а безъ объяснительной записки — на французскій и разосланъ нѣсколькимъ иностраннымъ ученымъ.

---

1) Уголовное уложеніе. Представленіе въ Государственный Совѣтъ Министра Юстиціи и Предсѣдателя Высочайше учрежденной Редакціонной Коммисіи. Т. X. С.-Петербургъ. 1898. с. 1—2. Въ приведенномъ мною текстѣ, взятомъ изъ только что указанной книги, вставлено мною, передъ словомъ: „состоянія“, согласно тексту, приведенному въ „Обозрѣніи“ (Ж. М. Ю. 1902. № 1. с. 283.), очевидно, пропущенное слово: „современнаго“.

Полученныя замѣчанія были отпечатаны въ пяти томахъ.

Разсмотрѣніе этихъ замѣчаній, пересмотръ и переработка проекта общей части уложенія начались въ ноябрѣ 1882 г. Эта работа была окончена въ августѣ 1884 г., и переработанный проектъ общей части уголовнаго уложенія съ объясненіями былъ напечатанъ.

Съ 13 октября 1882 г. Редакціонная Комиссія начала разсмотрѣніе и переработку представляемыхъ ей проектовъ съ объяснительными записками по различнымъ отдѣламъ особенной части уложенія, составленіе своихъ проектовъ по этимъ отдѣламъ, съ объясненіями, разсылку своихъ проектовъ съ объяснительными записками ученымъ и практикамъ съ просьбой о доставленіи замѣчаній, разсмотрѣніе полученныхъ замѣчаній и затѣмъ пересмотръ, переработку и печатаніе переработанныхъ проектовъ по отдѣламъ особенной части уложенія, съ объясненіями [1]).

Весною 1895 г. проектъ уголовнаго уложенія съ объясненіями былъ окончательно изготовленъ Редакціонной Комиссіей, и 19 апрѣля 1895 г., по докладу Предсѣдателя ея Э. В. Фриша и Министра Юстиціи Н. В. Муравьева, состоялось Высочайшее повелѣніе Государя Императора Николая II о дальнѣйшей судьбѣ этого проекта.

Государь Императоръ повелѣлъ: проекта уголовнаго уложенія Редакціонной Комиссіи новому обсужденію въ полномъ составѣ Комитета, Высочайше учрежденнаго 22 апрѣля 1881 г., не подвергать, но дать этому проекту дальнѣйшее направленіе на слѣдующихъ основаніяхъ.

„I. Предоставить Предсѣдателю Редакціонной Коммисіи, вслѣдъ за окончаніемъ Коммисіею трудовъ ея по проекту уголовнаго уложенія и по дополнительнымъ къ оному предположеніямъ, передавать таковые, съ объяснительными записками и матеріалами, Министру Юстиціи.

II. Предоставить Министру Юстиціи, не созывая вышеупомянутаго Комитета, сообщить выработанный Редакціонною Коммисіею проектъ уголовнаго уложенія на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ, съ тѣмъ, чтобы отзывы ихъ по соотвѣтствующимъ частямъ проекта были доставлены въ Высочайше указанный четырехмѣсячный срокъ.

III. Предоставить затѣмъ Министру Юстиціи, совмѣстно съ

---

1) Уголовное уложеніе. Т. X. с. 2—4. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 226—227. — Н. С. Таганцевъ — Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. С.-Петербургъ. 1904. с. 1—2.

Предсѣдателемъ Коммисіи: подвергнуть, при участіи Членовъ Редакціонной Коммисіи, проектъ обсужденію въ связи съ поступившими отзывами и внести исправленный, въ чемъ потребоваться можетъ, проектъ уголовнаго уложенія, а также дополнительныя къ оному законодательныя предположенія на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, съ изложеніемъ соображеній по замѣчаніямъ Министровъ и объясненій тѣхъ разномыслій, которыя могли бы представиться по содержанію постановленій проекта". (Уголовное уложеніе. Т. X. с. 4—5.).

На основаніи этого Высочайшаго повелѣнія Предсѣдатель Редакціонной Комиссіи Э. В. Фришъ въ маѣ 1895 г. препроводилъ Министру Юстиціи Н. В. Муравьеву проектъ уголовнаго уложенія съ объяснительной запиской въ восьми томахъ [1]).

Въ іюлѣ того же года этотъ проектъ сообщенъ былъ всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ, и замѣчанія полученныя отъ нихъ въ теченіе 1895—1897 г., подвергнуты разсмотрѣнію въ особыхъ собраніяхъ высшихъ чиновъ Министерства Юстиціи, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи Н. В. Муравьева, при участіи Предсѣдателя Редакціонной Комиссіи Э. В. Фриша и членовъ ея: Н. А. Неклюдова, Н. С. Таганцева и И. Я. Фойницкаго.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1897 г. переработка проекта уголовнаго уложенія Редакціонной Комиссіи на этихъ собраніяхъ была закончена. Выработанный путемъ этой переработки новый проектъ былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Уголовное уложеніе. Проектъ, измѣненный Министромъ Юстиціи по соглашенію съ Предсѣдателемъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммисіи" [2]). Этотъ проектъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19 апрѣля 1895 г., съ Высочайшаго соизволенія былъ представленъ 14 марта 1898 г. въ Государственный Совѣтъ, вмѣстѣ съ проектомъ уголовнаго уложенія Редакціонной Комиссіи и другими матерьялами. (Уголовное уложеніе. Т. X. с. 1; 5; 349—350. — Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 291—293. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 227. — Таганцевъ — Уг. уложеніе. с. 2—3.).

Сознавая [3]) глубокое значеніе уголовнаго законодательства для

---

1) Этотъ проектъ напечатанъ вторично въ 1897 г. въ восьми томахъ подъ заглавіемъ: „Уголовное уложеніе. Проектъ Редакціонной Коммисіи и объясненія къ нему". Т. I—VIII. С.-Петербургъ 1897.

2) Мнѣ извѣстно лишь изданіе этого проекта, напечатанное подъ этимъ заглавіемъ въ С.-Петербургѣ въ 1898 г. („С.-Петербургъ. 1898".).

3) „Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, Законовъ и Государственной Экономіи, говоритъ „Обозрѣніе хода работъ по составленію новаго уголовнаго уложенія" (Ж. М. Ю. 1902 № 1.

государства и народа, сознавая особенную важность замѣны одного уголовнаго уложенія другимъ и озабочиваясь всестороннимъ обсужденіемъ проекта уголовнаго уложенія, Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 11 мая 1898 г. пришелъ къ заключенію, что представлялось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ поручить предварительное обсужденіе проекта уголовнаго уложенія Особому Совѣщанію. Въ составъ этого Особаго Совѣщанія должны были бы войти члены Государственнаго Совѣта, по назначенію Его Императорскаго Величества, Министръ Юстиціи, Государственный Секретарь, Товарищъ Министра Юстиціи,

---

с. 292—293.), обозрѣвъ, въ засѣданіи 11-го мая 1898 года, сіе важное и сложное дѣло, принялъ во вниманіе, что полное измѣненіе уголовныхъ законовъ, какимъ неизбѣжно должна сопровождаться замѣна одного уголовнаго кодекса другимъ, не можетъ не отражаться многими важными послѣдствіями на всѣхъ сторонахъ государственной жизни. Разграничивая область дозволеннаго отъ недозволеннаго и противодѣйствуя угрозою наказанія и мѣрами исправительными развитію среди населенія преступныхъ наклонностей и побужденій, уголовное законодательство является не только необходимою охраною гражданскаго порядка, но въ то же время и могущественнымъ средствомъ нравственнаго воспитанія народа. Вслѣдствіе сего, для самыхъ насущныхъ интересовъ государственнаго быта представляется въ высшей степени важнымъ содержаніе дѣйствующихъ карательныхъ правилъ. Предусматриваемые уголовными законами виды преступныхъ дѣяній должны исчерпывать съ должною полнотою проявленія преступности, наблюдаемыя въ дѣйствительности, а предоставляемыя сими законами въ распоряженіе судебной власти карательныя и исправительныя мѣры должны быть установлены такимъ образомъ, дабы онѣ, при современномъ уровнѣ народной нравственности, съ наибольшимъ успѣхомъ служили къ обезпеченію государственнаго порядка, а также охранѣ общественныхъ интересовъ и правъ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому воздѣйствіе уголовнаго законодательства на жизнь страны полезно и благотворно до тѣхъ поръ, пока оно находится въ соотвѣтствіи съ нравственнымъ состояніемъ народа. Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, во многихъ отношеніяхъ, оказывается устарѣвшимъ вслѣдствіе измѣнившихся потребностей народной жизни подъ вліяніемъ коренныхъ преобразованій, послѣдовавшихъ въ царствованія блаженныя памяти Императоровъ Александра II и Александра III, существеннымъ образомъ повліявшихъ и на складъ гражданскихъ правоотношеній, и на условія экономическаго и общественнаго быта. Новое уголовное уложеніе должно устранить эти недостатки примѣняемой у насъ уголовной системы. Въ этомъ заключается важное государственное значеніе труда, обработаннаго въ особой Высочайше учрежденной коммисіи, соображеннаго въ центральныхъ вѣдомствахъ и представленнаго въ высшее — законосовѣщательное — учрежденіе, для обсужденія и поднесенія, въ окончательномъ видѣ, на утвержденіе Верховной власти. Такое значеніе сего труда предуказано Государемъ Императоромъ. На всеподданнѣйшей запискѣ Министра Юстиціи, статсъ-секретаря Муравьева, о внесеніи проекта новаго уголовнаго уложенія въ Государственный Совѣтъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: „Желаю успѣха этому крупному дѣлу“.

Первоприсутствующій въ Уголовномъ Касаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената (Н. С. Таганцевъ), а также всѣ прочіе Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями или ихъ Товарищи. Исправленный этимъ Совѣщаніемъ проектъ уголовнаго уложенія, вмѣстѣ съ заключеніями этого Совѣщанія, долженъ былъ бы подлежать разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, по общему порядку, сперва въ Соединенныхъ Департаментахъ, а потомъ въ Общемъ Собраніи. (Ж. М. Ю. 1901. № 1. Обозрѣніе. с. 293.).

Согласно этому заключенію Государственнаго Совѣта, послѣдовало Высочайшее повелѣніе 3 іюня 1898 г. объ образованіи Особаго Совѣщанія, при Государственномъ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта Э. В. Фриша, съ участіемъ Н. С. Таганцева, для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія [1]).

Остановившись на вопросѣ о введеніи новаго уголовнаго уложенія въ дѣйствіе, Особое Совѣщаніе признало нужнымъ предоставить Министру Юстиціи своевременно внести въ Государственный Совѣтъ надлежащія предположенія относительно согласованія судебныхъ уставовъ съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Особое Совѣщаніе признало необходимымъ, чтобы Министромъ Юстиціи въ дополненіе къ проекту уголовнаго уложенія своевременно были представлены на законодательное разсмотрѣніе также и предположенія о всѣхъ тѣхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, безъ которыхъ примѣненіе новаго уложенія оказалось бы невозможнымъ.

Въ виду этихъ заключеній Особаго Совѣщанія, по всеподданнѣйшему докладу Министра Юстиціи Н. В. Муравьева, послѣдовало Высочайшее повелѣніе 16 ноября 1898 года. Государь Императоръ повелѣлъ: 1) образовать особую Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Первоприсутствующаго въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената Н. С. Таганцева для составленія проекта узаконеній, дополнительныхъ къ проекту уголовнаго уложенія, за исключеніемъ судопроизводственныхъ правилъ, подлежащихъ разработкѣ въ Высочайше учрежденной Комиссіи для пересмотра законоположеній

---

1) Журналъ Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія. С.-Петербургъ. 1901. с. 1—2. — Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 294. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 227. — Таганцевъ — Уг. уложеніе с. 3.

по судебной части, и 2) предоставить Министру Юстиціи подвергнуть обсужденію этотъ проектъ дополнительныхъ узаконеній и съ своимъ заключеніемъ внести въ Государственный Совѣтъ. (Журналъ Особаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ. с. 3—6. — Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 297—299.).

Особое Совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ посвятило самому пересмотру и переработкѣ проекта уголовнаго уложенія 58 засѣданій, начиная съ 7 октября 1898 г. и кончая 17 мая 1900 г. [Таганцевъ — Рус. уг. Право. Т. I. с. 227.][1]). Проектъ уголовнаго уложенія, измѣненный Министромъ Юстиціи по соглашенію съ Предсѣдателемъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммиссіи, былъ разсмотрѣнъ и переработанъ. На основаніи этой переработки былъ составленъ Особымъ Совѣщаніемъ свой проектъ уголовнаго уложенія. Онъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Проектъ, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія. Уголовное уложеніе".

26 мая 1901 г. состоялось послѣднее засѣданіе Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ. Это засѣданіе было посвящено составленію заключеній Особаго Совѣщанія о дальнѣйшемъ движеніи исправленнаго проекта уголовнаго уложенія, о проектѣ нѣкоторыхъ дополнительныхъ узаконеній къ проектируемому уголовному уложенію, выработанномъ Особой Комиссіей подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева, закончившей свои работы въ Маѣ мѣсяцѣ 1902 г., (Журналъ Особаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ. с. 539—543. Отдѣлы I—V. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 227—228.), и о проектѣ порученій Министрамъ Юстиціи, Иностранныхъ Дѣлъ и Внутреннихъ Дѣлъ по выработкѣ необходимыхъ мѣропріятій и узаконеній, вызываемыхъ предстоящимъ утвержденіемъ и введеніемъ проектируемаго уголовнаго уложенія (Журналъ Особаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ. с. 543—545. Отдѣлы VI—VIII.).

6 октября 1901 г. состоялось Высочайшее повелѣніе образовать въ Государственномъ Совѣтѣ для обсужденія проекта уголовнаго уложенія Особое Присутствіе подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, графа К. И. Палена, съ участіемъ Первоприсутствующаго въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената Н. С. Таганцева, и заключенія этого Присутствія относительно этого проекта внести на разсмотрѣніе Общаго

---

1) Журналъ Особаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ (с. 2.) отмѣчаетъ, что всѣхъ засѣданій Особаго Совѣщанія было 59-: 1-е — 7 октября 1898 г., 58-е — 17 мая и 59-е — 26 мая 1901 г.

Собранія Государственнаго Совѣта (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 300. — Журналъ Особаго Присутствія Госуд. Совѣта. с.1—2.).

Особое Присутствіе Государственнаго Совѣта посвятило проекту уголовнаго уложенія вмѣстѣ съ вышеупомянутыми проектируемыми дополнительными узаконеніями [1]) и порученіями Министрамъ Юстиціи, Иностранныхъ Дѣлъ и Внутреннихъ Дѣлъ [2]) 15 засѣданій, начиная съ 19 декабря 1901 г. и кончая 17 мая 1902 г. [3]). Проектъ уголовнаго уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ, былъ пересмотрѣнъ и переработанъ. На основаніи этой переработки былъ составленъ Особымъ Присутствіемъ Государственнаго Совѣта свой исправленный проектъ уголовнаго уложенія. Онъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Проектъ, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта. Уголовное уложеніе".

Этотъ проектъ уголовнаго уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта, былъ внесенъ вмѣстѣ съ журналомъ этого Присутствія на разсмотрѣніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта въ концѣ 1902 г. [4]).

Общее Собраніе Государственнаго Совѣта посвятило этому проекту одно засѣданіе 10 февраля 1903 г. [5]).

Въ этомъ засѣданіи проектъ уголовнаго уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта, былъ разсмотрѣнъ Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта.

Общее Собраніе Государственнаго Совѣта единогласными заключеніями одобрило большинство статей этого проекта [Журналъ Общаго Собранія. с. 72—74; 107.], исправило многія изъ статей этого проекта, но большею частью только относительно формы изложенія [Журналъ Об. Собр. с. 107.], а болѣе или менѣе важныя дополненія или измѣненія внесло только въ семь статей [Журналъ Об. Собр. с. 24—29; 66—69; 72; 81—82; 106—111.] [6]), пере-

---

1) Выше с. 127. — Журналъ Особаго Присутствія. с. 328—332; 338—341.

2) Выше с. 127. — Журналъ Особаго Присутствія. с. 328; 332—338; 341—345.

3) Журналъ Особаго Присутствія с. 1.

4) Это время указано мнѣ Н. С. Таганцевымъ въ письмѣ отъ 18 сентября 1903 г.

5) Журналъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта по проекту уголовнаго уложенія. С.-Петербургъ. 1903. с. 1.

6) Напр., 1-я часть 39-й статьи уголовнаго уложенія 1903 г., опредѣляющая состояніе невмѣняемости имѣетъ тотъ видъ, въ которомъ она изложена по ис-

несло двѣ статьи проекта [577-ю и 578-ю] изъ 31-й главы въ 16-ю главу [1]), сдѣлало изъ двухъ статей проекта [172-й и 217-й] четыре статьи[2]), внесло двѣ новыхъ статьи [Журналъ Об. Собр. с. 66; 81—82; 108; 109—110.] [3]) и исключило одну статью проекта [413-ю. — Журналъ Об. Собр. с. 74; 109.] [4]). Эти единогласныя заключенія положено представить на Высочайшее утвержденіе [Журналъ Об. Собр. с. 107; 112.].

Нѣкоторыя изъ статей проекта уголовнаго уложенія вызвали непримиримое разногласіе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Разныя мнѣнія образовались по семнадцати спорнымъ пунктамъ (Журналъ Об. Собр. с. 8—24; 29—66; 69—72; 74—81; 82—106; 111—112.). Эти разныя мнѣнія положено „представить на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Его Императорскаго Величества“ (Журналъ Об. Собр. с. 111—112.).

Затѣмъ, Государственный Совѣтъ въ Общемъ Собраніи положилъ: по утвержденіи единогласныхъ заключеній Общаго Собранія Государственнаго Совѣта и разрѣшеніи возникшихъ разномыслій Государемъ Императоромъ, исправить проектъ уголовнаго уложенія согласно резолюціямъ Его Императорскаго Величества и поднести къ Высочайшему утвержденію и подписанію вмѣстѣ съ проектомъ Именного указа Правительствующему Сенату объ утвержденіи этого уложенія (Журналъ Об. Собр. с. 107; 112—113.).

16 марта 1903 года Государь Императоръ Николай II утвердилъ единогласныя заключенія Общаго Собранія Государственнаго Совѣта относительно статей проекта уголовнаго уложенія и рѣшилъ установившіяся разномыслія [5]). По четырнадцати изъ семнадцати спорныхъ

правленіи Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта (Журналъ Об. Собр. с. 24—29; 107—108.).

1) Изъ этихъ двухъ статей проекта образовалось двѣ статьи уголовнаго уложенія 1903 г.: 327-я и 328-я.

2) Изъ 172-й статьи проекта сдѣлано двѣ статьи уголовнаго уложенія 1903 г.: 172-я и 679-я. Изъ 217-й статьи проекта образовано также двѣ статьи уголовнаго уложенія 1903 г.: 217-я и 218-я.

3) Одна изъ этихъ новыхъ статей образовала 228-ю, а другая — 480-ю статью уголовнаго уложенія 1903 г.

4) Проектъ уголовнаго уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта, въ 413-й статьѣ постановлялъ: „Лицо православнаго вѣроисповѣданія, виновное во вступленіи завѣдомо въ четвертый бракъ, наказывается: арестомъ“.

5) Журналъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. с. 129—133. 17 Марта 1903 г. — Г. Г. Евангуловъ — Уголовное уложеніе. С.-Петербургъ 1903 г. с. 17.

пунктовъ Государю Императору угодно было утвердить мнѣніе большинства (Журналъ Об. Собр. с. 129—133.), по двумъ — мнѣніе меньшинства (Журналъ Об. Собр. с. 131 п. 10; 132 п. 15.), а по одному пункту — мнѣніе, высказанное 33-мя Членами и Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, вопреки мнѣнію другихъ 33-хъ Членовъ и Первоприсутствующаго въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, Н. С. Таганцева (Журналъ Об. Собр. с. 77—81; 132 п. 14-й.).

Проектъ уголовнаго уложенія, исправленный согласно этимъ Высочайшимъ резолюціямъ, былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II 22 марта 1903 г.

Объ утвержденіи уголовнаго уложенія данъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 22 марта 1903 г.[1]). Въ этомъ указѣ сказано, что срокъ вступленія уголовнаго уложенія въ дѣйствіе будетъ опредѣленъ впослѣдствіи особымъ Высочайшимъ указомъ.

Высочайше утвержденное уголовное уложеніе обнародовано Правительствующимъ Сенатомъ въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства“ 16 апрѣля 1903 г.[2]).

Уголовное уложеніе раздѣляется на 37 главъ и содержитъ 687 статей. Первая глава посвящена общей части, а остальныя — особенной.

Одновременно съ уголовнымъ уложеніемъ утвержденъ Государемъ Императоромъ и проектъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ узаконеній къ уголовному уложенію (Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. по проекту уголовнаго уложенія. Собр. уз. 16 Апрѣля 1903 г. Отдѣлъ I. № 38. ст. 416.).

Содержаніе этихъ дополнительныхъ узаконеній весьма разнообразно. Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣднее изъ нихъ. Оно предписываетъ сохранить силу закона и по вступленіи уголовнаго уложенія въ дѣйствіе за льготными постановленіями объ отбываніи кратковременнаго ареста, узаконенными для дворянъ, чиновниковъ и офицеровъ, содержащимися въ уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, а именно — въ 57-й статьѣ его и двухъ примѣчаніяхъ къ ней, по изданію 1885 г., не предусмотрѣнными въ уго-

1) Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ. 16 Апрѣля 1903 г. Отдѣлъ первый. № 38. Ст. 416. Объ утвержденіи уголовнаго уложенія. Указъ Правительствующему Сенату.

2) Собр. уз. 16 Апрѣля 1903 г. Отдѣлъ I. № 38. ст. 416. Объ утвержденіи уголовнаго уложенія. Приложеніе. Уголовное уложеніе.

ловномъ уложеніи (Собр. уз. 16 Апрѣля 1903 г. Отд. I. № 38. ст. 416. Высочайше утвержд. мнѣніе Гос. Совѣта. Отдѣлъ IV.). Вмѣсто того, чтобы издавать это дополнительное узаконеніе къ уголовному уложенію, было бы гораздо проще и правильнѣе ввести соотвѣтствующее измѣненіе въ 21-ю статью уголовнаго уложенія, спеціально посвященную изложенію предписаній объ арестѣ.

При разсмотрѣніи проекта уголовнаго уложенія, Государственный Совѣтъ обратилъ вниманіе на цѣлый рядъ различныхъ вопросовъ, которые стоятъ въ связи съ уголовнымъ уложеніемъ и своимъ рѣшеніемъ могутъ оказать существенное вліяніе на успѣшное приведеніе этого уложенія въ дѣйствіе. Озабочиваясь основательной разработкой этихъ вопросовъ и своевременнымъ внесеніемъ надлежащихъ законопроектовъ по нимъ на разсмотрѣніе законодателя, Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ раздѣлить эти вопросы на три группы и предоставить выработку проектовъ относительно необходимыхъ мѣропріятій и узаконеній по одной изъ нихъ — Министру Юстиціи, по другой — Министрамъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ и по третьей — Министрамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ.

Это постановленіе Государственнаго Совѣта удостоилось Высочайшаго утвержденія 22 марта 1903 г. [1]).

Этимъ постановленіемъ Министру Юстиціи предоставлено выработать мѣры къ приведенію тюремной части въ соотвѣтствіе съ новымъ уложеніемъ и своимъ предположеніямъ по этому предмету, въ связи съ финансовою стороною дѣла и вопросомъ о срокѣ ихъ осуществленія, дать дальнѣйшее движеніе въ установленномъ порядкѣ, по возможности, въ непродолжительномъ времени (Выс. утвержд. постановленіе Гос. Совѣта ст. I. п. 1.). Кромѣ того, Министру Юстиціи

1) Это Высочайше утвержденное постановленіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта не обнародовано. Съ содержаніемъ его знакомитъ насъ „Всеподданнѣйшій докладъ Министра Юстиціи Статсъ Секретаря Н. В. Муравьева объ образованіи особой Коммисіи для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія“, напечатанный въ Журналѣ Министерства Юстиціи за 1903 г. (№ 6. с. 35—43.). На основаніи этого доклада и изложено мною содержаніе этого постановленія. Содержаніе этого постановленія, проектированное Особымъ Совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ, напечатано въ „Журналѣ Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія“ (с. 543—545. Отдѣлы VI, VII и VIII.). Содержаніе же этого постановленія, проектированное Особымъ Присутствіемъ Государственнаго Совѣта, напечатано въ „Журналѣ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта, Высочайше учрежденнаго для обсужденія проекта уголовнаго уложенія (с. 341—345. Отдѣлы VI, VII и VIII.).

предоставлено войти въ обсужденіе вопросовъ: а) о желательности дополненія уголовнаго уложенія правиломъ, что приговоренный къ заключенію въ тюрьмѣ или къ аресту за преступное дѣяніе, учиненное вслѣдствіе привычки къ пьянству, можетъ быть, по опредѣленію суда, помѣщенъ, непосредственно по отбытіи тюремнаго заключенія или ареста, въ надлежащее врачебное заведеніе на необходимый для излеченія срокъ [Пост. ст. I. п. 2. лит. а.], в) о возможности включенія условнаго осужденія въ систему карательныхъ мѣръ [Пост. ст. I. п. 2. лит. в.], г) о своевременности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы [Пост. ст. I. п. 2. лит. г.] и. т. д. По обсужденіи же этихъ вопросовъ, Министру Юстиціи предоставлено внести свои предположенія по этимъ предметамъ на законодательное разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ.

Въ свою очередь, Министрамъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ предоставлено подвергнуть вопросъ о выдачѣ преступниковъ всесторонней разработкѣ и представить свои предположенія по этому предмету на законодательное разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ (Пост. ст. II.).

Наконецъ, тѣмъ же постановленіемъ предоставлено Министрамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ войти въ обсужденіе вопросовъ: 1) о возможности изъятія дѣлъ о кражѣ и мошенничествѣ изъ подсудности волостныхъ судовъ съ передачею преступныхъ дѣяній этого рода въ вѣдѣніе подлежащихъ судебныхъ установленій, а равно о пересмотрѣ, примѣнительно къ новому уложенію, правилъ уголовной подсудности для установленій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г. [Пост. ст. III. п. 1.], 2) о разработкѣ правилъ принудительнаго труда въ работныхъ домахъ и при общественныхъ работахъ [Пост. ст. III. п. 2.] и 3) о пересмотрѣ, въ видахъ согласованія съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній [Пост. ст. III. п. 3.]. По обсужденіи же этихъ вопросовъ, Министрамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено представить свои предположенія по этимъ вопросамъ на законодательное разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ.

Заботясь о скорѣйшемъ успѣшномъ приведеніи этого постановленія въ исполненіе, Министръ Юстиціи Н. В. Муравьевъ представилъ Государю Императору Николаю II всеподданнѣйшій докладъ (Ж. М. Ю. 1903 г. № 6. Докладъ. с. 35—43.). Въ этомъ докладѣ Министръ Юстиціи полагалъ необходимымъ: а) преобразовать Высочайше учрежденную Комиссію о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки въ Особую Комиссію для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія, б) составить эту Особую Комиссію подъ пред-

сѣдательствомъ Министра Юстиціи изъ чиновъ Министерства Юстиціи, нѣсколькихъ сенаторовъ и другихъ лицъ, в) предоставить Предсѣдателю Комиссіи право приглашать въ составъ ея, на правахъ членовъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе которыхъ въ трудахъ ея будетъ признано полезнымъ по ихъ служебному положенію, научнымъ познаніямъ или практической опытности, и г) по мѣрѣ составленія отдѣльныхъ предположеній въ Комиссіи, опубликовывать ихъ во всеобщее свѣдѣніе и давать имъ дальнѣйшее направленіе въ установленномъ порядкѣ непосредственно, безъ предварительнаго сношенія съ вѣдомствами, представители которыхъ принимали участіе при разсмотрѣніи этихъ предположеній въ Комиссіи (Ж. М. Ю. 1903. № 6. Докладъ. с. 41—43.).

13 мая 1903 года Государь Императоръ Николай II утвердилъ предположенія Министра Юстиціи объ учрежденіи Особой Комиссіи для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно представленію Министра Юстиціи, назначилъ членами этой Комиссіи трехъ сенаторовъ, имѣющихъ степень доктора уголовнаго права: Н. Ф. Кони, Н. С. Таганцева и И. Я. Фойницкаго, а также сенатора В. К. Случевскаго, состоящаго преподавателемъ уголовнаго судопроизводства въ Училищѣ Правовѣдѣнія, (Ж. М. Ю. 1903. № 6. Докладъ. с. 1; 41—43.).

§ 18. Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника: уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 года, съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями. Уголовное уложеніе 22 марта 1903 года.

Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право имѣетъ своимъ источникомъ законъ.

Оно установлено двумя законодательными сборниками съ относящимися къ нимъ послѣдующими узаконеніями: 1) „Уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) „Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г. съ соотвѣтствующими позднѣйшими узаконеніями.

Уголовныя узаконенія, которыми внесены какія-нибудь измѣненія въ постановленія уложенія о наказаніяхъ или устава о наказаніяхъ

послѣ 1885 г., напечатаны въ двухъ изданіяхъ: 1) въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемомъ при Правительствующемъ Сенатѣ“, за послѣдующіе года, начиная съ 1886-го, и 2) въ „Статьяхъ къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ“: а) по „Продолженію Свода Законовъ“ 1890 г., б) по Продолженію 1891 г., в) по Продолженію 1895 г., и г) по „Продолженію Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года“ (Ч. II.). Уголовныя узаконенія, вышедшія съ 1 января 1902 г., напечатаны въ настоящее время только въ I-хъ отдѣлахъ „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“ за соотвѣтствующіе года, начиная съ 1902-го.

22 марта 1903 года Государь Императоръ Николай II утвердилъ проектъ уголовнаго уложенія. Новое „уголовное уложеніе“ должно замѣнить собою оба прежнихъ уголовныхъ сборника, съ относящимися къ нимъ узаконеніями: и уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Высочайше утвержденное уголовное уложеніе обнародовано Правительствующимъ Сенатомъ въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства“ 16 апрѣля 1903 года [1]). Срокъ вступленія уголовнаго уложенія въ дѣйствіе еще не опредѣленъ. Онъ будетъ назначенъ впослѣдствіи особымъ Высочайшимъ указомъ [2]). По вступленіи въ дѣйствіе уголовное уложеніе будетъ источникомъ дѣйствующаго общаго уголовнаго права Россійской Имперіи.

Законъ не только служитъ источникомъ дѣйствующаго общаго уголовнаго права Россійской Имперіи, но является въ то же время и единственнымъ источникомъ этого права. Здѣсь нѣтъ мѣста ни международнымъ договорамъ Россійской Имперіи съ другими государствами, ни обычаямъ, одобреннымъ ею, ни правиламъ религіозныхъ союзовъ людей, одобреннымъ ею. Это ясно и несомнѣнно указано самимъ русскимъ законодателемъ: 1) въ 1-й и 90-й статьѣ уложенія о наказаніяхъ и 1-й статьѣ устава о наказаніяхъ, 2) въ постановленіяхъ о законномъ толкованіи и законномъ аналогическомъ пополненіи законовъ уголовными судами, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, и 3) въ постановленіяхъ о силѣ, присвоенной закономъ законному толкованію и законному аналогическому пополненію законовъ.

---

1) Собр. уз. 16 апрѣля 1903 г. Отдѣлъ первый. № 38. ст. 416. Объ утвержденіи уголовнаго уложенія. Приложеніе. Уголовное уложеніе.

2) Собр. уз. 16 Апрѣля 1903 г. Отдѣлъ I. № 38. ст. 416. Объ утвержденіи уголовнаго уложенія. Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 22 марта 1903 г.

Убѣдиться въ этомъ не трудно.

„Преступленіемъ или проступкомъ, говоритъ 1-я статья уложенія о наказаніяхъ, признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано". „Наказанія за преступленія и проступки, провозглашаетъ 90-я статья уложенія, опредѣляются не иначе, какъ на точномъ основаніи закона".

„За проступки, означенные въ семъ уставѣ, постановляетъ 1-я статья устава о наказаніяхъ, Мировые Судьи опредѣляютъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, слѣдующія наказанія" [1]).

---

1) Уголовное уложеніе, установляя понятія о преступномъ дѣяніи и наказаніи въ области русскаго общаго уголовнаго права, узаконеннаго на будущее время, въ свою очередь, несомнѣнно, признаетъ, что въ этой области преступны только тѣ дѣянія, которыя признаны преступными со стороны закона, и правомѣрны только тѣ наказанія, которыя установлены закономъ. Это не выражено въ уголовномъ уложеніи прямо и просто, но за то указано косвенно.

Въ самомъ дѣлѣ, 1-я статья уголовнаго уложенія, предназначенная законодателемъ къ опредѣленію общаго понятія о преступленіи въ области русскаго общаго уголовнаго права, говоритъ: „Преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ подъ страхомъ наказанія". Отсюда ясно, что уголовное уложеніе предусматриваетъ преступныя дѣянія и выставляетъ разграничительнымъ признакомъ преступности дѣянія воспрещенность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія.

Но мы знаемъ, что наше русское законодательство точно также, какъ и законодательство всякаго другого культурнаго государства, запрещаетъ подъ страхомъ наказанія не только преступныя дѣянія, но и дисциплинарныя. Зачисленіе дисциплинарныхъ дѣяній въ преступныя составляетъ несомнѣнное и рѣзкое отступленіе отъ правильной расцѣнки человѣческихъ дѣяній въ жизни культурнаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и сильно нарушаетъ интересы всесторонняго народнаго благосостоянія. Въ виду этого, естественно возникаютъ вопросы, неужели наше новое уголовное уложеніе дѣйствительно дѣлаетъ эту непростительную ошибку, или же, избѣгнувъ ея, оно впадаетъ лишь въ редакціонную ошибку. А эта редакціонная ошибка состоитъ въ томъ, что составныя части законнаго разграничительнаго признака преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовнаго права изложены неточно.

Логическая необходимость отрицательнаго рѣшенія по первому вопросу и утвердительнаго по второму не подлежитъ сомнѣнію.

Изъ сопоставленія 1-й статьи уголовнаго уложенія со статьями 4-й и 5-й, а также со 2-й и 3-й частью 14-й статьи становится очевидно, что въ области нашего общаго уголовнаго права и на будущее время будетъ дѣйствовать только одинъ источникъ права — законъ, а главной внѣшней формой воплощенія этого источника будетъ служить уголовное уложеніе.

Далѣе, изъ сопоставленія 1-й статьи уголовнаго уложенія со статьей 4-й и съ 1-мъ пунктомъ 5-й статьи очевидно, что „дѣянія, наказуемыя по . . . уставамъ

Эти общія руководящія постановленія нашего законодателя о преступленіи, проступкѣ и наказаніи не только характеризуютъ общее понятіе нашего законодателя объ уголовномъ правонарушеніи и общее понятіе о наказаніи въ области нашего общаго уголовнаго права, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и несомнѣнно указываютъ намъ, что онъ твердо и несомнѣнно признаетъ въ этой области два разумныхъ общихъ правила: 1) преступно — только то, что законъ призналъ преступнымъ (nullum crimen sine lege), и 2) не должно быть никакого наказанія, кромѣ установленнаго закономъ (nulla poena sine lege).

Но этого мало. Нашъ законодатель ясно и несомнѣнно подтверждаетъ эти общія правила какъ въ своихъ постановленіяхъ о за-

---

дисциплинарнымъ", не подлежатъ дѣйствію уголовнаго уложенія, а эти дѣянія и представляютъ собой не что иное, какъ дисциплинарныя правонарушенія.

Въ виду этихъ выводовъ, становится ясно, что уголовное уложеніе не считаетъ дисциплинарныхъ проступковъ, воспрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія, преступными дѣяніями, а потому, выставляя въ 1-й статьѣ воспрещенность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія за общій разграничительный признакъ преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовнаго права, дѣлаетъ лишь редакціонную ошибку, хотя и въ свою очередь важную. Эта ошибка состоитъ въ томъ, что, при изложеніи законнаго разграничительнаго признака преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовнаго права, отмѣчена одна важная черта этого признака — предусмотрѣнность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія, но не отмѣчена другая, также весьма важная черта — предусмотрѣнность дѣянія закономъ въ качествѣ преступнаго дѣянія. Чтобы выразить въ первой статьѣ уголовнаго уложенія во всей точности тѣ идеи о понятіи преступленія, которыя оно дѣйствительно проводитъ косвеннымъ путемъ въ своихъ постановленіяхъ т. е. тѣ идеи, которыя вытекаютъ съ логической необходимостью изъ сопоставленія статей 1-й, 4-й, 5-й и 14-й, нужно было бы изложить эту 1-ю статью слѣдующимъ образомъ: „Преступно только то дѣяніе, которое предусмотрѣно закономъ, дѣйствующимъ во время его учиненія, признано преступнымъ и обложено наказаніемъ". Это было бы ясно, просто и точно.

Что касается идеи о недопустимости никакихъ иныхъ наказаній въ области нашего общаго уголовнаго права, кромѣ установленныхъ закономъ, то эта идея также, несомнѣнно, выражена въ нашемъ уголовномъ уложеніи, но не прямо, а только косвенно. Она вытекаетъ съ логической необходимостью изъ сопоставленія 1-й и 14-й статьи уголовнаго уложенія со статьями: 4—5; 2—3; 15—35 и 53—67. Наказанія, которыми обложены преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя уголовнымъ уложеніемъ, опредѣлены исчерпывающимъ образомъ статьями самого же уложенія (ст. 2—3; 15—35; 36 часть 2-я; 37-я ч. 2; 53—67.).

Нельзя не пожалѣть, что двадцатидвухлѣтніе труды по составленію нашего новаго уголовнаго уложенія не привели къ прямому, простому и точному выраженію такихъ двухъ важныхъ и общеизвѣстныхъ принциповъ культурнаго уголовнаго права, какъ nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege.

конномъ толкованіи [1]) и законномъ аналогическомъ пополненіи законовъ уголовными судами [2]), при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, такъ и въ своихъ постановленіяхъ о законной силѣ законнаго толкованія и законнаго аналогическаго пополненія законовъ [3]). Со всѣми этими постановленіями нашего законодательства мы подробно познакомимся впослѣдствіи, когда будемъ изучать толкованіе и аналогическое пополненіе уголовныхъ законовъ уголовными судами и законную силу законнаго судебнаго толкованія и аналогическаго пополненія законовъ.

Подводя общій итогъ постановленіямъ дѣйствующаго русскаго законодательства: 1) относительно общаго понятія объ уголовномъ правонарушеніи и общаго понятія о наказаніи въ области нашего общаго уголовнаго права, 2) относительно законнаго толкованія и законнаго аналогическаго пополненія нашихъ общихъ уголовныхъ законовъ уголовными судами, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, и 3) относительно силы, присвоенной закономъ этому законному толкованію и законному аналогическому пополненію нашихъ общихъ уголовныхъ законовъ, мы приходимъ къ выводу, что законъ не только служитъ источникомъ дѣйствующаго общаго уголовнаго права Россійской Имперіи, но является и единственнымъ источникомъ этого права.

§ 19. Подраздѣленіе дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права на двѣ части: общую и особенную и соотвѣтствующее подраздѣленіе уголовнаго уложенія.

Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи можетъ быть раздѣлено по содержанію на двѣ части: общую и особенную.

Общей частью дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ общее понятіе объ уголовномъ правонарушеніи, общія понятія о преступленіи и проступкѣ и общее понятіе о наказаніи, принятыя въ этомъ правѣ.

Особенной же частью дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ, какія правонарушенія преступны и какими наказаніями они обложены въ Россійской Имперіи.

---

1) Уст. уг. суд. ст. 12; 13; 916^2; 916^3; 930.

2) Ул. ст. 1 и 151. — Уст. уг. суд. ст. 12 и 771.

3) Св. Зак. Т. I. Ч. I. ст. 68 и 69. — Уст. уг. суд. ст. 12; 930 и 933. — П. П. Пусторослевъ — Конспектъ лекцій по особенной части русскаго уголовнаго права. Вып. I. Юрьевъ. 1902. с. 15—24.

Общая часть дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права содержится: 1) въ постановленіяхъ I-го раздѣла уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) въ I-й главѣ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Общія правила о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, содержащіяся въ уложеніи о наказаніяхъ, отличаются обыкновенно большей полнотой и ясностью, чѣмъ общія правила о проступкахъ и наказаніяхъ, заключающіяся въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Между общими правилами уложенія о наказаніяхъ и общими правилами устава о наказаніяхъ во многихъ отношеніяхъ нѣтъ противорѣчія, но за то во многихъ случаяхъ существуетъ несомнѣнное противорѣчіе.

Въ случаѣ противорѣчія, смыслъ постановленій устава о наказаніяхъ не можетъ быть истолковываемъ на основаніи постановленій уложенія о наказаніяхъ. Дѣло въ томъ, что законъ, болѣе поздній не можетъ быть отмѣняемъ закономъ, болѣе раннимъ, а уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, удостоился Высочайшаго утвержденія, при первомъ своемъ изданіи, гораздо позднѣе, чѣмъ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, при первомъ его изданіи: уставъ утвержденъ впервые въ 1864 г., а уложеніе — въ 1845.

Въ случаѣ же отсутствія противорѣчія, толкованіе постановленій устава о наказаніяхъ на основаніи постановленій уложенія о наказаніяхъ возможно и допустимо.

Особенная часть дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права содержится: 1) въ постановленіяхъ одиннадцати послѣднихъ раздѣловъ (II—XII) уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) въ постановленіяхъ двѣнадцати послѣднихъ главъ (II—XIII) устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Что касается уголовнаго уложенія, то оно въ свою очередь раздѣляется на двѣ части: общую и особенную. Общая часть его изложена въ его I-й главѣ, а особенная — въ остальныхъ тридцати шести главахъ (II—XXXVII).

§ 20. Пособія къ изученію русскаго уголовнаго права.

Пособія къ изученію общей и особенной части дѣйствующаго общаго уголовнаго права Россійской Имперіи раздѣляются на три

группы. Первая группа состоитъ изъ пособій къ изученію текста дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи, вторая — изъ пособій къ изученію судебной практики по общей и особенной части общаго уголовнаго права Россійской Имперіи и третья — изъ литературныхъ пособій къ изученію одной изъ этихъ частей или ихъ обѣихъ.

I. Пособія къ изученію текста дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи.

Пособіями къ изученію текста дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи служатъ оффиціальныя и частныя изданія текста этихъ законовъ. Изучать общее уголовное законодательство Россійской Имперіи нужно по оффиціальнымъ изданіямъ, а не по частнымъ. Въ частныхъ изданіяхъ могутъ быть ошибки, а потому пользоваться частными изданіями можно не иначе, какъ послѣ тщательной провѣрки излагаемаго ими текста законовъ съ текстомъ оффиціальнаго изданія.

А. Оффиціальныя изданія. 1. Сводъ законовъ уголовныхъ. Часть первая. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 года. С.-Петербургъ, 1885.

2. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 года. С.-Петербургъ. 1885.

3. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по Продолженіямъ 1890 и 1891 годовъ. Санктпетербургъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣ статьи уложенія, не снабженныя указаніями на позднѣйшія узаконенія, приводятся по этому изданію, со включеніемъ мною лишь надлежащихъ статей по Продолженію 1902 г.

4. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по продолженіямъ 1890 и 1891 годовъ. Санктпетербургъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣ статьи устава о наказаніяхъ, не снабженныя указаніями на позднѣйшія узаконенія, приводятся по этому изданію, со включеніемъ мною лишь надлежащихъ статей по Продолженію 1902 г.

5. Статьи къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ: а) по Продолженію 1890 года, б) по продолженію 1891 г., в) по Продолженію 1895 г. и г) по Продолженію 1902 г. (Продолженіе Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года. Часть вторая. Статьи къ Томамъ VIII ч. 2, IX, X, XI ч. 1, XII ч. 2 и XIII—XVI.).

6. Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ. Годы 1902—1903.

Б. Частныя изданія. 1. Уложеніе о наказаніяхъ, уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года. Издано Н. С. Таганцевымъ. Изданіе одиннадцатое. С.-Петербургъ. 1901.

2. Уставъ о наказаніяхъ. Изданіе 1885 года, дополненное по послѣдующимъ продолженіямъ, съ приложеніемъ Сборника законовъ, извлеченныхъ изъ всѣхъ XVI томовъ Свода Законовъ, нарушеніе которыхъ наказуется по уставу о наказаніяхъ. Составилъ А. А. Леонтьевъ. С.-Петербургъ. 1894.

3. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г. Изданъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четырнадцатое. С.-Петербургъ. 1902.

Уголовное уложеніе, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г., не вступило еще въ дѣйствіе, а потому и не представляетъ дѣйствующаго уголовнаго права. Пособіями къ изученію текста уголовнаго уложенія служатъ оффиціальныя и частныя изданія.

А. Оффиціальныя изданія. 1. Уголовное уложеніе. Приложеніе къ „Собранію узаконеній и распоряженій Правительства“ за 1903 г. № 38. Отдѣлъ I. ст. 416.

Б. Частныя изданія. 1. Уголовное уложеніе, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. Изданіе Государственной Канцеляріи. С.-Петербургъ. 1903.

2. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года уголовное уложеніе. С.-Петербургъ 1903.

3. Г. Г. Евангуловъ — Уголовное уложеніе. (Высочайше утвержденное 22 Марта 1903 г.). Текстъ закона съ очеркомъ основныхъ положеній и существенныхъ отличій его отъ дѣйствующаго законодательства и съ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ. С.-Петербургъ. 1903.

4. Уголовное уложеніе 22 Марта 1903 г. съ мотивами, извлеченными изъ объяснительной записки редакціонной коммиссіи, представленія Мин. Юстиціи въ Государственный Совѣтъ и журналовъ — особаго совѣщанія, особаго присутствія департаментовъ и общаго собранія Государственнаго Совѣта. Изданіе Н. С. Таганцева. С.-Петербургъ. 1904.

II. Пособія къ изученію судебной практики по общей и особенной части общаго уголовнаго права Россійской Имперіи.

А. Оффиціальныя изданія. 1. Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. 1866. С.-Петербургъ. Рѣ-

шенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента за 1866 г. изложены на стр. 1—27.

2. Рѣшенія уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. За 1867—1903. С.-Петербургъ. Эти рѣшенія изданы за каждый годъ отдѣльно.

3. Рѣшенія Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената или, по позднѣйшему заглавію съ 1877 года, рѣшенія Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. За 1869—1903 годъ. С.-Петербургъ.

Б. Частныя изданія. 1. Г. И. Трахтенбергъ — Указатель юридическимъ вопросамъ, разрѣшеннымъ уголовнымъ кассаціоннымъ и общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ Сената. С.-Петербургъ. 1874. Тутъ находятся рѣшенія по 1 января 1874 года.

2. Г. И. Трахтенбергъ — Алфавитный указатель вопросовъ разрѣшенныхъ уголовнымъ кассаціоннымъ и общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. 1866—1880. Изданіе третье. С.-Петербургъ. 1881.

3. Сборникъ циркулярныхъ указовъ. Министерства Юстиціи изданіе 2-е. Составленъ по распоряженію г. Министра Юстиціи . . . В. В. Поповымъ. С.-Петербургъ. 1890. Это — „сборникъ циркулярныхъ указовъ кассаціонныхъ департаментовъ, общаго оныхъ собранія и соединеннаго присутствія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената“ съ 15 мая 1868 г. по 30 іюня 1890 г. включительно.

4. А. К. Гаугеръ — Сборникъ рѣшеній Общаго Собранія Кассаціонныхъ и Перваго съ Кассаціонными Департаментовъ Правительствующаго Сената за 30 лѣтъ (съ 1866—1896 г.). Изданіе 2. С.-Петербургъ. 1897. Тутъ находятся рѣшенія съ 1866 года по 1895 включительно. — Дополненіе къ сборнику рѣшеній Общаго Собранія Кассаціонныхъ и Перваго съ Кассаціонными Департаментовъ Правительствующаго Сената. Изданному (2-мъ изд.) въ 1897 г. и составленному подъ редакціей А. К. Гаугера. Рѣшенія Общаго Собранія за 1896—1900 г. С.-Петербургъ. 1901.

5. Систематическій указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ опредѣленіями Общаго Собранія Кассаціонныхъ и съ участіемъ I и II Департаментовъ Правительствующаго Сената съ 1866 по 1 января 1900 г. Составилъ Н. Н. Быстровъ. С.-Петербургъ. 1901.

6. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г.

Издано Н. С. Таганцевымъ. 11 изданіе. С.-Петербургъ 1901. Въ этомъ изданіи между прочимъ помѣщены: „извлеченія изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената по 1 января 1901 г.“ и „извлеченія изъ рѣшеній общихъ собраній кассаціонныхъ департаментовъ и кассаціонныхъ департаментовъ и 1-го по 1 іюля 1900 г.“

7. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г. Съ дополненіями по продолженію 1895 г., съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеніи кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Изданъ Н. С. Таганцевымъ. 14 изданіе. С.-Петербургъ. 1902. Въ текстъ этого устава введены измѣненія, внесенныя узаконеніями 1896—1902 г.

Во избѣжаніе ошибокъ и недоразумѣній необходимо изучать рѣшенія Сената по оффиціальнымъ изданіямъ. Частными же изданіями, сборниками, извлеченіями и указателями слѣдуетъ пользоваться только въ качествѣ пособій, облегчающихъ изученіе сенатскихъ рѣшеній по оффиціальнымъ изданіямъ.

III. Литературныя пособія къ изученію общей и особенной части общаго уголовнаго права Россійской Имперіи.

1. Учебникъ уголовнаго права профессора П. Д. Калмыкова, изданный А. Любавскимъ. Часть общая. Часть особенная. Санктпетербургъ. 1866. Въ общей части этого учебника уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ приводится по изданію 1857 г., а въ особенной — по изданію 1866 г.

2. А. Лохвицкій — Курсъ русскаго уголовнаго права. 2-е изданіе. Санктпетербургъ. 1871. Первое изданіе было сдѣлано въ С.-Петербургѣ въ 1867 г. Въ этомъ учебникѣ изложена общая и особенная часть русскаго уголовнаго права.

3. Н. Неклюдовъ — Руководство для Мировыхъ Судей. 2-е изданіе. С.-Петербургъ. 1874. Томъ II. Здѣсь изложены проступки, подсудные мировымъ судамъ, предусмотрѣнные какъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, такъ и уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Второй томъ этого руководства былъ изданъ въ 1-й разъ въ Петербургѣ въ 1868 г.

4. Н. А. Неклюдовъ — Общая часть уголовнаго права (Конспектъ). С.-Петербургъ. 1875.

5. Н. А. Неклюдовъ — Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права (С.-Петербургъ): I) томъ I — преступленія

и проступки противу личности (1876), II) томъ II — преступленія и проступки противу собственности (1876), III) томъ III — преступленія: 1) противу брака и правъ семейственныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. п.) (1878), и IV) томъ IV — сокрытіе истины; сокрытіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ и ябеда; подлогъ и поддѣлка (1880).

6. Руководство особенной части русскаго уголовнаго права. Издано по лекціямъ, читаннымъ въ Военно-Юридической Академіи Профессоромъ Уголовнаго Права Докторомъ Правъ Н. А. Неклюдовымъ. Издатель капитанъ К. Л. Харченко. С.-Петербургъ. 1887.

7. Н. С. Таганцевъ — Курсъ русскаго уголовнаго права. Часть общая. Книга I-я. Ученіе о преступленіи. Санктпетербургъ. Три выпуска: 1-й — въ 1874 г., 2-й — въ 1878 и 3-й — въ 1880.

8. Н. С. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. С.-Петербургъ. Четыре выпуска: 1-й — въ 1887 г., 2-й — въ 1888, 3-й — въ 1890 и 4-й — въ 1892. Въ этихъ четырехъ выпускахъ изложена вся общая часть русскаго уголовнаго права.

Въ 1902 г. вышло 2-е пересмотрѣнное и дополненное изданіе этихъ лекцій подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Русское уголовное право. Лекціи Н. С. Таганцева. Часть общая". Томы I и II. С.-Петербургъ. 1902. Въ этомъ изданіи Н. С. Таганцевъ излагаетъ нашъ дѣйствующій уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ такъ, какъ будто бы эти законы были уже отмѣнены и прекратили свое дѣйствіе; подъ именемъ же дѣйствующаго уголовнаго уложенія изложенъ лишь проектъ уголовнаго уложенія и даже не послѣдній, а именно — проектъ уголовнаго уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія, при Государственномъ Совѣтѣ, въ 1898 — 1900 г. (выше с. 124—127.). Напр., на 150-й страницѣ I-го тома общей части „Русскаго уголовнаго права", Н. С. Таганцевъ говоритъ: „Дѣйствующее уложеніе въ сущности сохранило систему устава о наказ. По ст. 137 опредѣляется денежная пеня до 50 рублей за всякое неисполненіе обязательнаго постановленія власти, если за таковое не опредѣлено закономъ особаго наказанія". Если мы возьмемъ наше дѣйствительно дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и посмотримъ 137-ю статью (по прод. 1902 г.); то прочтемъ: „Дѣти, коимъ менѣе десяти лѣтъ

отъ роду, не подвергаются судебному преслѣдованію и опредѣленному въ законахъ наказанію" и т. д. Если мы заглянемъ въ 137-ю статью Высочайше утвержденнаго уголовнаго уложенія, еще не вступившаго въ дѣйствіе; мы увидимъ слова: „Виновный въ нарушеніи правилъ о нейтралитетѣ, въ установленномъ порядкѣ обнародованныхъ, наказывается: заключеніемъ въ крѣпости". Если мы раскроемъ проектъ уголовнаго уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта [1]) въ 1901—1902 г. (выше с. 127—128.); то прочтемъ: „Виновный въ нарушеніи правилъ о нейтралитетѣ, въ установленномъ порядкѣ обнародованныхъ, наказывается: заключеніемъ въ крѣпости". Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ находится приведенная Н. С. Таганцевымъ 137-я статья мнимо дѣйствующаго уложенія? Ее содержитъ проектъ уголовнаго уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ [2]). Опасные примѣры выдачи статей этого проекта за статьи дѣйствующаго уложенія можно найти въ изобиліи и въ I-мъ, и во II-мъ томѣ разсматриваемаго сочиненія Н. С. Таганцева [3]).

Второе пересмотрѣнное и дополненное изданіе сочиненія Н. С. Таганцева подъ заглавіемъ „Русское уголовное право" поражаетъ безпримѣрными превращеніями: дѣйствительно дѣйствующій уставъ о наказаніяхъ, дѣйствительно дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ преданы мнимой смерти, а проектъ уголовнаго уложенія, составленный Особымъ Совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ, превращенъ въ уложеніе, и этому мнимому уложенію придано мнимое дѣйствіе. Въ предисловіи къ этому изданію (Рус. уг. право. Т. I. с. I—II.), Н. С. Таганцевъ и самъ даетъ нѣкоторыя указанія на то, какъ онъ поступилъ съ уложеніемъ и уставомъ о наказаніяхъ, только въ этихъ указаніяхъ нѣтъ исчерпывающей точности.

9. А. Ѳ. Кистяковскій — Элементарный учебникъ общаго

---

1) Уголовное уложеніе. Проектъ, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта. ст. 137. стр. 65.

2) Уголовное уложеніе. Проектъ, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія. ст. 137. стр. 65.

3) Большія неожиданности получаются, напр., относительно статей 276-й, 453-й и 554-й на 786-й страницѣ I-го тома „Русскаго уголовнаго права" Н. С. Таганцева, или относительно 7-го пункта 33-й статьи на 1062-й страницѣ II-го тома того же сочиненія, или относительно 71-й статьи на 1458-й страницѣ того же II-го тома; если мы, слѣдуя сочиненію Н. С. Таганцева, примемъ ихъ за статьи дѣйствующаго уложенія, а не за статьи проекта, исправленнаго по заключеніямъ Особаго Совѣщанія, какъ это есть въ дѣйствительности.

уголовнаго права. Общая часть. Томъ I. Кіевъ. 1875. Этотъ учебникъ напечатанъ въ Кіевѣ еще два раза: во 2-й разъ — въ 1882 г. и въ 3-й — въ 1891. Послѣднее изданіе носитъ слѣдующее заглавіе: Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства. Часть общая. Третье изданіе, печатанное безъ перемѣнъ со второго А. Ѳ. Кистяковскаго. Кіевъ. 1891.

10. Н. Д. Сергѣевскій — Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изданіе пятое съ дополненіями проф. А. А. Жижиленко. С.-Петербургъ. 1904. Предшествующія изданія этого учебника Н. Д. Сергѣевскаго, безъ всякихъ дополненій А. А. Жижиленко, напечатаны въ Петербургѣ въ 1887, 1890, 1896 и 1900 г.

11. С. Будзинскій — О преступленіяхъ въ особенности. Сравнительное изслѣдованіе. Москва. 1887.

12. Л. Е. Владимировъ — Учебникъ русскаго уголовнаго права. Общая часть. Харьковъ. 1889.

13. И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. С.-Петербургъ. 1889. Печатаніе 2-го изданія этой книги начато въ 1903 г.

14. И. Я. Фойницкій — Курсъ уголовнаго права. Часть особенная. Посягательства личныя и имущественныя. 4-е изданіе. С.-Петербургъ. 1901. Предшествующія изданія этого курса напечатаны въ С.-Петербургѣ въ 1890, 1893 и 1900 г. Въ заглавіи первыхъ двухъ изданій стояло: „Посягательства на личность и имущество“.

15. Я. Г. Сѣверскій — Особенная часть русскаго уголовнаго права. Краткій обзоръ началъ отъ уложенія Царя Алексѣя Михайловича до уложенія о наказаніяхъ 1885 г. включительно. С.-Петербургъ. 1892 г.

16. В. В. Есиповъ — Очеркъ русскаго уголовнаго права. Часть общая. 2-е изданіе. Варшава. 1898. Первое изданіе этого очерка напечатано въ Варшавѣ въ 1894 г. Въ 1903 году начато печатаніе 3-го изданія этого очерка.

17. В. В. Есиповъ — Уголовное право. Часть особенная. Преступленія личныя и имущественныя. 2-е изданіе. С.-Петербургъ. 1899. Первое же изданіе этого учебника было сдѣлано въ Варшавѣ въ 1895 г. въ двухъ выпускахъ: Выпускъ I-й — „Преступленія личныя“ и выпускъ II-й — „Преступленія имущественныя“. — Преступленія противъ государства и общества. С.-Петербургъ. 1902.

18. В. В. Есиповъ — Уголовное уложеніе 1903 года, его характеръ и содержаніе. Варшава. 1903.

19. А. К. Вульфертъ — Лекціи по общей части уголовнаго права: курсъ, читанный въ Военно-Юридической Академіи въ 1894—1895 г. С.-Петербургъ. 1895.

20. А. К. Вульфертъ — Лекціи по особенной части русскаго уголовнаго права, читанныя въ военно-юридической академіи въ 1895 г. Издатели: Салатко-Петрище и Васильяновъ. С.-Петербургъ. 1896. — Лекціи по особенной части русскаго уголовнаго права, читанныя въ Военно-Юридической Академіи 1896 г. Ординарнымъ Профессоромъ А. К. Вульфертомъ. Выпускъ второй. Издатель Сотникъ Д. Петровъ. С.-Петербургъ. 1897. — Лекціи по особ. части рус. уг. права, читанныя въ военно-юридической академіи въ 1897 г. Выпускъ 3-й. Издатель поручикъ В. Д. Тимашевъ. С.-Петербургъ. 1898. — Лекціи по особенной части русскаго уголовнаго права, читанныя въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Александровскомъ Лицеѣ въ 1898—99 году ординарнымъ профессоромъ Александровской Военно-Юридической Академіи А. К. Вульфертомъ. С.-Петербургъ. 1899.

21. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій — Очерки курса русскаго уголовнаго права. Общая и особенная часть. Лекціи. На корешкѣ обложки этой книги напечатано: „Кіевъ. 1898 г“., а на оборотѣ страницы заглавія — „Кіевъ. 1896“. Въ виду этихъ данныхъ открывается вопросъ, была ли напечатана въ 1898 г. вся эта книга или только ея обложка. Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, я буду называть эту книгу изданіемъ 1896 или 1898 г. Первое изданіе „Очерковъ курса русскаго уголовнаго права“ проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго было сдѣлано, несомнѣнно, въ Кіевѣ въ 1896 г. Въ 1903 году снова начато печатаніе этого учебника въ Кіевѣ подъ заглавіемъ: Учебникъ русскаго уголовнаго права Общая и особенная части Ординарнаго профессора Университета Св. Владиміра Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.

22. Л. А. Бѣлявскій и А. Л. Рубиновскій — Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года въ толкованіи юристовъ Практическое руководство для судебныхъ дѣятелей. С.-Петербургъ. 1902.

23. П. П. Пусторослевъ — Конспектъ лекцій по особенной части русскаго уголовнаго права. Выпускъ I. Введеніе. Преступленія и проступки противъ вѣры. Государственныя преступленія. Юрьевъ. 1902.

24. В. Д. Набоковъ — Элементарный учебникъ особенной части русскаго уголовнаго права. Выпускъ I. Книга I — Посягатель-

ства на блага тѣлесной личности. Книга II — Посягательства на имущественныя блага. С.-Петербургъ. 1903. Въ этомъ первомъ выпускѣ учебника нашъ дѣйствующій уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изложены авторомъ, вопреки дѣйствительности, въ видѣ законовъ, уже отмѣненныхъ и прекратившихъ свое дѣйствіе. Напротивъ, подъ именемъ дѣйствующаго уголовнаго уложенія авторъ излагаетъ въ первыхъ шестидесяти восьми изъ семидесяти четырехъ параграфовъ своего учебника проектъ уголовнаго уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта въ 1901—1902 г. (выше с. 128.), а въ шести послѣднихъ параграфахъ (§§ 69—74) уголовное уложеніе 22 марта 1903 г., еще не вступившее въ дѣйствіе. На это сдѣланы нѣкоторыя указанія самимъ авторомъ въ его предисловіи къ своему учебнику (Элем. учебникъ. с. I—II.). Нельзя, однако, не замѣтить, что въ появленіи еще новаго учебника уголовнаго права съ превращеніями (выше с. 143—144.) нѣтъ ничего отраднаго. Въ области науки, въ области изслѣдованія истины нельзя отступать отъ дѣйствительности и даже съ оговоркой въ предисловіи излагать желаемое и ожидаемое въ видѣ настоящаго. Храмъ науки есть храмъ истины. Превратное изложеніе дѣйствительности — не наука.

25. Г. Г. Евангуловъ — Уголовное уложеніе. (Высочайше утвержденное 22 Марта 1903 г.). Текстъ закона съ очеркомъ основныхъ положеній и существенныхъ отличій его отъ дѣйствующаго законодательства и съ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ. С.-Петербургъ. 1903.

26. А. К. фонъ-Резонъ — Уголовное уложеніе. Краткое изложеніе главныхъ положеній его въ сопоставленіи съ дѣйствующимъ правомъ. С.-Петербургъ. 1903.

§ 21. Дѣйствующее особенное уголовное право Россійской Имперіи, его виды (8), ихъ источники и внѣшнія формы воплощенія этихъ источниковъ.

Особенное уголовное право, дѣйствующее въ Россійской Имперіи, раздѣляется на восемь видовъ.

Первымъ видомъ особеннаго уголовнаго права въ Россійской Имперіи является русское военно-уголовное право.

Оно раздѣляется на двѣ вѣтви.

Первой вѣтвью русскаго военно-уголовнаго права служитъ русское военно-сухопутное уголовное право. Оно предназначено для русской арміи.

Первымъ русскимъ военно-уголовнымъ уложеніемъ для арміи является „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“, утвержденный Царемъ Петромъ I въ городѣ Данцигѣ 30 марта 1716 г. (См. выше с. 7 прим. 2; с. 87—88.).

Дѣйствующее русское военно-сухопутное уголовное право имѣетъ только одинъ источникъ — законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника служатъ: „Воинскій уставъ о наказаніяхъ“, по изданію 1879 г. (выше с. 10 прим. 1.), и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія.

Вторую вѣтвь русскаго военно-уголовнаго права составляетъ русское военно-морское уголовное право. Оно предназначено для русскаго флота.

Первымъ русскимъ военно-уголовнымъ уложеніемъ для флота является „Книга V Устава Морского“, утвержденнаго Царемъ Петромъ I 13 января 1720 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. VI. № 3485. Уставъ Морской. Книга V. — О Штрафахъ.].

Дѣйствующее русское военно-морское уголовное право имѣетъ только одинъ источникъ — законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника служатъ: „Военно-морской уставъ о наказаніяхъ“, по изданію 1886 г. (выше с. 10 прим. 2.), и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія.

Второй видъ особеннаго уголовнаго права Россійской Имперіи составляетъ крестьянское уголовное право Россійской Имперіи.

Оно раздѣляется на пять вѣтвей.

Первую вѣтвь представляетъ крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, въ которыхъ введено „Положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ“ (выше с. 10 прим. 4.). Это положеніе введено въ сорока трехъ губерніяхъ Европейской Россіи. Оно введено въ губерніяхъ: Астраханской, Бессарабской, Виленской, Витебской, Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Гродненской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Ковенской, Костромской, Курской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Санктпетербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Ставропольской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и Ярославской (Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. III. Введеніе. ст. 1. — Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 8 іюня 1903 г. о распространеніи законоположеній 12 іюля 1889 года на губерніи

Виленскую, Гродненскую и Ковенскую и объ ассигнованіи необходимыхъ на сіе кредитовъ. Собр. уз. 1903. Отд. I. № 86. ст. 985.).

Единственнымъ источникомъ крестьянскаго уголовнаго права въ мѣстностяхъ, подчиненыхъ „Положенію о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ", служитъ законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: 1) „Общее Положеніе о крестьянахъ", по изданію 1902 г. [выше с. 10—11 и прим. 1 на с. 11.], и 2) „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ", по изданію 1857 г. [выше с. 11 прим. 2.]. Этотъ сельскій судебный уставъ очень устарѣлъ. Онъ былъ выработанъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго XIX-го вѣка, удостоился Высочайшаго утвержденія 23 марта 1839 г. и съ тѣхъ поръ не получилъ никакихъ существенныхъ измѣненій.

Второю вѣтвью служитъ крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, „въ которыхъ не введено Положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ" (выше с. 11 прим. 3.). Такихъ мѣстностей — пять, а именно — четыре губерніи: Архангельская (Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. III. Вв. ст. 1. п. 5.), Волынская, Кіевская и Подольская (тамъ же ст. 1. п. 2.) и одна область — область Войска Донскаго (тамъ же ст. 1 п. 4.).

Единственнымъ источникомъ крестьянскаго уголовнаго права въ этихъ пяти мѣстностяхъ служитъ законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: 1) „Общее Положеніе о крестьянахъ", по изданію 1902 г. [выше с. 11 прим. 4.], и 2) „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ", по изданію 1857 г. (выше с. 11 прим. 5.].

Третью вѣтвь составляетъ крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ Черноморской губерніи и пяти Закавказскихъ: Бакинской, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской и Эриванской (Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Разд. V. ст. 390. — Кн. III. Вв. ст. 1. п. 3. — См. выше с. 11—12 прим. 6 на с. 11.).

Источникомъ этого права служитъ только законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника являются: „Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила", по изданію 1902 г. (выше с. 11—12 прим. 1 на с. 12.).

Четвертую вѣтвь представляетъ крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири и Средней Азіи, въ которыхъ введено „Временное Положеніе о Крестьянскихъ Начальникахъ" (выше с. 12 прим. 2—3.). Такихъ мѣстностей — одиннадцать: четыре губерніи и семь областей. Это — губерніи: Енисейская, Иркутская,

Тобольская и Томская въ Сибири[1]) и области: Забайкальская[2]), Амурская и Приморская[3]) въ Сибири и Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская[4]) въ Средней Азіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что Комиссія, Высочайше учрежденная при Намѣстникѣ Дальняго Востока для выработки проектовъ относительно желательныхъ преобразованій, одобрила осенью 1903 г. проектъ переустройства Приморской области. По этому проекту Приморская область раздѣляется на двѣ области: на Приморскую и Камчатскую. Въ первую входятъ уѣзды: Хабаровскій и Южно-Уссурійскій, а во вторую — Удскій, Охотскій, Петропавловскій, Гижигинскій и Анадырскій и Командорскіе острова.

Законъ служитъ единственнымъ источникомъ крестьянскаго уголовнаго права въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ „Временному Положенію о Крестьянскихъ Начальникахъ".

Внѣшними формами воплощенія этого источника служитъ: 1) „Общее Положеніе о крестьянахъ", по изданію 1902 г. [выше с. 12 прим. 4.], 2) „Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила", по изданію 1902 г. [выше с. 12 прим. 5.], и 3) „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ", по изданію 1857 г. [выше с. 12 прим. 6.).

Наконецъ, пятой вѣтвью является крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской (выше с. 12 прим. 7.).

Единственнымъ источникомъ этого уголовнаго права служитъ законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: 1) „Волостной судебный уставъ", по изданію 1889 г. [выше с. 13 прим. 1.], съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) „Положеніе о крестьянахъ Лифляндской Губерніи" 1860 г. [выше с. 13 прим. 2.].

Третій видъ особеннаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, составляетъ религіозно-уголовное право, дѣйствующее въ Россійской Имперіи.

Оно раздѣляется на шесть вѣтвей.

---

1) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. III. Вв. ст. 1 п. 7, а также Разд. VII. ст. 405.

2) Св. Зак. Т. IX. Особ. приложеніе. Кн. III. Вв. ст. 1 п. 7, а также Разд. VII. ст. 405 прим. 1.

3) Собр. уз. 1902. № 68 ст. 677.

4) Собр. уз. 1902. № 71 ст. 737.

Первой вѣтвью является церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно православныхъ христіанъ въ Россійской Имперіи.

Оно имѣетъ два источника: 1) законъ Россійской Имперіи и 2) правила православной церкви, одобренныя закономъ Россійской Имперіи (выше с. 13 прим. 4.).

Внѣшними формами воплощенія закона, служащаго источникомъ православнаго церковно-уголовнаго права въ Россійской Имперіи, выступаютъ: 1) „Уставъ Духовныхъ Консисторій“, по изданію 1883 г. [выше с. 13 прим. 4—5.], 2) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ [ст. 58 съ прим. 1, по прод. 1902 г.; 86.], 3) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ [ст. 5.], и 4) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“, по изданію 1892 г. [выше с. 13 прим. 7.].

Вторую вѣтвь представляетъ церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно христіанъ римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданій въ Россійской Имперіи, третью — церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно христіанъ евангелическо-лютеранскаго, евангелическо-аугсбургскаго и евангелическо-реформатскаго исповѣданій въ Россійской Имперіи, и четвертую — церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно христіанъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія въ Россійской Имперіи.

Церковно-уголовное право каждой изъ этихъ трехъ вѣтвей имѣетъ два источника: 1) законъ Россійской Имперіи и 2) церковныя правила соотвѣтствующихъ исповѣданій, одобренныя закономъ Россійской Имперіи, а именно — церковныя правила римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданій — относительно второй вѣтви, церковныя правила евангелическо-лютеранскаго, евангелическо-аугсбургскаго и евангелическо-реформатскаго исповѣданій — относительно третьей вѣтви и церковныя правила армяно-грегоріанскаго исповѣданія — относительно четвертой (выше с. 14 прим. 1.).

Внѣшними формами воплощенія этого закона служатъ: 1) „Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій“, по изданію 1896 г. [выше с. 14 прим. 2.], съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, 2) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ [ст. 58 съ прим. 1, по прод. 1902; 86.], 3) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ [ст. 5.], и 4) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“ [ст. 1016; 1028; 1029.].

Пятою вѣтвью является религіозно-уголовное право, дѣйствующее относительно магометанъ въ Россійской Имперіи.

Оно имѣетъ два источника: 1) законъ Россійской Имперіи и

2) правила магометанской вѣры, одобренныя закономъ Россійской Имперіи (выше с. 14 прим. 3.).

Внѣшними формами воплощенія этого закона выступаютъ: 1) „Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій“, по изданію 1896 г. [выше с. 14—15 прим. 1 на с. 15.], 2) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ [ст. 1585 съ прим.] и 3) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“ [ст. 1028.].

Наконецъ, шестой вѣтвью служитъ религіозно-уголовное право, дѣйствующее относительно лицъ, исповѣдующихъ ламайскую вѣру въ Россійской Имперіи.

Это право имѣетъ два источника: 1) законъ Россійской Имперіи и 2) правила ламайской вѣры, одобренныя закономъ Россійской Имперіи (выше с. 15 прим. 2.).

Внѣшними формами воплощенія этого закона являются: 1) „Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій“, по изданію 1896 г. [выше с. 15 прим. 3.] и 2) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“ [ст. 1028.].

Четвертый видъ особеннаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, представляетъ инородческое уголовное право, т. е. обычное право нѣкоторыхъ некультурныхъ инородческихъ племенъ Россійской Имперіи, напр., самоѣдовъ, чукчей, дѣйствующее съ разрѣшенія закона Россійской Имперіи въ узаконенныхъ предѣлахъ (выше с. 15—16 прим. 4.; с. 94—95 съ прим. 2 на с. 94.).

Источникомъ этого права служитъ обычай, одобренный закономъ Россійской Имперіи (выше с. 15—16 прим. 4; с. 94 прим. 2.).

Пятый видъ особеннаго уголовнаго права составляетъ уголовное право, дѣйствующее относительно каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ въ Россійской Имперіи.

Оно имѣетъ только одинъ источникъ — законъ.

Этотъ источникъ воплощается въ „Уставѣ о ссыльныхъ“, по изданію 1890 г. (выше с. 16 прим. 1.), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Шестымъ видомъ особеннаго русскаго уголовнаго права является русское финансово-уголовное право.

Оно раздѣляется на двѣ вѣтви.

Первую вѣтвь составляетъ русское акцизно-уголовное право.

Оно имѣетъ только одинъ источникъ — законъ.

Этотъ источникъ воплощается въ „Сводѣ Уставовъ объ Акцизныхъ Сборахъ“, по изданію 1901 г. (выше с. 16 прим. 2.), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Вторую вѣтвь образуетъ русское таможенно-уголовное право.

Оно имѣетъ также только одинъ источникъ — законъ.

Этотъ источникъ воплощается въ „Сводѣ Учрежденій и Уставовъ Таможенныхъ“, по изданію 1892 г. (выше с. 16—17 и прим. 1 на с. 17.), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Седьмой видъ особеннаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, представляетъ уголовное право, дѣйствующее въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ [1]), составляющемъ обособленую

1) Конституція Финляндіи [Précis du droit public du grand duché de Finlande par L. Mechelin, membre du sénat impérial de Finlande, ancien professeur du droit à l'université d'Helsingfors] переведена и дополнена примѣчаніями по русскимъ документамъ К. Ординымъ. С.-Петербургъ. 1888. — К. Ординъ — Покореніе Финляндіи. С.-Петербургъ. Томы I и II. С.-Петербургъ. 1889. Императорскою Академіею Наукъ удостоено преміи Митрополита Макарія. — Рих. Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою. По поводу сочиненія К. Ордина „Покореніе Финляндіи“. Переводъ. Гельсингфорсъ. 1890. — Н. М. Коркуновъ — Финляндское Великое Княжество. Юридическая Лѣтопись. 1890. № 4. с. 317—329. — Ѳ. Еленевъ — Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. С.-Петербургъ. 1891. — Н. М. Коркуновъ — Финляндскій сеймъ. Юрид. Лѣтопись. С.-Петербургъ. 1891. № 1. с. 3—16. — Н. С. Таганцевъ — Высочайшій манифестъ $^{1}/_{13}$ декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложеніе. Юрид. Лѣтопись. 1891 г. № 2. с. 97—146. — Н. М. Коркуновъ — Русское государственное право. Томъ I. Введеніе и общая часть. С.-Петербургъ. 1893. с. 141—153. — Ѳ. Еленевъ — Ученіе о финляндскомъ государствѣ. С.-Петербургъ. 1893. — Geschichte der europäischen Staaten. Herausgegeben von X. H. L. Heeren, F. A. Ukert, W. v. Giesebrecht und K. Lamprecht. Geschichte Finlands. Von M. G. Schybergson. Deutsche Bearbeitung von Fritz Arnheim. Gotha 1896. — В. В. Ивановскій — Русское государственное право. Томъ I. Верховная власть и ея органы. Выпускъ 5-й. Мѣстныя установленія окраинъ. Финляндія. Царство Польское. Кавказъ. Туркестанъ. Сибирь. 1897. Казань. § 53. Государственныя установленія Финляндіи. с. 304—327. — Финляндія. Изданіе О. Н. Поповой. Подъ редакціей Д. Протопопова. С.-Петербургъ. 1898. Это сборникъ статей различныхъ авторовъ. — Frantz Despagnet — La question finlandaise au point de vue juridique. Paris. 1900. — La constitution du Grand-Duché de Finlande. Recueil des lois fondamentales et autres actes officiels qui déterminent ou éclaircissent la situation politique du Grand-Duché avec un aperçu du développement historique du droit public de la Finlande et un commentaire aux lois fondamentales de 1772 et de 1789. Paris. 1900. Этотъ сборникъ безъ обозначенія имени автора составленъ, какъ видно изъ предисловія редакціоннаго комитета (p. 5.), финляндскими юристами, но какими именно, не сказано. — Э. Н. Берендтсъ — Объ источникахъ финляндскаго права. Ж. М. Ю. 1901. № 10. с. 121—140. — М. Бородкинъ. — Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи. С.-Петербургъ. 1902. — Н. Д. Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. С.-Петербургъ. 1902. — Н. С. Таганцевъ — Русское уголовное право. Лекціи 2-е изданіе. Часть общая. Томъ I. с. 246—252. — Л. Мехелинъ — Къ вопросу о финляндской автономіи и основ-

часть Россійской Имперіи, или, короче сказать, финляндское уголовное право.

Признаніе финляндскаго уголовнаго права однимъ изъ видовъ особеннаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, имѣетъ свое основаніе въ томъ, что Великое Княжество Финляндское составляетъ не государство, соединенной личной или реальной уніей съ Россійской Имперіей, но лишь обособленную часть Россійской Имперіи, надѣленную по волѣ русскихъ Императоровъ участіемъ населенія этой окраины въ ея мѣстномъ управленіи, въ ея мѣстномъ отправленіи правосудія и въ ея мѣстномъ законодательствѣ [1]). См. 232 стр.

Въ самомъ дѣлѣ, Финляндія до пріобрѣтенія ея Россіею принадлежала Швеціи и составляла шведскую провинцію, получившую съ 1581 г. почетный титулъ Великаго Княжества. Шведское конституціонное государственное устройство распространялось не только на Швецію, но и на Финляндію. Населеніе Финляндіи точно также, какъ и Швеціи, посылало представителей отъ каждаго изъ четырехъ своихъ сословій, а именно — отъ дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ въ Государственный Сеймъ или въ Риксдагъ въ Стокгольмъ и при посредствѣ этихъ представителей принимало участіе въ законодательной дѣятельности Шведскаго Королевства. Въ концѣ XVIII-го столѣтія и началѣ XIX-го государственное конституціонное устройство Шведскаго Королевства съ шведской Финляндіей включительно опредѣлялось главнымъ образомъ двумя шведскими законами. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ „Формы Правленія“. Онъ утвержденъ Шведскимъ Королемъ Густавомъ III и Государственными Чинами въ

ныхъ законахъ. Критика брошюры Н. Д. Сергѣевскаго. Переводъ съ шведскаго. Берлинъ. 1903. — П. Шиловскій — Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. С.-Петербургъ. 1903.

1) Вопросъ объ отношеніи Великаго Княжества Финляндскаго къ Россійской Имперіи вызываетъ большіе споры, нерѣдко доходящіе до утраты спорящими спокойной оцѣнки дѣйствительнаго значенія фактовъ. Желающій познакомиться съ этими спорами найдетъ ихъ въ литературѣ, указанной мною выше въ примѣчаніи 1 на с. 153. Я же, не входя въ изложеніе этихъ споровъ, излагаю то рѣшеніе спорнаго вопроса, которое, по моему мнѣнію, по имѣющимся доказательствамъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ фактамъ дѣйствительности.

Указывая въ своихъ лекціяхъ виды особеннаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, я всегда относилъ къ числу ихъ и уголовное право, дѣйствующее въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, составляющемъ особую часть Россійской Имперіи, но никогда не приводилъ основаній своего взгляда. Если бы кто-нибудь изъ слушателей пожелалъ узнать эти основанія; я могъ бы тотчасъ

Стокгольмѣ 21-го августа 1772 г. Другой же законъ называется „Актомъ Соединенія и Безопасности“. Онъ утвержденъ Шведскимъ Королемъ Густавомъ III и Государственными Чинами въ Стокгольмѣ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 г.[1]).

Финляндія была пріобрѣтена Россіей отъ Швеціи не сразу, а по частямъ, посредствомъ упорныхъ кровопролитныхъ войнъ Петра Великаго, Елисаветы и Александра I[2]).

Это настойчивое стремленіе Россіи къ пріобрѣтенію Финляндіи вызывалось различными потребностями. Во главѣ ихъ стояло двѣ. Одна заключалась въ томъ, чтобы обезпечить русскому народу возможность широкихъ безопасныхъ сношеній съ Западной Европой по Балтійскому морю и въ особенности по его Финскому заливу. А вторая состояла въ томъ, чтобы избавить Россію, а въ особенности ея новую столицу, Петербургъ, отъ близкаго сосѣдства съ стариннымъ испытаннымъ врагомъ, съ шведскимъ государствомъ, отодвинуть подальше шведскую границу и въ концѣ концовъ на большомъ разстояніи отдѣлиться отъ Швеціи Балтійскимъ моремъ[3]).

дать объясненія. Печатая же въ настоящее время извлеченіе изъ своихъ лекцій и дѣлая ихъ достояніемъ публики, я считаю необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, высказать свой взглядъ и привести его основанія.

1) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. с. 27—42 № 61 (Шведская конституція. — Образъ правленія утвержденный Его Королевскимъ Величествомъ и чинами Государства Швеціи 21-го августа 1772 года.); с. 43—46 № 62 (Шведская конституція. Утвержденный его королевскимъ величествомъ и государственными чинами актъ соединенія и безопасности, отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 года.); с. 46—47 № 63 (Шведская конституція. Его королевскаго (еличества увѣреніе, данное вѣрнымъ подданнымъ его и всѣмъ сословіямъ государства 21-го апрѣля 1772 г.). — La constitution du Grand-Duché de Finlande. p. 9—18; 41—72. — Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи. Приложенія. с. 61—82 (Приложеніе 3-е. — Форма Правленія 1772 года.); с. 83—88 (Приложеніе 4-е. — Актъ соединенія и безопасности 1789 г.). — Мехелинъ — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 44; 76; 162—164. — Шиловскій — Акты. с. 3; 16—76.

2) Война Россіи съ Швеціей изъ-за Финляндіи при Императрицѣ Екатеринѣ II не дала Россіи новыхъ поземельныхъ пріобрѣтеній въ Финляндіи. Россія сохранила за собой лишь тѣ части Финляндіи, которыя были уже завоеваны и присоединены къ Россіи Петромъ Великимъ и Елисаветой. Про эти войны Петра Великаго, Елисаветы, Екатерины II и Александра I Шиловскій (Акты. с. 2.) и говоритъ, что „150,000 человѣкъ числятся выбывшими изъ строя русскихъ войскъ за эти четыре войны“.

3) Французскій Императоръ Наполеонъ I, какъ геніальный полководецъ, сразу понялъ необходимость пріобрѣтенія Финляндіи Россіею съ точки зрѣнія военныхъ интересовъ Россіи и отмѣтилъ это Императору Александру I еще до начала его войны съ Швеціей. На это указываетъ проектъ письма, собственноручно написанный Императоромъ Александромъ I въ мартѣ 1808 года Императору Наполеону I

Царь Петръ Великій отвоевалъ отъ Швеціи и присоединилъ къ русскому государству, по Ништатскому договору 1721 г.[1]), часть юго-восточной шведской Финляндіи, а именно — часть Карелiи и Выборгскій округъ съ городомъ Выборгомъ.

Императрица Елисавета, въ свою очередь, отвоевала отъ Швеціи и присоединила къ Россійской Имперіи, по Абоскому договору 1743 г.[2]). другую часть юго-восточной шведской Финляндіи, а именно — Кюменгорскую провинцію и Нейшлотскій округъ съ городомъ и крѣпостью Нейшлотъ.

По докладу Сената, утвержденному Императрицей Елисаветой 14 января 1744 г.[3]), часть шведской Финляндіи, присоединенная къ Россіи Царемъ Петромъ Великимъ, и часть, присоединенная самой Императрицей Елисаветой, соединены вмѣстѣ въ одну губернію и названы „Выборгской Губернiей".

о покореніи и присоединеніи шведской Финляндіи къ Россіи. Въ этомъ проектѣ Императоръ Александръ I между прочимъ пишетъ: „j'ai déclaré la Finlande Suédoise province Russe. Comme Votre Majesté l'a très bien jugé, la sûreté de ma capitale l'exigeoit" (Я объявилъ Шведскую Финляндію Русской провинціей. Этого требовала безопасность моей столицы, какъ Ваше Величество очень хорошо это разсудили.). Проектъ этого письма напечатанъ г. Ординымъ какъ въ приложеніи къ сочиненію г. Мехелина (Mechelin — конституція Финляндіи [Précis] переведена К. Ординымъ. Приложеніе. с. 131—132.), такъ и въ сочиненіи „Покореніе Финляндіи" (Т. II. с. 92.). „Подлинный проектъ, говоритъ г. Ординъ (Т. II. с. 92. прим. 1.), писанъ Александромъ Павловичемъ карандашемъ и находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, № 10". Я привожу эту фразу по тексту приложенія г. Ордина къ вышеозначенному сочиненію г. Мехелина (с. 131.).

1) П. С. З. (с. 1.). Т. VI. № 3819. Трактатъ, заключенный на конгрессѣ въ Ништатѣ уполномоченными Министрами: съ Россійской Генераломъ-Фельдцейгмейстеромъ Графомъ Брюсомъ и Канцеляріи Совѣтникомъ Остерманомъ, а съ Шведской Лиліенштетомъ и барономъ Штремфельтомъ 30 августа 1721 года о вѣчномъ мирѣ между обоими Государствами. п. 4. — П. С. З. (с. 1.). Т. XI. № 8766. Ратификація Ея Императорскаго Величества 7 августа 1743 года на трактатъ вѣчнаго мира, заключенный съ Его Королевскимъ Величествомъ и Государствомъ Шведскимъ въ Абовѣ. п. 4.

2) П. С. З. (с. 1.). Т. XI. № 8748. Актъ увѣрительный постановляемаго между Россіею и Шведскою Короною вѣчнаго мира, учиненный въ Абовѣ на Конгрессѣ чрезъ Министровъ Россійскихъ Генералъ-Аншефа Румянцева и Любераса и Шведскихъ Барона Цедеркрейца и Секретаря Нолкена 16 іюня 1743 года. п. 2. — П. С. З. (с. 1.). Т. XI. № 8766. Ратификація Ея Императорскаго Величества 7 августа 1743 года на трактатъ вѣчнаго мира, заключенный . . . въ Абовѣ. п. 5.

3) П. С. З. (с. 1.). Т. XII. № 8856. Высочайше утвержденный докладъ Сената 14 генваря 1744 года объ учрежденіи Губерніи въ новозавоеванной Финляндіи, съ присовокупленіемъ къ ней Выборгской и Кексгольмской провинцій и т. д. Пункты: 1, 2 и 3.

13 декабря 1802 г. эта „Выборгская Губернія“, по указу Императора Александра I [1]), переименована въ „Финляндскую Губернію“.

Въ февралѣ 1808 г. началась война между Россіей и Швеціей.

6-го (18-го) февраля 1808 года главнокомандующій русской арміей графъ Буксгевденъ, по волѣ русскаго Императора Александра I, издалъ въ Фридрихсгамѣ прокламацію къ жителямъ шведской Финляндіи на шведскомъ и финскомъ языкѣ [2]). Въ этой прокламаціи русскій главнокомандующій объявилъ населенію шведской Финляндіи, что, по волѣ русскаго Императора Александра, русскія войска вступятъ въ шведскую Финляндію и займутъ ее, что „Великое Княжество Финляндское отнынѣ и далѣе почитаться будетъ наравнѣ съ прочими завоеванными Россійской Имперіей областьми, кои при кроткомъ правленіи предковъ Его Императорскаго Величества пользовались и теперь еще подъ скипетромъ Его пользуются благополучнымъ спокойствіемъ и сохраненіемъ своихъ привилегій, свободнаго вѣроисповѣданія, вольностей, правъ и другихъ преимуществъ“ и что жители шведской Финляндіи приглашаются „прислать депутатовъ . . . изъ каждой провинціи по узаконенному и при обыкновенныхъ сеймахъ наблюдаемому порядку“ . . . „въ городъ Абовъ для совѣщанія о всемъ, что ко благу вашей земли учинено быть можетъ“ [3]).

9-го (21-го) февраля 1808 г. русскія войска подъ начальствомъ графа Буксгевдена дѣйствительно вступили въ шведскую Финляндію и началась война [4]).

До 6-го апрѣля 1808 г. русскіе побѣдоносно шли впередъ въ своихъ завоеваніяхъ и заняли почти всю шведскую Финляндію [5]).

Въ это время побѣдъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1808 года Императоръ

---

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XXVII. № 20552. Именной указъ Сенату 13 декабря 1802 года о переименованіи Выборгской Губерніи Финляндскою.

2) Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи. с. 48—49. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 477—478.

3) Русскій переводъ прокламаціи графа Буксгевдена напечатанъ К. Ординымъ въ сочиненіи „Покореніе Финляндіи“ (Т. II. с. 20—23.). Объ этой прокламаціи говоритъ и Schybergson (Geschichte Finlands. S. 477—478.).

4) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 374—375. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 477. — Шиловскій — Акты. с. 116; 125. — Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ 1808 г. находится въ сочиненіяхъ Ордина и Шибергсона. Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. Глава X — „Шведская кампанія 1808 г.“. с. 370—414. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 477—508.

5) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 374—380. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 477—483. — Шиловскій — Акты. с. 116.

Александръ I объявилъ иностраннымъ Государствамъ [1]) и Россіи [2]) о покореніи Финляндіи и присоединеніи ея къ Россійской Имперіи навсегда. Въ это же время велѣно Императоромъ Александромъ I привести жителей присоединенной Финляндіи къ присягѣ на подданство россійскому престолу.

Съ 15 апрѣля 1808 г. счастье перешло на сторону шведовъ. Русскіе стали терпѣть пораженія и отступать, теряя только что завоеванныя мѣстности. Тогда населеніе сѣверной и средней Финляндіи поднялось противъ русскихъ, и началась партизанская война. Нѣсколько мелкихъ побѣдъ русскаго оружія не поправили труднаго положенія русскихъ войскъ. Такъ шло дѣло до 9-го (21-го) августа 1808 г. [3]).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1808 г., въ промежутокъ времени, отмѣченный неудачами и отступленіемъ русскихъ войскъ подъ напоромъ шведской арміи и возставшихъ финляндцевъ, произошло приведеніе жителей только что присоединенной южной и средней Финляндіи къ присягѣ на вѣрность престолу Россійской Имперіи [4]). А 5-го (17-го) іюня 1808 года Императоръ Александръ I издалъ манифестъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи. Въ этомъ манифестѣ Императоръ Александръ I выражалъ жителямъ новоприсоеди-

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XXX. № 22899. Декларація 16 марта 1808 года о разрывѣ мира со Швеціею: . . . „Его Императорское Величество возвѣщаетъ всѣмъ Державамъ Европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась Шведскою, и которую войска Россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областію, Россійскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи". Въ собственноручномъ проектѣ письма французскому Императору Наполеону I объ этомъ покореніи и присоединеніи шведской Финляндіи къ Россіи Императоръ Александръ I между прочимъ пишетъ: „j'ai déclaré la Finlande Suédoise province Russe. Comme Votre Majesté l'a très bien jugé, la sûreté de ma capitale l'exigeoit". См. выше с. 155 прим. 3.

2) П. С. З. (с. 1.). Т. XXX. № 22911. Манифестъ 20 марта 1808 года о покореніи Шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи: . . . „Войска наши . . . повсюду встрѣчая непріятеля и храбро поражая его, овладѣли и заняли всю почти Шведскую Финляндію.

Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданству".

3) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 380—388. — Schybergson — Geschicte Finlands. S. 483—504. — Шиловскій — Акты. с. 116—117.

4) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 109—125. — Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи. с. 56—61 (присяга финляндцевъ и принужденіе къ ней русскими). — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 491 (Шибергсонъ говоритъ, что русскіе принудили финнляндцевъ къ присягѣ угрозами тяжкихъ наказаній.). — Шиловскій — Акты. с. 132—133.

ненной Финляндіи свое удовольствіе по поводу принесенія ими присяги „на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россійскому подданство“, рѣшительно подтверждалъ, что Финляндія присоединена къ Россійской Имперіи безповоротно навсегда, предостерегалъ ихъ отъ искушеніи перехода на сторону шведовъ и призывалъ къ твердой и непоколебимой преданности относительно Россіи. „Вѣрные обыватели Финляндіи!“ говорилъ въ заключеніе манифестъ [1]) — „Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно; и Мы всегда Императорскою Нашею милостію пребудемъ вамъ благосклонны“.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1808 г. русскія войска, получивъ подкрѣпленія, двинулись впередъ; 9-го (21-го) августа одержали побѣду въ небольшой, но упорной стычкѣ при Карстулѣ и послѣ ряда блестящихъ побѣдъ графа Каменскаго завладѣли 2-го (14-го) декабря 1808 г. всей шведской Финляндіей, за исключеніемъ Аландскихъ острововъ [2]). Въ декабрѣ 1808 г. остатки шведскихъ войскъ и три тысячи фин-

---

1) Собраніе постановленій финляндскихъ. Томъ I. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ. Съ дополненіями. 1808—1839. Санктпетербургъ. 1902. По распоряженію Предсѣдателя Высочайше учрежденной 6 Апрѣля 1899 года при Государственной Канцеляріи Временной Коммиссіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и для систематизаціи финляндскихъ законовъ вообще. Царствованіе Государя Императора Александра Перваго. 1808. 1. — Іюня 5. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ. — О присоединеніи Великаго Княжества Финляндскаго къ Россіи (Приб. къ Улож. Финл., Спб., 1827 г., с. 230; Plac., I, p. 9): . . . „Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленій Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. То же самое Провидѣніе, которое споспѣшествовало храброму воинству Нашему въ обладаніи сея страны, будетъ покровительствовать Намъ въ неразрывномъ ея соблюденіи.

Обыватели Финляндіи! Да запечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ. Подъ сѣнію Престола Нашего покоятся многочисленные народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ и свято Нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается . . . Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно . . .

Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно; и Мы всегда Императорскою Нашею милостію пребудемъ вамъ благосклонны“.

2) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 388—402; 412—414. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 503—508. — Шиловскій — Акты. 117.

скихъ согласно конвенціи, заключенной графомъ Каменскимъ 7-го (19-го) ноября въ Олькіоки, покинули Финляндію и ушли въ Швецію [1]).

28-го февраля (10-го марта) 1809 г. отрядъ русской арміи подъ начальствомъ князя Багратіона двинулся по льду къ Аланскимъ островамъ. Между тѣмъ 1-го (13-го) марта шведскій Король Густавъ IV былъ свергнутъ съ престола, а затѣмъ Правителемъ Шведскаго Королевства былъ провозглашенъ дядя Густава IV, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій [2]). Узнавъ о сверженіи Густава и приближеніи русскихъ войскъ, начальникъ шведскаго отряда на Аландскихъ островахъ фонъ Дёбельнъ послѣ неудачныхъ переговоровъ съ русскими о перемиріи, быстро отступилъ съ своимъ отрядомъ по льду въ Швецію. Начальникъ русскаго авангарда Кульневъ, не теряя времени, бросился за нимъ въ погоню и уже 8-го (20-го) марта очутился въ Швеціи въ Гриссельгамѣ въ ста верстахъ отъ столицы Швеціи, Стокгольма.

9-го (21-го) марта 1809 г. было заключено между Россіей и Швеціей перемиріе.

Между тѣмъ начальникъ другого русскаго отряда Барклай де Толли, въ свою очередь перейдя по льду Ботаннческій заливъ, вышелъ на шведскій берегъ близъ Умео, гдѣ стоялъ отрядъ финскихъ войскъ въ 1000 человѣкъ подъ начальствомъ Кронстедта. Находя себя не въ силахъ бороться съ русскими, Кронстедтъ рѣшился вступить въ соглашеніе съ ними. Ничего не зная о заключеніи общаго перемирія 9-го (21-го) марта 1809 г., противники того же числа заключили соглашеніе. На основаніи этого соглашенія, Кронстедтъ сдалъ Умео русскимъ и отступилъ съ своимъ отрядомъ, безъ боя.

Начальникъ третьяго русскаго отряда графъ Шуваловъ также двинулся въ Швецію, но обыкновеннымъ, сухимъ путемъ, и приблизился къ послѣднему значительному отряду шведско-финскихъ войскъ, стоявшему въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, при Каликсѣ, подъ начальствомъ шведскаго генерала Гриппенберга. Получивъ извѣстіе о заключеніи соглашенія между Кронстедтомъ и Барклаемъ де Толли, генералъ Гриппенбергъ созвалъ военный совѣтъ и, согласно рѣшенію военнаго совѣта, 13-го (25-го) марта 1809 г. заключилъ въ Сейвисѣ въ Швеціи договоръ о сдачѣ съ графомъ Шуваловымъ. Согласно

---

1) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 401; 414. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 506—507. — La constitution du Grand-Duché de Finlande p. 21. — Шиловскій — Акты с. 134.

2) 25-го мая (6-го іюня) 1809 года Правитель Шведскаго Королевства Карлъ былъ провозглашенъ Шведскимъ Королемъ. Онъ царствовалъ подъ именемъ Карла XIII.

этому договору, отрядъ Гриппенберга долженъ былъ сдать свое оружіе русскимъ, а солдаты и офицеры должны были быть распущены по домамъ подъ честнымъ словомъ не поднимать оружія противъ Россіи. Только черезъ нѣсколько дней по заключеніи этого договора пришло извѣстіе объ общемъ перемиріи. Многіе изъ отряда Гриппенберга не хотѣли было сдавать оружія, но графъ Шуваловъ настоялъ на исполненіи своего договора и отобралъ оружіе.

Въ это время въ Швеціи было немного войскъ, финансы были крайне разстроены и продолжать войну противъ Россіи было трудно [1]).

Во время этого почти безпомощнаго пребыванія Финляндіи въ рукахъ Россіи послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императора Александра I 20-го января 1809 г. Этимъ повелѣніемъ предписывалось представителямъ сословій новоприсоединенной Финляндіи собраться, съ соблюденіемъ прежнихъ сеймовыхъ правилъ, 10 марта 1809 г. на Сеймъ въ городъ Борго для обсужденія тѣхъ предметовъ, которые Императору угодно будетъ предоставить на обсужденіе. Въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи, написанномъ по-французски Императоръ Александръ I впервые называетъ новоприсоединенную Финляндію „le grand Duché de Finlande“ т. е. Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ [2]).

---

1) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. Гл. XI — „Компанія 1809 г.“. с. 415—428. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 508—511. — Шиловскій — Акты. 117.

2) Это Высочайшее повелѣніе не сохранилось въ подлинникѣ. Сохранился лишь проектъ этого повелѣнія, безъ начала и конца, на французскомъ языкѣ, съ собственноручной французской надписью М. М. Сперанскаго о Высочайшемъ подписаніи: „Signé par S. M. le 20 Janvier 1809 et expédié au général Sprengtporten. Projet de lettre patente pour la convocation de la diète. Этотъ отрывокъ проекта напечатанъ по-французски Ординымъ въ сочиненіи „Покореніе Финляндіи“ (Т. II. с. 302—303.), согласно тексту, сохранившемуся въ бумагахъ М. М. Сперанскаго. Этотъ отрывокъ напечатанъ у Ордина въ слѣдующемъ видѣ: „Par les décrets de la Providence et les succès de Nos armes, le grand Duché de Finlande ayant été uni pour toujours à Notre Empire, le bien-être de ses habitants devient un des premiers objets de Notre sollicitude. Persuadés que pour atteindre à ce but salutaire tous les états de Finlande s'empresseront à Nous seconder de leurs efforts, Nous avons résolu conformement aux constitutions du pays de les réunir en diète, et en conséquence nous avons ordonné et l'ordonnons par ces présentes qu'une diète générale soit convoquée pour le dix du mois de mars de cette année dans la ville de Borgo. A cet effet les plénipotentiaires de tous les états s'y rendront de la manière prescrite dans les réglements de diète pour discuter des objets que Nous trouverons bon de confier à leurs délibérations. — Donné à S-t Pétersbourg, le 20 Janvier 1809. Тотъ же отрывокъ проекта, но съ добавленіемъ начала и конца, по финляндскому изданію на шведскомъ языкѣ, напечатанъ въ русскомъ переводѣ Шиловскимъ въ изданіи „Акты“ (с. 135—136.).

14-го (26-го) марта 1809 года Императоръ Александръ I прибылъ въ Ловизу, а на слѣдующій день состоялся торжественный въѣздъ Государя въ городъ Борго [1]).

15-го (27-го) марта 1809 года Императоръ Александръ I подписалъ „Грамоту“. Она написана и подписана по-русски, но не дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни современномъ ему оффиціальномъ шведскомъ переводѣ [2]). Текстъ же ея, напечатанный съ Высочайшаго соизволенія въ 1827 г. въ „Прибавленіи къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на Россійскій языкъ Уложенію, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“, изложенъ слѣдующимъ образомъ [3]): „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обла-

---

1) Относительно событій, происшедшихъ въ городѣ Борго во время пребыванія Императора Александра I въ мартѣ мѣсяцѣ 1809 г. см. слѣдующую литературу: Mechelin — Конституція Финляндіи [Précis] переведена и дополнена примѣчаніями по рус. источникамъ К. Ординымъ. с. 11—13. — Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 332—360. — Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи. с. 91—132. — Еленевъ — Ученіе о финляндскомъ государствѣ. с. 3—5. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 533—538. — В. Скалонъ — Политическое положеніе Финляндіи и „Финляндскій вопросъ“. Финляндія. с. 34—35. — La constitution du Grand-Duché de Finlande. p. 23—25. — Шиловскій — Акты. с. 134—137; 138—142.

2) Шиловскій — Акты. с. 9. — „По свѣдѣніямъ Кастрена, говоритъ г. Ординъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 335 прим. 1.), и подлинникъ, и современный ему шведскій переводъ, сгорѣли въ Або, во время пожара“.

3) Собраніе постановленій финляндскихъ. Т. I. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ. Царствованіе Государя Императора Александра Перваго. 1809. 2. — Марта 15. Всемилостивѣйшій Его Императорскаго Величества Манифестъ объ утвержденіи правъ Великаго Княжества Финляндіи (Приб.къ Улож. Финл., Спб., 1827 г., с. 233; Plac., I, p. 19).

Эта грамота называется у финляндцевъ „Актомъ удостовѣренія“ (Försäkrings-Act) или „удостовѣреніемъ финляндской конституціи“. Оффиціальный шведскій переводъ этой грамоты, какъ видно изъ русскаго перевода его и объясненій г. Шиловскаго (Акты. с. 9—10.), сильно отличается въ нѣкоторыхъ важныхъ отношеніяхъ отъ русскаго текста. Особенно важны три различія.

Во первыхъ, русское слово: „грамота“ переведено шведскимъ словомъ: „Försäkrings-Act“, а „Försäkran“, „Försäkrings-Act“ есть шведскій юридическій терминъ. Этимъ терминомъ, по объясненію г. Шиловскаго (Акты. с. 9.), „въ шведской исторіи называется тотъ актъ обязательственнаго характера, который при вступленіи на престолъ даютъ Сейму Короли, утверждая тѣмъ положенія, ограничивающія ихъ власть“.

Во вторыхъ, русскія слова: „коренные законы“ не составляютъ юридическаго термина и означаютъ такіе законы, которые слѣдуетъ считать основными или главными въ данное время въ законодательствѣ страны, а между тѣмъ эти слова переведены шведскимъ словомъ: „Grundlagar“, а это — опять шведскій юридическій

данiе Великаго Княжества Финляндiи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религiю, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состоянiе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющiе, отъ мала до велика по конституцiямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствiи; во удостовѣренiе чего и сiю Грамоту собственноручнымъ подписанiемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, Марта 15 дня 1809 года. На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: „АЛЕКСАНДРЪ“.

16-го (28-го) марта 1809 года Императоръ Александръ I открылъ въ Борго Сеймъ представителей сословiй новоприсоединенной Финляндiи т. е. представителей дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ. Открывая Сеймъ, Императоръ произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ. Эта рѣчь не дошла до насъ ни въ особомъ оффицiально удостовѣренномъ современномъ текстѣ, ни въ протоколѣ сеймового засѣданiя. Она извѣстна лишь изъ списка, никѣмъ не подписаннаго и не удостовѣреннаго [1]). По свидѣтельству этого списка,

---

терминъ. Онъ „означаетъ, по объясненiю г. Шиловскаго (Акты. с. 9.), тѣ основные важные законы, проводимые по соглашенiю Сейма съ Королемъ, которыми опредѣляется королевская власть и ея организацiя; на современномъ языкѣ grundlagar можно перевести выраженiемъ „конституцiонные законы““.

Въ третьихъ, русскiя слова: „по конституцiямъ ихъ“ переведены шведскими словами „согласно Конституцiи“.

Нечего и говорить, что, при рѣшенiи вопроса о томъ, что именно было даровано финляндцамъ грамотою Императора Александра I 15 марта 1809 г., нужно руководствоваться, за утратой подлиннаго русскаго текста, тѣмъ русскимъ текстомъ, который напечатанъ съ Высочайшаго соизволенiя въ 1827 г. въ „Прибавленiи къ изданному по Высочайшему повелѣнiю съ переводомъ на Россiйскiй языкъ Уложенiю, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“, а никакъ не шведскимъ переводомъ этой грамоты, содержащимъ невѣрную передачу русскихъ словъ и выраженiй, въ чьихъ бы выгодахъ ни были сдѣланы эти неправильности. Этого требуетъ и логика, и общепринятыя юридическiя правила толкованiя. Невѣрность въ передачѣ истиннаго смысла, принадлежащаго подлинному акту, не создаетъ никакого права ни въ чью пользу. При дареніи же и пожалованiи, точное опредѣленiе того, что именно подарено или пожаловано, должно быть сдѣлано не иначе, какъ соотвѣтственно дѣйствительной волѣ лица, совершившаго дареніе или пожалованiе.

1) Эта рѣчь напечатана Ординымъ (Покореніе Финляндiи Т. II. с. 342—343 и прим. 1 на с. 343.) по французскому тексту, найденному въ бумагахъ М. М. Сперанскаго. Смотрите объясненiя Шиловскаго (Акты. с. 139.) относительно текста рѣчей Императора Александра I въ Борго 16 и 17 марта и 6 іюля 1809 г. Рѣчь Императора Александра I 16 марта 1809 г. напечатана у Шиловскаго

Императоръ Александръ I произнесъ въ этой рѣчи между прочимъ слѣдующія слова. „J'ai promis de maintenir votre constitution, vos loix fondamentales, сказалъ Онъ; votre réunion ici vous garantit ma promesse.

Cette réunion fera époque dans votre existence politique . . .

Je vous ferai connoître Mes dispositions sur les objets de votre assemblée“ [1]).

Послѣ рѣчи Императора Генералъ-Губернаторъ Спренгтпортенъ прочелъ шведскій переводъ ея.

Затѣмъ послѣдовали привѣтственныя и благодарственныя рѣчи членовъ Финляндскаго Сейма.

Послѣ этихъ рѣчей предсѣдатель Абоскаго Гофгерихта, фрейгеръ Тандефельтъ, исполнявшій обязанности канцлера, прочелъ четыре предложенія Его Императорскаго Величества Сейму, а именно — три вопроса, предложенные Императоромъ Александромъ I на обсужденіе Сейма: объ устройствѣ военной силы, о взиманіи податей и монетной системѣ и предложеніе объ избраніи двѣнадцати кандидатовъ на три года въ члены Правительствующаго Совѣта, учреждаемаго, по волѣ Императора, въ составѣ четырехъ отдѣленій подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора [2]). При изложеніи послѣдняго предложенія было

(Акты. с. 139.), по списку, находящемуся „въ бумагахъ папки № 6 — 1809 г. Архива Ф. Ст.-Секр. — та (СПБ. Арх. Гос. Сов.)“. Я привожу извлеченія изъ нея по изданію Шиловскаго, такъ какъ у Шиловскаго сохранено старинное правописаніе, а у Ордина нѣтъ.

За отсутствіемъ достовѣрнаго текста этой рѣчи, составленнаго по меньшей мѣрѣ въ ближайшее время послѣ ея произнесенія, слѣдуетъ признать, что эта рѣчь, съ точки зрѣнія общепринятыхъ правилъ о письменныхъ доказательствахъ, не можетъ служить основаніемъ ни къ ограничительному, ни къ распространительному толкованію грамоты Императора Александра I 15 марта 1809 г.

1) Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши основные законы; ваше собраніе здѣсь служить порукой моего обѣщанія. Это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи . . . Я поставлю васъ въ извѣстность о моихъ распоряженіяхъ по предметамъ (вѣдѣнія) вашего собранія.

2) Эти четыре предложенія были составлены на французскомъ языкѣ. Списокъ ихъ найденъ въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, при чемъ на спискѣ помѣчено рукою Сперанскаго: Propositions de S. M. I. remis aux états de la diète. Передъ изложеніемъ предложеній находится введеніе съ подписью: Expedié en conformité des ordres de S. M. I. Secrétaire d'Etat Speransky [Отправлено согласно приказаніямъ Его Императорскаго Величества. Статсъ-секретарь Сперанскій (О р д и н ъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. № 72 с. 55.)]. Это введеніе начинается слѣдующими словами: Sa Majesté Impériale, en réunissant les états de Finlande en une Diète générale, a bien voulu donner par là une preuve solemnelle de Ses intentions généreuses de conserver et maintenir inviolablement la religion, les loix, la constitution

указано, что Императоръ имѣетъ намѣреніе предложить на разсмотрѣніе сословій и проектъ устава Правительствующаго Совѣта, чтобы узнать ихъ мнѣнія (leurs avis) въ этомъ отношеніи [1]).

По прочтеніи этихъ предложеній, Тандефельтъ передалъ ихъ маршалу (предводителю) дворянства, и церемонія кончилась.

Баронъ Маннергеймъ и фонъ Моріанъ пытались было добиться, чтобы Императоръ Александръ I принесъ Сейму присягу въ родѣ присяги Шведскихъ Королей, но эта попытка осталась безъ успѣха [2]). „Мы указали — передаетъ Кастренъ", въ переводѣ г. Ордина [3]), „слова Маннергейма — на форму по закону 1772 г., который, вмѣстѣ съ дополненіемъ 1789 г., былъ собственно основнымъ закономъ, сохраненіе коего обѣщано Е. И. Величествомъ. Противъ сего Сперанскій сдѣлалъ разныя замѣчанія на счетъ того, что при настоящихъ обстоятельствахъ это казалось непригоднымъ. Это могло быть справедливо, и мы не посмѣли предложить никакихъ измѣненій".

17-го (29-го) марта 1809 г. въ церкви города Борго сеймовые

---

du pays, les droits et privilèges de tous les états en général et de chaque citoyen en particulier (Его Императорское Величество, созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, желалъ дать тѣмъ самымъ торжественное доказательство своихъ великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо религію, законы, конституцію страны, права и преимущества всѣхъ сословій вообще и каждаго гражданина въ частности.). Эти четыре предложенія со введеніемъ напечатаны у Ордина (Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія № 72 с. 55—57. См. также с. 348—351.), по списку, найденному въ бумагахъ М. М. Сперанскаго. Извлеченіе изъ этихъ предложеній со введеніемъ напечатано и Шиловскимъ (Акты. с. 140.). Приведенное мною начало введенія напечатано по Шиловскому, такъ какъ у Шиловскаго сохранено старинное правописаніе.

1) Этотъ проектъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе Сейма въ концѣ іюня мѣсяца, не ранѣе 27-го іюня 1809 г., и Сеймъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи нѣсколько замѣчаній (Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 392—393; Приложенія № 71 с. 53—54.).

2) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 352—353. — Шиловскій — Акты. с. 135. — Въ присягѣ Шведскаго Короля Густава III 21 августа 1772 г. въ переводѣ Шиловскаго (Акты. с. 47.), сказано: „наикрѣпчайше удостовѣряемъ Мы (försäkre), что будемъ Мы управлять и царствовать въ Королевствѣ согласно принятому Fundamendal-Lag" (т. е. согласно основному закону, называемому „Формой Правленія", утвержденному Королемъ Густавомъ III и Чинами Государства въ Стокгольмѣ 21 августа 1772 года), „отказываясь тѣмъ, какъ Мы о томъ уже объявили, отъ ненавистнаго Королевскаго Самодержавія, называемаго Абсолютизмомъ (Souverainitéten)".

3) Ординъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 353.) указываетъ, что беретъ слова Маннергейма изъ сочиненія Кастрена (Castrén) — Landtagen i Borgo стр. 140.

представители сословій новоприсоединенной Финляндіи принесли свою вѣрноподданническую присягу Александру I, Императору и Самодержцу Всероссійскому, Великому Князю Финляндскому.

Послѣ ихъ присяги была прочтена Генералъ-Губернаторомъ Спренгтпортеномъ Высочайшая грамота, пожалованная Императоромъ Александромъ I 15-го (27-го) марта 1809 г. въ ея переводѣ на шведскомъ языкѣ [1]).

Потомъ финляндскіе ораторы говорили свои благодарственныя рѣчи.

Въ отвѣтъ на нихъ Императоръ сказалъ по-французски короткую рѣчь. Эта рѣчь не дошла до насъ ни въ особомъ оффиціально удостовѣренномъ современномъ текстѣ, ни въ протоколѣ. Она извѣстна лишь изъ списка, никѣмъ не удостовѣреннаго и не подписаннаго [2]). По свидѣтельству этого списка, Императоръ сказалъ: Je reçois avec sensibilité les sermens de fidélité que les habitans de la Finlande viennent de me prêter par l'organe de leurs représentans.

---

1) Мехелинъ (Mechelin — Конституція Финляндіи [Précis] переведена Ординымъ. с. 12.), Ординъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 355.) и финляндскіе юристы, составители сборника подъ заглавіемъ: „La constitution du Grand-Duché de Finlande", пожелавшіе остаться неизвѣстными, утверждаютъ, что эта Высочайшая грамота была прочтена Генералъ-Губернаторомъ послѣ принесенія присяги представителями сословій Финляндіи. Schybergson же (Geschichte Finlands. S. 535.) и Шиловскій (Акты. с. 135.) полагаютъ, что эта грамота была прочтена раньше, чѣмъ представители сословій Финляндіи принесли присягу Императору Александру I. Первый взглядъ является болѣе правильнымъ. Онъ признаетъ ту послѣдовательность дѣйствій, которая была предписана церемоніаломъ принесенія присяги, одобреннымъ по удостовѣренію Статсъ-Секретаря Сперанскаго, Императоромъ Александромъ I 22 февраля 1809 г. (Шиловскій — Акты. с. 143.). Произвольное же отступленіе Генералъ-Губернатора отъ Высочайше одобреннаго церемоніала и при томъ въ присутствіи самого Императора весьма мало вѣроятно. Но весьма легко могло случиться, что Генералъ-Губернаторъ, зная эту грамоту, заранѣе еще до присяги сообщилъ ея содержаніе частнымъ образомъ представителямъ сословій Финляндіи, а потомъ они принесли присягу и вслѣдъ за ней послѣдовало торжественное чтеніе Высочайшей грамоты въ шведскомъ переводѣ.

2) Эта рѣчь напечатана Ординымъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 355—356 и прим. 2 на с. 356—357.) по французскому тексту, найденному въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, а Шиловскимъ (Акты. с. 142.) — по французскому тексту, находящемуся „въ бумагахъ папки № 6—1809 г. Архива Ф. Ст.-Секр.—та (СПБ. Арх. Гос. Сов.)". Я привожу эту рѣчь по изданію Шиловскаго, сохранившему правописаніе безъ поправокъ. За исключеніемъ нѣкоторой разницы въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ, текстъ этой рѣчи у Ордина и Шиловскаго одинаковъ: и слова тѣ же самыя, и фразы тѣ же самыя.

Les liens qui m'unissent à eux, affermis par ce mouvement spontané de leur affection, consacrés par cet acte solemnel, en deviennent plus chers à mon coeur, plus conformes à mes principes.

En leur promettant de maintenir leur religion, leurs lois fondamentales, j'ai voulu leur montrer le prix que j'attache aux sentimens de la confiance et de l'amour[1]).

По окончаніи этой рѣчи, одинъ изъ герольдовъ дворянства, выступивъ передъ тономъ, провозгласилъ: „да здравствуетъ Александръ I Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій"! Присутствующіе отвѣтили кликами: „да здравствуетъ Александръ"! Потомъ послѣдовало короткое богослуженіе, и церемонія кончилась. Въ тотъ же день Государь уѣхалъ въ Гельсингфорсъ.

Возвращаясь въ Петербургъ, Императоръ Александръ I, по совѣтамъ Абоскаго епископа Тенгстрёма, издалъ въ Борго 23-го марта (4-го апрѣля) 1809 г. манифестъ жителямъ новоприсоединенной Финляндіи о принесеніи присяги представителями ея сословій и пожалованіи со стороны Императора. Этотъ манифестъ написанъ по-французски. Онъ содержитъ между прочимъ слѣдующія важныя слова: Ayant réuni les états de la Finlande en une Diète générale, et reçu leurs sermens de fidélité, NOUS avons voulu à cette occasion par un acte solemnel, émané en leur présence et proclamé dans le sanctuaire de L'Être Suprème confirmer et assurer le maintien de la Religion, des loix fondamentales, des droits et des privilèges dont chaque état en parti-

---

1) Съ чувствомъ принимаю Я присягу вѣрности, только что принесенную мнѣ жителями Финляндіи при посредствѣ ихъ представителей. Узы, соединяющія Меня съ ними, укрѣпленныя этимъ добровольнымъ выраженіемъ привязанности, освященныя этимъ торжественнымъ актомъ, становятся отъ этого еще дороже Моему сердцу, еще сообразнѣе съ Моими принципами. Обѣщая сохранить имъ ихъ религію, ихъ основные законы, Я хотѣлъ показать имъ, какую цѣну придаю Я чувствамъ довѣрія и любви.

Замѣчательно, что въ оффиціальномъ шведскомъ переводѣ этой рѣчи, изданномъ въ оффиціальномъ финляндскомъ сборникѣ Samling af Placater въ 1821 г., сдѣланы, по словамъ Шиловскаго (Акты. с. 142.), важныя дополненія сравнительно съ французскимъ текстомъ. Такъ, французскія слова: „acte solemnel" (торжественный актъ) переведены по-шведски словами: högtidliga Förenings-Act" (торжественный актъ соединенія). Въ концѣ же рѣчи вставлена по-шведски цѣлая фраза, которая означаетъ: „Молю Бога дать мнѣ силу и мудрость править симъ достойнымъ народомъ по его законамъ и непоколебимому пути правды". На несоотвѣтствіе шведскаго перевода французскому тексту рѣчи Императора Александра I 17-го (29-го) марта 1809 г. указано и Ординымъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. прим. 2 на с. 356—357.).

culier et tous les habitants de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent [1]).

7-го (19-го) іюля 1809 г. послѣдовало закрытіе Сейма Императоромъ Александромъ I. По произнесеніи рѣчей нѣкоторыми членами Сейма и прочтеніи заключеній Сейма относительно четырехъ вопросовъ, предложенныхъ на его обсужденіе по Высочайшей волѣ, съ поименованіемъ кандидатовъ, выбранныхъ Сеймомъ на три года въ члены учреждаемаго Правительствующаго Совѣта, Императоръ Александръ I произнесъ по-французски рѣчь [2]). Эта рѣчь, по свидѣтельству г. Шиловскаго, не дошла до насъ ни въ особомъ оффиціально удостовѣренномъ современномъ текстѣ, ни въ протоколѣ Сейма. Она извѣстна лишь по рукописному списку, никѣмъ не удостовѣренному и никѣмъ не подписанному [3]). По свидѣтельству этого списка, Импе-

---

1) Соединивъ сословія Финляндіи на общемъ сеймѣ и принявъ ихъ присягу вѣрности, Мы пожелали подтвердить и удостовѣрить при этомъ случаѣ торжественнымъ актомъ, вышедшимъ въ ихъ присутствіи и провозглашеннымъ въ святилищѣ Всевышняго, сохраненіе религіи, основныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, которыми каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще пользовались до настоящаго времени.

Этотъ манифестъ напечатанъ Даніельсономъ (Соединеніе Финляндіи. с. 100—101.) по-французски и при томъ, по свидѣтельству Даніельсона, согласно подлинному французскому тексту. Слова изъ этого манифеста, напечатанныя мною выше, взяты изъ изданія Даніельсона. Тотъ же манифестъ напечатанъ по-французски и Ординымъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. прим. 2 на с. 358—359.), но съ исправленіемъ орѳографіи, нѣкоторыми сокращеніями въ титулѣ и нѣкоторыми мелкими неточностями. Въ оффиціальномъ шведскомъ переводѣ этого манифеста, напечатанномъ въ 1821 г. въ оффиціальномъ финляндскомъ сборникѣ Samling af Placater, французскія слова: loix fondamentales (основные законы) переведены, по свидѣтельству Шиловскаго (Акты. с. 136.), шведскимъ юридическимъ терминомъ: grundlagar, означающимъ конституціонные законы (См. выше с. 162 прим. 3.). Копія съ подлиннаго французскаго манифеста 23-го марта (4-го апрѣля) 1809 г. хранится въ Архивѣ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата въ папкѣ подъ № 7 за 1809 г.

2) Mechelin — Конституція Финляндіи [Précis] переведена Ординымъ с. 17—18. — Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 392—413. — Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи с. 132—139. — Еленевъ — Ученіе о финляндскомъ государствѣ. с. 6—7. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 538—550. — Скалонъ — Политическое положеніе Финлянліи. Финляндія. с. 35—36. — La constitution du Grand-Duché de Finlande. p. 25—26. — Шиловскій — Акты. с. 139—141.

3) Шиловскій — Акты. с. 139. Этотъ списокъ хранится, по свидѣтельству Шиловскаго (с. 139.), въ Архивѣ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата въ Петербургѣ въ папкѣ № 6 за 1809 г. Я привожу извлеченія изъ этой рѣчи, по изданію Шиловскаго. Эта рѣчь напечатана у Даніельсона (Соединеніе Финляндіи. с.

раторъ Александръ I произнесъ между прочимъ въ этой рѣчи слѣдующія слова. En réunissant les Etats de la Finlande en une Diète générale, сказалъ Онъ, j'ai voulu connoître les désirs et les sentimens de la nation sur ses veritables interêts.

J'appelai votre attention sur les objets les plus importans à votre prospérité . . .

Les avis que vous venez d'émettre portent le caractère de la sagesse et de l'amour de la patrie. Je les prendrai en considération dans l'oeuvre importante que Je médite pour votre prospérité.

. . . Portez dans le sein de vos provinces, imprimez dans l'esprit de vos compatriotes la même confiance qui a présidée ici à vos délibérations. Inspirez-leur la même conviction, la même assurence sur les objets les plus importans à votre existence politique: le maintien de vos loix, la sûreté personnelle, le respect inviolable à vos propriétés.

Ce peuple brave et loyal bénira la Providence qui a amené l'ordre de choses actuel. Placé désormais au rang des nations, sous l'empire de ses loix, il ne se ressouviendra de la domination passée que pour cultiver des rapports d'amitié lorsqu'ils seront rétablis par la paix.

Et moi, j'aurai recuelli le plus grand fruit de mes soins quand je verrai cette nation tranquile au dehors, libre dans l'intérieur, se livrant sous la protection des loix et des bonnes moeurs à l'agriculture et l'industrie, par le fait même de sa prospérité rendre justice à Mes intentions et bénir ses destinées [1]).

135—136.) и у Ордина (Покореніе Финляндіи Т. II. с. 407—409.). Текстъ этой рѣчи у Даніельсона и Шиловскаго одинаковъ. Въ текстѣ же у Ордина исправлена старая орѳографія.

1) Собирая сословія Финляндіи на общій Сеймъ, я хотѣлъ узнать желанія и убѣжденія народа относительно его истинныхъ интересовъ. Я обратилъ ваше вниманіе на предметы, наиболѣе важные для вашего благоденствія . . . Мнѣнія, которыя вы только что изложили, носятъ отпечатокъ мудрости и любви къ отечеству. Я приму ихъ въ соображеніе въ важномъ дѣлѣ, обдумываемомъ Мною въ видахъ вашего благоденствія . . . Несите въ нѣдра вашихъ провинцій, запечатлѣйте въ умѣ вашихъ соотечественниковъ то же самое довѣріе, которое господствовало здѣсь при вашихъ совѣщаніяхъ. Внушите имъ то же самое убѣжденіе, ту же самую увѣренность въ важнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія: въ сохраненіи вашихъ законовъ, въ личной безопасности, въ ненарушимомъ уваженіи къ вашей собственности. Этотъ храбрый и вѣрный закону народъ благословитъ Провидѣніе, которое ввело дѣйствующій порядокъ вещей. Поставленный отнынѣ въ ряду народовъ, подъ властью своихъ законовъ, онъ вспомнитъ о прошломъ господствѣ лишь для того, чтобы развить отношенія дружбы, когда они будутъ возстановлены миромъ. А я, я соберу лучшіе плоды моихъ попеченій,

По окончаніи рѣчи Государя Канцлеръ передалъ ея содержаніе на шведскомъ языкѣ, и затѣмъ послѣдовало закрытіе Сейма.

6-го (18-го) августа 1809 г., вмѣсто намѣченнаго ранѣе „Комитета Главнаго Правленія Финляндіи“ [1]), учрежденъ Императоромъ Александромъ I для Финляндіи Правительствующій Совѣтъ. Регламентъ этого Совѣта составленъ на французскомъ языкѣ и утвержденъ Собственноручной подписью Императора Александра I 6-го августа на французскомъ языкѣ [2]). Этотъ Правительствующій Совѣтъ вѣдаетъ

когда увижу, что этотъ народъ, спокойный извнѣ, свободный внутри, предаваясь подъ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности, уже самимъ фактомъ своего благоденствія отдаетъ справедливость Моимъ намѣреніямъ и благословляетъ свои судьбы.

1) Планъ учрежденія главнаго правленія въ Финляндіи, составленный на русскомъ и французскомъ языкѣ и утвержденный Императоромъ Александромъ I 19-го ноября 1808 года: „1) Учредить Комитетъ Главнаго Правленія Финляндіи, который бы имѣлъ верховное вліяніе на управленіе землею подъ непосредственнымъ начальствомъ Генералъ-Губернатора“. Этотъ планъ напечатанъ по-русски и по-французски Ординымъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 240—247).

2) Этотъ регламентъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: Réglement de S. M. l'Empereur Alexandre I Autocrate de toutes les Russies etc., pour l'organisation du Conseil de Régence dans le grand-duché de Finlande. Французскій текстъ этого регламента напечатанъ: 1) Ординымъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. № 126. с. 153—161.) „съ печатнаго экземпляра, изданнаго въ Або, въ 1809 г., по-французски и по-шведски и съ французской копіи, имѣющейся при дѣлахъ Арх. М. Ин. Дѣлъ“, и 2) въ приложеніи къ № 3-му I-го тома „Собранія постановленій финляндскихъ“ (Приложенія. с. 3—6.) съ „черновика, хранящагося въ Архивѣ Государственнаго Совѣта“ (Собраніе пост. фин. с. 3 прим. *). Я пользуюсь обоими изданіями.

Русскій переводъ этого регламента напечатанъ какъ Ординымъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. № 126. с. 161—169.), такъ и въ I-мъ томѣ „Собранія постановленій финляндскихъ“ (1809. № 3. с. 3—8.), соотвѣтственно тексту русскаго перевода, напечатаннаго въ „Прибавленіи къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на Россійскій языкъ уложенію, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“ (Спб., 1827 г., с. 234.). Въ „Собраніи постановленій финляндскихъ“ этотъ русскій переводъ регламента носитъ слѣдующее заглавіе: „Высочайше Его Императорскаго Величества учрежденіе Правительствующаго Совѣта въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“. У Ордина же стоитъ другое названіе: „Регламентъ правительственнаго совѣта, утвержденный Императоромъ Александромъ I-мъ 6-го августа 1809 г. въ Петергофѣ“. Въ „Собраніи постановленій финляндскихъ“ не приведено обращенія и титула Императора, а у Ордина они приведены. Далѣе же никакихъ существенныхъ различій въ обоихъ изданіяхъ этого перевода нѣтъ.

Въ оффиціальномъ французскомъ введеніи къ регламенту Правительствующаго Совѣта два раза говорится объ интересахъ благосостоянія Финляндіи и оба раза это благосостояніе обозначается двумысленнымъ французскимъ выраженіемъ: „le bien-être de l'Etat“. Двусмысленность же заключается въ томъ, что это выра-

главное управленіе Финляндіи (Réglement § 1.) и состоитъ, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора Финляндіи (§ 2), изъ двухъ

женіе можетъ быть употребляемо какъ для того, чтобы обозначить благосостояніе государства, такъ и для того, чтобы обозначить благосостояніе края т. е. благосостояніе страны, составляющей не государство, а часть другого государства.

Нечего и говорить, что двусмысленность хороша въ загадкахъ, но не въ законахъ. Если же мы желаемъ разрѣшить встрѣтившуюся двусмысленность вполнѣ правильно, то мы должны будемъ обратиться къ законамъ, изданнымъ во времена Императора Александра I относительно Финляндіи на русскомъ языкѣ, и посмотрѣть, какъ называется Финляндія въ этихъ законахъ, государствомъ или краемъ.

Изъ разсмотрѣнія этихъ законовъ, напечатанныхъ въ I-мъ томѣ „Собранія постановленій финляндскихъ“ за времена съ 5-го іюня 1808 г. по 10 марта 1825 г. (№№ 1—37.), оказывается, что Финляндія или Великое Княжество Финляндское ни разу не называется государствомъ, но нѣсколько разъ называется „краемъ“.

Такъ, въ Высочайшемъ манифестѣ Императора Александра I 17/29 декабря 1809 г. Финляндія называется „страною“ и „краемъ“ (№ 4).

Въ Высочайшихъ постановленіяхъ Императора Александра I отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1812 г. (Собр. пост. Фин. Т. I. № 11.), отъ 16 февраля (№ 14), 3-го апрѣля (№ 16), и 5-го октября (№ 17) 1816 г. и отъ 13-го (25-го) марта 1819 г. (№ 26) Финляндія называется „краемъ“.

Въ Высочайшемъ манифестѣ 9/21 февраля 1816 г. Великое Княжество Финляндіи нѣсколько разъ называется „краемъ“ (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.). Этотъ манифестъ начинается словами: „Съ самаго присоединенія Великаго Княжества Финляндіи къ Имперіи Нашей, благоденствіе края сего всегда составляло одинъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ Нашихъ желаній и попеченій“. Далѣе въ этомъ манифестѣ стоятъ слѣдующія слова: „Нынѣ же по благополучномъ окончаніи вкупѣ съ союзными Намъ державами помощью Всевышняго дѣлъ, до безопасности Имперіи Нашей и спокойствія всей Европы относящихся, и достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами Государства Нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу Нашему удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ вышняго правительства въ Государствѣ Нашемъ и присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Вышнему Правительству названіе Финляндскаго Сената Нашего, безъ отмѣны однако же въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ“.

Принимая во вниманіе, что въ законахъ, изданныхъ Императоромъ Александромъ I на русскомъ языкѣ, ни Финляндія, ни Великое Княжество Финляндіи ни разу не названы государствомъ, но нѣсколько разъ названы „краемъ“, мы должны логически заключить, что законодатель, употребляя относительно Финляндіи во введеніи къ регламенту Правительствующаго Совѣта двусмысленное французское выраженіе: „le bien-être de l'Etat“, имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, выразить мысль объ интересахъ благосостоянія Финляндіи, какъ края.

Департаментовъ: Судебнаго и Хозяйственнаго (§ 1). Одна половина Членовъ Совѣта выбирается и назначается Государемъ Императоромъ изъ дворянства Финляндіи, а другая — изъ прочихъ сословій Финляндіи (§ 5), срокомъ на три года (§ 11).

Наконецъ, 5-го (17-го) сентября 1809 г. былъ заключенъ мирный договоръ между Россіей и Швеціей въ Фридрихсгамѣ. По этому договору Швеція навсегда уступила свою Финляндію въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи. „Его Величество Король Шведскій какъ за Себя, такъ и за преемниковъ Его престола и Королевства Шведскаго, говоритъ IV-я статья этого договора, отказывается неотмѣняемо и на всегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ Своихъ правъ и притязаній на Губерніи ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ Державы Шведской, а именно: на Губерніи Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ.

Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“ [1]).

Въ подлинномъ французскомъ текстѣ вторая часть IV-й статьи Фридрихсгамскаго договора между Россіей и Швеціей относительно новозавоеванной Финляндіи выражена слѣдующимъ образомъ: „Ces Gouvernements avec tous les habitans, villes, ports, forteresses, villages et îles, ainsi que les dépendances, prerogatives, droits et émolumens appartiendront désormais en toute propriété et Souveraineté à l'Empire de Russie, et Lui restent incorporés“ [2]).

Отсюда ясно, что въ оффиціальномъ русскомъ переводѣ этого регламента, изданномъ въ 1827 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 3.), двусмысленное французское выраженіе относительно Финляндіи: „le bien-être de l'Etat“ правильно переведено русскимъ выраженіемъ: „благосостояніе края“.

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XXX. № 23883. Манифестъ 1 октября 1809 года о заключеніи мира между Россіею и Швеціею. Съ приложеніемъ мирнаго трактата, заключеннаго въ Фридрихсгамѣ 5/17 сентября. Трактатъ. ст. IV.

2) Шиловскій — Акты. Примѣчаніе 1 на с. 119—120. „Подлинный текстъ оффиціальнаго изданія Стокгольмской Корол. Типографіи 1809 г. (Спб. Пуб. Б.)“. Art. IV. Этотъ Французскій текстъ говоритъ: „Эти губерніи со всѣми

VI-я статья Фридрихсгамскаго договора добавляетъ: „Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества; то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга, чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія".

Познакомившись съ фактами, опредѣлимъ теперь вкратцѣ, какого рода соединеніе произошло между Россійской Имперіей и шведской Финляндіей, завоеванной Государемъ Россійской Имперіи, Императоромъ Александромъ I.

Декларацією 16-го марта 1808 года русскій Императоръ Александръ I объявилъ иностраннымъ европейскимъ государствамъ, „что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась Шведскою и которую войска Россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областію, Россійскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи" (выше с. 157—158 съ прим. 1 на стр. 158.).

Манифестомъ 20-го марта 1808 года Императоръ Александръ I объявилъ Россіи о покореніи шведской Финляндіи и присоединеніи послѣдней къ Россіи навсегда (в. с. 157—158 съ пр. 2 на с. 158.).

Манифестомъ 5-го іюня 1808 года Императоръ Александръ I рѣшительно подтвердилъ жителямъ новоприсоединенной Финляндіи, что она присоединена къ Россійской Имперіи безповоротно навсегда (выше с. 158—159 съ прим. 1 на с. 159.).

Отсюда ясно, что Императоръ Александръ I присоединялъ покоряемую шведскую Финляндію къ Россійской Имперіи не иначе, какъ въ качествѣ области или части, вводимой въ составъ русскаго государства т. е. Россійской Имперіи, а никакъ не въ качествѣ какого-нибудь государства, соединяемаго личной или реальной уніей съ Россійской Имперіей.

жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами точно также, какъ и принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ принадлежать на правахъ полной собственности и верховенства отнынѣ Россійской Имперіи и остаются инкорпорированными въ ней". Въ шведскомъ текстѣ того же изданія (Шиловскій — Акты. с. 120.) фраза: „et Lui restent incorporés" переведена фразой тождественнаго содержанія: „och med detsamma blifva införlifvade".

Въ Высочайшемъ повелѣніи 20 января 1809 года представителямъ сословій новоприсоединенной Финляндіи собраться 10 марта 1809 года на Сеймъ въ городъ Борго для обсужденія вопросовъ, указанныхъ Высочайшей волей, Императоръ Александръ I впервые назвалъ новоприсоединенную Финляндію „le grand Duché de Finlande“ т. е. Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ (выше с. 161 съ прим. 2.). Въ жалованной грамотѣ 15-го марта 1809 г. населенію новоприсоединенной Финляндіи Императоръ Александръ I назвалъ эту Финляндію по-русски „Великимъ Княжествомъ Финляндіи“ (выше с. 162—163 съ прим. 3 на с. 162.).

Императоръ Александръ I принялъ титулъ „Великаго Князя Финляндскаго“ и при томъ, вѣроятно, впервые 20 января 1809 г. [1]). 17-го же марта 1809 года представители сословій новоприсоединенной Финляндіи принесли присягу Александру I Императору и Самодержцу Всероссійскому, Великому Князю Финляндскому, а послѣ рѣчи Императора герольдъ дворянства провозгласилъ: „да здравствуетъ Александръ I Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій“! (выше с. 165—167 съ прим. 1—2 на с. 166 и прим. 1 на с. 167.).

Ни эти факты, ни созывъ представителей сословій новоприсоединенной Финляндіи Императоромъ Александромъ I на Сеймъ для обсужденія вопросовъ, указанныхъ Высочайшей волей, и представленія по нимъ заключеній на благоусмотрѣніе Императора (выше с. 164 съ прим. 2; с. 165 съ пр. 1; с. 168—169 съ пр. 1 на с. 169.), ни принесеніе присяги этими представителями Александру I, какъ Императору Всероссійскому, Великому Князю Финляндскому 17-го марта 1809 г. (выше с. 165—166.), ни пожалованіе грамоты Императоромъ Александромъ I 15-го марта 1809 г. о сохраненіи религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, „коими каждое состояніе сего Кня-

1) „Здѣсь, говоритъ Даніельсонъ (Соединеніе Финляндіи. с. 91.), впервые русскій Императоръ называетъ себя „Великимъ Княземъ Финляндскимъ и слова эти затѣмъ вошли въ составъ Императорскаго титула“. Это утвержденіе имѣетъ за себя вѣроятность. Ппризнать же его достовѣрнымъ нельзя, такъ какъ Высочайшее повелѣніе 20 января 1809 г. не дошло до насъ ни въ его французскомъ подлинникѣ, ни въ его французской копіи, но сохранился лишь проектъ этого повелѣнія на французскомъ языкѣ, безъ начала и конца, и позднѣйшій шведскій переводъ. А вѣрно ли передаетъ этотъ переводъ слова французскаго подлинника, рѣшить не возможно. Русскій переводъ съ этого шведскаго перевода напечатанъ у Шиловскаго (Акты. с. 135.). Слѣдуетъ замѣтить, что титулъ Великаго Князя Финляндскаго былъ присвоенъ въ 1802 году второму сыну Шведскаго Короля Густава Адольфа IV, Карлу Густаву.

жества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались", съ обѣщаніемъ „хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи" (выше с. 162—163 съ прим. 3 на с. 162; с. 166.; с. 167—168 съ прим. 1 на с. 168.), нисколько не перемѣнили рода соединенія завоеванной шведской Финляндіи съ Россійской Имперіей. Чтобы перемѣнить этотъ родъ соединенія, общепринятый въ случаяхъ завоеванія провинціи однимъ государствомъ у другого, необходимо было, чтобы Государь Россійской Имперіи, Александръ I издалъ законъ, которымъ прямо, ясно и несомнѣнно возвелъ бы только что завоеванную шведскую провинцію, Финляндію, въ государство и присоединилъ бы это новое государство къ Россійской Имперіи на правахъ личной или реальной уніи. Но такого закона не было издано и, при малѣйшемъ пониманіи упорнаго вѣкового стремленія Россіи къ пріобрѣтенію Финляндіи, при малѣйшемъ вниманіи къ развивающимся потребностямъ русскаго народа, не могло быть издано.

Напротивъ, Фридрихсгамскій договоръ 5-го (17-го) сентября 1809 г., покончившій войну между Россіей и Швеціей, прямо, ясно и несомнѣнно указалъ, что завоеванная Россіей Финляндія входитъ въ составъ русскаго государства, какъ часть въ цѣлое. „Губерніи сіи . . . говоритъ русскій текстъ Фридрихсгамскаго договора (ст. IV.) будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются". Французскій текстъ того же договора говоритъ, что эти губерніи будутъ принадлежать отнынѣ Россійской Имперіи на правахъ полной собственности и верховенства и остаются инкорпорированными въ Россійской Имперіи (et Lui restent incorporés.). Ту же мысль ясно высказываетъ и шведскій текстъ того же договора, при чемъ въ свою очередь заявляетъ, что эти губерніи остаются инкорпорированными въ Россійской Имперіи (och med detsamma blifva införlifvade). Инкорпорація же (l'incorporation, införlifvande) есть опредѣленный юридическій терминъ. Онъ обозначаетъ, что земля, соединяющаяся съ другимъ Государствомъ, входитъ въ составъ этого государства, какъ часть въ цѣлое, а не составляетъ сама въ этомъ соединеніи никакого государства. Если бы земля, соединившаяся съ другимъ государствомъ, осталась въ этомъ соединеніи, въ свою очередь, государствомъ; въ такомъ случаѣ это соединеніе составило бы уже не инкорпорацію, но личную или реальную унію.

Если же въ Фридрихсгамскомъ договорѣ 5-го (17-го) сентября 1809 года и самъ Александръ I, Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій, и Карлъ XIII, Король Шведскій, одинаково при-

знали, что соединеніе Финляндіи съ Россійской Имперіей составляетъ инкорпорацію Финляндіи Россійской Имперіей; то утверждать, будто оно составляетъ унію, и увѣрять, будто самъ русскій Императоръ Александръ I установилъ эту унію, это — отрицать несомнѣнные факты. Утверждать же, будто соединеніе Финляндіи съ Россійской Имперіей составляетъ въ одно и то же время и инкорпорацію, и унію, противно самой элементарной логикѣ. Логика рѣшительно признаетъ, что „въ одно и то же время въ одномъ и томъ же мѣстѣ извѣстный аттрибутъ не можетъ и присутствовать, и отсутствовать“ [1]).

Такимъ образомъ, опредѣляя родъ соединенія Россійской Имперіи съ завоеванной ею шведской Финляндіей, названной по волѣ русскаго Императора Александра I Великимъ Княжествомъ Финляндіи, и оставаясь при этомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ историческими фактами и элементарными требованіями логики, мы должны признать, что это соединеніе составляетъ инкорпорацію Финляндіи, а не унію Финляндіи съ Россійской Имперіей. Эта Финляндія составляетъ лишь одну изъ частей русскаго государства т. е. одну изъ частей Россійской Имперіи, а вовсе не представляетъ финляндскаго государства, соединеннаго съ русскимъ государствомъ.

Войдя въ составъ Россійской Имперіи въ качествѣ одной изъ ея составныхъ частей, новоприобрѣтенная Финляндія не слилась съ прочими частями, но, по волѣ Императора Александра I, образовала изъ себя особую составную часть русскаго государства.

Эту новую часть Россійской Имперіи Императоръ Александръ I назвалъ въ 1809 г. по-французски „le grand Duché de Finlande“ т. е. Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ (выше с. 161 съ прим. 2; с. 174.), а по-русски „Великимъ Княжествомъ Финляндіи“ (выше с. 162—163 съ прим. 3 на с. 162; с. 174.) и принялъ титулъ Великаго Князя Финляндскаго (выше с. 174 съ прим. 1).

Манифестомъ же 11-го (23-го) декабря 1811 года Императоръ Александръ I отдѣлилъ Выборгскую или Финляндскую губернію, извѣстную подъ именемъ „старой Финляндіи“, отъ прочихъ русскихъ губерній и соединилъ ее съ новоприобрѣтенной „новой Финляндіей“ [2]) или, по выраженію манифеста 31-го декабря 1811 г. съ „Великимъ

---

1) С. Джевонсъ — Основы науки, трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ. Переводъ со второго англійскаго изданія М. Антоновича. С.-Петербургъ. 1881. с. 5.

2) П. С. З. (с. 1.). Т. XXXI. № 24907. Манифестъ 11 декабря 1811 г. о именованіи старой Финляндіи и новой Финляндіи совокупно Финляндіею.

Княжествомъ Финляндіи“ [1]) въ одно цѣлое подъ однимъ и тѣмъ же именемъ Великаго Княжества Финляндіи и съ однимъ и тѣмъ же устройствомъ.

Въ такой связи съ Россійской Имперіей и почти въ такомъ [2]) же обособленномъ поземельномъ или территоріальномъ составѣ остается Великое Княжество Финляндіи и до сихъ поръ. Ни одинъ изъ русскихъ Императоровъ ни разу не издалъ ни одного закона, который провозгласилъ бы, что Великое Княжество Финляндіи составляетъ государство и находится только въ уніи или соединеніи съ русскимъ государствомъ. Напротивъ, русскими Императорами и послѣ Фридрихсгамскаго договора съ Швеціею 1809 г. не разъ давались несомнѣнныя указанія, что Великое Княжество Финляндіи составляетъ лишь одну изъ частей русскаго государства, обладающую лишь особеннымъ устройствомъ. Эта мысль, несомнѣнно, проведена въ Высочайшемъ манифестѣ Императора Александра I 9/21 февраля 1816 г., въ Высочайшемъ рескриптѣ Императора Александра III 28-го февраля 1891 года Генералъ-Губернатору Финляндіи, въ Высочайшемъ манифестѣ Императора Николая II 3-го (15-го) февраля 1899 г. и въ Высочайшемъ рескриптѣ Императора Николая II 8-го іюня 1899 года Финляндскому Генералъ-Губернатору [3]).

---

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XXXI. № 24934. Манифестъ 31 декабря 1811 г. объ устройствѣ Выборгской Губерніи.

2) 1-го (13-го) февраля 1864 года Императоръ Александръ II повелѣлъ отдѣлить Сестрорѣцкій оружейный заводъ съ ближайшею землею отъ Выборгской губерніи Великаго Княжества Финляндскаго и присоединить къ С.-Петербургской губерніи, а границу между Россіей и Финляндіей соотвѣтственно этому измѣнить. П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIX. 1. № 40551. Именной указъ Императора Александра II, объявленный Военному Министру Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго 1/13 февраля 1864 г. — Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. 1860—1900. С.-Петербургъ. 1901. По распоряженію Предсѣдателя Коммисіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ. с. 13—14. Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе касательно отдѣленія Сестрорѣцкаго оружейнаго завода отъ Финляндіи и соединенія его съ С.-Петербургскою губерніею и объ измѣненіи согласно тому нынѣшней границы между Россійскою Имперіею и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ. Сборн. пост. Вел. Княж. Фин. 15 февраля 1864 г. № 5.

3) Высочайшій манифестъ Императора Александра I 9 21 февраля 1816 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.): . . . „нынѣ же . . . достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами Государства Нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго

Самое устройство Великаго Княжества Финляндіи въ Россійской Имперіи съ 17-го Марта 1809 г., съ самаго обнародованія жалованной

къ лицу Нашему удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ вышняго правительства въ Государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Вышнему Правительству названіе Финляндскаго Сената Нашего, безъ отмѣны однако же въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ".

„Высочайшій рескриптъ" (Императора Александра III 28-го февраля 1891 года) „генералъ-губернатору Финляндіи" (Правительственный Вѣстникъ. С.-Петербургъ. 6 марта 1891 г. № 51.): . . . „Финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственносоти и державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ по волѣ Блаженныя памяти Императора Александра I особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ. Такое удостовѣреніе подтверждаемо было и его Державными Преемниками.

Сіи права и преимущества, особое церковное устройство и законы края не только сохраняютъ понынѣ свое дѣйствіе, но и получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіе потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ, судьба Великаго Княжества подъ Скипетромъ Россійскимъ доказала, что единеніе его съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ его учрежденій, а достигнутое Финляндіею благосостояніе непреложно свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собственнымъ ея выгодамъ. Тѣмъ не менѣе несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣлительность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подаютъ къ сожалѣнію поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ Государства Россійскаго. Я надѣюсь, однако, что благоразуміе финскаго народа разсѣетъ это заблужденіе, а правильное пониманіе собственныхъ выгодъ побудитъ его стремиться къ вящшему скрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіею.

Поручаю вамъ передать, отъ Моего Имени Моимъ вѣрноподданнымъ въ Финляндіи, что Я расположенъ относиться съ прежнимъ благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованныя ему Россійскими Монархами права и преимущества, и что въ мои намѣренія не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія.

Я . . . въ правѣ ожидать отъ преданнаго Мнѣ населенія Финляндіи единодушнаго содѣйствія къ осуществленію Моихъ предначертаній, клонящихся къ укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперіею".

Высочайшій манифестъ Императора Николая II 3-го (15-го) февраля 1899 г. [П. С. З. (с. з.). Т. XIX. I. № 16447. Высочайше утвержденныя Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.]: . . . „Великое Княжество Финляндское, войдя съ начала нынѣшняго столѣтія въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію блаженныя памяти Императора Алек-

грамоты Императора Александра I, Высочайше утвержденной 15-го марта 1809 г., отличается важными особенностями.

Онѣ состоятъ въ томъ, что населенію Великаго Княжества Финляндскаго предоставлено русскими Государями пользованіе шведскими коренными законами, дѣйствовавшими во время присоединенія этой страны къ русскому государству, и участіе въ управленіи, въ отправленіи правосудія и въ законодательной дѣятельности относительно этой страны.

сандра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны . . .

. . . Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ безъ различія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и незыблимый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ . . .

Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учрежденій Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вящшему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ Россійскаго Государства".

„Высочайшій рескриптъ" (Императора Николая II 8-го іюня 1899 года) „финляндскому генералъ-губернатору" (Правительственный Вѣстникъ. 22 іюня 1899 г. № 132): „При закрытіи вами, 18-го минувшаго мая, чрезвычайнаго сейма представители сословій довели до Моего свѣдѣнія о тревожномъ ихъ настроеніи, вызванномъ предстоящимъ преобразованіемъ воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и обнародованіемъ манифеста 3-го февраля сего года.

Къ прискорбію Моему, изъ рѣчей ландмаршала и тальмановъ Я усматриваю, что земскіе чины не усвоили соображеній общегосударственной пользы, коими необходимость этихъ мѣръ обусловливается, и дозволили себѣ неумѣстныя о нихъ сужденія. Поручаю вамъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что сужденія сіи неправильны и не соотвѣтствуютъ установившемуся съ начала нынѣшняго столѣтія положенію дѣлъ, при коемъ Финляндія есть составная часть Государства Россійскаго, съ нимъ нераздѣльная.

Я желаю также, чтобы финскому народу было извѣстно, что, принявъ при восшествіи на Престолъ священный долгъ пещись о благѣ всѣхъ народностей, Россійской Державѣ подвластныхъ, Я призналъ за благо сохранить за Финляндіей особый строй внутренняго законодательства, дарованный ей Моими Державными Предками. Въ то же время Я принялъ на Себя, какъ наслѣдіе прошлаго, заботу объ опредѣленіи силою положительнаго закона отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Въ этихъ видахъ Мною утверждены основныя положенія 3-го февраля сего года, опредѣляющія правила объ изданіи общегосударственныхъ законовъ, касающихся Финляндіи. Въ порядкѣ, указанномъ симъ законодательнымъ актомъ, непоколебимымъ и впредь, получатъ дальнѣйшее направленіе труды чрезвычайнаго сейма и будутъ приняты въ соображеніе при окончательномъ начертаніи военнаго закона".

Уже регламентъ Правительствующаго Совѣта, утвержденный Императоромъ Александромъ I 6-го августа 1809 г. для Великаго Княжества Финляндскаго (выше с. 170—172.), обезпечивалъ населенію этой страны нѣкоторое участіе въ ея внутреннемъ мѣстномъ управленіи и отправленіи правосудія. По этому регламенту, Правительствующій Совѣтъ вѣдалъ главное управленіе Финляндіи (Réglement § 1) и состоялъ, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора Финляндіи (§ 2), изъ двухъ Департаментовъ: Судебнаго и Хозяйственнаго (§ 1). Членовъ Совѣта было четырнадцать (§ 4). Срокъ службы ихъ былъ въ три года (§ 11). Одна половина изъ нихъ выбиралась и назначалась Государемъ Императоромъ изъ дворянства Финляндіи, а другая — изъ трехъ остальныхъ сословій Финляндіи (§ 5). Правительствующему Совѣту принадлежало право назначенія на многія должности въ Финляндіи (§§ 8; 15; 41; 42 п. 6.) и право представленія кандидатовъ Государю Императору для назначенія на многія изъ болѣе важныхъ должностей, подлежащихъ замѣщенію по назначенію Высочайшей власти (§§ 7; 15; 42 п. 8.). Только немногія изъ высшихъ должностей въ Финляндіи, какъ напр., должность Генералъ-Губернатора Финляндіи, должности Членовъ Правительствующаго Совѣта (§ 5), должность Прокура этого Совѣта (§ 6), замѣщались по выбору и назначенію Государя Императора. Правительствующій Совѣтъ назначалъ на должности и представлялъ Государю Императору въ качествѣ кандидатовъ для назначенія на должности въ Финляндіи только лицъ, имѣющихъ права финляндскаго гражданства.

Манифестъ Императора Александра I 9-го (21-го) февраля 1816 г. о переименованіи Правительствующаго Совѣта Финляндіи въ „Императорскій Финляндскій Сенатъ“ измѣнилъ лишь названіе, но оставилъ въ неприкосновенности и устройство, и вѣдомство, и власть, и дѣлопроизводство этого учрежденія. Этотъ манифестъ подтвердилъ, что въ Члены Финляндскаго Сената будутъ избираться и назначаться Высочайшей властью только коренные финляндцы или лица, пріобрѣтшія финляндское гражданство [1]).

Высочайшимъ постановленіемъ Императора Александра III 13 сентября 1892 года Императорскому Финляндскому Сенату данъ новый

---

1) Собраніе постановленій финляндскихъ. Т. I. 1816. № 15. Февраля 9/21. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ. — О именованіи Императорскаго Правительствующаго Совѣта Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ (Приб. къ Улож. Финл., Спб., 1827 г., с. 325; Plac., II, p. 178). — См. выше с. 170 съ прим. 2.

регламентъ или новое „учрежденіе“ [1]). Новое учрежденіе сохранило главныя начала прежняго регламента, но обогатилось различными преобразованіями, одни изъ которыхъ были выработаны различными Высочайшими постановленіями и повелѣніями, изданными въ промежутокъ времени между 1809 и 1892 годомъ, а другія были внесены при составленіи этого закона, въ виду новыхъ потребностей.

По новому учрежденію, Императорскій Финляндскій Сенатъ вѣдаетъ главное внутреннее управленіе Финляндіи (§ 1). Онъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора (§ 2) изъ двухъ Департаментовъ: Судебнаго и Хозяйственнаго (§ 1). Каждый Департаментъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ десяти Сенаторовъ. Одинъ изъ Сенаторовъ Департамента состоитъ Вице-Предсѣдателемъ, а прочіе — Членами Департамента (§ 3). Выборъ и назначеніе Вице-Предсѣдателей и Членовъ Департаментовъ зависитъ отъ Государя Императора. „Они назначаются изъ коренныхъ финляндцевъ или изъ лицъ, водворившихся въ краѣ и право Финляндскаго гражданства пріобрѣвшихъ“ (§ 4). Вице-Предсѣдатели и Члены назначаются на три года (§ 6). Финляндскому Сенату принадлежитъ право назначенія на многія должности въ Финляндіи (§§ 9; 11; 30; 62—63; 83 п. 12—14; 98 п. 25, 27—28; 100 п. 9.) и право представленія кандидатовъ Государю Императору для назначенія на многія изъ болѣе важныхъ должностей, подлежащихъ замѣщенію по назначенію Высочайшей власти (§§ 9; 11; 29; 30; 83 п. 9; 100 п. 9.). Только немногія изъ высшихъ должностей въ Финляндіи, какъ напр., должность Генералъ-Губернатора, должности Вице-Предсѣдателей и Членовъ Сената (§ 4), должности Прокурора и Товарища Прокурора Сената (§ 8), замѣщаются по выбору и назначенію Государя Императора. Императорскій же Финляндскій Сенатъ назначаетъ на должности и представляетъ Государю Императору въ качествѣ кандидатовъ для назначенія на должности въ Финляндіи только коренныхъ финляндцевъ или лицъ, водворившихся въ Финляндіи и пріобрѣтшихъ права финляндскаго гражданства.

Высочайшее Постановленіе Императора Николая II 23 іюля

---

1) Высочайшее Постановленіе объ учрежденіи Императорскаго Финляндскаго Сената, 13 Сентября 1892 года, и Высочайшее Постановленіе 23 Іюля 1896 года. С.-Петербургъ. 1900. По распоряженію Предсѣдателя Коммиссіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ. с. 1. Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе объ Учрежденіи Императорскаго Финляндскаго Сената. 13 Сентября 1892 г. (Сб. П. В. К. Ф., № 30). Этими буквами въ скобкахъ обозначается: „Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго“.

1896 г. еще болѣе расширило право назначенія на должности, предоставленное Императорскому Финляндскому Сенату [§§ 1 п. 1; 2 п. 7.][1]).

Отмѣтивъ, что населеніе Великаго Княжества Финляндскаго имѣетъ право участія во внутренномъ мѣстномъ управленіи и отправленіи правосудія, обратимся теперь къ праву участія со стороны этого населенія въ законодательной дѣятельности.

Присоединивъ завоеванную шведскую Финляндію къ русскому государству и назвавъ ее Великимъ Княжествомъ Финляндіи, Императоръ Александръ I въ 1809 г. предоставилъ населенію этого края право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю.

Еще въ манифестѣ 5-го (17-го) іюня 1808 г. (выше с. 159 съ прим. 1.) и въ Высочайшемъ повелѣніи 20-го января 1809 г. (выше с. 161 съ прим. 2.) заключались нѣкоторые намеки на намѣреніе Императора Александра I дать населенію новоприсоединенной Финляндіи право участія въ законодательной дѣятельности относительно этой страны. Но закономъ, дѣйствительно даровавшимъ это право, была грамота Императора Александра I 15-го (27-го) марта 1809 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 2. — См. выше с. 162 съ прим. 3.), пожалованная, по доброй волѣ и милости Императора, вѣрноподданному населенію новоприсоединенной Финляндіи, недавно надѣленной со стороны Императора почетнымъ титуломъ Великаго Княжества.

Императоръ Александръ I провозгласилъ въ этой грамотѣ, что Онъ призналъ за благо вновь „утвердить и удостовѣрить“ Собственноручно подписанной грамотой „религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“ [2]).

---

1) Высочайшее Постановленіе объ учрежденіи И. Фин. Сената и Высочайшее Постановленіе 23 іюля 1896 года. с. 50. Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе о предоставленіи Императорскому Сенату права окончательно рѣшать нѣкоторыя дѣла, до сего времени восходившія на Высочайшее благовозрѣніе, и объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ относительно производства дѣлъ въ Императорскомъ Финляндскомъ Сенатѣ. 23 іюля 1896 г. (Сб. П. В. К. Ф., № 21).

2) Что Императоръ Александръ I дѣйствительно подтвердилъ и удостовѣрилъ этой грамотой сохраненіе религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, которыми каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще пользовались до завоеванія Россіей, это несомнѣнно подтверждается такимъ вѣскимъ доказательствомъ, какъ манифестъ Императора Александра I 23-го марта (4-го апрѣля) 1809

Слова: „коренные законы“ не составляютъ никакого юридическаго термина и, согласно обыденному житейскому смыслу слова: „коренной“, означаютъ такіе законы, которые слѣдуетъ считать основными или главными въ данное время въ законодательствѣ данной страны.

Въ числѣ „коренныхъ законовъ“, дѣйствовавшихъ въ шведской Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи, несомнѣнно, находились на первомъ мѣстѣ основные государственные законы, опредѣлявшіе государственное устройство Шведскаго Королевства съ Финляндіей включительно.

Эти шведскіе основные государственные законы предоставляли народонаселенію Швеціи и Финляндіи право участія вмѣстѣ съ Шведскимъ Королемъ въ законодательной дѣятельности Шведскаго Королевства. Они опредѣляли, что населеніе Швеціи и Финляндіи принимаетъ участіе въ законодательной дѣятельности не иначе, какъ при посредствѣ Государственнаго Риксдага или Государственнаго Сейма, состоящаго изъ надлежащаго числа представителей отъ четырехъ сословій Швеціи и Финляндіи т. е. отъ рыцарства и дворянства или, короче сказать, отъ дворянства, отъ духовенства, отъ горожанъ и отъ земельныхъ крестьянъ. Въ этихъ законахъ опредѣлялось, какіе

года жителямъ новоприсоединенной Финляндіи о принесеніи присяги представителями сословій и пожалованіи со стороны Императора (выше с. 167—168.).

Въ пользу этихъ пожалованій говоритъ и другое гораздо менѣе вѣское доказательство, дошедшее до насъ не въ первоисточникѣ, но въ другомъ источникѣ, близкомъ къ первому. Это — введеніе къ предложеніямъ, сдѣланнымъ со стороны Императора Александра I финляндскому Сейму 16-го (28-го) марта 1809 г., найденное вмѣстѣ съ этими предложеніями въ особомъ спискѣ въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, съ подписью М. М. Сперанскаго (выше с. 164 съ прим. 2.).

Наконецъ, въ пользу большинства изъ этихъ пожалованій свидѣтельствуетъ еще весьма вѣское и безспорное доказательство, это — Высочайшій манифестъ 9/21 февраля 1816 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.). „Бывъ удостовѣрены, говоритъ этотъ манифестъ, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные, и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими на основаніи оныхъ каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися Земскими края сего Чинами и учредили особенное Правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ Финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданской частію края сего и рѣшалъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ, ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли“.

вопросы подлежатъ рѣшенію не иначе, какъ путемъ закона, изданнаго съ согласія Государственнаго Сейма и Короля, и какіе подлежатъ единоличному рѣшенію Короля; хотя были, конечно, и такіе вопросы, относительно которыхъ не было опредѣлено ясно въ законѣ, кому принадлежитъ ихъ рѣшеніе.

Во главѣ этихъ основныхъ государственныхъ законовъ Шведскаго Королевства, узаконившихъ въ немъ ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства или „конституцію“ въ обыденномъ смыслѣ этого слова, прекрасно извѣстномъ и въ началѣ XIX-го вѣка, стояло два закона. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ „Формы Правленія“. Онъ утвержденъ Шведскимъ Королемъ Густавомъ III и Государственными Чинами 21-го августа 1772 г. Другой же законъ называется „Актомъ Соединенія и Безопасности“. Онъ утвержденъ тѣмъ же Королемъ и Государственными Чинами 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 г. Первый изъ этихъ законовъ сильно ограничиваетъ королевскую власть, а второй освобождаетъ ее отъ многихъ изъ этихъ ограниченій (выше с. 154—155 съ прим. 1 на с. 155.).

Признавъ за благо подтвердить и удостовѣрить своей жалованной грамотой сохраненіе коренныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ шведской Финляндіи во время ея присоединенія къ Россійской Имперіи, Императоръ Александръ I не опредѣлилъ ни содержанія, ни названія этихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, зная, съ несомнѣнностью, что первое мѣсто въ ряду этихъ коренныхъ законовъ занимали основные государственные законы Шведскаго Королевства, узаконившіе въ этомъ королевствѣ ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства или конституцію, Императоръ Александръ I не могъ не знать, что, провозглашая сохраненіе шведскихъ коренныхъ законовъ въ Финляндіи, Онъ тѣмъ самымъ провозглашетъ сохраненіе и основныхъ государственныхъ шведскихъ законовъ въ Финляндіи и тѣмъ самымъ съ своей стороны даетъ новоприсоединенной Финляндіи конституцію. Императоръ не могъ не знать, что въ такомъ смыслѣ неминуемо поймутъ Его жалованную грамоту финляндцы и, при ихъ старинной привычкѣ и преданности этой конституціи, не могутъ понять иначе. При такихъ условіяхъ, нельзя не признать, что, провозглашая въ своей жалованной грамотѣ сохраненіе коренныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ шведской Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи, Императоръ Александръ I уже тѣмъ самымъ провозгласилъ сохраненіе и основныхъ государственныхъ шведскихъ законовъ въ присоединенной Финляндіи и тѣмъ самымъ далъ ей конституцію.

Правильность этого заключенія вполнѣ подтверждается подлин-

ными словами двухъ послѣдующихъ законовъ Императора Александра I, изданныхъ на русскомъ языкѣ. Таковы — манифестъ 31 декабря 1811 г. [П. С. З. (с. 1.) Т. XXXI. № 24934. — Собр. пост. фин. Т. I. № 7.] и манифестъ 9 21 февраля 1816 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.).

Манифестъ 31 декабря 1811 г., опредѣляя надлежащія преобразованія для Выборгской губерніи, только что присоединенной къ Великому Княжеству Финляндіи постановляетъ: „Порядокъ представленія всѣхъ сословій на сеймѣ Государственныхъ чиновъ учреждается въ Выборгской Губерніи на общихъ правилахъ, въ Конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ".

Манифестъ же 9/21 февраля 1816 г. говоритъ: „Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные, и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими на основаніи оныхъ каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися Земскаго края сего Чинами и учредили особенное Правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта" (выше с. 170 прим. 2.).

Введеніе къ предложеніямъ, сдѣланнымъ со стороны Императора Александра I Финляндскому Сейму 16-го (28-го) марта 1809 г., найденное вмѣстѣ съ этими предложеніями въ особомъ спискѣ, въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, съ подписью М. М. Сперанскаго (выше с. 164 прим. 2.), въ свою очередь, указываетъ, что у Императора Александра I въ первой четверти 1809 г. было великодушное намѣреніе сохранить и соблюсти ненарушимо въ присоединенной Финляндіи „les loix, la constitution du pays" (законы, конституцію страны).

Въ виду этихъ данныхъ, необходимо признать, что, провозглашая въ своей жалованной грамотѣ сохраненіе коренныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ шведской Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи, Императоръ Александръ I уже тѣмъ самымъ провозгласилъ сохраненіе и основныхъ государственныхъ шведскихъ законовъ въ присоединенной Финляндіи, опредѣляющихъ ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства или конституцію.

Здѣсь тотчасъ возникаетъ вопросъ, какіе же именно шведскіе конституціонные законы сохранены Императоромъ Александромъ I по Его жалованной грамотѣ въ новоприсоединенной Финляндіи.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ большія затрудненія. Дѣло въ томъ, что самъ Императоръ не далъ на этотъ вопросъ никакого яснаго и точнаго отвѣта ни въ самой жалованной грамотѣ 15-го (27-го) марта 1809 г., ни въ другихъ своихъ законахъ и указахъ.

Въ жалованной грамотѣ 1809 года Императоръ обѣщалъ вѣрноподданному населенію новоприсоединенной шведской Финляндіи „хранить“ „коренные законы“, дѣйствовавшіе въ этой странѣ во время присоединенія ея Имъ къ Россійской Имперіи, а, слѣдовательно, и основные шведскіе конституціонные законы „въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“.

Точное выполненіе этого обѣщанія, согласно его буквальному смыслу, было бы возможно, однако, только въ томъ случаѣ, если бы Императоръ Александръ I тотчасъ по провозглашеніи своей жалованной грамоты отнялъ новоприсоединенную Финляндію отъ Россійской Имперіи и возвратилъ Шведскому Королевству. Очевидно, только въ этомъ случаѣ коренные шведскіе законы, разсчитанные на государственное единство Финляндіи съ Шведскимъ Королевствомъ, были бы дѣйствительно сохранены въ „ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“. Но такой образъ дѣйствій, очевидно, стоялъ въ явномъ противорѣчіи и съ насущными интересами Россіи, и съ многочисленными предшествующими и послѣдующими несомнѣнными заявленіями Императора о безповоротномъ присоединеніи Финляндіи къ Россійской Имперіи навсегда, а потому, очевидно, вовсе не входилъ въ намѣренія Императора. А при такомъ положеніи вещей, мы логически обязаны признать, что буквальный смыслъ словъ обѣщанія Императора Александра I о сохраненіи шведскихъ коренныхъ законовъ, а въ томъ числѣ и конституціонныхъ въ новоприсоединенной Финляндіи въ „ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“ не соотвѣтствовалъ дѣйствительной волѣ обѣщателя.

При дареніи и пожалованіи, точное опредѣленіе того, что именно подарено или пожаловано, должно быть сдѣлано не иначе, какъ соотвѣтственно дѣйствительной волѣ лица, совершившаго дареніе или пожалованіе. Этотъ правильный юридическій принципъ долженъ быть примѣненъ и при толкованіи жалованной грамоты Императора Александра I населенію новоприсоединенной Финляндіи.

Императоръ Александръ I, несомнѣнно, желалъ присоединить завоеванную Имъ Финляндію къ Россійской Имперіи безповоротно, навсегда и связать эту Финляндію съ Россійской Имперіей крѣпкимъ государственнымъ единствомъ.

При такомъ соединеніи, коренные шведскіе законы, а въ осо-

бенности государственные не могли быть сохранены въ Финляндіи въ всей ихъ цѣлости, но необходимо должны были подвергнуться различнымъ измѣненіямъ въ разныхъ отношеніяхъ. Напр., 1-й параграфъ шведской „Формы Правленія“ требовалъ, чтобы Шведскій Король былъ лютераниномъ (Шиловскій — Акты. с. 25—26.), а Императоръ Всероссійскій долженъ былъ быть православнымъ.

Для правильнаго рѣшенія такихъ важныхъ вопросовъ, какъ вопросы о томъ, въ какихъ шведскихъ коренныхъ законахъ должны быть сдѣланы перемѣны для Финляндіи и какія — именно, необходимо было много осторожности, обдуманности и знанія дѣла, и, слѣдовательно, много труда и времени. А такого рѣшенія этихъ вопросовъ не было подготовлено къ открытію Сейма въ Борго и, за недостаткомъ времени и знанія дѣла, даже и не могло быть подготовлено.

Но Императоръ Александръ I, несомнѣнно, имѣлъ стремленіе и къ сохраненію шведскихъ коренныхъ, а въ томъ числѣ и государственныхъ конституціонныхъ законовъ въ присоединенной Финляндіи.

Примирить это стремленіе съ желаніемъ прочнаго присоединенія Финляндіи къ Россійской Имперіи, на крѣпкихъ связяхъ государственнаго единства, съ необходимостью различныхъ измѣненій въ шведскихъ коренныхъ законахъ, подлежащихъ приспособленію къ новому положенію Финляндіи, съ полной неподготовленностью проекта Главнаго Правленія Финляндіи и полнымъ отсутствіемъ проектовъ другихъ необходимыхъ измѣненій можно было только однимъ способомъ. Онъ состоялъ въ признаніи, что шведскіе коренные, а въ томъ числѣ и государственные конституціонные законы сохранятъ свою силу и дѣйствіе въ Финляндіи, присоединенной къ Россійской Имперіи, лишь въ большинствѣ своихъ важныхъ постановленій, а въ меньшинствѣ съ теченіемъ времени подвергнутся необходимымъ измѣненіямъ, при чемъ эти измѣненія будутъ произведены съ соблюденіемъ принциповъ, принятыхъ въ шведскихъ конституціонныхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи.

Обѣщаніе такого содержанія было, во первыхъ, выполнимо на дѣлѣ, хотя и съ большими затрудненіями; во вторыхъ, подходило къ смыслу жалованной грамоты Императора Александра I 15-го (27-го) марта 1809 г. гораздо ближе, чѣмъ подходили всѣ другія предположимыя и выполнимыя обѣщанія, и, въ третьихъ, хотя и не вполнѣ, но въ весьма сильной степени соотвѣтствовало дѣйствительному образу дѣйствій Императора Александра I относительно присоединенной Имъ Финляндіи. Такъ, Императоръ не только далъ жалованную грамоту населенію этой Финляндіи о сохраненіи религіи, коренныхъ законовъ,

правъ и преимуществъ, которыми пользовались эти финляндцы до этого присоединенія; но и созвалъ Сеймъ представителей сословій этой Финляндіи для обсужденія предложеній Императора и представленія заключеній Императору по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ, касавшимся измѣненія нѣкоторыхъ коренныхъ шведскихъ законовъ въ Финляндіи, а именно — по вопросамъ объ устройствѣ вооруженной силы, взиманіи податей и налоговъ, монетной системѣ и Правительствующемъ Совѣтѣ (выше с. 164 съ прим. 2; 165 съ прим. 1.).

Судя по введенію къ предложеніямъ Императора Александра I этому Сейму (выше с. 164 прим. 2.), слѣдуетъ думать, что Императоръ Александръ I имѣлъ неправильное понятіе о юридическомъ положеніи Сейма, какъ народнаго представительства, по отношенію къ Монарху въ шведской конституціи. Императоръ полагалъ, что вопросы, подлежащіе, по этой конституціи, рѣшенію Монарха съ участіемъ Сейма, рѣшаются Монархомъ по совѣщаніи съ Сеймомъ, а не по соглашенію Монарха съ Сеймомъ, какъ этого требуетъ въ дѣйствительности шведскій законъ, извѣстный подъ именемъ „Формы Правленія (§§ 40—41. — См. Шиловскаго. Акты. с. 40.). Такъ, во введеніи къ преложеніямъ Императора Сейму говорится, что, созывая сословія Финляндіи на общій Сеймъ, Императоръ желалъ дать тѣмъ самымъ торжественное доказательство своихъ великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо религію, законы, конституцію страны, права и преимущества всѣхъ сословій вообще и каждаго гражданина въ частности. А между тѣмъ въ дѣйствительности Императоръ поставилъ этотъ Сеймъ въ положеніе лишь законосовѣщательнаго учрежденія. Сеймъ обсуждалъ предложенія Императора и представилъ по нимъ Императору не законопроекты, а только мнѣнія или заключенія, при чемъ по вопросу о денежномъ сборѣ въ замѣнъ поставки солдатъ по поселенной системѣ представилъ два различныхъ мнѣнія [1]). Окончательные же

1) „Результатомъ обсужденія этого вопроса на сеймѣ, говоритъ г. Мехелинъ (Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 65.), были два альтернативныхъ проекта, изъ коихъ одинъ былъ утвержденъ манифестомъ 20 іюля (1 августа) 1810 г. Порядокъ разсмотрѣнія даннаго вопроса, продолжаетъ г. Мехелинъ, представляетъ, правда (если судить по болѣе строгимъ мѣриламъ позднѣйшаго времени), нѣкоторую неправильность. Но если принять въ соображеніе, что Земскимъ Чинамъ приходилось разсмотрѣть какъ это, такъ и два прочихъ, финансовыхъ предложенія, не получивъ отъ Монарха никакого положительнаго проекта или ближайшей разработки — что объясняется неимѣніемъ въ то время еще финляндскаго органа правленія, коимъ предложенія могли бы быть предварительно подготовлены — то отступленіе отъ формальнаго порядка, заключающееся въ представленіи двухъ альтернативныхъ отвѣтовъ на пропозиціи, не можетъ быть признано особенно знаменательнымъ".

законопроекты по вопросамъ, предложеннымъ со стороны Императора на обсужденіе Сейма и получившимъ заключенія или, какъ говорится, въ манифестѣ Императора Александра I 17/29 декабря 1809 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 4.), „отвѣтствія“ „отъ Чиновъ Сейма“, составлялись лишь по закрытіи Сейма, безъ участія Сейма, и утверждались самимъ Императоромъ безъ всякаго соглашенія съ Сеймомъ. Императоръ Александръ I выразился вполнѣ точно, когда сказалъ въ манифестѣ 9/21 февраля 1816 года (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.): . . . „Мы . . . по предварительномъ разсужденіи съ собравшимися Земскими края сего Чинами и учредили особенное Правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта“. Если бы Императоръ Александръ I зналъ, что по точнымъ правиламъ шведской конституціи (Форма Правленія §§ 40—41.) Король и Сеймъ имѣютъ право издать новый общій законъ или отмѣнить старый общій законъ не иначе, какъ по взаимному соглашенію другъ съ другомъ; то, ставя Финляндскій Сеймъ лишь на положеніе законосовѣщательнаго собранія, безъ сомнѣнія, не указалъ бы на этотъ Сеймъ, какъ на торжественное доказательство своихъ великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо законы и конституцію страны.

Подводя общій итогъ нашему краткому изслѣдованію содержанія жалованной грамоты Императора Александра I вѣрноподданному населенію новоприсоединенной Финляндіи или Великаго Княжества Финляндіи 15-го (27-го) марта 1809 г., мы приходимъ къ двумъ выводамъ.

1. Буквальный смыслъ словъ обѣщанія Императора Александра I о сохраненіи шведскихъ коренныхъ законовъ, а въ томъ числѣ и конституціонныхъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи „въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“ не соотвѣтствуетъ дѣйствительной волѣ Императора Александра I, достовѣрно засвидѣтельствованной фактами того времени.

2. При толкованіи этого обѣщанія соотвѣтственно содержанію логически предположимой воли Императора Александра I и при томъ такой, которая, по имѣющимъ доказательствамъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ фактамъ дѣйствительности, слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ, что Императоръ, высказывая это обѣщаніе, желалъ обѣщать, что шведскіе коренные законы, а въ томъ числѣ и государственные конституціонные сохранятъ свою силу и дѣйствіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи въ большинствѣ своихъ важныхъ постановленій, а въ меньшинствѣ съ теченіемъ времени подвергнутся необходимымъ измѣненіямъ, при чемъ эти измѣненія будутъ произведены съ соблюденіемъ принциповъ, принятыхъ въ шведскихъ конститу-

ціонныхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи въ 1808 г.

Въ виду этихъ выводовъ становится ясно, что Императоръ Александръ I своей жалованной грамотой 15-го (27-го) марта 1809 г. призналъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю, но не опредѣлилъ этого права настолько, насколько это необходимо для его осуществленія на дѣлѣ, или, короче сказать, далъ конституцію только въ принципѣ.

Боргскій Сеймъ, поставленный Императоромъ Александромъ I, вопреки яснымъ и несомнѣннымъ правиламъ тогдашней шведской конституціи, на положеніе лишь законосовѣщательнаго собранія, нисколько не способствовалъ собою выясненію права, признаннаго Императоромъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи, на участіе въ законодательной дѣятельности, но, пожалуй, съ своей стороны даже нѣсколько затемнилъ это право. Если Императоръ поставилъ Боргскій Сеймъ на положеніе лишь законосовѣщательнаго собранія; то естественно могъ возникнуть вопросъ, не имѣлъ ли Императоръ въ виду дать финляндцамъ такую конституцію, при которой Финляндскій Сеймъ занималъ бы положеніе лишь законосовѣщательнаго учрежденія.

Въ теченіе своего послѣдующаго шестнадцатилѣтняго царствованія Императоръ Александръ I не принялъ никакихъ мѣръ къ надлежащему опредѣленію права участія въ законодательной дѣятельности со стороны населенія Великаго Княжества Финляндіи и еще ни разу не созвалъ Финляндскаго Сейма [1]).

Давъ конституцію финляндцамъ только въ принципѣ, Императоръ Александръ I и сохранилъ ее за ними только въ принципѣ.

Вступивъ на „Престолъ Всероссійской Имперіи и нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“ [2]) 12-го декабря 1825-го г., Императоръ Николай I въ тотъ же день далъ грамоту населенію Великаго Княжества Финляндіи. „Объявляемъ черезъ сіе, провозгласилъ Императоръ Николай I въ этой грамотѣ, что, произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣд-

---

1) Несозываніе Сейма не составляю, однако, нарушенія конституціи, такъ какъ, по точному смыслу 38-го параграфа Формы Правленія 1772 г., право созыва Сейма съ опредѣленіемъ времени, мѣста и предметовъ засѣданій всецѣло принадлежитъ Монарху, а, при малолѣтствѣ Монарха, — попечителю Монарха. (Шиловскій — Акты. с. 39. Форма Правленія 1772 г. § 38.). — Мехелинъ — къ вопросу о финляндской автономіи. с. 115.

2) П. С. З. (с. 2.). Т. I. № 1. Манифестъ 12 декабря 1825 г. о вступленіи на Престолъ Государя Императора Николая Павловича.

ственное обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ С.-Петербургѣ, 12 Декабря 1825 года. „НИКОЛАЙ“ “ [1]). Выраженіе: „доселѣ“ означало въ этой грамотѣ прошедшее время, но, несомнѣнно, уже не время шведскаго владычества, а время царствованія предшествующаго русскаго Императора и при томъ того именно русскаго Императора, послѣ котораго новый Русскій Императоръ, жалующій эту грамоту, вступилъ на престолъ.

Грамоты или манифесты такого рода жаловались населенію Великаго Княжества Финляндіи и послѣдующими русскими Императорами, по вступленіи на престолъ. Такъ, Императоръ Александръ II пожаловалъ свою грамоту населенію Великаго Княжества Финляндіи 19 февраля (3-го марта) 1855 г. [2]), Императоръ Александръ III издалъ свой манифестъ 2-го (14-го) марта 1881 г. [3]), а Императоръ Николай II — 25-го октября (6-го ноября) 1894 г. [4]).

---

1) Собр. пост. фин. Т. I. № 39. (1825 г.) „Декабря 12 24. Высочайшее Его Императорскаго Величества удостовѣреніе обитателямъ Финляндіи (Plac., V, p. 56)“. — Шиловскій — Акты. с. 11.

2) Собраніе постановленій финляндскихъ. Томъ III. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ. Съ дополненіями. 1850—1859. №№ 422—717. Санктпетербургъ. 1904. № 526. (1855 г.) „Февраля 19 (Марта 3). Высочайшее Его Императорскаго Величества удостовѣреніе ко всѣмъ жителямъ Финляндіи (Plac., XV, p. 250)“. — Шиловскій. — Акты. с. 12—13.

3) Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 101. Высочайшее Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Александра Третьяго Утвержденіе всѣмъ жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго. Сбор. Пост. Вел. Княж. Фин. 14 2 марта 1881 г. № 7. — Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 20. — Шиловскій — Акты. с. 13—14. По свидѣтельству г. Шиловскаго (с. 13.), текстъ этого манифеста приведенъ г. Шиловскимъ согласно подлиннику, а заголовокъ, отсутствующій въ подлинникѣ, напечатанъ согласно оффиціальному изданію, а именно — Сборнику Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго за 1881 г.

4) Указатель хрон. къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 223. Высочайшій Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Николая Втораго Манифестъ всѣмъ жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго. Сбор. Пост. Вел. Княж. Фин. ноябр. 6 (окт. 25) 1894 г. № 40. — Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 20—21. — Шиловскій — Акты. с. 14—15. По словамъ г. Шиловскаго (с. 14.), текстъ этого манифеста приведенъ г. Шиловскимъ

Всѣ эти грамоты или манифесты русскихъ Императоровъ Николая I, Александра II, Александра III и Николая II однородны по содержанію.

Каждый изъ этихъ Императоровъ, вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндіи, призналъ за благо „вновь утвердить и удостовѣрить" религію, законы особой категоріи, права и преимущества, которыми „пользовались" до изданія манифеста или грамоты этого Императора всѣ подданные, населяющіе это Княжество, вообще и каждое сословіе этого Княжества въ особенности, и обѣщать „хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи".

Императорами Николаемъ I и Александромъ II признавалось за благо вновь утвердить и удостовѣрить „коренные законы", а Императорами Александромъ III и Николаемъ II — „основные законы".

Въ грамотѣ Императора Николая I стояло выраженіе: „по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались"; въ грамотѣ же Императора Александра II оно было замѣнено выраженіемъ: „по прежнимъ установленіямъ донынѣ пользовались", а въ манифестахъ Императоровъ Александра III и Николая II — выраженіемъ: „по установленіямъ этого края до нынѣ пользовались".

Всматриваясь въ содержаніе вышеозначенныхъ подтвердительныхъ грамотъ или манифестовъ, пожалованныхъ, по вступленіи на престолъ, Императорами Николаемъ I, Александромъ II, Александромъ III и Николаемъ II населенію Великаго Княжества Финляндіи, нельзя не замѣтить, что каждый изъ этихъ актовъ несомнѣнно, хотя и косвенно признаетъ ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства или конституцію въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи и при томъ признаетъ конституцію въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ ее въ этомъ краѣ Императоръ, жалующій свою грамоту или манифестъ, по вступленіи на престолъ послѣ своего предшественника. Это косвенное признаніе конституціи заключается въ подтвержденіи тѣхъ коренныхъ или основныхъ законовъ, которыми пользовалось населеніе этого края въ царствованіе предшествующаго русскаго Императора до изданія подтвердительной грамоты или манифеста со стороны новаго русскаго Императора, только что вступившаго на престолъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ этихъ коренныхъ, а тѣмъ болѣе основныхъ законовъ находились на первомъ мѣстѣ основные государственные законы,

---

согласно подлиннику, а заголовокъ, отсутствующій въ подлинникѣ, напечатанъ согласно Сборнику Постановленій Вел. Княжества Фин. за 1894 г.

опредѣлявшіе ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства. Одни изъ этихъ конституціонныхъ законовъ были выработаны во времена шведскаго владычества, но затѣмъ прямо или косвенно одобрены до нѣкоторой степени, хотя и безъ надлежащей опредѣленности, русскими Императорами, а другіе были установлены во времена русскаго владычества въ Финляндіи съ утвержденія русскихъ Императоровъ.

Нечего и говорить, что каждая изъ четырехъ вышеозначенныхъ подтвердительныхъ грамотъ или манифестовъ, пожалованныхъ Императорами: Николаемъ I, Александромъ II, Александромъ III и Николаемъ II, подтверждая конституцію въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи только косвенно, не опредѣляла и не могла опредѣлить содержанія этой конституціи съ ясностью и точностью.

Что касается до обѣщанія, даннаго каждымъ изъ этихъ четырехъ Императоровъ въ Его подтвердительной грамотѣ или манифестѣ, то оно сводилось къ обѣщанію сохранять религію, коренные или основные законы, права и преимущества, признанные за сословіями и населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи какъ предшествующимъ Императоромъ, такъ и наслѣдующимъ Ему, а, въ случаѣ надобности въ измѣненіяхъ, вносить перемѣны не иначе, какъ съ точнымъ соблюденіемъ конституціи Великаго Княжества Финляндіи.

Нужно замѣтить, однако, что существованіе неясностей въ этой конституціи исключало возможность точнаго исполненія этихъ обѣщаній. Въ этихъ случаяхъ дѣлались отступленія отъ конституціи. Кромѣ того, они дѣлались иногда и по другимъ причинамъ [1]).

---

1) Такъ, напр., Императоръ Николай I Высочайшимъ постановленіемъ 2-го (14-го) августа 1827 г., безъ согласія Сейма, предоставилъ право поступленія на финляндскую гражданскую и военную службу лицамъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія, имѣющимъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи права гражданства. Собр. пост. фин. Т. I. № 68. — Мехелинъ — Къ вопросу о финляндской автономіи.с. 82.

Императоръ Александръ II, напр., именнымъ указомъ 1-го (13-го) февраля 1864 г., безъ согласія Сейма, отдѣлилъ Сестрорѣцкій заводъ съ ближайшей землею отъ Выборгской губерніи Великаго Княжества Финляндскаго, присоединилъ къ С.-Петербургской губерніи и соотвѣтственно этому измѣнилъ границу между Финляндіей и Россіей (выше с. 177 прим. 2.).

Императоръ Александръ III, напр., Высочайшимъ манифестомъ 31-го мая (12-го іюня) 1890 г., безъ согласія Сейма, объединилъ почтовую часть Великаго Княжества Финляндіи съ почтовою частью Россіи и сосредоточилъ управленіе всѣмъ почтовымъ дѣломъ во всей Россійской Имперіи съ Финляндіей включительно въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. П. С. З. (с. з.). Т. X. 1. № 6872. Манифестъ мая 31 (іюня 12) 1890 г. объ объединеніи почтовой части Великаго Княжества

Указавъ вкратцѣ въ самыхъ общихъ чертахъ значеніе четырехъ вышеозначенныхъ подтвердительныхъ манифестовъ или грамотъ Императоровъ: Николая I, Александра II, Александра III и Николая II относительно конституціи въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи, отмѣтимъ теперь вкратцѣ въ самыхъ общихъ чертахъ, въ какомъ положеніи находилось право народнаго представитетьства въ этомъ краѣ на участіе въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю въ царствованіе этихъ Императоровъ.

Императоръ Александръ I своей жалованной грамотой 15-го (27-го) марта 1809 г. косвенно призналъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю, но не опредѣлилъ этого права настолько, насколько это необходимо для его осуществленія на дѣлѣ. Поставивъ же Боргскій Сеймъ, вопреки яснымъ и несомнѣннымъ правиламъ тогдашней шведской конституціи, на положеніе не законодательнаго, а только законосовѣщательнаго собранія, Императоръ Александръ I тѣмъ самымъ, пожалуй, даже нѣсколько затемнилъ это право. Въ теченіе своего послѣдующаго шестнадцатилѣтняго царствованія Онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ надлежащему опредѣленію права участія въ законодательной дѣятельности со стороны населенія Великаго Княжества Финляндіи и еще ни разу не созвалъ Финляндскаго Сейма. Такимъ образомъ, давъ конституцію финляндцамъ только въ принципѣ, Императоръ Александръ I и сохранилъ ее за ними только въ принципѣ (выше с. 182—190.).

Императоръ Николай I грамотой 12-го (24-го) декабря 1825 г. также косвенно призналъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю, но этой грамотой не опредѣлилъ этого права настолько, насколько это необходимо для его осуществленія въ дѣйствительности. Въ теченіе же своего тридцатилѣтняго царствованія Императоръ Николай I не принялъ никакихъ мѣръ къ надлежащему опредѣленію этого права и ни разу не созвалъ Финляндскаго Сейма[1]). Такимъ образомъ,

---

Финляндскаго съ таковою же Имперіи. — Указатель узаконеній, относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1808—1900. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства. 1901—1902. С.-Петербургъ. 1903. По распоряженію Предсѣдателя Коммисіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ. с. 121. — Мехелинъ — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 129—130.

1) Несозываніе Сейма не составляло, однако, нарушенія конституціи. См. выше с. 190 прим. 1.

и Императоръ Николай I призналъ конституцію за финляндцами только въ принципѣ и сохранилъ ее за ними только въ принципѣ.

Императоръ Александръ II грамотой 19-го февраля (3-го марта) 1855 г. также косвенно призналъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю, но этой грамотой не опредѣлилъ этого права настолько, насколько это необходимо для его осуществленія на дѣлѣ. За то черезъ нѣсколько лѣтъ Онъ принялъ мѣры къ опредѣленію и осуществленію этого права въ дѣйствительности. Въ 1863 г. въ Гельсингфорсѣ Онъ созвалъ Сеймъ представителей сословій Великаго Княжества Финляндіи[1]). Этотъ Сеймъ былъ созванъ по Высочайшему повелѣнію, данному Императоромъ Александромъ II 6-го (18-го) іюня 1863 г., и былъ открытъ лично самимъ Императоромъ въ Гельсингфорсѣ 6-го (18-го) сентября 1863 г. Этотъ Сеймъ былъ поставленъ Императоромъ на положеніе законодательнаго учрежденія. На этомъ Сеймѣ впервые во времена русскаго владычества населеніе Великаго Княжества Финляндіи дѣйствительно осуществило на дѣлѣ свое право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю. Съ этого времени Финляндія имѣла конституцію не только въ принципѣ, но и въ дѣйствительности.

Еще въ рѣчи, при открытіи Финляндскаго Сейма въ 1863 г., Императоръ Александръ II отмѣтилъ, что многія постановленія основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндіи оказываются несовмѣстимыми съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ со времени присоединенія этого Княжества къ Россійской Имперіи, а другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣленности. Выразивъ желаніе объ исправленіи этихъ недостатковъ, Императоръ сказалъ, что Онъ имѣетъ намѣреніе велѣть выработать проектъ такого закона, который содержалъ бы объясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, и затѣмъ пред-

---

1) Mechelin — Конституція Финляндіи [Précis] переведена К. Ординымъ. с. 28—32. — Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою. с. 162—169. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 606—613. — Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 11—12. Высочайшее Его Императорскаго Величества Повелѣніе о созваніи Земскихъ Чиновъ Финляндіи на Общій Сеймъ въ г. Гельсингфорсѣ 3 (15) Сентября 1863 года. Сборн. Пост. Вел. Княж. Фин. 6 18 Іюня 1863 г. № 22. — La constitution du Grand-Duché de Finlande. p. 34. — Мехелинъ — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 104—105.

ложить этотъ проектъ на разсмотрѣніе будущаго Сейма, а этотъ Сеймъ Онъ думаетъ созвать черезъ три года [1]).

Между тѣмъ во время Сейма 1863—1864 г. произошли нѣкоторыя пренія, подавшія поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества Финляндіи къ Россійской Имперіи.

Императоръ Александръ II обратилъ вниманіе на эти пренія и въ Высочайшей рѣчи, прочитанной отъ Его имени Генералъ-Губернаторомъ Финляндіи при закрытіи Сейма 3-го (15-го) апрѣля 1864 г., выразилъ сожалѣніе о возникновеніи этихъ преній и указалъ на неумѣстность стремленія со стороны нѣкоторыхъ финляндцевъ къ ослабленію тѣсной связи Финляндіи съ Россіей и несоотвѣтствіе этого стремленія съ истинными интересами благосостоянія Финляндіи [2]).

Эти пренія отмѣтили необходимость ясно и точно опредѣлить самимъ закономъ отношеніе Великаго Княжества Финляндіи къ Россійской Имперіи въ частности и устройство Великаго Княжества Финляндіи въ государственномъ отношеніи вообще. Они подчеркнули недостаточность выработки такого законопроекта, который содержалъ бы только объясненія и дополненія къ постановленіямъ разновременныхъ основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндіи, и выставили на видъ необходимость выработать проектъ такого закона, который былъ бы основнымъ закономъ Великаго Княжества Финляндіи и опредѣлялъ бы устройство этого края въ государственномъ отношеніи ясно, точно, исчерпывающимъ образомъ, соотвѣтственно дѣйствительному поло-

---

1) Mechelin — Конституція Финляндіи [Précis] переведена К. Ординымъ. с. 31. — Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи съ Рос. Державою. с. 165; 167. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 608. — La constitution du Grand-Duché de Finlande. p. 34. — Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 105.

2) По свидѣтельству Н. М. Коркунова (Финляндскій сеймъ. Юридическая Лѣтопись. 1891. № 1. с. 15—16.), въ этой Высочайшей рѣчи были высказаны отъ имени Императора Земскимъ Чинамъ Сейма въ этомъ отношеніи слѣдующія слова: „Благодарю васъ за неоднократно выраженныя вами отъ лица финскаго народа чувства вѣрности и преданности ко Мнѣ, но не могу не сожалѣть о томъ, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. — Россія открываетъ жителямъ Финляндіи обширное и безпрепятственное поприще торговли и промышленности, а благодушный русскій народъ не разъ, когда тяжелыя испытанія посѣщали вашъ край, доказывалъ свое братское“ (здѣсь, по всей вѣроятности, пропущено слово — участіе) „и дѣятельную помощь. Слѣдовательно, ясное пониманіе истинныхъ пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіей, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины“.

женію этого края въ составѣ русскаго государства. Эта идея ясно просвѣчиваетъ въ распоряженіи Императора Александра II въ 1864 г.

7-го (19-го) декабря 1864 года Императоръ Александръ II, по свидѣтельству г. Мехелина [Къ вопросу о финл. автономіи. с. 105.][1]), утвердилъ инструкцію Комитету, которому поручено составленіе проекта объясненій и дополненій къ основнымъ законамъ Великаго Княжества Финляндіи.

Эта инструкція предписала Комитету составить проекты двухъ законовъ: проектъ Уложенія для Великаго Княжества Финляндіи и проектъ Сеймового Устава.

Въ этой инструкціи, по свидѣтельству г. Мехелина (Къ вопросу о финл. автономіи. с. 105—106.), Императоръ высказалъ желаніе, „чтобы Форма Правленія отъ 21-го Августа 1772 г. и Актъ соединенія и безопасности отъ 21-го Февраля 1789 г., а также ниже сего указанныя Его Величествомъ узаконенія, были соединены въ одинъ актъ или основной законъ подъ названіемъ Уложеніе для Великаго Княжества Финляндскаго, . . . а также, чтобы при измѣненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться, былъ принятъ за правило основной принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1-омъ Акта безопасности“ [2]). „Вмѣстѣ съ симъ, про-

---

1) Эта инструкція напечатана во французскомъ переводѣ въ книгѣ: La constitution du Grand-Duché de Finlande (p. 142—145.) подъ заглавіемъ: Décision impériale concernant les règles à suivre par la commission chargée de l'élaboration des projets de lois fondamentales de 7/19 décembre 1864. Смыслъ французскаго перевода этой инструкціи въ большинствѣ случаевъ одинаковъ со смысломъ русскаго текста, приводимаго въ книгѣ г. Мехелина (къ вопросу о финл. автономіи с. 105—109.). Слѣдуетъ замѣтить, что приводимый г. Мехелиномъ русскій терминъ: „Уложеніе“ вездѣ переведенъ по французски терминомъ: „La Forme de Gouvernement“.

2) Этотъ 1-й параграфъ Акта соединенія и безопасности изложенъ въ оффиціальномъ русскомъ переводѣ надворнаго совѣтника фонъ Витта слѣдующимъ образомъ: „Пунктъ 1-ый. Признаемъ имѣть Короля наслѣдственнымъ, который совершенно властенъ управлять государствомъ, пещись о его безопасности и защищать оное, начинать войну, заключать миръ и союзы съ чужестранными владѣніями, раздавать милости, даровать жизнь, возвращать честь и имѣніе, по благоусмотрѣнію распоряжаться всѣми государственными должностями, которыя имѣютъ быть замѣщаемы только природными шведами, наблюдать законы, въ судахъ хранить порядокъ и во всѣхъ другихъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы признанные королемъ полезнѣйшими“. Этотъ переводъ напечатанъ мною по тексту, напечатанному Н. Д. Сергѣевскимъ (Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 84—85.).

Тотъ же 1-й параграфъ въ болѣе ясномъ переводѣ г. Шиловскаго (Акты. с. 51.) изложенъ слѣдующимъ образомъ: „Во 1-хъ. Мы признаемъ, что

должаетъ г. Мехелинъ (с. 106—108.), Его Императорское Величество изволилъ Высочайше предписать Комитету, для руководства при редакціи, слѣдующія правила и соображенія, а именно:

1) Великое Княжество Финляндское, составляя часть Россійскаго Государства, состоитъ съ нимъ въ неразрывномъ соединеніи.

2) Великое Княжество управляется согласно съ его формою правленія и законами.

3) Россійскій Императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Великій Князь Финляндіи, въ слѣдствіе чего, относительно порядка престолонаслѣдія, срока совершеннолѣтія Наслѣдника, управленія во время несовершеннолѣтія Императора или когда Онъ по другимъ причинамъ въ теченіе продолжительнаго времени не можетъ управлять государствомъ, а также относительно другихъ подобнаго рода вопросовъ для Финляндіи должно имѣть силу все что установлено или впредь будетъ установлено для Россіи.

4) Отношенія Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависятъ отъ отношеній Россійскаго Государства и съ ними одинаковы.

5) Высшее административное управленіе края поручается Сенату, состоящему изъ Предсѣдателя и потребнаго числа членовъ, въ каковыя должности Государь Императоръ назначаетъ финляндскихъ уроженцевъ.

6) Судебная власть Государя Императора возлагается на Верховный Судъ, составляемый изъ Предсѣдателя и необходимаго числа членовъ, которые безъ слѣдствія и суда или прошенія не могутъ быть ни увольняемы отъ должности, ни переводимы съ одного мѣста на другое и назначаются Государемъ Императоромъ изъ финляндскихъ уроженцевъ извѣстныхъ своими познаніями и опытностію въ судейскихъ дѣлахъ.

Кругъ дѣйствія Сената, Верховнаго Суда и подвѣдомственныхъ имъ присутственныхъ мѣстъ будетъ опредѣленъ особымъ Высочайшимъ Постановленіемъ.

9) Земскіе Чины имѣютъ право . . . собираться на ординарный Сеймъ.

имѣемъ наслѣдственнаго Короля, который владѣетъ полнѣйшей властью (full magt) управлять, блюсти за миромъ, освобождать и отстаивать Государство; начинать войну, заключать миръ и союзы съ иностранными Государствами; оказывать милость; даровать жизнь, возвращать честь и имѣніе; распоряжаться (förordna) по высокому благоусмотрѣнію Своему всѣми Должностями Государства, имѣющими быть замѣщаемы природными Шведами, и давать судъ и поддерживать Законъ и Право.

Всѣ другія до попеченія о Государствѣ касающіяся дѣла рѣшаются, какъ Король признаетъ полезнѣйшимъ".

10) Ни какой государственный заемъ впредь не долженъ быть заключаемъ безъ содѣйствія Земскихъ Чиновъ, если только это необходимо не потребуется въ слѣдствіе непріятельскаго нашествія или какого либо другаго непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія.

12) Право предложенія законовъ или постановленій, издревле принадлежавшее Земскимъ Чинамъ, возвращается имъ въ такомъ видѣ, какъ оно ближе означено въ § 42 Формы правленія 1772 года; однако Государь Императоръ сохраняетъ за Собою право иниціативы по всѣмъ вопросамъ касающимся основныхъ законовъ".

„За симъ, продолжаетъ г. Мехелинъ (с. 108.), Его Императорское Величество возлагаетъ на Комитетъ составленіе проекта полнаго Сеймоваго Устава".

„Въ заключеніе, говоритъ г. Мехелинъ (с. 109.), Его Императорское Величество Высочайше повелѣваетъ Комитету до исхода Іюня мѣсяца 1865 года представить Его Величеству проекты какъ Уложенія, такъ и Сеймоваго Устава".

Комитетъ выработалъ проекты двухъ законовъ: 1) проектъ свода основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, названный не Уложеніемъ для Великаго Княжества Финляндскаго, какъ полагалось въ инструкціи, а проектомъ Формы Правленія, и 2) проектъ Сеймового Устава. (Schybergson — Geschichte Finlands. S. 614. — Сергѣевскій — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 39—40. — Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 109—112.).

Императоръ Александръ II призналъ проектъ Формы Правленія неудовлетворительнымъ и не разрѣшилъ передачи его на обсужденіе Сейма (Сергѣевскій — Къ вопросу. с. 40. — Мехелинъ — Къ вопросу. с. 111—112.).

Проектъ же Сеймового Устава былъ подвергнутъ нѣкоторымъ измѣненіямъ (Мехелинъ — Къ вопросу. с. 113.) и затѣмъ предложенъ Императоромъ на обсужденіе Сейма въ 1867 г.

Сеймъ внесъ въ этотъ проектъ нѣкоторыя измѣненія и затѣмъ одобрилъ его[1]) въ томъ же 1867 г. (Schybergson — Geschichte Finlands. S. 614. — Мехелинъ — Къ вопросу. 113.).

3-го (15-го) апрѣля 1869 года Императоръ Александръ II утвердилъ Сеймовой Уставъ[2]). Высочайшее утвержденіе Сеймового Устава

1) Schybergson — Geschichte Finlands. S. 614.

2) Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 37. Высочайшій Его Императорскаго Величества Сеймовой Уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго. Сборн. Пост. Вел. Княж. Фин. 3 15 апрѣля 1869 г. № 11.

выразилось въ Собственноручной подписи Государя Императора Александра II подъ слѣдующей надписью, поставленной въ концѣ подлиннаго Сеймового Устава: „Сохраняя за Собою принадлежащее НАМЪ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21 Августа 1772 года и въ Актѣ Соединенія и Охраненія отъ 21-го Февраля и 3-го Апрѣля 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, МЫ Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ, какъ ненарушимый основной законъ. Для вящшаго же удостовѣренія подписали МЫ сіе Собственноручно. Въ С.-Петербургѣ 3/15 Апрѣля 1869 года“ [1]).

Сеймовой Уставъ 1869 г., какъ указано въ его послѣднемъ 83-мъ параграфѣ [2]) и Высочайшемъ утвержденіи, является основнымъ закономъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

Онъ опредѣляетъ устройство и дѣлопроизводство Финляндскаго Сейма.

Этотъ Сеймъ, состоя изъ представителей четырехъ сословій населенія Великаго Княжества Финляндскаго: 1) рыцарства и дворянства, 2) духовенства, 3) горожанъ и 4) крестьянъ, считается представителемъ финскаго народа (Сеймовой Уставъ § 1.).

Земскіе Чины Финляндіи собираются на очередной Сеймъ, по призыву Государя Императора, „по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ“, но могутъ быть созываемы на Сеймъ чрезвычайный, „коль скоро Государь Императоръ найдетъ сіе нужнымъ“ (Сеймовой Уставъ § 2.).

34-й, 71-й, 72-й, 73-й и 83-й параграфы Сеймового Устава 1869 г. и смыслъ утвердительной надписи, Собственноручно подписанной Государемъ Императоромъ Александромъ II, признаютъ за Финляндскимъ

— Сеймовой Уставъ съ позднѣйшими его измѣненіями. С.-Петербургъ 1900. По распоряженію Предсѣдателя Коммиссіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ.

1) Эта надпись приведена мною по тексту, напечатанному въ книгѣ г. Даніельсона (Соединеніе Финляндіи съ Рос. Державою. с. 169.). Та же надпись напечатана и въ книгѣ Н. Д. Сергѣевскаго (Къ вопросу о финл. автономіи. с. 28.), но только безъ словъ: „Для вящшаго же удостовѣренія подписали МЫ сіе Собственноручно. Въ С.-Петербургѣ 3/15 Апрѣля 1869 года“. Нельзя не пожалѣть, что эта надпись не приведена въ оффиціальномъ изданіи Сеймового Устава съ позднѣйшими его измѣненіями.

2) „Настоящій сеймовой уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ основнымъ закономъ для Монарха и Земскихъ Чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ“ (Сеймовой Уставъ съ позднѣйшими его измѣненіями. § 83.).

Сеймомъ право участія въ законодательной дѣятельности относительно этого края по вопросамъ различныхъ категорій[1]). Но какіе законодательные вопросы относительно Великаго Княжества Финляндіи подлежатъ законодательному рѣшенію не иначе, какъ посредствомъ законныхъ рѣшеній Финляндскаго Сейма, утвержденныхъ Государемъ Императоромъ, это — не опредѣлено Сеймовымъ Уставомъ съ надлежащей ясностью и точностью.

Изъ сопоставленія 71-го и 83-го параграфовъ Сеймового Устава съ утвердительной надписью, Собственноручно подписанной Государемъ Императоромъ Александромъ II, видно только то, что изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона относительно Великаго Княжества Финляндскаго, а въ томъ числѣ и Сеймового Устава должны производиться не иначе, какъ по предложенію Государя Императора, съ согласія всѣхъ четырехъ сословій Финляндскаго Сейма и съ утвержденія Государя Императора.

---

1) Всѣ эти статьи Сеймового Устава 1869 г. сохранились до сихъ поръ безъ всякихъ измѣненій. Я привожу ихъ по тексту, напечатанному въ оффиціальномъ изданіи подъ заглавіемъ: „Сеймовой Уставъ съ позднѣйшими его измѣненіями".

„§ 34. Комиссія законовъ имѣетъ давать заключенія по поступающимъ въ оную отъ сословій проектамъ изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны основныхъ законовъ, а также общихъ гражданскихъ, уголовныхъ, церковныхъ и морскихъ уложеній".

„§ 71. Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій; предложеніе же по таковому предмету разрѣшается на сеймѣ, на которомъ оно послѣдовало, или же, если по крайней мѣрѣ два сословія того потребуютъ, оставляется нерѣшеннымъ до слѣдующаго сейма, когда оно имѣетъ быть принято къ окончательному разсмотрѣнію.

Относительно вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ данныхъ сословіямъ привилегій, льготъ и преимуществъ, или о пожалованіи новыхъ привилегій, дѣйствуютъ узаконенія, установленныя о томъ въ формѣ правленія".

„§ 72. Рѣшеніемъ Земскихъ Чиновъ по всѣмъ вопросамъ считается согласное заключеніе сословій.

Если не всѣ сословія согласятся, относительно основаній для какой либо чрезвычайной подати, о способѣ примѣненія оныхъ, или о раскладкѣ таковой подати и т. д.

Если не послѣдуетъ единогласнаго рѣшенія всѣхъ сословій по какой либо ассигновкѣ на особыя потребности и если попытка о соглашеніи оказалась безуспѣшной"...

„§ 73. Всѣ дѣла за исключеніемъ помянутыхъ въ §§ 71 и 72, рѣшаются по заключенію трехъ сословій. Если два сословія постановили одно рѣшеніе, а два прочіе другое, то вопросъ считается на томъ сеймѣ не рѣшеннымъ и остается при прежде установленномъ, кромѣ случаевъ, ближе опредѣленныхъ въ § 74-мъ".

§ 83-й приведенъ выше въ прим. 2 на с. 200.

Здѣсь, однако, опять встрѣчается затрудненіе, какой законъ слѣдуетъ считать основнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что законъ, признанный основнымъ со стороны самого законодателя, какъ напр., Сеймовой Уставъ (§ 83), долженъ признаваться основнымъ. Но какіе изъ законовъ, прямо и поименно не объявленныхъ основными со стороны самого законодателя, тѣмъ не менѣе должны считаться основными, это — вопросъ, рѣшеніе котораго является легкимъ въ однихъ случаяхъ, труднымъ въ другихъ и невозможнымъ въ третьихъ. Понятіе основного закона вовсе не отличается такой опредѣленностью, ясностью и точностью, какъ „Отче нашъ".

Однако, и здѣсь не кончаются затрудненія. Несомнѣнно, слѣдуетъ признать, что нѣкоторые старые основные законы Шведскаго Королевства, какъ Фома Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. должны считаться, хотя и не цѣликомъ, но только въ нѣкоторыхъ изъ ихъ постановленій основными законами для Финляндіи и по присоединеніи ея къ Россійской Имперіи. Но при рѣшеніи вопросовъ о томъ, какія изъ постановленій этихъ законовъ должны считаться сохранившими для Финляндіи значеніе основныхъ законовъ и во времена русскаго владычества, даже при утвердительной надписи Сеймового Устава 1869 г., въ свою очередь, возникаютъ нерѣдко большія затрудненія).

Что же касается неосновныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, то Сеймовой Уставъ совершенно не опредѣляетъ, какіе изъ законодательныхъ вопросовъ этихъ категорій должны подлежать законодательному рѣшенію не иначе, какъ посредствомъ законныхъ рѣшеній Финляндскаго Сейма, утвержденныхъ Государемъ Императоромъ. Опредѣленіе этихъ вопросовъ требуетъ тщательнаго изученія старыхъ шведскихъ законовъ, а именно — Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г., указанныхъ въ утвердительной надписи Сеймового Устава, и при томъ требуетъ изученія ихъ въ связи съ постановленіями Сеймового Устава 1869 г. и дѣйствительнымъ пребываніемъ Финляндіи въ составѣ не шведскаго, а русскаго государства.

Сопоставляя эти два шведскихъ закона другъ съ другомъ, безъ отношенія къ Сеймовому Уставу 1869 г. и присоединенію Финляндіи къ Россійской Имперіи, г. Шиловскій (Акты. 23.) приходитъ къ заключенію, что „Король не можетъ издать безъ согласія Сейма новыхъ

1) Шиловскій — Акты. с. 3—4; 5; 16—55.

общаго характера, объемлющихъ все населеніе законовъ — lag[1]) и повысить налоги безъ согласія Сейма или вообще націи".

Если этотъ выводъ въ общихъ чертахъ правиленъ (а сомнѣваться въ этомъ нѣтъ основаній); то изъ сопоставленія его съ 34-мъ и 72-мъ параграфомъ Сеймового Устава и указаніемъ утвердительной надписи, нельзя не вывести заключенія, что изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна общихъ гражданскихъ, уголовныхъ, церковныхъ и морскихъ уложеній въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ должны производиться не иначе, какъ посредствомъ законныхъ рѣшеній Финляндскаго Сейма, утвержденныхъ Государемъ Императоромъ, а повышеніе прежнихъ налоговъ и установленіе новыхъ — не иначе, какъ тѣмъ же самымъ образомъ или же съ согласія Государя Императора и финскаго народа[2]).

Наконецъ изъ сопоставленія 71-го параграфа Сеймового Устава съ 52-мъ параграфомъ Формы Правленія 1772 г. (Шиловскій — Акты. с. 42.) видно, что ни одно сословіе Великаго Княжества Финляндіи не можетъ получить ни одной новой привиллегіи иначе, какъ по законному рѣшенію Финляндскаго Сейма, постановленному съ согласія всѣхъ четырехъ сословій и утвержденному Государемъ Императоромъ.

Говоря о царствованіи Императора Александра II, необходимо отмѣтить изданіе еще двухъ законовъ, имѣющихъ важное значеніе для Финляндіи.

6-го (18-го) декабря 1878 г. былъ Высочайше утвержденъ Императоромъ Александромъ II Уставъ о Воинской Повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, принятый Земскими Чинами Финляндіи на Сеймѣ 1877—1878 г.[3]). Высочайшимъ манифестомъ того же 6-го (18-го) декабря 1878 г. было объявлено, что нѣкоторые

1) Значеніе слова lag объяснено у г. Шиловскаго — Акты. с. 40 прим. 2. — См. также объясненія Э. Н. Берендтса — Источники финляндскаго права. Ж. М. Ю. 1901. № 10. с. 136—138.

2) Шиловскій — Акты. с. 52. Актъ Соглашенія и Безопасности. ст. 5.

3) Schybergson — Geschichte Finlands. S. 620. — Воинская повинность въ Финляндіи. (Правительственное сообщеніе). Правительственный Вѣстникъ. 1898 г. № 217. — Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 86. Уставъ о Воинской Повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, принятый Земскими Чинами Финляндіи на Сеймѣ 1877—1878 г. и Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше утвержденный 6 18 Декабря 1878 года. Сборн. Пост. Вел. Княж. Фин. 27 декабря (въ указателѣ напечатано по ошибкѣ: „НОЯБР".) 1878 г. № 25. — Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 7; 97. — Уставъ о Воинской Повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ вступилъ въ дѣйствіе 1-го января 1881 г.

параграфы этого устава (§§ 1—6; 9; 13; 19—20; 120—123.) должно считать основными законами [1]).

Уставъ о Воинской Повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ 1878 г. сильно отличался отъ устава о воинской повинности въ Россійской Имперіи 1-го января 1874 г. и отличался тѣмъ, что нарушалъ принципъ равенства воинской повинности относительно населенія и принципъ единства арміи русскаго государства. Такъ, воинская повинность, установленная финляндскимъ уставомъ 1878 г. для населенія Финляндіи, была гораздо легче воинской повинности, установленной общимъ русскимъ уставомъ 1874 г. для населенія Россійской Имперіи вообще. Напр., общій срокъ дѣйствительной службы для новобранцевъ, поступающихъ по жребію въ сухопутныя войска, назначался: по финляндскому уставу 1878 г. — въ три года, а по общему русскому уставу 1874 г. — въ шесть лѣтъ. Кромѣ того, финляндскій уставъ о воинской повинности 1878 г. создавалъ изъ финляндцевъ отдѣльную армію въ Финляндіи, имѣющую очень мало общаго съ русской арміей. Если Военный Министръ того времени Д. А. Милютинъ и не высказался рѣшительно противъ узаконенія такого устава о воинской повинности въ Финляндіи; то только потому, что не хотѣлъ задерживать введенія воинской повинности въ Финляндіи и разсчитывалъ лишь на временное существованіе такого устава. Основаніемъ этого разсчета служило ходатайство Земскихъ Чиновъ Финляндскаго Сейма о томъ, чтобы по прошествіи десяти лѣтъ или ранѣе были внесены въ этотъ уставъ тѣ исправленія, которыя будутъ признаны необходимыми по указанію опыта (Воинская повинность въ Финляндіи. Правит. Вѣстникъ. 1898. № 217.).

Наконецъ, въ царствованіе Императора Александра II былъ изданъ еще одинъ законъ, коснувшійся основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндіи. Это — манифестъ 8 20 марта 1879 г. [1]). Этимъ

---

1) Воинская повинность въ Финляндіи. Правит. Вѣстникъ. 1898. № 217. — La constitution du Grand-Duché de Finlande. p. 147—151. — Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 86. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ о томъ, что разные параграфы утвержденнаго для Великаго Княжества Финляндскаго Устава о Воинской повинности должно считать основными законами. Сборн. Пост. Вел. Княж. Фин. 27 декабря (въ указателѣ напечатано по ошибкѣ „НОЯБР“.) 1878 г. № 25. — Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 8; 97.

1) Schybergson — Geschichte Finlands. S. 622. — Сеймовой Уставъ съ позднѣйшими его измѣненіями. § 12. — Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 89. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ объ измѣненіи содержанія § 12 Высочайшаго Сеймоваго Устава

манифестомъ объявлено Высочайшее утвержденіе рѣшенія Земскихъ Чиновъ Финляндскаго Сейма 1877—1878 г. объ измѣненіи правилъ Сеймового Устава относительно выбора депутатовъ Сейма отъ горожанъ.

Вступивъ на престолъ 1-го марта 1881 г., Государь Императоръ Александръ III 2-го (14-го) марта 1881 г. издалъ манифестъ населенію Великаго Княжества Финляндіи (выше с. 191 прим. 3.). Этимъ манифестомъ Императоръ Акександръ III косвенно призналъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю. Въ теченіе царствованія Императора Александра III Земскіе Чины Великаго Княжества Финляндскаго созывались на Сеймы Высочайшими повелѣніями каждые три года (Schybergson — Geschichte Finlands. S. 627.).

Высочайшимъ манифестомъ 13-го (25-го) іюня 1886 года Императоръ Александръ III, согласно законопроекту, принятому Финляндскимъ Сеймомъ въ 1885 г., даровалъ Финляндскому Сейму право моціи т. е. право законодательнаго почина и представленія окончательныхъ законопроектовъ на утвержденіе Императора по законодательнымъ вопросамъ объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ такихъ общихъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ Земскими Чинами. Не могутъ быть, однако, возбуждаемы предложенія Земскими Чинами Сейма объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ, или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, а также законовъ о печати; относительно же церковнаго законодательства слѣдуетъ руководствоваться особо установленными для того правилами [1]).

для Великаго Княжества Финляндскаго, отъ 15 (3) Апрѣля 1869 года. Сборн. Пост. Вел. Княж. Фин. 8/20 марта 1879 г. № 12. — Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 97.

1) Schybergson — Geschichte Finlands. S. 627. — Сеймовой Уставъ съ позднѣйшими его измѣненіями. §§ 51 и 52. — Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 143. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ объ измѣненіи редакціи §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава Великаго Княжества Финляндскаго, отъ 15 (3) Апрѣля 1869 г., заключающій въ себѣ дополненіе касательно представленія Земскимъ Чинамъ края права предложенія. Сборн. Пост. Вел. Княж. Финл. 13 25 іюня 1886 г. № 22. — Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 97.

Сеймовой Уставъ съ поздн. его измѣненіями. „§ 51 (въ ред. 1886 Іюн. 13/25. Сб. П. В. К. Ф., № 22). Земскіе Чины, сверхъ предоставленнаго имъ передъ симъ права петиціи, впредь имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ Земскими Чинами. Не могутъ

Въ царствованіе Императора Александра III было издано „Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго“ [1]). Это уложеніе въ его первоначальномъ, не исправленномъ видѣ, Высочайше утвержденномъ 19 декабря 1889 г. (Угол. уложеніе В. К. Финляндскаго. с. 1. Высочайшій манифестъ 2/14 апрѣля 1894 г.), ярко подчеркнуло своими постановленіями необходимость принятія мѣръ къ обезпеченію существенныхъ интересовъ русскаго государства въ тѣхъ случаяхъ, когда трудами финляндскихъ комиссій и комитетовъ, Финляндскаго Сената и Финляндскаго Сейма составляются для Великаго Княжества Финляндскаго проекты такихъ законовъ, которые имѣютъ значеніе не

быть однако возбуждаемы предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ, или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, а также законовъ о печати; относительно же церковнаго законодательства слѣдуетъ руководствоваться правилами, особо для сего установленными.

Если Земскіе Чины, по поводу возбужденнаго предложенія рѣшатъ принять новый, а также измѣнить или отмѣнить прежній законъ, то должны представить о семъ проектъ Государю Императору и Великому Князю. Въ случаѣ одобренія проекта Земскихъ Чиновъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, имѣетъ быть издано постановленіе, дословно согласное съ этимъ проектомъ. Если же проектъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ не можетъ быть одобренъ въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій, о чемъ, по повелѣнію Государя Императора и Великаго Князя, Земскимъ Чинамъ сообщается не позже ближайшаго сейма.

При возбужденіи въ сеймовыхъ сословіяхъ вопросовъ объ общихъ законахъ не въ видѣ предложенія или вопросовъ объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ законоположеній и постановленій по предметамъ, относительно которыхъ Земскіе Чины не имѣютъ права предложенія, донесенія сейма или сословій по симъ дѣламъ представляются Государю Императору и Великому Князю лишь въ видѣ петицій, которыя Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ принимаются въ уваженіе по мѣрѣ признанія имъ оныхъ полезными для края“ . . .

1) Общее Уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Новое изданіе, на основаніи оффиціальныхъ шведско-финляндскихъ источниковъ, Кронида Малышева члена Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, старшаго чиновника Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ. Санктпетербургъ. 1891. — Таганцевъ — Высочайшій манифестъ 1/13 декабря 1890 г. и фин. уг. уложеніе. Юрид. Лѣтопись. 1801. № 2. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 628—629. — Объ изданіяхъ узаконеній В. К. Финляндскаго. С.-Петербургъ. 1900. По распоряженію Предсѣдателя Коммисіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ. — Уголовное уложеніе В. К. Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія. С.-Петербургъ 1900. По распоряженію Предсѣдателя Коммисіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ. — Берендтсъ — Объ источникахъ финляндскаго права. Ж. М. Ю. 1901. № 10. с. 128—133. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 246—252. — Шиловскій — Акты. с. 77—91. Sveriges Rikes Allmänna Lag. Всеобщее Уложеніе Швеціи.

для одного этого края, но затрогиваютъ и интересы всего русскаго государства.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка получило силу закона въ Шведскомъ Королевствѣ такъ называемое „Общее Уложеніе Шведскаго Королевства“ (Sveriges Rikes Allmänna Lag). Это Общее Уложеніе было принято Шведскимъ Риксдагомъ т. е. Сеймомъ въ 1734 г. и было утверждено Шведскимъ Королемъ Фридрихомъ I 23-го января 1736 г. (Малышевъ — Общее Уложеніе с. XV. — Шиловскій — Акты. с. 77—78.). Оно представляло собою сводъ законовъ гражданскихъ, торговыхъ, административныхъ, уголовныхъ, гражданско-судебныхъ и уголовно-судебныхъ и распространяло свое дѣйствіе на всѣ предѣлы Шведскаго Королевства, а въ томъ числѣ и на шведскую Финляндію.

Въ 1807 г. оно было напечатано еще разъ въ Стокгольмѣ, по повелѣнію Шведскаго Короля, вмѣстѣ съ сборникомъ дополнительныхъ узаконеній на шведскомъ и нѣмецкомъ языкѣ (Малышевъ — Общее Уложеніе. с. XV. — Шиловскій — Акты. с. 77.). Въ этомъ второмъ изданіи оно и дѣйствовало въ шведской Финляндіи въ 1808—1809 г. во время завоеванія ея Россіею.

Общее Уложеніе Шведскаго Королевства раздѣляется на девять отдѣловъ. Таковы отдѣлы: о бракѣ (I), о наслѣдствѣ (II), о недвижимостяхъ (III), о строеніи (IV) [1]), о торговлѣ (V), о преступленіяхъ (VI), о наказаніяхъ (VII), о взысканіяхъ (VIII) и о судопроизводствѣ (IX).

Отдѣлъ о преступленіяхъ (VI) и отдѣлъ о наказаніяхъ (VII) содержали въ себѣ уголовное законодательство.

Завоевавъ и присоединивъ къ Россійской Имперіи отъ Швеціи шведскую Финляндію въ 1808—1809 году, Императоръ Александръ I образовалъ изъ этой Финляндіи особую составную часть Россійской Имперіи подъ именемъ Великаго Княжества Финляндіи. Императоръ сохранилъ въ этомъ краѣ силу закона за „коренными законами“, дѣйствовавшими въ этомъ краѣ до русскаго завоеванія, насколько они не противорѣчили ни новымъ узаконеніямъ Императора Александра I, ни положенію новоприсоединеннаго края, какъ составной части русскаго государства (Всемилостивѣйшій манифестъ Императора Александра I 15 марта 1809 г. Собраніе постановленій финляндскихъ. Т. I. № 2. — См. выше с. 162—163.).

---

1) Въ отдѣлѣ о строеніи содержатся постановленія административнаго права относительно сельскаго хозяйства, лѣсного управленія, врачебной и строительной части и т. д.

Въ числѣ коренныхъ законовъ было оставлено въ дѣйствіи въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи и Общее Уложеніе Шведскаго Королевства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и шведское уголовное законодательство содержавшееся въ VI-мъ и VII-мъ отдѣлѣ этого Уложенія, а именно — въ отдѣлѣ о преступленіяхъ и отдѣлѣ о наказаніяхъ.

По введеніи Выборгской или Финляндской губерніи въ составъ Великаго Княжества Финляндіи Императоромъ Александромъ I 11-го декабря 1811 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. XXXI. № 24907. — Собр. пост. фин. Т. I. № 6.], было объявлено манифестомъ Императора Александра I 31-го декабря 1811 г., что „Гражданское и Уголовное Уложеніе, дѣйствующее въ Финляндіи, съ Генваря 1812 года имѣетъ воспріять силу его и дѣйствіе и въ Выборгской Губерніи“ [П. С. З. (с. 1.). Т. XXXI. № 24934. — Собр. пост. фин. Т. I. № 7.].

Въ 1824 г. Общее Уложеніе Шведскаго Королевства было издано по Высочайшему повелѣнію въ С.-Петербургѣ на шведскомъ и русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 года и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденное для Великаго Княжества Финляндіи“ (Объ изданіяхъ узаконеній В. К. Финляндскаго. с. 4.). Это уложеніе содержитъ тѣ же девять отдѣловъ и въ числѣ ихъ отдѣлъ о преступленіяхъ (VI) и отдѣлъ о наказаніяхъ (VII).

Въ 1827 г. съ Высочайшаго соизволенія, было издано на шведскомъ и русскомъ языкѣ „Прибавленіе къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на Россійскій языкъ Уложенію, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“ (Объ изданіяхъ узаконеній В. К. Финляндскаго. с. 4.). Въ этомъ „Прибавленіи“ напечатаны тѣ узаконенія, которыя вышли во времена шведскаго и русскаго владычества по 1823 годъ включительно въ отмѣну, измѣненіе и дополненіе нѣкоторыхъ статей Уложенія и сохранили свое дѣйствіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи въ 1827 г.

„Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 года и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденное для Великаго Княжества Финляндіи“ сохранило свое дѣйствіе въ этомъ краѣ во всѣхъ своихъ девяти отдѣлахъ до первыхъ чиселъ апрѣля мѣсяца 1894 г.

2-го (14-го) апрѣля 1894 года отдѣлъ о преступленіяхъ (VI) и отдѣлъ о наказаніяхъ (VII) отмѣнены Уголовнымъ Уложеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго [Уголовное Уложеніе В. К. Финляндскаго. Манифестъ Императора Александра III 2-го (14-го) апрѣля 1894 г. (Сб. П. В. К. Ф. № 17.)].

3-го (15-го) декабря 1895 г. отдѣлъ о взысканіяхъ (VIII) отмѣненъ Уставомъ о Взысканіяхъ Гражданскихъ для Великаго Княжества

Финляндскаго [Указатель хрон. къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 237. (Сб. П. В. К. Ф. № 37.)].

Такимъ образомъ, съ 1895 г. „Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 года и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденное для Великаго Княжества Финляндіи“ сохраняетъ свою силу въ этомъ краѣ только въ шести изъ своихъ отдѣловъ (I—V и IX).

Дальнѣйшихъ оффиціальныхъ изданій этого уложенія послѣ 1824 г. не было и нѣтъ до сихъ поръ [1]).

Что касается до узаконеній, издаваемыхъ съ 1824 г. въ отмѣну, измѣненіе и дополненіе различныхъ статей этого уложенія, то эти узаконенія печатались въ различныхъ оффиціальныхъ сборникахъ. По Высочайшему же повелѣнію 28 ноября 1859 г. [2]), съ 1860 г. оффиціально издается „Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго“. Онъ печатается въ типографіи Финляндскаго Сената на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ (Объ изданіяхъ узаконеній В. К. Финляндскаго. с. 9.).

Запасшись этими общими свѣдѣніями, обратимся теперь къ Уголовному Уложенію Великаго Княжества Финляндскаго [3]).

Въ 1863 году Государь Императоръ Александръ II поручилъ

---

1) Потребность шведскаго и финскаго населенія Финляндіи въ изданіяхъ Уложенія съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями удовлетворяется частными изданіями этихъ памятниковъ, на шведскомъ и финскомъ языкѣ. Потребность же русскихъ людей въ этомъ отношеніи удовлетворена изданіемъ К. И. Малышева подъ заглавіемъ — „Общее Уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи“. Санктпетербургъ. 1891. „Шведскій текстъ Уложенія, приведенный въ настоящей книгѣ, говоритъ К. И. Малышевъ (Общее Уложеніе. с. XVIII.) взятъ изъ шведско-русскаго изданія 1824 года, причемъ были приняты въ соображеніе также же оффиціальное шведско-нѣмецкое изданіе 1807 года и частныя Стокгольмскія изданія Гг. Шлютера 1879 г. и Скарина 1890 г.“. — Содержаніе уложенія, дѣйствующаго въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи, передано вкратцѣ и г. Шиловскимъ (Акты. с. 77—91.).

2) Объ изданіяхъ узаконеній В. К. Финляндскаго. с. 8. — Указатель хронологическій къ постановленіямъ В. К. Финляндскаго. 1808—1859. I. Författningssamling och Samling af Placater. С.-Петербургъ. 1900. с. 216. Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе о печатаніи Сборника издаваемыхъ въ Финляндіи Постановленій. Samling af Placater. Томъ XVII. стр. 720. 28 ноября 1859. — Собраніе постановленій финляндскихъ. Т. III. № 709. Здѣсь напечатано по ошибкѣ 26 ноября вмѣсто 28 ноября 1859 г.

3) Уголовное уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго. Юрид. Лѣтопись. 1890. № 7. Хроника законодательная. II. с. 39—56. — Таганцевъ — Высочайшій манифестъ 1/13 декабря 1890 г. и фин. уг. уложеніе. Юрид. Лѣтопись. 1891. г. № 2. с. 98—99. — Schybergson — Geschichte Finlands S. 628—629. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 248—252.

Финляндскому Сейму выработать тѣ основныя начала или принципы, которые должны быть положены въ основаніе проекта уголовнаго уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго. Это порученіе было исполнено Сеймомъ въ 1864 г.

Въ томъ же 1864 г. была образована особая финляндская Комиссія съ участіемъ профессора Эрштрёма. Ей было поручено составить проектъ уголовнаго уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго. Она окончила свою работу въ 1875 г.

По опубликованіи проекта, составленнаго этой Комиссіей, была образована новая финляндская Комиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Пальмена, съ участіемъ профессора Форсмана. Эта Комиссія переработала переданный ей проектъ уголовнаго уложенія прежней Комиссіи и на основаніи этой переработки составила въ 1884 г. свой проектъ уголовнаго уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго.

Этотъ новый проектъ уголовнаго уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго былъ предложенъ на разсмотрѣніе Финляндскаго Сейма въ 1885 г., но Сеймъ не успѣлъ окончить этой работы.

Въ 1888 г. этотъ проектъ уголовнаго уложенія снова былъ предложенъ на разсмотрѣніе Сейма вмѣстѣ съ проектомъ дополнительныхъ узаконеній и затѣмъ, по разсмотрѣніи и исправленіи со стороны Сейма, всѣ эти проекты были одобрены Сеймомъ въ томъ же 1888 г.

7-го (19-го) декабря 1889 года Государь Императоръ Александръ II, по всеподданнѣйшему докладу Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, генерала І. Эрнрота, утвердилъ какъ одобренный Сеймомъ проектъ уголовнаго уложенія для Великаго Княжества Финляндскаго, такъ и одобренные Сеймомъ проекты дополнительныхъ узаконеній. Такимъ образомъ, 19 декабря 1889 г. было утверждено Государемъ Императоромъ Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго съ дополнительными узаконеніями [1]).

---

1) Уг. Уложеніе В. К. Финляндскаго и отн. къ нему узаконенія. стр. 1; 92; 106 и 118. — Указатель хрон. къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 174: а) Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго [Сб. П. В. К. Ф. 19 дек. 1889 г. № 39], б) Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе объ исполненіи наказаній [Сб. П. В. К. Ф. 19 дек. 1889 г. № 39.], в) Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе о введеніи новаго общаго Уголовнаго Уложенія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и о томъ, что относительно сего должно быть соблюдаемо (Сб. П. В. К. Ф. 19 дек. 1889 г. № 39.], и г) Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе объ оставленіи въ дѣйствующей силѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній, въ чемъ заключающіяся въ нихъ узаконенія не измѣнены или не отмѣнены новымъ уголовнымъ законодательствомъ [Сб. П. В. К. Ф. 19 дек. 1889 г. № 39.].

Того же 7-го (19-го) декабря 1889 г. послѣдовало Высочайшее постановленіе о введеніи новаго Уголовнаго Уложенія въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи [Указатель хрон. къ сборнику пост. В. К. Финляндскаго. с. 174. Высоч. Постановленіе. Сб. П. В. К. Ф. 19 декабря 1889 г. № 39.]. Вступленіе этого уголовнаго уложенія въ дѣйствіе назначено на 20-е декабря 1890 г. по старому стилю или на 1-е января 1891 г. по новому стилю.

Между тѣмъ нашъ извѣстный знатокъ уголовнаго права, Н. С. Таганцевъ, получивъ въ іюнѣ 1890 г. экземпляръ Высочайше утвержденнаго уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго въ русскомъ переводѣ, занялся изученіемъ этого закона. Тщательное изученіе привело Н. С. Таганцева къ заключенію, что „независимо отъ безграмотнаго и мѣстами совершенно неточнаго русскаго текста“ „многія статьи его общей части и нѣкоторыя особенной (объ измѣнѣ, о поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ), касающіяся отношеній Княжества къ Имперіи, проводятъ взгляды, совершенно не соотвѣтствующіе положенію Финляндіи въ общемъ строѣ государства“ (Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 250.).

И дѣйствительно нельзя не согласиться, что оффиціальный русскій переводъ уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г. былъ сдѣланъ на плохомъ русскомъ языкѣ, съ неясностями и неточностями. Напр., въ 1-мъ параграфѣ 3-й главы этого уложенія въ русскомъ переводѣ напечатано: „Судъ можетъ по разсмотрѣніи постановить . . . . о подверженіи, доказательно, домашнему тѣлесному наказанію“ [1]). Или, напр., въ 9-мъ параграфѣ той же 3-й главы сказано: „Если же была въ наличіи такая удручающая бѣда или опасность, что виновный не могъ размышлять, то онъ къ наказанію не присуждается“ [2]).

Кромѣ того, въ русскомъ переводѣ этого уложенія были неточности и безъ ошибокъ въ слогѣ русскаго языка. Напр., въ 1-мъ параграфѣ 1-й главы этого уложенія шведскія слова: „utom landet“ т. е. „внѣ земли“, „внѣ края“ [3]), были переведены одинъ разъ сло-

1) Уг. уложеніе В. Княжества Финляндскаго. Юрид. Лѣтопись. 1890. № 7. с. 46 прим. 1. — Сравните Таганцева — Выс. манифестъ 1/13 дек. 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 127.

2) Уг. уложеніе В. Княжества Финляндскаго. Юрид. Лѣтопись. 1890. № 7. с. 47 прим. 1. — Ср. Таганцева — Выс. манифестъ 1 13 дек. 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 127.

3) Таганцевъ — Выс. манифест. 1/13 дек. 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 112—113; 118—119.

вами: „внѣ края“, а другой разъ словами: „за границею“. Этотъ 1-й параграфъ, по свидѣтельству Н. С. Таганцева (Выс. манифестъ 1 13 дек. 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 119.), въ русскомъ переводѣ говоритъ: „По финляндскому закону финляндскій гражданинъ судится за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи или же за границею на финляндскомъ суднѣ, или противъ Финляндіи, или противъ финляндскаго же гражданина, равно какъ и за другое внѣ края совершенное преступленіе, если воспослѣдуетъ повелѣніе Государя Императора и Великаго Князя о судебномъ преслѣдованіи виновнаго въ Финляндіи“.

Наконецъ, нельзя не сказать, что даже и точный смыслъ нѣкоторыхъ изъ статей уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г. сильно нарушалъ существенные интересы русскаго государства и совершенно не соотвѣтствовалъ дѣйствительному отношенію Великаго Княжества Финляндскаго къ русскому государству. Однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ служитъ только что приведенная 1-я статья 1-й главы этого уложенія, страдающая въ русскомъ переводѣ вышеозначенной неточностью (т. е. замѣною точнаго выраженія: „внѣ края“ неточнымъ выраженіемъ: „за границею“ въ одномъ изъ двухъ мѣстъ этой статьи.).

Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи этой статьи, даже съ надлежащею замѣною неточнаго выраженія: „за границею“ точнымъ выраженіемъ: „внѣ края“ въ русскомъ переводѣ, слѣдуетъ заключить, что если финляндскій гражданинъ приплыветъ на своемъ суднѣ изъ Финляндіи въ Петербургъ съ дровами и, поссорившись съ русской покупательницей, убьетъ ее на этомъ суднѣ; то онъ подлежитъ уголовному суду и наказанію не въ Петербургѣ по уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, а въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ по уголовному уложенію этого Княжества, да и то только въ томъ случаѣ, когда послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе Государя Императора объ отправленіи правосудія надъ этимъ финляндскимъ гражданиномъ въ Финляндіи [1]).

Обладая содержаніемъ, логически ведущимъ къ такому заключенію, 1-я статья 1-й главы уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г. явно и сильно нарушала существенные интересы

---

1) Уг. уложеніе В. Княжества Финляндскаго. Юрид. Лѣтопись. 1890. № 7 с. 41—42. — Таганцевъ — Выс. манифестъ 1 13 декабря 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 112—119.

охраны правового порядка въ русскомъ государствѣ противъ уголовныхъ правонарушеній.

Но этого мало, одинаково противоставляя Великое Княжество Финляндское всѣмъ прочимъ частямъ русскаго государства и всѣмъ иностраннымъ государствамъ, эта статья ставила русское государство относительно Великаго Княжества Финляндскаго въ положеніе иностраннаго государства, что вполнѣ не соотвѣтствовало дѣйствительному отношенію этого Княжества къ русскому государству [1]).

Введеніе уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго въ дѣйствіе, при такихъ недостаткахъ, несомнѣнно и сильно противорѣчило существеннымъ интересамъ русскаго государства.

Отмѣтивъ недостатки уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г. и необходимость ихъ исправленія въ особой печатной запискѣ, Н. С. Таганцевъ подалъ эту записку Предсѣдателю Редакціонной Комиссіи по составленію проекта русскаго уголовнаго уложенія, Главноуправляющему Кодификаціоннымъ Отдѣломъ Государственнаго Совѣта Э. В. Фришу.

Э. В. Фришъ передалъ ее съ своимъ заключеніемъ 2-го августа 1890 года Министру Юстиціи Н. А. Манасеину.

Министръ Юстиціи, по разсмотрѣніи этого вопроса, вмѣстѣ съ Э. В. Фришемъ, представилъ всеподданнѣйшій докладъ о необходимости подвергнуть новое уголовное уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго пересмотру въ видахъ согласованія этого уложеніи съ интересами Россійской Имперіи. Государь Императоръ выразилъ согласіе и 17 октября 1890 г. повелѣлъ образовать Особое Совѣщаніе въ составѣ Министра Юстиціи Н. А. Манасеина, Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ Э. В. Фриша, Генералъ-Губернатора Финляндіи графа Ѳ. Л. Гейдена и Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго І. Эрнрота для предварительнаго разсмотрѣнія уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г. и выработки мѣръ, необходимыхъ въ видахъ согласованія этого уложенія съ интересами Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ, по Высочайшему повелѣнію 31 октября 1890 г., была образована особая подготовительная Комиссія подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева для предварительнаго изслѣдованія, какія изъ постановленій этого уложенія требуютъ дополненія или измѣненія по существу, и какого

1) Уг. уложеніе В. Княжества Финляндскаго. Юрид. Лѣтопись. 1890. № 7. с. 42. — Таганцевъ — Выс. манифестъ 1 13 дек. 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 113—114. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. І. с. 249.

именно, и какія нуждаются лишь въ передѣлкахъ формы изложенія и въ какихъ именно.

14 ноября 1890 г. Комиссія представила Особому Совѣщанію свой подробный докладъ о необходимыхъ исправленіяхъ уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г.

Особое Совѣщаніе, разсмотрѣвъ этотъ докладъ, согласилось съ нимъ по существу. (Таганцевъ — Выс. манифестъ 1/13 дек. 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 101—102. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 250—251.).

Важнѣйшіе недостатки финляндскаго уголовнаго уложенія 1889 г. сводились къ несоотвѣтствію нѣкоторыхъ изъ его постановленій существеннымъ интересамъ русскаго государства.

Это несоотвѣтствіе проявлялось главнымъ образомъ въ трехъ отношеніяхъ.

Такъ, нѣкоторыя изъ постановленій этого уложенія были не удовлетворительны потому, что не соотвѣтствовали обязательствамъ, принятымъ Россійской Имперіей въ ея международныхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторыя постановленія были не удовлетворительны потому, что, отдѣляя интересы русскаго государства отъ интересовъ Великаго Княжества Финляндскаго, не ограждали надлежащимъ образомъ русскихъ интересовъ. При этомъ нѣкоторыя изъ статей даже приравнивали русское государство въ отношеніи уголовнаго преслѣдованія уголовныхъ правонарушеній, учиненныхъ на финляндскомъ суднѣ, къ иностраннымъ государствамъ. Самъ Министръ Статсъ-Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго, генералъ Эрнротъ призналъ, что въ уголовномъ уложеніи этого Княжества есть статьи, подающія поводъ къ такимъ толкованіямъ. Онъ помѣстилъ въ журналѣ Особаго Совѣщанія, по свидѣтельству Н. С. Таганцева (Рус. уг. право. Т. I. прим. 2 на с. 250—251.), „объясненіе о томъ, что если въ новыя уголовныя законоположенія для Финляндіи вошли постановленія, дающія поводъ къ толкованію объ отдѣленіи интересовъ Финляндіи отъ интересовъ Имперіи и приравненіи послѣдней къ иностраннымъ государствамъ, то подобное толкованіе, не отвѣчающее, безъ сомнѣнія, намѣреніямъ законодателя, можетъ вытекать лишь изъ неудачнаго изложенія сихъ постановленій“ [1]).

---

1) Противъ этого объясненія Министра Статсъ-Секретаря Финляндіи Эрнрота послѣдовала, по свидѣтельству Н. С. Таганцева (Рус. уг. право. Т. I. прим. 2 на с. 250—251.), „многознаменательная отмѣтка покойнаго Императора Александра III: „не думаю, что это такъ““.

Нѣкоторыя же постановленія финляндскаго уголовнаго уложенія были не удовлетворительны потому, что отмѣняли постановленія дѣйствующихъ законовъ, опредѣляющихъ отправленіе уголовнаго правосудія по уголовнымъ правонарушеніямъ, учиняемымъ обывателями Финляндіи въ Россіи и обывателями Россіи въ Финляндіи [1]).

Всѣ эти постановленія уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго, несовмѣстимыя съ существенными интересами русскаго государства, требовали надлежащаго исправленія.

Наконецъ, и русскій переводъ многихъ изъ статей уложенія, удовлетворительныхъ по содержанію, нуждался въ исправленіи формы изложенія.

Особое Совѣщаніе обратило вниманіе на всѣ эти обстоятельства, выработало, на основаніи доклада Комиссіи, проектъ мѣръ, необходимыхъ для устраненія неудобствъ, вызываемыхъ введеніемъ уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г., и представило этотъ проектъ въ своемъ журналѣ на благоусмотрѣніе Государя Императора. Въ числѣ проектируемыхъ мѣръ находились: пріостановленіе введенія уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго въ дѣйствіе, надлежащее исправленіе статей этого уложенія по содержанію и надлежащее исправленіе русскаго перевода статей этого уложенія.

29 ноября 1890 года Государь Императоръ Александръ III утвердилъ предположенія Особаго Совѣщанія и повелѣлъ ихъ исполнить. (Таганцевъ — Выс. манифестъ 1/13 дек. 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 101—129. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 250—251.).

1-го (13-го) декабря 1890 года Государь Императоръ Александръ III издалъ манифестъ. Этимъ манифестомъ предписано: 1) передать на разсмотрѣніе Сейма, созываемаго на 8-е (20-е) января 1891 г., Высочайшее предложеніе объ измѣненіи статей уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 7-го (19-го) декабря 1889 г. и дополнительныхъ узаконеній того же 19 декабря 1889 г. въ томъ,

---

1) Такихъ законовъ три: 1) Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе 2-го іюня 1826 г. о судопроизводствѣ по преступленіямъ, чинимымъ обывателями Финляндіи въ Россіи и жителями россійскихъ губерній въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ [Plac., V, p. 110; ср. П. С. З. 1826 г., №. 210]; 2) Законы о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ. Томъ XV. Часть II. Изданіе 1876 года. ст. 787—804, и 3) Судебные Уставы Императора Александра Втораго, изданные по повелѣнію Императора Александра Александровича. Изданіе 1883 года. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. ст. 36; 208.

въ чемъ это вызывается необходимостью; 2) пріостановить введеніе этого уложенія и дополнительныхъ узаконеній въ дѣйствіе впредь до Высочайшаго утвержденія тѣхъ измѣненій, которыя будутъ произведены Сеймомъ въ этомъ уложеніи и дополнительныхъ узаконеніяхъ, и 3) постановленія дѣйствующихъ законоположеній, касающіяся производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ въ Имперіи жителями Великаго Княжества и въ этомъ краѣ жителями Имперіи, сохранить въ силѣ и по введеніи новаго уголовнаго уложенія въ Финляндіи, съ тѣмъ, чтобы присутственныя мѣста и должностныя лица Финляндіи, при постановленіи и исполненіи приговоровъ о жителяхъ Имперіи, принимали въ соображеніе права и преимущества, принадлежащія этимъ лицамъ по законамъ Имперіи [1]).

Высочайшее предложеніе объ исправленіи постановленій уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго, вмѣстѣ съ проектомъ предполагаемыхъ измѣненій, было передано очередному Сейму, собранному въ январѣ 1891 г. Сеймъ принялъ нѣкоторыя изъ предложенныхъ ему измѣненій, но относительно нѣкоторыхъ статей уложенія предложилъ свои поправки. Проектъ исправленія статей финляндскаго уголовнаго уложенія, одобренный Сеймомъ 1891 г., былъ представленъ Государю Императору Александру III, но Высочайшаго утвержденія не получилъ. (Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 251.).

4-го іюля 1892 г. удостоился Высочайшаго одобренія русскій переводъ статей уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г. [2]).

---

1) Таганцевъ — Выс. манифестъ 1/13 дек. 1890 г. Юрид. Лѣтопись. 1891. № 2. с. 97—98. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 628—629. — Указатель хрон. къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 184. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 года и дополнительныхъ къ сему Уложенію узаконеній отъ того же числа и о передачѣ Земскимъ Чинамъ Финляндіи предстоящаго Сейма Высочайшаго предложенія объ измѣненіи означенныхъ, вновь изданныхъ уголовныхъ узаконеній. Сборн. Пост. Вел. Княж. Финл. 13 1 дек. 1890 г. № 27. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 251.

2) Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 года, въ текстѣ, Высочайше одобренномъ 4 Іюля 1892 года (Сб. П. В. К. Ф. 1894 г., № 17), и съ измѣненіями на основаніи Высочайшаго Постановленія 21 Апрѣля 1894 года (Сб. П. В. К. Ф., № 17). Уголовное Уложеніе В. К. Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія. с. 1. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 251—252. Русскій переводъ финляндскаго уголовнаго уложенія 1889 г., удостоившійся Высочайшаго одобренія 4 іюля 1892 г., напечатанъ въ приложеніи къ 17-му номеру Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго за 1894 г.

Въ январѣ 1894 г. былъ открытъ очередной Сеймъ въ Гельсингфорсѣ. Сейму было передано Высочайшее предложеніе: 1) объ исправленіи неудовлетворительныхъ постановленій уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г., съ приложеніемъ проекта предполагаемыхъ измѣненій, и 2) объ исправленіи 45-го параграфа Высочайшаго постановленія 1889 г. о введеніи этого уложенія въ дѣйствіе, съ приложеніемъ проекта предполагаемаго измѣненія.

Сеймъ, разсмотрѣвъ эти проекты, одобрилъ ихъ и представилъ на Высочайшее утвержденіе.

2-го (14-го) апрѣля 1894 года Государь Императоръ Александръ III утвердилъ какъ представленный Сеймомъ проектъ измѣненій уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г., такъ и представленный Сеймомъ проектъ измѣненія 45-го параграфа Высочайшаго постановленія 1889 г. о введеніи этого уложенія въ дѣйствіе.

Того же 2-го (14-го) апрѣля 1894 г. изданъ Высочайшій манифестъ о немедленномъ введеніи въ дѣйствіе уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго и дополнительныхъ узаконеній, Высочайше утвержденныхъ 7-го (19-го) декабря 1889 г., вмѣстѣ съ новыми измѣненіями, Высочайше утвержденными 2-го (14-го) апрѣля 1894 г.[1]).

Текстъ измѣненій уголовнаго уложенія Великаго Княжества Фин-

4-го же іюля 1892 г. удостоены Высочайшаго одобренія какъ русскій переводъ Высочайшаго Постановленія 19 декабря 1889 г. объ исполненіи наказаній (Уг. Уложеніе В. К. Финляндскаго и отн. къ нему узаконенія. с. IV; 92.), такъ и русскій переводъ Высочайшаго Постановленія 19 декабря 1889 г. о введеніи въ дѣйствіе новаго Общаго Уголовнаго Уложенія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и о томъ, что относительно сего должно быть соблюдаемо (Уг. Уложеніе В. К. Финляндскаго и отн. къ нему узаконенія. с. IV; 106.). Эти русскіе переводы этихъ двухъ дополнительныхъ узаконеній напечатаны въ приложеніи къ 17-му номеру Сборника Пост. В. Княжества Ф. за 1894 г.

1) Уг. Уложеніе В. К. Финляндскаго и отн. къ нему узаконенія. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ о введеніи въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 года и относящихся къ нему узаконеній того же числа. 2 14 Апрѣля 1894 года: . . . „Утвердивъ сего числа принятыя нынѣ засѣдающими Земскими Чинами Финляндіи, по Всемилостивѣйшему о томъ предложенію Нашему, Постановленія о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ Уголовномъ Уложеніи Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 года и въ Постановленіи отъ того же числа о введеніи въ дѣйствіе этого Уложенія, признали Мы за благо повелѣть немедленно ввести въ дѣйствіе, вмѣстѣ съ вышеозначенными измѣненіями, уголовныя узаконенія, изданныя 19 Декабря 1889 года для Великаго Княжества Финляндскаго, примѣненіе коихъ пріостановлено было силою Высочайшаго Манифеста Нашего, въ 1 13 день Декабря мѣсяца 1890 года даннаго".

ляндскаго 1889 г., Высочайше утвержденныхъ 2-го (14-го) апрѣля 1894 г., изложенъ въ „Высочайшемъ Постановленіи“ 9-го (21-го) апрѣля 1894 г. „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ Уголовномъ Уложеніи Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 года“ [1]).

Такимъ образомъ, понадобилось болѣе $3^1/_2$ лѣтъ и много труда и энергіи, чтобы привести уголовное уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго, при участіи двухъ Сеймовъ, въ надлежащее соотвѣтствіе съ ясными существенными интересами русскаго государства.

Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго, Высочайше утвержденное 7-го (19-го) декабря 1889 г. и снабженное до вступленія въ дѣйствіе нѣкоторыми измѣненіями, Высочайше утвержденными 2-го (14-го) апрѣля 1894 г., вступило въ дѣйствіе въ Финляндіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1894 г., послѣ 9-го (21-го) числа, и дѣйствуетъ съ нѣкоторыми дальнѣйшими измѣненіями 1895 и 1898 г. до сихъ поръ.

Говоря о царствованіи Императора Александра III, слѣдуетъ отмѣтить, что въ то время была сдѣлана новая попытка выработки такого закона, который опредѣлилъ бы устройство Великаго Княжества Финляндскаго въ государственномъ отношеніи, но эта попытка опять не увѣнчалась успѣхомъ [2]).

Въ 1884 году Государь Императоръ Александръ III издалъ Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго Комитета въ Финляндіи изъ финляндскихъ чиновъ. На Комитетъ возлагалась обязанность вы-

---

1) Уг. Уложеніе. В. К. Финляндскаго и отн. къ нему узаконенія. с. III; 1. — Указатель хрон. къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 217. Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ Уголовномъ Уложеніи Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 года. Сборн. Пост. Вел. Княж. Фин. 21 апр. 1894 г. № 17.

Новый текстъ 45-го параграфа Высочайшаго Постановленія 1889 г. о введеніи въ дѣйствіе новаго Уголовнаго Уложенія Великаго Княжества Финляндскаго, Высочайше утвержденный 2-го (14-го) апрѣля 1894 г., изложенъ въ „Высочайшемъ Его Императорскаго Величества Постановленіи“ 9-го (21-го) апрѣля 1894 г. „объ измѣненіи § 45 Постановленія отъ 19 Декабря 1889 года о введеніи въ дѣйствіе новаго общаго Уголовнаго Уложенія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и объ обязательныхъ, въ виду сего, положеніяхъ. Сборн. Пост. Вел. Княж. Фин. 21 апр. 1894 г. № 17. — Уг. Уложеніе В. К. Финляндскаго и отн. къ нему узаконенія. с. IV; 6; 117.

2) Schybergson — Geschichte Finlands. S. 630. — Таганцевъ — Рус. уг. право. с. 249 прим. 2. — Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 14—17. — Мехелинъ — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 32—35; 98; 138—141; 144—145.

работать проектъ систематическаго свода дѣйствующихъ узаконеній, опредѣляющихъ устройство Великаго Княжества Финляндскаго въ государственномъ отношеніи, и представить этотъ проектъ черезъ Финляндскій Сенатъ, съ отзывомъ Сената, Государю Императору.

Комитетъ приступилъ къ работѣ въ 1885 г. и закончилъ ее въ 1889. „Кодификаціонный комитетъ, по свидѣтельству Н. Д. Сергѣевскаго (Къ вопросу о финл. автономіи. с. 14.), составилъ проектъ узаконеній въ двухъ частяхъ: проектъ „формы правленія для Великаго Княжества Финляндскаго“ и проектъ закона о сословныхъ привилегіяхъ. „По мысли составителей, говоритъ Н. Д. Сергѣевскій (с. 14.), эти узаконенія должны были выражать собою „финляндскую конституцію“; имъ присвоивалось названіе „основныхъ законовъ Финляндіи“, и они должны были подлежать измѣненію, дополненію или отмѣнѣ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ четырехъ сословій Сейма, въ порядкѣ § 71 Сеймоваго Устава“.

По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1889 г. проектъ финляндскаго Комитета былъ переданъ на заключеніе Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ Э. В. Фриша и Министра Юстиціи Н. А. Манасеина, а затѣмъ былъ подвергнутъ предварительному разсмотрѣнію въ Особомъ Совѣщаніи, учрежденномъ въ Гельсингфорсѣ, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора Финляндіи графа Гейдена, изъ Вице-Предсѣдателей Департаментовъ Финляндскаго Сената и шести Сенаторовъ. Засѣданія этого Совѣщанія происходили въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ 1890 г. Въ этихъ засѣданіяхъ принимали участіе также и нѣкоторые изъ чиновъ Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ и Министерства Юстиціи.

Проектъ финляндскаго Комитета вызвалъ противъ себя возраженія на засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія. Тѣмъ не менѣе Финляндскій Сенатъ отнесся къ этому проекту съ большимъ сочувствіемъ и на основаніи этого проекта выработалъ свой проектъ основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго и представилъ этотъ проектъ Государю Императору 22 мая 1891 г.

Не раздѣляя основной мысли сенатскаго проекта основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго, Генералъ-Губернаторъ Финляндіи графъ Гейденъ представилъ Государю Императору въ концѣ 1891 г. свои соображенія относительно этого проекта и свой „проектъ учрежденія управленія губерній Великаго Княжества Финляндіи“ (Сергѣевскій — Къ вопросу. с. 15.). Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Гейденъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе, чтобы его проектъ былъ пред-

варительно подвергнутъ обсужденію въ Особомъ Совѣщаніи, состоящемъ изъ высшихъ чиновъ центральныхъ установленій Россійской Имперіи, съ участіемъ одного или двухъ представителей Финляндскаго Сената по Высочайшему благоусмотрѣнію, а затѣмъ былъ бы внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Въ виду этого ходатайства, въ 1891 г., по Высочайшему повелѣнію, было образовано Особое Совѣщаніе изъ русскихъ и финляндскихъ чиновъ подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. Х. Бунге. На разсмотрѣніе этого Совѣщанія, по волѣ Государя Императора, поступили какъ проектъ, составленный Генералъ-Губернаторомъ Финляндіи графомъ Гейденомъ, такъ и проектъ, составленный Финляндскимъ Сенатомъ.

Уже при самомъ началѣ работъ въ средѣ Особаго Совѣщанія возникъ вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть порядокъ изданія такихъ законовъ, которые являются общими для всего русскаго государства, для всей Россійской Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ включительно.

Этотъ вопросъ раздѣлилъ чиновъ Особаго Совѣщанія на двѣ группы: большинство и меньшинство.

Большинство, состоя изъ русскихъ, полагало, что проекты общегосударственныхъ законовъ Россійской Имперіи съ Финляндіей включительно должны подлежать окончательному разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ, съ участіемъ Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Генералъ-Губернатора Финляндіи, при чемъ въ засѣданіе Государственнаго Совѣта могутъ быть приглашаемы члены финляндскихъ учрежденій для надлежащихъ объясненій.

Меньшинство же, состоя изъ финляндцевъ, не соглашалось съ такимъ огульнымъ рѣшеніемъ вопроса объ окончательномъ разсмотрѣніи проектовъ общегосударственнаго законодательства и, по свидѣтельству г. Мехелина (Къ вопросу о финл. автономіи. с. 33.), заявляло, „что такое законодательное мѣропріятіе, заключая въ себѣ измѣненіе основныхъ законовъ Финляндіи, потребуетъ содѣйствія финляндскаго сейма“.

Разногласія между большинствомъ и меньшинствомъ продолжались и при дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса въ его подробностяхъ. Тогда Предсѣдатель Особаго Совѣщанія Н. Х. Бунге довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія какъ мнѣніе большинства, такъ и мнѣніе меньшинства.

„Государь Императоръ Александръ III, 9 Марта 1893 года, по свидѣтельству Н. Д. Сергѣевскаго (Къ вопросу о финл. автономіи. с. 17.), повелѣлъ: выдѣливъ проектъ правилъ о порядкѣ изданія и обнародованія законовъ общихъ для всей Имперіи, со включеніемъ Ве-

ликаго Княжества Финляндскаго, изъ общаго состава проектовъ Генералъ-Адъютанта графа Гейдена и Финляндскаго Сената, внести непосредственно на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта предположенія какъ большинства, такъ и меньшинства членовъ Особаго Совѣщанія".

Внесеніе послѣдовало, но разсмотрѣнія не произошло.

По смерти Государя Императора Александра III 20-го октября 1894 г., на престолъ вступилъ Государь Императоръ Николай II.

Вступивъ на престолъ, Государь Императоръ Николай II 25-го октября (6-го ноября) 1894 г. издалъ манифестъ населенію Великаго Княжества Финляндскаго (выше с. 191 прим. 4.). Этимъ манифестомъ Государь Императоръ Николай II косвенно призналъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю.

11-го февраля 1895 г., Государственный Секретарь, по свидѣтельству г. Мехелина (Къ вопросу о финл. автономіи. с. 34—35.), доложилъ Государю Императору, что въ Государственномъ Совѣтѣ находится дѣло о проектѣ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ изданія и обнародованія общегосударственныхъ законовъ для Россійской Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ включительно, и просилъ Высочайшаго указанія о дальнѣйшемъ направленіи этого дѣла. Государю Императору угодно было, по свидѣтельству г. Мехелина (Къ вопросу о финл. автономіи. с. 35.) положить „слѣдующую резолюцію: „Не вижу нужды возбуждать о семъ законодательный вопросъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ возбужденія закона, общаго для всей Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, или закона финляндскаго, имѣющаго отношеніе ко всей Имперіи, подлежащіе Министры должны входить въ предварительное сношеніе съ властями и учрежденіями Великаго Княжества Финляндскаго или власти финляндскія съ Министрами Имперіи. Затѣмъ отъ Меня будетъ зависѣть дальнѣйшее направленіе дѣла"".

25-го (13-го) января 1897 г. послѣдовало открытіе 11-го очередного Сейма въ Гельсингфорсѣ. Принятый этимъ Сеймомъ проектъ закона объ измѣненіи правилъ Сеймового Устава относительно выбора депутатовъ Сейма отъ духовенства съ учебнымъ вѣдомствомъ включительно удостоился Высочайшаго утвержденія 2-го (14-го) декабря 1897 г. Объ этомъ утвержденіи объявлено манифестомъ 2-го (14-го) декабря 1897 г. [1]).

---

1) Сеймовой Уставъ съ поздн. его измѣненіями. с. 2. § 11. — Указатель хрон. къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 261. „Высочайшій Его

Въ 1898 г. сталъ на очередь вопросъ о законодательномъ пересмотрѣ финляндскаго устава о воинской повинности 1878 г. (выше с. 203—204.).

Уже десятилѣтняя практика финляндскаго устава о воинской повинности, рядомъ съ общимъ русскимъ уставомъ о воинской повинности, успѣла показать, по свидѣтельству правительственнаго сообщенія [1]), полную ненормальность финляндскаго устава. Необходимость единства арміи въ государствѣ и глубокое несоотвѣтствіе финляндскаго устава о воинской повинности съ общимъ русскимъ уставомъ о воинской повинности вызвали Высочайшее указаніе со стороны Государя Императора Александра III Военному Министру П. С. Ванновскому на необходимость коренного пересмотра всѣхъ постановленій финляндскаго устава о воинской повинности въ видахъ возможно полнаго объединенія финскихъ войскъ съ русскими.

„На основаніи указаній, полученныхъ лично“ „отъ Государя Императора Александра III, говоритъ правительственное сообщеніе (Прав. Вѣстникъ. 1898. № 217.) военный министръ выработалъ руководящія начала, кои должны были лечь въ основу сего пересмотра, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 29 августа 1891 г. представилъ ихъ Монарху. Главнѣйшія начала эти слѣдующія: 1) всѣ постановленія нынѣ дѣйствующаго финляндскаго устава, которыя Высочайшимъ манифестомъ, 6-го декабря 1878 г., были объявлены основными законами Финляндіи, подлежатъ исключенію изъ состава сихъ законовъ; 2) всѣ постановленія, кои непосредственно не относятся къ воинской повинности, должны быть исключены изъ устава о воинской повинности; 3) уравнять сроки службы и состоянія въ запасѣ и ополченіи со сроками общаго устава Имперіи; 4) установить одинаковыя съ законами Имперіи правила о зачисленіи въ ополченіе, объ учетѣ и призывѣ его; 5) установить одинаковые съ имперскимъ уставомъ сроки службы и служебныя льготы для финляндскихъ вольноопредѣляющихся и охотниковъ; 6) согласовать съ общимъ уставомъ Имперіи порядокъ установленія численности ежегоднаго комплектованія не по представленіямъ финляндскаго сената, а по всеподданнѣйшимъ докладамъ военнаго министра; 7) содержаніе финскихъ войскъ относить, попрежнему, на

Императорскаго Величества Манифестъ объ измѣненіи редакціи § 11 Сеймоваго Устава Великаго Княжества Финляндскаго отъ 15 (3) Апрѣля“ 1869 (въ указателѣ напечатано по ошибкѣ „1896“) „года“.

1) Правительственный Вѣстникъ. 1898 г. № 217. Воинская повинность въ Финляндіи. Правительственное сообщеніе.

мѣстные источники края; 8) предоставить военному министру право увольнять въ запасъ нижнихъ чиновъ финскихъ войскъ, въ случаѣ являющейся къ тому возможности, и ранѣе выслуги ими установленнаго срока. Всѣ эти предположенія удостоились полнаго одобренія Государя Императора Александра III".

Затѣмъ при Главномъ Штабѣ Военнаго Министерства была учреждена, по Высочайшему повелѣнію, особая Комиссія, и на нее возложена была обязанность выработать проектъ новаго устава о воинской повинности для Великаго Княжества Финляндскаго, согласно Высочайше одобреннымъ началамъ.

Комиссія исполнила возложенное на нее порученіе и выработала проектъ устава о воинской повинности для Великаго Княжества Финляндскаго, весьма близкій къ общему уставу о воинской повинности въ Россійской Имперіи.

По окончаніи работъ Комиссіи, въ 1898 году, Военный Министръ, Генералъ-Лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ представилъ выработанный ею проектъ устава о воинской повинности для Великаго Княжества Финляндскаго Государю Императору, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, „испрашивая разрѣшенія на передачу проекта сего устава сперва въ Финляндскій Сеймъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ заключеніемъ земскихъ чиновъ края, въ Государственный Совѣтъ" (Прав. Вѣстникъ. 1898. № 217.).

Государю Императору угодно было „утвердить этотъ порядокъ разсмотрѣнія проекта" и „предуказать, что по разсмотрѣніи проекта устава сеймомъ, таковой подлежитъ передачѣ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ виду того, что онъ долженъ быть отнесенъ къ" числу [1]) „общегосударственныхъ законоположеній, какъ объемлющій существенные интересы всего Россійскаго Государства, коего нераздѣльную часть составляетъ Великое Княжество Финляндское" (Прав. Вѣстникъ. 1898. № 217.).

7-го (19-го) іюля 1898 г. послѣдовала Высочайшая грамота объ открытіи чрезвычайнаго Сейма въ Гельсингфорсѣ 7-го (19-го) января 1899 г. [2]).

---

1) Слово: „числу" пропущено въ текстѣ правительственнаго сообщенія по очевидной ошибкѣ.

2) Прав. Вѣстникъ. 1898. № 217. — Указатель хрон. къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 269. Высочайшая Государя Императора и Великаго Князя грамота Земскимъ Чинамъ Финляндіи объ открытіи чрезвычайнаго Сейма въ городѣ Гельсингфорсѣ 7/19 Января 1899 г. Сборн. Пост. Вел. Княж. Фин. 19 7 іюля 1898 г. № 24.

Задача этого Сейма была точно опредѣлена въ Высочайшей рѣчи, прочитанной отъ имени Государя Императора Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Генералъ-Адъютантомъ Н. И. Бобриковымъ Земскимъ Чинамъ Финляндіи при открытіи этого Сейма 12-го (24-го) января 1899 г. (Правительственный Вѣстникъ. 1899 г. № 12.). „Финляндія, нераздѣльно соединенная съ Имперіей, состоя подъ кровомъ и защитою всего Россійскаго Государства, говорится въ этой рѣчи отъ имени Государя Императора, не имѣетъ нужды въ обособленномъ отъ русской арміи войскѣ. Уставъ о воинской въ ней повинности долженъ поэтому быть согласованъ съ дѣйствующимъ въ Имперіи уставомъ.

Желая, однако, чтобы вновь вводимый уставъ въ то же время былъ, по возможности, согласованъ и съ мѣстными особенностями края, Мы признали соотвѣтственнымъ проектъ сего устава, вмѣстѣ съ основными началами „положенія объ устройствѣ и управленіи финскихъ войскъ“, передать на предварительное обсужденіе сейма, въ твердой увѣренности, что земскіе чины въ точности исполнятъ возлагаемое на нихъ порученіе и тѣмъ оправдаютъ Наше Монаршее къ нимъ довѣріе.

Главныя начала, положенныя въ основу сихъ законопроектовъ, направленныхъ къ охраненію границъ и безопасности всего государства, какъ наиболѣе согласныя съ справедливостью, въ существѣ одобрены въ Бозѣ почивающимъ незабвеннымъ Императоромъ Александромъ III и Нами“.

Уставъ о воинской повинности для Великаго Княжества Финляндскаго представляетъ собою такой законъ, который не относится единственно къ внутренней жизни этого края, но сильно затрогиваетъ настоятельную потребность всего русскаго государства въ прочномъ обезпеченіи безопасности отъ внѣшнихъ враговъ. При такомъ значеніи этого устава, установленіе новаго порядка разсмотрѣнія по отношенію къ новому проекту этого устава естественно выдвигало на очередь вопросъ, каковъ же долженъ быть порядокъ составленія, разсмотрѣнія и обнародованія такихъ законовъ, которые являются общими для всего русскаго государства съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ включительно или, относясь ближайшимъ образомъ къ Великому Княжеству Финляндскому, затрогиваютъ въ то же время и общегосударственныя потребности Россійской Имперіи.

Этотъ вопросъ вскорѣ и сталъ на очередь. По Высочайшему повелѣнію 13 января 1899 г. было образовано Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Великаго Князя Михаила Николаевича, для составленія проекта закона о

составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Россійской Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго [1]).

Особое Совѣщаніе быстро исполнило возложенное на него порученіе и представило на Высочайшее благоусмотрѣніе проектъ манифеста и основныхъ положеній о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Этотъ проектъ удостоился Высочайшаго утвержденія со стороны Государя Императора Николая II 3-го (15-го) февраля 1899 г. Такъ явился Высочайшій Манифестъ 3 февраля 1899 г. и Высочайше утвержденныя „Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго“ [2]).

---

1) Сергѣевскій — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 17—18. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. прим. 2 на с. 249—250. — Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 34—37.

2) П. С. З. (с. з.). Т. XIX. I. № 16447. „Высочайше утвержденныя“ (3 Февраля 1899 г.) „Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго“.

„Высочайшій манифестъ“ . . . „Великое Княжество Финляндское, войдя съ начала нынѣшняго столѣтія въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны.

Но независимо отъ предметовъ мѣстнаго законодательства Финляндіи, вытекающихъ изъ особенностей общественнаго ея строя, въ порядкѣ государственнаго управленія возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, кои по тѣсной связи ихъ съ общегосударственными потребностями не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учрежденій Великаго Княжества. Порядокъ разрѣшенія сего рода вопросовъ не опредѣляется въ дѣйствующемъ законодательствѣ точными правилами и недостатокъ оныхъ подавалъ поводы къ важнымъ неудобствамъ.

Въ устраненіе сихъ неудобствъ, Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ безъ различія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и незыблимый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства.

Въ сихъ видахъ Мы Собственноручно утвердили объявляемыя вмѣстѣ съ симъ Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

По примѣру Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, Мы видимъ залогъ процвѣ-

Эти законы довольно ясно опредѣлили кругъ законодательной дѣятельности Финляндскаго Сейма. Согласно ихъ опредѣленію, Фин-

---

танія Финляндіи въ тѣснѣйшемъ ея единеніи съ Имперіею. Подъ сѣнію Державы Россійской, сильная ея защитою Финляндія, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, неуклонно шла по пути мирнаго преуспѣянія и Намъ отрадно было удостовѣриться изъ недавнихъ заявленій земскихъ чиновъ, что въ сердцахъ финскаго народа живо сознаніе преданности Намъ и Россіи.

Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учрежденій Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вящшему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ Россійскаго Государства".

„Основныя Положенія". „1) Первообразное начертаніе законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, пріемлетъ начало съ Высочайшаго каждый разъ соизволенія въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему теченію дѣлъ управленія представится необходимымъ составить новое постановленіе или измѣнить либо дополнить дѣйствующій законъ.

2) Порядокъ сей соблюдается въ отношеніи какъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, такъ равно и законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи.

3) Высочайшее соизволеніе относительно изданія указанныхъ выше законовъ (ст. 1 и 2) испрашивается подлежащимъ Министромъ Имперіи и Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, по предварительномъ ихъ между собою сношеніи. Финляндскій Генералъ-Губернаторъ, когда по ходу управленія Великаго Княжества признаетъ необходимымъ восполнить дѣйствующіе въ краѣ законы въ порядкѣ, настоящими Положеніями установленномъ, сообщаетъ свои по сему предмету предположенія, для дальнѣйшаго ихъ направленія, подлежащему Министру Статсъ-Секретарю Великаго Княжества.

4) По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія относительно изданія закона для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, Министръ Имперіи, о доставленіи заключеній по существу проекта означеннаго закона, сносится съ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

5) По тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе Финляндскаго Сейма, требуется заключеніе Сейма и въ порядкѣ изданія законовъ, упомянутыхъ въ статьѣ 2 сихъ положеній. Заключеніе Сейма имѣетъ состояться на ближайшемъ его очередномъ собраніи, если не послѣдуетъ Высочайшаго повелѣнія о созывѣ съ этою цѣлью чрезвычайнаго Сейма.

6) По полученіи заключеній Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскаго Финляндскаго Сената, а въ подлежащихъ случаяхъ (ст. 5) и Финляндскаго Сейма, Министръ Имперіи вноситъ законопроектъ въ Государственный Совѣтъ установленнымъ въ его

ляндскій Сеймъ составляетъ законодательное учрежденіе только по отношенію къ тѣмъ законамъ, которые предназначаются къ дѣйствію только въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, относятся „исключительно до нуждъ Финляндскаго края“ (Манифестъ), не „касаются общегосударственныхъ потребностей“ Россійской Имперіи и не „находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи“ (Основныя Положенія п. 2.), а, по дѣйствующему законодательству Великаго Княжества Финляндскаго, подлежатъ изданію, измѣненію или отмѣнѣ не иначе, какъ по законному рѣшенію Финляндскаго Сейма, удостоившемуся Высочайшаго утвержденія со стороны Государя Императора.

Если встрѣчается необходимость въ составленіи новаго закона или въ измѣненіи или отмѣнѣ существующаго и при томъ такого, который является общимъ для всей Россійской Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго; то Финляндскій Сеймъ не принимаетъ никакого участія ни въ составленіи, ни въ разсмотрѣніи законопроекта. Проектъ такого закона препровождается на заключеніе Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Финляндскаго Императорскаго Сената и, по полученіи ихъ заключеній, вносится на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, съ приложеніемъ заключенія Финляндскаго Сената (Основ. Положенія. п. 4; 6.). Въ Государственномъ Совѣтѣ этотъ законопроектъ разсматривается на общемъ основаніи, но при участіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ Сенаторовъ Императорскаго Финляндскаго Сената, которые будутъ къ тому особо назначены, по Высочайшему избранію (Основ. Положенія. п. 7.). Состоявшееся мнѣніе Государственнаго Совѣта представляется Государю Императору. Мнѣніе Государственнаго Совѣта по законопроекту, удостоенное Высочайшаго утвержденія, обнародывается установленнымъ порядкомъ во всей Россійской Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ включительно (Основ. Положенія. п. 8.).

Учрежденіи порядкомъ. Къ представленію по сему предмету прилагаются въ спискахъ заключенія Сената и Сейма.

7) Законопроектъ сей разсматривается Государственнымъ Совѣтомъ на общемъ основаніи, при участіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ Сенаторовъ Императорскаго Финляндскаго Сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены.

8) Удостоенное Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по упомянутому законопроекту обнародывается установленнымъ порядкомъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“.

Если же оказывается надобность въ составленіи новаго закона или въ измѣненіи или отмѣнѣ существующаго и при томъ такого, который подлежитъ примѣненію „въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго“ (Основ. Положенія. п. 2.) и посвященъ обезпеченію потребностей этого края, но въ то же время касается „общегосударственныхъ потребностей“ Россійской Имперіи или находится „въ связи съ законодательствомъ Имперіи“ (Основ. Положенія. п. 2.); то въ этомъ случаѣ соблюдается тотъ же порядокъ составленія, разсмотрѣнія, утвержденія и обнародованія закона, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, съ одной лишь разницей. Она состоитъ въ томъ, что проектъ закона до разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ препровождается и на заключеніе Фянляндскаго Сейма, а это заключеніе препровождается въ Государственный Совѣтъ, при представленіи этого законопроекта на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта [Основ. Положенія. п. 5; 6.] [1]).

Принадлежитъ ли данный законодательный вопросъ къ области общеимперскаго законодательства, это рѣшаетъ самъ Государь Императоръ (Манифестъ. Основ. Положенія. п. 1—4.).

Пока шло составленіе, утвержденіе и обнародованіе манифеста и основныхъ положеній 3-го февраля 1899 г. о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Россійской Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, чрезвычайный Финляндскій Сеймъ занимался предварительнымъ обсужденіемъ проекта устава о воинской повинности для Великаго Княжества Финляндскаго и продолжалъ эту работу до средины мая 1899 г. 18-го (30-го) мая 1899 г., по окончаніи этого труда, послѣдовало закрытіе Сейма [2]).

1) По свидѣтельству Н. С. Таганцева (Рус. уг. право. Т. I. прим. 2 на с. 249—250), въ Особомъ Совѣщаніи, при составленіи проекта основныхъ положеній о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Россійской Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, было сдѣлано возраженіе, что „требованіе заключенія Финляндскаго сейма противорѣчитъ сеймовому уставу 1869 г., на основаніи коего земскіе чины постановляютъ не заключенія, а рѣшенія, которыя могутъ быть или утверждаемы или отклоняемы Верховною властью, но не могутъ подлежать измѣненію. Но по поводу этого замѣчанія, говоритъ Н. С. Таганцевъ, большинство вполнѣ справедливо указывало, что такое право можетъ относиться только къ финляндскимъ, а не къ общегосударственнымъ законамъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы мѣстный сеймъ имѣлъ рѣшающій голосъ по дѣламъ, касающимся всего государства Россійскаго, и чтобы высшее законодательное учрежденіе Имперіи, Государственный Совѣтъ лишался права докладывать Монарху о поправкахъ, необходимыхъ въ законѣ, составленномъ для Финляндіи, но имѣющемъ общегосударственное значеніе“. См. также Мехелина — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 135.

2) Правительственный Вѣстникъ. 1899 г. № 109. Высочайшая Его Импе-

Сеймъ рѣшительно отклонилъ этотъ проектъ и взамѣнъ того предложилъ съ своей стороны различныя поправки къ дѣйствующему уставу о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ 1878 г. (Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 7—8.) Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сеймъ, по свидѣтельству г. Мехелина (Къ вопросу о финл. автономіи. 15; 35—37; 135—136.), единогласно рѣшилъ 15-го (27-го) мая 1899 г. представить Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ относительно манифеста и основныхъ положеній 3-го февраля 1899 г. о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Россійской Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ этомъ докладѣ, по свидѣтельству г. Мехелина [Къ вопросу о финл. автономіи. с. 135—136.] [1]), говорилось, „„что опредѣленный приложенными къ Высочайшему Манифесту (3/15 февраля 1899 г.) Основными Положеніями порядокъ изданія законовъ, имѣющихъ воспріять дѣйствіе также и въ Финляндіи, противорѣчитъ финляндскимъ основнымъ законамъ и конституціи, которою на основаніи оныхъ пользуется Финляндія“; и „что Манифестъ и принадлежащія къ нему Основныя Положенія, какъ изданныя безъ согласія Земскихъ Чиновъ и вообще внѣ порядка, установленнаго основными законами края, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи““. Это отрицательное отношеніе нашло много сочувствія въ Финляндіи [2]).

8-го (20-го) іюня 1899 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ Финляндскому Генералъ-Губернатору (Правит. Вѣстникъ. 1899 г. № 132. — Выше с. 177 прим. 3.). Этотъ рескриптъ положилъ конецъ всякимъ недоразумѣніямъ относительно значенія и силы манифеста и основныхъ положеній 3-го февраля 1899 г. въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Рескриптъ рѣшительно указалъ, что эти основныя положенія составляютъ законодательный актъ и при томъ не поколебимый.

„При закрытіи вами, 18-го минувшаго мая, чрезвычайнаго сейма, говорится въ этомъ рескриптѣ, представители сословій довели до Моего свѣдѣнія о тревожномъ ихъ настроеніи, вызванномъ предстоящимъ преобразованіемъ воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и обнародованіемъ манифеста 3-го февраля сего года.

Къ прискорбію Моему, изъ рѣчей ландмаршала и тальмановъ Я усматриваю, что земскіе чины не усвоили соображеній общегосу-

раторскаго Величества рѣчь земскимъ чинамъ Великаго Княжества Финляндскаго при закрытіи чрезвычайнаго сейма въ городѣ Гельсингфорсѣ, 18-го (30) мая 1899 года.

1) Сергѣевскій — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 12; 18.

2) Сергѣевскій — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 12—13; 18. — Мехелинъ — Къ вопросу о финл. автономіи. с. 36—37.

дарственной пользы, коими необходимость этихъ мѣръ обусловливается, и дозволили себѣ неумѣстныя о нихъ сужденія. Поручаю вамъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что сужденія сіи неправильны и не соотвѣтствуютъ установившемуся съ начала нынѣшняго столѣтія положенію дѣлъ, при коемъ Финляндія есть составлая часть Государства Россійскаго, съ нимъ нераздѣльная.

Я желаю также, чтобы финскому народу было извѣстно, что, принявъ при восшествіи на Престолъ священный долгъ пещись о благѣ всѣхъ народностей Россійской Державѣ подвластныхъ, Я призналъ за благо сохранить за Финляндіей особый строй внутренняго законодательства, дарованный ей Моими Державными Предками. Въ то же время, Я принялъ на себя, какъ наслѣдіе прошлаго, заботу объ опредѣленіи силою положительнаго закона отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Въ этихъ видахъ Мною утверждены основныя положенія 3-го февраля сего года, опредѣляющія правила объ изданіи общегосударственныхъ законовъ, касающихся Финляндіи. Въ порядкѣ, указанномъ симъ законодательнымъ актомъ, непоколебимымъ и впредь, получатъ дальнѣйшее направленіе труды чрезвычайнаго сейма и будутъ приняты въ соображеніе при окончательномъ начертаніи военнаго закона".

Непоколебимость этихъ основныхъ положеній получила вскорѣ весьма вѣское подтвержденіе. Оно состоитъ въ томъ, что въ новомъ „Учрежденіи Государственнаго Совѣта", Высочайше утвержденномъ 30 марта 1901 г. (Собр. уз. 1901 г. № 45. ст. 860.), помѣщены статьи, соотвѣтствующія постановленіямъ манифеста и основныхъ положеній 3-го февраля 1899 г. о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго [1]).

1) „Учрежденіе Государственнаго Совѣта", Высочайше утвержденное 30 марта 1901 г. (Собр. уз. 1901 г. № 45. ст. 860. О новомъ учрежденіи Государственнаго Совѣта.). Статья 15-я: „Въ Государственномъ Совѣтѣ, при разсмотрѣніи, въ порядкѣ, установленномъ Высочайшимъ Манифестомъ и Высочайше утвержденными основными положеніями 3 февраля 1899 г. (собр. узак., ст. 207), проектовъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, равно законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи, участвуютъ Финляндскій Генералъ-Губернаторъ и Министръ Статсъ-Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣ Сенаторы Императорскаго Финляндскаго Сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены".

Статья 31-я: „Въ порядкѣ государственныхъ дѣлъ, отъ разрѣшенія и утвержденія Верховной Императорской Власти зависящихъ, слѣдующія дѣла поступаютъ предварительно на уваженіе Государственнаго Совѣта: . . . 21) Проекты законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества

Новыя узаконенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Россійской Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, не могли быть примѣнены цѣликомъ къ проекту устава о воинской повинности для Великаго Княжества Финляндскаго, такъ какъ этотъ проектъ былъ составленъ и препровожденъ на предварительное обсужденіе Финляндскаго Сейма до изданія этихъ новыхъ узаконеній; но дальнѣйшее разсмотрѣніе этого проекта послѣдовало въ порядкѣ новыхъ узаконеній. Новый уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ удостоился Высочайшаго утвержденія 29-го іюня [12-го іюля] 1901 г.[1]). Этотъ уставъ основанъ на Высочайше утвержденныхъ началахъ единства арміи и равенства воинской повинности для населенія въ русскомъ государствѣ (выше с. 222—223.) и весьма близокъ къ общему уставу о воинской повинности въ Россійской Имперіи, хотя для финляндцевъ и допущены нѣкоторыя смягченія (Уставъ о воин. пов. въ В. Княжествѣ Фин. ст. 10.) большею частью временнаго характера (Выс. манифестъ 29 іюня 1901 г.).

Финляндскаго, равно законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи, для разсмотрѣнія въ порядкѣ, установленномъ Высочайшимъ Манифестомъ и Высочайше утвержденными основными положеніями 3 февраля 1899 года (Собр. узак., ст. 207)".

См. также Указатель узаконеній, относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1808—1900. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства. 1901—1902. С.-Петербургъ. 1903. По распоряженію Предсѣдателя Коммисіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ. с. 158. ст. 860. Собр. уз. за 1901 г.

1) Собр. уз. 1901 г. № 65. ст. 1323. Объ изданіи Высочайше утвержденнаго для Великаго Княжества Финляндскаго новаго устава о воинской повинности. „Высочайшій Манифестъ" (29 іюня 1901 г.): . . . „Положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ составѣ Россійской Имперіи налагаетъ на его населеніе долгъ участвовать въ защитѣ Престола и Отечества, подчиняясь на ряду со всѣми Нашими вѣрноподданными узаконеніямъ, единство Русской Арміи обезпечивающимъ" . . . „Мы повелѣваемъ: I) Уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, сего числа Нами утвержденный, ввести въ дѣйствіе взамѣнъ устава о воинской повинности 6/18 Декабря 1878 года со всѣми къ оному дополненіями и измѣненіями, а равно Манифеста, въ тотъ же день даннаго".

„Уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ". „1. Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, а потому мужское населеніе Финляндіи, безъ различія сословій, подлежитъ воинской повинности".

См. также Указатель узаконеній, относящихся до В. Княжества Финляндскаго. с. 159. ст. 1323. Собр. уз. за 1901 г. „(Сборн. Пост. В. Кн. Ф., № 26)".

Введеніе новаго устава о воинской повинности въ дѣйствіе въ Финляндіи встрѣтило различныя затрудненія со стороны финляндской партіи протеста; но эти затрудненія систематично подвергались устраненію и въ настоящее время для нихъ насталъ, повидимому, конецъ. Предательское нападеніе японскихъ миноносцевъ на русскія военныя суда въ Портъ-Артурѣ въ ночь на 27-е января 1904 г., до объявленія войны Японіею Россіи, геройская защита русскихъ моряковъ, отчаянная храбрость и геройская гибель двухъ нашихъ военныхъ судовъ „Варяга“ и „Корейца“ въ бою въ Чемульпо съ четырнадцатью японскими военными судами 27-го января 1904 г., до объявленія войны Японіею Россіи, глубоко отозвались во всѣхъ краяхъ обширнаго русскаго государства: и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ, и на Кавказѣ, и въ Польшѣ, и въ Финляндіи, и въ Сибири, и въ Средней Азіи. Весь многомилліонный и многоплеменный русскій народъ, безъ различія странъ и народностей, дружно соединился въ одномъ общемъ могучемъ движеніи отстоять свое общее отечество, свое великое русское государство отъ предательскаго врага, во что бы то ни стало. Этотъ добровольный порывъ объединенія въ защиту общаго отечества служитъ лучшимъ доказательствомъ внутренняго единства и прочности русскаго государства, лучшимъ залогомъ побѣды надъ врагомъ и дружной работы многочисленныхъ народностей русскаго народа надъ прогрессивнымъ развитіемъ его и ихъ благосостоянія на началахъ взаимнаго сближенія, уваженія, довѣрія и взаимопомощи.

Подводя общій итогъ нашему изслѣдованію объ отношеніи Великаго Княжества Финляндскаго къ русскому государству, мы приходимъ въ концѣ концовъ къ тому выводу, что Великое Княжество Финляндское составляетъ не государство, соединенное личной или реальной уніей съ Россійской Имперіей, но лишь обособленную часть русскаго государства, Россійской Имперіи, надѣленную, по волѣ русскихъ Императоровъ, участіемъ населенія этой окраины въ ея мѣстномъ управленіи, въ ея мѣстномъ отправленіи правосудія и въ ея мѣстномъ законодательствѣ.

А если Великое Княжество Финляндское составляетъ только одну изъ частей Россійской Имперіи; то и своеобразное уголовное право, дѣйствующее только въ этомъ Княжествѣ, въ качествѣ общаго уголовнаго права только по отношенію къ этому краю, составляетъ лишь одинъ изъ видовъ особеннаго уголовнаго права по отношенію къ Россійской Имперіи.

Этотъ видъ является по счету седьмымъ.

Своеобразное уголовное право, дѣйствующее въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ качествѣ общаго уголовнаго права по отношенію къ этому краю, имѣетъ своимъ источникомъ только законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника служатъ: Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго, Высочайше утвержденное 7-го (19-го) декабря 1889 г. и снабженное до введенія въ дѣйствіе нѣкоторыми измѣненіями, Высочайше утвержденными 2-го (14-го) апрѣля 1894 г. (выше с. 217—218.), и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія, напечатанныя въ Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго съ 1895 г.

Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго 1889 г., съ исправленіями 1894 г., имѣетъ Высочайше утвержденный шведскій текстъ, Высочайше одобренный русскій переводъ и оффиціальный финскій переводъ.

Это уложеніе дѣйствуетъ въ шведскомъ текстѣ, Высочайше утвержденномъ 7-го (19-го) декабря 1889 г., съ измѣненіями, Высочайше утвержденными 2-го (14-го) апрѣля 1894 г. и изложенными въ Высочайшемъ постановленіи 9-го (21-го) апрѣля 1894 г.

Говоря о русскомъ Высочайше одобренномъ переводѣ, можно сказать, что въ Финляндіи дѣйствуетъ Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго, Высочайше утвержденное 7-го (19-го) декабря 1889 г. и снабженное русскимъ переводомъ, Высочайше одобреннымъ 4-го іюля 1892 г., и нѣкоторыми измѣненіями, Высочайше утвержденными 2-го (14-го) апрѣля 1894 г. и изложенными въ Высочайшемъ постановленіи 9-го (21-го) апрѣля 1894 г.

Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ русскомъ переводѣ, напечатанномъ въ оффиціальномъ изданіи („Уголовное Уложеніе В. К. Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія". С.-Петербургъ 1900.), носитъ слѣдующее заглавіе: „Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19-го Декабря 1889 года, въ текстѣ, Высочайше одобренномъ 4 Іюля 1892 года (Сб. П. В. К. Ф. 1894 г., № 17), и съ измѣненіями на основаніи Высочайшаго Постановленія 21 Апрѣля 1894 года (Сб. П. В. К. Ф., № 17).

Познакомившись съ седьмымъ видомъ особеннаго уголовнаго права, дѣйствующимъ въ одной изъ частей Россійской Имперіи, а именно — въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, перейдемъ къ восьмому и при томъ послѣднему виду.

Восьмымъ видомъ особеннаго уголовнаго права является административно-уголовное право (выше. с. 17—18.).

Оно установлено, по чрезвычайному уполномочію закона[1]), Генералъ-Губернаторами, Главноначальствующими, Губернаторами и Градоначальниками, а дѣйствуетъ, въ видѣ исключенія, только въ тѣхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, которыя объявлены на положеніи чрезвычайной или усиленной охраны или, по особому закону, подчинены въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствію обязательныхъ постановленій Генералъ-Губернатора.

Источниками административно-уголовнаго права служатъ постановленія или распоряженія, издаваемыя Генералъ-Губернаторами, Главноначальствующими, Губернаторами и Градоначальниками, по чрезвычайному полномочію закона (выше с. 18.).

Внѣшними формами воплощенія этихъ источниковъ выступаютъ: „обязательныя постановленія“ Генералъ-Губернаторовъ, Главноначальствующихъ, Губернаторовъ и Градоначальниковъ (выше с. 18 съ прим. 1.) и объявленія Генералъ-Губернаторовъ и Главноначальствующихъ (выше с. 18 съ прим. 2.).

§ 22. Общее уголовное право, дѣйствующее въ нѣкоторыхъ выдающихся иностранныхъ культурныхъ государствахъ его источники и нѣкоторыя пособія къ его изученію.

Переходя къ общему уголовному праву, дѣйствующему въ нѣкоторыхъ выдающихся иностранныхъ культурныхъ государствахъ, мы обратимъ вниманіе на Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Голландію, Италію, Сѣверо-Американскій Штатъ Нью-Іоркъ и Англію [выше. с. 18.][1]).

I. Франція. Общее уголовное право, дѣйствующее во Французской Республикѣ, имѣетъ только одинъ источникъ — законъ. Внѣш-

1) Св. Зак. Т. XIV. Уставъ о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій. Изданіе 1890 года. ст. 1 : α) Примѣчаніе 2. Приложеніе I къ ст. 1 (прим. 2). Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. ст. 15 и 26 п. 3 и 5; и β) Примѣчанія 6—7, по прод. 1902 г.

1) Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung. Herausgegeben von der Internationalen Kriminalistischen Vereinigung. — I Band: Das Strafrecht der Staaten Europas. Im Auftrage der Internationalen Kriminalistischen Vereinigung unter Mitwirkung von B. Alimena, Neapel, — L. W. C. van den Berg, Delft . . . herausgegeben von Dr. Franz von Liszt. Berlin 1894. — II Band: Das Strafrecht der aussereuropäischen Staaten. Nebst einem Anhange: Nachträge zum ersten Band: Das Strafrecht der Staaten Europas 1893—1898. Im Auftrage der Intern. Krim. Vereinigung . . . herausgegeben von Dr. Franz von Liszt und Dr. Georg Cruseп. Berlin 1899. Это двухтомное сочиненіе издано въ Берлинѣ въ тѣ же годы въ двухъ томахъ и на французскомъ языкѣ подъ общимъ заглавіемъ: La législation pénale comparée. Publiée par l'Union Internationale de Droit Pénal.

ними формами воплощенія этого источника служатъ: уголовное уложеніе (code pénal), утвержденное 2-го февраля 1810 г.[1]) и исправленное закономъ 28 апрѣля 1832 г., и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія.

Французское уголовное уложеніе 1810 г. вступило въ дѣйствіе 1 января 1811 г.

Это уложеніе было въ свое время лучшимъ уголовнымъ законодательствомъ и послужило образцомъ для составленія уголовныхъ уложеній въ нѣсколькихъ государствахъ, напр., въ Сардиніи въ 1859 г., въ Бельгіи въ 1867 г. Даже уголовныя уложенія нѣкоторыхъ германскихъ партикулярныхъ государствъ, какъ напр., прусское уголовное уложеніе 1 іюля 1851 г., не избѣжали вліянія французскаго уголовнаго уложенія.

Съ теченіемъ времени французское уголовное уложеніе сильно устарѣло. Оно давно уже требуетъ коренной переработки; но всѣ попытки ея остаются безуспѣшными.

Частными пособіями къ изученію текста французскаго уголовнаго уложенія съ послѣдующими узаконеніями могутъ служить изданія Л. Трипье и Г. Моннье, а также Е. Гарсона.

1. Les codes français collationnés sur les textes officiels . . . par L. Tripier et H. Monnier. Codes d'instruction criminelle, pénal et tariefs. Paris. 1894.

2. Code pénal, annoté par E. Carçon. Avec la collaboration des rédacteurs du Recueil général des lois et des arrêts et du Journal du Palais. 1-er fascicule. (Art. 1 à 165). Paris. 1901.

Въ качествѣ литературныхъ пособій къ изученію дѣйствующаго французскаго уголовнаго права можно указать на сочиненія Р. Гарро (выше с. 71 прим. 3; 72 прим. 13; 82.).

1. R. Garraud — Précis de droit criminel contenant l'explication élémentaire de la partie générale du code pénal, du code d'instruction criminelle et des lois qui ont modifié ces deux codes. 7-ème édition. 1-er fascicule. Paris. 1900.

2. R. Garraud — Traité théorique et pratique du droit pénal français. Tomes I-er — VI-ème. Paris. 1899—1902.

II. Австрія. Общее уголовное право, дѣйствующее въ Австрійской Имперіи, за исключеніемъ Королевства Венгріи, имѣетъ своимъ источникомъ только законъ. Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: уголовный законъ о преступленіяхъ,

1) Въ этомъ параграфѣ время означено по новому стилю.

проступкахъ и нарушеніяхъ (Das Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen), утвержденный 27 мая 1852 г., и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія.

Австрійское уголовное уложеніе 27 мая 1852 г. вступило въ дѣйствіе 1 сентября 1852 г.

Частнымъ пособіемъ къ изученію текста дѣйствующаго австрійскаго уголовнаго уложенія съ послѣдующими узаконеніями можетъ служить изданіе Манца (Manz'sche k. u. k. Hof-, Verlags- und Universitäts-Buchhandlung): Taschenausgabe der österreichischen Gesetze. Vierter Band. Strafgesetz und strafrechtliche Nebengesetze. Erste Abtheilung. Das Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen, vom 27. Mai 1852, R. G. B. NR. 117, sammt den dasselbe ergänzenden und erläuternden Gesetzen und Verordnungen. 19-te Auflage. Wien. 1902.

Литературнымъ пособіемъ къ изученію дѣйствующаго австрійскаго уголовнаго права является сочиненіе К. Янки въ изданіи Е. фонъ Каллины (выше с. 69 прим. 8; 82.): K. Janka — Das österreichische Strafrecht. 4-te Auflage von E. von Kallina. Wien. 1902.

III. Бельгія. Общее уголовное право, дѣйствующее въ Королевствѣ Бельгіи, имѣетъ только одинъ источникъ — законъ. Внѣшними формами воплощенія этого источника служатъ: уголовное уложеніе (code pénal), утвержденное 8 іюня 1867 г. [1]), и соотвѣтствующія послѣдующія узаконенія.

Бельгійское уголовное уложеніе 8 іюня 1867 г. вступило въ дѣйствіе 15 октября 1867 г.

Литературное пособіе къ изученію дѣйствующаго бельгійскаго уголовнаго права составляетъ сочиненіе А. Принса (выше с. 82 прим. 4.): A. Prins — Science pénale et droit positif. Bruxelles. Paris. 1899.

IV. Германія [2]). Корни дѣйствующаго уголовнаго права Германской Имперіи простираются въ глубь исторіи.

---

1) Le code pénal belge avec la conférence des articles présentant l'indication des articles correspondants du code de 1810 . . . Par Ém. de Brandner, Président à la cour d'appel de Bruxelles. Nouvelle édition contenant la législation, jusqu'en 1883, collationnée sur les textes officiels. Bruxelles. 1884.

1) Geib — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. I Band. S. 240—363. — Hugo Meyer — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. 2-te Auflage. Erlangen. 1877. S. 41—65; 72—88. — Berner — Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 1898. S. 11—14; 22—26; 28—46. — Францъ фонъ-Листъ — Учебникъ уголовнаго права Общая часть Разрѣшенный авторомъ переводъ съ 12-го переработаннаго изданія Ф. Ильяшевичъ. Москва. 1903. с. 18—43; 56—67. — Hans Rüdorff — Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. Nebst den gebräuchlichsten Reichs-Strafgesetzen.

Въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкѣ Германія раздѣлялась на множество мелкихъ государствъ, соединенныхъ въ одну Имперію, извѣстную подъ именемъ Священной Римской Имперіи, съ Имперскими Сеймами и Императоромъ во главѣ.

Однородность большинства условій народной жизни въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкѣ въ этихъ партикулярныхъ нѣмецкихъ государствахъ, одинаковость или, по меньшей мѣрѣ, близость степени развитія соотвѣтствующихъ условій, однородность большинства потребностей народной жизни того времени въ этихъ государствахъ и одинаковость или, по крайней мѣрѣ, близость степени развитія соотвѣтствующихъ потребностей вызвали въ Германіи потребность объединенія въ областяхъ уголовнаго и уголовно-судебнаго права. Эта новая потребность ясно выразилась впервые на Имперскихъ Сеймахъ 1498 и 1500 годовъ. Эти Сеймы выразили желаніе, чтобы для всей Имперіи былъ выработанъ общій порядокъ суда по преступленіямъ.

Вскорѣ явился на свѣтъ и образецъ уложенія, содержавшій уголовныя и уголовно-судебныя постановленія. Это было Бамбергское уложеніе уголовнаго суда.

Въ 1507 году Бамбергскій епископъ издалъ уголовное и уголовно-судебное уложеніе. Оно называлось Бамбергскимъ уложеніемъ уголовнаго суда (Die Bamberger Hals-Gerichts-Ordnung). Составителемъ этого уложенія былъ Іоаннъ фрейгеръ Шварценберга и Гогенландсберга (Iohann Freiherr zu Schwarzenberg und Hohenlandsberg), извѣстный подъ именемъ Шварценберга [1]).

Въ 1516 г. въ Бранденбургскихъ Княжествахъ Ансбахѣ и Байрейтѣ, въ свою очередь, было издано и введено уголовное и уголовно судебное уложеніе. Оно называлось Бранденбургскимъ уложеніемъ уголовнаго суда (Die Brandenburgische Hals-Gerichts-Ordnung), было составлено тѣмъ же фрейгеромъ Шварценбергскимъ и отличалось отъ Бамбергскаго уложенія лишь незначительными измѣненіями.

Какъ Бамбергское, такъ и Бранденбургское уложеніе были первыми удачными образцами уголовнаго и уголовнаго-судебнаго уложенія въ Германіи въ началѣ XVI-го вѣка; такъ какъ оба они, искусно сочетая современные имъ нѣмецкіе взгляды съ принятыми идеями римскаго права и развивающимся стремленіемъ къ обезпеченію широкой возможности вліянія

21-te Auflage von Dr. H. Appelius. Berlin. 1903. — Г. Н. Штильманъ — Критика трехъ основныхъ вопросовъ уголовнаго права. (По поводу предстоящей реформы германскаго уголовнаго уложенія). Ж. М. Ю. 1904. № 1. с. 93—124.

1) Онъ родился въ 1463 г., а умеръ въ 1528.

науки на судебную практику, соотвѣтствовали условіямъ и потребностямъ нѣмецкой народной жизни своего времени.

При такихъ обстоятельствахъ, становится понятно, что, съ избраніемъ въ Императоры Карла V, сторонника реформъ, въ 1519 г., давнишнее стремленіе нѣмцевъ къ выработкѣ общаго уложенія уголовнаго суда для всей Имперіи должно было усилиться и обратить вниманіе на фрейгера Шварценбергскаго и уложенія его работы, Бамбергское и Бранденбургское. Такъ и вышло въ дѣйствительности.

Уже первый Имперскій Сеймъ, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ Императора Карла V въ Вормсѣ въ 1521 г., избралъ особую Комиссію и поручилъ ей выработать проектъ уложенія уголовнаго суда.

Она быстро исполнила это порученіе и представила Вормскому Сейму проектъ, въ основаніе котораго было положено Бамбергское уложеніе уголовнаго суда.

Этотъ Вормскій проектъ 1521-го года подвергся многочисленнымъ долговременнымъ обсужденіямъ и переработкамъ на Имперскихъ Сеймахъ въ Нюренбергѣ (1524), въ Шпейерѣ (1529) и въ Аугсбургѣ (1530). Хотя каждый изъ этихъ Сеймовъ, переработывая проектъ своего предшественника, выработывалъ свой проектъ; тѣмъ не менѣе, не смотря на эти многочисленныя переработки, каждый изъ проектовъ продолжалъ сохранять свое соотвѣтствіе съ Бамбергскимъ уложеніемъ уголовнаго суда.

Наконецъ, послѣдній проектъ уложенія, выработанный Аугсбургскимъ Имперскимъ Сеймомъ, былъ разсмотрѣнъ и, по исправленіи, утвержденъ Имперскимъ Сеймомъ подъ предсѣдательствомъ Императора Карла V въ Регенсбургѣ въ 1532 г.

Это уложеніе содержало постановленія какъ уголовныя, такъ и уголовно-судебныя. Оно называлось по-нѣмецки уголовнымъ судебнымъ уложеніемъ Императора Карла Пятаго и священной Римской Имперіи (Kaiser Karls des Fünften und des heiligen Römischen Reichs peinlich Gerichts-Ordnung), а по-латыни — уголовнымъ уложеніемъ Карла (Constitutio Criminalis Carolina). Отъ латинскаго названія и вошло въ употребленіе называть это уложеніе вкратцѣ тремя латинскими буквами C. C. C. или, просто, „Каролиной“, Carolina.

Хотя это уложеніе и называлось такимъ именемъ, которое свойственно закону, но въ дѣйствительности не было закономъ во всѣхъ своихъ постановленіяхъ. Напротивъ, во введеніи къ уложенію, въ такъ называемой спасительной оговоркѣ было прямо разъяснено Сеймомъ и Императоромъ, что уложеніе ничего не отнимаетъ у Курфюрстовъ, Князей и Сословій въ ихъ старыхъ принятыхъ правомѣрныхъ

и разумныхъ обычаяхъ. Тѣмъ не менѣе, это уложеніе настолько соотвѣтствовало потребностямъ и условіямъ нѣмецкой жизни своего времени, что въ однихъ изъ нѣмецкихъ партикулярныхъ государствъ было возведено на степень всецѣло обязательнаго закона путемъ изданія партикулярныхъ узаконеній въ этомъ отношеніи, въ другихъ было введено въ употребленіе путемъ судебной практики и только въ очень немногихъ осталось безъ примѣненія. Такимъ образомъ, уголовное уложеніе Карла V сдѣлалось источникомъ уголовнаго права, дѣйствующаго почти во всей Германіи, и сохранило это значеніе около 200 лѣтъ.

Чѣмъ дальше шло время; тѣмъ больше возникало и развивалось измѣненій въ условіяхъ и потребностяхъ нѣмецкой народной жизни, тѣмъ больше образовывалось и увеличивалось разногласій между ними и уголовнымъ уложеніемъ Карла V и тѣмъ сильнѣй и сильнѣй развивалась потребность въ реформѣ уголовнаго и уголовно-судебнаго права. Между тѣмъ многочисленность государствъ въ Германіи сохранялась. Государственная связь между ними, какъ между членами Священной Римской Имперіи, съ теченіемъ времени стала все болѣе и болѣе ослабѣвать и съ прекращеніемъ существованія этой Имперіи, по Пресбургскому договору между Франціей и Австріей 26-го декабря 1805 г., совершенно прекратилась. Стремленіе же къ внутреннему обособленію и увеличенію самостоятельности въ партикулярныхъ нѣмецкихъ государствахъ въ послѣдніе вѣка Священной Римской Имперіи стало все болѣе и болѣе развиваться, а съ прекращеніемъ существованія этой Имперіи большинство изъ этихъ государствъ пріобрѣло полную государственную независимость. При такихъ условіяхъ, потребность въ реформѣ уголовнаго и уголовно-судебнаго права въ Германіи естественно должна была привести съ теченіемъ времени къ появленію отдѣльныхъ уложеній уголовно-правового содержанія въ отдѣльныхъ партикулярныхъ, а тѣмъ болѣе въ независимыхъ нѣмецкихъ государствахъ. Это и вышло въ дѣйствительности.

Эпоха отдѣльныхъ уложеній уголовно-правового содержанія въ нѣмецкихъ государствахъ начинается около средины XVIII-го вѣка и продолжается до 1871-го года, до образованія современной Германской Имперіи на новыхъ началахъ. Сначала появляются уложенія, содержавшія уголовное и уголовно-судебное право, а потомъ — и уложенія, содержавшія только уголовное право.

Первымъ изъ партиклярныхъ нѣмецкихъ уложеній уголовно-правового содержанія было уложеніе Баварскаго уголовнаго права (Codex juris Bavarici criminalis) 7-го октября 1751 г. Это уложеніе раздѣ-

лялось на двѣ части, первая изъ которыхъ содержала уголовныя постановленія, а вторая — уголовно-судебныя.

Наибольшими достоинствами, извѣстностью и вліяніемъ въ свое время пользовалось Баварское уголовное уложеніе 16-го мая 1813 г. (Strafgesetzbuch für das Königreich Bayern), составленное знаменитымъ профессоромъ П. Фейрбахомъ (выше с. 66 прим. 2; 70 прим. 1; 71 прим. 7; 82—83; 85.).

Важное значеніе имѣло и прусское уголовное уложеніе 14-го апрѣля 1851 г. (Strafgesetzbuch für die preussischen Staaten), составленное подъ значительнымъ вліяніемъ французскаго уголовнаго уложенія.

10-го августа 1866 г. подъ сильнымъ давленіемъ Королевства Пруссіи образовался Сѣверо-Германскій Союзъ. Этотъ Союзъ имѣлъ Союзный Рейхстагъ и Союзный Совѣтъ. Главою или Президентомъ Союза былъ Прусскій Король Вильгельмъ I.

Конституція Сѣверо-Германскаю Союза 16-го апрѣля 1867 г. отнесла уголовное и уголовно-судебное право къ числу предметовъ союзнаго законодательства. Въ виду этого, Союзный Рейхстагъ 18-го апрѣля 1868 г. постановилъ предложить Союзному Канцлеру, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, приготовилъ проекты общаго уголовнаго уложенія и общаго уголовнаго судопроизводства, а равно и соотвѣтствующихъ постановленій судоустройства и представилъ эти проекты Рейхстагу. Къ этому предложенію присоединился 5-го іюня 1868 г. и Союзный Совѣтъ. Тогда Союзный Канцлеръ, графъ О. Бисмаркъ (Graf O. Bismarck) 17-го іюня 1868 г. обратился къ Прусскому Министру Юстиціи, доктору Леонгардту (Dr. Leonhardt) съ предложеніемъ объ изготовленіи проекта уголовнаго уложенія.

Составленіе этого проекта было поручено тайному совѣтнику, доктору Фридбергу (Dr. Friedberg), который быстро исполнилъ это порученіе. Уже 31-го іюля 1869 г. проектъ уголовнаго уложенія для Сѣверо-Германскаго Союза былъ переданъ Союзному Канцлеру и опубликованъ въ печати. Этотъ проектъ былъ близокъ по содержанію къ прусскому уголовному уложенію 1851 года.

Проектъ уголовнаго уложенія, составленный докторомъ Фридбергомъ, поступилъ на разсмотрѣніе Комиссіи изъ семи членовъ, избранной Союзнымъ Совѣтомъ 3-го іюля 1869 г. Комиссія посвятила проекту болѣе 43 засѣданій, разсмотрѣла его, переработала его, и на основаніи этой переработки составила свой проектъ уголовнаго уложенія для Сѣверо-Германскаго Союза. Она закончила свои работы 31 декабря 1869 г. и въ тотъ же день представила свой проектъ Союзному Канцлеру.

Проектъ уголовнаго уложенія, составленный Комиссіей Союзнаго Совѣта, былъ разсмотрѣнъ въ Союзномъ Совѣтѣ въ засѣданіяхъ 4-го и 11-го февраля 1870 г. Союзный Совѣтъ одобрилъ почти всѣ статьи этого проекта и внесъ съ своей стороны очень немного измѣненій. Благодаря этой работѣ Союзнаго Совѣта, явился проектъ уголовнаго уложенія для Сѣверо-Германскаго Союза, предварительно одобренный Союзнымъ Совѣтомъ.

Этотъ проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Союзнаго Рейхстага 14-го февраля 1870 г.

Союзный Рейхстагъ, разсматривая проектъ, нашелъ необходимымъ внести въ него рядъ измѣненій и, между прочимъ, исключить смертную казнь изъ лѣстницы наказаній.

Отрицательное отношеніе Рейхстага къ смертной казни встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе со стороны Союзнаго Совѣта, руководимаго графомъ Бисмаркомъ. Союзный Совѣтъ заявилъ Союзному Рейхстагу черезъ Прусскаго Министра Юстиціи, доктора Леонгардта, что проектъ можетъ быть окончательно принятъ Союзнымъ Совѣтомъ только въ случаѣ сохраненія смертной казни безъ измѣненій.

Примирительное предложеніе депутата Планка (Planck) о сохраненіи смертной казни въ проектѣ, подъ условіемъ непримѣненія ея въ нѣмецкихъ государствахъ, уже отмѣнившихъ ее ранѣе своими законами, было признано со стороны Союзнаго Совѣта также не допустимымъ.

Въ виду рѣшительнаго протеста Союзнаго Совѣта, Союзный Рейхстагъ уступилъ и, внеся различныя иныя измѣненія, сохранилъ смертную казнь въ проектѣ уголовнаго уложенія безъ измѣненій.

25-го мая 1870 года Союзный Рейхстагъ окончилъ свою работу и окончательно одобрилъ переработанный имъ проектъ уголовнаго уложенія для Сѣверо-Германскаго Союза.

25-го же мая 1870 г. этотъ проектъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ Союзнымъ Совѣтомъ безъ всякихъ измѣненій.

31-го мая 1870 г. этотъ проектъ былъ подписанъ Королемъ Пруссіи, какъ Главою Сѣверо-Германскаго Союза, и съ этого дня сталъ закономъ. Обнародованіе произведено 8 іюля 1870 г. Такъ возникло уголовное уложеніе Сѣверо-Германскаго Союза (Strafgesetzbuch für den Norddeutschen Bund) 31-го мая 1870 г.

Вмѣстѣ съ проектомъ уголовнаго уложенія былъ одобренъ Союзнымъ Рейхстагомъ и Союзнымъ Совѣтомъ, а затѣмъ былъ подписанъ Главою Сѣверо-Германскаго Союза и проектъ закона о введеніи уголовнаго уложенія въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, 31-го мая 1870 г. явилось не только уголовное уложеніе Сѣверо-Германскаго Союза, но

и законъ о введеніи этого уголовнаго уложенія въ дѣйствіе. Этотъ законъ назначилъ введеніе уголовнаго уложенія въ дѣйствіе на 1-е января 1871 г., что и было исполнено.

Между тѣмъ лѣтомъ 1870 г. началась война между Сѣверо-Германскимъ Союзомъ и Франціей. Южно-Германскія государства: Баварія, Вюртембергъ, Гессенъ и Баденъ стали на сторону Сѣверо-Германскаго Союза и приняли участіе въ войнѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 г. въ Версалѣ произошло соединеніе Сѣверо-Германскаго Союза съ Южно-Германскими государствами въ Германскій Союзъ. 15-го ноября 1870 г. Сѣверо-Германскій Союзъ заключилъ договоръ съ Баденомъ и Гессеномъ о соединеніи ихъ въ Германскій Союзъ. Затѣмъ, 23-го ноября къ этому договору присоединись Вюртембергъ и Баварія.

Согласно договору Сѣверо-Германскаго Союза съ Баденомъ и Гессеномъ 15-го ноября 1870 г. и договору съ Вюртембергомъ 25 ноября 1870 г., уголовное уложеніе Сѣверо-Германскаго Союза вступило въ дѣйствіе 1-го января 1871 г. въ Гессенѣ и 1-го января 1872 г. въ Баденѣ и Вюртембергѣ.

18-го января 1871 года въ Версалѣ Германскій Союзъ провозглашенъ Германской Имперіей, а Прусскій Король Вильгельмъ I Германскимъ Императоромъ.

Государственное устройство Германской Имперіи опредѣлено закономъ о конституціи 16-го апрѣля 1871 г.

Этотъ законъ обезпечилъ Германской Имперіи Рейхстагъ, Союзный Совѣтъ и царствованіе Прусскаго Монарха въ качествѣ Германскаго Императора, а вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, что уголовное уложеніе Сѣверо-Германскаго Союза признается закономъ и для Германской Имперіи [1]).

Въ виду этого постановленія, необходимо было произвести въ текстѣ уголовнаго уложенія Сѣверо-Германскаго Союза цѣлый рядъ измѣненій, вызываемыхъ замѣной Сѣверо-Германскаго Союза Германской Имперіей. Эта задача была рѣшена закономъ 15-го мая 1871 г. Этотъ законъ установилъ текстъ уголовнаго уложенія для Германской Имперіи. Такъ явилось уголовное уложеніе Германской Имперіи (Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich) 15-го мая 1871 г.

Съ 1-го января 1872 г. оно дѣйствовало уже во всѣхъ предѣлахъ Германской Имперіи.

---

1) По закону 22-го апрѣля 1871 г. уголовное уложеніе Сѣверо-Германскаго Союза должно было вступить въ дѣйствіе въ Баваріи съ 1-го января 1872 г.

Законъ 26-го февраля 1876 г. подвергъ уголовное уложеніе Германской Имперіи значительнымъ измѣненіямъ въ разныхъ отношеніяхъ. Различныя измѣненія внесены въ него и позднѣйшими узаконеніями. Съ этими измѣненіями оно дѣйствуетъ въ Германской Имперіи и до сихъ поръ.

Не смотря на свои исправленія, германское уголовное уложеніе страдаетъ большими недостатками и требуетъ коренной переработки. Такая переработка, судя по рѣчи Министра Юстиціи Нибердинга 21-го марта 1901 г., уже намѣчена (Штильманъ — Критика трехъ осн. вопросовъ уг. права. Ж. М. Ю. 1904. № 1. с. 99 прим. 2.).

Дѣйствующее общее уголовное право Германской Имперіи имѣетъ только одинъ источникъ — законъ. Главными внѣшними формами воплощенія этого источника, хотя и не единственными, выступаютъ: уголовное уложеніе Германской Имперіи 15-го мая 1871 г. и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія, а въ томъ числѣ главнымъ образомъ законъ 26-го февраля 1876 г.

Частнымъ пособіемъ къ изученію текста дѣйствующаго уголовнаго уложенія Германской Имперіи съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями можетъ служить изданіе Г. Рюдорфа, переизданное Г. Аппеліусомъ: Dr. Hans Rüdorff Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. Nebst den gebräuchlichsten Reichs-Strafgesetzen. 21-te Auflage von Dr. H. Appelius. Berlin. 1903.

Въ качествѣ литературныхъ пособій къ изученію дѣйствующаго общаго уголовнаго права Германской Имперіи можно указать на сочиненія А. Бернера (выше с. 67 прим. 3; 70 прим. 4; 82.) и Франца фонъ Листа (выше с. 54 прим. 1; 56 прим. 3; 57 прим. 2; 70 прим. 5; 71 прим. 12; 82; 86 прим. 1.).

1. A. Berner — Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 18-te Auflage. Leipzig. 1898.

2. Franz v. Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. 13-te durchgearbeitete Auflage. Berlin. 1903. — Францъ фонъ-Листъ — Учебникъ уголовнаго права Общая часть Разрѣшенный авторомъ переводъ съ 12-го переработаннаго изданія Ф. Ильяшевичъ. Москва. 1903.

V. Голландія. Общее уголовное право, дѣйствующее въ Королевствѣ Голландіи или въ Нидерландскомъ Королевствѣ, имѣетъ только одинъ источникъ — законъ. Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: уголовное уложеніе (Wetboek van Strafrecht), утвержденное 3 марта 1881 г., и соотвѣтствующія послѣдующія узаконенія.

Голландское уголовное уложеніе 1 Марта 1881 г. вступило въ дѣйствіе 1 сентября 1886 г.

Это уложеніе переведено по-русски, по-французски и по-нѣмецки. Русскій переводъ сдѣланъ В. Р. Лицкимъ: Нидерландское уложеніе отъ 3 Марта 1881 г. Переведено Юрисконсультомъ Консультаціи, при М. Ю. учрежденной, В. Р. Лицкимъ съ нѣмецкаго перевода профессоровъ: Д-ра Дохова (стат. 1—91) и Д-ра Тейхмана (стат. 92—475), и провѣрено по оффиціальному изданію нидерландскаго уложенія (Staatsblad № 35). С.-Петербургъ. 1882.

Французскій переводъ принадлежитъ перу В. Винтгенса: Code pénal des Pays-Bas (3 mars 1881) Traduit et annoté par Willem-Joan Wintgens, avocat à la Haye, attaché au Ministère de la Guerre. Paris 1883.

Въ качествѣ литературнаго пособія на французскомъ языкѣ къ изученію дѣйствующаго общаго голландскаго уголовнаго права можно рекомендовать сочиненіе О. ванъ Свиндерена: O. Q. van Swinderen — Esquisse de droit pénal actuel dans les Pays-Bas et à l'étranger. Tomes I-er—IV-ème. Groningue. 1891—1898.

VI. Италія. Общее уголовное право, дѣйствующее въ Королевствѣ Италіи, имѣетъ одинъ источникъ — законъ. Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: уголовное уложеніе (codice penale), утвержденное 30 іюня 1889 г., и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія.

Итальянское уголовное уложеніе 30 іюня 1889 г. вступило въ дѣйствіе 1 января 1890 г.

Частнымъ пособіемъ къ изученію текста дѣйствующаго итальянскаго уголовнаго уложенія съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями можетъ служить изданіе гг. Бокка (fratelli Bocca): Codice penale per il regno d'Italia. Torino. 1902.

Въ качествѣ литературнаго пособія къ изученію общаго итальянскаго уголовнаго права можно указать на сочиненія Э. Пессины (выше с. 70 прим. 7; 82.) и П. Туоцци.

1. E. Pessina — Manuale del diritto penale italiano. Napoli. Parte prima, 1893. Parte seconda, 1895.

2. Pas. Tuozzi — Corso di diritto penale, secondo il vigente codice d'Italia, esposto nell' università di Napoli. Volume I (Parte generale). Seconda edizione. Napoli. 1899.

VII. Нью-Іоркъ. Общее уголовное право, дѣйствующее въ Сѣверо-Американскомъ Штатѣ Нью-Іоркъ, имѣетъ только одинъ источникъ — законъ. Главными внѣшними формами воплощенія этого источника являются: уголовное уложеніе (the penal code) 26 іюля 1881 г. и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія.

Нью-іоркское уголовное уложеніе 26 іюля 1881 г. вступило въ дѣйствіе 1 декабря 1882 г.

Частнымъ пособіемъ къ изученію текста дѣйствующаго нью-іоркскаго уголовнаго уложенія съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями можетъ служить книга Дж. Кука въ изданіи Г. Парсонса (H. B. Parsons): The code of criminal procedure and the penal code of the State of New York. As amended, at the close of the one hundred twenty third session of the legislature 1900. Annotated by John T. Cook of the Albany bar. Albany, N. Y. 1900. The penal code of the State of New York. As amended, at the close of the one hundred twenty third session of the legislature 1900. Annotated by John T. Cook.

Литературнымъ пособіемъ къ изученію уголовнаго права, дѣйствующаго въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, а въ томъ числѣ и въ Штатѣ Нью-Іоркъ, является сочиненіе Е. Макъ-Клэна: A treatise on the criminal law as now administered in united States by Emlin McClain, A. M., LL. D. Chancellor of the Law Departement of the State University of Jowa. In two volumes. Chicago. 1897.

VIII. Англія. Въ Королевствѣ Великобританіи до сихъ поръ нѣтъ ни уголовнаго уложенія, ни свода уголовныхъ законовъ.

Общее уголовное право, дѣйствующее въ Англіи, имѣетъ два источника: 1) законъ [statute] и 2) такъ называемое „общее право“ [common law] [1]) т. е. въ сущности обычай, одобренный государствомъ.

Законъ, служащій однимъ изъ источниковъ общаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ Англіи, воплощается не въ уголовномъ уложеніи или сводѣ уголовныхъ законовъ, а во множествѣ разновременныхъ англійскихъ уголовныхъ узаконеній. Соединены въ одинъ сводъ въ 1861 г. только пять законовъ объ уголовныхъ посягательствахъ противъ личности, имущества и доброкачественности денежныхъ знаковъ [the Criminal Law Consolidation Acts] [2]).

1) J. F. Stephen — A history of the criminal law of England. Vol. II. p. 187. „Crimes, говоритъ Дж. Ф. Стифенъ, may be classified in respect of their origin as being either crimes at common law or by statute (Преступленія могутъ быть подраздѣлены, по отношенію къ ихъ происхожденію, на двѣ категоріи: на дѣянія, возведенныя въ преступленіе общимъ правомъ, и дѣянія, возведенныя въ преступленіе закономъ.). — Dr. Ernst Schuster, Barrister-at-law in London — England und Ireland. Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung. I. Band: Das Strafrecht der Staaten Europas. XI. Grossbritannien. 1. S. 616.

2) J. F. Stephen — A history of criminal law of England. II. p. 217—218. — E. Schuster — England und Ireland. Die Strafgesetzgebung der Gegenwart. I. Band. XI. 1. S. 615.

Подъ именемъ „общаго права“, „common law“ какъ въ прошломъ вѣкѣ, такъ и въ наше время разумѣются установившіяся правила правового содержанія, выработанныя англійскими судами, при посредствѣ судебныхъ приговоровъ по судимымъ дѣламъ, въ пополненіе неполноты дѣйствующаго англійскаго законодательства и даже иногда въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ отмѣну нѣкоторыхъ постановленій этого законодательства [1]).

Какъ право, установленное законодателемъ при посредствѣ закона — „statute“, называется „statute law“; такъ и право, выработанное судами при посредствѣ судебныхъ приговоровъ въ отдѣльныхъ случаяхъ — „case“, называется „case law“ [2]).

Обычай, являющійся однимъ изъ источниковъ общаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ Англіи, воплощается въ установившихся правилахъ уголовно-правового содержанія (common law), выработанныхъ англійскими уголовными судами, при посредствѣ судебныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ, въ пополненіе неполноты дѣйствующаго англійскаго уголовнаго законодательства и даже иногда въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ отмѣну нѣкоторыхъ постановленій этого законодательства (case law).

Съ теченіемъ времени область общаго англійскаго уголовнаго права, опредѣляемаго закономъ (statute law) постепенно увеличивается не только въ новыхъ направленіяхъ, но и на счетъ области общаго обычнаго англійскаго уголовнаго права. Дѣло въ томъ, что англійскій законодатель довольно часто возводитъ въ законъ многое изъ того, что было уже принято въ области общаго англійскаго уголовнаго права, опредѣляемаго такъ называемымъ общимъ правомъ (common law) и было выработано англійскими уголовными судами при посредствѣ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ (case law).

Литературными пособіями къ изученію дѣйствующаго общаго англійскаго уголовнаго права могутъ служить сочиненія Дж. Ф. Стифена (выше с. 68 прим. 1; 69 прим. 9; 82.), Э. Шустера (выше с. 245 прим. 1) и К. С. Кенни.

1. A digest of the criminal law. (Crimes and punishments). By the late Sir James Fitzjames Stephen. Fifth edition by Sir Herbert Stephen . . . and Harry Lushington Stephen . . . London and New York. 1894.

---

1) Schuster — England und Ireland. Die Strafgesetzgebung der Gegenwart. I. Band. XI. 1. S. 616.

2) Г. В. Демченко — Судебный прецедентъ. Варшава. 1903. с. 1—21.

2. E. Schuster — England und Ireland. Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung. I. Band: Das Strafrecht der Staaten Europas. XI. Grossbritannien. 1. S. 611—675.

3. Outlines of criminal law based on lectures delivered in the university of Cambrige by Courtney Stanhope Kenny, LL. D. of Lincoln's inn, barrister-at-law; university reader in english law; late m. p. for barnsley. Cambrige. 1904. Book I and II.

Глава III.

Уголовный законъ.

§ 23. Понятіе уголовнаго закона.

Уголовнымъ закономъ называется такое повелѣніе, которое удовлетворяетъ тремъ условіямъ.

Во первыхъ, необходимо, чтобы повелѣніе было издано органомъ верховной власти государства или, по крайней мѣрѣ, уполномоченными къ тому, подчиненными органами.

Во вторыхъ, необходимо, чтобы это повелѣніе было надлежащимъ порядкомъ обнародовано.

Наконецъ, въ третьихъ, необходимо, чтобы это повелѣніе содержало въ себѣ какое-нибудь общее правило или исключеніе изъ общаго правила относительно уголовныхъ правонарушеній или наказаній, или же содержало бы запрещеніе или даже предписаніе какого-либо опредѣленнаго дѣйствія, подъ угрозой наказанія за неисполненіе этого запрета или приказа, какъ за уголовное правонарушеніе.

Если повелѣніе, удовлетворяя двумъ первымъ условіямъ, содержитъ въ себѣ только какое-нибудь общее правило или исключеніе изъ общаго правила относительно уголовныхъ правонарушеній или наказаній, а тѣмъ болѣе тѣхъ и другихъ вмѣстѣ; въ такомъ случаѣ это повелѣніе называется уголовнымъ закономъ въ обширномъ смыслѣ слова. Такими законами наполнена общая часть уголовныхъ уложеній. Примѣромъ можетъ служить 5-я статья нашего уложенія о наказаніяхъ. Она постановляетъ: „Зло, сдѣланное случайно, не только безъ намѣренія, но и безъ всякой со стороны учинившаго оное неосторожности, не считается виною".

Если же повелѣніе, удовлетворяя двумъ первымъ условіямъ, заключаетъ въ себѣ запрещеніе или предписаніе какого-либо опредѣ-

леннаго дѣйствія, подъ угрозой наказанія за неисполненіе этого запрета или приказа, какъ за уголовное правонарушеніе; въ такомъ случаѣ это повелѣніе называется уголовнымъ закономъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такими законами наполнена особенная часть уголовныхъ уложеній. Примѣромъ можетъ служить 1606-я статья нашего уложенія. Она постановляетъ: „За поджогъ съ умысломъ какого либо обитаемаго зданія, виновные подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ восьми до десяти лѣтъ".

§ 24. Основное содержаніе и главныя формы выраженія уголовныхъ законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Уголовныхъ законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова — очень много, а непосредственное содержаніе ихъ — весьма разнообразно. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ громадномъ разнообразіи воплощаются однѣ и тѣ же основныя отвлеченныя идеи. Каждый уголовный законъ въ тѣсномъ смыслѣ слова имѣетъ одно и то же основное отвлеченное содержаніе и безъ него не можетъ ни существовать, ни обладать разумнымъ значеніемъ. Онъ всегда содержитъ въ себѣ два правила: охраняемое и охраняющее.

Охраняемое правило опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ обязательное правомѣрное поведеніе субъекта.

Это правило заключается иногда въ запрещеніи производить извѣстное дѣйствіе, напр., при указанныхъ условіяхъ, убивать человѣка, а иногда — въ приказаніи произвести извѣстное дѣйствіе, напр., при указанныхъ условіяхъ, подать помощь человѣку, подвергающемуся смертельной опасности.

Такъ, напр., 105-я статья X-й главы соборнаго уложенія Царя Алексѣя Михайловича 29 января 1649 года [П. С. З. (с. 1.). Т. I. № 1. Уложеніе 29 Генваря 1649 г.], между прочимъ, постановляетъ: . . . „и истцу и отвѣтчику, ставъ передъ судьями искать и отвѣчать вѣжливо, и смирно и не шумко, и передъ судьями никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорить, и межъ себя не браниться".

Охраняющее правило установляетъ наказанія за несоблюденіе обязательнаго правомѣрнаго поведенія, признанное со стороны закона уголовнымъ правонарушеніемъ т. е., короче сказать, за преступное поведеніе.

Это правило состоитъ изъ двухъ частей: опредѣлительной и охранительной или, другими словами, изъ диспозиціи и санкціи.

Первая — опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ преступное поведеніе

или уголовное правонарушеніе, а вторая — установляетъ наказаніе за это преступное дѣяніе.

Напр., 105-я статья X-й главы соборнаго уложенія 1649 г., между прочимъ, постановляетъ: „А будетъ передъ судьями истецъ или отвѣтчикъ межъ себя побранятся и кто кого изъ нихъ обезчеститъ непригожимъ словомъ: и того, кто передъ судьями кого обезчеститъ словомъ, за судейское бесчестіе посадити въ тюрьму на недѣлю; а кого онъ словомъ обезчеститъ, и тому велѣти на немъ доправити безчестіе по указу". Первая, опредѣлительная часть этой статьи опредѣляетъ признаки преступленія: брань или непригожее слово, со стороны истца или отвѣтчика, передъ судьями на судѣ, а вторая, охранительная — установляетъ наказанія: тюремное заключеніе и, сверхъ того, другія кары, а обыкновенно денежный штрафъ въ пользу оскорбленной стороны (Ул. 1649 г. Гл. X. ст. 27—99.).

Точно также, напр., 1606-я статья нашего дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ говоритъ: „За поджогъ съ умысломъ какого либо обитаемаго зданія, виновные подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ восьми до десяти лѣтъ". Первая, опредѣлительная часть этой статьи опредѣляетъ признаки преступленія: поджогъ, зданіе, обитаемость, виновность, умыселъ, а вторая, охранительная — установляетъ наказанія: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу на время отъ 8 до 10 лѣтъ.

Какъ охраняемое правило, такъ и охраняющее служатъ необходимыми составными частями каждаго уголовнаго закона въ тѣсномъ смыслѣ слова. Доказательствомъ служитъ то, что каждый изъ этихъ уголовныхъ законовъ, существующихъ въ дѣйствительности, всегда содержитъ въ себѣ оба эти правила и безъ нихъ не можетъ ни существовать, ни имѣть разумнаго смысла. Если мы возьмемъ какой-нибудь уголовный законъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и попробуемъ уничтожить въ немъ охраняющее правило; то тотчасъ замѣтимъ, что это — возможно, но что съ уничтоженіемъ охраняющаго правила этотъ законъ самъ прекращаетъ существованіе. Если же мы возьмемъ какой-нибудь уголовный законъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и попробуемъ уничтожить въ немъ охраняемое правило не уничтожая охраняющаго; то тотчасъ увидимъ, что это — совершенно не возможно, такъ какъ смыслъ охраняемаго правила, съ логической необходимостью, выступаетъ передъ нами изъ смысла, принадлежащаго охраняющему правилу. А если бы мы уничтожили въ охраняющемъ правилѣ всѣ тѣ части, изъ которыхъ съ логической необходимостью вытекаетъ

содержаніе охраняемаго правила; въ такомъ случаѣ изуродованное нами охраняющее правило потеряло бы всякое разумное значеніе.

Хотя каждый уголовный законъ въ тѣсномъ смыслѣ слова всегда имѣетъ одно и то же основное отвлеченное содержаніе и состоитъ изъ сочетанія двухъ правилъ: охраняемаго и охраняющаго; тѣмъ не менѣе, это основное содержаніе имѣетъ двѣ главныхъ формы выраженія: полную и краткую.

Полная форма выраженія имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда законодатель, издавая уголовный законъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, излагаетъ прямо словами оба правила: и охраняемое, и охраняющее.

Примѣромъ можетъ служить 105-я статья X-й главы соборнаго уложенія 1649 г. Эта статья начинается изложеніемъ охраняемаго правила. „И истцу и отвѣтчику, говоритъ она, ставъ передъ судьями искать и отвѣчать вѣжливо, и смирно и не шумко, и передъ судьями никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорить, и межъ себя не браниться". За изложеніемъ же охраняемаго правила идетъ цѣлый рядъ охраняющихъ правилъ. „А будетъ передъ судьями, продолжаетъ та же статья, истецъ или отвѣтчикъ межъ себя побранятся, и кто кого изъ нихъ обезчеститъ непригожимъ словомъ: и того, кто передъ судьями кого обезчеститъ словомъ, за судейское безчестіе посадити въ тюрьму на недѣлю; а кого онъ словомъ обезчеститъ, и тому велѣти на немъ доправити безчестіе по указу".

Краткая форма выраженія уголовнаго закона въ тѣсномъ смыслѣ слова выступаетъ въ томъ случаѣ, когда законодатель, издавая законъ, излагаетъ прямо словами только охраняющее правило, не формулируя охраняемаго. Напр., законодатель не говоритъ прямо словами: не убивай злоумышленно ни отца, ни матери, но постановляетъ: „За умышленное убійство отца или матери, виновные подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу безъ срока" (Ул. 1449.).

Хотя, при краткомъ формулированіи уголовнаго закона, прямо излагается словами только охраняющее правило, но не охраняемое; тѣмъ не менѣе, это нисколько не вредитъ пониманію уголовнаго закона. Благодаря неразрывной логической связи охраняющаго правила съ охраняемымъ, каждый здравомыслящій человѣкъ, по присутствію охраняющаго правила, тотчасъ заключаетъ о существованіи охраняемаго. Содержаніе же охраняемаго правила весьма легко опредѣлить, по содержанію охраняющаго; такъ какъ преступное поведеніе противоположно обязательному правомѣрному поведенію.

Эти обстоятельства, въ связи съ отвращеніемъ къ излишнему

многословію, и побудили законодателей отдать рѣшительное предпочтеніе краткой формѣ изложенія уголовныхъ законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. И дѣйствительно, она господствуетъ у всѣхъ культурныхъ народовъ. Она часто употребляется и у полуобразованныхъ народовъ, но за то у нихъ рядомъ съ ней часто встрѣчается и полная форма.

§ 25. Санкція уголовнаго закона въ тѣсномъ смыслѣ слова, ея виды: 1) санкція абсолютно неопредѣленная, 2) санкція абсолютно опредѣленная и 3) санкція относительно опредѣленная, ихъ достоинства, недостатки и положеніе въ уголовномъ правѣ культурныхъ государствъ.

Санкція уголовнаго закона въ тѣсномъ смыслѣ слова бываетъ трехъ видовъ: 1) абсолютно неопредѣленная, 2) абсолютно опредѣленная и 3) относительно опредѣленная.

Абсолютно неопредѣленная санкція имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, гдѣ законъ, установляя наказаніе за уголовное правонарушеніе, не опредѣляетъ этого наказанія ни по содержанію, ни по размѣру, предоставляя опредѣленіе этого на усмотрѣніе суда.

Эта санкція имѣетъ то достоинство, что даетъ возможность суду индивидуализировать присуждаемое наказаніе т. е. соразмѣрять присуждаемое наказаніе со значительными индивидуальными особенностями виновности осуждаемаго человѣка. Недостатокъ же этой санкціи заключается въ томъ, что она открываетъ широкій просторъ судейскому произволу, при назначеніи наказаній судомъ преступникамъ. А развитіе судейскаго произвола сильно вредитъ и господству права, и народному благосостоянію.

Въ дѣйствующемъ уголовномъ правѣ огромнаго большинства культурныхъ государствъ нашего времени, напр., въ русскомъ уголовномъ правѣ, во французскомъ, германскомъ, голландскомъ, итальянскомъ, абсолютно неопредѣленная санкція вовсе не допускается. Въ дѣйствующемъ же уголовномъ правѣ нѣкоторыхъ культурныхъ государствъ, напр., въ англійскомъ, она еще иногда встрѣчается, въ качествѣ исключенія, при нѣкоторыхъ маловажныхъ уголовныхъ правонарушеніяхъ [misdemeanor] [1]).

Абсолютно опредѣленная санкція имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, гдѣ законъ, установляя наказаніе за уголовное правонарушеніе, самъ опредѣляетъ это наказаніе, со всею точностью, какъ по содержанію,

---

1) Sir James Fitzjames Stephen — A digest of the criminal law. 5 ed. London and New York. 1894. p. 18. Art. 23 and note 1.

такъ и по размѣру, не допуская никакого выбора или измѣненія суду. Примѣромъ абсолютно опредѣленнаго наказанія можетъ служить смертная казнь, пожизненное заключеніе и т. д.

Абсолютно опредѣленная санкція имѣетъ то достоинство, что устраняетъ широкое развитіе произвола судей, при назначеніи наказаній преступникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что господство хорошаго законодательства въ высшей степени полезно для народнаго благосостоянія. Но даже господство дурныхъ законовъ лучше судейскаго произвола, такъ какъ оно приноситъ сравнительно гораздо менѣе вреда народному благосостоянію.

Хотя устраненіе судейскаго произвола и составляетъ несомнѣнное достоинство абсолютно опредѣленной санкціи; тѣмъ не менѣе, и она имѣетъ важный недостатокъ и, благодаря ему, оказывается не удовлетворительной, съ точки зрѣнія интересовъ наибольшаго народнаго благосостоянія. Онъ состоитъ въ томъ, что эта санкція не даетъ никакой возможности суду индивидуализировать присуждаемое наказаніе. А между тѣмъ самъ законодатель не въ состояніи заранѣе предусмотрѣть въ отдѣльности и обложить отдѣльными наказаніями всю массу виновностей, отличающихся значительными индивидуальными особенностями. Такимъ образомъ, при абсолютно опредѣленной санкціи, принципъ соразмѣрности наказанія съ виновностью наказуемаго лица неминуемо нарушается, а эти нарушенія расшатываютъ господство правового порядка въ народной жизни и приносятъ вредъ народному благосостоянію.

Дѣйствующее уголовное право культурныхъ государствъ нашего времени допускаетъ абсолютно опредѣленную санкцію, но только — въ качествѣ исключенія, имѣющаго, однако, болѣе или менѣе значительное распространеніе.

Относительно опредѣленная санкція имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ, установляя наказаніе за уголовное правонарушеніе, опредѣляетъ самъ, по содержанію или даже и по размѣру, лишь предѣльныя присудимыя наказанія, предоставляя суду опредѣлять въ этихъ предѣлахъ, съ точностью, содержаніе, или размѣръ, или содержаніе и размѣръ наказанія, сообразно значительнымъ индивидуальнымъ особенностямъ виновности осуждаемаго преступника.

Эта санкція имѣетъ нѣсколько подвидовъ.

Во первыхъ, встрѣчается, что законодатель назначаетъ за данное уголовное правонарушеніе нѣсколько наказаній, различныхъ по содержанію, но неизмѣнныхъ по размѣру. Напр., законъ постановляетъ, что за данное преступленіе полагается смертная казнь или пожизнен-

ная каторга. Тутъ судъ избираетъ преступнику лишь содержаніе присуждаемаго наказанія.

Въ другихъ случаяхъ законъ опредѣляетъ лишь содержаніе наказанія за данное уголовное правонарушеніе, предоставляя выборъ мѣры наказанія суду.

Въ третьихъ, часто бываетъ, что законъ, указавъ преступленіе, обозначаетъ какъ содержаніе наказанія, такъ и предѣльные размѣры: или высшій (maximum), или нисшій (minimum), или оба.

Наконецъ, возможны и различныя сочетанія этихъ трехъ подвидовъ. Напр., законъ постановляетъ, что виновный въ данномъ уголовномъ правонарушеніи подлежитъ тюремному заключенію на срокъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, или аресту отъ 1 до 3 недѣль, или выговору.

Относительно опредѣленная санкція соединяетъ въ себѣ достоинства двухъ другихъ санкцій, не страдая недостатками послѣднихъ. Она достаточно ограничиваетъ произволъ суда, при назначеніи наказаній преступникамъ, и въ то же время даетъ возможность суду индивидуализировать присуждаемое наказаніе. Въ виду этихъ обстоятельствъ, эта санкція дѣйствительно соотвѣтствуетъ интересамъ наибольшаго народнаго благосостоянія.

Она господствуетъ въ дѣйствующемъ уголовномъ правѣ всѣхъ культурныхъ государствъ нашего времени, въ качествѣ широко распространеннаго общаго правила.

§ 26. Съ точки зрѣнія интересовъ наибольшаго народнаго благосостоянія, законъ долженъ быть единственнымъ источникомъ уголовнаго права въ культурномъ государствѣ.

Познакомившись съ понятіемъ уголовнаго закона, мы можемъ перейти къ вопросу, долженъ ли законъ быть единственнымъ источникомъ уголовнаго права въ культурномъ государствѣ, съ точки зрѣнія интересовъ наибольшаго народнаго благосостоянія.

Рѣшеніе этого вопроса не представляетъ затрудненій.

Въ настоящее время всѣ культурныя государства раздѣляются на двѣ группы. Въ культурныхъ государствахъ первой группы, какъ напр., во Французской Республикѣ, въ Германской Имперіи, въ Голландскомъ Королевствѣ, въ Итальянскомъ Королевствѣ и т. д., законъ служитъ единственнымъ источникомъ дѣйствующаго уголовнаго права (выше с. 93.). Въ культурныхъ же государствахъ второй группы законъ является, хотя и не единственнымъ, за то главнымъ источникомъ уголовнаго права и дѣйствуетъ въ видѣ весьма широко или, по крайней мѣрѣ, широко распространеннаго общаго правила. Что

же касается другихъ источниковъ уголовнаго права, то они дѣйствуютъ въ этихъ государствахъ, при законѣ, только въ качествѣ исключеній изъ общаго правила. Эту роль исключеній изъ общаго правила играютъ: въ однихъ государствахъ, какъ напр., въ Королевствѣ Великобританіи, — обычай, одобренный государствомъ (выше. с. 93—94; 95—96; 245—247.), а въ другихъ, какъ напр., въ Россійской Имперіи, — обычай, одобренный государствомъ, и правила религіозныхъ союзовъ, одобренныя государствомъ (выше с. 93—95; 133—137; 147—154; 206—218; 232—234.).

Изученіе исторической жизни народовъ, несомнѣнно, указываетъ, что съ развитіемъ прогресса господство закона, въ качествѣ источника уголовнаго права, все болѣе и болѣе увеличивается, обычай же, одобренный государствомъ, а тѣмъ болѣе правила религіозныхъ союзовъ, одобренныя государствомъ, все болѣе и болѣе сокращаютъ свое дѣйствіе въ качествѣ источниковъ уголовнаго права и въ концѣ концовъ у передовыхъ культурныхъ народовъ совершенно исключаются изъ числа источниковъ уголовнаго права.

Господствующее мнѣніе ученыхъ нашего времени, въ свою очередь, рѣшительно заявляетъ, что законъ долженъ быть единственнымъ источникомъ уголовнаго права въ культурномъ государствѣ. Для выраженія идеи объ единовластномъ господствѣ уголовнаго закона въ области уголовнаго права обыкновенно употребляется два знаменитыхъ афоризма. Одинъ имѣетъ въ виду уголовное правонарушеніе, другой — наказаніе. Первый гласитъ: nullum crimen sine lege, преступно — только то, что законъ призналъ преступленіемъ, а второй провозглашаетъ: nulla poena sine lege, не должно быть никакого наказанія, кромѣ узаконеннаго.

И дѣйствительно, съ точки зрѣнія интересовъ наибольшаго народнаго благосостоянія, законъ долженъ быть единственнымъ источникомъ уголовнаго права въ культурномъ государствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, законодатель культурнаго государства больше всѣхъ имѣетъ возможность сообразовать содержаніе своихъ уголовно-правовыхъ правилъ съ разносторонней массой потребностей и условій жизни своего народа. Соотвѣтствіе же дѣйствующаго уголовнаго права современнымъ ему потребностямъ и условіямъ жизни того народа, среди котораго оно дѣйствуетъ, составляетъ самое важное изъ желательныхъ достоинствъ уголовнаго права.

Законодатель культурнаго государства больше всѣхъ имѣетъ возможность изложить содержаніе своихъ уголовно-правовыхъ правилъ съ надлежащею полнотой, точностью и ясностью.

Законъ гораздо доступнѣе изученію, чѣмъ обычай.

Наконецъ, господство права въ народной жизни, безопасность государства отъ внутреннихъ враговъ и безопасность отдѣльныхъ лицъ отъ притѣсненій со стороны чиновъ административнаго вѣдомства и чиновъ судебнаго вѣдомства могутъ быть наиболѣе обезпечены только при полномъ единовластномъ господствѣ закона въ области уголовнаго права.

§ 27. Дѣйствіе уголовнаго закона во времени.

Уголовный законъ, наравнѣ съ прочими законами, издается не иначе, какъ съ соблюденіемъ правилъ законодательной дѣятельности, принятыхъ въ государствѣ. Эти правила въ культурныхъ государствахъ опредѣлены закономъ. Такъ напр., въ Россійской Имперіи, эти правила опредѣлены въ „Сводѣ Основныхъ Государственныхъ Законовъ“ (Св. Зак. Т. I. Ч. I. Сводъ Основн. Госуд. Законовъ. Разд. I. Гл. VIII. О законахъ. ст. 47—79.).

Изданный уголовный законъ дѣйствуетъ только въ опредѣленныхъ предѣлахъ времени. Начальнымъ предѣломъ служитъ день вступленія въ дѣйствіе, а конечнымъ — послѣдній день дѣйствія.

Дѣйствіе уголовнаго закона состоитъ въ томъ, что онъ примѣняется на дѣлѣ, въ качествѣ обязательнаго правила, ко всѣмъ предусмотрѣннымъ въ немъ дѣяніямъ человѣка. Дѣянія людей судятся, и приговоры приводятся въ исполненіе, сообразно дѣйствующему уголовному закону, предусматривающему эти дѣянія.

Дѣяніе считается учиненнымъ при дѣйствіи того уголовнаго закона, при дѣйствіи котораго закончилось осуществленіе законнаго состава той стадіи, на которой остановилось осуществленіе даннаго уголовнаго правонарушенія въ данномъ случаѣ. Дѣяніе признается учиненнымъ до вступленія закона въ дѣйствіе, если до этого времени осуществился весь законный составъ этой стадіи преступленія, предусмотрѣнный этимъ закономъ. Если же осуществленіе состава, свойственнаго данному уголовному правонарушенію, началось при дѣйствіи одного уголовнаго закона, а закончилось при дѣйствіи другого; въ такомъ случаѣ признается, что дѣяніе учинено при дѣйствіи второго закона.

Если учиненіе дѣянія, производство суда и приведеніе приговора въ исполненіе происходитъ въ то время, когда дѣйствуетъ одинъ и тотъ же уголовный законъ, предусматривающій это дѣяніе; то, очевидно, только онъ одинъ и долженъ имѣть примѣненіе къ этому дѣянію.

Такое совпаденіе бываетъ очень часто, но — не всегда.

Во первыхъ, случается, что дѣяніе происходитъ при дѣйствіи одного уголовнаго закона, а отправленіе уголовнаго правосудія и исполненіе уголовнаго приговора — при дѣйствіи другого.

Во вторыхъ, бываетъ, что дѣяніе происходитъ и судится при дѣйствіи одного уголовнаго закона, а приговоръ приводится въ исполненіе при дѣйствіи другого уголовнаго закона.

Въ третьихъ, случается, что дѣяніе происходитъ при дѣйствіи одного уголовнаго закона, судится при дѣйствіи другого, а приговоръ приводится въ исполненіе при дѣйствіи третьяго.

Наконецъ, кромѣ этихъ случаевъ могутъ быть и иные, гдѣ въ промежутокъ времени между учиненіемъ дѣянія и приведеніемъ приговора въ исполненіе уголовные законы успѣютъ перемѣниться нѣсколько разъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ коллизіи или столкновенія между уголовными законами естественно возникаетъ вопросъ, какой же изъ сталкивающихся уголовныхъ законовъ долженъ имѣть примѣненіе.

Это — вопросъ, очень важный, но спорный. Онъ дѣлитъ большую часть изслѣдователей на двѣ группы: на большинство и меньшинство.

Большинство изслѣдователей, какъ напр., Гаусъ и Принсъ — въ Бельгіи, Бернеръ, Вехтеръ и Гейбъ — въ Германіи, Пессина — въ Италіи, Бѣлогрицъ-Котляревскій, Градовскій, Кистяковскій и Неклюдовъ — въ Россіи, Макъ-Кленъ — въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Гарро — во Франціи [1]), то сходясь, то расходясь между собою въ

---

1) Haus — Principes généraux de droit pénal belge. Gand. 1874. T. I. p. 120—136. — Prins — Science pénale et droit positif. p. 45—47. — Berner — Lehrbuch des deutschen Stafrechts. 1898. S. 251—253. — Deutsches Strafrecht. Vorlesungen von Carl Georg von Wächter, herausgegeben von G. v. Wächter. Leipzig. 1881. S. 78—81. — Geib — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. II. B. S. 45—47. — Pessina — Manuale del diritto penale italiano. P. 1. p. 49—51. — Бѣлогрицъ-Котляревскій — Очерки курса рус. уг. права. 1896 или 1898. с. 40—44. — А. Градовскій — О дѣйствіи законовъ во времени. Теоретическая и историческая оцѣнка постановленій русскаго законодательства по этому предмету. Журналъ гражданскаго и уголовнаго права. С.-Петербургъ. 1873. Книжка IV. с. 11—14. — А. Градовскій — Начала русскаго государственнаго права. Санктпетербургъ. 1875. Томъ I. с. 102—107. — Кистяковскій — Элементарный учебникъ общаго уг. права. 1875. с. 35—36. — Неклюдовъ — Общая часть уг. права (Конспектъ). с. 172—174. — McClain — A treatise on the criminal law as now administered in united States. Vol. I. p. 63—66. — Garraud — Précis de droit criminel. 1885. p. 109—119.

Слѣдуетъ замѣтить, что В. В. Есиповъ держался сначала мнѣнія большинства (Очеркъ рус. уг. права. Часть общая. 1894. с. 58—59.), а потомъ, по

пріемахъ, основаніяхъ и частностяхъ своихъ рѣшеній, приходитъ по основнымъ пунктамъ къ одинаковому рѣшенію. Это рѣшеніе состоитъ изъ общаго правила и исключенія.

Общее правило провозглашаетъ, что къ дѣянію долженъ быть примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствовалъ во время учиненія этого дѣянія. Для выраженія этой мысли обыкновенно говорятъ, что уголовный законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія или обратной силы т. е. не распространяется назадъ на дѣянія, учиненныя до вступленія его въ дѣйствіе.

Исключеніе же добавляетъ, что новый уголовный законъ, болѣе мягкій или болѣе благопріятный учинителю дѣянія, долженъ имѣть обратную силу т. е., точнѣе сказать, долженъ распространяться на дѣяніе, учиненное прежде, чѣмъ онъ вступилъ въ дѣйствіе, если только онъ дѣйствуетъ во время производства суда по этому дѣянію или, по крайней мѣрѣ, во время приведенія приговора въ исполненіе. При этомъ, болѣе мягкими уголовными законами считаются: 1) законы, объявляющіе не преступнымъ и, слѣд., не наказуемымъ дѣяніе, признанное преступнымъ и, слѣд., наказуемымъ по прежнему закону, 2) законы, измѣняющіе родъ наказанія въ духѣ гуманности къ выгодѣ преступника, и 3) законы, измѣняющіе мѣру наказанія, безъ измѣненія его рода. Въ случаѣ сомнѣнія, мягче ли новый уголовный законъ, чѣмъ прежній, отдается предпочтеніе прежнему закону.

Какъ это общее правило, такъ и это исключеніе заслуживаютъ полнѣйшаго одобренія, такъ какъ они вполнѣ соотвѣтствуютъ интересамъ наибольшаго народнаго благосостоянія въ культурномъ государствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, для наибольшаго народнаго благосостоянія въ культурномъ государствѣ необходимо, чтобы правовой порядокъ твердо господствовалъ въ государствѣ. А твердое господство правового порядка становится не обезпеченнымъ, когда государство само подрываетъ силу своихъ уголовныхъ законовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе и уваженіе къ нимъ со стороны народонаселенія, установляя, въ видѣ общаго правила, обратное дѣйствіе новыхъ уголовныхъ законовъ. Кромѣ того, придавая обратное дѣйствіе новымъ болѣе строгимъ

изданіи нашего новаго уголовнаго уложенія, перешелъ на сторону меньшинства (Уголовное уложеніе 1903 года. с. 5—6.).

В. Н. Палаузовъ (Къ вопросу о будущемъ нашемъ уголовномъ кодексѣ. Одесса. 1894. с. 24—33.) близко подходитъ къ взгляду большинства и признаетъ, что подсудимый во всякомъ случаѣ „не долженъ потерпѣть отъ того только, что онъ судится не по закону, господствовавшему во время совершенія прест. дѣянія, а по закону, дѣйствующему во время суда за это дѣяніе“ (с. 25.).

уголовнымъ законамъ, государство разставляетъ предательскія ловушки, а это вызываетъ въ народонаселеніи ненависть и къ закону, и къ законодателю, и къ государству. Въ виду этихъ обстоятельствъ, и выдвигается общее правило, что уголовный законъ не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія.

Но этого мало. Въ интересахъ наибольшаго народнаго благосостоянія въ культурномъ государствѣ необходимо огражденіе личности отъ излишняго стѣсненія ея со стороны государства. Стѣсненіе же личности является, несомнѣнно, излишнимъ, когда оно не нужно ни для увеличенія, ни для поддержки народнаго благосостоянія. А отсюда и вытекаетъ, что новый болѣе мягкій уголовный законъ долженъ имѣть обратное дѣйствіе. Вѣдь, каждый новый болѣе мягкій уголовный законъ служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что прежній болѣе суровый уголовный законъ страдалъ излишнимъ стѣсненіемъ личности.

Мнѣнію большинства противоположно мнѣніе меньшинства.

Меньшинство изслѣдователей, какъ напр., Биндингъ, Гейеръ, Гельшнеръ, Кёстлинъ и Шварце — въ Германіи и Таганцевъ и Сергѣевскій — въ Россіи [1]), то сходясь, то расходясь между собою въ пріемахъ, основаніяхъ и частностяхъ своихъ рѣшеній, приходитъ по основнымъ пунктамъ къ одинаковому рѣшенію. Это рѣшеніе состоитъ, въ свою очередь, изъ общаго правила и исключенія.

Общее правило проводитъ ту мысль, что къ дѣянію долженъ быть примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствуетъ во время отправленія правосудія по этому дѣянію.

Исключеніе же болѣе или менѣе сохраняетъ силу за прежнимъ

---

1) Karl Binding — Die Normen und ihre Übertretung. Leipzig. 1872. 1-er Band. S. 78—96. — Karl Binding — Die Normen und ihre Übertretung. 2-te Auflage. Leipzig. 1890. I-er Band. S. 167—184. — Karl Binding — Handbuch des Strafrechts. Leipzig. 1885. I-er Band. S. 223—242. — August Geyer — Grundriss zu Vorlesungen über gemeines deutsches Strafrecht. Erste Hälfte. Einleitung und allgemeiner Theil. München. 1884. S. 89—91. — Hugo Hälschner — Das gemeine deutsche Strafrecht. Bonn. 1881. I-er Band. S. 116—129. — C. Reinhold Köstlin — System des deutschen Strafrechts. Tübingen. 1855. S. 48. — Dr. Schwarze — Der Wirkungskreis des Strafgesetzes betreffs der Zeit, des Raumes und der Personen. Handbuch des deutschen Strafrechts. In Einzelbeiträgen von Prof. Dr. Engelmann, Prof. Dr. Geyer ... herausgegeben von Dr. Fr. v. Holtzendorff. Berlin. 1871. II-er Band. IV. S. 23—30. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 259—283 и въ особенности с. 270—275. — Сергѣевскій — Рус. уг. право. Часть общая. Изд. 5-е. 1904. с. 367—373 и въ особенности с. 370.

уголовнымъ закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія дѣянія, если онъ оказывается мягче уголовнаго закона, дѣйствующаго во время отправленія правосудія по этому дѣянію. Но по вопросу объ объемѣ этого исключенія взгляды расходятся. Одни ученые, напр., Гейеръ, Кёстлинъ, Шварце, думаютъ, что исключеніе должно быть сдѣлано въ пользу всякаго прежняго болѣе мягкаго уголовнаго закона. Гельшнеръ же, Таганцевъ и Сергѣевскій, слѣдуя Биндингу, полагаютъ, что исключеніе должно быть допущено только въ пользу такого прежняго уголовнаго закона, который признавалъ не преступнымъ дѣяніе, признанное преступнымъ со стороны новаго уголовнаго закона.

Общее правило обосновывается различными соображеніями.

Во первыхъ, говорится, что примѣненіе прежняго уголовнаго закона, по вступленіи новаго въ дѣйствіе, есть непослѣдовательное отступленіе въ пользу закона, завѣдомо неудовлетворительнаго.

Въ этомъ соображеніи есть нѣкоторая доля правды, но оправдать имъ возведеніе обратной силы уголовнаго закона въ общее правило нѣтъ возможности. Указанная непослѣдовательность, безъ сомнѣнія, можетъ принести зло, но это зло покрывается съ большимъ избыткомъ той огромной пользой, которую приноситъ народному благосостоянію твердое господство правового порядка въ государствѣ, прочно поддерживаемое недопущеніемъ обратной силы уголовнаго закона, въ видѣ общаго правила. Для культурнаго же государства гораздо лучше руководиться принципомъ всесторонняго народнаго благосостоянія, чѣмъ предаваться крайнему проведенію какихъ бы то ни было односторонихъ началъ. Нельзя забывать, что, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности, а въ томъ числѣ и въ законодательной.

Если ужъ упрекать въ непослѣдовательности, то можно сдѣлать этотъ упрекъ самимъ представителямъ меньшинства. Что же можетъ быть непослѣдовательнѣе, какъ проповѣдовать обратную силу новаго уголовнаго закона относительно дѣяній, учиненныхъ при дѣйствіи прежняго уголовнаго закона, и въ то же время отрицать ее относительно такихъ прошлыхъ дѣяній, которыя не были признаны преступными со стороны прежняго уголовнаго закона, а признаются преступными лишь со стороны новаго! Ни одинъ изъ представителей меньшинства не рѣшается, однако, на послѣдовательное проведеніе идеи о господствѣ новаго уголовнаго закона. Оно и понятно. При послѣдовательномъ

проведеніи ея, несостоятельность ея ярко бросается въ глаза. Тутъ рѣзко обнаруживается съ полнѣйшей очевидностью, что безпредѣльное господство новаго уголовнаго закона противорѣчитъ интересамъ всесторонняго народнаго благосостоянія, прочному господству правового порядка и огражденію личности отъ излишняго гнета въ государствѣ и открываетъ широкій просторъ законодателю въ наложеніи какихъ угодно каръ на кого угодно и за что угодно путемъ изданія новыхъ уголовныхъ законовъ, снабженныхъ обратной силой.

Во вторыхъ, въ пользу признанія обратной силы новаго уголовнаго закона въ видѣ общаго правила, приводится то соображеніе, что по вступленіи новаго уголовнаго закона въ дѣйствіе для государства обязательно примѣненіе именно новаго закона, а не прежняго.

Несостоятельность этого соображенія не сомнѣнна. Оно представляетъ собой не что иное, какъ скрытое petitio principii, а petitio principii имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда представляютъ въ качествѣ доказательства то, что требуется доказать.

Въ третьихъ, въ пользу признанія обратной силы новаго уголовнаго закона въ видѣ общаго правила, указываютъ на то, что отрицаніе обратной силы новаго уголовнаго закона, за исключеніемъ болѣе мягкаго, неминуемо приводитъ къ цѣлому ряду почти непреодолимыхъ затрудненій, при отправленіи уголовнаго правосудія и осуществленіи наказаній.

Однако, и этотъ доводъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Указываемыя затрудненія, какъ показываетъ опытъ крупнаго большинства культурныхъ государствъ нашего времени, оказываются необыкновенно преувеличенными и легко преодолимыми на дѣлѣ.

Наконецъ, исключеніе въ пользу прежняго болѣе мягкаго уголовнаго закона, дѣйствовавшаго во время учиненія дѣянія, обосновывается различными соображеніями: требованіемъ справедливости, требованіемъ гуманности, стремленіемъ къ огражденію личности отъ произвола властей и отсутствіемъ карательнаго права у государства относительно тѣхъ дѣяній, которыя не признавались преступными со стороны уголовнаго закона, дѣйствовавшаго во время ихъ учиненія.

Что касается дѣйствующихъ культурныхъ уголовныхъ законодательствъ нашего времени, то большинство изъ нихъ предписываетъ въ видѣ общаго правила, чтобы къ дѣянію былъ примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствовалъ во время учиненія этого дѣянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ исключенія въ пользу примѣненія новыхъ болѣе мягкихъ уголовныхъ законовъ. Такого взгляда держится, напр., дѣйствующее бельгійское уголовное уложеніе (code

pénal § 2), германское (Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich § 2), венгерское (Das ungarische Strafgesetzbuch über Verbrechen und Vergehen § 2), голландское (code pénal des Pays-Bas § 1) и итальянское (codice pénale § 2).

Дѣйствующее французское уголовное уложеніе (code pénal § 4) постановляетъ, что никакое нарушеніе, никакой проступокъ, никакое преступленіе не могутъ быть наказуемы такими наказаніями, которыя не были произнесены закономъ до учиненія этихъ дѣяній. Французскій же законъ 23 іюля 1810 г. о введеніи этого уголовнаго уложенія въ дѣйствіе (§ 6) установляетъ исключеніе въ пользу новаго болѣе мягкаго уголовнаго закона. Такое же исключеніе принято и французскимъ военно-уголовнымъ законодательствомъ.

Дѣйствующее нью-іоркское уголовное уложеніе (the penal code of the state of New York § 2) провозглашаетъ, что оно распространяетъ свою силу только на дѣянія, учиненныя послѣ вступленія его въ дѣйствіе, и ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ обратнаго дѣйствія.

За то отжившіе законы, дѣйствовавшіе во многихъ изъ болѣе или менѣе мелкихъ нѣмецкихъ государствъ съ 1813 г. до семидесятыхъ годовъ прошлаго XIX-го вѣка, признавали въ видѣ общаго правила, что къ дѣянію долженъ быть примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствуетъ во время отправленія правосудія по этому дѣянію, а изъ этого правила допускали исключенія въ пользу прежняго болѣе мягкаго уголовнаго закона, дѣйствовавшаго во время учиненія дѣянія.

Дѣйствующіе основные законы Россійской Имперіи (Св. Зак. Т. I. Ч. I. Изданіе 1892 г. ст. 60—61.), опредѣляя дѣйствіе закона во времени, установляютъ общее правило и исключенія.

60-я статья нашихъ основныхъ законовъ, установляя общее правило, говоритъ: „Законъ дѣйствуетъ токмо на будущее время. — Никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія и сила онаго не распространяется на дѣянія, совершенныя прежде его обнародованія". 61-я же статья, опредѣляя исключенія, постановляетъ: „Изъ сего общаго правила (ст. 60) изъемлются слѣдующіе случаи: 1) Когда въ законѣ именно сказано, что онъ есть токмо подтвержденіе и изъясненіе смысла закона прежняго. 2) Когда въ самомъ законѣ постановлено, что сила его распространяется и на времена предшествовавшія его обнародованію".

Эти общія постановленія нашего законодателя о дѣйствіи закона во времени ясно и несомнѣнно приводятъ съ логической необходимостью къ тому заключенію, что, по нашимъ дѣйствующимъ основ-

нымъ законамъ, ни одинъ новый законъ: ни уголовный, ни какой бы то ни было иной не имѣетъ обратнаго дѣйствія и не распространяется на дѣянія, учиненныя прежде его обнародованія, за исключеніемъ того случая, когда въ самомъ законѣ постановлено, что сила новаго закона распространяется и на времена, предшествовавшія его обнародованію [1]).

Эта система дѣйствія закона во времени, провозглашаемая нашими дѣйствующими основными законами (Св. Зак. Т. I. Ч. I. Изданіе 1892 г. ст. 60 и 61.), была установлена нашимъ законодателемъ еще въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи, удостоившемся Высочайшаго утвержденія 31 января 1833 г. [1]).

Опредѣливъ въ основныхъ законахъ эту систему и неизмѣнно сохраняя ее въ нихъ до сихъ поръ [2]), нашъ законодатель твердо держался ея въ области уголовнаго права въ теченіе всего XIX-го вѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, 15 августа 1845 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія „Уложеніе о наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ“ [выше с. 107—108.].

Это уложеніе было вообще мягче прежняго „Свода Законовъ

---

1) Редакціонная Комиссія по составленію проекта нашего новаго уголовнаго уложенія утверждаетъ, будто постановленіемъ 60-й статьи нашихъ основныхъ законовъ „не предрѣшается вопросъ объ объемѣ назначаемаго наказанія, ибо такое назначеніе, составляющее самостоятельную юридическую функцію суда, можетъ быть регулировано законами, дѣйствующими во время постановленія приговора“ (Уголовное уложеніе. Проектъ Редакціонной Коммисіи и объясненія къ нему. С.-Петербургъ. 1897. Т. I. с. 115.). Это толкованіе, однако, совершенно не соотвѣтствуетъ прямому, ясному и несомнѣнному смыслу 60-й и 61-й статьи нашихъ основныхъ законовъ. Оно свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что Редакціонная Комиссія, подчиняясь авторитету составителя общей части первоначальнаго проекта уголовнаго уложенія съ объясненіями, Н. С. Таганцева, увлеклась стремленіемъ къ проведенію принципа обратной силы новаго уголовнаго закона до такой степени, что сошла съ почвы истиннаго смысла этихъ статей закона.

1) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Санктпетербургъ. 1832. I. Учрежденія. Томъ I. Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ. ст. 60 и 61.

П. С. З. (с. 2.). Т. VIII. 1. № 5947. Манифестъ 31 января 1833 г. (см. выше с. 105—106.).

2) Сводъ Законовъ Рос. Имперіи. Изданіе 1842 года. I. Учрежденія. Т. I. Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ. ст. 60 и 61. — Сводъ Законовъ Рос. Имперіи. Изданіе 1857 года. Т. I. Ч. I. Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ. ст. 60 и 61. — Св. Зак. Т. I. Ч. I. Изданіе 1892 г. Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ. ст. 60 и 61. Содержаніе 60-й и 61-й статьи нашихъ основныхъ государственныхъ законовъ во всѣхъ четырехъ изданіяхъ I-го тома Свода Законовъ Россійской Имперіи одинаково.

Уголовныхъ", по изданію 1842 г. [выше с. 107—108.] [1]); хотя въ меньшинствѣ случаевъ сводъ былъ мягче уложенія.

Если бы, при такихъ обстоятельствахъ, нашъ законодатель желалъ остаться вѣрнымъ системѣ дѣйствія закона во времени, установленной нашими основными государственными законами (Св. Зак. I. Учрежденія. Т. I. Изданіе 1842 г. ст. 60 и 61.), и въ то же время, при столкновеніи уложенія о наказаніяхъ со сводомъ законовъ уголовныхъ, желалъ бы отдать предпочтеніе уложенію, главнымъ образомъ какъ новому болѣе мягкому уголовному закону; то долженъ былъ бы издать новый законъ. А этотъ новый законъ долженъ былъ бы придать обратную силу уложенію о наказаніяхъ по уголовнымъ дѣламъ, не получившимъ окончательнаго рѣшенія до вступленія этого уложенія въ дѣйствіе, и при томъ долженъ былъ бы придать ее относительно постановленій, отличающихся большей мягкостью сравнительно съ постановленіями свода законовъ уголовныхъ, и долженъ былъ бы сохранить силу закона, при рѣшеніи этихъ уголовныхъ дѣлъ, за тѣми изъ постановленій этого свода, которыя были мягче постановленій уложенія. Такъ и поступилъ нашъ законодатель.

27 марта 1846 года Государь Императоръ Николай I издалъ именной указъ Сенату „о правилахъ для замѣна наказаній, присужденныхъ на основаніи дѣйствующихъ нынѣ законовъ уголовныхъ, наказаніями по новому уложенію" [П. С. З. (с. 2.). Т. XXI. 1. № 19880.].

1-я статья этого указа содержала слѣдующее предписаніе: „Съ 1 Мая 1846 года постановленія новаго Уложенія прилагать ко всѣмъ дѣламъ, неполучившимъ до того числа окончательнаго рѣшенія какъ въ судахъ 1 и 2 степени, такъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ, не распространяя лишь сего на тѣ немногіе случаи, гдѣ опредѣляемыя Уложеніемъ наказанія строже назначаемыхъ дѣйствовавшими доселѣ законами. Въ сихъ случаяхъ приговоры о подсудимыхъ постановлять на основаніи узаконеній, существовавшихъ во время учиненія преступленія или проступка".

7-я же статья того же указа постановляла: „Всѣ преступныя дѣянія, со времени совершенія коихъ истекла до 1 Мая 1846 года опредѣленная существующими узаконеніями давность и по коимъ до того числа никакого производства не было, покрываются силою сей

1) Вѣскимъ доказательствомъ служитъ уже то, что уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. не имѣло наказанія кнутомъ въ лѣстницѣ своихъ наказаній; между тѣмъ какъ сводъ законовъ уголовныхъ, по изданію 1842 г., употреблялъ наказаніе кнутомъ въ качествѣ главнаго нормальнаго наказанія за большинство тяжкихъ преступленій.

давности. Сіе же правило примѣнять и къ тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, которые по новому Уложенію покрываются давностію кратчайшею и по коимъ въ теченіе сей вновь установленной давности и до 1 Мая 1846 года также никакого производства не было. При семъ однако же предоставленное дѣйствующими доселѣ законами частнымъ лицамъ право преслѣдованія и иска остается въ нынѣшнихъ его предѣлахъ".

Такъ какъ новое уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. было въ большинствѣ случаевъ мягче прежняго свода законовъ уголовныхъ, по изданію 1842 г., а сводъ былъ мягче уложенія только въ меньшинствѣ случаевъ; то и законодатель, допуская путемъ закона 27 марта 1846 г. гуманное исключеніе изъ общаго правила объ отсутствіи обратной силы новаго закона, допустилъ въ области этого исключенія дѣйствіе новаго уложенія о наказаніяхъ въ качествѣ общаго правила, а дѣйствіе прежняго свода законовъ уголовныхъ въ качествѣ исключенія.

Значеніе указа 27 марта 1846 г. въ связи съ постановленіями нашихъ основныхъ государственныхъ законовъ (Св. Зак. Изданіе 1842 г. I. Учрежденія. Т. I. ст. 60 и 61.) было правильно понято и истолковано нашимъ Государственнымъ Совѣтомъ еще въ 1848 г. въ его мнѣніи, удостоившемся Высочайшаго утвержденія 10 іюня 1848 г., по дѣлу Юшкевичей, Бородзичей и Поремпскаго, виновныхъ въ кражѣ лошадей составленною для того шайкою [1]). Государственный Совѣтъ

---

1) Сборникъ ВЫСОЧАЙШЕ-утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, разъясняющихъ примѣненіе на практикѣ многихъ статей Уложенія о Наказаніяхъ и Уголовнаго Судопроизводства (Т. XV, Кн. I и II). (съ 1846 по 1862 г.). с. 214—215. Дѣло объ именующихся дворянами Викентіѣ и Иванѣ Юшкевичахъ, Флоріанѣ, Діонизіѣ, Адамѣ Бородзичахъ и Антонѣ Поремпскомъ, виновныхъ въ кражѣ лошадей, составившеюся для того шайкою. 1848 года № 14 (по Гражданскому Департаменту). Этотъ Сборникъ составленъ Н. Мейеромъ. Въ экземплярѣ, находившемся въ моихъ рукахъ, нѣтъ обложки, а на другихъ страницахъ мѣсто и время изданія не обозначено.

Изъ вышеприведенныхъ словъ, высказанныхъ Государственнымъ Совѣтомъ въ его мнѣніи по дѣлу Юшкевичей, Бородзичей и Поремпскаго, очевидно, что Государственный Совѣтъ признаетъ отсутствіе обратной силы новаго уголовнаго закона общимъ правиломъ русскаго законодательства, а допущеніе ея посредствомъ указа 27 марта 1846 г. въ пользу новаго уложенія о наказаніяхъ 1845 г. — только исключеніемъ, подтверждающимъ это общее правило, сдѣланнымъ въ пользу новаго болѣе мягкаго уголовнаго закона. Зная это, нельзя не выразить удивленія относительно указаній Редакціонной Комиссіи по составленію проекта уголовнаго уложенія. Давая свои объясненія къ 11-й статьѣ своего проекта, она указываетъ на Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 10 іюня 1848 г. по

въ этомъ мнѣніи говоритъ: „Правила, изданныя предъ введеніемъ въ дѣйствіе новаго Уложенія о Наказаніяхъ (Высочайшій Указъ 27 Марта 1846 года), имѣли очевидно цѣлію сохранить основное начало нашего законодательства, что никакой законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, но при семъ Государю Императору благоугодно было сдѣлать изъятіе для тѣхъ преступниковъ, коимъ по прежнимъ законамъ слѣдовало бы строжайшее наказаніе: сихъ велѣно наказывать по новому закону, не смотря на то, что преступленіе совершено ими при дѣйствіи закона прежняго, болѣе строгаго".

Указъ 17 марта 1846 г. былъ единственнымъ закономъ, которымъ нашъ законодатель допустилъ временное единичное исключеніе въ области нашего общаго уголовнаго права изъ общаго правила нашихъ основныхъ законовъ объ отсутствіи обратной силы новаго закона (ст. 60.), допустилъ, согласно требованію нашихъ основныхъ законовъ (ст. 61.), путемъ закона и при томъ — не въ пользу всего новаго уголовнаго закона цѣликомъ, а главнымъ образомъ — въ пользу болѣе мягкихъ постановленій новаго уголовнаго закона.

Всѣ дальнѣйшія исключенія въ области нашего уголовнаго права въ XIX вѣкѣ относятся уже не къ общему уголовному праву, а къ особенному. Тѣмъ не менѣе оказывается, что и здѣсь нашъ законодатель допускалъ только временныя единичныя исключенія изъ общаго правила основныхъ законовъ объ отсутствіи обратной силы новаго закона (ст. 60.), допускалъ, согласно требованію нашихъ основныхъ законовъ (ст. 61.), только путемъ закона и при томъ допускалъ главнымъ образомъ въ пользу болѣе мягкихъ постановленій новаго особеннаго уголовнаго закона.

Такъ, 18 мая 1855 г. удостоился Высочайшаго утвержденія проектъ VIII-й главы V-го раздѣла уставовъ о содержащихся подъ стражею и ссыльныхъ [1]). Это былъ проектъ главы „о порядкѣ производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ ссыльныхъ и о мѣрахъ наказанія ссыльныхъ за оные".

Новоузаконенная VIII-я глава была вообще мягче прежней VIII-й

дѣлу „Юшкевичевыхъ" или, вѣрнѣе, по дѣлу Юшкевичей, Бородзичей и Порембскаго, но, вопреки несомнѣнной дѣйствительности, проводитъ мысль, будто Государственный Совѣтъ въ этомъ мнѣніи призналъ обратное дѣйствіе новаго уголовнаго закона общимъ правиломъ.

1) П. С. З. (с. 2.). Т. XXX. 1. № 29330. „Высочайше утвержденная" (18 мая 1855 г.) „новая редакція главы VIII раздѣла V Уставовъ о содержащихся подъ стражею и ссыльныхъ".

главы, напр., въ противоположность прежней совершенно не допускала наказанія кнутомъ; за то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прежняя VIII-я глава была мягче новой.

Между тѣмъ самъ законодатель, установивъ новую VIII-ю главу, не опредѣлилъ закономъ, слѣдуетъ ли придавать обратную силу уголовнымъ ея постановленіямъ относительно преступленій и проступковъ, учиненныхъ ссыльно-каторжными, ссыльно-поселенцами и ссыльно-водворенными бродягами при дѣйствіи прежней VIII-й главы, до вступленія въ дѣйствіе новой или нѣтъ [1]).

При такихъ обстоятельствахъ, этотъ вопросъ неминуемо долженъ былъ возникнуть на практикѣ. И дѣйствительно, онъ былъ вскорѣ возбужденъ Тобольскимъ Губернскимъ Судомъ.

Разсматривая этотъ вопросъ, Тобольскій Губернскій Совѣтъ обратилъ вниманіе на правила именного указа 27 марта 1846 г. относительно примѣненія уложенія о наказаніяхъ 1845 г. къ постановленію и исполненію судебныхъ приговоровъ по преступленіямъ и проступкамъ, учиненнымъ при дѣйствіи прежняго свода законовъ уголовныхъ. Въ виду этихъ правилъ, Тобольскій Губернскій Совѣтъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „новую редакцію Устава о ссыльныхъ примѣнять ко всѣмъ дѣламъ по преступленіямъ и проступкамъ ссыльныхъ, хотя бы они совершены были до полученія этой редакціи на мѣстѣ, съ

---

1) Редакціонная Комиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія, приведя въ своихъ объясненіяхъ къ 11-ой статьѣ своего проекта 1-ю статью именного указа 27 марта 1846 г., говоритъ: „Точно также въ 1855 г. при измѣненіи системы взысканій съ ссыльныхъ (П. С. З. № 29330), было сказано: „означенныя въ нижеслѣдующихъ статьяхъ постановленія примѣняются ко всѣмъ дѣламъ по преступленіямъ и проступкамъ ссыльныхъ, хотя-бы они были совершены еще до изданія или полученія на мѣстѣ сего закона; но въ семъ случаѣ наказанія опредѣляются, согласно съ постановленными, при обнародованіи уложенія 15 Августа 1845 года, правилами"" (Уг. Уложеніе. Проектъ Ред. Комиссіи и объясненія къ нему. Т. I. с. 115.). Это утвержденіе Редакціонной Комиссіи, при провѣркѣ его на дѣлѣ, оказывается совершенно не вѣрнымъ. Слова, приписанныя Редакціонной Комиссіей закону 1855 г., напечатанному въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи подъ № 29330-мъ, т. е. приписанныя „Высочайше утвержденной новой редакціи главы VIII раздѣла V Уставовъ о содержащихся подъ стражею и ссыльныхъ", находятся не въ этомъ законѣ, но въ позднѣйшемъ, а именно — во 2-мъ примѣчаніи къ 798-й статьѣ Устава о Ссыльныхъ, находящагося въ XIV-мъ томѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи, по изданію 1857 г., Высочайше утвержденному 12 мая 1858 г. (выше с. 108.). Невѣрное утвержденіе Редакціонной Комиссіи ввело въ заблужденіе уже нѣсколькихъ изъ нашихъ писателей, напр., А. К. фонъ-Резона (Уголовное уложеніе. Краткое изложеніе главныхъ положеній его. с. 32.), Н. Д. Сергѣевскаго (Рус. уг. право. Изд. 1904 г. с. 373.).

тѣмъ, чтобы наказанія были опредѣляемы согласно съ правилами, изложенными въ прилож. къ ст. 1407, примѣч. 7, по продолж. VII, такимъ образомъ, что если наказанія за преступленіе, совершенное до обнародованія этой редакціи строже въ редакціи, чѣмъ въ прежнихъ узаконеніяхъ, то назначать наказаніе надлежитъ уже на основаніи прежде дѣйствовавшей главы VIII, раздѣла V, Уст. о Ссыл., съ замѣною наказанія кнутомъ плетьми, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 27 Марта 1846 года (19880) правилъ по сему предмету“ . . .[1]).

Заключеніе Тобольскаго Губернскаго Совѣта было представлено Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири на разрѣшеніе Сената.

„Соглашаясь и съ своей стороны съ таковымъ заключеніемъ Совѣта, . . . но находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ приложеніи сего правила могутъ встрѣтиться иногда сомнѣнія, — Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: означенное заключеніе Совѣта утвердить, съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе всѣхъ могущихъ возникнуть затрудненій, въ отличіи наказаній тягчайшихъ отъ не столь строгихъ, предоставлено было Генералъ-Губернаторамъ и Начальникамъ Губерній и Областей, которымъ дана власть утверждать приговоры (ст. 1807 п. 2. нов. редак.)“. Объ этомъ опредѣленіи Правительствующаго Сената состоялся указъ Сената 30 ноября 1856 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXI. 1. № 31199. Выше с. 267 прим. 1.].

На основаніи этого указа Правительствующаго Сената 30 ноября 1856 г. и было сдѣлано 2-е примѣчаніе къ 798-й статьѣ Устава о Ссыльныхъ, находящагося въ XIV-мъ томѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи, по изданію 1857 г.

„Означенныя въ нижеслѣдующихъ статьяхъ постановленія, говоритъ это примѣчаніе, примѣняются ко всѣмъ дѣламъ по преступленіямъ и проступкамъ ссыльныхъ, хотя бы они совершены были еще до изданія (18 Мая 1855 г.) или полученія на мѣстѣ сего закона; но въ семъ случаѣ наказанія опредѣляются, согласно съ постановленными при обнародованіи Уложенія 15 Августа 1845 года правилами, Высочайше утвержденными 27 Марта 1846 года (Полн. Собр. Зак. № 19880), такимъ образомъ, что если наказаніе за преступленіе, совершенное до обнародованія означенныхъ ниже постановленій, строже въ оныхъ, чѣмъ въ прежнихъ законахъ, то назначать наказаніе надле-

1) П. С. З. (с. 2.). Т. XXXI. 1. № 31199. Сенатскій указъ 30 ноября 1856 г. „о порядкѣ примѣненія новой редакціи главы VIII, разд. V, Устава о Ссыл., ко всѣмъ дѣламъ по преступленіямъ и проступкамъ ссыльныхъ, совершеннымъ до изданія сего узаконенія“. Это заглавіе указа не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію этого указа.

житъ на основаніи прежде дѣйствовавшихъ законовъ, съ замѣною лишь наказанія кнутомъ наказаніемъ плетьми, на точномъ основаніи упомянутыхъ правилъ 27 Марта 1846 года. Разрѣшеніе всѣхъ могущихъ возникнуть при семъ затрудненій, въ отличіи наказаній тягчайшихъ отъ не столь строгихъ, предоставляется Генералъ-Губернаторамъ и Начальникамъ губерній и областей, коимъ дана власть утверждать приговоры“...

12 мая 1858 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе Свода Законовъ Россійской Имперіи, изданнаго или, точнѣе, напечатаннаго въ 1857 году (выше с. 108.), а, благодаря этому утвержденію и только что приведенное 2-е примѣчаніе къ 798-й статьѣ Устава о Ссыльныхъ получило силу закона.

Познакомившись съ исключеніемъ, относящимся къ области уголовнаго права, предназначеннаго для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, переходимъ къ исключеніямъ, относящимся къ области военно-уголовнаго права, какъ военно-сухопутнаго, такъ и военно-морского.

Всѣ эти исключенія въ области военно-уголовнаго права имѣютъ однородный характеръ. Законодатель, уважая общее правило нашихъ основныхъ законовъ объ отсутствіи обратной силы новаго закона (ст. 60.), допускаетъ изъ этого правила въ области военно-уголовнаго права только временныя единичныя исключенія, допускаетъ ихъ, согласно требованію основныхъ законовъ (ст. 61.), только путемъ закона, допускаетъ главнымъ образомъ въ пользу болѣе мягкихъ постановленій новаго воинскаго устава о наказаніяхъ или новаго военно-морского устава о наказаніяхъ и при томъ, въ случаѣ меньшей строгости прежнихъ военно-уголовныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ во время учиненія судимыхъ преступленій и проступковъ, вмѣняетъ въ обязанность судамъ примѣнять къ подсудимымъ эти прежніе менѣе строгіе военно-уголовные законы, а не новые.

Исключенія этого рода установлены: 1) именнымъ указомъ 5 мая 1868 г. — въ пользу Воинскаго Устава о наказаніяхъ, Высочайше утвержденнаго 5 мая 1868 г. и предназначеннаго для дѣйствія по военному вѣдомству [1]), 2) именнымъ указомъ 5 мая 1868 г. — въ

---

1) П. С. З. (с. 2.). Т. XLIII. 1. № 45811. Именной указъ 5 мая 1868 г., объявленный въ приказѣ Военнаго Министра 6-го того же мая о порядкѣ введенія въ дѣйствіе Воинскаго Устава о наказаніяхъ по военному вѣдомству. Въ этомъ указѣ сказано: „1. Воинскій Уставъ о наказаніяхъ ввести въ дѣйствіе съ 1 Сентября настоящаго года, съ тѣмъ, чтобы съ сего числа постановленія новаго Устава примѣнялись ко всѣмъ дѣламъ, не получившимъ до того времени

пользу Воинскаго Устава о наказаніяхъ, Высочайше утвержденнаго 5 мая 1868 г. и временно допущеннаго къ дѣйствію по морскому вѣдомству [1]), 3) именнымъ указомъ 13 апрѣля 1870 г. — въ пользу Военно-Морского Устава о наказаніяхъ, Высочайше утвержденнаго 13 апрѣля 1870 г. [2]), 4) именнымъ указомъ 27 марта 1875 г. — въ пользу Воинскаго Устава о наказаніяхъ, Высочайше утвержденнаго 27 марта 1875 г. [3]), и 5) именнымъ указомъ 14 апрѣля 1875 г. — въ пользу Военно-Морского Устава о наказаніяхъ, Высочайше утвержденнаго 14 апрѣля 1875 г. [4]).

Что касается нашей судебной практики, то ея взгляды на дѣйствіе уголовнаго закона во времени характеризуются: до судебной реформы 1864 г. — извѣстнымъ рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта 10 іюня

окончательнаго разрѣшенія, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ опредѣленныя Воинскимъ Уставомъ о наказаніяхъ взысканія строже наказаній, назначаемыхъ дѣйствовавшими доселѣ по военному вѣдомству законами, а въ этихъ случаяхъ постановлять приговоры о подсудимыхъ на основаніи узаконеній, существовавшихъ во время учиненія преступленій". Воинскій Уставъ о наказаніяхъ 5 мая 1868 г. напечатанъ въ томъ же XLIII-мъ томѣ Полнаго Собранія Законовъ подъ № 45813-мъ.

1) П. С. З. (с. 2). Т. XLIII. 1. № 45812. Именной указъ 5 мая 1868 г., объявленный въ приказѣ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала 12-го того же мая о введеніи въ дѣйствіе Воинскаго Устава о наказаніяхъ по морскому вѣдомству.

2) П. С. З. (с. 2). Т. XLV. 1. № 48245. Военно-Морской Уставъ о наказаніяхъ, Высочайше утвержденный 13 апрѣля 1870 г. — Именной указъ 13 апрѣля 1870 г., объявленный Сенату Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ 14 мая.

3) П. С. З. (с. 2.). Т. L. 1. № 54536. Именной указъ 27 марта 1875 г., объявленный въ приказѣ по военному вѣдомству 28-го того же марта о новомъ Воинскомъ Уставѣ о наказаніяхъ. Воинскій уставъ о наказаніяхъ 27 марта 1875 г. напечатанъ въ томъ же L-мъ томѣ П. С. З. (с. 2.). № 54536.

4) П. С. З. (с. 2.). Т. L. 1. № 54586. Именной указъ 14 апрѣля 1875 г., объявленный въ приказѣ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала 20-го того же апрѣля о новомъ Военно-Морскомъ Уставѣ о наказаніяхъ. Въ этомъ указѣ сказано: „Государь Императоръ . . . въ 14-й день Апрѣля сего года, удостоивъ Высочайшаго утвержденія Военно-Морской Уставъ о наказаніяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: срокомъ для введенія въ дѣйствіе настоящаго Устава по морскому вѣдомству назначить 1 Августа текущаго года, съ тѣмъ, чтобы съ сего числа постановленія новаго Устава примѣнялись ко всѣмъ дѣламъ, которыя не получатъ до того времени окончательнаго рѣшенія, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ гдѣ опредѣляемыя настоящимъ Уставомъ взысканія строже наказаній, назначаемыхъ дѣйствующими доселѣ по морскому вѣдомству законами, въ каковыхъ случаяхъ постановлять приговоры о подсудимыхъ на основаніи узаконеній, существовавшихъ во время учиненія преступленій". Военно-Морской Уставъ о наказаніяхъ 14 апрѣля 1875 г. напечатанъ въ томъ же L-мъ томѣ П. С. З. (с. 2.). № 54586.

1848 г. по дѣлу Юшкевичей (выше с. 264—265.), а послѣ судебной реформы — рѣшеніями Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

Въ кассаціонномъ рѣшеніи 1871 г. за № 854 по дѣлу Емельянова Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената указалъ, „что, по точной силѣ 60 ст. Т. I. Основ. Зак., законы не имѣютъ обратной силы и что посему къ дѣйствіямъ Емельянова, совершеннымъ въ 1867 г., не могли быть примѣняемы законы, изданные въ 1868 году".

Въ томъ же 1871 г. за № 1145 по дѣлу Алексѣева Уголовный Кассаціонный Департаментъ отмѣтилъ, „что на точномъ основаніи 60 и 61 ст. Зак. Основ. законъ не имѣетъ обратной силы, если въ самомъ законѣ не сдѣлано о томъ прямаго указанія".

Въ кассаціонномъ рѣшеніи 1872 г. за № 903 по дѣлу Ерохина Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ напротивъ сказано, „что позднѣйшій законъ по духу нашего законодательства не подлежалъ бы примѣненію къ преступному дѣянію осужденнаго, совершенному имъ до изданія этого новаго закона, въ такомъ только лишь случаѣ, если симъ послѣднимъ назначалось бы за это преступленіе болѣе строгое наказаніе противъ опредѣленнаго за то же преступленіе дѣйствовавшими доселѣ законами".

Въ кассаціонномъ же рѣшеніи 1874 г. за № 613 по дѣлу Князева Уголовный Кассаціонный Департаментъ указалъ, „что, въ случаѣ изданія новаго закона, назначающаго за какой либо проступокъ наказанія болѣе легкія противъ существовавшихъ прежде, таковой новый законъ долженъ быть распространяемъ и на прежде совершенныя, но еще судомъ ненаказанныя нарушенія, какъ это разъяснено неоднократными рѣшеніями Сената (1868 г. № 162 Постникова; 1872 г. № 903 Ерохина)".

Руководствуясь принципомъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія при рѣшеніи вопроса о дѣйствіи уголовнаго закона во времени (выше с. 256—258.), принимая во вниманіе общеизвѣстныя постановленія большинства культурныхъ законодательствъ въ этомъ отношеніи (выше с. 260—261.), принимая въ соображеніе общія постановленія нашихъ основныхъ русскихъ законовъ о дѣйствіи закона во времени (Св. Зак. Т. I. Ч. I. Изданіе 1892 г. ст. 60 и 61. — Выше с. 261—262.) въ связи съ отдѣльными узаконеніями, вводившими временныя единичныя исключенія изъ общаго правила объ отсутствіи обратной силы новаго уголовнаго закона и при томъ главнымъ образомъ въ пользу болѣе мягкихъ постановленій того или

другого новаго уголовнаго закона (выше с. 262—269.), и относясь со вниманіемъ къ нашей судебной практикѣ (выше с. 269—270.), естественно было ожидать, что наше новое уголовное уложеніе, взявъ на себя чрезвычайно важную задачу опредѣлить дѣйствіе уголовнаго закона во времени въ русскомъ правѣ на будущее время вообще, останется вѣрно принципу всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія, послѣдуетъ примѣру большинства дѣйствующихъ культурныхъ законодательствъ нашего времени и, въ свою очередь, въ области нашего уголовнаго права подтвердить мудрое общее правило нашихъ основныхъ законовъ объ отсутствіи обратной силы новаго уголовнаго закона, установивъ вмѣстѣ съ тѣмъ исключеніе въ пользу новаго болѣе мягкаго уголовнаго закона.

Къ сожалѣнію, дѣйствительность не оправдала ожиданія.

Благодаря вѣскому авторитету Н. С. Таганцева [1]), увлекшагося взглядами нѣмецкаго профессора К. Биндинга [2]) до неправильнаго пониманія русской дѣйствительности, до обобщенія исключеній изъ общаго правила въ общее правило [выше с. 262—269.] [3]), наше

---

1) Выше с. 122. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 226.

2) Таганцевъ — Лекціи по рус. уг. праву. Вып. I. с. 235—241. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 268—275. — Уг. уложеніе. Проектъ Редак. Коммисіи. Т. I. прим. 2 на с. 116—119: „Вопросъ о томъ, говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ криминалистовъ Германіи, Биндингъ (Die Normen und ihre Uebertretungen, 1877, стр. 87 и слѣд.)". — K. Binding — Die Normen und ihre Übertretung. I-er Band. 1872. S. 78—96. Въ ссылкѣ Редакціонной Комиссіи на К. Биндинга сдѣланы ошибки въ заглавіи, годѣ изданія и страницѣ указываемаго сочиненія.

3) Толкуя о дѣйствіи уголовнаго закона во времени, Н. С. Таганцевъ (Лекціи по рус. уг. праву. Вып. I. с. 242—243.) говоритъ: „Въ нашемъ правѣ особыхъ постановленій по сему предмету не содержится, ни въ законахъ основныхъ, ни въ уложеніи о наказаніяхъ. Впервые правила, сюда относящіяся, съ точностью были формулированы въ именномъ указѣ 27 Марта 1846 г. (полн. собр. зак., № 19880) о примѣненіи новаго уложенія. Въ этомъ указѣ было постановлено: „уложеніе о наказаніяхъ должно воспріять полную силу и дѣйствіе съ 1 Мая 1846 г. Съ этого числа постановленія новаго уложенія прилагать ко всѣмъ дѣламъ, неполучившимъ до того числа окончательнаго рѣшенія, какъ въ судахъ 1-й и 2-й степени, такъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ, не распространяя сего лишь на тѣ немногіе случаи, гдѣ опредѣляемыя уложеніемъ наказанія строже назначаемыхъ дѣйствовавшими доселѣ законами. Въ сихъ случаяхъ, приговоры о подсудимыхъ постановлять на основаніи узаконеній, существовавшихъ во время учиненія преступленія или проступка . . . Та же система, даже съ ссылкою на указъ 27 Марта, была принята въ законѣ 18 Мая 1855 г. объ измѣненіи наказанія ссыльныхъ (т. XIV, уст. ссыльн., ст. 798, прим. 2), а равно и въ законѣ о введеніи въ дѣйствіе воинскаго устава о наказаніяхъ, изд. 1868 и 1875 г. . . .

новое уголовное уложеніе 1903 г. (ст. 14.) примкнуло къ отжившему взгляду мелкихъ нѣмецкихъ государствъ трехъ первыхъ четвертей прошлаго вѣка и признало дѣйствіе новаго уголовнаго закона общимъ правиломъ, съ нѣкоторымъ смягченіемъ, допустивъ въ пользу прежняго болѣе мягкаго уголовнаго закона только исключенія.

„Вновь изданный законъ уголовный, говоритъ 14-я статья нашего уголовнаго уложенія 1903 г., примѣняется судомъ, постановляющимъ приговоръ, и къ тѣмъ, учиненнымъ до дня вступленія сего закона въ силу, дѣяніямъ, которыя были воспрещены, подъ страхомъ наказанія за нихъ, во время учиненія оныхъ.

Наказаніе, опредѣляемое по вновь изданному закону, смягчается на основаніяхъ, статьею 53 установленныхъ, если закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія преступнаго дѣянія, наказаніе за оное было установлено менѣе строгое, чѣмъ по закону новому.

Срокъ давности, устраняющей наказуемость преступнаго дѣянія, исчисляется по закону, дѣйствовавшему во время учиненія сего дѣянія (ст. 68 п. 1 и 2) или постановленія по оному приговора (ст. 68 п. 3), если закономъ этимъ установленъ срокъ болѣе краткій, чѣмъ по закону новому“.

Уголовное уложеніе, опредѣляя дѣйствіе уголовнаго закона во времени, установляетъ общее правило, а затѣмъ допускаетъ смягченіе и исключенія.

Общее правило состоитъ въ томъ, что къ дѣянію долженъ быть примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствуетъ во время постановленія приговора уголовнымъ судомъ по этому дѣянію. Благодаря этому правилу, уголовный законъ распространяетъ свою силу не только на дѣянія, учиненныя во время его дѣйствія, но и на дѣянія, учиненныя до вступленія его въ дѣйствіе, при господствѣ прежняго уголовнаго закона, т. е. получаетъ не только прямую силу, но и обратную.

Изъ этого общаго правила допущено три исключенія.

Первое исключеніе заключается въ томъ, что новый уголовный

Но не смотря на ясную постановку въ этихъ указахъ принципа: что примѣняется новый уголовный законъ и только въ тѣхъ случаяхъ, когда новый законъ болѣе строгъ, сохраняетъ силу старый законъ, наша практика придала этимъ постановленіямъ совершенно иное значеніе“.

Эти слова повторены Н. С. Таганцевымъ и въ его „Русскомъ уголовномъ правѣ“ (Т. I. с. 276.) съ тою лишь разницей, что послѣ словъ: „ни въ уложеніи о наказаніяхъ“ прибавлены слова: „1845 г.“, а вмѣсто словъ: „полн. собр. зак.“ постановлены буквы: „п. с. з.,“.

законъ подлежитъ примѣненію судомъ къ дѣянію, учиненному при дѣйствіи прежняго уголовнаго закона, только въ томъ случаѣ, когда это дѣяніе признано преступнымъ не только со стороны новаго уголовнаго закона, но и со стороны прежняго.

Говоря объ этомъ исключеніи, нужно замѣтить, что устанавляющая его 1-я часть 14-й статьи уголовнаго уложенія изложена весьма неудовлетворительно. Допуская примѣненіе новаго уголовнаго закона судомъ къ дѣянію, учиненному при дѣйствіи прежняго закона, законодатель требуетъ, чтобы это дѣяніе непремѣнно удовлетворяло особому условію, а при изложеніи этого условія дѣлаетъ большую редакціонную ошибку. Вмѣсто того, чтобы сказать, что это дѣяніе должно быть признано преступнымъ со стороны закона, дѣйствовавшаго во время учиненія этого дѣянія, нашъ законодатель говоритъ, что это дѣяніе должно принадлежать „къ тѣмъ . . . дѣяніямъ, которыя были воспрещены, подъ страхомъ наказанія за нихъ, во время учиненія оныхъ“. Воспрещены же подъ страхомъ наказанія не только преступныя дѣянія, но и дисциплинарные проступки.

При такихъ словахъ законодателя, естественно возникаетъ вопросъ, не подлежитъ ли примѣненію судомъ новый уголовный законъ ко всѣмъ дѣяніямъ, учиненнымъ при дѣйствіи прежнихъ законовъ, воспрещеннымъ этими законами подъ страхомъ наказанія, какъ преступнымъ, такъ и дисциплинарнымъ.

Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Изъ сопоставленія 1-й части 14-й статьи уголовнаго уложенія съ 3-й частью той же статьи, а также съ 4-й статьей и 1-мъ пунктомъ 5-й статьи становится ясно, что законодатель, говоря о примѣненіи новаго уголовнаго закона къ дѣяніямъ, учиненнымъ при дѣйствіи прежняго закона и воспрещеннымъ во время учиненія подъ страхомъ наказанія, лишь выражается слишкомъ широко и неточно, но имѣетъ въ виду лишь тѣ дѣянія, которыя были не только обложены наказаніемъ, но и признаны преступными со стороны закона, дѣйствовавшаго во время ихъ учиненія. Такимъ образомъ, въ 1-й части 14-й статьи уголовнаго уложенія повторена та же самая редакціонная ошибка, которая сдѣлана и въ 1-й статьѣ. Эта ошибка состоитъ въ томъ, что, при изложеніи законнаго разграничительнаго признака преступности дѣянія въ области нашего уголовнаго права, установленнаго закономъ, отмѣчена одна важная черта — предусмотрѣнность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія, но не отмѣчена другая, также весьма важная черта — предусмотрѣнность дѣянія закономъ въ качествѣ преступнаго дѣянія (выше прим. 1 на с. 135—136.).

Познакомившись съ первымъ исключеніемъ, переходимъ ко второму и третьему.

Оба они касаются уголовной давности, а потому и требуютъ краткихъ предварительныхъ разъясненій этого учрежденія.

Уголовной давностью называется протеченіе опредѣленнаго времени, имѣющее правовымъ послѣдствіемъ, по дѣйствующему уголовному праву, погашеніе права и обязанности государства на наказаніе преступника за учиненіе уголовнаго правонарушенія. Время, истеченіе котораго необходимо, для наступленія уголовной давности, называется срокомъ давности или давностнымъ срокомъ.

Уголовная давность бываетъ двухъ родовъ.

Уголовная давность перваго рода прекращаетъ право и обязанность государства на присужденіе наказанія преступнику за учиненіе преступнаго дѣянія, устраняетъ всякую возможность правомѣрнаго уголовнаго обвиненія или преслѣдованія этой личности за это дѣяніе и называется давностью уголовнаго преслѣдованія или уголовно-обвинительной давностью.

Уголовная же давность второго рода прекращаетъ право и обязанность государства на исполненіе наказанія, присужденнаго преступнику за преступное дѣяніе судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу, и называется давностью исполненія наказанія или уголовно-исполнительной давностью.

Заручившись этими понятіями, изложимъ второе и третье исключеніе изъ правила, установленнаго нашимъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ въ пользу обратной силы новаго уголовнаго закона.

Второе исключеніе состоитъ въ томъ, что дѣяніе, учиненное при дѣйствіи прежняго уголовнаго закона, хотя и преступное съ точки зрѣнія этого закона, но покрытое уголовно-обвинительной давностью, не подлежитъ уже суду по новому уголовному закону, хотя бы этотъ новый законъ, признавая преступность этого дѣянія, установлялъ болѣе продолжительный срокъ уголовно-обвинительной давности, а этотъ срокъ еще не успѣлъ бы истечь со времени учиненія этого дѣянія (Уг. ул. ст. 14 ч. 3 и ст. 68 п. 1—2.).

Наконецъ, третье исключеніе заключается въ томъ, что наказаніе, присужденное судомъ за преступное дѣяніе при дѣйствіи прежняго уголовнаго закона, но уже покрытое уголовно-исполнительной давностью по этому закону, не подлежитъ приведенію въ исполненіе по вступленіи въ дѣйствіе новаго уголовнаго закона, хотя бы онъ установлялъ болѣе продолжительный срокъ уголовно-исполнительной давности, и этотъ срокъ еще не успѣлъ бы истечь по отношенію къ

приведенію присужденнаго наказанія въ исполненіе (Уг. ул. ст. 14 ч. 3 и ст. 68 п. 2—3.).

Установивъ въ видѣ общаго правила обратную силу новаго уголовнаго закона и допустивъ изъ этого правила три исключенія въ пользу прежняго болѣе мягкаго закона, нашъ законодатель, чувствуя до нѣкоторой степени неудовлетворительность своего нововводимаго общаго правила, установилъ дополнительное правило смягченія.

Это правило смягченія состоитъ въ томъ, что наказаніе, назначаемое судомъ по вновь изданному уголовному закону, смягчается на основаніяхъ, установленныхъ 53-й статьей уголовнаго уложенія, если уголовнымъ закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія этого преступнаго дѣянія, было установлено наказаніе мягче того, которое установлено новымъ уголовнымъ закономъ (Уг. ул. ст. 14 ч. 2.).

Это правило смягченія можетъ устранить вредное угнетеніе преступника наказаніемъ со стороны государства, но только въ томъ случаѣ, когда разница между наказаніями за данное преступное дѣяніе по уголовному закону времени учиненія и по новому уголовному закону — не велика.

Если же эта разница — велика, какъ напр., тогда, когда новый уголовный законъ назначаетъ каторгу за дѣяніе, обложенное по прежнему уголовному закону только арестомъ; въ такомъ случаѣ узаконенное правило смягченія оказывается, несомнѣнно, вполнѣ неудовлетворительнымъ. Это чувствуетъ и сама Редакціонная Комиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія. „Въ тѣхъ-же случаяхъ, говоритъ она (Уг. уложеніе. Проектъ Ред. Коммисіи. Т. I. с. 122.), когда различіе между прежнею и новою наказуемостью, по взгляду суда, представлялось бы столь значительнымъ, что уменьшеніе наказанія въ предѣлахъ статьи 45 [1]) казалось-бы недостаточнымъ, то суду предоставляется право ходатайствовать въ порядкѣ, установленномъ статьею 775 устава уголовнаго судопроизводства, о полномъ помилованіи или болѣе значительномъ смягченіи участи подсудимаго".

Нѣтъ сомнѣнія, что ходатайство о полномъ помилованіи преступника отъ всякаго наказанія, въ виду одной лишь большой разницы между наказаніями по прежнему и новому уголовному закону за преступное дѣяніе этого лица, вполнѣ не умѣстно со стороны суда и совершенно не послѣдовательно, съ точки зрѣнія Редакціонной Комиссіи. Что же касается до совѣта суду ходатайствовать въ такихъ

1) 45-я статья проекта уголовнаго уложенія Редакціонной Комиссіи перешла въ 53-ю статью уголовнаго уложенія.

случаяхъ о Высочайшемъ помилованіи преступника въ формѣ смягченія присужденныхъ наказаній за предѣлы, выходящіе изъ власти суда, то этотъ совѣтъ вполнѣ правиленъ. Невольно, однако, возникаетъ вопросъ, не лучше ли было бы не обременять нашего новаго уголовнаго уложенія такимъ постановленіемъ, которое тотчасъ же даже у самихъ составителей его возбуждаетъ благоразумную мысль о необходимости обращенія къ помилованію.

§ 28. Дѣйствіе уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ по мѣсту и лицамъ [1]). Высшій руководящій принципъ — поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія. Принципы, ближайшимъ образомъ опредѣляющіе дѣйствіе уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ по мѣсту и лицамъ: территоріальный принципъ, какъ выраженіе общаго правила, и принципы уголовной безотвѣтственности царствующаго туземнаго государя, уголовной безотвѣтственности царствующихъ иностранныхъ государей, національный и реальный, какъ источники для установленія исключеній изъ

---

1) Вопросъ о дѣйствіи уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ по мѣсту и лицамъ разсматривается не только въ сочиненіяхъ по уголовному праву, но и въ сочиненіяхъ по международному праву. — W. v. Rohland — Das internationale Strafrecht. I-er Band. Kritik der internationalen Strafrechtstheorien. Leipzig. 1877. — L. v. Bar — Lehrbuch des internationalen Privat- und Strafrechts. Stuttgart. 1892. II-es Buch. S. 207—256. — Alphonse Rivier — Principes du droit des gens. Paris. 1896. Tome I-er. p. 332—335; 346—347; 416—419; 420—421; 424; 488—493; 543—548. — E. Beling — Die strafrechtliche Bedeutung der Exterritorialität. Beiträge zum Völkerrecht und zum Strafrecht. Breslau. 1896. — E. Beling. — Das internationale Strafrecht im Vorentwurf zu einem schweizerischen Strafgesetzbuch. (Kommissionalentwurf 1896.). Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. XVII-er Band. Berlin. 1897. S. 303—373. — Ф. Мартенсъ — Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Изданіе 4-е. С.-Петербургъ. Т. I. 1898. с. 321—323; Т. II. 1900. с. 44; 49—54; 85—87; 382—419. — Franz v. Liszt — Das Völkerrecht systematisch dargestellt. 2-te Auflage. Berlin. 1902. S. 105—133. — Францъ Листъ — Международное право въ систематическомъ изложеніи. Подъ редакціей проф. В. Э. Грабаря перевелъ со второго, совершенно переработаннаго изданія М. Мебель. Съ дополненіями редактора и очеркомъ частнаго международнаго права, составленнымъ Пр.-доц. СПБ. Универс., А. А. Пиленко. Юрьевъ (Дерптъ). 1902. с. 113—117; 121—124; 137—146; 262—266. — A. Pillet — Principes de droit international privé. Paris. Grenoble. 1903. p. 384—385; 400—401; 404—405. — П. Казанскій — Учебникъ международнаго права публичнаго и гражданскаго. (2-е изданіе лекцій, на правахъ литографированнаго). Одесса. 1904. с. 178—180; 185; 206—208; 226; 481—489.

общаго правила. Иностранныя законодательства. Уложеніе о наказаніяхъ и уголовное уложеніе. Космополитическій принципъ и его несостоятельность.

Съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть, какъ извѣстно (выше с. 29—31.), единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности, какъ внутренней — законодательной, правительственной и судебной, такъ и внѣшней, международной. Въ виду этого, этотъ принципъ долженъ быть высшимъ руководящимъ принципомъ и при рѣшеніи вопроса о томъ, какіе принципы и насколько должны опредѣлять собою ближайшимъ образомъ дѣйствіе уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ по мѣсту и лицамъ, независимо отъ того, будетъ ли это государство монархіей или республикой.

Такихъ принциповъ — четыре. Таковы — 1) территоріальный принципъ, 2) принципъ уголовной безотвѣтственности царствующихъ иностранныхъ государей, 3) національный принципъ и 4) реальный принципъ.

Что же касается монархическихъ культурныхъ государствъ, то въ нихъ дѣйствіе уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ необходимо должно опредѣляться ближайшимъ образомъ еще и пятымъ принципомъ — принципомъ уголовной безотвѣтственности царствующаго туземнаго государя.

Территоріальный принципъ провозглашаетъ, что дѣяніе человѣка судится уголовнымъ судомъ и при томъ по уголовному праву того государства, на территоріи котораго учинено это дѣяніе.

Территоріей называется пространство земли съ ея нѣдрами, съ находящимися на ней внутренними водами, напр., рѣками, озерами, внутренними морями, съ прилегающими къ ней, въ случаѣ ея приморскаго положенія на берегу открытаго моря, прибрежными морскими водами (обыкновенно на разстояніи трехъ простыхъ миль отъ крайней линіи морского отлива по берегу) и съ находящимся надъ этой землей и водами воздухомъ, подчиненное верховной власти государства. Эти внутреннія и внѣшнія воды, подчиненныя, наравнѣ съ землею, верховной власти государства, называются территоріальными водами. Такова — территорія въ строгомъ и точномъ смыслѣ слова. Она извѣстна подъ именемъ реальной территоріи [1]). Дѣяніе, учиненное въ предѣлахъ этой

1) Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената въ своемъ кассаціонномъ рѣшеніи 1872 г. за № 1329, по дѣлу греческаго подданнаго

территоріи государства: на землѣ, или въ подземной пещерѣ, или на рѣкѣ, или на прибрежномъ морѣ въ разстояніи не далѣе трехъ простыхъ миль отъ крайней линіи морского отлива, или на воздушномъ шарѣ, считается учиненнымъ на территоріи этого государства или въ предѣлахъ этого государства.

Дѣйствіе уголовнаго закона на территоріи культурнаго государства должно опредѣляться ближайшимъ образомъ, въ видѣ общаго правила, территоріальнымъ принципомъ. Это — необходимо въ интересахъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, большинство интересовъ культурнаго народа и государства сосредоточивается въ предѣлахъ территоріи этого государства. Въ виду этого, въ интересахъ наибольшаго народнаго благосостоянія въ культурномъ государствѣ необходимо, чтобы правовой порядокъ твердо господствовалъ на территоріи этого государства, и чтобы этотъ порядокъ соотвѣтствовалъ современнымъ ему потребностямъ народа, при современныхъ условіяхъ народной жизни. Туземное же уголовное законодательство культурнаго государства гораздо болѣе соотвѣтствуетъ современнымъ ему потребностямъ туземнаго кулътурнаго народа, чѣмъ иноземное культурное уголовное законодательство.

Кромѣ того, господство туземнаго уголовнаго законодательства на территоріи культурнаго государства, въ видѣ общаго правила, наиболѣе соотвѣтствуетъ и самостоятельности культурнаго государства, и достоинству верховной государственной власти, и высшей задачѣ культурнаго государства относительно его народа. Эта задача куль-

---

Сваэлоса, далъ слѣдующія разъясненія относительно территоріи. „На основаніи началъ международнаго права, говоритъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ, территоріальная власть каждаго государства распространяется не только на материкъ, входящій въ составъ его территоріи, но и на часть моря, прилегающаго къ его берегамъ (территоріальное море), которое вслѣдствіе сего считается принадлежностью его территоріи. Къ такимъ частямъ моря, которыя безусловно считаются собственностью каждаго государства и надъ которыми вполнѣ распространяется власть законодательная, полицейская и судебная государства, принадлежатъ, между прочимъ гавани и рейды, если въ трактатахъ, заключаемыхъ съ другими государствами, не постановлено ограниченій относительно пользованія какимъ либо изъ сихъ правъ. На этомъ основаніи преступленія, совершаемыя въ портѣ или гавани какого либо города, какъ это случилось и въ настоящемъ случаѣ, должны считаться совершенными въ предѣлахъ государства, которому портъ этотъ принадлежитъ, и подчиняться законамъ о подсудности, которые установлены въ томъ государствѣ для преступленій, совершаемыхъ въ его предѣлахъ". Рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. за 1872 годъ. № 1329.

турнаго государства состоитъ въ томъ, чтобы руководить жизнью своего культурнаго народа ко благу всего этого народа, какъ одного цѣлаго, воплощающагося въ государствѣ.

Такимъ образомъ, въ интересахъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія въ культурномъ государствѣ необходимо, чтобы уголовныя правонарушенія, учиненныя на территоріи этого государства подданными его или иностранцами, подлежали, въ видѣ общаго правила, дѣйствію туземнаго уголовнаго законодательства.

Это принято всѣми культурными государствами. Дѣйствующее уголовное право каждаго культурнаго государства признаетъ, въ видѣ общаго правила, что преступное дѣяніе, учиненное на территоріи культурнаго государства, подлежитъ уголовному закону этого государства, безразлично къ тому, состоитъ ли учинитель подданнымъ этого государства или иностранцемъ.

Этого взгляда держится и наше дѣйствующее общее уголовное право. Оно высказываетъ этотъ взглядъ въ уложеніи о наказаніяхъ. Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ указываетъ, что оно распространяетъ свое дѣйствіе, въ видѣ общаго правила, какъ на русскихъ подданныхъ (ст. 168.), такъ и на иностранцевъ (ст. 170.), учинившихъ преступныя дѣянія въ предѣлахъ русскаго государства [ст. 168 и 170.] [1]).

Признавая, что взглядъ дѣйствующаго общаго русскаго уголовнаго права на дѣйствіе уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ характеризуется общей системой правилъ и исключеній, лежащей въ осно-

---

1) Уложеніе о наказаніяхъ. ст. 168. „Дѣйствію постановленій сего Уложенія подлежатъ въ равной мѣрѣ всѣ Россійскіе подданные, въ предѣлахъ государства. Допускаемыя, по отношенію къ губерніямъ Варшавскаго судебнаго округа, а равно по отношенію къ нѣкоторымъ обитающимъ въ Сибири, въ губерніяхъ Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской и въ Закавказскомъ краѣ инородцамъ, изъятія опредѣлены правилами, при семъ приложенными (прил. V и VI)".

ст. 170. „Иностранцы, въ Россіи жительствующіе или временно въ оной пребывающіе, подлежатъ дѣйствію законовъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ на томъ же основаніи, какъ и подданные Россійскіе, если о какомъ либо изъ сего изъятіи не сдѣлано особеннаго постановленія въ договорѣ съ тою иностранною державою, у коей они находятся въ подданствѣ".

Въ полномъ соотвѣтствіи съ постановленіемъ 170-й статьи нашего уложенія о наказаніяхъ 228-я статья нашего устава уголовнаго судопроизводства говоритъ: „Иностранцы, по преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ ими въ Россіи, подчиняются общимъ правиламъ о подсудности, если не постановлено изъятія изъ сихъ правилъ въ трактатѣ съ тою иностранною державою, въ подданствѣ коей обвиняемые состоятъ".

ваніи общихъ постановленій о дѣйствіи уложенія о наказаніяхъ по мѣсту и лицамъ, мы находимся на твердой почвѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, наше дѣйствующее общее уголовное право имѣетъ только одинъ источникъ — законъ (выше с. 133—137.).

Оно установлено двумя законодательными сборниками, съ относящимися къ нимъ послѣдующими узаконеніями: 1) „Уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) „Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Уложеніе о наказаніяхъ гораздо полнѣе и яснѣе устава о наказаніяхъ въ отношеніи къ общей части. Такъ, общія правила о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, содержащіяся въ уложеніи, отличаются обыкновенно гораздо большей полнотой и ясностью, чѣмъ общія правила о проступкахъ и наказаніяхъ, заключающіяся въ уставѣ.

Точно также уложеніе о наказаніяхъ гораздо полнѣе и яснѣе устава о наказаніяхъ и въ отношеніи къ особенной части. Такъ, уложеніе предусматриваетъ гораздо большее число уголовныхъ правонарушеній, чѣмъ предусмотрѣно уставомъ. Далѣе, уложеніе предусматриваетъ не только маловажныя уголовныя правонарушенія, но и важныя и самыя важныя, при чемъ называетъ всѣ ихъ безразлично преступленіями или проступками, а уставъ говоритъ лишь о маловажныхъ и менѣе важныхъ уголовныхъ правонарушеніяхъ и называетъ ихъ проступками. Кромѣ того, въ уложеніи есть много уголовныхъ правонарушеній, однородныхъ съ тѣми, которыя предусмотрѣны уставомъ. Наконецъ, уложеніе обыкновенно опредѣляетъ составъ уголовныхъ правонарушеній гораздо полнѣе и яснѣе, чѣмъ это дѣлаетъ уставъ.

Общаго закона, опредѣляющаго систему дѣйствія уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ, въ русскомъ государствѣ не имѣется.

Уложеніе о наказаніяхъ даетъ общія постановленія о своемъ дѣйствіи по мѣсту и лицамъ. Уставъ о наказаніяхъ не содержитъ никакихъ общихъ постановленій о своемъ дѣйствіи въ этомъ отношеніи. Въ дальнѣйшихъ узаконеніяхъ, относящихся къ уложенію о наказаніяхъ или уставу о наказаніяхъ, никакихъ общихъ постановленій о дѣйствіи уложенія или устава по мѣсту и лицамъ не содержится. А между тѣмъ необходимость въ примѣненія устава о наказаніяхъ, съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, по мѣсту и лицамъ не только постоянно находится въ наличности, но и — вполнѣ очевидна.

Если бы законодатель находилъ, что общая система правилъ и исключеній, лежащая въ основаніи его общихъ постановленій о дѣйствіи

уложенія по мѣсту и лицамъ, — не удовлетворительна и не должна быть примѣняема въ отношеніи къ уставу о наказаніяхъ и соотвѣтствующимъ дальнѣйшимъ узаконеніямъ; то, по всей вѣроятности, указалъ бы это или въ самомъ этомъ уставѣ или въ какомъ-нибудь дальнѣйшемъ узаконеніи. Но законодатель не сдѣлалъ этого. А между тѣмъ общая система правилъ и исключеній относительно дѣйствія уголовнаго закона во времени, лежащая въ основаніи общихъ постановленій нашего уложенія о дѣйствіи этого уложенія по мѣсту и лицамъ, — логически примѣнима и къ уставу о наказаніяхъ и къ соотвѣтствующимъ дальнѣйшимъ узаконеніямъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, слѣдуетъ заключить, что общая система правилъ и исключеній относительно дѣйствія уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ, лежащая въ основаніи общихъ постановленій нашего дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ относительно дѣйствія этого уложенія по мѣсту и лицамъ, — не только вполнѣ примѣнима къ уставу о наказаніяхъ, съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, но и характеризуетъ собой взглядъ нашего дѣйствующаго общаго уголовнаго права на дѣйствіе уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ вообще.

Правильность этого общаго заключенія подтверждается и общимъ постановленіемъ нашего устава уголовнаго судопроизводства (выше с. 279 прим. 1.) объ уголовной подсудности иностранцевъ, въ случаѣ учиненія ими преступленій и проступковъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Этотъ уставъ (ст. 228.) постановляетъ, что иностранцы, въ случаѣ учиненія ими преступленій или проступковъ въ Россіи, подчиняются общимъ правиламъ о подсудности, если не сдѣлано изъятія изъ этихъ правилъ въ договорѣ Россіи съ той иностранной державой, подданными которой состоятъ обвиняемые.

Опираясь на только что добытое общее заключеніе и имѣя въ виду вышеозначенное общее правило нашего дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, указывающее на распространеніе дѣйствія этого уложенія какъ на русскихъ подданныхъ, такъ и на иностранцевъ, учинившихъ преступныя дѣянія въ предѣлахъ русскаго государства (выше с. 279.), мы имѣемъ полное основаніе признать, что, по нашему дѣйствующему общему уголовному праву, преступное дѣяніе, учиненное на территоріи русскаго государства, подлежитъ въ видѣ общаго правила, уголовному закону русскаго государства, безразлично къ тому, состоитъ ли учинитель русскимъ подданнымъ или иностранцемъ.

Заканчивая наши объясненія относительно нашего дѣйствующаго уголовнаго права, мы должны сдѣлать замѣчаніе относительно нашей

судебной практики, мы должны отмѣтить опредѣленіе, постановленное нашимъ Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената, въ порядкѣ надзора, въ 1892 г. за № 59, по дѣлу профессора Густава Іегера, живущаго за границею, въ городѣ Штутгартѣ, обиженнаго оскорбительнымъ отзывомъ, напечатаннымъ въ Петербургѣ въ 1892 г. въ газетѣ „Врачъ“ (Рѣшенія уг. кас. департамента Правительствующаго Сената. 1892. № 59.).

Уголовный Кассаціонный Департаментъ провелъ въ этомъ опредѣленіи ту мысль, что русскій подданный подлежитъ русскому уголовному суду, по русскому уголовному закону, если этотъ подданный учинилъ въ предѣлахъ русскаго государства такое посягательство, которое предусмотрѣно русскимъ уголовнымъ закономъ, въ качествѣ преступнаго дѣянія, а направлено на блага, принадлежащія иностранцу, дѣйствительно доступныя для этого посягательства, а находится ли этотъ иностранецъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи или за границею, это — безразлично [1]). Это толкованіе вполнѣ соотвѣтствуетъ точному смыслу постановленій нашего дѣйствующаго уложенія относительно общаго понятія о преступленіи и проступкѣ (ст. 1.) и относительно дѣйствія этого уложенія по мѣсту и лицамъ (ст. 168.).

Познакомившись съ проявленіемъ территоріальнаго принципа въ нашемъ дѣйствующемъ общемъ уголовномъ правѣ, переходимъ къ уголовному уложенію.

Наше уголовное уложеніе, въ свою очередь, кладетъ территоріальный принципъ въ основаніе своего общаго правила о дѣйствіи

---

1) „Посягательства на жизнь, тѣлесную неприкосновенность, свободу, цѣломудріе, честь или имущество иностранцевъ, временно или постоянно въ Россіи проживающихъ, говоритъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ (Рѣшенія уг. кас. департамента Прав. Сената. 1892 г. № 59.), составляютъ преступныя дѣянія въ смыслѣ статьи 1-ой уложенія, коль скоро сіи дѣянія совмѣщаютъ въ себѣ законные признаки соотвѣтствующихъ преступленій. Но дѣйствіе сихъ статей не устраняется и въ томъ случаѣ, когда лицо, на которое посягалъ виновный, во время учиненія преступнаго дѣянія не находилось въ Россіи, предполагая, разумѣется, такое учиненіе фактически возможнымъ. Никакихъ ограниченій въ семъ отношеніи въ изложеніи соотвѣтственныхъ постановленіи уложенія и устава о наказаніяхъ не усматривается; нельзя подыскать къ сему ограниченію основаній и въ разумѣ сихъ законоположеній, и, наконецъ, такого ограничительнаго толкованія не допускала доселѣ наша практика“ . . . „По этимъ же основаніямъ, говоритъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ, можетъ быть предъявлено находящимся заграницею иностранцемъ обвиненіе и за оскорбленіе его въ газетѣ или журналѣ, выходящихъ въ предѣлахъ Россіи, какъ это и было признано нашею судебною практикою по дѣлу турецкаго подданнаго Берга (1886 г. № 34)“.

уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ. Уголовное уложеніе говоритъ (ст. 4.): „Дѣйстіе сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя, въ предѣлахъ Россіи, какъ россійскими подданными, такъ и иностранцами, съ изъятіями, въ статьѣ 5 указанными". Слѣдуетъ замѣтить, что въ интересахъ точности изложенія необходимо было бы замѣнить выраженіе этой статьи: „въ предѣлахъ Россіи" выраженіемъ: „въ предѣлахъ русскаго государства".

Дѣйствіе уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ въ культурномъ государствѣ не можетъ быть опредѣлено ближайшимъ образомъ въ исчерпывающемъ видѣ однимъ территоріальнымъ принципомъ. Напротивъ, дѣйствіе территоріальнаго принципа въ культурномъ государствѣ должно быть подвергнуто, во имя уголовной безотвѣтственности туземнаго государя, во имя интересовъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія, различнымъ ограниченіямъ съ одной стороны и различнымъ дополненіямъ съ другой.

Прежде всего, должно быть сдѣлано ограниченіе территоріальнаго принципа въ монархическомъ культурномъ государствѣ въ пользу принципа уголовной безотвѣтственности царствующаго туземнаго государя.

Подчиненіе суду и наказанію совершенно не совмѣстимо съ достоинствомъ государя, какъ главы государства. Въ виду этого, въ каждой монархіи какъ неограниченной, такъ и ограниченной уголовные законы не могутъ распространяться на царствующаго туземнаго государя.

Принципъ уголовной безотвѣтственности царствующаго туземнаго государя принятъ во всѣхъ монархіяхъ, а въ томъ числѣ и въ Россійской Имперіи.

Онъ отмѣченъ косвенно въ нашемъ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ тѣмъ, что оно провозглашаетъ свое дѣйствіе только относительно россійскихъ подданныхъ (ст. 168.) и иностранцевъ (ст. 170.); Государь же Императоръ Россійской Имперіи является верховнымъ главою Россійской Имперіи, но не подданнымъ.

То же косвенное указаніе сдѣлано и въ нашемъ уголовномъ уложеніи (ст. 4.).

Что же касается до членовъ туземнаго царствующаго дома въ монархическомъ культурномъ государствѣ, то они, будучи подданными, подлежатъ дѣйствію туземнаго уголовнаго законодательства, но подвергаются суду обыкновенно не иначе, какъ по волѣ царствующаго туземнаго государя.

Это принято и нашимъ дѣйствующимъ правомъ. Согласно нашимъ основнымъ государственнымъ законамъ (Св. Зак. Т. I. Ч. I. Основ.

гос. законы. Изданіе 1892 года. Раздѣлъ II. Учрежденіе о Императорской Фамиліи. ст. 176.), „Каждый Членъ Императорскаго Дома обязуется къ лицу Царствующаго, яко къ Главѣ Дома и Самодержцу, совершеннымъ почтеніемъ, повиновеніемъ, послушаніемъ и подданствомъ". „Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ яко преслушнымъ волѣ Монаршей" (ст. 178.).

Многіе ученые [1]) полагаютъ, что существуетъ еще исключеніе изъ-подъ дѣйствія туземнаго уголовнаго законодательства. Это исключеніе состоитъ, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что члены законодательныхъ собраній въ республикахъ и конституціонныхъ монархіяхъ не подлежатъ уголовной отвѣтственности за выраженіе своихъ мнѣній, при исполненіи своихъ законодательныхъ обязанностей.

Съ этимъ взглядомъ, однако, нельзя согласиться. Нѣтъ сомнѣнія, что эта уголовная безотвѣтственность дѣйствительно существуетъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, въ интересахъ всесторонняго народнаго благосостоянія, она и должна существовать, такъ какъ она безусловно необходима для обезпеченія широты, полноты и глубины обсужденія узаконяваемыхъ постановленій. Но признать эту безотвѣтственность дѣйствительнымъ исключеніемъ изъ-подъ дѣйствія туземныхъ уголовныхъ законовъ не возможно, такъ какъ откровенное выраженіе своихъ мнѣній членами законодательныхъ собраній, при исполненіи своихъ законодательныхъ обязанностей, составляетъ не преступное дѣяніе, а исполненіе долга службы.

Если члены законодательнаго собранія, въ предупрежденіе опаснаго злоупотребленія привлеченіемъ ихъ къ общему уголовному суду, отвѣчаютъ за оскорбленіе, злорѣчіе и клевету, при исполненіи своей должности, не передъ общимъ уголовнымъ судомъ по общему уголовному закону, а передъ самимъ законодательнымъ собраніемъ по уставу этого собранія; то здѣсь выступаетъ передъ нами не изъятіе изъ-подъ дѣйствія туземныхъ уголовныхъ законовъ, но изъятіе изъ-подъ общаго туземнаго уголовнаго закона въ пользу особеннаго, нерѣдко смѣшиваемаго съ дисциплинарнымъ.

Дальнѣйшее дѣйствительное ограниченіе территоріальнаго принципа въ культурномъ государствѣ должно быть сдѣлано, во имя интересовъ возможно большаго народнаго благосостоянія, въ пользу

1) Напр., Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 286. — Францъ фонъ Листъ — Учебникъ уг. права. с. 115—116.

принципа уголовной безотвѣтственности царствующихъ иностранныхъ государей.

Этотъ принципъ состоитъ въ томъ, что уголовный законъ туземнаго государства не распространяется на преступное дѣяніе, учиненное на территоріи этого государства, царствующимъ государемъ иностраннаго государства, признаннымъ въ достойнствѣ государя со стороны этого туземнаго государства.

Основаніемъ къ признанію этого принципа служитъ необходимость этого принципа въ интересахъ народнаго бларосостоянія каждой державы, изъ глубокаго уваженія къ царствующему иностранному государю, какъ къ высшему представителю верховной власти иностраннаго государства, какъ къ высшему представителю интересовъ иностраннаго народа.

Не отвѣчая за свое преступное дѣяніе на чужой территоріи по туземнымъ уголовнымъ законамъ чужого государства, царствующій иностранный государь не отвѣчаетъ за это дѣяніе и по уголовнымъ законамъ своего отечества.

Культурныя государства держатся принципа уголовной безотвѣтственности царствующихъ иностранныхъ государей, но обыкновенно не провозглашаютъ его въ своихъ законахъ.

Онъ не высказанъ и въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ.

Наше уголовное уложеніе также не даетъ въ этомъ отношеніи никакого опредѣленнаго отвѣта. Оно говоритъ, что его дѣйствіе не распространяется „на преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности“ (ст. 5 п. 4.) или, выражаясь точнѣе, правомъ безотвѣтственности передъ туземнымъ уголовнымъ закономъ. А пользуются ли у насъ иностранные государи этимъ правомъ сами по себѣ, когда они не состоятъ дипломатическими представителями своихъ иностранныхъ государствъ, это не сказано ни въ одномъ русскомъ законѣ или договорѣ.

Нельзя не пожалѣть, что наше новое уголовное уложеніе, не распространяя своего дѣйствія, въ видѣ исключенія, „на преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности“, удовлетворилось такимъ неопредѣленнымъ изложеніемъ этого исключенія, а не перечислило съ точностью, по мѣрѣ возможности, каковы именно разряды этихъ лицъ. Неопредѣленность уголовнаго закона, устранимая въ дѣйствительности, составляетъ не достоинство, а недостатокъ.

Правда, Редакціонная Комиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія объясняетъ, что она „не сочла необходимымъ вносить въ законъ подробнаго ихъ перечня, такъ какъ объемъ подобнаго изъ-

ятія зависитъ прежде всего отъ существа установившихся между государствами отношеній, отъ практики международнаго права" (Уг. уложеніе. Проектъ Ред. Коммисіи. Т. I. с. 85.). Но это объясненіе представляетъ въ сущности отговорку неубѣдительнаго содержанія противъ справедливаго упрека въ уклоненіи отъ рѣшенія сложной и и довольно трудной задачи.

Указавъ нераспространеніе проектируемаго уголовнаго уложенія „на преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности", Редакціонная Комиссія говоритъ, что подъ это исключеніе подойдутъ „во 1-хъ, представители власти верховной иностранныхъ государствъ, безотносительно къ тому, будетъ ли находиться у насъ глава монархическаго государства или президентъ республики, коль скоро они являются на нашей территоріи, какъ представители державной власти своего государства" (Уг. уложеніе. Проектъ Ред. Коммисіи. Т. I. с. 85—86.). „При этомъ, конечно, требуется, продолжаетъ Редакціонная Комиссія (с. 86.), чтобы данное лицо не только обладало верховною властью въ этой странѣ, но и было бы нами признано, какъ таковое, и чтобы это государство находилось съ нами въ мирѣ, такъ какъ во время войны и представители верховной власти воюющей державы разсматриваются, какъ непріятели".

Читая послѣднія слова Редакціонной Комиссіи, можно подумать, будто признанный представитель верховной власти иностраннаго государства, учинившій преступное дѣяніе на русской территоріи, не подлежитъ за это дѣйствію уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи въ томъ случаѣ, если это иностранное государство не находится въ войнѣ съ Россійской Имперіей, и подлежитъ, если между этими государствами имѣетъ мѣсто война. Соотвѣтствуетъ ли такой выводъ дѣйствительнымъ взглядамъ Редакціонной Комиссіи, это — не ясно. Провозглашеніе же его относительно Россіи, безъ сомнѣнія, не имѣетъ никакихъ основаній; тѣмъ болѣе, что, съ точки зрѣнія культурныхъ народовъ, война превращаетъ представителей военной силы воюющаго государства-противника въ военныхъ непріятелей, но никакъ не въ людей, подвластныхъ уголовнымъ законамъ противника.

Слѣдуетъ замѣтить, что терминъ: „право внѣземельности" есть отпрыскъ старинной фикціи экстерриторіальности или внѣземельности. Эта фикція или вымышленное предположеніе состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя лица, хотя и находятся въ дѣйствительности въ предѣлахъ территоріи чужого государства, но считаются находящимися внѣ предѣловъ этого государства, на территоріи своего государства и какъ бы поэтому признаются неподчиненными туземнымъ властямъ и законамъ

и неподсудными туземнымъ судамъ того чужого государства, на территоріи котораго дѣйствительно пребываютъ.

Нельзя не сказать, что наука, стремясь къ возможно большему раскрытію истины, къ составленію представленій и понятій о дѣйствительности, согласныхъ съ дѣйствительностью, должна разъ навсегда отказаться отъ фикцій или вымысловъ и стремиться привести изучаемыя явленія въ стройную систему съ помощью живыхъ принциповъ, отвлеченныхъ отъ самихъ изучаемыхъ явленій.

Познакомившись съ ограниченіями территоріальнаго принципа какъ въ пользу принципа уголовной безотвѣтственности царствующаго туземнаго государя, такъ и въ пользу принципа уголовной безотвѣтственности царствующихъ иностранныхъ государей, переходимъ къ національному принципу.

Національный принципъ провозглашаетъ, что дѣяніе судится уголовнымъ судомъ и при томъ по уголовному закону того государства, въ подданствѣ котораго состоитъ учинитель.

Въ обезпеченіе интересовъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія въ культурномъ государствѣ дѣйствіе территоріальнаго принципа, въ качествѣ общаго правила, должно быть частью пополнено, частью ограничено дѣйствіемъ національнаго иринципа, въ качествѣ исключенія.

Такихъ исключеній должно быть сдѣлано, по меньшей мѣрѣ, одиннадцать.

1. Подданный культурнаго государства, учинившій за границею, въ предѣлахъ другого культурнаго государства преступное посягательство на блага, принадлежащія его отечеству, или главѣ его отечества, или соотечественнику, подлежитъ за это уголовному закону своего отечества, только при наличности ограничительныхъ условій.

Учрежденіе уголовной отвѣтственности для подданнаго передъ отечественнымъ уголовнымъ закономъ вызывается интересами отечественнаго народнаго благосостоянія, потребностью въ огражденіи отечества, его главы и его подданныхъ отъ уголовныхъ посягательствъ со стороны подданнаго за границею.

Введеніе ограничительныхъ условій, въ свою очередь, оправдывается интересами отечественнаго народнаго благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, благосостояніе культурнаго народа въ государствѣ требуетъ борьбы противъ уголовныхъ правонарушеній, но борьбы не какой бы то ни было, а цѣлесообразной и сообразной съ интересами этого благосостоянія.

Для осуществленія этой борьбы необходимо между прочимъ

отправленіе уголовнаго правосудія, но не какое бы то ни было, а правомѣрное и основательное, достаточно быстрое и успѣшное, достойное затраты на него народныхъ средствъ, въ видѣ имущества и труда.

Отправленіе уголовнаго правосудія судомъ культурнаго государства можетъ удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ въ большинствѣ случаевъ лишь тогда, когда этотъ судъ находится сравнительно недалеко отъ мѣста учиненія уголовнаго правонарушенія.

Такъ, для основательности и успѣшности уголовнаго правосудія по уголовному дѣлу необходимо, чтобы обѣ стороны: обвиненіе и защита собрали и представили уголовному суду свои доказательства, по принадлежности, въ надлежащей полнотѣ, и чтобы уголовный судъ провѣрилъ, оцѣнилъ и сравнилъ доказательства, свидѣтельствующія въ пользу виновности, съ доказательствами, говорящими въ пользу невиновности или меньшей виновности, и затѣмъ, на основаніи этого сравненія, рѣшилъ бы, по внутреннему убѣжденію, вопросъ о виновности обвиняемаго. Сторонамъ же гораздо легче собрать и привести свои доказательства тому уголовному суду, который находится близко къ мѣсту учиненія уголовнаго правонарушенія. Точно также этому суду, при прочихъ равныхъ условіяхъ его доброкачественности, гораздо легче провѣрить, оцѣнить и сравнить доказательства обвиненія съ доказательствами защиты и вывести правильное рѣшеніе вопроса о виновности.

Правомѣрность ничего не выигрываетъ отъ близости уголовнаго суда къ мѣсту преступленія; за то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, быстрота уголовнаго правосудія сильно увеличивается, а затраты народнаго труда и имущества на его осуществленіе значительно уменьшаются и вполнѣ оправдываются своей производительностью, при строгомъ соблюденіи принципа бережливости въ расходованіи народныхъ средствъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей.

Напротивъ, при отправленіи правосудія по уголовнымъ правонарушеніямъ уголовнымъ судомъ, отдаленнымъ отъ мѣста учиненія ихъ, собираніе и представленіе доказательствъ уголовному суду становится болѣе затруднительнымъ для обѣихъ сторонъ: и для обвиненія, и для защиты, а во многихъ случаяхъ представленіе доказательствъ въ надлежащей полнотѣ и лучшемъ видѣ оказывается невозможнымъ. Въ свою очередь, провѣрка и оцѣнка доказательствъ обвиненія и защиты становится для суда гораздо труднѣе и ненадежнѣе. А вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, какъ основательность, такъ и успѣшность уголовнаго правосудія по этимъ уголовнымъ правонарушеніямъ сильно понижаются.

Быстрота уголовнаго правосудія здѣсь также очень уменьшается; а затраты народныхъ средствъ на его осуществленіе значительно

увеличиваются и, благодаря сильному пониженію основательности и успѣшности уголовнаго правосудія, при маловажности уголовныхъ правонарушеній, становятся во многихъ случаяхъ уже не производительными и не находятъ оправданія съ точки зрѣнія принципа бережливости народныхъ средствъ [1]).

При отправленіи же уголовнаго правосудія по заграничнымъ уголовнымъ правонарушеніямъ соотечественника, уголовный судъ отечественнаго культурнаго государства обыкновенно находится далеко отъ мѣста учиненія ихъ [2]).

Наконецъ, каково бы ни было разстояніе уголовнаго суда отъ мѣста преступленія, отправленіе уголовнаго правосудія уголовнымъ судомъ, находящимся на территоріи одного культурнаго государства, по уголовному правонарушенію, учиненному на территоріи другого культурнаго государства, обыкновенно встрѣчаетъ различныя затрудненія, возникающія отъ того, что дѣло касается двухъ различныхъ самостоятельныхъ государствъ. Напр., во множествѣ уголовныхъ дѣлъ важнымъ доказательствомъ служатъ свидѣтели, а между тѣмъ свидѣтели имѣютъ право, но не обязаны являться для дачи показаній за границу въ уголовный судъ иностраннаго государства.

Что касается самихъ условій, ограничивающихъ подсудность заграничныхъ уголовныхъ посягательствъ подданнаго противъ отечества, или главы отечества, или соотечественника отечественному уголовному суду, то этихъ ограничительныхъ условій существуетъ нѣсколько.

Такъ, прежде всего необходимо, чтобы учиненное дѣяніе было не только преступно по взгляду отечественнаго уголовнаго закона, но и принадлежало бы къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій (crime, Verbrechen) или проступковъ (délit, Vergehen), или же относилось бы къ числу нѣкоторыхъ изъ маловажныхъ уголовныхъ правонарушеній, называемыхъ нарушеніями (contravention, Übertretung). Таковы — тѣ изъ нарушеній, которыя особо перечислены въ законѣ, въ качествѣ требующихъ уголовнаго преслѣдованія даже при учиненіи за границею, какъ напр.,

---

1) Пусторослевъ — Подсудность арестантовъ и арестантокъ. с. 90—97. — Poustoroslew — D'après quels principes devarait être faite la délimitation de la juridiction des tribunaux, du pouvoir disciplinaire pour les délits de droit commun commis par les détenus durant leur incarcération? Congrès Penit. Intern. de Saint-Pétersbourg. 1-ère section. 8-ème question. p. 59—63.

2) Poustoroslew — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Quels sont les principes etc.? Actes du Congrès Pénit. Intern. de Bruxelles. Vol. II. p. 345—346; 351.

уголовныя нарушенія по службѣ, или уголовныя нарушенія, учиняемыя пограничными жителями за границею.

Далѣе, необходимо, чтобы учиненное дѣяніе было преступно и по взгляду туземнаго иностраннаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ той мѣстности, гдѣ оно учинено.

Далѣе, необходимо, чтобы по заграничному дѣянію не состоялось туземнаго заграничнаго оправдательнаго уголовно-судебнаго приговора, вошедшаго въ законную силу за границею.

Каково должно быть вліяніе туземнаго заграничнаго обвинительнаго уголовно-судебнаго приговора, вошедшаго въ законную силу за границею, это — вопросъ спорный.

Правильнѣе думать, что такой обвинительный приговоръ, какъ освободительный т. е. присуждающій виновнаго къ освобожденію отъ наказанія, такъ и осудительный т. е. присуждающій виновнаго къ наказанію, долженъ имѣть законную силу въ отечествѣ осужденнаго подданнаго только по вопросамъ о существованіи и составѣ учиненнаго преступнаго дѣянія, объ учиненіи этого дѣянія подданнымъ и о виновности этого подданнаго въ учиненіи этого дѣянія, но не по вопросу о наказаніи.

Дѣло въ томъ, что вопросы о существованіи и составѣ учиненнаго преступнаго дѣянія, объ учиненіи этого дѣянія подсудимымъ и виновности подсудимаго или, короче сказать, вопросы о виновности могутъ быть правильно рѣшены только на основаніи обстоятельнаго изслѣдованія фактовъ, по разсмотрѣніи и оцѣнкѣ доказательствъ. А это гораздо легче сдѣлать уголовному суду иностраннаго культурнаго государства, отправляющему уголовное правосудіе по мѣсту учиненія преступнаго дѣянія, чѣмъ отечественному уголовному суду другого культурнаго государства. Вопросъ же о наказаніи, какъ вопросъ о мѣрахъ огражденія отечества и соотечественниковъ отъ преступныхъ посягательствъ соотечественника, гораздо правильнѣе можетъ быть рѣшенъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, отечественнымъ уголовнымъ судомъ по отечественному уголовному закону, чѣмъ иностраннымъ уголовнымъ судомъ по иностранному уголовному закону.

Наказаніе, уже отбытое вполнѣ или отчасти соотечественникомъ за преступное дѣяніе за границею, должно быть зачтено этому лицу въ счетъ, при новомъ назначеніи наказанія за это преступное дѣяніе отечественнымъ уголовнымъ судомъ.

Наконецъ, для привлеченія къ уголовной отвѣтственности передъ отечественнымъ уголовнымъ закономъ необходимо, чтобы подданный, учинившій преступное дѣяніе за границею, дѣйствительно находился

въ распоряженіи своего отечества т. е. пребывалъ бы въ своемъ отечествѣ или былъ бы ему выданъ иностраннымъ государствомъ.

Познакомившись съ научнымъ рѣшеніемъ вопроса объ уголовной отвѣтственности подданнаго культурной державы передъ отечественнымъ уголовнымъ закономъ за учиненіе уголовнаго посягательства противъ отечества, или главы отечества, или соотечественника за границею, на территоріи иностраннаго культурнаго государства, перейдемъ къ положительному праву культурныхъ государствъ нашего времени [1]).

Положительное право культурныхъ государствъ, установляя общее правило о дѣйствіи уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ въ духѣ территоріальнаго принципа, признаетъ, въ видѣ исключенія, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ, подсудность подданныхъ отечественнымъ уголовнымъ судамъ, по отечественному уголовному праву, за уголовныя правонарушенія, учиненныя противъ отечества, или главы отечества, или соотечественника за границею, на территоріи иностраннаго культурнаго государства. Но объемъ этого исключенія въ различныхъ культурныхъ государствахъ обыкновенно различенъ.

Онъ имѣетъ наименьшіе размѣры въ Великобританіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Эти государства допускаютъ только что указанное исключеніе только въ очень немногихъ случаяхъ, напр., въ случаѣ преступнаго участія въ торгѣ невольниками, но за то, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ, выдаютъ своихъ подданныхъ иностраннымъ культурнымъ государствамъ, когда эти государства требуютъ выдачи, обвиняя этихъ лицъ въ учиненіи общихъ, но не политическихъ преступленій и проступковъ на своей территоріи.

Довольно большой объемъ имѣетъ интересующее насъ исключеніе въ Австріи, Германіи, Италіи и Франціи, хотя постановленія этихъ государствъ значительно разнятся въ частностяхъ. Эти государства не выдаютъ своихъ подданныхъ ни одному иностранному государству за учиненіе преступнаго дѣянія на его территоріи, но, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ, предаютъ этихъ лицъ своему суду, по отечественному уголовному закону.

Наибольшимъ объемомъ пользуется разсматриваемое нами исключеніе въ Россійской Имперіи. Россія ни въ какомъ случаѣ не выдаетъ

1) Культурными государствами въ наше время являются различныя христіанскія государства Европы и Америки, основанныя индо-европейскими народами бѣлой расы. Къ числу культурныхъ государствъ причисляется съ конца XIX-го вѣка и Японская Имперія, основанная однимъ изъ народовъ монгольской желтой расы.

своихъ подданныхъ иностраннымъ государствамъ. Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 173.) постановляетъ, что оно распространяетъ свою силу на тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые учинили за границею какія-нибудь изъ предусмотрѣнныхъ имъ преступныхъ посягательствъ [1]) на блага, пользующіяся его защитой, принадлежащія царствующему русскому Государю Императору, или царствующей русской Государынѣ Императрицѣ, или русскому государству, или кому-нибудь изъ русскихъ подданныхъ, а потомъ возвратились въ Россію или были выданы ей. Учинители этихъ преступныхъ дѣяній подлежатъ въ этихъ случаяхъ русскому уголовному суду, по уложенію о наказаніяхъ [2]).

Установляя подсудность русскихъ подданныхъ русскому уголовному суду, по русскому уголовному закону, за учиненіе преступныхъ дѣяній противъ русскаго Государя, государства или подданнаго за границею, наше дѣйствующее законодательство, какъ уголовное (Ул. о нак. 173.), такъ и уголовно-судебное (Уст. Уг. Суд. 214—215.) нигдѣ не содержитъ постановленія, что русскій подданный освобождается отъ уголовной подсудности и уголовной отвѣтственности въ русскомъ государствѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оправданъ, или освобожденъ отъ наказанія, или отбылъ наказаніе за границею, по приговору иностраннаго уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу. А между тѣмъ уставъ уголовнаго судопроизводства, установляя правила толкованія законовъ, обязательныя для всѣхъ новыхъ русскихъ уголовныхъ судовъ, начиная съ Мирового Судьи и кончая Кассаціонными Департаментами Правительствующаго Сената и Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, постановляетъ: „Всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ не-

---

1) Слѣдуетъ замѣтить, что наше уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, предусматривая множество уголовныхъ правонарушеній или уголовныхъ посягательствъ, называетъ ихъ одинаково какъ преступленіями, такъ и проступками (ст. 1.), но не употребляетъ термина „преступленіе“ для обозначенія болѣе важныхъ уголовныхъ правонарушеній, а термина „проступокъ“ для обозначенія менѣе важныхъ.

2) Уложеніе о наказаніяхъ. ст. 173. „Россійскіе подданные, находящіеся внѣ предѣловъ государства и тамъ или прежде отбытія за границу учинившіе преступленіе противъ правъ Державной Власти своего отечества или цѣлости, безопасности или благосостоянія Россіи, или же въ нарушеніе правъ одного или нѣсколькихъ изъ соотечественниковъ своихъ, подлежатъ дѣйствію постановленій сего Уложенія, и по выдачѣ или возвращеніи въ Россію, на основаніи приговора, предписаннымъ порядкомъ надъ ними произнесеннаго, подвергаются наказаніямъ, сими постановленіями положеннымъ“.

полноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія, должны основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ".

При такомъ положеніи вещей, оставаясь твердо на почвѣ закона, необходимо признать, что и въ случаѣ оправданія, или освобожденія отъ наказанія, или отбытія наказанія за границею, по приговору иностраннаго уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу, русскій подданный, возвратившійся въ предѣлы русскаго государства, можетъ быть избавленъ отъ привлеченія къ русскому уголовному суду по обвиненію въ учиненіи преступнаго дѣянія за границею не иначе, какъ путемъ Высочайшаго помилованія или посредствомъ законнаго отреченія жертвы преступленія отъ права уголовнаго преслѣдованія.

Совершенно иную мысль проводитъ опредѣленіе, постановленное нашимъ Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената, въ порядкѣ надзора, въ 1892 г. за № 36, по дѣлу мѣщанина Якова Іолко, отбывшаго наказаніе въ Цюрихѣ, по приговору Цюрихскаго Уголовнаго Суда, за покушеніе на поддѣлку русскихъ кредитныхъ билетовъ въ Цюрихѣ (Рѣшеніе уг. кас. департамента Правительствующаго Сената. 1892. № 36.). „Статья 173, въ связи съ ст. 174 и 172 улож., говоритъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ (1892 № 36.), исчисляютъ только тѣ преступныя дѣянія, за учиненіе коихъ, за предѣлами Россіи, русскій подданный или даже и иностранецъ могутъ быть привлечены закономъ, какъ скоро они возвратятся въ Россію или будутъ намъ выданы, но эти статьи не опредѣляютъ ни порядка, ни самихъ условій таковаго привлеченія, каковыя должны быть установляемы сообразно съ прямыми на сіе указаніями нашихъ судопроизводственныхъ законовъ или по соображеніи съ принятыми въ нихъ основными началами. Къ числу таковыхъ положеній относится и выраженнное въ ст. 22 у. у. с. правило о вторичной несудимости лицъ, отбывшихъ наказаніе по тому-же дѣлу. Хотя по своему изложенію статья эта и имѣетъ въ виду приговоры, постановленные нашими судами, въ предѣлахъ ихъ компетентности, но основное юридическое положеніе, въ ней выраженное, „не отмстимо дважды за едино", „non bis in idem", не можетъ не быть принимаемо къ руководству и при разрѣшеніи другихъ аналогичныхъ случаевъ, а въ частности при установленіи условій отвѣтственности за преступленія, учиненныя заграницею" . . . Равнымъ образомъ, и Правительстяующій Сенатъ по 1-му департаменту, въ опредѣленіи своемъ по дѣлу Никитченкова (1871 г. іюня 14-го и 1872 г. января 4-го), говоритъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ (1892 г. № 36.), вполнѣ опре-

дѣлительно выразилъ, что „правило о невозможности вторичнаго суда надъ осужденнымъ, уже судившимся, выраженное безусловно въ ст. 21 и 22 уст. угол. суд., есть постановленіе общее всѣмъ законодательствамъ образованныхъ народовъ; поэтому для того, чтобы допустить изъ этого общаго правила какое-либо въ извѣстномъ случаѣ исключеніе, необходимо прямое и категорически выраженное уполномочіе на то самого закона, какъ сіе, напр., сдѣлано въ ст. 23 и 935 у. у. с.““.

Выяснивъ наше дѣйствующее уголовное законодательство и судебную практику, переходимъ къ уголовному уложенію.

Наше уголовное уложеніе [1]) также признаетъ, въ видѣ исключенія,

---

1) Уголовное уложеніе. ст. 7. „Дѣйствіе сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя россійскими подданными въ Турціи, Персіи, Китаѣ, Кореѣ или иныхъ странахъ, въ коихъ они не подсудны мѣстной власти“.

ст. 8. „Дѣйствіе сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя въ Бухарѣ пребывающими тамъ россійскими подданными или иностранцами христіанскихъ вѣроисповѣданій“.

ст. 9. „Дѣйствіе сего уложенія, съ соблюденіемъ правилъ, въ статьяхъ 10—12 постановленныхъ, распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя россійскими подданными внѣ предѣловъ Россіи, за исключеніемъ странъ, въ статьяхъ 7 и 8 указанныхъ: 1) если учиненное дѣяніе составляетъ тяжкое преступленіе или преступленіе, и 2) если учиненное дѣяніе составляетъ такой проступокъ, наказуемость коего, въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ Россіи, предусмотрѣна заключеннымъ ею международнымъ договоромъ.

Дѣйствіе сего уложенія, съ соблюденіемъ правилъ, въ статьяхъ 10 и 11 постановленныхъ, распространяется также на преступныя дѣянія, учиненныя иностранцами внѣ предѣловъ Россіи, за исключеніемъ Бухары (ст. 8): 1) если учиненное дѣяніе составляетъ тяжкое преступленіе или такое преступленіе, коимъ обвиняемый посягалъ на права россійскихъ подданныхъ или на имущество или доходы россійской казны, и 2) если наказуемость преступнаго дѣянія, въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ Россіи, предусмотрѣна заключеннымъ ею международнымъ договоромъ“.

ст. 10. „Учинившій преступное дѣяніе внѣ предѣловъ Россіи, въ случаяхъ, указанныхъ въ статьѣ 9, не подлежитъ отвѣтственности по сему уложенію: 1) если дѣяніе не воспрещено закономъ мѣста его учиненія; 2) если обвиняемый былъ оправданъ или освобожденъ отъ наказанія по приговору иностраннаго суда, вошедшему въ законную силу; 3) если осужденный полностью отбылъ наказаніе по приговору иностраннаго суда, и 4) если учиненное преступное дѣяніе, направленное противъ иностраннаго государства, относится къ числу такихъ, по коимъ выдача не допускается.

Учинившему преступное дѣяніе внѣ предѣловъ Россіи, подлежащему отвѣтственности по сему уложенію согласно статьѣ 9, наказаніе смягчается на основаніяхъ, статьею 53 установленныхъ, если осужденный отбылъ часть назначеннаго ему по приговору иностраннаго суда наказанія или если закономъ мѣста учиненія преступ-

что русскій подданный, учинившій преступное посягательство на благо своего Государя, или отечества, или соотечественника за границею, на территоріи другого культурнаго государства, подлежитъ за это уголовной отвѣтственности по уголовному уложенію, а это исключеніе, въ свою очередь, обставляется нѣкоторыми ограничительными условіями (ст. 9 ч. 1 въ связи съ ст. 7; 8; 10—12.).

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо, чтобы дѣяніе, учиненное русскимъ подданнымъ за границею, подходило подъ понятіе преступнаго дѣянія по нашему уголовному уложенію и составляло бы, соотвѣтственно постановленіямъ этого уложенія: или тяжкое преступленіе, или преступленіе, или, по меньшей мѣрѣ, проступокъ, но — такой, который требуетъ уголовнаго преслѣдованія, согласно постановленіямъ международнаго договора Россійской Имперіи съ другимъ государствомъ.

Названія: „тяжкое преступленіе“, „преступленіе“ и „проступокъ“ имѣютъ въ уголовномъ уложеніи значеніе опредѣленныхъ юридическихъ терминовъ.

Согласно уголовному уложенію (ст. 3.), преступныя дѣянія, обложенныя въ законѣ смертной казнью, или каторгой, или ссылкой на поселеніе, въ качествѣ высшаго нормальнаго главнаго наказанія, называются тяжкими преступленіями. Преступныя дѣянія, обложенныя въ законѣ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ, или крѣпости, или тюрьмѣ, въ качествѣ высшаго нормальнаго главнаго наказанія, называются преступленіями. Преступныя же дѣянія, обложенныя въ законѣ арестомъ или денежной пеней, въ качествѣ высшаго нормальнаго главнаго наказанія, называются проступками.

наго дѣянія полагается наказаніе менѣе строгое противъ опредѣляемаго въ семъ уложеніи“.

ст. 11. „Постановленія, изложенныя въ пунктахъ 1 и 2 первой части статьи 10, равно какъ во второй части той же статьи, не примѣняются къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ статьями 99—102 и 126, а когда виновный россійскій подданный, то также и статьями 103 (ч. 1), 108—111, 114—118, 643 (ч. 2 и 3), 645 (ч. 4) и 668“.

ст. 12. „Россійскій подданный, отбывшій внѣ предѣловъ Россіи полностью наказаніе (ст. 10. ч. 1 п. 3) за преступное дѣяніе, за которое въ семъ уложеніи или въ особыхъ уставахъ или узаконеніяхъ опредѣлено наказаніе не ниже каторги, по возвращеніи въ Россію, подвергается, по приговору суда, лишенію правъ, указанному въ статьяхъ 25, 28—31, 34 и 35, а отбывшій наказаніе за тяжкія преступленія, статьями 99—102 предусмотрѣнныя, сверхъ лишенія правъ, — ссылкѣ на поселеніе“.

Указавъ, при изложеніи разсматриваемаго исключенія, на ограничительное условіе относительно проступковъ, нельзя не выразить сожалѣнія, что опредѣленіе рода проступковъ, требующихъ уголовнаго преслѣдованія, въ случаѣ учиненія ихъ русскими подданными за границею, ввѣрено не закону, а международному договору и не приведено въ соотвѣтствіе съ интересами благостостоянія русскаго народа.

Установляя, въ видѣ исключенія, уголовную отвѣтственность для русскаго подданнаго по уголовному уложенію за преступное дѣяніе, учиненное за границею, на территоріи иностраннаго культурнаго государства противъ своего Государя, отечества или соотечественника, уголовное уложеніе дѣлитъ всѣ преступныя дѣянія на двѣ категоріи.

Къ первой категоріи отнесены преступныя дѣянія, требующія особенно энергичнаго примѣненія уголовной отвѣтственности по уголовному уложенію. Они точно перечислены въ 11-й статьѣ уголовнаго уложенія и представляютъ собой важнѣйшія изъ тяжкихъ государственныхъ преступленій противъ русскаго Государя и государства или противъ русскаго государства (Уг. ул. ст. 99—102; 103 ч. 1; 108—111; 114 ч. 2—3; 116—118; 126.), нѣкоторыя изъ государственныхъ преступленій противъ русскаго государства, касающихся военной силы (Уг. ул. 114 ч. 1 и 3; 115.), и важнѣйшія изъ тяжкихъ преступленій по русской службѣ (Уг. ул. 643 ч. 2—3; 645 ч. 4; 668.).

Во вторую же категорію помѣщены преступныя дѣянія, не требующія особенно энергичнаго примѣненія уголовной отвѣтственности по уголовному уложенію. Сюда принадлежатъ всѣ прочія преступныя дѣянія, кромѣ отнесенныхъ къ первой категоріи, безразлично къ тому, являются ли они тяжкими преступленіями, или просто преступленіями, или проступками.

Если русскій подданный, находясь на территоріи иностраннаго культурнаго государства, учинилъ дѣяніе, не только преступное, съ точки зрѣнія нашего уголовнаго уложенія, но и требующее особенно энергичнаго примѣненія уголовной отвѣтственности по этому уложенію, и не отбылъ за это наказанія полностью по приговору иностраннаго уголовнаго суда; то этотъ русскій подданный подлежитъ за это преступное дѣяніе нашему уголовному суду, по нашему уголовному уложенію, безъ всякаго смягченія наказаній, (Уг. ул. ст. 9 ч. 1; 10 ч. 1 п. 1—3 и ч. 2; 11.).

Непреступность же дѣянія этой категоріи по закону мѣста учиненія, оправданіе или освобожденіе обвиняемаго отъ наказанія по приговору иностраннаго уголовнаго суда, вступившему въ законную силу, не составляютъ никакого препятствія къ возбужденію уголовнаго

преслѣдованія и наложенію уголовной отвѣтственности, по нашему уголовному уложенію (Уг. ул. ст. 11.).

Въ случаѣ отбытія такого наказанія полностью за границею за такое преступное дѣяніе, русскій подданный, по возвращеніи въ предѣлы Россійской Имперіи, привлекается къ русскому уголовному суду только для дополнительнаго присужденія къ нѣкоторымъ наказаніямъ и при томъ только тогда, когда такое дѣяніе обложено въ уголовномъ уложеніи наказаніемъ не ниже каторгіи. Русскій уголовный судъ, въ дополненіе къ отбытому заграничному наказанію, обязательно присуждаетъ этому лицу лишеніе правъ, узаконенное уголовнымъ уложеніемъ при каторгѣ и смертной казни (Уг. ул. ст. 12; 25; 28—31; 34—35.), а, если преступное дѣяніе этого лица составляло одно изъ важнѣйшихъ тяжкихъ государственныхъ преступленій противъ Священной Особы царствующаго русскаго Императора, или Его Супруги, или Наслѣдника Престола или бунтъ, то — еще и ссылку на поселеніе (Уг. ул. ст. 12; 99—102.).

Если русскій подданный, находясь въ предѣлахъ иностраннаго культурнаго государства, учинилъ такое дѣяніе, которое посягаетъ на блага своего Государя, отечества или соотечественниковъ, признается преступнымъ, по взгляду нашего уголовнаго уложенія, и допускаетъ уголовную отвѣтственность по этому уложенію, но не требуетъ особенно энергичнаго примѣненія ея (Уг. ул. 9. ч. 1; 11.); то онъ не подлежитъ ей въ четырехъ случаяхъ, при наличности одного изъ слѣдующихъ четырехъ препятствій.

Первое препятствіе имѣетъ мѣсто тогда, когда учиненное дѣяніе не признается преступнымъ со стороны иностранныхъ уголовныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ той мѣстности, гдѣ оно учинено (Уг. ул. 10 ч. 1 п. 1.).

Второе препятствіе выступаетъ тогда, когда русскій подданный былъ оправданъ за данное дѣяніе по приговору иностраннаго уголовнаго суда, вступившему въ законную силу (Уг. ул. 10 ч. 1 п. 2.).

Третіе препятствіе имѣетъ мѣсто тогда, когда русскій подданный былъ освобожденъ отъ наказанія за данное дѣяніе по приговору иностраннаго уголовнаго суда, вступившему въ законную силу (Уг. ул. 10 ч. 1 п. 2.).

Наконецъ, четвертое препятствіе выступаетъ тогда, когда русскій подданный отбылъ полностью наказаніе за данное дѣяніе по приговору иностраннаго уголовнаго суда (Уг. ул. 10 ч. 1 п. 3.); а между тѣмъ за такое преступное дѣяніе въ нашемъ уголовномъ уложеніи или въ нашихъ особыхъ уставахъ или узаконеніяхъ опредѣлено, въ

качествѣ нормальнаго главнаго наказанія, какое-нибудь изъ наказаній ниже каторги (Уг. ул. 12.).

Если же русскій подданный, находясь въ предѣлахъ иностраннаго культурнаго государства, учинилъ такое дѣяніе, которое составляетъ посягательство на блага своего Государя, отечества или соотечественника, признается преступнымъ, по взгляду нашего уголовнаго уложенія, и допускаетъ уголовную отвѣтственность по этому уложенію, но не требуетъ особенно энергичнаго примѣненія ея (Уг. ул. 9 ч. 1; 11.), а между тѣмъ ни одного изъ четырехъ только что указанныхъ препятствій къ ней не имѣется (Уг. ул. 10 ч. 1 п. 1—3; 12.); то этотъ русскій подданный подлежитъ за это преступное дѣяніе нашему уголовному суду, по нашему уголовному уложенію, съ нѣкоторымъ смягченіемъ наказанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ (Уг. ул. 10 ч. 2.). Признавъ обвиняемаго виновнымъ, нашъ уголовный судъ, опредѣляетъ ему наказаніе, по нашему уголовному уложенію, и при этомъ, при наличности какого-нибудь изъ особыхъ обстоятельствъ, указанныхъ уложеніемъ, смягчаетъ слѣдуемое наказаніе, по правиламъ, установленнымъ 53-й статьей этого уложенія.

Такихъ обстоятельствъ — два.

Первое обстоятельство имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда иностранный уголовный законъ, дѣйствующій на мѣстѣ учиненія преступнаго дѣянія, облагаетъ это дѣяніе наказаніемъ, менѣе строгимъ противъ положеннаго нашимъ уголовнымъ уложеніемъ (Уг. ул. 10. ч. 2.).

Второе же обстоятельство выступаетъ въ томъ случаѣ, когда подсудимый, будучи осужденъ за это преступное дѣяніе иностраннымъ уголовнымъ судомъ, уже отбылъ часть наказанія, присужденнаго ему по приговору этого иностраннаго суда (Уг. ул. 10 ч. 2.).

Если, наконецъ, русскій подданный, находясь въ предѣлахъ иностраннаго культурнаго государства, не только учинилъ такое дѣяніе, которое является преступнымъ, по взгляду нашего уголовнаго уложенія, допускаетъ уголовную отвѣтственность по этому уложенію и не требуетъ особенно энергичнаго примѣненія ея, но и былъ осужденъ за это дѣяніе приговоромъ иностраннаго уголовнаго суда, и отбылъ это наказаніе полностью (Уг. ул. 9 ч. 1; 10 ч. 1 п. 3; 12.); то такой русскій подданный, по возвращеніи въ Россійскую Имперію, привлекается къ русскому уголовному суду только для дополнительнаго присужденія къ лишенію правъ (Уг. ул. 12; 25; 28—31; 34 и 35.) и при томъ только въ томъ случаѣ, когда наше уголовное уложеніе или наши особые уставы или узаконенія назначаютъ за такое

дѣяніе, въ качествѣ нормальнаго главнаго наказанія, каторгу или смертную казнь (Уг. ул. 12.).

Познакомившись съ первымъ исключеніемъ въ пользу національнаго принципа, обратимся ко второму.

2. Подданный культурнаго государства, учинившій за границею, на территоріи иностраннаго культурнаго государства преступное посягательство на блага, принадлежащія иностранному государству, или его главѣ, или иностранцамъ, подлежитъ за это уголовному закону своего отечества, только при наличности ограничительныхъ условій.

Учрежденіе уголовной отвѣтственности для подданнаго передъ отечественнымъ уголовнымъ закономъ вызывается интересами отечественнаго народнаго благосостоянія, потребностью отечества оградить иностранныя государства, ихъ главъ и ихъ подданныхъ отъ уголовныхъ посягательствъ со стороны своихъ подданныхъ, чтобы въ свою очередь, по принципу взаимности, получить огражденіе для себя, своего главы и своихъ подданныхъ со стороны иностранныхъ государствъ.

Введеніе ограничительныхъ условій также оправдывается интересами отечественнаго народнаго благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, у каждаго культурнаго народа существуетъ множество различныхъ потребностей какъ общественныхъ, такъ и частныхъ. Примѣромъ первыхъ можетъ служить потребность народа въ обезпеченіи безопасности отъ внѣшнихъ враговъ, а примѣромъ вторыхъ — потребность человѣка въ пищѣ [1]).

Какъ общественныя, такъ и частныя народныя потребности требуютъ удовлетворенія, и удовлетвореніе ихъ необходимо для народнаго благосостоянія. Гдѣ нѣтъ удовлетворенія ни общественныхъ, ни частныхъ народныхъ потребностей, тамъ нѣтъ народнаго благосостоянія. Чѣмъ больше удовлетворяются общественныя и частныя народныя потребности, тѣмъ больше благосостояніе народа. Чѣмъ меньше удовлетвореніе общественныхъ и частныхъ народныхъ потребностей, тѣмъ меньше народное благосостояніе.

Всѣ общественныя народныя потребности точно также, какъ и почти всѣ частныя удовлетворяются не иначе какъ съ помощью затраты имущества и человѣческаго труда, физическаго и психическаго.

---

1) Пусторослевъ — Подсудность арестантовъ и арестантокъ. с. 90—97. — Poustoroslew — D'après quels principes devrait être faite la délimitation de la juridiction des tribunaux, du pouvoir disciplinaire pour les délits de droit commun commis par les détenus durant leur incarcération? Congrès P. I. de Saint-Pétersbourg. 1-ère séction. 8-ème question. p. 59—63.

Количество имущества и труда, необходимое для затраты на полное удовлетвореніе всѣхъ общественныхъ потребностей культурнаго народа, — весьма велико. Въ свою очередь, количество имущества и труда, необходимое для затраты на полное удовлетвореніе всѣхъ частныхъ потребностей культурнаго народа, также — весьма велико.

Количество имущества и труда, находящихся въ распоряженіи культурнаго народа, или, короче сказать, количество народныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи культурнаго народа для затраты на удовлетвореніе общественныхъ и частныхъ народныхъ потребностей, — громадно, но — не безпредѣльно. Оно имѣетъ свои границы и, хотя способно къ увеличенію, но это увеличеніе, въ свою очередь, имѣетъ свои предѣлы для каждаго даннаго времени.

Количество народныхъ средствъ, имѣющихся у каждаго изъ культурныхъ народовъ нашего времени для затраты на удовлетвореніе его общественныхъ и частныхъ потребностей, гораздо меньше количества, необходимаго для полнаго удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей этого народа наилучшимъ образомъ. Возможности полнаго удовлетворенія всѣхъ общественныхъ и частныхъ потребностей наилучшимъ образомъ не предвидится ни для одного народа даже въ далекомъ будущемъ.

Обратить всѣ свои наличныя средства только на удовлетвореніе своихъ общественныхъ потребностей, вовсе не тратясь на удовлетвореніе частныхъ, народъ не можетъ, не подорвавъ не только своего благосостоянія, но даже существованія. По той же причинѣ не можетъ народъ направить всѣ свои наличныя средства только на удовлетвореніе своихъ частныхъ потребностей, вовсе не расходуясь на удовлетвореніе общественныхъ.

При такомъ положеніи вещей, становится ясно, что каждый культурный народъ, руководясь интересами своего всесторонняго возможно большаго благосостоянія, и въ наше время, и въ далекомъ будущемъ волей-неволей долженъ будетъ дѣлить всѣ свои средства на двѣ части, обращать одну изъ нихъ — на удовлетвореніе своихъ общественныхъ потребностей, а другую — на удовлетвореніе частныхъ и расходовать каждую по назначенію. При этомъ онъ долженъ особенно тщательно заботиться о томъ, чтобы каждая изъ общественныхъ потребностей дѣйствительно получила нѣкоторую долю народныхъ средствъ на свое удовлетвореніе и при томъ такую, которая соотвѣтствуетъ, при пропорціональномъ распредѣленіи наличныхъ народныхъ средствъ, какъ количеству расхода, необходимаго для полнаго удовлетворенія этой потребности, такъ и степени ея относительной важности

сравнительно съ прочими потребностями той же группы. Такимъ образомъ, каждый культурный народъ, руководясь дѣйствительными интересами своего всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, долженъ строго соблюдать правильность и бережливость въ распредѣленіи и расходованіи народныхъ средствъ на удовлетвореніе своихъ общественныхъ потребностей.

Эти принципы имѣютъ полную силу и при рѣшеніи вопросовъ о томъ, относительно какихъ уголовныхъ правонарушеній, какихъ лицъ и какихъ мѣстъ государство культурнаго народа должно взять на себя отправленіе уголовнаго правосудія.

Въ самомъ дѣлѣ, у каждаго культурнаго народа существуетъ множество общественныхъ потребностей, а въ томъ числѣ и потребность въ отправленіи уголовнаго правосудія.

Въ числѣ этихъ потребностей есть такія, которыя не только настоятельно и безотлагательно требуютъ себѣ удовлетворенія, но и поглощаютъ наибольшую часть тѣхъ средствъ, которыя можетъ ежегодно употреблять культурный народъ на удовлетвореніе своихъ общественныхъ потребностей, не подрывая своего благосостоянія. Таковы — потребность въ обезпеченіи безопасности отъ внѣшнихъ враговъ и потребность въ осуществленіи надлежащаго внутренняго управленія въ государствѣ.

Такимъ образомъ, оказывается, что на удовлетвореніе своей общественной потребности въ отправленіи уголовнаго правосудія культурный народъ можетъ расходовать ежегодно лишь сравнительно небольшую долю изъ имущества и труда, предназначенныхъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей.

А между тѣмъ каждому культурному государству необходимо ежегодно отправлять уголовное правосудіе въ большихъ размѣрахъ относительно уголовныхъ правонарушеній, учиняемыхъ на собственной территоріи этого государства.

При такихъ обстоятельствахъ, становится ясно, что государство культурнаго народа, дѣйствительно стремясь обезпечить своему народу всестороннее возможно большее благосостояніе, не имѣетъ никакой возможности взять на себя отправленіе уголовнаго правосудія не только по всѣмъ тѣмъ уголовнымъ правонарушеніямъ, которыя, будучи учинены внѣ территоріи этого государства, остались безнаказанными, но даже и по всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, которыя непосредственно или посредственно затронули въ какой-нибудь мѣрѣ интересы этого народа. Все, что можетъ сдѣлать государство культурнаго народа, оставаясь вѣрнымъ принципу благосостоянія своего народа, это —

принять на себя отправленіе уголовнаго правосудія, въ видѣ исключенія, только по тѣмъ изъ этихъ заграничныхъ уголовныхъ правонарушеній, которыя, въ силу стеченія различныхъ обстоятельствъ, могутъ довольно сильно затрогивать интересы этого народа.

Этотъ выводъ имѣетъ вѣское значеніе и при рѣшеніи вопроса о томъ, насколько культурное государство должно брать на себя отправленіе уголовнаго правосудія надъ своими подданными за учиненіе ими заграничныхъ уголовныхъ посягательствъ на блага иностраннаго государства, его главы и иностранцевъ на территоріи иностраннаго культурнаго государства.

Принципъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія въ связи съ принципами правильности и бережливости въ распредѣленіи и расходованіи народныхъ средствъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей культурнаго народа настоятельно требуютъ ограниченія этой подсудности.

Въ пользу ограниченія этой подсудности говоритъ и то обстоятельство, что государству трудно обезпечить надлежащимъ образомъ присутствіе основательности, достаточной быстроты и успѣшности своему отправленію уголовнаго правосудія по заграничнымъ уголовнымъ правонарушеніямъ своихъ подданныхъ (выше с. 287—289.).

Наконецъ, въ пользу ограниченія говоритъ разумность и полезность воздержанія со стороны культурнаго государства отъ вмѣшательства въ политическія движенія, направленныя противъ иностранныхъ государствъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, и слѣдуетъ признать, въ видѣ исключенія, что подданный культурнаго государства, учинившій на территоріи иностраннаго культурнаго государства преступное посягательство на блага иностраннаго государства, или его главы, или иностранца долженъ подлежать за это уголовному закону своего отечества, только при наличности ограничительныхъ условій.

Такихъ ограничительныхъ условій — нѣсколько.

Прежде всего, необходимо, чтобы учиненное дѣяніе было не только преступно, по взгляду отечественнаго уголовнаго закона, но и принадлежало бы къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не составляло бы политическаго преступленія или проступка, не допускающаго выдачи учинителя, или же относилось бы къ числу нѣкоторыхъ изъ маловажныхъ уголовныхъ правонарушеній, называемыхъ нарушеніями. Таковы — тѣ изъ нарушеній, которыя особо перечислены въ законѣ, въ качествѣ требующихъ уголовнаго преслѣдованія даже при учиненіи за границею.

Далѣе, необходимо, чтобы учиненное дѣяніе было преступно и по взгляду туземнаго уголовнаго права, дѣйствующаго въ той мѣстности, гдѣ оно учинено.

Далѣе, необходимо, чтобы по заграничному дѣянію не состоялось туземнаго заграничнаго оправдательнаго уголовно-судебнаго приговора, вошедшаго въ законную силу за границею.

Туземный заграничный обвинительный уголовно-судебный приговоръ, вошедшій въ законную силу за границею, какъ освободительный, такъ и осудительный долженъ имѣть законную силу въ отечествѣ осужденнаго подданнаго только по вопросамъ о виновности т. е. только по вопросамъ о существованіи и составѣ учиненнаго преступнаго дѣянія, объ учиненіи этого дѣянія подданнымъ и о виновности этого подданнаго въ учиненіи этого дѣянія, но не по вопросу о наказаніи. Вопросъ же о наказаніи долженъ быть рѣшенъ отечественнымъ уголовнымъ судомъ, по отечественному уголовному закону.

Наказаніе, уже отбытое вполнѣ или отчасти соотечественникомъ за преступное дѣяніе за границею, должно быть зачтено этому лицу въ счетъ, при новомъ назначеніи наказанія за это преступное дѣяніе отечественнымъ уголовнымъ судомъ.

Наконецъ, требуется чтобы подданный, учинившій преступное дѣяніе за границею, дѣйствительно находился въ распоряженіи своего отечества.

Положительное право культурныхъ государствъ, установляя общее правило о дѣйствіи уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ въ духѣ территоріальнаго принципа, обыкновенно признаетъ, въ видѣ исключенія, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ, подсудность подданныхъ отечественнымъ уголовнымъ судамъ, по отечественному уголовному праву, за уголовныя правонарушенія, учиненныя противъ иностраннаго государства, или его главы, или иностранцевъ за границею, на территоріи иностраннаго культурнаго государства. Но объемъ этого исключенія въ различныхъ государствахъ обыкновенно не одинаковъ.

Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты допускаютъ это исключеніе только въ очень немногихъ случаяхъ, напр., въ случаѣ преступнаго участія въ торгѣ невольниками, но за то, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ, выдаютъ своихъ подданныхъ на судъ тому иностранному культурному государству, на территоріи котораго учинено преступленіе этими лицами.

Континентальныя культурныя государства Западной Европы, напротивъ, отрицая выдачу собственныхъ подданныхъ, допускаютъ это

исключеніе, но въ весьма различномъ объемѣ и при томъ съ большими ограниченіями.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 174.) постановляетъ, что русскій подданный, учинившій въ иностранномъ государствѣ, имѣющемъ право отправленія уголовнаго правосудія надъ русскими подданными (ст. 174 въ связи съ ст. 175 и примѣчаніями), какое-нибудь изъ преступныхъ посягательствъ на блага, пользующіяся защитой этого уложенія, принадлежащія царствующему государю этого государства или кому-нибудь изъ подданныхъ этого государства или другой иностранной державы, подлежитъ за это русскому уголовному суду, по уложенію о наказаніяхъ, но только въ томъ случаѣ, когда на это лицо будетъ подана жалоба, а оно само вернется въ предѣлы русскаго государства или будетъ выдано Россіи для суда иностраннымъ правительствомъ [1]). Если бы по уголовнымъ законамъ того государства, гдѣ учинено преступленіе, русскій подданный долженъ былъ подвергнуться наказанію, менѣе строгому противъ предписаннаго нашимъ уложеніемъ о наказаніяхъ; въ такомъ случаѣ нашъ уголовный судъ, назначая этому лицу наказаніе по нашему уложенію о наказаніяхъ, смягчаетъ наказаніе по соразмѣрности съ наказаніемъ, установленнымъ въ иностранномъ уголовномъ законѣ, дѣйствующемъ на мѣстѣ учиненія преступленія (Ул. о нак. ст. 174.).

Наше уголовное уложеніе также признаетъ, въ видѣ исключенія, что русскій подданный, учинившій преступное посягательство на блага иностраннаго государства, или его главы, или иностранца за границею, на территоріи иностраннаго культурнаго государства, подлежитъ за это уголовной отвѣтственности, по уголовному уложенію, а это исключеніе, въ свою очередь, обставляется ограничительными условіями (выше прим. на с. 294—295. — Уг. ул. ст. 9 ч. 1 въ связи съ ст. 7; 8; 10; 12.).

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо,

---

1) Уложеніе о наказаніяхъ. ст. 174. „Если Россійскій подданный, учинившій въ какомъ либо иностранномъ государствѣ преступленіе противъ Верховной Власти того государства, или же противъ правъ одного или нѣсколькихъ изъ подданныхъ онаго или другой иностранной державы, будетъ тамошнимъ правительствомъ для сужденія препровожденъ въ Россію, или же, по добровольномъ возвращеніи его въ отечество, на него поступятъ жалобы или обвиненія, то и онъ подлежитъ суду на основаніи постановленій сего Уложенія. Только въ случаѣ, когда бы по законамъ того края, гдѣ имъ учинено преступленіе, онъ долженствовалъ подвергнуться наказанію менѣе противъ опредѣляемаго въ семъ Уложеніи строгому, наказаніе его по соразмѣрности съ тѣмъ смягчается".

чтобы дѣяніе, учиненное русскимъ подданнымъ за границею, подходило подъ понятіе преступнаго дѣянія по нашему уголовному уложенію и составляло бы, соотвѣтственно постановленіямъ этого уложенія: или тяжкое преступленіе, или преступленіе, или, по меньшей мѣрѣ, проступокъ, но — такой, который требуетъ уголовнаго преслѣдованія, согласно постановленіямъ международнаго договора Россійской Имперіи съ иностраннымъ государствомъ (ст. 9 ч. 1.).

Далѣе, необходимо, чтобы не было въ наличности ни одного изъ особыхъ законныхъ препятствій къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ русскаго подданнаго за это дѣяніе, по нашему уголовному уложенію.

Такихъ препятствій установлено нашимъ уголовнымъ уложеніемъ пять (ст. 10 ч. 1 п. 1—4.). Четыре изъ нихъ намъ уже извѣстны (выше с. 297—298.), а пятое имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, „если учиненное преступное дѣяніе, направленное противъ иностраннаго государства, относится къ числу такихъ, по коимъ выдача не допускается“ (ст. 10 ч. 1 п. 4.).

Если русскій подданный, находясь въ предѣлахъ иностраннаго культурнаго государства, учинилъ такое дѣяніе, которое составляетъ посягательство на блага иностраннаго государства, или его главы, или иностранца, является преступнымъ, по взгляду нашего уголовнаго уложенія, и допускаетъ уголовную отвѣтственность по этому уложенію (ст. 9 ч. 1.), а между тѣмъ ни одного изъ пяти только что указанныхъ препятствій къ ней не имѣется (Уг. ул. ст. 10 ч. 1. п. 1—4; 12.); то этотъ русскій подданный подлежитъ за это преступное дѣяніе нашему уголовному суду, по нашему уголовному уложенію, съ нѣкоторымъ уже извѣстнымъ смягченіемъ наказанія, въ случаѣ наличности какого-нибудь изъ извѣстныхъ особыхъ обстоятельствъ, указанныхъ нами выше (с. 298.).

Если же русскій подданный, учинившій такое преступное дѣяніе на территоріи иностраннаго культурнаго государства, осужденъ уже за это иностраннымъ уголовно-судебнымъ приговоромъ, вступившимъ въ законную силу, и уже отбылъ присужденное наказаніе полностью за границею, а это преступное дѣяніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, за которыя наше уголовное уложеніе, или наши особыя уставы или узаконенія назначаютъ, въ качествѣ нормальнаго главнаго наказанія, каторгу или смертную казнь; то этотъ русскій подданный, по возвращеніи въ Россію, привлекается къ русскому уголовному суду только для дополнительнаго присужденія къ лишенію правъ, соединенному съ этими главными наказаніями (Уг. ул. 9 ч. 1; 10 ч. 1 п. 3; 12.).

Разсмотрѣвъ второе исключеніе въ пользу національнаго принципа, перейдемъ къ третьему.

3. Подданный культурнаго государства, учинившій на территоріи некультурнаго государства какое бы то ни было преступное дѣяніе, подлежитъ за это уголовному закону своего отечества, а не туземному.

Это исключеніе изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа въ пользу національнаго имѣетъ свое основаніе въ интересахъ культурнаго народа, въ интересахъ всесторонняго возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ.

Три общественныхъ потребности вызываютъ необходимость этого исключенія въ этихъ интересахъ: 1) потребность культурнаго государства оградить себя, своего главу и своихъ подданныхъ отъ преступныхъ дѣяній со стороны своихъ подданныхъ, 2) потребность культурнаго государства оградить иностранныя государства, ихъ главъ и ихъ подданныхъ отъ преступныхъ дѣяній со стороны своихъ подданныхъ, чтобы, въ свою очередь, въ силу принципа взаимности, получить огражденіе для себя, своего главы и своихъ подданныхъ отъ преступныхъ дѣяній со стороны иностранцевъ, и 3) потребность культурнаго государства оградить своихъ подозрѣваемыхъ и даже преступныхъ подданныхъ отъ излишняго гнета со стороны державы полукультурнаго, или варварскаго, или дикаго народа, ея властей и частныхъ лицъ.

Двѣ первыя изъ этихъ потребностей не нуждаются въ объясненіяхъ. Въ разъясненіе же третьей необходимо привести нѣкоторыя свѣдѣнія.

Совершенствуясь въ своемъ духовномъ развитіи, народы переживаютъ четыре различныхъ періода: періодъ дикости, періодъ варварства, періодъ полуобразованности или полукультурности и періодъ образованности или культурности.

Духовное развитіе народа повышается постепенно. Поднимаясь вверхъ по лѣстницѣ прогресса, оно проходитъ въ разные періоды различныя ея ступени: въ періодѣ дикости — весьма низкія, въ періодѣ варварства — низкія, въ періодѣ полуобразованности — высокія и въ періодѣ образованности — весьма высокія. Каждый культурный народъ былъ прежде полукультурнымъ, предки послѣдняго были варварами, а ихъ отдаленные предки — дикарями.

Каждый періодъ имѣетъ свои глубокія особенности какъ въ области человѣческихъ потребностей, такъ и въ области условій жизни пребывающаго въ немъ народа.

Благодаря вліянію этихъ особенностей, каждый періодъ кладетъ свой отпечатокъ на современный ему правовой порядокъ, устроенный

и поддерживаемый государствомъ этого народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на-ту обширную область этого порядка, которую занимаетъ уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова.

Гдѣ есть правовой порядокъ, тамъ есть и уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова, со всѣми четырьми составными частями или вѣтвями этого права, уже извѣстными намъ подъ именами уголовно-опредѣлительнаго или уголовнаго права, уголовно-охранительнаго права, уголовно-судебнаго права и уголовно-исполнительнаго права (выше с. 37—38.).

Уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова, со всѣми своими четырьми составными частями или вѣтвями, постоянно составляетъ существенную часть правового порядка въ каждомъ государствѣ, безразлично къ тому, находится ли народъ этой державы въ періодѣ дикости, или — варварства, или — полуобразованности, или — образованности. За то каждый періодъ кладетъ свою печать на каждую составную часть современнаго ему уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова.

Этотъ отпечатокъ — настолько силенъ, что между уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ государствѣ во время пребыванія народа въ одномъ періодѣ духовнаго развитія, и уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствовавшимъ въ томъ же государствѣ во время пребыванія того же самаго народа въ другомъ періодѣ, существуетъ гораздо больше разницы, чѣмъ между уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ государствѣ одного народа, и уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ государствѣ другого народа, когда эти народы находятся въ одномъ и томъ же періодѣ духовнаго развитія.

Если сравнить уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующее въ государствѣ одного культурнаго народа, съ уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ государствѣ другого культурнаго народа; то нельзя не замѣтить, что между этимъ правомъ всегда есть различія, то незначительныя, то сильныя, но за то всегда есть и очень много общаго т. е. тождественнаго и однороднаго и при томъ во всѣхъ четырехъ составныхъ частяхъ уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова, по принадлежности. Понятіе объ уголовномъ правонарушеніи вообще, понятія о различныхъ уголовныхъ правонарушеніяхъ въ отдѣльности, цѣли и способы наказаній, устройство органовъ и ихъ дѣятельности по устраненію будущихъ и пресѣченію происходящихъ уголовныхъ правонарушеній, устройство органовъ и ихъ дѣятельности по отправленію уголовнаго правосудія и, наконецъ, устройство органовъ и ихъ дѣя-

тельности по приведенію въ исполненіе оправдательныхъ, освободительныхъ и наказательныхъ приговоровъ, а также правомѣрныхъ распоряженій о принудительныхъ мѣрахъ по уголовнымъ дѣламъ, все это — такія понятія, цѣли и средства, которыя имѣютъ очень много общихъ чертъ съ соотвѣтствующими понятіями, цѣлями и средствами, если мы станемъ сравнивать уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующее въ государствѣ одного культурнаго народа, съ уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, принадлежащимъ государству другого культурнаго народа.

Сравнивая же уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующее въ государствѣ культурнаго народа, сначала съ уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ государствѣ полукультурнаго народа, потомъ съ уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ государствѣ варваровъ, и, наконецъ, съ уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ государствѣ дикарей, нельзя не замѣтить, что съ разницей между періодами духовнаго развитія этихъ народовъ сильно увеличивается область различій и сильно уменьшается область сходствъ во всѣхъ четырехъ составныхъ частяхъ этого права и при томъ тѣмъ больше, чѣмъ дальше отстоятъ эти періоды.

Въ уголовномъ правѣ въ обширномъ смыслѣ слова у полуобразованныхъ народовъ, варваровъ и дикарей есть много важныхъ недостатковъ. Общее понятіе объ уголовномъ правонарушеніи не выработано. Понятія объ отдѣльныхъ уголовныхъ правонарушеніяхъ часто проникнуты невѣждествомъ, суевѣріемъ и привиллегированностью однихъ лицъ, сословій или классовъ народонаселенія передъ другими. Наказанія обыкновенно страдаютъ жестокостью, развращающимъ вліяніемъ, неуравнительностью, а иногда излишней слабостью. Устраненіе будущихъ и пресѣченіе происходящихъ уголовныхъ правонарушеній мало обезпечено и въ сильной степени предоставлено на милость произвола и грубости нравовъ. Въ уголовномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ недостаточно обезпечены основательность и правомѣрность, а нерѣдко и быстрота уголовнаго правосудія. Наконецъ, приведеніе наказаній и другихъ принудительныхъ мѣръ въ исполненіе часто проникнуто жестокостью, грубостью, безнравственностью, произволомъ и различными вымогательствами со стороны исполнителей у наказуемыхъ и подлежащихъ принудительнымъ мѣрамъ [1]).

---

1) Poustoroslew — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Quels sont les principes etc.? Actes du Congrès P. I. de Bruxelles. Vol. II. p. 323—326.

При такихъ обстоятельствахъ, становится ясно, что государство культурнаго народа, дорожа благосостояніемъ своего народа, не можетъ допустить подчиненія своихъ подданныхъ уголовному праву въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующему въ государствѣ полукультурнаго народа, а тѣмъ болѣе варварскаго и тѣмъ болѣе дикаго. Напротивъ, въ случаѣ учиненія преступнаго дѣянія на территоріи такого государства, культурное государство должно само судить и наказывать своего подданнаго, по своему дѣйствующему уголовному праву въ обширномъ смыслѣ слова или, точнѣе сказать, должно судить своего подданнаго, по своему уголовно-судебному праву, на основаніи своего уголовнаго или, точнѣе, уголовно-опредѣлительнаго права, и должно приводить наказаніе въ исполненіе, по своему уголовно-исполнительному праву.

Эта необходимость особенно часто и ярко выступаетъ на видъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подданные культурной державы учиняютъ преступныя дѣянія на территоріи некультурнаго государства, находящейся подъ протекторатомъ или покровительствомъ этой культурной державы, или на участкѣ территоріи некультурнаго государства, находящемся въ арендѣ у этой культурной державы.

Такимъ образомъ, изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа и является извѣстное исключеніе, которое провозглашаетъ, что подданный культурнаго государства, учинившій на территоріи некультурнаго государства какое бы то ни было преступное дѣяніе, подлежитъ за это уголовному закону своего отечества, а никакъ не туземному.

Это исключеніе принято во всѣхъ культурныхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россійской Имперіи. Оно установлено главнымъ образомъ съ помощью международныхъ договоровъ.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ указываетъ это исключеніе относительно нѣсколькихъ некультурныхъ государствъ, хотя изъ вѣжливости и не называетъ ихъ некультурными, а ограничивается лишь поименнымъ перечисленіемъ. Это исключеніе указано относительно Турецкой Имперіи (Ул. 175.), Персидскаго Царства (Ул. 175.), Корейской Имперіи (Ул. 175 прим. 4, по прод. 1902 г.), Китайской Имперіи вообще (Ул. 175 прим. 2.) и Квантунской области, арендованной русскимъ государствомъ у Китайской Имперіи, въ особенности [1]), и Бухарскаго Ханства, состоящаго подъ протекторатомъ Россійской Имперіи (Ул. 175 прим. 5, по прод. 1902 г.).

---

1) П. С. З. (с. з.). Т. XIX. 1. № 17513. Временное Положеніе объ управленіи Квантунской области, Высочайше утвержденное 16 августа 1899. ст. 1; 84; 87; 98. —

То же исключеніе, хотя и безъ всякаго указанія на него въ законѣ или международномъ договорѣ, имѣетъ мѣсто и въ Хивинскомъ Ханствѣ, находящемся подъ протекторатомъ Россіи, но, по заявленію нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 7 апрѣля 1900 г., почти уже утратившемъ свою самостоятельность въ пользу Россіи [1]).

Такое же исключеніе существовало и относительно Японіи, но, согласно договору, заключенному между Россіей и Японіей въ Петербургѣ 27-го мая 1895 г., Высочайше утвержденному Государемъ Императоромъ Николаемъ II 6-го іюня 1895 г., прекратило свою силу съ 5-го (17-го) іюля 1899 г. [2]). Съ этого времени русскіе подданные стали подсудны японскимъ уголовнымъ судамъ и японскимъ уголовнымъ законамъ за преступныя дѣянія, учиненныя на территоріи Японской Имперіи. Этотъ договоръ, какъ сказано въ XIX-й статьѣ его, „останется обязательнымъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ со дня вступленія его въ силу".

То же исключеніе установлено и нашимъ уголовнымъ уложеніемъ

Св. Зак. Т. XVI. Ч. I: а) I. Учрежденіе Судебныхъ Установленій. ст. 624 съ примѣчаніемъ, по прод. 1902 г. Приложеніе къ статьѣ 624 (прим.), по прод. 1902 г. ст. 1; 4; ст. 5 — „Портъ-Артурскій Окружный Судъ . . . Вѣдѣнію того же Окружнаго Суда и подвѣдомственныхъ ему установленій подлежатъ подсудныя Русской судебной власти дѣла на территоріи Южно-Маньчжурской вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги"; и б) IV. Уст. Уг. Суд. ст. 1407 съ примѣчаніемъ, по прод. 1902 г. Приложеніе къ статьѣ 1407 (прим.), по прод. 1902 г. ст. 1.

1) „Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ письменномъ отзывѣ отъ 7 Апрѣля 1900 года, заявило, что Хивинское ханство почти лишилось своей самостоятельности, чему примѣромъ служитъ то, что въ Хивѣ даже преступленія туземцевъ противъ русскихъ подданныхъ не признаются нами подсудными мѣстной Хивинской власти, и что во всякомъ случаѣ Хива менѣе можетъ считаться независимымъ владѣніемъ, чѣмъ Бухарское ханство, въ которомъ власть эмира относительно его подданныхъ сохраняется во всей своей силѣ". Журналъ Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія. с. 50.

2) П. С. З. (с. з.) Т. XV. № 11826. Договоръ Россіи съ Японіей о торговлѣ и мореплаваніи, Высочайше ратификованный 6 іюня 1895 года. ст. XVIII; XIX о времени вступленія этого договора въ дѣйствіе. — Правительственное сообщеніе о вступленіи договора съ Японіей 1895 г. въ дѣйствіе съ 5-го (17-го) іюля 1899 г. Правит. Вѣстникъ 22 іюля 1899 г. № 132. — Улож. о нак. ст. 175 прим. 3, по прод. 1902 г. — Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіей съ другими государствами и касающихся различныхъ вопросовъ частнаго международнаго права. Издано по распоряженію Г. Министра Иностранныхъ Дѣлъ. С.-Петербургъ. 1896. Т. IV. Дополненія. № 46. с. 389—400. Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный между Россіей и Японіей 27 мая 1895 года. ст. 18 и 19.

(выше прим. 1 на с. 294.). При этомъ, одни изъ некультурныхъ государствъ, какъ Турція, Персія, Китай, Корея (Уг. ул. 7.) и Бухара (Уг. ул. 8.), прямо поименованы, а другія — названы неопредѣленнымъ выраженіемъ „иныхъ странъ, въ коихъ“ русскіе подданные „неподсудны мѣстной власти“ (уг. ул. 7.).

Познакомившись съ третьимъ исключеніемъ изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа въ пользу національнаго, обратимся къ четвертому.

4. Если подданный культурнаго государства, находясь въ области, не принадлежащей никакому государству, учинитъ преступное посягательство на блага, принадлежащія его отечеству, или главѣ его отечества, или соотечественникамъ; то онъ подлежитъ за это уголовному закону своего отечества, только при наличности ограничительныхъ условій.

Это исключеніе необходимо въ интересахъ возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ.

Для наличности этого исключенія прежде всего требуется, чтобы дѣяніе, учиненное подданнымъ культурнаго государства въ безгосударственной области, было не только преступно, по взгляду отечественнаго уголовнаго закона, но и принадлежало бы къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ, какъ напр., потопленіе однимъ русскимъ другого во время купанья въ открытомъ морѣ, за границею территоріальнаго моря, или же относилось бы къ числу маловажныхъ уголовныхъ правонарушеній, называемыхъ нарушеніями, но не представляло бы затрудненій для отправленія уголовнаго правосудія, какъ напр., нанесеніе словеснаго оскорбленія русскимъ пассажиромъ русскому матросу на берегу, во время стоянки русскаго купеческаго корабля въ бухтѣ острова, не принадлежащаго никакому государству.

Далѣе, требуется, чтобы по заграничному преступному дѣянію подданнаго не состоялось заграничнаго оправдательнаго уголовно-судебнаго приговора, вошедшаго въ законную силу за границею и постановленнаго компетентнымъ уголовнымъ судомъ посторонняго иностраннаго государства. Это ограниченіе вполнѣ оправдывается общественной потребностью огражденія личности отъ излишнихъ стѣсненій, при производствѣ государственной борьбы за господство правового порядка противъ уголовныхъ правонарушеній.

Присутствіе иностраннаго обвинительнаго уголовно-судебнаго приговора, вошедшаго въ законную силу, какъ освободительнаго, такъ и осудительнаго не можетъ служить препятствіемъ для отечественнаго государства къ отправленію уголовнаго правосудія надъ своимъ под-

даннымъ, по своему отечественному уголовному закону, какъ по вопросамъ о наказаніи, такъ и по вопросамъ о виновности. Это объясняется тѣмъ, что, при учиненіи преступнаго дѣянія въ области, не принадлежащей никакому государству, уголовный судъ иностраннаго культурнаго государства не только не имѣетъ никакого преимущества передъ уголовнымъ судомъ отечественнаго культурнаго государства, но и вообще менѣе соотвѣтствуетъ интересамъ охраны правового порядка и народнаго благосостоянія въ отношеніи къ народу отечественнаго государства, чѣмъ уголовный судъ самого отечественнаго государства.

Наказаніе, уже отбытое вполнѣ или отчасти соотечественникомъ за границею, по приговору иностраннаго уголовнаго суда, за учиненіе преступнаго дѣянія въ безгосударственной области, должно быть зачтено этому лицу въ счетъ, при новомъ назначеніи наказанія за это дѣяніе уголовнымъ судомъ отечественнаго государства.

Наконецъ, требуется, чтобы учинитель преступнаго дѣянія находился дѣйствительно въ распоряженіи своего отечества.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, подобно большинству иностранныхъ общихъ уголовныхъ уложеній, не предусматриваетъ этого исключенія.

Иначе поступаетъ наше уголовное уложеніе. Оно предусматриваетъ это исключеніе и обставляетъ его своими ограничительными условіями (выше прим. 1 на с. 294—295. — Уг. ул. ст. 9 ч. 1 въ связи съ ст. 7—8; 10—12.).

Уголовное уложеніе признаетъ, что русскій подданный, учинившій преступное посягательство на блага своего Государя, или отечества, или соотечественника за границею, въ области не принадлежащей никакому государству, подлежитъ за это уголовной отвѣтственности по уголовному уложенію, только въ видѣ исключенія, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ (Уг. ул. ст. 9 ч. 1 въ связи съ ст. 7—8; 10—12.).

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо, чтобы дѣяніе, учиненное русскимъ подданнымъ за границею, въ области, не принадлежащей никакому государству, подходило подъ понятіе преступнаго дѣянія по нашему уголовному уложенію и составляло бы, соотвѣтственно постановленіямъ этого уложенія: или тяжкое преступленіе, или преступленіе, или, по меньшей мѣрѣ, проступокъ, но — такой, который требуетъ уголовнаго преслѣдованія, согласно постановленіямъ международнаго договора Россійской Имперіи съ иностраннымъ государствомъ (ст. 9 ч. 1.).

Если дѣяніе, учиненное русскимъ подданнымъ въ безгосударст-

венной области, не только является преступнымъ, но и требуетъ особенно энергичнаго примѣненія уголовной отвѣтственности по нашему уголовному уложенію, а между тѣмъ учинитель не отбылъ за это наказанія полностью, по приговору иностраннаго уголовнаго суда; то этотъ учинитель подлежитъ за это преступное дѣяніе нашему уголовному суду, по нашему уголовному уложенію, безъ всякаго смягченія наказаній (Уг. ул. ст. 9 ч. 1; 10 ч. 1 п. 2—3 и ч. 2; 11.).

Въ случаѣ отбытія наказанія за такое преступное дѣяніе за границею полностью, по приговору иностраннаго уголовнаго суда, учинитель этого дѣянія, русскій подданный, по возвращеніи въ предѣлы Россійской Имперіи, привлекается къ русскому уголовному суду только для дополнительнаго присужденія къ нѣкоторымъ наказаніямъ, по извѣстнымъ правиламъ, уже изложеннымъ нами выше (с. 297. — Уг. ул. ст. 12.).

Если же русскій подданный учинилъ въ безгосударственной области такое дѣяніе, которое посягаетъ на блага Государя, отечества или соотечественниковъ, признается преступнымъ, по взгляду нашего уголовнаго уложенія, и допускаетъ уголовную отвѣтственность, по этому уложенію, но не требуетъ особенно энергичнаго примѣненія ея (Уг. ул. 9 ч. 1; 11.); то онъ не подлежитъ ей только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ ни одного изъ особыхъ законныхъ препятствій къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ этого лица, по нашему уголовному уложенію (Уг. ул. 10 ч. 1 п. 2—3; 11—12.).

Такихъ препятствій — три. Всѣ они уже указаны нами выше подъ номерами: 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ (с. 297—298.).

При отсутствіи же этихъ препятствій, русскій подданный подлежитъ за это преступное дѣяніе, при указанныхъ условіяхъ, нашему уголовному суду, по нашему уголовному уложенію (ст. 9 ч. 1; 10 ч. 1 п. 2—3 и ч. 2; 11; 12.), съ нѣкоторымъ уже извѣстнымъ смягченіемъ наказанія, въ случаѣ отбытія части присужденнаго наказанія за это дѣяніе, по приговору иностраннаго уголовнаго суда (Уг. ул. 10 ч. 2.).

Наконецъ, если дѣяніе, учиненное русскимъ подданнымъ въ безгосударственной области, являясь преступнымъ, не требуетъ особенно энергичнаго примѣненія уголовной отвѣтственности, по нашему уголовному уложенію, а между тѣмъ учинитель уже отбылъ наказаніе за это дѣяніе полностью, по приговору иностраннаго уголовнаго суда, а это преступное дѣяніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, за которыя наше уголовное уложеніе, или наши особые уставы или узаконенія назначаютъ, въ качествѣ нормальнаго главнаго наказанія, каторгу

или смертную казнь; то этотъ русскій подданный, по возвращеніи въ Россію, привлекается къ русскому уголовному суду только для дополнительнаго присужденія къ лишенію правъ, соединенному съ этими главными наказаніями (Уг. ул. 9 ч. 1; 10 ч. 1 п. 3; 12.).

Разсмотрѣвъ четвертое исключеніе, переходимъ къ пятому.

5. Если подданный культурнаго государства, находясь въ области, не принадлежащей никакому государству, учинитъ преступное посягательство на блага, принадлежащія иностранному государству, или его главѣ, или иностранцамъ; то онъ подлежитъ за это уголовному закону своего отечества, только при наличности ограничительныхъ условій.

Это исключеніе съ его ограниченіями необходимо въ интересахъ возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ.

Вызывается это исключеніе главнымъ образомъ общественной потребностью культурнаго государства оградить иностранныя государства, ихъ главъ и ихъ подданныхъ отъ преступныхъ посягательствъ со стороны иностранцевъ, чтобы, въ свою очередь, по принципу взаимности, получить огражденіе для себя, своего главы и своихъ подданныхъ со стороны иностранныхъ государствъ.

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо, чтобы учиненное дѣяніе было не только преступно, по взгляду отечественнаго уголовнаго закона, но и принадлежало бы къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не составляло бы политическаго преступленія или проступка, не допускающаго выдачи учинителя, или же относилось бы къ числу нѣкоторыхъ изъ маловажныхъ уголовныхъ правонарушеній, называемыхъ нарушеніями. Таковы — тѣ изъ нарушеній, которыя особо перечислены въ законѣ, въ качествѣ требующихъ уголовнаго преслѣдованія, даже при учиненіи въ безгосударственной области противъ иностраннаго государства или иностранца.

Далѣе, необходимо, чтобы по заграничному преступному дѣянію подданнаго не состоялось заграничнаго оправдательнаго уголовно-судебнаго приговора, вступившаго въ законную силу и постановленнаго компетентнымъ уголовнымъ судомъ посторонняго иностраннаго государства (выше с. 311.).

Объ обвинительномъ приговорѣ иностраннаго уголовнаго суда и отбытіи наказанія подданнымъ отечественнаго государства по этому приговору за границею слѣдуетъ сдѣлать и въ этомъ случаѣ тѣ же

замѣчанія, какія были сдѣланы въ предшествующемъ случаѣ (выше с. 311—312.).

Наконецъ, необходимо, чтобы учинитель преступнаго дѣянія дѣйствительно находился въ распоряженіи своего отечества.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, подобно большинству иностранныхъ общихъ уголовныхъ уложеній, не предусматриваетъ этого исключенія.

Напротивъ, наше уголовное уложеніе предусматриваетъ это исключеніе и обставляетъ его своими ограничительными условіями (выше прим. 1 на с. 294—295. — Уг. ул. ст. 9 ч. 1 въ связи съ ст. 7—8; 10; 12.).

Уголовное уложеніе признаетъ, что русскій подданный, учинившій преступное посягательство на блага иностраннаго государства, или его главы, или иностранца въ области, не принадлежащей никакому государству, подлежитъ за это уголовной отвѣтственности по уголовному уложенію, только въ видѣ исключенія, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ (Уг. ул. ст. 9 ч. 1 въ связи съ ст. 7—8; 10; 12.).

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо, чтобы дѣяніе, учиненное русскимъ подданнымъ въ безгосударственной области противъ иностраннаго государства, или его главы, или иностранца, подходило подъ понятіе преступнаго дѣянія по нашему уголовному уложенію и составляло бы, соотвѣтственно постановленіямъ этого уложенія: или тяжкое преступленіе, или преступленіе, или, по меньшей мѣрѣ, проступокъ, но — такой, который требуетъ уголовнаго преслѣдованія, согласно постановленіямъ международнаго договора Россійской Имперіи съ иностраннымъ государствомъ (Уг. ул. ст. 9 ч. 1.).

Далѣе, необходимо, чтобы не было въ наличности ни одного изъ особыхъ законныхъ препятствій къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ русскаго подданнаго за это дѣяніе по нашему уголовному уложенію.

Такихъ препятствій — четыре. Всѣ они уже указаны нами выше подъ номерами: 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ (с. 297—298) и 5-мъ (с. 305.).

Если русскій подданный учинилъ въ безгосударственной области такое дѣяніе, которое посягаетъ на блага иностраннаго государства, или его главы, или иностранцевъ, признается преступнымъ, по взгляду нашего уголовнаго уложенія, и допускаетъ уголовную отвѣтственность по этому уложенію (ст. 9. ч. 1.), а между тѣмъ ни одного изъ четырехъ только что указанныхъ препятствій къ ней не имѣется (Уг. ул. ст. 10 ч. 1. п. 2—4; 12.); то этотъ русскій подданный подлежитъ за это преступное дѣяніе нашему уголовному суду, по нашему уголовному уложенію,

съ нѣкоторымъ уже извѣстнымъ смягченіемъ наказанія, въ случаѣ отбытія части присужденнаго наказанія за это дѣяніе, по приговору иностраннаго уголовнаго суда (Уг. ул. 10 ч. 2.).

Если же дѣяніе, учиненное русскимъ подданнымъ въ безгосударственной области противъ иностраннаго государства, или его главы, или иностранца, является преступнымъ и допускаетъ уголовную отвѣтственность по нашему уголовному уложенію, а между тѣмъ учинитель уже отбылъ наказаніе за это дѣяніе полностью, по приговору иностраннаго уголовнаго суда, а это преступное дѣяніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, за которыя наше уголовное уложеніе, или наши особые уставы или узаконенія назначаютъ, въ качествѣ нормальнаго главнаго наказанія, каторгу или смертную казнь; то этотъ русскій подданный, по возвращеніи въ Россію, привлекается къ русскому уголовному суду только для дополнительнаго присужденія къ лишенію правъ, соединенному съ этими главными наказаніями (Уг. ул. 9 ч. 1; 10 ч. 1 п. 3; 12.).

Познакомившись съ пятымъ исключеніемъ, обратимся къ шестому.

6. Если регентъ монархіи или президентъ республики учинитъ преступное дѣяніе на территоріи иностраннаго государства, признающаго за этомъ лицомъ регентское или президентское достоинство; то онъ не подлежитъ за это туземному уголовному закону иностраннаго государства, но можетъ подлежать только уголовному закону своего отечества и при томъ только за тяжкое преступленіе.

Основаніемъ къ установленію этого исключенія изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа въ пользу національнаго служитъ необходимость этого исключенія въ интересахъ народнаго благосостоянія каждой державы, изъ глубокаго уваженія къ высокому достоинству главы государства, носимому регентомъ монархіи и президентомъ республики. Установленіе же уголовной отвѣтственности для этихъ лицъ за тяжкое преступленіе передъ уголовнымъ закономъ ихъ отечества, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, соотвѣтствуетъ интересамъ народнаго благосостоянія, такъ какъ эти лица являются не государями, но подданными своего отечества и только временно стоятъ во главѣ государства, а тяжкое преступленіе такъ низко роняетъ человѣка въ глазахъ порядочныхъ людей, что дальнѣйшее пребываніе этого лица во главѣ государства сильно подрываетъ необходимое уваженіе къ высшему представителю власти въ народѣ.

Дѣйствующіе законы огромнаго большинства монархическихъ культурныхъ государствъ, а въ томъ числѣ и Россійской Имперіи, не высказываютъ ясно и точно въ прямыхъ выраженіяхъ, подлежатъ

ли регенты уголовной отвѣтственности передъ своими отечественными уголовными законами за учиненіе преступныхъ дѣяній во время своего регентства. Въ свою очередь, только законы очень немногихъ изъ монархическихъ культурныхъ государствъ прямо высказываютъ, что регентъ пользуется такой же неприкосновенностью и такой же безотвѣтственностью за свои дѣйствія по управленію государствомъ, какъ и монархъ. Напр., изъ всѣхъ нѣмецкихъ партикулярныхъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской Имперіи, только герцогство Саксенъ-Кобургъ-Гота прямо признаетъ въ своемъ основномъ законѣ (§ 21) за регентомъ ту же неприкосновенность и безотвѣтственность за дѣйствія по управленію государствомъ, какъ и за монархомъ [1]).

Уголовная отвѣтственность президентовъ республикъ передъ отечественными уголовными законами, но только за немногія изъ важнѣйшихъ преступленій, установлена законами въ прямыхъ выраженіяхъ во всѣхъ тѣхъ культурныхъ республиканскихъ государствахъ, которыя имѣютъ президентовъ. Напр., по французскому закону 16 іюля 1875 г. (ст. 12.), Президентъ Французской Республики подлежитъ уголовной отвѣтственности только передъ французскимъ уголовнымъ закономъ только за важнѣйшія изъ государственныхъ преступленій, а предается суду Палатой Депутатовъ и судится Сенатомъ [2]).

Культурныя государства установляютъ исключеніе изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа для регента иностранной монархіи и президента иностранной республики на случай учиненія преступныхъ дѣяній этими лицами на территоріи, не принадлежащей отечеству учинителя, но обыкновенно не провозглашаютъ этого исключенія въ своихъ законахъ.

Оно не высказано и въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ. Наше уголовное уложеніе также не даетъ въ этомъ отношеніи

---

1) Binding — Handbuch des Strafrechts. I-er Band. 1885. S. 669.

Вопросъ объ уголовной отвѣтственности регента передъ отечественнымъ уголовнымъ закономъ за учиненіе преступнаго дѣянія во время своего регентства принадлежитъ къ числу спорныхъ. Большинство криминалистовъ ничего не говоритъ объ этомъ. Меньшинство же высказывается, при чемъ большая часть рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, а меньшая — утвердительно. Напр., Биндингъ (Handbuch des Strafrechts. I-er Band. S. 669—670.) и Францъ фонъ-Листъ (Учебникъ уголовнаго права. Общая часть. 1903. с. 115.) полагаютъ, что регентъ не подлежитъ дѣйствію уголовныхъ законовъ своего отечества, а Меркель признаетъ уголовную отвѣтственность регента передъ отечественнымъ уголовнымъ закономъ (A. Merkel — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Stuttgart. 1889. S. 282.).

2) R. Garraud — Précis de droit criminel. 8-ème édition. Paris. 1903. p. 109.

никакого яснаго и опредѣленнаго отвѣта. Оно говоритъ, что его дѣйствіе не распространяется „на преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности“ (ст. 5 п. 4.). А пользуется ли у насъ этимъ правомъ регентъ иностраннаго государства или президентъ иностранной республики самъ по себѣ, когда онъ не состоитъ дипломатическимъ представителемъ иностраннаго государства, или же не пользуется, это не сказано ни въ одномъ русскомъ законѣ или договорѣ.

Отъ шестого исключенія перейдемъ къ седьмому.

7. Если дипломатическій представитель государства, напр., посолъ, посланникъ, совѣтникъ посольства, учинитъ преступное дѣяніе на территоріи того иностраннаго государства, при которомъ онъ аккредитованъ т. е. уполномоченъ состоять дипломатическимъ представителемъ своего отечества; то онъ подлежитъ за это дѣяніе не туземному уголовному закону, но уголовному закону своего отечества.

Это исключеніе необходимо въ интересахъ народнаго благосостоянія каждой державы, въ обезпеченіе наибольшей возможности безпрепятственнаго доброкачественнаго исполненія дипломатическихъ порученій дипломатическими представителями государствъ.

Всѣ государства культурныхъ народовъ признаютъ это исключеніе. Оно признается обыкновенно государствами полукультурныхъ народовъ, и даже государства варваровъ большею частью держатся этого исключенія.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ не излагаетъ этого исключенія въ прямыхъ выраженіяхъ, но за то косвенно указываетъ на признаніе этого исключенія Россійской Имперіей.

Такъ, уложеніе о наказаніяхъ говоритъ, что, въ случаѣ учиненія преступленій въ Россіи лицами, „принадлежащими къ обыкновеннымъ или чрезвычайнымъ посольствамъ и миссіямъ державъ иностранныхъ, о семъ производится, установленнымъ для того порядкомъ, надлежащее дипломатическое сношеніе съ ихъ правительствомъ“ (ст. 171.).

Въ свою очередь, 1074-я статья устава уголовнаго судопроизводства постановляетъ, что лица, находящіяся на русской службѣ за границею, въ случаѣ учиненія преступленій по должности за границею, судятся, по вызовѣ ихъ въ Россію, въ С.-Петербургской Судебной Палатѣ.

Наше уголовное уложеніе также признаетъ, что дипломатическіе представители государства, учинившіе преступное дѣяніе за границею, на территоріи того иностраннаго государства, при которомъ они аккредитованы, подлежатъ за это дѣяніе уголовному закону не туземнаго, а отечественнаго государства; но это исключеніе не выска-

зано въ прямыхъ выраженіяхъ, а указано лишь косвенно путемъ огульныхъ постановленій о лицахъ, пользующихся правомъ внѣземельности.

Такъ, уголовное уложеніе говоритъ, что его дѣйствіе не распространяется „на преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности“ (ст. 5 п. 4.); а дипломатическіе представители иностранныхъ государствъ пользуются въ Россіи правомъ внѣземельности.

Кромѣ того, уголовное уложеніе постановляетъ, что его дѣйствіе „распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя въ иностранныхъ государствахъ россійскими подданными, пользующимися въ этихъ государствахъ правомъ внѣземельности“ (ст. 6.); а дипломатическіе представители Россійской Имперіи пользуются правомъ внѣземельности во всѣхъ иностранныхъ государствахъ.

Относительно консуловъ слѣдуетъ сдѣлать особое замѣчаніе.

По общему правилу, консулъ государства состоитъ представителемъ административныхъ правъ и торгово-промышленныхъ интересовъ этого государства, а также покровителемъ подданныхъ этой державы и вообще лицъ, находящихся подъ ея покровительствомъ, но вовсе не служитъ дипломатическимъ представителемъ этого государства въ другомъ государствѣ [1]). Въ виду этого, иностранные консулы, въ случаѣ учиненія ими преступнаго дѣянія на территоріи культурнаго государства, предназначеннаго для ихъ консульской дѣятельности, подлежатъ уголовному закону этого туземнаго культурнаго государства.

Въ видѣ исключенія, консулы христіанскихъ государствъ въ иностранныхъ нехристіанскихъ государствахъ не только облечены общими консульскими правами и обязанностями, но и состоятъ до нѣкоторой

---

1) Въ циркулярѣ Управляющаго Министерствомъ Юстиціи Старшимъ Предсѣдателямъ Судебныхъ Палатъ и Предсѣдателямъ Окружныхъ Судовъ 13 сентября 1867 г. за № 14367 о порядкѣ сношеній Судебныхъ Установленій съ Консулами разъяснено, „что иностранные Консулы, хотя бы они состояли на государственной службѣ и носили названіе consules missi, не считаются у насъ лицами, принадлежащими къ дипломатическому корпусу“. Сборникъ циркуляровъ и инструкцій Министерства Юстиціи. Съ 1-го Января 1865 по 1-е Мая 1870 года. (изданіе министерства юстиціи) Санктпетербургъ. 1870. с. 96—98. № 89. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 290. — Редакціонная Комиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія, давая свои объясненія къ 9-й статьѣ этого проекта (Уг. уложеніе. Проектъ Ред. Комиссіи. Т. I. с. 86.), совершенно неправильно наводитъ на мысль, будто объ отвѣтственности иностранныхъ консуловъ въ Россійской Имперіи, по русскимъ уголовнымъ законамъ, за учиненіе преступныхъ дѣяній на территоріи русскаго государства „между прочимъ спеціально разъяснено и въ циркулярѣ Министра Юстиціи 1867 года“.

степени дипломатическими представителями своихъ государствъ. Въ виду уже этого обстоятельства, эти консулы, въ случаѣ учиненія ими преступнаго дѣянія на территоріи нехристіанскаго государства, предназначеннаго для ихъ консульской и дипломатической дѣятельности, подлежатъ уголовному закону не туземнаго государства, а своего отечества.

Познакомившись съ седьмымъ исключеніемъ, обратимся къ восьмому.

8. Подданные государства, служащіе въ какой-нибудь части его войска, находящейся, съ согласія иностраннаго государства, на территоріи этого иностраннаго государства, въ случаѣ учиненія ими преступныхъ дѣяній на этой территоріи, подлежатъ уголовной отвѣтственности только по военно-уголовнымъ законамъ своего отечества.

Это исключеніе необходимо въ интересахъ возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ, въ обезпеченіе неприкосновенности военныхъ тайнъ, въ обезпеченіе доброкачественности военной службы, въ обезпеченіе внутренняго единства и силы и въ обезпеченіе національнаго характера и патріотизма въ арміи культурнаго государства.

Культурныя государства признаютъ это исключеніе, но не всѣ — въ одинаковомъ объемѣ.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ предусматриваетъ это исключеніе лишь относительно лицъ, служащихъ во вспомогательныхъ войскахъ за границею. „Служащіе въ вспомогательныхъ Россійскихъ войскахъ въ иностранныхъ земляхъ, а равно и въ иностранныхъ вспомогательныхъ войскахъ въ Россіи, говоритъ уложеніе (ст. 175 прим. 1.), подлежатъ слѣдствію и суду на основаніи законовъ своего государства“.

Наше уголовное уложеніе дѣлаетъ на разсматриваемое нами восьмое исключеніе лишь весьма темный намекъ, говоря, что дѣйствіе этого уложенія не распространяется „на преступныя дѣянія иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности“ (ст. 5 п. 4.).

Отъ восьмого исключенія переходимъ къ девятому.

9. Подданные государства, учинившіе преступное дѣяніе на его военномъ кораблѣ, находящемся въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или даже принадлежащихъ иностранному государству, подлежатъ уголовной отвѣтственности за это дѣяніе, только по уголовнымъ законамъ своего отечества, а именно: служащіе во флотѣ или арміи — по военно-морскимъ, а частныя лица: въ однихъ случаяхъ — по военно-морскимъ, а въ другихъ — по общимъ.

Это исключеніе необходимо въ интересахъ возможно большаго

благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ, въ обезпеченіе неприкосновенности военно-морскихъ и военныхъ тайнъ, въ обезпеченіе доброкачественности военно-морской и военной службы, въ обезпеченіе внутренняго единства и силы и въ обезпеченіе національнаго характера и патріотизма во флотѣ и въ арміи культурнаго государства. Въ объясненіе этого исключенія обыкновенно приводятъ старинную наивную фикцію, будто военный корабль составляетъ продолженіе территоріи того государства, которому онъ принадлежитъ.

Это исключеніе принято вообще во всѣхъ культурныхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россійской Имперіи [1]); хотя многія изъ нихъ не опредѣляютъ ясно и точно, по какимъ именно уголовнымъ законамъ отечества должны отвѣчать частныя лица за учиненіе преступныхъ дѣяній на военномъ кораблѣ своего отечества.

Наше уложеніе о наказаніяхъ не предусматриваетъ этого исключенія. Въ нашемъ же уголовномъ уложеніи сдѣланъ на это исключеніе весьма неясный намекъ (ст. 5 п. 4.).

Отъ девятаго исключенія перейдемъ къ десятому.

10. Подданные культурнаго государства, учинившіе преступное дѣяніе на его купеческомъ кораблѣ, должны подлежать за это уголовной отвѣтственности: въ однихъ случаяхъ — по уголовнымъ законамъ своего отечества, а въ другихъ — по уголовнымъ законамъ туземнаго иностраннаго культурнаго государства.

Уголовная отвѣтственность по уголовнымъ законамъ своего отечества должна имѣть мѣсто въ трехъ случаяхъ.

Первый случай выступаетъ тогда, когда преступное дѣяніе учинено подданнымъ на купеческомъ кораблѣ своего отечества во время пребыванія этого корабля въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству.

Второй случай является тогда, когда преступное дѣяніе учинено подданнымъ на отечественномъ купеческомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ, принадлежащихъ некультурному государству.

Наконецъ, третій случай имѣетъ мѣсто тогда, когда преступное дѣяніе учинено подданнымъ культурнаго государства на отечественномъ купеческомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ, принадлежащихъ иностранному культурному государству, но

---

1) Сводъ Морскихъ Постановленій. Книга восемнадцатая. Военно-морской судебный уставъ. Изданіе 1886 года. С.-Петербургъ. 1887. Книга III. Раздѣлъ I. О производствѣ суда во время плаванія. ст. 1066; 1069; 1071; 1083.

за то составляетъ лишь маловажное уголовное правонарушеніе, называемое нарушеніемъ, не затронуло спокойствія туземной гавани и не вызвало обращенія къ помощи туземныхъ компетентныхъ властей.

Напротивъ, уголовная отвѣтственность по уголовнымъ законамъ туземнаго иностраннаго культурнаго государства должна имѣть мѣсто только въ одномъ случаѣ. Онъ выступаетъ тогда, когда преступное дѣяніе, учиненное подданнымъ на отечественномъ купеческомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ иностраннаго культурнаго государства, принадлежитъ къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ, или же относится къ числу маловажныхъ, называемыхъ нарушеніями, но — такихъ, которыя затронули спокойствіе гавани или вызвали обращеніе къ помощи туземныхъ компетентныхъ властей.

Это исключеніе изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа въ пользу національнаго необходимо въ интересахъ благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ.

Всѣ культурныя государства признаютъ это исключеніе, но — не въ одинаковомъ объемѣ.

Всѣ они согласны въ томъ, что подданный культурнаго государства, учинившій преступное дѣяніе на отечественномъ купеческомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или даже принадлежащихъ некультурному государству, долженъ подлежать за это уголовной отвѣтственности передъ отечественнымъ уголовнымъ судомъ, по уголовнымъ законамъ своего отечества.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ не установляетъ этого исключенія прямо, ясно и точно, но даетъ въ этомъ отношеніи только косвенныя узаконенія, ведущія въ совокупности къ утвердительному рѣшенію этого вопроса (ст. 173 въ связи съ ст. 175 и примѣчаніями 2 и 4, по прод. 1902 г.).

Точно также поступаетъ и наше уголовное уложеніе. Оно, въ свою очередь, не установляетъ этого исключенія прямо, ясно и точно, но даетъ лишь косвенныя указанія, которыя, при логическомъ сопоставленіи идей, приводятъ также къ утвердительному рѣшенію (ст. 9 ч. 1 въ связи съ ст. 7.).

Что же касается до уголовной отвѣтственности подданнаго культурной державы за учиненіе преступнаго дѣянія на отечественномъ купеческомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ иностраннаго культурнаго государства, то въ этомъ отношеніи между культурными государствами существуетъ нѣкоторое разногласіе.

По дѣйствующему англійскому закону 16 августа 1878 г., всякое преступное дѣяніе, учиненное иностранцемъ на иностранномъ купеческомъ кораблѣ или посредствомъ этого корабля во время пребыванія этого корабля въ водахъ, принадлежащихъ Великобританіи, подлежитъ англійскому уголовному суду, по англійскому уголовному праву [1]). Эта система, извѣстная подъ именемъ англійской, принята и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

По дѣйствующему французскому закону 20 октября 1833 г., преступныя дѣянія, учиненныя иностранцами на иностранныхъ купеческихъ корабляхъ во время пребыванія этихъ кораблей въ водахъ, принадлежащихъ Франціи, подлежатъ въ большинствѣ случаевъ французскому уголовному суду, по французскимъ уголовнымъ законамъ. Эта подсудность имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ случахъ: а) когда дѣяніе учинено лицомъ, не принадлежащимъ къ экипажу, т. е. къ числу служащихъ на кораблѣ, или противъ лица, не принадлежащаго къ экипажу, б) когда дѣяніе учинено лицомъ, принадлежащимъ къ экипажу, или противъ лица, принадлежащаго къ экипажу, но съ нарушеніемъ спокойствія гавани, и в) когда были сдѣлано обращеніе за помощью къ мѣстной французской власти. При отсутствіи же этихъ условій, преступное дѣяніе, учиненное иностранцемъ на иностранномъ купеческомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля во французскихъ водахъ, подлежитъ уголовному суду того государства, которому принадлежитъ корабль, и судится по уголовнымъ законамъ этого государства [2]). Эта система, извѣстная подъ именемъ французской, проводится многими другими государствами, напр., Бельгіей, Италіей, Испаніей.

Наше дѣйствующее уголовное законодательство требуетъ особаго вниманія.

Наше уложеніе о наказаніяхъ (ст. 170.) постановляетъ, что иностранцы, учинившіе въ предѣлахъ русскаго государства преступныя дѣянія, подлежатъ, въ видѣ общаго правила, дѣйствію русскихъ уголовныхъ законовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ подданные даннаго иностраннаго государства, согласно особому постановленію договора между Россійской Имперіей и этимъ государствомъ, должны подлежать уголовному закону своего отечества.

Въ свою очередь, нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства (ст. 228.) постановляетъ, что „иностранцы, по преступленіямъ и про-

1) R. Garraud — Précis de droit criminel. 8-ème édition. Paris. 1903. p. 103 note 4.

2) Garraud — Précis de droit criminel. 1903. p. 103—104 et note 1 p. 104.

ступкамъ, совершеннымъ ими въ Россіи, подчиняются общимъ правиламъ о подсудности, если не постановлено изъятія изъ сихъ правилъ въ трактатѣ съ тою иностранною державою, въ подданствѣ коей обвиняемые состоятъ".

Изъ этихъ общихъ правилъ уголовной отвѣтственности и уголовной подсудности иностранцевъ наше дѣйствующее законодательство не дѣлаетъ никакихъ исключеній относительно иностранныхъ подданныхъ, учинившихъ преступныя дѣянія на купеческихъ корабляхъ своего отечества во время пребыванія этихъ кораблей въ водахъ, принадлежащихъ Россійской Имперіи.

Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ съ логической необходимостью, что подданные иностраннаго государства, запятнявшіе себя учиненіемъ преступныхъ дѣяній на купеческихъ корабляхъ своего отечества во время пребыванія этихъ кораблей въ водахъ, принадлежащихъ Россійской Имперіи, подлежатъ за это, по нашему дѣйствующему законодательству, въ видѣ общаго правила, русскому уголовному суду (Уст. Уг. Суд. 228.), по русскому уголовному закону (Ул. о нак. 175.), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ подданные даннаго иностраннаго государства, согласно особому постановленію договора между Россійской Имперіей и этимъ государствомъ, должны подлежать уголовному суду своего отечества, по уголовному закону своего отечества. Если же между Россіей и даннымъ иностраннымъ государствомъ нѣтъ договора, или договоръ есть, но въ этомъ договорѣ иностранному государству не выговорено права уголовнаго суда по своему уголовному закону надъ своими подданными за учиненіе преступныхъ дѣяній на отечественныхъ корабляхъ въ русскихъ водахъ; то всѣ преступныя дѣянія подданныхъ этого иностраннаго государства на этихъ корабляхъ въ этихъ водахъ подлежатъ русскому уголовному суду, по русскому уголовному закону.

Нѣсколько иной взглядъ высказанъ Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ кассаціонномъ рѣшеніи 1872 г. за № 1329 по дѣлу греческаго подданнаго, матроса Сваэлоса, признаннаго виновнымъ въ убійствѣ греческаго подданнаго, матроса Макриса на бортѣ греческаго купеческаго корабля „Алкивіадъ" въ гавани русскаго города Керчи.

Уголовный Кассаціонный Департаментъ, хотя и выражается не совсѣмъ ясно и точно, но тѣмъ не менѣе вполнѣ правильно намѣчаетъ, что общія постановленія нашихъ законовъ объ уголовной отвѣтственности (Ул. о нак. 175.) и уголовной подсудности иностранцевъ (Уст. Уг. Суд. 228.) за преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россій-

ской Имперіи, имѣютъ въ своей основѣ территоріальное начало [1]). За то онъ совершенно сходитъ съ почвы закона, когда вслѣдъ затѣмъ въ ограниченіе точнаго смысла закона (Ул. о нак. 175. — Уст. Уг. Суд. 228.) утверждаетъ, будто это территоріальное начало, даже при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было исключеній, выговоренныхъ въ пользу даннаго иностраннаго государства по договору съ Россіей, „не можетъ быть во всей строгости примѣняемо ко всякаго рода преступленіямъ, совершаемымъ на иностранныхъ купеческихъ судахъ между лицами, состоящими въ составѣ экипажей тѣхъ судовъ, такъ какъ положеніе экипажей судовъ, стоящихъ въ портахъ или въ территоріальныхъ водахъ государства, не можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ сравниваемо съ положеніемъ иностранцевъ, находящихся внутри государства“ (К. р. 1872 г. № 1329.).

Вводя свое ограниченіе закона, помимо узаконеннаго, Уголовный Кассаціонный Департаментъ высказывается большею частью въ духѣ французской системы [2]).

---

1) „На основаніи дѣйствующихъ въ Россіи законовъ о подсудности иностранныхъ подданныхъ, ст. 170. Улож. и 228 ст. Уст. Угол. Суд., говоритъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ (К. р. 1872 г. № 1329.), иностранцы, за преступленія, совершенныя ими въ предѣлахъ Россіи, подлежатъ преслѣдованію на основаніи законовъ Имперіи и судятся Россійскими судебными мѣстами, если только изъятія изъ сего правила не сдѣлано въ трактатѣ съ тою державою, въ подданствѣ коей состоятъ обвиняемые“ . . . „Въ силу принципа территоріальности, проведеннаго въ ст. 170. Улож. и 228 Уст. Угол. Суд., продолжаетъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ, государство имѣетъ безусловное право суда надъ иностранцами, совершившими преступленіе въ его предѣлахъ, не смотря на то, направлено ли преступленіе противъ одного изъ его подданныхъ, или противъ подданнаго того государства, въ подданствѣ коего состоитъ совершившій преступленіе“.

2) „Вслѣдствіе этой разницы положенія, продолжаетъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ (К. р. 1872 г. № 1329.), международное право, договоры, заключаемые между государствами, а также судебная практика иностранныхъ судовъ допускаютъ, въ извѣстной степени, исключенія изъ вышеизложеннаго правила. Такимъ образомъ международное право признаетъ, что преступленія, относящіяся до нарушенія дисциплины, и вообще нарушенія, относящіяся до исполненія службы экипажа корабля, во всякомъ случаѣ рѣшаются на кораблѣ по законамъ своего государства. Что же касается до преступленій общихъ, совершаемыхъ на бортѣ корабля, то судебная практика нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ, хотя также допускаетъ нѣкоторое исключеніе изъ общаго правила въ отношеніи экипажей судовъ, съ правительствомъ коихъ не заключено особыхъ договоровъ, но во всякомъ случаѣ исключеніе это можетъ имѣть мѣсто лишь въ такихъ случаяхъ, когда имъ не нарушаются основныя начала территоріальной подсудности, а именно, когда преступленіемъ не были нарушены спокойствіе, порядокъ и безопасность

Если мы, твердо слѣдуя закону, разсмотримъ дѣйствующія договорныя исключенія изъ территоріальнаго принципа относительно уголовной отвѣтственности и уголовной подсудности иностранцевъ за учиненіе преступныхъ дѣяній на отечественныхъ купеческихъ корабляхъ въ время пребыванія этихъ кораблей въ русскихъ водахъ; то замѣтимъ, что такія исключенія сдѣланы лишь въ консульскихъ конвенціяхъ Россіи съ Франціей въ 1874 г., съ Германіей въ 1874 г., съ Италіей въ 1875 г. и съ Испаніей въ 1876 г. [1]).

Эти договорныя исключенія во всѣхъ этихъ конвенціяхъ совершенно одинаковы. Всѣ они сдѣланы въ духѣ французской системы, съ соблюденіемъ принципа взаимности. „Мѣстныя власти, говорится въ 11-хъ статьяхъ этихъ конвенцій Россіи съ Франціей, Германіей, Италіей и Испаніей, вступаются только въ случаяхъ, когда возникшіе на судахъ безпорядки сопряжены съ нарушеніемъ общественнаго спокойствія и порядка на берегу или въ портѣ, или же когда въ нихъ будетъ замѣшанъ туземецъ или лицо, не принадлежащее къ экипажу судна".

Что касается нашего новаго уголовнаго уложенія, то его дѣйствіе распространяется, въ видѣ общаго правила, на всѣ преступныя дѣянія, учиненныя иностранцами въ предѣлахъ русскаго государства (Уг. ул. ст. 4.), за исключеніемъ преступнаго поведенія „иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности" (Уг. ул. ст. 5 п. 4.).

Ни уголовное уложеніе, ни другіе русскіе законы нигдѣ не постановляютъ, что подданные иностраннаго государства, находящіеся на кораблѣ своего отечества во время пребыванія этого корабля въ русскихъ водахъ, пользуются въ Россіи правомъ внѣземельности.

Изъ консульскихъ же конвенцій, заключенныхъ Россіей съ Фран-

порта, когда начальство судна или лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, не обращались къ содѣйствію или покровительству мѣстной власти, и при томъ когда со стороны дипломатическихъ или консульскихъ агентовъ заявлено было желаніе о препровожденіи преступника для суда въ его отечество".

1) Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіей съ другими государствами. Издано по распоряженію Г. Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ. 1902. Т. I. Отдѣлъ I. Консульскія конвенціи: а) № 5. (с. 29—37.). Консульская конвенція, заключенная между Россіей и Франціей 20 марта (1 апрѣля) 1874 г. ст. 11; б) № 1. (с. 1—10.). Конс. конвенція, закл. между Россіей и Германіей 26 ноября (8 декабря) 1874. ст. 11; в) № 3. (с. 19—28.). Конс. конвенція, закл. м. Россіей и Италіей 16 (28) апрѣля 1875 г. ст. 11, и г) № 2. (с. 10—19.). Конс. конвенція, закл. м. Россіей и Испаніей 11 (23) февраля 1876 г. ст. 11.

ціей, Германіей, Италіей и Испаніей (выше с. 326 прим. 1.), намъ извѣстно, что дѣянія, учиненныя подданными этихъ государствъ на ихъ отечественныхъ купеческихъ корабляхъ, по принадлежности, во время пребыванія этихъ кораблей въ русскихъ водахъ, подлежатъ, въ видѣ общаго правила, русскому суду, по русскому закону, а въ видѣ исключенія — иностранному суду, по иностранному закону, отечественному для учинителя. Это исключеніе имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда дѣяніе, учиненное французскимъ, германскимъ, итальянскимъ или испанскимъ подданнымъ на купеческомъ кораблѣ своего отечества въ русскихъ водахъ, не сопряжено съ нарушеніемъ общественнаго спокойствія и порядка на берегу или въ портѣ или когда въ этомъ дѣяніи не замѣшанъ ни туземецъ, ни лицо, не принадлежащее къ экипажу корабля, т. е. не замѣшанъ ни въ качествѣ соучастника дѣянія, ни въ качествѣ потерпѣвшаго.

Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ съ логической необходимостью, что подданные иностраннаго государства, запятнявшіе себя учиненіемъ преступныхъ дѣяній на купеческихъ корабляхъ своего отечества во время пребыванія этихъ кораблей въ русскихъ водахъ, подлежатъ за это, по нашему новому уголовному уложенію и консульскимъ конвенціямъ, въ видѣ общаго правила, русскому уголовному суду, по русскому уголовному закону (Уг. ул. ст. 4.), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ подданные даннаго иностраннаго государства, согласно особому постановленію договора между Россійской Имперіей и этимъ государствомъ, должны подлежать уголовному суду своего отечества, по уголовному закону своего отечества [Уг. ул. ст. 5 п. 4. — Консульскія конвенціи Россіи съ Франціей (ст. 11.), съ Германіей (ст. 11.), съ Италіей (ст. 11.) и съ Испаніей (ст. 11.). — Выше с. 326 съ прим. 1.].

Такія исключенія установлены консульскими конвенціями Россіи только въ пользу подданныхъ Франціи, Германіи, Италіи и Испаніи. Эти исключенія имѣютъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда преступное дѣяніе, учиненное французскимъ, германскимъ, итальянскимъ или испанскимъ подданнымъ на купеческомъ кораблѣ своего отечества въ русскихъ водахъ, не сопряжено съ нарушеніемъ общественнаго спокойствія и порядка на берегу или въ портѣ или когда въ этомъ преступномъ дѣяніи не замѣшанъ въ качествѣ соучастника или потерпѣвшаго ни туземецъ, ни лицо, не принадлежащее къ экипажу корабля.

Дѣлая эти исключенія въ пользу подданныхъ Франціи, Германіи, Италіи и Испаніи, Россія, въ свою очередь, получаетъ такія же исключенія въ пользу русскихъ подданныхъ со стороны этихъ государствъ.

Указавъ десятое исключеніе изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа въ пользу національнаго, перейдемъ къ одиннадцатому.

11. Подданные культурнаго государства, учинившіе преступное дѣяніе на купеческомъ кораблѣ некультурнаго государства, должны подлежать за это уголовной отвѣтственности не по уголовному закону некультурнаго государства, владѣющаго этимъ кораблемъ, а въ однихъ случаяхъ — по уголовному закону своего отечества, а въ другихъ — по уголовному закону туземнаго иностраннаго культурнаго государства.

Уголовная отвѣтственность по уголовнымъ законамъ своего отечества должна имѣть мѣсто въ трехъ случаяхъ.

Первый случай выступаетъ тогда, когда преступное дѣяніе учинено подданнымъ культурнаго государства на купеческомъ кораблѣ некультурнаго государства во время пребыванія этого корабля въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству.

Второй случай является тогда, когда преступное дѣяніе учинено этимъ лицомъ на этомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ некультурнаго государства.

Наконецъ, третій случай имѣетъ мѣсто тогда, когда преступное дѣяніе учинено этимъ лицомъ на этомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ культурнаго государства, но за то составляетъ лишь маловажное уголовное правонарушеніе, называемое нарушеніемъ, не затронуло спокойствія туземной гавани и не вызвало обращенія къ помощи компетентныхъ туземныхъ властей.

Напротивъ, уголовная отвѣтственность по уголовнымъ законамъ туземнаго иностраннаго культурнаго государства должна имѣть мѣсто только въ одномъ случаѣ. Онъ выступаетъ тогда, когда преступное дѣяніе, учиненное подданнымъ культурнаго государства на купеческомъ кораблѣ некультурнаго государства во время пребыванія этого корабля въ водахъ иностраннаго культурнаго государства, принадлежитъ къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ, или же относится къ числу маловажныхъ, называемыхъ нарушеніями, но — такихъ, которыя затронули спокойствіе гавани или вызвали обращеніе къ помощи туземныхъ компетентныхъ властей.

Это исключеніе съ его ограниченіями необходимо въ интересахъ всесторонняго возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ (выше с. 306—309; 321—322.).

Культурныя государства не говорятъ объ этомъ исключеніи въ прямыхъ выраженіяхъ, но признаютъ его косвенно тѣмъ, что ясно и несомнѣнно установляютъ два другія исключенія и при томъ такія, которыя съ помощью законной аналогіи приводятъ къ признанію раз-

сматриваемаго нами исключенія, съ логической необходимостью. Таковы — 1) исключеніе, установляющее уголовную отвѣтственность подданныхъ культурнаго государства по отечественному уголовному закону за учиненіе преступныхъ дѣяній на территоріи некультурнаго государства (выше с. 306—311.), и 2) исключеніе, установляющее уголовную отвѣтственность подданныхъ культурнаго государства по уголовнымъ законамъ своего отечества и иностраннаго культурнаго государства за учиненіе преступныхъ дѣяній на отечественныхъ купеческихъ корабляхъ (выше с. 321—328.).

Познакомившись съ исключеніями изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа въ пользу національнаго, займемся теперь исключеніями въ пользу реальнаго принципа.

Реальный принципъ, взятый въ его чистомъ видѣ, безъ всякихъ ограниченій, провозглашаетъ, что дѣяніе судится уголовнымъ судомъ и при томъ по уголовному закону того государства, интересы котораго требуютъ наказанія преступника за это дѣяніе, а каковы — мѣсто учиненія и подданство учинителя, это — безразлично [1]).

Руководясь интересами всесторонняго возможно большаго народнаго благостоянія, ни одно культурное государство не можетъ положить реальный принципъ въ основаніе общаго правила, опредѣляющаго дѣйствіе уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, ни одно культурное государство не имѣетъ и даже въ далекомъ будущемъ не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи столько имущественныхъ средствъ и человѣческаго труда, чтобы быть въ состояніи, безъ нанесенія глубокаго вреда благосостоянію своего народа, доброкачественно отправлять уголовное правосудіе по всѣмъ уголовнымъ правонарушеніямъ, требующимъ наказанія преступниковъ отъ этого государства, гдѣ бы и кѣмъ бы эти посягательства ни были учинены (выше с. 299—302.).

Съ другой стороны, проводя послѣдовательно реальный принципъ въ его чистомъ видѣ, безъ ограниченій, необходимыхъ въ интересахъ народнаго благосостоянія, культурное государство должно будетъ безпрестанно вмѣшиваться въ отправленіе уголовнаго правосудія въ другихъ государствахъ. А это вызоветъ рядъ недоразумѣній, непріятностей и даже столкновеній между государствами,

1) Реальный принципъ проводится учеными не въ чистомъ его видѣ, а съ различными ограниченіями. Важная заслуга въ разработкѣ этого принципа принадлежитъ профессору В. фонъ Роланду (W. von Rohland — Das internationale Strafrecht. I. Band.).

опасныхъ и даже вредныхъ и для господства правового порядка, и для народнаго благосостоянія.

Если же мы захотимъ подвергнуть реальный принципъ ограниченіямъ, необходимымъ въ интересахъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія; то мы неминуемо должны будемъ ограничить дѣйствіе реальнаго принципа въ большинствѣ случаевъ, прежде всего, именно посредствомъ принциповъ территоріальнаго и національнаго, такъ что на долю реальнаго принципа, съ другими ограничителями, останется лишь меньшинство случаевъ. Въ этомъ меньшинствѣ случаевъ, не доступномъ дѣйствію территоріальнаго и національнаго принциповъ, реальный принципъ, съ надлежащими дальнѣйшими ограниченіями, необходимыми въ интересахъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія, дѣйствительно является незамѣнимымъ слугой народнаго благосостоянія.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ оказывается, что въ обезпеченіе всесторонняго возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ дѣйствіе территоріальнаго принципа, въ качествѣ общаго правила, не только должно быть частью пополнено, частью ограничено дѣйствіемъ національнаго принципа, въ качествѣ исключенія, но должно быть, сверхъ того, пополнено и дѣйствіемъ реальнаго принципа, къ качествѣ исключенія.

Такихъ исключеній въ пользу реальнаго принципа должно быть сдѣлано пять.

1. Если неподданный даннаго культурнаго государства, находясь на территоріи другой державы или въ безгосударственной области, учинитъ преступное посягательство на блага, принадлежащія этому культурному государству, или его главѣ, или его подданнымъ; то онъ подлежитъ уголовному суду, по уголовнымъ законамъ этого культурнаго государства, только при наличности ограничительныхъ условій.

Это исключеніе въ пользу реальнаго принципа необходимо въ интересахъ всесторонняго наибольшаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ. Эти же интересы вызываютъ и необходимость ограничительныхъ условій.

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо, чтобы учиненное дѣяніе, составляя посягательство на блага, принадлежащія культурному государству, или его главѣ, или его подданнымъ, было преступно, по взгляду уголовнаго закона, дѣйствующаго въ этомъ государствѣ, или, короче сказать, необходимо, чтобы учиненное дѣяніе было преступно, по взгляду потерпѣвшаго культурнаго государства.

Далѣе, если дѣяніе учинено на территоріи некультурнаго госу-

дарства, состоящаго подъ протекторатомъ потерпѣвшаго культурнаго государства, или въ области, арендованной потерпѣвшимъ культурнымъ государствомъ у некультурнаго; въ такомъ случаѣ это дѣяніе подлежитъ уголовному закону потерпѣвшаго культурнаго государства, безъ ограниченій по важности и роду преступныхъ дѣяній.

Если же дѣяніе учинено въ безгосударственной области человѣкомъ, не состоящимъ ни въ чьемъ подданствѣ, или даже подданнымъ другого культурнаго или некультурнаго государства; въ такомъ случаѣ это дѣяніе подлежитъ уголовному закону потерпѣвшаго культурнаго государства только тогда, когда принадлежитъ къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ, или же относится къ числу маловажныхъ уголовныхъ правонарушеній, называемыхъ нарушеніями, но не представляетъ затрудненій для отправленія уголовнаго правосудія.

Если, наконецъ, дѣяніе учинено на территоріи чужого культурнаго государства или на территоріи чужого некультурнаго государства, не состоящей ни въ какомъ подчиненіи потерпѣвшему культурному государству ни на основаніи протектората, ни на основаніи аренды, и при томъ учинено лицомъ, не состоящимъ въ подданствѣ у потерпѣвшаго культурнаго государства; въ такомъ случаѣ это дѣяніе можетъ подлежать уголовному закону потерпѣвшаго культурнаго государства только тогда, когда принадлежитъ къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ, или же относится къ числу маловажныхъ уголовныхъ правонарушеній, называемыхъ нарушеніями и при томъ особо перечисленныхъ въ законѣ, въ качествѣ требующихъ уголовнаго преслѣдованія даже при учиненіи за границею.

Однако, этимъ не исчерпываются ограниченія въ послѣдней категоріи случаевъ; но вслѣдъ за этими ограничительными условіями идутъ другія.

Такъ, если дѣяніе, учиненное на только что указанной территоріи другого государства, удовлетворяетъ только что указаннымъ условіямъ, но учинено не подданнымъ потерпѣвшаго культурнаго государства, а лицомъ, подчиненнымъ туземному уголовному праву, дѣйствующему на мѣстѣ учиненія преступленія; то для уголовной отвѣтственности учинителя по уголовному закону потерпѣвшаго культурнаго государства необходимо, чтобы учиненное дѣяніе было преступно по туземному уголовному праву, дѣйствующему на мѣстѣ преступленія, не принадлежало бы къ числу политическихъ преступленій и проступковъ, не допускающихъ выдачи учинителей, и не было бы покрыто ни оправдательнымъ, ни освободительнымъ приговоромъ

туземнаго уголовнаго суда, вступившимъ въ законную силу за границею, ни полнымъ отбытіемъ наказанія по уголовно-судебному приговору туземнаго уголовнаго суда, вступившему въ законную силу за границею.

Если же дѣяніе учинено на территоріи некультурнаго государства, не находящейся ни въ какомъ подчиненіи у потерпѣвшаго культурнаго государства ни на основаніи протектората, ни на основаніи аренды, и при томъ учинено подданнымъ не потерпѣвшаго, но другого культурнаго государства, не подсуднымъ туземному уголовному праву, дѣйствующему на мѣстѣ преступленія; то для уголовной отвѣтственности учинителя, по уголовному закону потерпѣвшаго культурнаго государства, необходимо, чтобы учиненное дѣяніе было преступно, по уголовному праву, дѣйствующему въ культурномъ отечествѣ учинителя, не принадлежало бы къ числу политическихъ преступленій и проступковъ, не допускающихъ выдачи учинителя, и не было бы покрыто ни оправдательнымъ, ни освободительнымъ приговоромъ отечественнаго уголовнаго суда, вступившимъ въ законную силу за границею, ни полнымъ отбытіемъ наказанія по уголовно-судебному приговору отечественнаго уголовнаго суда, вступившему въ законную силу за границею.

Наказаніе, уже отбытое отчасти за преступное дѣяніе за границею, по осудительному приговору компетентнаго туземнаго или отечественнаго уголовнаго суда, вступившему въ законную силу за границею, должно быть зачтено этому лицу въ счетъ, въ случаѣ новаго осужденія этой личности за это преступное дѣяніе уголовнымъ судомъ потерпѣвшаго культурнаго государства, если она будетъ просить о новомъ судѣ вмѣсто высылки изъ предѣловъ потерпѣвшаго культурнаго государства.

Наконецъ, во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы учинитель дѣянія дѣйствительно находился въ распоряженіи потерпѣвшаго культурнаго государства.

Положительное право культурныхъ государствъ, установляя общее правило о дѣйствіи уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ въ духѣ территоріальнаго принципа, признаетъ, въ видѣ исключенія, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ, подсудность иностранцевъ уголовнымъ судамъ потерпѣвшаго культурнаго государства, по уголовному праву этого государства, за учиненіе уголовныхъ посягательствъ на блага, принадлежащія этому государству, или его главѣ, или его подданнымъ, и при томъ за учиненіе этихъ посягательствъ за границею, на территоріи другого государства или въ безгосударственной области. Но объемъ этого исключенія въ различныхъ культурныхъ государствахъ обыкновенно очень различенъ.

Это исключеніе имѣетъ наименьшій объемъ въ Великобританіи [1]) и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Объемъ этого исключенія оказывается больше во Франціи [2]), Германіи [3]) и Голландіи [4]) и еще больше въ Австріи [5]).

Онъ является большимъ въ Италіи [6]) и въ особенности въ Россіи.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 172.) постановляетъ, въ видѣ исключенія вообще, что оно распространяетъ свою силу на тѣхъ иностранныхъ подданныхъ, которые учинили за границею какія-нибудь изъ предусмотренныхъ имъ преступныхъ посягательствъ на блага, пользующіяся его защитой, принадлежащія царствующему русскому Государю Императору, или царствующей русской Государынѣ Императрицѣ, или какому-нибудь изъ русскихъ подданныхъ, а потомъ были задержаны въ предѣлахъ Россійской Имперіи или были выданы Россіи для суда или правительствомъ того государства, гдѣ учинено преступленіе, или правительствомъ того государства, въ подданствѣ котораго состоитъ преступникъ [7]).

Далѣе, наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 172 прим. 2, по прод. 1902 г.) указываетъ, что иностранцы христіанскихъ вѣроисповѣданій, пребывающіе въ предѣлахъ Бухарскаго Ханства (находящагося подъ протекторатомъ Россійской Имперіи), не принадлежащіе къ числу русскихъ или бухарскихъ подданныхъ, подлежатъ за учиненіе преступленій и проступковъ въ этомъ Ханствѣ, наравнѣ съ русскими подданными, русскому уголовному суду, по русскому уголовному закону.

Далѣе, по узаконеніямъ относительно Квантунской области, арендованной русскимъ государствомъ у Китайской Имперіи, иностранцы, не состоящіе китайскими подданными, запятнявшіе себя учиненіемъ

---

1) Наказаніе иностранцевъ Англіею за морской разбой. Kenny — Outlines of criminal law. p. 315—317; 411.

2) Code d'instruction criminelle. Art. 7.

3) Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. § 4. № 1.

4) Code pénal (des Pays-Bas). Art. 4.

5) Das Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen. §§ 38—40.

6) Codice penale. Art. 4; 6.

7) Уложеніе о наказаніяхъ. ст. 172. „Если иностранный подданный изобличенъ или подозрѣваемъ въ содѣяніи внѣ предѣловъ государства такого преступленія, которымъ онъ посягалъ на права Державной Власти въ Россіи, или на права одного или нѣсколькихъ Россійскихъ подданныхъ, и потомъ будетъ открытъ и задержанъ въ предѣлахъ Имперіи, или же правительствомъ того края, гдѣ имъ учинено сіе преступленіе, или тѣмъ, у коего онъ въ подданствѣ, переданъ для сужденія въ Россіи: то и онъ вполнѣ подлежитъ дѣйствію постановленій сего Уложенія".

какихъ бы то ни было преступныхъ дѣяній въ предѣлахъ Квантунской области, подлежатъ за это, наравнѣ съ русскими подданными, русскимъ уголовнымъ судамъ, по русскимъ уголовнымъ законамъ [1]). Китайскіе же подданные подлежатъ русскимъ уголовнымъ судамъ, по русскимъ уголовнымъ законамъ, какъ за учиненіе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ преступленій и проступковъ въ этой мѣстности, особо перечисленныхъ русскимъ закономъ, такъ и за учиненіе въ этой мѣстности какихъ бы то ни было преступленій и проступковъ противъ русскихъ подданныхъ или иностранцевъ, не состоящихъ китайскими подданными [2]).

Наконецъ, на основаніи заявленія нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 7 апрѣля 1900 г. (выше прим. 1 на с. 310.) можно заключить, что, по обычаю, дѣйствующему въ Хивинскомъ Ханствѣ, находящемся подъ протекторатомъ Россіи, какъ иностранцы, пребывающіе въ Хивинскомъ Ханствѣ, не принадлежащіе къ числу русскихъ или хивинскихъ подданныхъ, такъ и хивинцы подлежатъ за учиненіе преступленій и проступковъ противъ русскаго Государя, государства или подданнаго въ этомъ Ханствѣ, наравнѣ съ русскими подданными, русскому уголовному суду, по русскому уголовному закону.

Что касается нашего уголовнаго уложенія, то и оно (ст. 8; 9 ч. 2; 10—11. — Выше прим. 1 на с. 294—295.) признаетъ, въ видѣ исключеній, при нѣкоторыхъ условіяхъ, уголовную отвѣтственность иностранцевъ по русскимъ уголовнымъ законамъ, за учиненіе уголовныхъ посягательствъ за границею на блага, принадлежащія русскому Государю, или государству, или подданному.

Установляя эти исключенія, уголовное уложеніе отдѣляетъ общее исключеніе отъ особеннаго.

Общее исключеніе опредѣляетъ уголовную отвѣтственность иностранцевъ по уголовному уложенію за учиненіе преступныхъ посягательствъ на блага русскаго Государя, государства или подданнаго

---

1) П. С. З. (с. з.). Т. XIX. 1. № 17513. Временное Положеніе объ управленіи Квантунской области. ст. 84; 87. — Св. Зак. Т. XVI. Ч. I: а) I. Учрежденіе Судебныхъ Установленій. ст. 624 съ примѣчаніемъ, по прод. 1902 г. Приложеніе къ статьѣ 624 (прим.), по прод. 1902 г. ст. 1; 4, и б) IV. Уст. Уг. Суд. ст. 1407 съ примѣчаніемъ, по прод. 1902 г.

2) П. С. З. (с. з.). Т. XIX. 1. № 17513. Временное Положеніе объ управленіи Квантунской области. ст. 84; 95—96. — Св. Зак. Т. XVI. Ч. I: а) I. Учрежденіе Суд. Уст. ст. 624 съ примѣчаніемъ, по прод. 1902 г. Приложеніе къ статьѣ 624 (прим.), по прод. 1902 г. ст. 1; 4, и б) IV. Уст. Уг. Суд. ст. 1407 съ примѣчаніемъ, по прод. 1902 г. Приложеніе къ статьѣ 1407 (прим.), по прод. 1902 г. ст. 1; 3—5.

за предѣлами русскаго государства, въ предѣлахъ иностраннаго государства или въ безгосударственной области вообще.

Иностранцы, запятнявшіе себя учиненіемъ преступныхъ посягательствъ на блага русскаго Государя, государства или подданнаго за предѣлами русскаго государства, въ предѣлахъ иностраннаго государства или въ безгосударственной области вообще, подлежатъ русскому уголовному суду, по уголовному уложенію, только при наличности ограничительныхъ условій (Уг. ул. ст. 8; 9 ч. 2; 10—11.).

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо, чтобы учиненное дѣяніе подходило подъ понятіе преступнаго дѣянія, по нашему уголовному уложенію, и составляло бы, соотвѣтственно постановленіямъ этого уложенія: или а) тяжкое преступленіе, или б) преступленіе, удовлетворяющее особымъ ограничительнымъ условіямъ, или в) проступокъ, удовлетворяющій особымъ ограничительнымъ условіямъ, (Уг. ул. ст. 9 ч. 2.).

Преступленіе должно быть такимъ преступнымъ дѣяніемъ, которое посягаетъ на права русскихъ подданныхъ или на имущество или на доходы русской казны, или же такимъ преступнымъ дѣяніемъ, наказуемость котораго, „въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ Россіи, предусмотрѣна заключеннымъ ею международнымъ договоромъ“ (Уг. ул. 9 ч. 2.).

Въ свою очередь, проступокъ долженъ быть такимъ преступнымъ дѣяніемъ, наказуемость котораго, въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ русскаго государства, предусмотрѣна международнымъ договоромъ Россійской Имперіи (Уг. ул. 9 ч. 2.).

Установляя, въ видѣ общаго исключенія, уголовную отвѣтственность для иностранцевъ, по нашему уголовному уложенію, за многія изъ преступныхъ дѣяній, учиненныхъ противъ русскаго Государя, государства или подданнаго за предѣлами русскаго государства, на территоріи иностраннаго государства или въ безгосударственной области, наше уголовное уложеніе дѣлитъ эти преступныя дѣянія на двѣ категоріи.

Къ первой категоріи отнесены преступныя дѣянія, требующія особенно энергичнаго примѣненія уголовной отвѣтственности по нашему уголовному уложенію. Это — нѣкоторыя важнѣйшія изъ тяжкихъ государственныхъ преступленій противъ русскаго Государя и государства или противъ русскаго государства (Уг. ул. ст. 11; 99—102 и 126.).

Во вторую же категорію помѣщены преступныя дѣянія, не требующія особенно энергичнаго примѣненія уголовной отвѣтствен-

ности по уголовному уложенію. Сюда принадлежатъ всѣ прочія заграничныя преступныя дѣянія, влекущія въ русскомъ государствѣ уголовную отвѣтственность иностранца по уголовному уложенію, кромѣ отнесенныхъ къ первой категоріи.

Если иностранецъ, находясь внѣ предѣловъ русскаго государства, на территоріи иностраннаго государства или въ безгосударственной области вообще, учинилъ дѣяніе противъ русскаго Государя, государства или подданнаго, не только преступное, съ точки зрѣнія нашего уголовнаго уложенія, но и требующее особенно энергичнаго примѣненія уголовной отвѣтственности по этому уложенію, и не отбылъ за это наказанія полностью, по приговору иностраннаго уголовнаго суда; то этотъ иностранецъ подлежитъ за это преступное дѣяніе нашему уголовному суду, по нашему уголовному уложенію, безъ всякаго смягченія наказаній (Уг. ул. ст. 9 ч. 2; 10 ч. 1 п. 3; 11.).

Непреступность дѣянія этой категоріи по закону мѣста учиненія, оправданіе или освобожденіе обвиняемаго отъ наказанія по приговору иностраннаго уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу, не составляютъ никакого препятствія къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія и наложенію уголовной отвѣтственности по нашему уложенію (Уг. ул. ст. 11.).

Если же иностранецъ, находясь внѣ предѣловъ русскаго государства, на территоріи иностраннаго государства или въ безгосударственной области вообще, учинилъ такое дѣяніе, которое посягаетъ на блага русскаго Государя, государства или подданнаго, признается преступнымъ, по взгляду нашего уголовнаго уложенія, и допускаетъ уголовную отвѣтственность по этому уложенію для иностранца, но не требуетъ особенно энергичнаго примѣненія ея; то онъ подлежитъ ей только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ ни одного изъ особыхъ законныхъ препятствій къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ этого лица по нашему уголовному уложенію.

Такихъ препятствій — четыре.

Первое — имѣетъ мѣсто тогда, когда „дѣяніе не воспрещено закономъ мѣста его учиненія“ въ качествѣ уголовнаго правонарушенія (Уг. ул. ст. 10 ч. 1 п. 1.).

Второе — выступаетъ въ томъ случаѣ, когда обвиняемый былъ оправданъ за данное дѣяніе, по приговору иностраннаго уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу (Уг. ул. ст. 10 ч. 1 п. 2.).

Третье — имѣетъ мѣсто тогда, когда обвиняемый былъ освобожденъ отъ наказанія за данное дѣяніе, по приговору иностраннаго уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу (Уг. ул. ст. 10 ч. 1 п. 2.).

Наконецъ, четвертое препятствіе является въ томъ случаѣ, когда обвиняемый отбылъ полностью наказаніе за данное дѣяніе „по приговору иностраннаго суда“ (Уг. ул. ст. 10 ч. 1 п. 3.).

При отсутствіи этихъ препятствій, нашъ уголовный судъ разбираетъ дѣло и, въ случаѣ признанія виновности и наказуемости обвиняемаго, присуждаетъ этому лицу наказаніе по нашему уголовному уложенію. При этомъ судъ смягчаетъ слѣдуемое наказаніе, по правиламъ, установленнымъ 53-й статьей уголовнаго уложенія, если есть въ наличности какое-нибудь изъ двухъ извѣстныхъ особыхъ обстоятельствъ, указанныхъ этимъ уложеніемъ (ст. 10 ч. 2. — Выше с. 298.). Таковы — меньшая наказуемость дѣянія по закону мѣста учиненія, чѣмъ по уголовному уложенію, и отбытіе части наказанія подсудимымъ за границею, по приговору иностраннаго суда.

Особенное исключеніе сдѣлано нашимъ уголовнымъ уложеніемъ относительно Бухарскаго Ханства, находящагося подъ протекторатомъ Россіи. Это исключеніе состоитъ въ томъ, что иностранцы христіанскихъ вѣроисповѣданій, не принадлежащіе къ числу бухарскихъ или русскихъ подданныхъ, подлежатъ за учиненіе преступныхъ дѣяній въ Бухарскомъ Ханствѣ русскому уголовному суду, по уголовному уложенію (ст. 8.).

Наше уголовное уложеніе не указываетъ никакого исключенія относительно Квантунской области, арендованной русскимъ государствомъ у Китайской Имперіи. Это объясняется тѣмъ, что Особое Совѣщаніе, Высочайше учрежденное при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія, нашло болѣе правильнымъ включать въ уголовное уложеніе „только постоянныя велѣнія закона, а не временныя измѣняемыя правила“. Уголовная же отвѣтственность по русскому уголовному закону за учиненіе преступленій и проступковъ въ Квантунской области опредѣляется правилами временнаго характера (Журналъ Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія. с. 51—52.).

Это соображеніе не отличается убѣдительностью.

Что же касается умолчанія въ уголовномъ уложеніи объ особенномъ исключеніи относительно Квантунской области, то отъ этого не можетъ прозойти никакого существеннаго вреда даже и въ то время, когда это уложеніе вступитъ въ дѣйствіе. Дѣло во томъ, что относительно Квантунской области уже установлено извѣстное особенное исключеніе (выше с. 333—334.), установлено особеннымъ закономъ, а именно — „Временнымъ Положеніемъ объ управленіи Квантунской области“ 16 августа 1899 г., и при томъ установлено раньше, чѣмъ

уголовное уложеніе 1903 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія, а въ уголовномъ уложеніи нѣтъ постановленія объ отмѣнѣ этого исключенія относительно Квантунской области. При отсутствіи же прямого постановленія объ отмѣнѣ особеннаго закона въ новомъ общемъ законѣ, особенный законъ продолжаетъ сохранять свою силу и дѣйствіе (Св. Зак. Т. I. Ч. I. Изданіе 1892 г. ст. 72—73; 79.).

Относительно Хивинскаго Ханства уголовное уложеніе также не дѣлаетъ никакого указанія на особенное исключеніе, но за то, въ свою очередь, и не отмѣняетъ уже существующаго исключенія (выше с. 334.). Отсутствіе же этого указанія объясняется тѣмъ, что Особое Совѣщаніе, Высочайше учрежденное при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія, нашло не умѣстнымъ упоминать объ исключеніи относительно Хивы рядомъ съ исключеніями относительно Турціи, Персіи, Китая и Бухары, когда „Хивинское ханство почти лишилось своей самостоятельности“ въ пользу Россіи и во всякомъ случаѣ „менѣе можетъ считаться независимымъ владѣніемъ, чѣмъ Бухарское ханство“ (Журналъ Выс. учр. Особаго Совѣщанія. с. 50.).

Нельзя не замѣтить, что внесеніе особеннаго исключенія въ уголовное уложеніе относительно Хивы было бы очень полезно. Оно выяснило бы дѣйствіе уголовнаго уложенія по мѣсту и лицамъ въ Хивинскомъ Ханствѣ, но нисколько не повредило бы отношеніямъ Россійской Имперіи къ Хивинскому Ханству.

Указавъ первое исключеніе изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа въ пользу реальнаго, перейдемъ ко второму.

2. Если неподданный даннаго культурнаго государства, находясь на территоріи другой державы или въ безгосударственной области, учинитъ преступное посягательство на блага, принадлежащія иной державѣ, или ея главѣ, или ея подданнымъ, или вообще иностранцамъ; то онъ подлежитъ уголовному суду, по уголовнымъ законамъ этого культурнаго государства, только при наличности ограничительныхъ условій.

Это исключеніе съ его ограниченіями необходимо въ интересахъ всесторонняго возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ.

Двѣ общественныхъ потребности вызываютъ необходимость этого исключенія въ этихъ интересахъ: 1) потребность культурнаго государства оградить себя, своего главу и своихъ подданныхъ отъ дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній со стороны иностранцевъ, преступниковъ и 2) потребность культурнаго государства оградить иностран-

ныя государства, ихъ главъ, ихъ подданныхъ и вообще иностранцевъ отъ уголовныхъ посягательствъ со стороны иностранцевъ, чтобы въ свою очередь, по принципу взаимности, получить огражденіе для себя, своего главы и своихъ подданныхъ со стороны иностранныхъ государствъ.

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо, чтобы учиненное дѣяніе, составляя посягательство на блага, принадлежащія иностранной державѣ, или ея главѣ, или подданному, или иностранцу, было преступно, по взгляду уголовнаго закона, дѣйствующаго въ томъ культурномъ государствѣ, интересы котораго требуютъ обузданія преступника.

Далѣе, если дѣяніе учинено въ предѣлахъ некультурной державы, состоящей подъ протекторатомъ культурнаго государства, заинтересованнаго въ обузданіи преступника, или учинено въ области, арендованной заинтересованнымъ культурнымъ государствомъ у некультурной державы; въ такомъ случаѣ это дѣяніе подлежитъ уголовному закону заинтересованнаго культурнаго государства, безъ ограниченій по важности и роду преступныхъ дѣяній, но съ допущеніемъ ограниченій, по мѣрѣ надобности, въ пользу уголовнаго правосудія туземной некультурной державы относительно преступниковъ, состоящихъ ея подданными.

Если же дѣяніе учинено въ безгосударственной области человѣкомъ, не состоящимъ ни въ чьемъ подданствѣ, или даже подданнымъ другого культурнаго или некультурнаго государства; въ такомъ случаѣ это дѣяніе подлежитъ уголовному закону заинтересованнаго культурнаго государства только тогда, когда принадлежитъ къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ, не составляетъ политическаго преступленія или проступка, не допускающаго выдачи преступника, и не представляетъ затрудненій для отправленія уголовнаго правосудія.

Если, наконецъ, дѣяніе учинено на территоріи чужого культурнаго государства или на территоріи чужого некультурнаго государства, не состоящей ни подъ протекторатомъ, ни въ арендѣ у культурнаго государства, заинтересованнаго въ обузданіи преступника, и при томъ учинено лицомъ, не состоящимъ въ подданствѣ у этого заинтересованнаго государства; въ такомъ случаѣ это дѣяніе можетъ подлежать уголовному закону этого заинтересованнаго государства только тогда, когда принадлежитъ къ числу важныхъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ преступленій и проступковъ.

Однако, этимъ не исчерпываются ограниченія въ послѣдней категоріи случаевъ; но вслѣдъ за этими ограничительными условіями идутъ другія и при томъ совершенно такія, какъ были указаны нами выше

(с. 331—332.), при опредѣленіи условій уголовной отвѣтственности иностранца, по уголовному закону потерпѣвшаго культурнаго государства, за учиненіе преступнаго дѣянія противъ этого государства, или его главы, или подданнаго на территоріи чужого культурнаго государства или на территоріи чужого некультурнаго государства, не состоящей ни въ какомъ подчиненіи у потерпѣвшаго культурнаго государства.

Относительно зачета части наказанія, отбытой за преступное дѣяніе за границею, слѣдуетъ сказать и здѣсь то же самое, что уже было сказано нами выше о зачетѣ этого рода (с. 332.).

Наконецъ, въ заключеніе изложенія ограничительныхъ условій необходимо отмѣтить послѣднее изъ нихъ. Это условіе состоитъ въ томъ, чтобы учинитель дѣянія дѣйствительно находился въ распоряженіи культурнаго государства, заинтересованнаго въ обузданіи этого лица.

Положительное право большинства культурныхъ государствъ признаетъ, въ видѣ исключенія, при нѣкоторыхъ ограничительныхъ условіяхъ, уголовную отвѣтственность иностранцевъ, по уголовному праву культурнаго государства, заинтересованнаго въ обузданіи этихъ лицъ, за учиненіе уголовныхъ посягательствъ на блага, принадлежащія другому государству, или его главѣ, или подданнымъ, или иностранцамъ, и при томъ за учиненіе этихъ посягательствъ за границею, на территоріи другого государства или въ безгосударственной области. Но объемъ этого исключенія въ различныхъ государствахъ обыкновенно очень различенъ.

Наименьшій объемъ сводится къ наказанію за морской разбой, преступное участіе въ торгѣ невольниками и преступное поврежденіе морского телеграфнаго кабеля.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 172 прим. 1, по прод. 1902 г.) постановляетъ, въ видѣ исключенія вообще, что оно распространяетъ свою силу на иностранныхъ подданныхъ, учинившихъ противъ иностранцевъ за границею такія „преступныя дѣянія“, „за которыя виновные иностранные подданные подлежатъ суду и наказанію въ Россіи, въ силу заключенныхъ съ иностранными государствами международныхъ договоровъ“. Это общее исключеніе появилось въ уложеніи въ 1893 г., на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 8 марта 1893 г. объ установленіи карательныхъ правилъ, вызываемыхъ Брюссельскимъ международнымъ соглашеніемъ о прекращеніи торга неграми на Африканскомъ материкѣ [П. С. З. (с. з.). Т. XIII. № 9398. Отд. II.].

Далѣе, наше уложеніе о наказаніяхъ (ст. 172 прим. 2, по прод.

1902 г.) указываетъ, что иностранцы христіанскихъ вѣроисповѣданій, не принадлежащіе къ числу русскихъ или бухарскихъ подданныхъ, за учиненіе преступныхъ дѣяній въ Бухарскомъ Ханствѣ, находящемся подъ протекторатомъ Россіи, подлежатъ русскому уголовному суду, по русскому уголовному закону.

Наконецъ, согласно узаконеніямъ относительно Квантунской области, арендованной русскимъ государствомъ у Китайской Имперіи, иностранцы, не состоящіе китайскими подданными, запятнявшіе себя учиненіемъ какихъ бы то ни было преступныхъ дѣяній въ предѣлахъ Квантунской области, подлежатъ за это, наравнѣ съ русскими подданными, русскимъ уголовнымъ судамъ, по русскимъ уголовнымъ законамъ (выше с. 334 съ прим. 1.). Китайскіе же подданные подлежатъ русскимъ уголовнымъ судамъ, по русскимъ уголовнымъ законамъ, какъ за учиненіе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ преступленій и проступковъ въ этой мѣстности, особо пречисленныхъ русскимъ закономъ, такъ и за учиненіе въ этой мѣстности какихъ бы то ни было преступленій и проступковъ противъ иностранцевъ, не состоящихъ китайскими подданными (выше. с. 334 съ прим. 2.).

Что касается нашего уголовнаго уложенія, то и оно (ст. 8; 9 ч. 2; 10. — Выше прим. 1 на с. 294—295.) признаетъ, въ видѣ исключеній, при нѣкоторыхъ условіяхъ, уголовную отвѣтственность иностранцевъ, по русскимъ уголовнымъ законамъ, за учиненіе уголовныхъ посягательствъ за границею на блага, принадлежащія иностранному государству, или его главѣ, или подданному, или вообще иностранцу.

Установляя эти исключенія, уголовное уложеніе отдѣляетъ общее исключеніе отъ особеннаго.

Общее исключеніе опредѣляетъ уголовную отвѣтственность иностранцевъ, по уголовному уложенію, за учиненіе преступныхъ посягательствъ на блага иностраннаго государя, или государства, или подданнаго, или иностранца за предѣлами русскаго государства, въ предѣлахъ иностраннаго государства или въ безгосударственной области.

Иностранцы, запятнявшіе себя учиненіемъ преступныхъ посягательствъ на блага иностраннаго государя, или государства, или подданнаго, или иностранца за предѣлами русскаго государства, въ предѣлахъ иностраннаго государства или въ безгосударственной области, подлежатъ за это русскому уголовному суду, по уголовному уложенію, только при наличности ограничительныхъ условій (Уг. ул. ст. 8; 9 ч. 2; 10.).

Для наличности этого исключенія прежде всего необходимо, чтобы учиненное дѣяніе подходило подъ понятіе преступнаго дѣянія, по нашему уголовному уложенію, и составляло бы, соотвѣтственно

постановленіямъ этого уложенія: или а) тяжкое преступленіе, или б) преступленіе, удовлетворяющее особому ограничительному условію, или в) проступокъ, удовлетворяющій особому ограничительному условію (Уг. ул. ст. 9 ч. 2.).

Это ограничительное условіе въ обоихъ этихъ случаяхъ состоитъ въ томъ, что преступленіе и проступокъ должны представлять собой такое преступное дѣяніе, наказуемость котораго, „въ случаѣ учиненія его въ иностранномъ государствѣ или вообще внѣ предѣловъ Россіи, предусмотрѣна заключеннымъ ею международнымъ договоромъ“ (Уг. ул. ст. 9 ч. 2 п. 2.).

Далѣе, необходимо, чтобы не было въ наличности ни одного изъ особыхъ законныхъ препятствій къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ иностранца за это дѣяніе по нашему уголовному уложенію.

Такихъ препятствій — пять (Уг. ул. ст. 10 ч. 1.). Четыре изъ нихъ намъ уже извѣстны. Они изложены выше подъ номерами: 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ (с. 336—337.); а пятое имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, „если учиненное преступное дѣяніе, направленное противъ иностраннаго государства, относится къ числу такихъ, по коимъ выдача не допускается“ (Уг. ул. ст. 10 ч. 1 п. 4.).

Если иностранецъ, находясь внѣ предѣловъ русскаго государства, на территоріи иностраннаго государства или безгосударственной области вообще, учинилъ такое дѣяніе, которое посягаетъ на блага иностраннаго государя, или государства, или подданнаго, или иностранца вообще, признается преступнымъ, по взгляду нашего уголовнаго уложенія, и допускаетъ уголовную отвѣтственность для иностранца по этому уложенію, а ни одного изъ особыхъ законныхъ препятствій къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ этого лица не имѣется; то этотъ иностранецъ подлежитъ за это дѣяніе русскому уголовному суду, по уголовному уложенію (ст. 8; 9 ч. 2; 10.). Признавъ обвиняемаго виновнымъ и подлежащимъ наказанію, нашъ уголовный судъ присуждаетъ этому лицу наказаніе по нашему уголовному уложенію, а при этомъ смягчаетъ слѣдуемое наказаніе, по правиламъ, установленнымъ 53-й статьей этого уложенія, если есть въ наличности какое-нибудь изъ двухъ извѣстныхъ особыхъ обстоятельствъ, указанныхъ этимъ уложеніемъ, требующихъ пониженія наказаній (Уг. ул. ст. 10 ч. 2. — Выше с. 337.).

Особенное исключеніе сдѣлано нашимъ уголовнымъ уложеніемъ относительно Бухарскаго Ханства, находящагося подъ протекторатомъ Россіи. Это исключеніе состоитъ въ томъ, что иностранцы христіан-

скихъ вѣроисповѣданій, не принадлежащіе къ числу бухарскихъ или русскихъ подданныхъ, подлежатъ за учиненіе преступныхъ дѣяній въ этомъ Ханствѣ русскому уголовному суду, по уголовному уложенію (Уг. ул. ст. 8.).

Наше уголовное уложеніе не указываетъ никакого исключенія относительно Квантунской области, арендованной русскимъ государствомъ у Китайской Имперіи, но за то и не отмѣняетъ уже существующаго исключенія, установленнаго „Временнымъ Положеніемъ объ управленіи Квантунской области“ въ 1899 г. Это исключеніе сохранитъ свою силу и по вступленій уголовнаго уложенія въ дѣйствіе (выше с. 337—338.).

Отмѣтивъ второе исключеніе изъ-подъ дѣйствія территоріальнаго принципа въ пользу реальнаго, обратимся къ третьему.

3. Иностранцы, служащіе въ какой-нибудь части войскъ культурнаго государства, находящейся, съ согласія иностраннаго государства, на территоріи этого государства, въ случаѣ учиненія ими преступныхъ посягательствъ на этой территоріи на чьи бы то ни было блага, подлежатъ уголовной отвѣтственности только по военно-уголовнымъ законамъ того культурнаго государства, въ войскахъ котораго состоятъ на службѣ.

Это исключеніе необходимо въ интересахъ возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ, въ обезпеченіе неприкосновенности военныхъ тайнъ, въ обезпеченіе доброкачественности военной службы и въ обезпеченіе внутренняго единства и силы въ арміи культурнаго государства.

Культурныя государства признаютъ это исключеніе, но не всѣ — въ одинаковомъ объемѣ.

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ предусматриваетъ это исключеніе лишь относительно лицъ, служащихъ во вспомогательныхъ войскахъ за границею (ст. 175 прим. 1. — Выше с. 320.).

Въ нашемъ уголовномъ уложеніи сдѣланъ на это исключеніе лишь очень темный намекъ (ст. 5 п. 4. — Выше прим. 1 на с. 294—295.).

Отъ третьяго исключенія переходимъ къ четвертому.

4. Иностранцы, учинившіе на военномъ кораблѣ культурнаго государства преступное посягательство на чьи бы то ни было блага, подлежатъ уголовной отвѣтственности за это дѣяніе по уголовнымъ законамъ этого государства, а именно: служащіе по флотѣ или арміи — по военно-морскимъ, а частныя лица: въ однихъ случаяхъ — по военно-морскимъ, а въ другихъ — по общимъ.

Это исключеніе необходимо въ интересахъ возможно большаго

благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ, въ обезпеченіе неприкосновенности военно-морскихъ и военныхъ тайнъ, въ обезпеченіе доброкачественности военно-морской и военной службы и въ обезпеченіе внутренняго единства и силы во флотѣ и въ арміи культурнаго государства.

Это исключеніе принято вообще во всѣхъ культурныхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россійской Имперіи [1]), хотя обыкновенно и не высказано въ прямыхъ выраженіяхъ въ законахъ. Культурныя государства обыкновенно не опредѣляютъ ясно и точно, по какимъ именно уголовнымъ законамъ должны отвѣчать частныя лица изъ иностранцевъ за учиненіе преступныхъ дѣяній на военномъ кораблѣ культурнаго государства.

Наше уложеніе о наказаніяхъ не предусматриваетъ этого исключенія. Въ уголовномъ же уложеніи сдѣланъ на это исключеніе только весьма неясный намекъ (ст. 5 п. 4.).

Отмѣтивъ четвертое исключеніе, займемся пятымъ.

5. Иностранцы, учинившіе на купеческомъ кораблѣ культурнаго государства преступное посягательство на блага, принадлежащія этому государству, или его главѣ, или подданному, или другой державѣ, или ея главѣ, или подданному, или вообще иностранцамъ, должны подлежать за это уголовной отвѣтственности и при томъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ — по уголовнымъ законамъ того культурнаго государства, которому принадлежитъ этотъ корабль.

Опредѣленіе всѣхъ этихъ случаевъ требуетъ продолжительнаго спеціальнаго изслѣдованія и далеко выходитъ за предѣлы общей части уголовнаго права. Не имѣя возможности заниматься этой задачей, отмѣтимъ для примѣра лишь одинъ изъ этихъ случаевъ, наиболѣе ясный.

Онъ имѣетъ мѣсто тогда, когда преступное дѣяніе учинено иностранцемъ на купеческомъ кораблѣ культурнаго государства во время пребыванія этого корабля въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству, а этотъ корабль непосредственно изъ этихъ водъ прибылъ въ свое отечество или, по крайней мѣрѣ, въ такое мѣсто, гдѣ есть компетентный уголовный судъ этого государства.

Исключеніе въ пользу реальнаго принципа въ этомъ случаѣ необходимо въ интересахъ возможно большаго народнаго благосостоянія въ томъ культурномъ государствѣ, на купеческомъ кораблѣ котораго учинено преступное дѣяніе иностранцемъ въ открытомъ морѣ. Нѣтъ

---

1) Сводъ Морскихъ Постановленій. Книга восемнадцатая. Военно-морской судебный уставъ. Изданіе 1886 г. ст. 1066; 1069; 1071; 1083.

сомнѣнія, что купеческій корабль въ открытомъ морѣ не составляетъ никакого продолженія территоріи своего отечества; тѣмъ не менѣе, господство уголовныхъ законовъ этого государства на этомъ кораблѣ въ открытомъ морѣ настоятельно требуется тѣми же народными потребностями, которыя требуютъ господства этихъ законовъ и на территоріи этого государства (выше с. 278—279.).

Культурныя государства не говорятъ объ этомъ исключеніи въ прямыхъ выраженіяхъ, но признаютъ его косвенно тѣмъ, что ясно и несомнѣнно установляютъ такое общее правило и исключенія, которыя съ помощью законной аналогіи приводятъ къ признанію разсматриваемаго нами исключенія, съ логической необходимостью. Таковы — 1) общее правило, установляющее уголовную отвѣтственность иностранцевъ по уголовному закону культурнаго государства за учиненіе преступныхъ дѣяній на территоріи этого государства [выше с. 277—279; 282—283.], 2) исключеніе, установляющее уголовную отвѣтственность иностранцевъ по уголовному закону культутнаго государства за учиненіе преступныхъ посягательствъ на блага этого государства, или его главы, или подданныхъ на территоріи другого государства или въ безгосударственной области [выше с. 330—338.], и 3) исключеніе, установляющее уголовную отвѣтственность иностранцевъ по уголовному закону культурнаго государства за учиненіе преступныхъ посягательствъ на блага другого государства, или его главы, или подданныхъ, или вообще иностранцевъ на территоріи, не принадлежащей карающему государству или въ безгосударственной области [выше с. 338—343.].

Опредѣливъ дѣйствіе уголовныхъ законовъ культурнаго государства по мѣсту и лицамъ, закончимъ этотъ вопросъ ознакомленіемъ съ космополитическимъ принципомъ и его несостоятельностью.

Космополитическій принципъ, называемый также принципомъ всемірнаго правосудія, выставленъ впервые въ XIX вѣкѣ [1]).

Космополитическій принципъ, взятый въ его чистомъ видѣ, безъ всякихъ ограниченій, провозглашаетъ, что каждое государство имѣетъ право наказанія за всякое преступное дѣяніе, гдѣ бы, кѣмъ бы и противъ кого бы это дѣяніе ни было учинено.

Въ такомъ чистомъ видѣ не проводится, однако, этотъ принципъ ни однимъ изъ его сторонниковъ. Напротивъ, каждый изъ нихъ рекомендуетъ этотъ принципъ только съ различными ограниченіями. При

1) Первые ясные проблески космополитическаго принципа видны въ сочиненіи Августа Бульмеринка, изданномъ въ Дерптѣ въ 1853 г. August Bulmerincq — Das Asylrecht und die Auslieferung flüchtiger Verbrecher. Dorpat. 1853.

этомъ большая часть сторонниковъ этого принципа, рекомендуетъ его только въ качествѣ дополненія къ территоріальному принципу или же къ территоріальному и національному. Что же касается реальнаго принципа, то онъ выступаетъ соперникомъ космополитическаго.

Уже полное отсутствіе приверженцевъ послѣдовательнаго проведенія космополитическаго принципа, безъ всякихъ ограниченій, служитъ нѣкоторымъ указаніемъ на необходимость осторожнаго отношенія къ дѣлу. Сопоставленіе же этого принципа съ интересами всесторонняго возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ ясно указываетъ, что ни одно культурное государство, дѣйствительно руководящееся принципомъ народнаго благосостоянія, не имѣетъ возможности провести космополитическій принципъ въ его чистомъ видѣ, при опредѣленіи дѣйствія своихъ уголовныхъ законовъ по мѣсту и лицамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и увеличеніе всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія должно быть единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности, какъ внутренней — законодательной, правительственной и судебной, такъ и внѣшней, международной (выше с. 29—31.). Слѣдовательно, этотъ принципъ долженъ быть высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго культурнаго государства и при опредѣленіи дѣйствія уголовныхъ законовъ по мѣсту и лицамъ. А между тѣмъ космополитическій принципъ или принципъ всемірнаго правосудія, взятый въ его чистомъ видѣ, не обращаетъ вниманія на интересы народнаго благосостоянія.

Далѣе, ни одно культурное государство не имѣетъ и не можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи столько имущественныхъ средствъ и человѣческаго труда, чтобы быть въ состояніи отправлять уголовное правосудіе во всемъ мірѣ (выше с. 299—302.).

Наконецъ, отправленіе уголовнаго правосудія культурнымъ государствомъ въ угоду космополитическаго принципа, вопреки интересамъ благосостоянія своего народа, принесетъ несомнѣнный вредъ какъ благосостоянію этого народа, такъ и самому государству (выше с. 299—302.). Нанося вредъ благосостоянію своего народа, государство само расшатываетъ довѣріе, уваженіе и любовь своихъ гражданъ, само возбуждаетъ недовольство своего народа и своими собственными руками разрушаетъ свою силу и крѣпость.

Что касается космополитическаго принципа, обставленнаго раз-

личными ограниченіями, предлагаемыми со стороны различныхъ ученыхъ, то онъ и въ такомъ ограниченномъ видѣ не можетъ быть положенъ культурнымъ государствомъ въ основаніе правилъ и исключеній, опредѣляющихъ дѣйствіе уголовныхъ законовъ по мѣсту и лицамъ. Дѣло въ томъ, что ограниченія космополитическаго принципа, предлагаемыя учеными, не приведены въ надлежащее постоянное соотвѣтствіе съ принципомъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія [1]). При отправленіи же уголовнаго правосудія культурнымъ государствомъ, согласно космополитическому принципу, вопреки интересамъ народнаго благосостоянія, наступитъ несомненный вредъ какъ для народа, такъ и для государства.

Если же мы вздумаемъ подвергнуть принципъ всемірнаго правосудія всѣмъ ограниченіямъ, которыя требуются принципомъ всесторонняго наибольшаго народнаго благосостоянія; то мы неминуемо должны будемъ построить такую систему дѣйствія уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ, въ которой принципъ всемірнаго правосудія будетъ совершенно вытѣсненъ извѣстнымъ сочетаніемъ территоріальнаго принципа

---

1) По мнѣнію Г. Гельшнера, напр., одна изъ задачъ государства состоитъ въ томъ, чтобы подавлять упорствующее противорѣчіе индивидуальной воли правовому порядку. Внѣшнимъ выраженіемъ этого противорѣчія служитъ преступное дѣяніе, а средствомъ подавленія — наказаніе. Гдѣ есть преступная воля, тамъ есть и необходимость подавленія ея, безразлично къ тому, въ какомъ мѣстѣ учинено преступное дѣяніе, и на чьё благо посягалъ учинитель. Не наказанный преступникъ всюду носитъ съ собой преступную волю, а потому и право на подавленіе ея т. е. право на наказаніе преступника за учиненное преступное дѣяніе принадлежитъ каждому государству, на территоріи котораго находится это лицо. Но осуществленіе этого права необходимо должно быть поставлено въ нѣкоторыя границы какъ въ виду того, что уголовныя законодательства различныхъ государствъ не одинаковы, такъ и въ виду того, что государство можетъ осуществлять свое право наказанія не иначе, какъ соотвѣтственно своимъ уголовнымъ законамъ. Hälschner — Das gemeine deutsche Strafrecht. I-er Band. S. 140—141.

Это ученіе, при всемъ его остроуміи и достоинствахъ, имѣетъ существенный недостатокъ. Онъ состоитъ въ томъ, что это ученіе вовсе не придаетъ руководящаго значенія принципу всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, при рѣшеніи вопроса о томъ, какова должна быть система дѣйствія уголовныхъ законовъ культурнаго государства по мѣсту и лицамъ.

Авторъ ясно выставляетъ на видъ, что право государства на примѣненіе наказанія обусловливается существованіемъ преступника, еще не наказаннаго, нуждающагося въ обузданіи со стороны государства путемъ накаказанія. Видвигая же это на первый планъ, авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что культурное государство, дорожа интересами всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, не можетъ заниматься обузданіемъ только ради обузданія, но допускаетъ. обузданіе только тамъ, гдѣ это необходимо для содѣйствія народному благосостоянію

съ принципами: уголовной безотвѣтственности царствующаго туземнаго государя, уголовной безотвѣтственности царствующихъ иностранныхъ государей, національнымъ и реальнымъ.

§ 29. Выдача преступниковъ [1]).

Учрежденіе выдачи преступниковъ представляетъ собой такое учрежденіе, которое одинаково принадлежитъ какъ къ числу учрежденій

---

1) Г. Вербловскій — О взаимной выдачѣ преступниковъ и дезертировъ. Юридическій Вѣстникъ. Москва. 1867. № VI. (дек.). с. 3—48; 1868. № VII (янв.). с. 3—50. — В. Даневскій — Выдача преступниковъ и пренія о ней въ оксфордской сессіи гентскаго института международнаго права. Юрид. Вѣстникъ. 1880. № XII. с. 517—563. — Paul Bertrand — Traité théorique et pratique de l'extradition. 2 parties. Paris. 1883. — Д. Никольскій — О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. С.-Петербургъ. 1884. — А. В. Степановъ — О выдачѣ преступниковъ. Юрид. Вѣстникъ. 1884. № VII. с. 315—348. — H. Lammasch — Auslieferungspflicht und Asylrecht. Leipzig. 1887. — F. v. Martitz — Internationale Rechtshilfe in Strafsachen. Leipzig. I-te Abtheilung, 1888. II-te Abtheilung, 1897. — John Bassett Moore — A treatise on extradition and interstate rendition. In two volumes. Boston. 1891. — L. v. Bar — Lehrbuch des internationalen Privat- und Strafrechts. 1892. II-es Buch. S. 277—335. — Е. Симсонъ — О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. С.-Петербургъ. 1892. — Alphonse Rivier — Principes du droit des gens. Paris. 1896. T. I. p. 348—357. — Л. Шалландъ — Принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ. Журналъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. С.-Петербургъ. 1896. № X. с. 86—128. — H. Delius — Das Auslieferungsrecht. Hannover. 1899. — L. Beauchet — Traité de l'extradition. Paris. 1899. — Ф. Мартенсъ — Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Изданіе 4-е. 1900. Т. II. с. 419—470. — Actes du Congrès Pénitentiaire International de Bruxelles août 1900. Volume I. Procès-verbaux des séances. Berne. 1901. p. 23—25; 52; 128—178. — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? [Actes du Congrès P. I. de Bruxelles. Bruxelles et Berne. 1901. Volume II. Rapports.]: 1) Benielli [p. 155—157.], 2) T. Canonico [p. 159—170.], 3) E. Garçon [p. 187—197.], 4) I. Ivanovsky et L. Challandes [p. 241—261.], 5) H. Pessina [p. 297—312.] et 6) De Rode [p. 365—367.]. — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Quels sont les principes à suivre en déterminant les limites de la compétence de la justice criminelle quant à la poursuite de délits commis à l'étranger ou en coopération avec des individus, nationaux ou étrangers, résidant à l'étranger? [Actes du Congrès P. I. de Bruxelles. Volume II. Rapports.]: 1) Ch. V. Dubois [p. 171—185.], 2) Getz [p. 199—213.], 3) H. Harburger [p. 215—239.], 4) H. Pascaud [p. 279—295], 5) P. Poustoroslew [p. 313—361.], 6) Albéric Rolin [p. 377—402.] et 7) Zurcher [p. 415—418.]. — Quels sont les principes à suivre en déterminant les limites de la justice criminelle etc. [Actes du Congrès P. I. de Bruxelles Vol. II. Rapports.]: 1) Le Poittevin [p. 263—278.] et 2) Wulfert [p. 403—414.]. — M. Bernard — Des conflits de souverainetés en matière pénale. Paris. 1901. — М. Ткаченко — Договоры о выдачѣ, заключенные Россіей съ иностранными государствами, и ихъ отношеніе къ ст. 168—174 уложенія

уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова, такъ и къ числу учрежденій международнаго права.

Относясь къ области уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова, учрежденіе выдачи преступниковъ касается всѣхъ четырехъ составныхъ частей или вѣтвей этого права (выше с. 33—38.). Имѣя свои корни въ уголовномъ или, точнѣе, уголовно-опредѣлительномъ правѣ, это учрежденіе затрогиваетъ уголовно-охранительное право, но главнымъ образомъ касается уголовно-судебнаго права и уголовно-исполнительнаго права.

При такихъ условіяхъ, становится ясно, что учрежденіе выдачи преступниковъ легко можетъ быть изложено во всей полнотѣ, послѣ изученія уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова, при изложеніи международнаго права. Обстоятельное же изложеніе этого учрежденія при изученіи общей части уголовнаго права, до изученія не только особенной части, но и уголовно-судебнаго права, и уголовно-исполнительнаго права, и международнаго права, является не возможнымъ. Въ виду этого, мы и познакомимся съ этимъ учрежденіемъ только вкратцѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ.

Выдача преступника (l'extradition, die Auslieferung) есть правомѣрное дѣйствіе, посредствомъ котораго государство отдаетъ арестованную личность, обвиняемую или осужденную за учиненіе уголовнаго правонарушенія, въ руки другого государства, имѣющаго право суда и наказанія надъ нею.

Выдачѣ подвергаются какъ обвиняемые въ уголовныхъ правонарушеніяхъ, такъ и осужденные приговорами уголовныхъ судовъ, вошедшими въ законную силу. Первые выдаются для суда, а также и для наказанія, въ случаѣ осужденія. Вторые же выдаются для исполненія надъ ними того наказанія, отъ котораго они скрылись.

Выдача распространяется въ большинствѣ случаевъ на обвиняемыхъ, а въ меньшинствѣ — на осужденныхъ. Благодаря этому обстоятельству, нѣкоторые ученые упускаютъ изъ виду осужденныхъ и ха-

---

о наказаніяхъ. Ж. М. Ю. 1902. № 5. с. 72—114. — Францъ Листъ — Международное право въ систематическомъ изложеніи. 1902. с. 266—272. — A. Le Poittevin — De l'extradition des nationaux. Journal du droit international privé et de la jurisprudence comparée. Paris. 1903. Tome 30. p. 24—42; 498—517; 768—787. — А. К. фонъ Резонъ — О выдачѣ по русскому праву. Ж. М. Ю. 1903. № 9. с. 154—212. — П. Казанскій — Учебникъ международнаго права. 1904. с. 489—492. — Franz von Liszt — Das Völkerrecht systematisch dargestellt. 3-te Auflage. Berlin. 1904. S. 257—261.

Вопросъ о выдачѣ преступниковъ разсматривается почти въ каждомъ русскомъ учебникѣ общей части уголовнаго права.

рактеризуютъ институтъ выдачи такъ, какъ будто бы онъ распространялся только на обвиняемыхъ, что — не правильно.

Отдѣльные случаи выдачи бѣжавшихъ преступниковъ встрѣчаются въ древнемъ мірѣ, но института выдачи тогда еще не было.

Это учрежденіе возникло въ слабомъ видѣ въ средніе вѣка, прочно установилось въ XVIII-мъ вѣкѣ и широко развилось въ XIX-мъ.

Учрежденіе выдачи преступниковъ прочно утвердилось только въ концѣ періода полуобразованности. Это произошло лишь тогда; когда установилось постоянное общеніе какъ между полукультурными народами, такъ и между ихъ государствами; когда между интересами полукультурныхъ народовъ явилась солидарность или общность во многихъ отношеніяхъ, а вслѣдствіе ея образовалась потребность въ томъ, чтобы государство оказывало свое содѣйствіе другимъ государствамъ въ поддержаніи правового порядка для содѣйствія благосостоянію своего собственнаго народа; государство же сознало эту потребность и рѣшилось принять мѣры къ ея удовлетворенію.

Съ постепеннымъ развитіемъ этихъ условій во времена полуобразованности, а въ особенности впослѣдствіи, во времена образованности, развивалось и учрежденіе выдачи преступниковъ.

Учрежденіе выдачи преступниковъ начало вырабатываться посредствомъ дѣятельности или практики государствъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. При этомъ государства обыкновенно придерживались принципа взаимности.

Позднѣе, выработка этого учрежденія стала производиться главнымъ образомъ посредствомъ международныхъ договоровъ.

Первоначально не было особыхъ отдѣльныхъ договоровъ между государствами о выдачѣ преступниковъ. Не дѣлалось постановленій о выдачѣ этихъ лицъ и въ международныхъ договорахъ по другимъ вопросамъ. Но впослѣдствіи въ разные международные договоры по разнымъ вопросамъ стали включать между прочимъ и постановленія о взаимной выдачѣ перебѣжчиковъ разнаго рода, напр., бѣглыхъ рабовъ, бѣглыхъ должниковъ, а въ томъ числѣ и бѣглыхъ преступниковъ.

Международные договоры, съ постановленіями о выдачѣ перебѣжчиковъ разнаго рода, а въ томъ числѣ и преступниковъ, встрѣчаются въ Западной Европѣ уже въ XII-мъ и XIII-мъ вѣкѣ [1]).

---

1) Смотрите, напр., договоръ между Феррарой и Болоньей 10 мая 1193 г., указанный въ сочиненіи г. Симсона (О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. с. 51; 334 № 5.). — Lammasch — Auslieferungspflicht und Asylrecht. S. 15—16 и прим. 2 на с. 16.

Что же касается Россіи, то первый договоръ, несомнѣнно содержащій между прочими различными постановленіями и постановленія о выдачѣ перебѣжчиковъ разнаго рода, а въ томъ числѣ и преступниковъ, заключенъ между Новгородомъ и Швеціей въ Орѣшкѣ въ 1323 г. [1]).

Впослѣдствіи, въ XVIII-мъ вѣкѣ появились въ Западной Европѣ и спеціальные договоры о выдачѣ преступниковъ [2]).

Россія нѣсколько запоздала въ этомъ отношеніи. Первый договоръ Россіи о выдачѣ преступниковъ былъ заключенъ съ Даніею лишь во второй половинѣ XIX-го вѣка, въ 1866 г. [3]). Вслѣдъ за тѣмъ были заключены Россіей договоры о выдачѣ преступниковъ и съ другими государствами. Всѣ эти договоры Россіи о выдачѣ преступниковъ напечатаны: 1) въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемомъ при Правительствующемъ Сенатѣ“, и 2) во второмъ и третьемъ „Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи“ [4]).

Въ XIX-мъ вѣкѣ учрежденіе выдачи преступниковъ развивается уже не только путемъ практики и международныхъ договоровъ, но и путемъ экстрадиціонныхъ законовъ т. е. законовъ, издаваемыхъ отдѣльными государствами, спеціально посвященныхъ опредѣленію правилъ выдачи преступниковъ.

Первый экстрадиціонный законъ былъ изданъ Королевствомъ

---

1) П. Бутковъ — Три древніе договора руссовъ съ норвежцами и шведами. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Санктпетербургъ. 1837. Часть XXIII. с. 346—363. Въ мирномъ договорѣ, заключенномъ между Новгородомъ и Швеціей въ 1323 г. въ Орѣшкѣ на латинскомъ языкѣ, по свидѣтельству г. Буткова (с. 348—349.) между прочимъ говорится: „Obligatores, fidejussores, servi, sive malefactores, fugientes ad nos, vel ad vos, de jure sunt redendi . . . Ubi quis deliquit, ibi emendare tenetur de jure“ (Должники, поручители, рабы или злодѣи, бѣжавшіе къ намъ, или къ вамъ, должны быть выдаваемы по праву . . . Гдѣ кто учинилъ преступленіе, тамъ обязанъ и отвѣчать по праву.). — Симсонъ — О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. с. 93—94 съ прим. 238 на с. 93 и съ прим. 239 на с. 94; 346 № 14.

2) Никольскій — О выдачѣ преступниковъ. с. 78. — Lammasch — Auslieferungspflicht und Asylrecht. S. 23—24.

3) П. С. З. (с. 2.). Т. XLI. 2. № 43737. „Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Даніею“ 2/14 октября 1866 г., „Высочайше ратификованная“ 15 октября 1866 г.

4) Конвенціи Россіи съ иностранными государствами о выдачѣ преступниковъ напечатаны также во II-мъ и IV-мъ томахъ „Сборника дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіей съ другими государствами и касающихся различныхъ вопросовъ частнаго международнаго права“. Издано по распоряженію Г. Министра Иностранныхъ Дѣлъ. С.-Петербургъ. Томъ II. 1890 г. Отдѣлъ IX. Конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ. с. 375—471. — Томъ IV. 1896 г. Конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ. с. 236—261.

Бельгіей 1 октября 1833 г. [1]). Вслѣдъ за тѣмъ были изданы экстрадиціонные законы и нѣкоторыми другими государствами, напр., Голландіей, Великобританіей.

Въ Россіи нѣтъ экстрадиціоннаго закона, но къ выработкѣ его уже приняты мѣры. Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 года Министрамъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ предоставлено подвергнуть вопросъ о выдачѣ преступниковъ всесторонней разработкѣ и представить свои предположенія по этому предмету на законодательное разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ (выше с. 131; 132.). 13 же мая 1903 г., по докладу Министра Юстиціи, Высочайше учреждена Особая Комиссія для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія [2]). Этой Комиссіи и поручено между прочимъ выработать проектъ экстрадиціоннаго закона для Россійской Имперіи (Выс. уч. Особая Коммисія. Ж. М. Ю. 1904. № 1. с. 64—65; 71; 90.).

Наконецъ, учрежденіе выдачи преступниковъ развивается въ XIX-мъ вѣкѣ и съ помощью постановленій, издаваемыхъ различными государствами въ общихъ уголовныхъ или уголовно-судебныхъ законахъ.

Такъ, постановленія о выдачѣ преступниковъ встрѣчаются, напр., въ уголовномъ уложеніи Германской Имперіи (Strafgesetzbuch f. d. Deutsche Reich. § 9.), въ итальянскомъ уголовномъ уложеніи (codice penale. Art. 9.).

Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ не опредѣляетъ учрежденія выдачи преступниковъ, но только упоминаетъ о выдачѣ преступниковъ, какъ иностранцевъ (ст. 172.), такъ и русскихъ подданныхъ (ст. 173; 174.) иностранными государствами русскому государству. Въ нашемъ дѣйствующемъ уставѣ уголовнаго судопроизводства никакихъ постановленій по этому вопросу не содержится.

Въ нашемъ уголовномъ уложеніи учрежденіе выдачи преступниковъ опредѣляется не вполнѣ, но только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Этому учрежденію спеціально посвящена 13-я статья. Кромѣ того, объ немъ упоминается и въ 10-й статьѣ.

13-я статья уголовнаго уложенія указываетъ, что русское государство, при нѣкоторыхъ условіяхъ, выдаетъ иностранцевъ, преступни-

---

1) Lammasch — Auslieferungspflicht und Asylrecht. S. 110 Bem. 1. — Prins — Sience pénale et droit positif. p. 67.

2) Высочайше учрежденная Особая Коммисія для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія. Ж. М. Ю. 1904. № 1. с. 61—92. — Выше с. 132—133.

ковъ на судъ и наказаніе иностраннымъ государствомъ за учиненіе преступныхъ дѣяній внѣ предѣловъ русскаго государства [1]). Такъ, иностранецъ, учинившій внѣ предѣловъ русскаго государства тяжкое преступленіе или, просто, преступленіе, подлежитъ за это выдачѣ со стороны русскаго государства, согласно договору, заключенному съ государствомъ, требующимъ выдачи этого лица, въ качествѣ обвиняемаго, а тѣмъ болѣе осужденнаго, или согласно взаимности, установившейся съ этимъ государствомъ въ этомъ отношеніи, если только это лицо не было за это преступное дѣяніе оправдано, или освобождено отъ наказанія, или присуждено къ наказанію въ русскомъ государствѣ, по приговору надлежащаго русскаго уголовнаго суда въ установленномъ порядкѣ.

Въ 10-й же статьѣ уголовнаго уложенія упоминается о существованіи такихъ преступныхъ дѣяній противъ государства, по которымъ выдача учинителя не допускается (выше прим. 1 на с. 294.). Но каковы эти преступныя дѣянія, это не опредѣляется.

Недостаточность опредѣленія условій выдачи преступниковъ со стороны уголовнаго уложенія (ст. 13.) вызвала необходимость въ дальнѣйшихъ законодательныхъ постановленіяхъ.

Въ виду этой необходимости, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (выше с. 130.) предписано внести въ уставъ уголовнаго судопроизводства постановленіе о выдачѣ преступниковъ, дополненное нѣкоторыми дальнѣйшими законодательными опредѣленіями, не содержащимися въ 13-й статьѣ уголовнаго уложенія [2]).

---

1) Уголовное уложеніе. ст. 13. „Иностранецъ, учинившій тяжкое преступленіе или преступленіе внѣ предѣловъ Россіи, если не былъ за то преступное дѣяніе въ Россіи осужденъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ, подлежитъ выдачѣ согласно договору, заключенному съ государствомъ, требующимъ выдачи обвиняемаго, или установившейся въ этомъ отношеніи съ симъ государствомъ взаимности".

2) Собр. уз. 1903 г. Отд. I. № 38. ст. 416. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. по проекту уголовнаго уложенія.

„I. Въ дополненіе устава уголовнаго судопроизводства постановить:

1) Иностранецъ, учинившій внѣ предѣловъ Россіи тяжкое преступленіе или преступленіе, хотя бы вызванное политическими побужденіями или совершенное совмѣстно съ преступнымъ дѣяніемъ, именуемымъ въ международныхъ договорахъ политическимъ, или по поводу такого дѣянія, равно какъ посягавшій на жизнь, здоровье или свободу главы иностраннаго государства или членовъ его семьи, подлежитъ выдачѣ согласно договору, заключенному съ государствомъ, требующимъ выдачи обвиняемаго, или установившейся въ этомъ отношеніи съ симъ государ-

Это постановленіе должно вступить въ дѣйствіе одновременно съ уголовнымъ уложеніемъ.

Сущность же дополнительныхъ опредѣленій нашего законодателя состоитъ въ томъ, что онъ ясно и точно высказываетъ въ общемъ видѣ свое одобреніе выдачѣ преступниковъ въ нѣкоторыхъ изъ случаевъ, вызывающихъ разногласія, колебанія и сомнѣнія.

Онъ указываетъ, что преступникъ, при наличности прочихъ надлежащихъ условій, уже отмѣченныхъ уголовнымъ уложеніемъ (ст. 13.), подлежитъ между прочимъ выдачѣ и въ слѣдующихъ четырехъ случаяхъ.

Первый изъ этихъ случаевъ имѣетъ мѣсто тогда, когда учиненное тяжкое преступленіе составляетъ посягательство „на жизнь, здоровье или свободу“ главы государства, требующаго выдачи, или членовъ семьи этого лица.

Второй случай выступаетъ тогда, когда учиненное тяжкое преступленіе или, просто, преступленіе было вызвано „политическими побужденіями“, т. е. было учинено съ цѣлью благопріятствованія политическому преступленію или даже съ непреступной политической цѣлью, какъ напр., воровство денегъ изъ банка съ цѣлью пріобрѣтенія средствъ для насильственной перемѣны государственнаго устройства или съ цѣлью пріобрѣтенія средствъ для улучшенія быта политическихъ преступниковъ въ ссылкѣ.

Третій случай является тогда, когда учиненное тяжкое преступленіе или, просто, преступленіе было учинено „по поводу“ дѣянія, называемаго въ международныхъ договорахъ политическимъ преступленіемъ или проступкомъ, какъ напр., убіеніе жандарма въ отмѣстку за поимку лица, руководившаго учиненіемъ бунта.

Наконецъ, четвертый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда учиненное тяжкое преступленіе или, просто, преступленіе было учинено „совмѣстно съ преступнымъ дѣяніемъ, именуемымъ въ международныхъ договорахъ политическимъ“, какъ напр., убійство соперника, бунтовщика соперникомъ, бунтовщикомъ изъ ревности къ любимой женщинѣ во время драки бунтовщиковъ съ полиціей, при учиненіи бунта.

Намѣтивъ общій ходъ развитія учрежденія выдачи преступниковъ въ самыхъ краткихъ чертахъ и отмѣтивъ постановленія нашего уголовнаго и уголовно-судебнаго законодательства, какъ дѣйствующаго, такъ и предназначеннаго къ вступленію въ дѣйствіе, укажемъ вкратцѣ,

---

ствомъ взаимности, если обвиняемый не былъ въ Россіи за учиненное имъ дѣяніе осужденъ, оправданъ или освобожденъ отъ наказанія въ установленномъ порядкѣ.

III. Мѣры, указанныя въ отдѣлахъ I и II настоящаго узаконенія, ввести въ дѣйствіе одновременно съ уголовнымъ уложеніемъ.“

каково должно быть основаніе этого учрежденія въ культурномъ государствѣ.

Съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и увеличеніе всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія должно быть, какъ извѣстно (выше с. 29—31.), единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности, какъ внутренней — законодательной, правительственной и судебной, такъ и внѣшней, международной. Въ виду этого, становится ясно, что этотъ принципъ долженъ быть высшимъ основаніемъ и высшимъ руководящимъ началомъ и для учрежденія выдачи преступниковъ въ государствѣ культурнаго народа. Такимъ образомъ, основаніемъ института выдачи преступниковъ въ культурномъ государствѣ должна служить необходимость или полезность выдачи преступниковъ культурнымъ государствомъ другому государству для поддержанія господства правового порядка въ народной жизни противъ уголовныхъ правонарушеній, въ интересахъ содѣйствія всестороннему возможно большему благосостоянію своего культурнаго народа.

Вопросъ объ основаніи учрежденія выдачи преступниковъ въ культурномъ государствѣ принадлежитъ къ числу спорныхъ.

Ученые высказываютъ въ этомъ отношеніи разные взгляды, но никто не приводитъ этого учрежденія въ постоянную прочную связь съ интересами всесторонняго возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ и не ставитъ этого народнаго благосостоянія высшимъ руководящимъ принципомъ этого учрежденія въ культурномъ государствѣ.

Такъ, по одному распространенному мнѣнію, поддерживаемому, напр., Шварце и фонъ Баромъ [1]), основаніемъ учрежденія выдачи преступниковъ служитъ общественная потребность культурнаго государства содѣйствовать другимъ культурнымъ государствамъ въ поддержаніи правового порядка противъ преступныхъ дѣяній, вызываемая солидарностью культурныхъ государствъ во многихъ интересахъ.

По другому же, также распространенному мнѣнію, проводимому напр., Ламмашемъ, Ривье, Н. С. Таганцевымъ [2]), основаніемъ института

1) Schwarze — Der Wirkungskreis des Strafgesetzes betreffs der Zeit, des Raumes und der Personen. Handbuch des deutschen Strafrechts. Herausgegeben von Dr. Fr. v. Holtzendorff. II-er Band. IV. S. 63—64. — L. v. Bar — Lehrbuch des internationalen Privat- und Strafrechts. S. 289—293.

2) Lammasch — Auslieferungspflicht und Asylrecht. S. 31—42. — Rivier

выдачи преступниковъ служитъ обязанностъ культурнаго государства, какъ необходимаго участника въ международной культурной жизни, принимать надлежащія мѣры къ охраненію правового порядка въ мірѣ противъ преступныхъ дѣяній, посягающихъ на общечеловѣческіе интересы, достойные защиты со стороны каждаго культурнаго государства.

Познакомившись вкратцѣ съ основаніемъ учрежденія выдачи преступниковъ въ культурномъ государствѣ, укажемъ вкратцѣ строй этого учрежденія.

Съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, учрежденіе выдачи преступниковъ въ культурномъ государствѣ должно представлять собой стройную систему.

Во главѣ этой системы должно быть поставлено общее правило о выдачѣ преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею, а изъ этого общаго правила долженъ быть сдѣланъ цѣлый рядъ необходимыхъ исключеній.

Опредѣляя, съ точки зрѣнія всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, каково должно быть общее правило о выдачѣ преступниковъ въ культурномъ государствѣ, можно выразить это правило слѣдующимъ образомъ: обвиняемый въ учиненіи преступнаго дѣянія за границею, а тѣмъ болѣе уже осужденный за такое дѣяніе приговоромъ иностраннаго уголовнаго суда, вошедшимъ въ законную силу, въ однихъ случаяхъ можетъ, а въ другихъ — долженъ подлежать выдачѣ со стороны культурнаго государства, имѣющаго это лицо въ своихъ рукахъ, тому государству, которое имѣетъ право суда и наказанія надъ этимъ лицомъ и домогается выдачи, если только это лицо, въ видѣ исключенія, не подлежитъ освобожденію отъ выдачи.

Право суда и наказанія надъ лицомъ, требуемымъ къ выдачѣ, можетъ принадлежать требующему государству на разныхъ основаніяхъ: 1) по мѣсту учиненія преступнаго дѣянія, на основаніи территоріальнаго принципа, 2) по подданству учинителя, на основаніи національнаго принципа, и 3) по заинтересованности государства въ обузданіи преступника за учиненіе преступнаго дѣянія, на основаніи реальнаго принципа, при полномъ отсутствіи всякой поддержки со стороны территоріальнаго и національнаго принципа.

Въ случаѣ одновременнаго предъявленія требованій о выдачѣ одного и того же лица за одно и тоже преступное дѣяніе со стороны нѣсколькихъ культурныхъ государствъ, требованію о выдачѣ,

— Principes du droit des gens. 1896. Tome I-er. p. 348. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 338—339 въ связи съ с. 320—326.

основанному на территоріальномъ принципѣ, необходимо отдать предпочтеніе въ удовлетвореніи передъ требованіями, основанными на принципахъ, національномъ и реальномъ; требованію же, опирающемуся на національный принципъ, слѣдуетъ отдать преимущество передъ требованіемъ, покоящемся на реальномъ принципѣ.

Выдача преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею должна составлять общее правило для культурнаго государства потому, что эта выдача въ большинствѣ случаевъ необходима или, по крайней мѣрѣ, полезна въ интересахъ содѣйствія всестороннему возможно большему благосостоянію культурнаго народа въ культурномъ государствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, уголовныя правонарушенія приносятъ очень много вреда благосостоянію каждаго культурнаго народа.

Глубоко дорожа благосостояніемъ своего народа, культурное государство не можетъ предать это благосостояніе въ жертву уголовнымъ правонарушеніямъ, но необходимо должно выступить руководителемъ и въ то же время дѣятельнымъ борцомъ за господство правового порядка противъ такихъ уголовныхъ правонарушеній, которыя посягаютъ на блага этого государства, или его главы, или подданныхъ, или даже на блага иностраннаго государства, или его главы, или подданныхъ, или иностранцевъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ защита благъ, принадлежащихъ этимъ чужимъ государствамъ и лицамъ, необходима или весьма полезна для интересовъ обезпеченія благосостоянія своего культурнаго народа.

Руководясь интересами всесторонняго возможно большаго благосостоянія своего народа, культурное государство должно установить уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова, во всей полнотѣ, со всѣми четырьми составными частями или вѣтвями, извѣстными подъ именами уголовнаго или уголовно-опредѣлительнаго права, уголовно-охранительнаго права, уголовно-судебнаго права и уголовно-исполнительнаго права (выше с. 33—38.), и вмѣстѣ съ тѣмъ должно принять дѣятельное участіе, при посредствѣ своихъ государственныхъ органовъ, въ устраненіи будущихъ и пресѣченіи происходящихъ уголовныхъ правонарушеній, требующихъ отпора для содѣйствія возможно большему благосостоянію этого народа, въ отправленіи уголовнаго правосудія по учиненнымъ уголовнымъ правонарушеніямъ, требующимъ этого отпора, и въ приведеніи правомѣрныхъ присужденныхъ наказаній и другихъ принудительныхъ мѣръ въ исполненіе по этимъ уголовнымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, сокращеніе возможности появленія уголовныхъ правонарушеній, требующихъ отпора со стороны культурнаго государ-

ства въ интересахъ содѣйствія всестороннему возможно большему благосостоянію культурнаго народа этой державы, сокращеніе путемъ цѣлесообразныхъ мѣръ, сообразныхъ съ интересами этого благосостоянія, должно составлять одну изъ необходимыхъ и чрезвычайно важныхъ задачъ культурнаго государства.

Но осуществленіе уголовнаго правонарушенія въ дѣйствительности всегда обусловливается учиненіемъ внѣшняго поступка со стороны человѣка, а учиненіе этого внѣшняго поступка, въ свою очередь, всегда обусловливается присутствіемъ особаго психическаго состоянія въ этомъ человѣкѣ, особенно недоброкачественнаго и особенно предосудительнаго, извѣстнаго подъ именемъ личнаго состоянія преступности. Въ виду этого, для сокращенія возможности появленія уголовныхъ правонарушеній въ будущемъ, культурному государству необходимо принять мѣры къ удержанію людей отъ учиненія уголовныхъ правонарушеній въ будущемъ и при томъ такія, которыя составляютъ цѣлесообразное средство борьбы противъ личнаго состоянія преступности и дѣйствительно соотвѣтствуютъ интересамъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Въ ряду этихъ мѣръ прежде всего выступаютъ предохранительныя мѣры, т. е. такія, которыя заранѣе способствуютъ развитію побужденій, содерживающихъ отъ уголовныхъ правонарушеній, въ отдѣльныхъ людяхъ и тѣмъ заранѣе препятствуютъ развитію предосудительнаго психическаго состоянія, подстрекающаго къ преступленію. Эти предохранительныя мѣры состоятъ въ поддержаніи и развитіи религіозности, нравственности, уваженія къ праву, человѣколюбія, уваженія къ личности въ народонаселеніи культурнаго государства, въ распространеніи правильнаго воспитанія молодежи, въ распространеніи образованія, въ улучшеніи экономическихъ, общественныхъ и правовыхъ условій жизни культурнаго народа и т. д.

Такія предохранительныя мѣры могутъ сдѣлать много, но далеко не все. Всегда находятся люди, которые, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, не подвергаются или мало подвергаются вліянію этихъ предохранительныхъ мѣръ, слѣдуютъ своимъ дурнымъ наклонностямъ и пріобрѣтаютъ въ концѣ концовъ особенно недоброкачественное предосудительное психическое состояніе, подстрекающее къ преступному дѣянію, извѣстное подъ именемъ личнаго состоянія преступности.

Для удержанія такихъ людей отъ предпринимаемыхъ ими уголовныхъ правонарушеній или, по крайней мѣрѣ, отъ новыхъ преступныхъ дѣяній послѣ учиненія прежнихъ, необходимы уже особыя мѣры, отличающіяся соотвѣтствіемъ съ интересами всесторонняго возможно

большаго народнаго благосостоянія, доступностью къ употребленію, принудительностью, цѣлесообразностью и сравнительной быстротой дѣйствія. Эти особыя мѣры и составляютъ не что иное, какъ наказаніе въ его различныхъ формахъ за учиненіе уголовныхъ правонарушеній.

Такимъ образомъ, для удержанія людей отъ учиненія уголовныхъ правонарушеній въ будущемъ культурному государству необходимо наказаніе уголовныхъ правонарушителей за учиненныя ими преступныя дѣянія.

Борьба за господство правового порядка противъ уголовныхъ правонарушеній и преступниковъ посредствомъ наказанія преступниковъ требуетъ затраты имущества и человѣческаго труда.

Постоянное руководство и дѣятельное участіе въ веденіи правильной успѣшной борьбы за господство правового порядка противъ уголовныхъ правонарушеній, сколько-нибудь затрогивающихъ интересы культурнаго народа, требуетъ отъ культурнаго государства очень большой затраты народныхъ средствъ въ видѣ имущества и человѣческаго труда. А между тѣмъ общественная потребность культурнаго народа въ постоянной борьбѣ его государства за господство правового порядка противъ уголовныхъ правонарушеній и правонарушителей является далеко не единственной, но лишь одной изъ многихъ, въ свою очередь, требующихъ въ совокупности очень большой затраты народныхъ средствъ на свое удовлетвореніе.

Какъ ни громадны средства культурнаго народа, тѣмъ не менѣе ихъ не настолько много, чтобы культурное государство, находясь въ необходимости производства очень большихъ затратъ на удовлетвореніе другихъ народныхъ потребностей, могло взять на себя, безъ вреда для благосостоянія своего народа, всѣ расходы на постоянное правильное веденіе этой борьбы противъ всѣхъ уголовныхъ правонарушеній, сколько-нибудь затрогивающихъ интересы его народа.

Такой возможности не предвидится ни для одного культурнаго государства и въ далекомъ будущемъ (выше с. 299—302.).

При такихъ обстоятельствахъ, становится ясно, что культурное государство, руководясь интересами всесторонняго возможно большаго благосостоянія своего культурнаго народа, можетъ взять на себя защиту правового порядка путемъ собственнаго наказанія преступниковъ не относительно всѣхъ уголовныхъ правонарушеній, сколько-нибудь затрогивающихъ интересы этого народа, но только относительно преступныхъ дѣяній, затрогивающихъ эти интересы въ болѣе или менѣе сильной степени. Таковы — прежде всего уголовныя правонарушенія, учиняемыя подданными этого государства или иностранцами на его

территоріи. Уголовныя правонарушенія, учиняемыя на территоріи культурнаго государства, такъ близко и сильно затрогиваютъ интересы культурнаго народа этой державы, частью по внутренней тяжести важныхъ преступныхъ дѣяній, частью по многочисленности и частотѣ повторенія мелкихъ преступныхъ дѣяній, что должны влечь за собой судъ и наказаніе учинителей со стороны этого государства.

Что же касается до уголовныхъ правонарушеній, затрогивающихъ интересы культурнаго народа въ значительной, но не сильной степени, то культурному государству, за недостаточностью народныхъ средствъ, нельзя взять на себя наказанія учинителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасно обезпечить и безнаказанность этимъ лицамъ. Относительно этихъ уголовныхъ правонарушеній культурному государству въ однихъ случаяхъ необходимо, а въ другихъ весьма полезно установить выдачу учинителей и такимъ путемъ содѣйствовать другимъ заинтересованнымъ государствамъ въ ихъ борьбѣ за господство правового порядка противъ этихъ преступныхъ дѣяній. Здѣсь выдача преступника окажется правовымъ средствомъ борьбы за господство правового порядка, способствующимъ благосостоянію, по меньшей мѣрѣ, двухъ народовъ, а именно — народа державы, выдающей преступника, и народа державы, получающей преступника на судъ или исполненіе наказанія.

Кромѣ того, и относительно уголовныхъ правонарушеній, затрогивающихъ интересы культурнаго народа въ болѣе или менѣе сильной степени, могутъ быть такія категоріи случаевъ, гдѣ государству этого народа, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, необходимо или, по крайней мѣрѣ, весьма полезно, въ интересахъ возможно большаго благосостоянія своего народа, не браться за отправленіе уголовнаго правосудія и исполненіе наказанія, но выдавать учинителей на судъ и наказаніе другимъ государствамъ, имѣющимъ право суда и наказанія надъ этими лицами.

Такъ, если человѣкъ учинилъ общее преступленіе, напр., убійство изъ ревности, разбой, изнасилованіе, въ одномъ культурномъ государствѣ и скрылся въ другое, а никакихъ обстоятельствъ, устраняющихъ, въ видѣ исключенія, привлеченіе къ уголовной отвѣтственности не имѣется; то государству, на территоріи котораго онъ находится, нельзя оставлять его въ неприкосновенности, но, въ интересахъ благосостоянія своего собственнаго народа, необходимо принять мѣры къ предупрежденію новыхъ преступныхъ дѣяній со стороны этого лица. А такими мѣрами являются или судъ и наказаніе со стороны культурнаго государства, служащаго мѣстопребываніемъ этого лица, или выдача этого лица этимъ государствомъ на судъ и наказаніе другому

культурному государству по мѣсту учиненія преступленія. Въ этомъ случаѣ, съ точки зрѣнія всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія обоихъ культурныхъ государствъ, выдача преступника на судъ и наказаніе по мѣсту учиненія преступленія имѣетъ вообще, при отсутствіи исключительныхъ обстоятельствъ, несомнѣнное преимущество предъ судомъ и наказаніемъ преступника по мѣсту пребыванія этого лица. Дѣло въ томъ, что, при выдачѣ преступника въ этой категоріи случаевъ, отправленіе уголовнаго правосудія по учиненному преступному дѣянію на мѣстѣ преступленія выигрываетъ въ основательности, быстротѣ и успѣшности. Затрата народныхъ средствъ на поддержаніе правового порядка въ выдающемъ государствѣ уменьшается, въ государствѣ же получающемъ выданнаго преступника увеличивается, но за то этотъ приростъ въ расходѣ вполнѣ оправдывается своей производительностью, при строгомъ соблюденіи принципа бережливости въ расходованіи народныхъ средствъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей (выше с. 287—289.).

Что касается уголовныхъ правонарушеній, затрогивающихъ интересы культурнаго народа только въ незначительной степени, то культурному государству приходится отказаться какъ отъ привлеченія учинителей къ своему суду и наказанію, такъ и отъ выдачи. Этого требуютъ интересы возможно большаго народнаго благосостоянія, какъ въ виду незначительности вреда отъ этихъ уголовныхъ правонарушеній, такъ и въ виду необходимости соблюденія бережливости въ расходованіи народныхъ средствъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей.

Указавъ, что, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благостоянія, выдача преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею должна составлять общее правило для культурнаго государства, обратимся къ положительному праву культурныхъ государствъ нашего времени и отмѣтимъ вкратцѣ, какъ смотритъ это право на выдачу преступниковъ.

Всѣ культурныя государства нашего времени признаютъ выдачу преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею общимъ правиломъ. За то ни одно изъ этихъ государствъ не предоставляетъ этому правилу той широты, которая необходима, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія. Напротивъ, каждое культурное государство нашего времени болѣе или менѣе стѣсняетъ это правило излишними ограниченіями. Величина стѣсненій является обыкновенно различной въ различныхъ государствахъ и нерѣдко бываетъ различной даже въ различныхъ дого-

ворахъ одного и того же государства о выдачѣ преступниковъ съ различными государствами. При такомъ положеніи вещей, нельзя не сказать, что учрежденіе выдачи преступниковъ въ культурныхъ государствахъ нашего времени не пріобрѣло еще той широты развитія, которая необходима, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго благосостоянія каждаго изъ культурныхъ народовъ нашего времени.

Въ Россійской Имперіи существуетъ только одинъ дѣйствующій источникъ права, который ясно признаетъ, хотя и въ ограниченномъ видѣ, что выдача преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею составляетъ общее правило. Это — международный договоръ.

Всѣ договоры Россіи съ иностранными государствами о взаимной выдачѣ преступниковъ (выше с. 351 съ прим. 4.) проводятъ это общее правило, но проводятъ только въ ограниченномъ видѣ, косвенно тѣмъ, что каждый изъ нихъ установляетъ правило о взаимной выдачѣ преступниковъ, иностранцевъ за учиненіе такихъ преступныхъ дѣяній за границею, которыя, согласно постановленію даннаго договора, могутъ или должны сопровождаться выдачей. Кромѣ того, договоры Россіи съ Великобританіей 1886 г. [1]), съ Испаніей 1888 г. [2]) и съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки 1893 г. [3]) о взаимной выдачѣ преступниковъ исключаютъ обязанность, но допускаютъ возможность выдачи и собственныхъ подданныхъ договорившагося государства за учиненіе преступныхъ дѣяній, перечисленныхъ въ данномъ договорѣ, на территоріи другого договорившагося государства, если бы оно обратилось съ предложеніемъ о выдачѣ. Впрочемъ, Россія

---

1) П. С. З. (с. з.). Т. VI. № 4077. „Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Великобританіею 12/24 ноября 1886 года“, „Высочайше ратификованная“ 9 декабря 1886 г. ст. 3: „Оба Правительства имѣютъ полное право обоюдно отказывать другъ другу въ выдачѣ своихъ подданныхъ“.

2) П. С. З. (с. з.) Т. VIII. № 5180. „Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Испаніею 12/24 апрѣля 1888 года“, „Высочайше ратификованная“ 3 мая 1888 г. ст. 3: „Оба Правительства сохраняютъ за собою полную свободу допускать или отказывать другъ другу въ выдачѣ своихъ собственныхъ подданныхъ“.

3) П. С. З. (с. з.). Т. XIII. № 9483. „Высочайше ратификованные“ [4 апрѣля 1893 г.]: „I. Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Соединенными Штатами Сѣверной Америки,“ [16/28 марта 1887 г.] „и II. Дополнительный къ этой Конвенціи Протоколъ“ [19 февраля (3 марта) 1893 г.]. — I. Конвенція. Ст. 4: „Договоривающіяся Стороны не обязаны въ силу постановленій настоящей Конвенціи выдавать другъ другу своихъ собственныхъ подданныхъ или гражданъ“.

и по заключеніи этихъ договоровъ не выдавала своихъ подданныхъ, преступниковъ.

Число преступныхъ дѣяній, влекущихъ выдачу преступниковъ, по договору Россіи съ однимъ иностраннымъ государствомъ, большею частью — не одинаково съ числомъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ выдачу, по договору Россіи съ другимъ иностраннымъ государствомъ.

Наименьшее число преступныхъ дѣяній, влекущихъ выдачу преступниковъ, признано дѣйствующимъ договоромъ Россіи съ Даніей 1866 г. о выдачѣ преступниковъ. По этому договору, выдача преступниковъ производится только за преступныя дѣянія, подходящія подъ одну изъ девяти категорій, перечисленныхъ въ 3-й статьи этого договора, начиная съ „убійства и умерщвленія“ и кончая „злостнымъ банкротствомъ“ [1]).

Наибольшее число преступныхъ дѣяній, могущихъ сопровождаться выдачей преступниковъ, предусмотрѣно соглашеніемъ Россіи съ Пруссіей 1885 г. и соглашеніемъ Россіи съ Баваріей 1885 г. о выдачѣ преступниковъ. По этимъ соглашеніямъ, выдача преступниковъ обязательно производится за нѣкоторыя преступленія и проступки, перечисленные въ этихъ соглашеніяхъ, но кромѣ того можетъ производиться и за прочія преступленія и проступки [2]).

---

1) П. С. З. (с. 2.). Т. XLI. 2. № 43737. Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ между Россіею и Даніею. ст. 3.

2) П. С. З. (с. 3.). Т. V. № 2644. Нота Россійскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Статсъ-Секретаря Гирса, обмѣненная 1/13 января 1885 года на таковую же ноту Германскаго Посла при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ по вопросу о взаимной выдачѣ преступниковъ.

„Нижеподписавшійся Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, надлежаще уполномоченный, Именемъ Императорскаго Россійскаго Правительства, изъявляетъ согласіе на нижеслѣдующія предложенія, бывшія предметомъ предварительнаго соглашенія между Россійскимъ и Прусскимъ Правительствами и долженствующія служить основаніемъ къ выдачѣ преступниковъ.

I. Императорское Россійское Правительство обязуется выдавать Королевско-Прусскому Правительству, по его требованію, прусскихъ подданныхъ, обвиняемыхъ или привлеченныхъ къ отвѣтственности за одно изъ нижеисчисленныхъ преступленій или проступковъ, или же осужденныхъ за одно изъ сихъ преступленій или проступковъ, и укрывшихся бѣгствомъ отъ угрожающаго имъ наказанія:

1) За нижеозначенные преступленія или проступки или приготовленія въ видахъ приведенія ихъ въ исполненіе, если эти преступленія или проступки были совершены противъ Особы Его Величества Императора Германскаго, Короля Прусскаго или Членовъ Его Семейства: а) убійство; б) насильственныя дѣйствія; в) тѣлесныя поврежденія; г) умышленное лишеніе личной свободы; д) оскорбленіе.

2) Убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или покушеніе на это преступленіе.

См 453 стр

Наши законы, ожидающіе своего вступленія въ дѣйствіе (выше с. 130; 134; 353 съ прим. 1; 353 съ прим. 2.), а именно — уго-

---

3) Приготовленіе или храненіе динамита или иныхъ взрывчатыхъ веществъ, въ томъ случаѣ, когда приготовленіе или храненіе подобныхъ веществъ наказуется по дѣйствующимъ въ Пруссіи законамъ.

II. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ коихъ Королевско-Прусскимъ Правительствомъ будетъ требоваться выдача за одно изъ преступленій или проступковъ, не упомянутыхъ въ статьѣ I, это требованіе будетъ приниматься Императорскимъ Россійскимъ Правительствомъ въ уваженіе и, если не представится препятствій, будетъ удовлетворяемо, во вниманіе отношеній дружбы и добраго сосѣдства, соединяющихъ оба Государства.

III. Если преступленіе или проступокъ, по поводу коихъ требуется выдача, были совершены съ политическою цѣлью, то это обстоятельство ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ къ отказу въ выдачѣ.

IV. Настоящее соглашеніе вступаетъ въ силу со дня обмѣна нотъ по этому предмету между Императорскимъ Россійскимъ и Королевско-Прусскимъ Правительствами".

Соглашеніе между Россіей и Пруссіей, вступившее въ силу 1 (13) января 1885 г., послужило образцомъ для соглашенія между Россіей и Баваріей, вступившаго въ дѣйствіе 19 сентября (1 октября) 1885 года. П. С. З. (с. з.). Т. V. № 3158. Высочайшее повелѣніе 9 августа 1885 г., объявленное Управлявшимъ Министерствомъ Юстиціи объ обмѣнѣ между Россіею и Баваріею министерскихъ нотъ относительно взаимной выдачи преступниковъ.

Нота Баварскаго Посланника при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ, обмѣненная 19 сентября (1 октября) 1885 года на таковую же ноту Россійскаго Управлявшаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ относительно взаимной выдачи преступниковъ.

„Статья 1. Королевско-Баварское Правительство обязуется выдавать Императорскому Россійскому Правительству, по его требованію, россійскихъ подданныхъ, осужденныхъ или преслѣдуемыхъ россійскими судами за одно изъ нижеисчисленныхъ дѣяній, подлежащихъ по россійскимъ законамъ наказанію, и укрывшихся бѣгствомъ отъ угрожающаго имъ наказанія:

1) за нижеозначенные преступленія или проступки или приготовленія въ видахъ приведенія ихъ въ исполненіе, если эти преступленія или проступки были совершены противъ Особы Его Величества Императора Россійскаго или Членовъ Его Семейства: а) убійство, б) насильственныя дѣйствія, в) тѣлесныя поврежденія, г) умышленное лишеніе личной свободы, д) оскорбленіе;

2) убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или покушеніе на это преступленіе;

3) приготовленіе или противозаконное храненіе динамита или иныхъ взрывчатыхъ веществъ.

Статья 2. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ коихъ Императорскимъ Россійскимъ Правительствомъ будетъ требоваться выдача за одно изъ преступленій или проступковъ, не упомянутыхъ въ статьѣ 1-й, это требованіе будетъ приниматься Королевско-Баварскимъ Правительствомъ въ уваженіе и, если не представится пре-

ловное уложеніе 22 марта 1903 г. (ст. 13.) и дополненіе къ уставу уголовнаго судопроизводства, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1), въ свою очередь, проводятъ общее правило о выдачѣ преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею, но проводятъ только въ ограниченномъ видѣ, косвенно тѣмъ, что установляютъ правило о выдачѣ преступниковъ, иностранцевъ за учиненіе какъ тяжкихъ преступленій, такъ и преступленій за предѣлами русскаго государства.

Познакомившись съ общимъ правиломъ о выдачѣ преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею, укажемъ вкратцѣ тѣ исключенія, которыя должны быть сдѣланы изъ этого общаго правила, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ.

Такихъ исключеній должно быть сдѣлано, по меньшей мѣрѣ, семнадцать. Ихъ можно выразить слѣдующимъ образомъ.

1. Подданный культурнаго государства или иностранецъ, учинившій преступное дѣяніе на военномъ кораблѣ этого государства, не подлежитъ выдачѣ со стороны этого государства за учиненіе этого преступнаго дѣянія, но подлежитъ уголовной отвѣтственности, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, по дѣйствующему уголовному праву этого государства (выше с. 320—321; 343—344.).

2. Подданный культурнаго государства или иностранцевъ, учинившій преступное дѣяніе на купеческомъ кораблѣ этого государства во время пребыванія этого корабля въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или принадлежащихъ некультурному государству, не подлежитъ выдачѣ со стороны этого культурнаго государства за учиненіе этого преступнаго дѣянія, но подлежитъ уголовной отвѣтственности, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, по дѣйствующему уголовному праву этого культурнаго государства (выше с. 321—328; 344—345.).

3. Подданный культурнаго государства или иностранецъ, служащій въ какой-нибудь части войска этого государства, находящейся, съ согласія иностраннаго государства, на территоріи этого иностраннаго государства, не подлежитъ выдачѣ за учиненіе преступнаго дѣянія во

пятствій, будетъ удовлетворяемо, во вниманіе дружественныхъ отношеній, соединяющихъ оба Государства.

Статья 3. Если преступленіе или проступокъ, по поводу коихъ требуется выдача, были совершены съ политическою цѣлью, то это обстоятельство ни въ какомъ случаѣ не можетъ служитъ основаніемъ къ отказу въ выдачѣ.“

время этой службы на этой территоріи со стороны того культурнаго государства, у котораго состоитъ на военной службѣ, но подлежитъ уголовной отвѣтственности за это дѣяніе, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, по дѣйствующему уголовному праву этого культурнаго государства (выше с. 320; 343.).

4. Подданный культурнаго государства или иностранецъ, учинившій преступное посягательство на блага этого государства, или его главы, или подданныхъ въ области, не принадлежащей никакому государству, не подлежитъ выдачѣ со стороны этого культурнаго государства за это преступное дѣяніе, но, въ случаѣ пребыванія въ распоряженіи этого государства, подлежитъ уголовной отвѣтственности, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, по дѣйствующему уголовному праву этого государства (выше с. 311—314; 330—338.).

5. Подданный культурнаго государства, учинившій преступное посягательство на блага иностраннаго государства, или его главы, или подданныхъ, или иностранцевъ въ области, не принадлежащей никакому государству, не подлежитъ выдачѣ со стороны своего отечества за это преступное дѣяніе, но, въ случаѣ пребыванія въ распоряженіи своего отечества, подлежитъ уголовной отвѣтственности, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, по дѣйствующему уголовному праву своего отечества (выше с. 314—316.).

6. Если подданный культурнаго государства учинилъ преступное дѣяніе на территоріи некультурнаго государства или на купеческомъ кораблѣ некультурнаго государства во время пребыванія этого корабля въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или принадлежащихъ некультурному государству, а потомъ оказался въ распоряженіи своего отечества; то онъ не подлежитъ выдачѣ со стороны своего отечества за это преступное дѣяніе, но, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, подлежитъ уголовной отвѣтственности, по дѣйствующему уголовному праву своего отечества (выше с. 306—311; 328—329.).

Совершенно иначе слѣдуетъ рѣшить въ общемъ видѣ вопросъ о выдачѣ собственныхъ подданныхъ культурнымъ государствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица учинили преступныя дѣянія на территоріи другого культурнаго государства, или на его военныхъ корабляхъ, или на его купеческихъ корабляхъ во время пребыванія этихъ судовъ въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или принадлежащихъ некультурному государству, или на территоріи некультурнаго государства, состоящей подъ протекторатомъ или въ арендѣ у этого культурнаго государства. Съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, культурное государство,

въ видѣ общаго правила, должно выдавать своихъ подданныхъ на судъ и наказаніе иностранному культурному государству, когда они учинили преступныя дѣянія на территоріи этого иностраннаго государства, или на его военныхъ корабляхъ, или на его купеческихъ корабляхъ, находящихся въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или принадлежащихъ некультурному государству, или на территоріи некультурнаго государства, состоящей подъ протекторатомъ или въ арендѣ у этого культурнаго государства, а потомъ скрылись отъ уголовной отвѣтственности и оказались въ распоряженіи своего отечества.

Въ самомъ дѣлѣ, если подданный культурнаго государства, учинивъ преступное дѣяніе на территоріи или въ мѣстѣ дѣйствія уголовныхъ судовъ другого культурнаго государства, скрылся отъ уголовнаго суда и уголовной отвѣтственности въ свое отечество; то для поддержки правового порядка, въ интересахъ народнаго благосостоянія обоихъ государствъ, онъ долженъ быть подвергнутъ уголовному суду и, въ случаѣ осужденія, уголовному наказанію.

Культурное государство, подвергая иностранныхъ подданныхъ уголовному суду и уголовной отвѣтственности за учиненіе уголовныхъ правонарушеній на его территоріи или въ мѣстахъ дѣйствія его уголовныхъ судовъ, прежде всего поддерживаетъ этимъ правовой порядокъ въ своихъ мѣстахъ и содѣйствуетъ благосостоянію своего культурнаго народа.

Но этого мало. Между уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ одномъ культурномъ государствѣ, и уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дѣйствующимъ въ другомъ культурномъ государствѣ, хотя всегда есть различія, то незначительныя, то сильныя, за то всегда есть и очень много общаго т. е. тождественнаго и однороднаго и при томъ во всѣхъ четырехъ составныхъ частяхъ или вѣтвяхъ этого права, по принадлежности: и въ уголовномъ или, точнѣе, въ уголовно-опредѣлительномъ правѣ, и въ уголовно-охранительномъ правѣ, и въ уголовно-судебномъ правѣ, и въ уголовно-исполнительномъ правѣ (выше с. 33—38.). Благодаря этому, отправленіе уголовнаго правосудія и осуществленіе уголовной отвѣтственности въ одномъ культурномъ государствѣ вообще, за изъятіемъ области важныхъ исключеній, болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ по своимъ достоинствамъ и недостаткамъ отправленію уголовнаго правосудія и осуществленію уголовной отвѣтственности въ другомъ культурномъ государствѣ.

Въ виду этого, становится ясно, что культурное государство, выдавая своихъ подданныхъ на судъ и наказаніе другой культурной

державѣ, въ мѣстахъ дѣйствія уголовныхъ судовъ которой эти лица учинили преступныя дѣянія, не только содѣйствуетъ этимъ поддержанію господства правового порядка и благосостоянію ея народа, но и сверхъ того обыкновенно, за нѣкоторыми исключеніями, способствуетъ также поддержанію господства правового порядка и благосостоянію въ средѣ своего народа.

Однако, и этимъ не исчерпываются выгоды отъ выдачи.

Выдавая своихъ подданныхъ на судъ и наказаніе иностранной культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, культурное государство обыкновенно, за нѣкоторыми исключеніями, способствуетъ этимъ поддержанію господства правового порядка и благосостоянію своего собственнаго культурнаго народа гораздо болѣе, чѣмъ могло бы способствовать своимъ собственнымъ отправленіемъ уголовнаго правосудія надъ этими лицами за эти заграничныя преступныя дѣянія.

Такъ, обѣимъ процессуальнымъ сторонамъ: и органу обвиненія, и органу защиты гораздо легче собрать и представить свои доказательства уголовному суду, дѣйствующему въ той мѣстности, гдѣ было учинено преступное дѣяніе. Этому же уголовному суду, при прочихъ равныхъ условіяхъ его доброкачественности, гораздо легче провѣрить, оцѣнить и сравнить доказательства обвиненія съ доказательствами защиты и вывести правильное рѣшеніе вопросовъ о виновности подсудимаго. А благодаря этимъ обстоятельствамъ, основательность и успѣшность уголовнаго правосудія по этимъ уголовнымъ дѣламъ въ этомъ уголовномъ судѣ является болѣе обезпеченной. Кромѣ того, отправленіе уголовнаго правосудія по этимъ дѣламъ въ этомъ уголовномъ судѣ требуетъ гораздо меньше затратъ времени, труда и имущества на свое осуществленіе (выше с. 287—289.).

Уголовнымъ же судомъ, стоящимъ въ этихъ благопріятныхъ условіяхъ, является не судъ отечественнаго культурнаго государства, а компетентный судъ иностраннаго культурнаго государства и при томъ тотъ, въ мѣстѣ дѣйствія котораго учинено преступное дѣяніе или въ мѣсто дѣйствія котораго раньше всѣхъ пришелъ корабль, послужившій мѣстомъ учиненія этого дѣянія.

Далѣе, выдача собственныхъ подданныхъ культурнымъ государствомъ другому культурному государству за учиненіе преступныхъ дѣяній въ вышеозначенныхъ мѣстахъ избавляетъ отечество этихъ лицъ отъ траты труда, времени и денегъ на осуществленіе уголовной отвѣтственности надъ ними, въ случаѣ ихъ осужденія.

Наконецъ, выдавая своихъ подданныхъ за учиненіе преступныхъ

дѣяній въ вышеозначенныхъ мѣстахъ другой культурной державѣ, культурное отечество оказываетъ ей этимъ важную услугу и пріобрѣтаетъ основаніе къ полученію такой же взаимной услуги, а установленіе обезпеченнаго обмѣна этими услугами важно для поддержки господства права и для народнаго благосостоянія обоихъ этихъ культурныхъ государствъ.

Принципъ преданности государства своему народу нисколько не препятствуетъ разсматриваемой нами выдачѣ собственныхъ подданныхъ. Напротивъ, онъ самъ требуетъ примѣненія ея, въ видѣ общаго правила, обставленнаго лишь нѣкоторыми исключеніями, такъ какъ она въ указанныхъ случаяхъ обыкновенно обезпечиваетъ больше основательности, успѣшности, быстроты и экономичности отправленію уголовнаго правосудія надъ этими лицами за эти дѣянія и обыкновенно благопріятствуетъ законнымъ интересамъ защиты обвиняемыхъ.

Принимая во вниманіе эти обстоятельства, мы должны признать, что, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, выдача собственныхъ подданныхъ культурнымъ государствомъ на судъ и наказаніе другому культурному государству должна составлять общее правило въ тѣхъ случаяхъ, когда эти подданные учинили преступныя дѣянія на территоріи этого иностраннаго культурнаго государства, или на его военныхъ корабляхъ, или на его купеческихъ корабляхъ во время пребыванія этихъ судовъ въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или принадлежащихъ некультурному государству, или на территоріи некультурнаго государства, состоящей подъ протекторатомъ или въ арендѣ у этого культурнаго государства, а потомъ скрылись отъ правосудія и оказались въ распоряженіи своего отечества.

Придя къ этому заключенію, мы логически должны признать, что культурное государство должно, въ видѣ общаго правила, выдавать своихъ подданныхъ и на наказаніе иностранной культурной державѣ, если они учинили преступныя дѣянія въ вышеозначенныхъ мѣстахъ дѣйствія ея уголовныхъ судовъ и уже осуждены за эти преступныя дѣянія приговорами ея уголовныхъ судовъ, вошедшими въ законную силу.

Обращаясь къ литературѣ, нельзя не замѣтить, что вопросъ о выдачѣ собственныхъ подданныхъ культурнымъ государствомъ культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи вызвалъ большой обмѣнъ мыслей между учеными за послѣдніе двадцать пять лѣтъ.

Большинство ученыхъ, опираясь на различныя соображенія и допуская различныя ограниченія и исключенія, высказалось въ пользу утвердительнаго рѣшенія этого вопроса.

Институтъ Международнаго Права на съѣздѣ въ Оксфордѣ въ

1880 г. постановилъ, что „между странами, которыя обладали бы уголовными законодательствами, покоящимися на аналогичныхъ основаніяхъ, и имѣли бы взаимное довѣріе къ ихъ судебнымъ учрежденіямъ, выдача собственныхъ подданныхъ была бы средствомъ къ обезпеченію хорошаго отправленія уголовнаго правосудія, такъ какъ слѣдуетъ признать желательнымъ, чтобы судилъ дѣло, гдѣ только можно, тотъ судъ, которому оно подсудно по мѣсту учиненія преступленія“ [1]).

Такое же рѣшеніе по существу постановилъ и VI-й Международный Тюремный Конгрессъ въ Брюсселѣ въ 1900 г. Этотъ Конгрессъ призналъ, что „между странами, уголовное законодательство которыхъ покоилось бы на одинаковыхъ основаніяхъ и которыя имѣли бы довѣріе къ ихъ соотвѣтствующимъ судебнымъ учрежденіямъ, выдача собственныхъ подданныхъ была бы средствомъ къ обезпеченію хорошаго отправленія уголовнаго правосудія, такъ какъ слѣдуетъ считать пожеланіемъ науки, чтобы дѣло судилъ, гдѣ только можно, территоріальный судъ“ [2]).

Напротивъ, меньшинство ученыхъ рѣшительно отвергаетъ выдачу подданныхъ ихъ отечествомъ на судъ и наказаніе какого бы то ни было другого государства.

Въ оправданіе этого отрицательнаго рѣшенія приводятся различныя соображенія, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются не состоятельными.

Прежде всего говорится, что государство не можетъ выдавать своихъ подданныхъ на судъ и наказаніе другой державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи потому, что эта выдача нарушаетъ обязанность отечества защищать своихъ подданныхъ силою своихъ законовъ.

Эта ученіе страдаетъ тремя недостатками.

Первый недостатокъ состоитъ въ преувеличеніи.

---

1) Le Pointtevin — De l'extradition des nationaux. Journal du droit international privé etc. 1903. T. 30. p. 24—25 et note 1 p. 25.

2) Actes du Cogrès Pen. Intern. de Bruxelles. Procès-verbaux des séances. Volume I. p. 154—155. Слѣдуетъ замѣтить, что изъ четырнадцати лицъ, представившихъ свои доклады Брюссельскому Международному Тюремному Конгрессу по вопросу о выдачѣ собственныхъ подданныхъ культурнымъ государствомъ культурному государству по мѣсту учиненія преступленія, утвердительныя рѣшенія съ различными ограниченіями и исключеніями предложены тринадцатью писателями. Въ этомъ смыслѣ высказались: Беніелли, Гарбургеръ (Harburger), Гарсонъ, Гетцъ, Дюбуа, И. Ивановскій, Каноніко, Паско, Пессина, Пусторослевъ, Роленъ (Rolin), Шаландъ и Цурхеръ. Только одинъ де Родъ представилъ докладъ, поправленный противъ выдачи подданныхъ. См. доклады этихъ лицъ въ Actes du Congrès P. I. de Bruxelles. Vol. II. p. 155—418.

Нѣтъ сомнѣнія, что культурное государство обязано защищать своихъ подданныхъ, преступниковъ, но — только отъ такихъ дѣйствій, которыя оно имѣетъ основаніе считать неправомѣрными или слишкомъ стѣснительными. Защищать же своихъ подданныхъ, преступниковъ отъ правомѣрныхъ и разумныхъ дѣйствій иностраннаго государства было бы нелѣпостью, совершенно несовмѣстимой съ интересами всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Выдача подданнаго культурнымъ государствомъ на судъ и наказаніе культурной державѣ за учиненіе преступнаго дѣянія на ея территоріи обыкновенно обезпечиваетъ больше основательности и быстроты отправленію уголовнаго правосудія и обыкновенно благопріятствуетъ законнымъ интересамъ защиты обвиняемыхъ, а потому, при обыкновенныхъ условіяхъ, въ большинствѣ случаевъ логически не можетъ быть признана нарушеніемъ обязанности государства защищать своихъ подданныхъ отъ неправомѣрныхъ или слишкомъ стѣснительныхъ дѣйствій.

Нѣтъ сомнѣнія, могутъ быть такіе исключительные случаи, гдѣ культурное государство имѣетъ основаніе опасаться неправомѣрнаго и притѣснительнаго или даже правомѣрнаго, но слишкомъ стѣснительнаго образа дѣйствій со стороны уголовнаго суда культурной державы по отношенію къ иностранцамъ, преступникамъ. Однако, существованіе этихъ случаевъ не можетъ привести логически къ огульному отрицанію выдачи подданныхъ, преступниковъ, но можетъ привести лишь къ отрицанію обязанности, а не права выдачи собственныхъ подданныхъ и къ установленію необходимыхъ исключеній изъ общаго правила о выдачѣ собственныхъ подданныхъ, преступниковъ культурнымъ отечествомъ культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній за ея территоріи.

Второй недостатокъ разсматриваемаго нами ученія заключается въ томъ, что вопросъ о выдачѣ подданныхъ, преступниковъ рѣшается на основаніи предполагаемаго отношенія между государствомъ и отдѣльнымъ подданнымъ, не обращая вниманіе на отношеніе между культурнымъ государствомъ и его народомъ.

Наконецъ, третій недостатокъ этого ученія состоитъ въ томъ, что оно, рѣшая вопросъ объ учрежденіи выдачи подданныхъ, преступниковъ культурнымъ ихъ отечествомъ культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи, не признаетъ руководящаго значенія за принципомъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Въ пользу отрицанія выдачи собственныхъ подданныхъ, преступниковъ указываютъ также на невозможность для культурнаго госу-

дарства разсчитывать на полное безпристрастіе иностранныхъ судей къ подданнымъ чужого государства. Государство, говорятъ сторонники этого взгляда, не можетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ уголовному правосудію иностраннной державы, хотя бы это правосудіе, по своему устройству, представляло всѣ желательныя гарантіи въ интересахъ обвиняемаго; такъ какъ нельзя разсчитывать на полное безпристрастіе иностранныхъ судей къ чужеземцу.

Это соображеніе страдаетъ очевиднымъ преувеличеніемъ. Возведеніе огульнаго обвиненія на всѣ иностранные уголовные суды всѣхъ культурныхъ государствъ въ недостаточности безпристрастія къ чужеземцамъ не имѣетъ въ дѣйствительности никакого основанія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что могутъ быть случаи, гдѣ культурное государство, въ виду непріязненныхъ отношеній между нимъ и другой культурной державой или въ виду непріязненнаго движенія противъ его подданныхъ въ народонаселеніи ея, имѣетъ основаніе сомнѣваться въ присутствіи полнаго безпристрастія со стороны уголовныхъ судей этой державы къ преступникамъ, подданнымъ этого чужого государства. Въ этихъ случаяхъ, конечно, не должно быть выдачи; но существованіе ихъ логически ведетъ не къ огульному отрицанію выдачи собственныхъ подданныхъ, преступниковъ культурнымъ ихъ отечествомъ на судъ и наказаніе другой культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи, но лишь къ отрицанію обязанности выдачи и установленію необходимыхъ исключеній изъ общаго правила о правѣ этой выдачи.

Далѣе, противъ выдачи собственныхъ подданныхъ, преступниковъ выставляютъ неудовлетворительность иностраннаго уголовнаго судоустройства и судопроизводства, а также жестокость наказаній за учиненіе уголовныхъ правонарушеній въ иностранномъ государствѣ.

Этотъ доводъ, очевидно, не можетъ оправдать общаго отрицанія выдачи собственныхъ подданныхъ, преступниковъ; такъ какъ огульное утвержденіе, будто уголовное судоустройство и судопроизводство всякаго иностраннаго культурнаго государства — не удовлетворительно, а наказанія во всякомъ иностранномъ культурномъ государствѣ — жестоки, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Если бы, однако, эти недостатки и оказались до нѣкоторой степени въ какомъ-нибудь культурномъ государствѣ; въ такомъ случаѣ присутствіе ихъ могло бы повести лишь къ отрицанію или ограниченію выдачи собственныхъ подданныхъ иностранной державы этому государству, но никакъ не къ отрицанію выдачи собственныхъ подданныхъ вообще.

Наконецъ, нѣкоторые нѣмецкіе ученые, какъ напр., Лабандъ [1]), отрицаютъ выдачу собственныхъ подданыхъ, преступниковъ культурнымъ государствомъ на судъ и наказаніе другой культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи на томъ основаніи, что выдача противорѣчитъ праву подданнаго жить въ своемъ отечествѣ.

Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться.

Нѣтъ сомнѣнія, что подданному можетъ принадлежать право жительства въ своемъ отечествѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что огромное большинство подданныхъ дѣйствительно имѣетъ это право и широко пользуется имъ. Но не возможно признать, что всякій подданный всегда сохраняетъ за собой право жительства въ своемъ отечествѣ. Это — не возможно потому, что такое утвержденіе не соотвѣтствуетъ ни дѣйствительности, ни интересамъ правового порядка, ни интересамъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостонія. Если бы подданный имѣлъ безусловное право жительства въ своемъ отечествѣ; ни одно культурное государство, очевидно, не имѣло бы права смертной казни своихъ подданныхъ, преступниковъ, не имѣло бы права послать ни одного изъ своихъ подданныхъ, солдатъ или моряковъ, безъ ихъ согласія, на войну за предѣлы отечества и т. д. Но ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока культурныя государства не утратили пониманія своей обязанности къ поддержанію правового порядка и народнаго благосостоянія.

Подданный культурнаго государства, безъ сомнѣнія, можетъ имѣть право жительства въ своемъ отечествѣ, но только въ томъ случаѣ, когда это соотвѣтствуетъ правовому порядку этого государства. Правовой же порядокъ въ культурномъ государствѣ долженъ быть построенъ въ интересахъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Выдача собственныхъ подданныхъ, преступниковъ культурнымъ ихъ отечествомъ на судъ и наказаніе иностранной культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи, при обыкновенныхъ

---

1) P. Laband — Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. Handbuch des Oeffentlichen Rechts. Zweiter Band in dritter Auflage herausgegeben von Dr. G. Jellinek. Erste Abtheilung. 3-te Auflage. Tübingen und Leipzig. 1902. S. 33—34. Ученіе, отрицающее выдачу собственныхъ подданныхъ государства на основаніи права жительства ихъ въ своемъ отечествѣ, изложено и подвергнуто критикѣ Л. В. Шалландомъ. Шалландъ — Принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ. Журналъ Юрид. Общества. 1896. № X. с. 115—120. — I. Ivanovsky et L. Challandes — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Actes du Congrès Pén. Intern. de Bruxelles. Vol. II. p. 255—257.

обстоятельствахъ, въ большинствѣ случаевъ необходима или, по крайней мѣрѣ, весьма полезна для содѣйствія поддержанію правового порядка и народнаго благосостоянія, а потому и не можетъ найти себѣ никакого дѣйствительнаго препятствія въ ссылкѣ на право жительства подданныхъ въ своемъ отечествѣ.

Второй недостатокъ разсматриваемаго ученія состоитъ въ томъ, что вопросъ о выдачѣ подданныхъ, преступниковъ рѣшается на основаніи разсужденій надъ правомъ подданнаго по отношенію къ государству, безъ вниманія къ долгу культурнаго государства по отношенію къ поддержанію правового порядка и народнаго благосостоянія.

Наконецъ, третій недостатокъ этого ученія заключается въ томъ, что оно, рѣшая вопросъ о выдачѣ подданныхъ, преступниковъ культурнымъ ихъ отечествомъ иностранной культурной державѣ на судъ и наказаніе за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи, не признаетъ руководящаго значенія за принципомъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Разсмотрѣвъ доводы, представляемые въ пользу отрицанія выдачи собственныхъ подданныхъ, преступниковъ культурнымъ ихъ отечествомъ на судъ или наказаніе другой культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи, мы видимъ, что эти доводы не въ состояніи оправдать огульнаго отрицанія этой выдачи. Тѣмъ не менѣе, и эти отрицательные взгляды оказываютъ свою пользу. Они способствуютъ выясненію, что выдача собственныхъ подданныхъ въ ея допустимыхъ случаяхъ должна составлять только право, но никакъ не обязанность ихъ отечества. Отказывая же въ выдачѣ собственныхъ подданныхъ, достойныхъ уголовнаго суда и наказанія, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго благосостоянія, культурное государство обязано само подвергать этихъ лицъ уголовному преслѣдованію и уголовной отвѣтственности. Такой постановки дѣла настоятельно требуютъ интересы всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія въ огражденіе господства правового порядка и въ устраненіе недоразумѣній, притязаній и неудовольствій между государствами.

Вопросы о томъ, слѣдуетъ ли культурному государству въ данномъ частномъ случаѣ выдать своихъ подданныхъ на судъ и наказаніе иностранной культурной державѣ, или слѣдуетъ самому подвергнуть ихъ уголовному преслѣдованію и уголовной отвѣтственности, или не слѣдуетъ подвергать ни выдачѣ, ни суду, ни наказанію, должны подлежать единственно рѣшенію правительства этого государства. При постановленіи же своихъ рѣшеній, это правительство должно тщательно разсматривать обстоятельства каждаго даннаго случая и руко-

водиться постановленіями дѣйствующаго права въ предусмотрѣнной имъ области и интересами всесторонняго возможно большаго благосостоянія своего культурнаго народа — въ не предусмотрѣнной.

Допуская право выдачи собственныхъ подданныхъ, преступниковъ культурнымъ ихъ отечествомъ на судъ или наказаніе другой культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи, или на ея военныхъ корабляхъ, или на ея купеческихъ корабляхъ во время пребыванія этихъ судовъ въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или принадлежащихъ некультурному государству, или на территоріи некультурнаго государства, состоящей подъ протекторатомъ или въ арендѣ у этой культурной иностранной державы, мы должны отмѣтить, что интересы всесторонняго возможно большаго благосостоянія культурнаго народа въ выдающемъ отечествѣ требуютъ нѣкоторыхъ ограниченій правила о выдачѣ собственныхъ подданныхъ и нѣкоторыхъ спеціальныхъ исключеній.

Оставляя пока исключенія и останавливаясь только на ограниченіяхъ, мы должны сказать, что передъ выдачей своихъ обвиняемыхъ или уже осужденныхъ подданныхъ, преступниковъ на судъ или наказаніе иностранной культурной державѣ, культурное государство въ надлежащихъ случаяхъ должно брать съ нея заранѣе ограничительныя обѣщанія.

Такихъ обѣщаній можетъ быть два.

Первое обѣщаніе состоитъ въ томъ, чтобы культурная держава, домогающаяся выдачи, не подвергала выдаваемыхъ лицъ ни суду, ни наказанію за такое дѣяніе, которое, хотя и учинено ими наравнѣ съ прочими дѣяніями до выдачи, хотя и указано въ числѣ дѣяній, требующихъ уголовной отвѣтственности, въ предложеніи о выдачѣ, но безусловно или, по крайней мѣрѣ, при данныхъ условіяхъ, не должно влечь за собой ни выдачи, ни суда, ни наказанія, по мнѣнію выдающаго культурнаго государства.

Второе же обѣщаніе заключается въ томъ, чтобы культурная держава, домогающаяся выдачи, не подвергала выдаваемыхъ лицъ такому наказанію, которое, хотя и установлено ея дѣйствующимъ уголовнымъ или, точнѣе, уголовно-опредѣлительнымъ правомъ, хотя и присуждено, согласно ея дѣйствующему уголовно-судебному праву, хотя и подлежитъ приведенію въ исполненіе, согласно ея дѣйствующему уголовно-исполнительному праву, но, по своей излишней суровости, какъ напр., смертная казнь, или по своему развращающему вліянію, какъ напр., тѣлесныя наказанія, не допущено дѣйствующимъ уголовно-опредѣлительнымъ и уголовно-исполнительнымъ правомъ вы-

дающаго культурнаго государства или безусловно, или, по крайней мѣрѣ, за дѣянія, влекущія въ данномъ случаѣ выдачу этихъ лицъ.

Этихъ ограниченій требуютъ: долгъ преданности выдающаго культурнаго государства своему народу, долгъ уваженія къ своему дѣйствующему уголовно-опредѣлительному праву, уголовно-судебному праву и уголовно-исполнительному праву и долгъ тщательной заботливости о благосостояніи своего народа.

Если бы государство, домогающееся выдачи подданныхъ другого культурнаго государства, отказало ихъ отечеству въ дачѣ этихъ предварительныхъ обѣщаній; въ такомъ случаѣ это отечество было бы обязано не выдавать этихъ лицъ, но, при наличности надлежащихъ условій, само подвергнуть этихъ лицъ своему суду и наказанію.

Отъ науки перейдемъ къ положительному праву.

Положительное право культурныхъ государствъ нашего времени не отличается единствомъ взгляда на выдачу собственныхъ подданныхъ, преступниковъ культурнымъ ихъ отечествомъ на судъ или наказаніе другой иностранной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи. Преобладающее же значеніе принадлежитъ въ концѣ концовъ отрицательному взгляду.

Такъ, нѣкоторыя культурныя государства, какъ напр., Австрійская Имперія [1]), Германская Имперія [2]), Королевство Италія [3]), Швейцарскій Союзъ [4]), установляютъ прямо въ самомъ законѣ, что они ни въ какомъ случаѣ никому не выдаютъ своихъ подданныхъ, преступниковъ, но, при наличности узаконенныхъ условій, подвергаютъ этихъ лицъ своему собственному уголовному суду и наказанію.

Нѣкоторыя культурныя государства, какъ напр., Королевство Бельгія, не постановляютъ прямо закономъ, что они не выдаютъ никому своихъ подданныхъ, но за то въ своихъ спеціальныхъ законахъ о выдачѣ преступниковъ дѣлаютъ постановленія только о выдачѣ иностранцевъ, преступниковъ [5]) и указываютъ на подсудность своихъ подданныхъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею только своему уголовному суду, по своему уголовному закону [6]).

1) Das Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen. §§ 36; 235.

2) Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. § 9.

3) Codice penale. § 9.

4) Законъ 22 января 1892 г. § 2. См. Шалланда — Принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ. Журналъ Юрид. Общества. 1896. № X. с. 101—102.

5) Ém. de Brandner — Suppélement au code pénal belge. Lois pénales spéciales les plus usuelles. Bruxelles. 1884. Loi de 15 mars 1874. Art. 1 (p. 137—140.).

6) Ém. de Brandner — Suppélement au code pénal belge. Loi de 15 mars 1874. Art. 8—10 (p. 142—143.). — Loi de 30 decembre 1836. Art. 1—2 (p. 94—95.).

Въ нѣкоторыхъ культурныхъ государствахъ нѣтъ закона, запрещающаго выдачу собственныхъ подданныхъ, преступниковъ, но за то въ договорахъ этихъ государствъ между собою и съ другими государствами установляется только выдача иностранцевъ, преступниковъ.

Такъ, напр., во Франціи [1]), нѣтъ закона, который запрещалъ бы Французскому Правительству выдачу французскихъ подданныхъ, преступниковъ, но за то въ дѣйствующихъ договорахъ Франціи съ другими государствами о выдачѣ преступниковъ съ 1830 г. установляется правило о выдачѣ только иностранцевъ Французскимъ Правительствомъ, а циркуляръ Министра Юстиціи 5 апрѣля 1841 г. признаетъ правиломъ обычнаго публичнаго права, что державы не должны выдавать своихъ подданныхъ.

Въ Россійской Имперіи нѣтъ закона, который запрещалъ бы Русскому Правительству выдачу русскихъ подданныхъ, преступниковъ.

Въ большинствѣ договоровъ Россіи съ иностранными государствами о выдачѣ преступниковъ, а именно — въ договорахъ Россіи [2]) съ Австро-Венгріей 1875 г. (ст. 1.), съ Баваріей 1869 г. (ст. 1.), съ Бельгіей 1872 г. (ст. 1.), съ Гессеномъ 1869 г. (ст. 1.), съ Даніей 1866 г. (ст. 1), съ Италіей 1871 г. (ст. 1.), съ Люксембургомъ 1892 г. (ст. 1.), съ Монако 1883 г. (ст. 1.), съ Нидерландами 1893 г. (ст. 1.), съ Португаліей 1887 г. (ст. 1.) и съ Швейцаріей 1873 г. (ст. 1.) употреблены такія выраженія, которыя ясно и несомнѣнно установляютъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, обязанность выдачи иностранцевъ, преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею, но не даютъ никакого основанія предположить не только обязанности, но даже и права выдачи собственныхъ подданныхъ выдающаго государства.

Соглашеніями Россіи съ Пруссіей 1885 г. (Нота. ст. I—II.) и съ Баваріей 1885 г. (Нота. ст. 1—2.) о выдачѣ преступниковъ установлена взаимная выдача преступниковъ то въ качествѣ обязанности, то въ качествѣ права, но только по отношенію къ иностранцамъ, а никакъ не подданнымъ выдающаго государства (выше с. 363 съ прим. 2.).

Въ договорахъ же Россіи съ Великобританіей 1886 г. (ст. 1 и 3.) и съ Испаніей 1888 г. (ст. 1 и 3.) о взаимной выдачѣ преступниковъ ясно и несомнѣнно установлены не только обязанность выдачи иностранцевъ, преступниковъ, но и право выдачи собственныхъ под-

---

1) Garraud — Précis de droit criminel. 1903. p. 126—127.

2) Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіей съ другими государствами. Т. II. №№ 67; 68; 70; 73; 74; 76; 77; 79; 82. — Т. IV №№ 22 и 24.

данныхъ выдающаго государства за учиненіе преступныхъ дѣяній, перечисленныхъ въ данномъ договорѣ, на территоріи другого договорившагося государства, если бы оно обратилось съ предложеніемъ о выдачѣ (выше с. 362 прим. 1 и 2.).

Наконецъ, договоръ Россіи съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки 1893 г. о выдачѣ преступниковъ (ст. 1 и 4.) ясно и несомнѣнно установляетъ обязанность выдачи иностранцевъ, преступниковъ, но намекаетъ и на право выдачи собственныхъ подданныхъ выдающаго государства за учиненіе преступныхъ дѣяній, перечисленныхъ въ этомъ договорѣ, на территоріи другого договорившагося государства, если бы оно обратилось съ предложеніемъ о выдачѣ (выше с. 362 прим. 3.).

Въ нашемъ уголовномъ уложеніи (ст. 13.) и дополненіи къ уставу уголовнаго судопроизводства, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1. — Выше с. 353 прим. 2.), установлена только выдача иностранцевъ, преступниковъ со стороны Русскаго Правительства, о выдачѣ же русскихъ подданныхъ, преступниковъ не сказано ни слова.

Противоположность европейскимъ континентальнымъ культурнымъ государствамъ составляетъ Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Оба эти государства признаютъ общимъ правиломъ выдачу преступниковъ, какъ иностранцевъ, такъ и собственныхъ подданныхъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею, но въ отношеніи къ государствамъ, отрицающимъ выдачу собственныхъ подданныхъ или, по крайней мѣрѣ, не сочувствующимъ ей, допускаютъ обыкновенно различныя оговорки относительно необязательности выдачи собственныхъ подданныхъ, преступниковъ, или о предоставленіи выдачи собственныхъ подданныхъ на усмотрѣніе выдающаго государства [1]).

Разсмотрѣвъ вопросъ о выдачѣ собственвыхъ подданныхъ, преступниковъ, мы признали, что культурному государству, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, должно принадлежать право выдачи своихъ собственныхъ подданныхъ, преступниковъ на судъ или наказаніе другой культурной державѣ за учиненіе преступныхъ дѣяній на ея территоріи, или на ея военныхъ корабляхъ, или на ея купеческихъ корабляхъ во время пребыванія этихъ судовъ

1) Выше с. 362 прим. 1 и 3; 378. — Шалландъ — Принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ. Журналъ Юрид. Общества. 1896. № X. с. 98—101; 103—104. — I. Ivanovsky et L. Challandes — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Actes du Congrès P. I. de Bruxelles. Vol. II. p. 244—245; 247. — Le Poittevin — De l'extradition des nationaux. Journal de droit international privé etc. 1903. Tome 30. p. 33—36. — Kenny — Outlines of criminal law. p. 412—414.

въ водахъ, не принадлежащихъ никакому государству или принадлежащихъ некультурному государству, или на территоріи некультурнаго государства, состоящей подъ протекторатомъ или въ арендѣ у этой культурной державы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы признали, что интересы всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія требуютъ нѣкоторыхъ ограниченій этого права и нѣкоторыхъ спеціальныхъ исключеній. Указавъ выше эти ограниченія (с. 375.), приведемъ теперь эти исключенія, объединивъ ихъ въ одно цѣлое. Оно составитъ, по нашему счету, седьмое исключеніе изъ общаго правила о выдачѣ преступниковъ.

7. Если подданный культурнаго государства учинилъ преступное дѣяніе на территоріи другого культурнаго государства или на его военномъ кораблѣ, или на его купеческомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ, никому не принадлежащихъ или принадлежащихъ некультурному государству, или на территоріи некультурнаго государства, состоящей подъ протекторатомъ или въ арендѣ у этого чужого культурнаго государства, а потомъ, до отбытія уголовной отвѣтственности, оказался въ распоряженіи своего отечества; то онъ не подлежитъ выдачѣ со стороны своего отечества этому иностранному культурному государству въ слѣдующихъ четырехъ случаяхъ.

Первый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда иностранная культурная держава, домогающаяся выдачи обвиняемаго — на судъ, а осужденнаго — на исполненіе наказанія, отказала культурному отечеству этого лица въ дачѣ предварительнаго обѣщанія не подвергать выдаваемаго ни суду, ни наказанію за такое дѣяніе, которое безусловно или, по крайней мѣрѣ, при данныхъ условіяхъ, не должно влечь за собою ни выдачи, ни суда, ни наказанія, по мнѣнію отечества этого лица (выше с. 375.).

Второй случай выступаетъ тогда, когда иностранная культурная держава, требующая выдачи обвиняемаго или осужденнаго, отказала культурному отечеству этого лица въ дачѣ предварительнаго обѣщанія не подвергать выдаваемое лицо такому наказанію, которое, хотя и установлено дѣйствующимъ уголовно-опредѣлительнымъ и уголовно-исполнительнымъ правомъ этой державы, но, по своей излишней суровости, какъ напр., смертная казнь, или по своему развращающему вліянію, какъ напр., тѣлесныя наказанія, не допущено дѣйствующимъ уголовно-опредѣлительнымъ и уголовно-исполнительнымъ правомъ отечественнаго государства или безусловно или, по крайней мѣрѣ, за дѣянія, влекущія выдачу въ данномъ случаѣ (выше с. 375—376.).

Третій случай является тогда, когда иностранная культурная держава домогается выдачи обвиняемаго или осужденнаго за такое

преступное дѣяніе, которое, согласно дѣйствующему уголовно-судебному праву этой державы, подлежитъ особенному или чрезвычайному уголовному суду или порядку судопроизводства, мало обезпечивающему правомѣрность и основательность уголовнаго правосудія, по мнѣнію правительства, дѣйствующаго въ отечествѣ этого лица.

Наконецъ, четвертый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда иностранная культурная держава требуетъ выдачи обвиняемаго или осужденнаго за уголовное правонарушеніе въ то время, когда въ ея народѣ, по мнѣнію отечественнаго правительства этихъ лицъ, происходитъ враждебное возбужденіе или движеніе противъ ихъ отечества или соотечественниковъ.

Невыдачи своихъ подданныхъ, преступниковъ въ этихъ случаяхъ требуютъ: долгъ преданности культурнаго государства своему народу, долгъ уваженія къ своему дѣйствующему уголовно-опредѣлительному праву, уголовно-судебному праву и уголовно-исполнительному праву и долгъ тщательной заботливости о благосостояніи своего народа.

Въ случаѣ невыдачи своего подданнаго, преступника, культурное государство, при наличности надлежащихъ условій, должно подвергнуть это лицо своему собственному уголовному суду и наказанію.

Познакомившись съ седьмымъ исключеніемъ изъ общаго правила о выдачѣ преступниковъ, переходимъ къ восьмому.

8. Подданный культурнаго государства, учинившій преступное дѣяніе на территоріи некультурнаго государства, находящейся подъ протекторатомъ или въ арендѣ у другого культурнаго государства, не подлежитъ выдачѣ со стороны государства, состоящаго протекторомъ или арендаторомъ этой территоріи, но, въ случаѣ пребыванія въ распоряженіи этого государства, подлежитъ уголовной отвѣтственности, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, по дѣйствующему уголовному праву этого государства (выше с. 330—338; 338—343.).

9. Какъ обвиняемый въ учиненіи преступнаго дѣянія за границею, такъ и осужденный за это дѣяніе иностраннымъ уголовно-судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу, не подлежитъ ни выдачѣ, ни уголовному суду, ни наказанію со стороны того государства, въ которомъ это дѣяніе не признается преступнымъ, по дѣйствующему уголовному или, точнѣе, уголовно-опредѣлительному праву.

Относясь съ уваженіемъ къ своему дѣйствующему уголовному праву, уголовно-охранительному, уголовно-судебному и уголовно-исполнительному, государство, не можетъ ни выдавать на уголовный судъ и наказаніе, ни судить, ни наказывать никого изъ такихъ лицъ, которыхъ оно не признаетъ преступниками.

Это исключеніе признано всѣми культурными государствами, а въ томъ числѣ и Россійской Имперіей.

Оно проведено во всѣхъ дѣйствующихъ договорахъ Россіи съ иностранными культурными государствами о выдачѣ преступниковъ [1]), но проведено только косвенно тѣмъ, что каждый изъ этихъ договоровъ установляетъ выдачу только за указанныя имъ преступныя дѣянія, а это — дѣянія, преступныя, съ точки зрѣнія дѣйствующаго уголовнаго права обѣихъ договаривающихъ сторонъ.

Наше уголовное уложеніе (ст. 13.) и дополненіе къ уставу уголовнаго судопроизводства, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1. — Выше с. 363 прим. 2) также признаютъ разсматриваемое нами исключеніе, но проводятъ его только косвенно, постановляя, что выдачѣ со стороны русскаго государства подлежитъ „иностранецъ, учинившій тяжкое преступленіе или преступленіе внѣ предѣловъ Россіи“.

10. Какъ обвиняемый въ учиненіи преступнаго дѣянія за границею, такъ и осужденный за это дѣяніе иностраннымъ уголовно-судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу за границею, не подлежитъ выдачѣ со стороны того культурнаго государства, въ которомъ онъ оправданъ въ этомъ дѣяніи, по приговору уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу.

Это исключеніе признано всѣми культурными государствами.

Оно высказано относительно Россіи ея дѣйствующими договорами съ иностранными государствами о выдачѣ преступниковъ [2]).

Наше уголовное уложеніе (ст. 13.) и дополненіе къ уставу уголовнаго судопроизводства, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1. — Выше с. 363 прим. 2.), также признаютъ это исключеніе.

11. Какъ обвиняемый въ учиненіи преступнаго дѣянія за границею, такъ и осужденный за это дѣяніе иностраннымъ уголовно-судебнымъ

---

1) Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіей съ другими государствами. Т. II. Отдѣлъ IX. Конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ. с. 376—471. — Т. IV. Конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ. с. 237—261.

2) См., напр., конвенцію между Россіей и Великобританіей 1886 г. о взаимной выдачѣ преступниковъ. П. С. З. (с. з.). Т. VI. № 4077. Конвенція. ст. 4. То же говорится, напр., въ конвенціи между Россіей и Нидерландами 1893 г. о взаимной выдачѣ преступниковъ. П. С. З. (с. з.). Т. XIII. № 10142. „Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Нидерландами“ [23 октября (4 ноября) 1893 г.], „Высочайше ратификованная“ 12 декабря 1893 г. ст. 2 п. 2.

приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу за границею, не подлежитъ выдачѣ со стороны того культурнаго государства, въ которомъ онъ освобожденъ отъ наказанія за это дѣяніе, по приговору уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу.

Это исключеніе признано всѣми культурными государствами.

Оно высказано относительно Россіи ея дѣйствующими договорами съ иностранными государствами о выдачѣ преступниковъ [1]).

Наше уголовное уложеніе (ст. 13.) и дополненіе къ уставу уголовнаго судопроизводства, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1. — Выше с. 363 прим. 2.), также признаютъ это исключеніе.

12. Обвиняемый въ учиненіи преступнаго дѣянія за границею не подлежитъ выдачѣ со стороны того культурнаго государства, въ которомъ уголовное преслѣдованіе за это преступное дѣяніе покрывается истеченіемъ уголовно-обвинительной давности, по дѣйствующему уголовно-опредѣлительному праву и уголовно-судебному праву.

Это исключеніе признано культурными государствами, а въ томъ числѣ и Россіей.

Оно высказано относительно Россіи въ ея дѣйствующихъ договорахъ съ иностранными государствами относительно выдачи преступниковъ [2]).

13. Осужденный иностраннымъ уголовно-судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу за границею, за учиненіе преступнаго дѣянія за границею, не подлежитъ выдачѣ со стороны того культурнаго государства, въ которомъ исполненіе присужденнаго наказанія за это преступное дѣяніе покрывается истеченіемъ уголовно-исполнительной давности, по дѣйствующему уголовно-опредѣлительному праву и уголовно-исполнительному праву.

Это исключеніе также признано многими культурными государствами, а въ томъ числѣ и Россійской Имперіей. Она признаетъ его относительно иностранныхъ государствъ въ ея договорахъ съ ними о взаимной выдачѣ преступниковъ [3]); хотя въ своемъ дѣйствующемъ

---

1) См., напр., конвенцію между Россіей и Нидерландами 1893 г. о взаимной выдачѣ преступниковъ. П. С. З. (с. 3.). Т. XIII. № 10142. ст. 2 п. 2.

2) См., напр., конвенцію между Россіей и Великобританіей 1886 г. о взаимной выдачѣ преступниковъ (ст. 5.) или конвенцію между Россіей и Нидерландами 1893 г. о взаимной выдачѣ преступниковъ (ст. 2 п. 3.).

3) См., напр., конвенцію между Россіей и Великобританіей 1886 г. (ст. 5.) или конвенцію между Россіей и Нидерландами 1893 г. (ст. 2 п. 2.).

уголовно-опредѣлительномъ правѣ и уголовно-исполнительномъ правѣ вовсе не установляетъ учрежденія уголовно-исполнительной давности.

14. Какъ обвиняемый въ учиненіи преступнаго дѣянія за границею, такъ и осужденный за это дѣяніе иностраннымъ уголовно-судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу за границею, не подлежитъ выдачѣ со стороны того культурнаго государства, въ которомъ онъ отбылъ полностью наказаніе за то же самое преступное дѣяніе, по приговору уголовнаго суда этой державы, вступившему въ законную силу.

Это исключеніе признано всѣми культурными государствами, а въ томъ числѣ и Россіей.

Оно указано въ дѣйствующихъ договорахъ Россіи съ иностранными государствами о выдачѣ преступниковъ [1]).

Въ нашемъ уголовномъ уложеніи (ст. 13.) и дополненіи къ уставу уголовнаго судопроизводства, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1. — Выше с. 363 прим. 2.), также установлено это исключеніе.

15. Какъ обвиняемый въ учиненій преступнаго дѣянія за границею, такъ и осужденный за это дѣяніе иностраннымъ уголовно-судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу за границею, не подлежитъ выдачѣ со стороны того культурнаго государства, въ которомъ онъ отбываетъ наказаніе, присужденное за то же самое преступное дѣяніе приговоромъ уголовнаго суда этой державы, вступившимъ въ законную силу.

Это исключеніе также признано многими культурными государствами.

Оно указано относителъно Россіи въ нѣкоторыхъ изъ ея дѣйствующихъ договорахъ съ иностранными государствами о взаимной выдачѣ преступниковъ [2]).

16. Подданный культурнаго государства или иностранецъ, учинившій маловажное преступное дѣяніе, называемое нарушеніемъ (contravention, Übertretung), за предѣлами территоріи этого государства, за предѣлами его военныхъ и купеческихъ кораблей и за предѣлами территоріи некультурнаго государства, состоящей подъ протекторатомъ

---

1) См., напр., конвенцію между Россіей и Великобританіей 1886 г. (ст. 4.).

2) См., напр., „Конвенцію о выдачѣ преступниковъ, заключенную между Россіею и Великимъ Герцогствомъ Люксембургскимъ“ 19/31 марта 1892 г., „Высочайше ратификованную“ 3 мая 1892 года. П. С. З. (с. 3.). Т. XII. № 8571. Конвенція. ст. 9 п. 1.

или въ арендѣ у этого культурнаго государства, не подлежитъ выдачѣ со стороны этого культурнаго государства, если дѣйствующее уголовное право этого государства не распространяетъ своей силы, въ видѣ исключенія, на дѣянія этого рода.

Необходимость этого исключенія, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, не подлежитъ сомнѣнію. Если культурное государство, дорожа народными средствами, не находитъ возможнымъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, само судить и наказывать лицъ, учинившихъ маловажныя преступныя дѣянія за извѣстными предѣлами; то, будучи послѣдовательнымъ, не можетъ выдавать этихъ лицъ, при тѣхъ же условіяхъ, за тѣ же дѣянія и на судъ и наказаніе другого государства. Выдача преступника требуетъ отъ выдающаго государства нѣкоторой затраты имущества и труда. Кромѣ того, благодаря арестованію выдаваемаго, выдача оказывается для этого лица стѣснительной мѣрой, нерѣдко превышающей тяжесть наказанія, слѣдуемаго за учиненное маловажное преступное дѣяніе.

Положительное право культурныхъ народовъ представляетъ большое разнообразіе относительно ограниченія выдачи по важности преступнаго дѣянія.

Каждое культурное государство допускаетъ выдачу за одни преступныя дѣянія и не допускаетъ ея за другія. Въ числѣ преступныхъ дѣяній, допускающихъ выдачу, всегда находятся болѣе важныя, а въ числѣ преступныхъ дѣяній, не допускающихъ ея, — маловажныя. Но дальнѣйшее распредѣленіе преступныхъ дѣяній по этимъ двумъ группамъ представляетъ большое разнообразіе не только въ различныхъ культурныхъ государствахъ, но даже и въ различныхъ договорахъ одного и того же государства о выдачѣ преступниковъ съ различными государствами.

Напр., по дѣйствующему договору Россіи съ Даніей 1866 г. о выдачѣ преступниковъ, выдача производится только за преступныя дѣянія, подходящія подъ одну изъ девяти категорій (выше с. 363 съ прим. 1.).

По дѣйствующему договору Россіи съ Великобританіей 1886 г. о выдачѣ преступниковъ, выдача производится только за преступныя дѣянія, подходящія подъ одну изъ двадцати семи категорій [П. С. З. (с. 3.). Т. VI. № 4077. Конвенція м. Россіею и Великобританіею. ст. 2. — Выше с. 362 съ прим. 1.].

По дѣйствующимъ же соглашеніямъ Россіи съ Пруссіей 1885 г. (ст. I—II.) и Россіи съ Баваріей 1885 г. (ст. 1—2.), выдача обязательно призводится за нѣкоторыя важныя преступленія и проступки,

перечисленные въ этихъ соглашеніяхъ, но можетъ производиться и за прочія преступленія и проступки (выше с. 363 съ прим. 2.).

Наше уголовное уложеніе (ст. 13.) и дополненіе къ уставу уголовнаго судопроизводства, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1. — Выше с. 353 прим. 2.), установляютъ выдачу только за тяжкое преступленіе и за преступленіе.

Отъ шестнадцатаго исключенія переходимъ къ послѣднему семнадцатому.

17. Послѣднее исключеніе изъ общаго правила о выдачѣ преступниковъ касается политическихъ уголовныхъ правонарушеній или политическихъ преступленій и проступковъ.

Выраженія: „политическое уголовное правонарушеніе“, „политическое преступное дѣяніе“, „политическое преступленіе и проступокъ“ принадлежатъ къ числу тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ словъ, которыя имѣютъ довольно ясный и опредѣленный смыслъ въ обыденной разговорной рѣчи, но въ положительномъ правѣ и юридической литературѣ, благодаря неудачнымъ ухищреніямъ юристовъ, пріобрѣтаютъ двусмысленное значеніе и становятся въ разрядъ чрезвычайно неудобныхъ сбивчивыхъ терминовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ обыденномъ разговорномъ языкѣ подъ именемъ „политическихъ уголовныхъ правонарушеній“, „политическихъ преступныхъ дѣяній“, „политическихъ преступленій и проступковъ“ разумѣются двѣ группы преступныхъ дѣяній: 1) преступныя дѣянія противъ государства и 2) преступныя дѣянія противъ правительства.

Преступныя дѣянія противъ государства представляютъ собой преступныя посягательства на безопасность государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на другія тѣсно связанныя съ нею блага. Таковы — цѣлость всего государства, жизнь, тѣлесная невредимость, половая неприкосновенность, свобода и честь главы государства [1]), супруга или супруги царствующаго лица и наслѣдника или наслѣдницы престола, цѣлость основного правового государственнаго устройства, или народонаселенія, или территоріи, или независимость государства, или, наконецъ, неприкосновенность выгодъ его положенія передъ другимъ государствомъ въ военномъ или дипломатическомъ отношеніи. Государственнымъ преступленіемъ является, напр., сдача крѣпости государства его непріятелю во время войны, не смотря на возможность обороны, заговоръ

1) Главою государства признается царствующій государь, царствующая государыня, регентъ, регентша и президентъ республики.

о насильственномъ измѣненіи основного правового государственнаго устройства данной державы, напр., о насильственномъ обращеніи монархіи въ республику или обратно, убійство государя, изувѣченіе государыни, растлѣніе или изнасилованіе наслѣдницы престола, отнятіе свободы у регента монархіи, нанесеніе оскорбленія президенту республики и т. д.

Преступныя дѣянія противъ правительства состоятъ въ преступныхъ посягательствахъ на неприкосновенность законнаго господства правительственной власти, учиняемыхъ умышленно съ цѣлью отпора правительству или отдѣльнымъ органамъ правительства, какъ представителямъ правительства. Таковы — напр., умышленное воспрепятствованіе органамъ правительственной власти въ ихъ правомѣрномъ исполненіи законныхъ обязанностей, учиненное съ цѣлью выраженія порицанія правительству, или принятіе участія въ составленіи сборища на улицѣ съ цѣлью выраженія протеста противъ образа дѣйствія того или другого правительственнаго органа.

Признавая государственныя и противоправительственныя преступныя дѣянія политическими, разговорная рѣчь совершенно не соединяетъ съ терминомъ „политическій“ никакой идеи о выдачѣ или невыдачѣ преступника. Поэтому въ разговорной рѣчи одинаково называются политическими какъ тѣ государственныя и противоправительственныя уголовныя правонарушенія, которыя не влекутъ выдачи преступниковъ, такъ и тѣ, которыя влекутъ ее.

Иначе стоитъ дѣло въ положительномъ правѣ и юридической литературѣ.

Съ конца XVIII-го вѣка [1]) и въ обществѣ, и въ юридической литературѣ, и въ правительственныхъ кругахъ, и въ положительномъ правѣ культурныхъ народовъ начинаетъ развиваться взглядъ, что государственныя и противоправительственныя преступныя дѣянія отличаются отъ прочихъ, такъ сказать, обыденныхъ уголовныхъ правонарушеній, въ родѣ убійства, разбоя, кражи, клеветы, заслуживаютъ выдѣленія въ особый разрядъ подъ именемъ политическихъ преступныхъ дѣяній и требуютъ невыдачи ихъ учинителей, политическихъ преступниковъ.

Во времена между 1833 и 1848 г. этотъ взглядъ пріобрѣтаетъ

---

1) „Во французской конституціи 1793“ года, говоритъ Н. С. Таганцевъ (Рус. уг. право. Т. I. с. 352 прим. 3.), art. 120 гласилъ: le peuple français donne asile aux étrangers bannis de leur patrie pour la cause de la liberté; il les refuse aux tyrans; но, какъ справедливо замѣчаетъ Мартицъ, нестолько эти громко провозглашенные принципы, сколько террористическая практика конвента укрѣпила въ общеевропейскомъ сознаніи идею невыдачи эмигрантовъ“.

широкое распространеніе въ культурномъ мірѣ. Какъ въ литературѣ, такъ и въ положительномъ правѣ большинства культурныхъ народовъ того времени признается за правило, что государственныя и противоправительственныя преступныя дѣянія составляютъ особый разрядъ уголовныхъ правонарушеній, извѣстныхъ подъ именемъ политическихъ преступленій и проступковъ, и что ихъ учинители выдачѣ не подлежатъ.

Однако, распространеніе преступныхъ посягательствъ на жизнь государей и президентовъ республикъ и при томъ нерѣдко съ помощью общеопасныхъ взрывчатыхъ веществъ постепенно вызвало нѣкоторое отступленіе отъ прежняго взгляда въ большинствѣ культурныхъ государствъ.

Починъ былъ сдѣланъ Бельгіей. Бельгія отказала Франціи въ выдачѣ французскаго подданнаго Жакена, произведшаго покушеніе на жизнь французскаго Императора Наполеона III въ 1854 г. посредствомъ подложенія адской машины подъ рельсы желѣзной дороги въ Франціи передъ проходомъ императорскаго поѣзда, и при томъ отказала, согласно 6-й статьѣ своего экстрадиціоннаго закона 1 октября 1833 г. [1]), на томъ основаніи, что преступленія политическія или связанныя съ политическими выдачи не влекутъ. Признавая, однако, жизнь иностраннаго монарха достойной защиты наравнѣ съ жизнью всякаго иностранца, Бельгія вслѣдъ за тѣмъ поспѣшила издать такой законъ, который открылъ бы возможность выдачи лицъ, учинившихъ умышленныя посягательства на жизнь главы иностраннаго государства или членовъ семьи этого лица. Желая же вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить внѣшнюю неприкосновенность положенія о невыдачѣ за преступленія политическія и связанныя съ политическими, Бельгія изложила сущность своего новаго закона не прямо, но косвенно, исключивъ умышленныя посягательства на жизнь главы иностраннаго государства или членовъ семьи этого лица изъ числа преступленій, политическихъ и связанныхъ съ политическими. Законъ 22 марта 1856 г. постановилъ: „посягательство на особу главы иностраннаго правительства или на особы членовъ ея семьи не будетъ считаться ни политическимъ преступленіемъ, ни дѣяніемъ связаннымъ съ подобнымъ преступленіемъ, когда это посягательство составляетъ убійство, или предумышленное убійство, или отравленіе“ [2]).

---

1) Ém. de Brandner — Supplément au code pénal belge. p. 137. Loi de 1 octobre 1833. Art. 6.

2) Ém. de Brandner — Supplément au code pénal belge. p. 137 note 2. Loi de 22 mars 1856: „Ne sera pas réputé délit politique, ni fait connexe à un semblable délit, l'attentat contre la personne du chef d'un gouvernement étranger ou contre

Благодаря этому закону, умышленное посягательство на жизнь главы иностраннаго государства, являющееся, несомнѣнно, однимъ изъ государственныхъ преступленій и принадлежащее къ числу важнѣйшихъ политическихъ преступленій по существу, было объявлено не политическимъ преступленіемъ, лишь бы не признавать открыто исключенія изъ установившагося положенія о невыдачѣ за политическія преступленія.

Англія, Италія и Швейцарія оказали полное отсутствіе сочувствія бельгійскому закону 1856 г. Эти три государства какъ держались, такъ и до сихъ поръ держатся взгляда, что всѣ преступныя дѣянія противъ государства и правительства являются политическими и не допускаютъ выдачи учинителей.

Этотъ взглядъ проводятъ эти три государства и въ ихъ договорахъ о выдачѣ преступниковъ съ другими государствами, а въ томъ числѣ и съ Россіей. Въ договорахъ съ Италіей 1871 г. [1]), съ Швейцаріей 1873 г. [2]) и съ Великобританіей 1886 г. [3]) о выдачѣ преступниковъ Россія, наравнѣ съ этими государствами, безъ всякихъ прямыхъ и косвенныхъ исключеній, признаетъ, что всѣ преступленія противъ государства и правительства являются политическими и не допускаютъ выдачи преступниковъ между этими договорившимися государствами.

Напротивъ, большинство культурныхъ государствъ, напр., Франція

---

celles des membres de sa famille, lorsque cet attentat constitue le fait soit de meurtre, soit d'assassinat, soit d'empoisonnement".

1) П. С. З. (с. 2.). Т. XLVI. 1. № 49600. „Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіей и Италіей" 1/13 мая 1871 г., „Высочайше ратифікованная" 14 мая 1871 г. ст. 4: „Преступленія и проступки политическіе, равно какъ дѣйствія, стоящія въ связи съ этими преступленіями и проступками, изъемлются изъ настоящей конвенціи.

Лицо, выданное за какое либо другое нарушеніе уголовныхъ законовъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть судимо и осуждено за предшествующее выдачѣ политическое преступленіе или политическій проступокъ, ниже за какое либо дѣяніе, относящееся къ этому преступленію или проступку".

Если сравнить эту 4-ю статью со 2-й, перечисляющей преступныя дѣянія, допускающія выдачу преступниковъ, по договору Россіи съ Италіей; то станетъ очевидно, что въ этомъ договорѣ подъ именемъ политическихъ преступленій и проступковъ разумѣются всѣ преступныя дѣянія противъ государства и правительства, безъ всякихъ прямыхъ или косвенныхъ исключеній.

2) П. С. З. (с. 2.). Т. XLVIII. 2. № 52865. „Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Швейцаріею" 5/17 ноября 1873 г., „Высочайше ратифікованная" 5 декабря 1873 г. ст. 6 въ связи съ ст. 3.

3) Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ между Россіей и Великобританіею. ст. 6 въ связи съ ст. 2. — Выше с. 362 прим. 1.

съ 1856 г. [1]), Россія съ 1867 г. [2]), Голландія [3]), Соединенные Штаты Сѣверной Америки [4]), съ теченіемъ времени примкнуло къ идеѣ бельгійскаго закона 1856 г., исключило посягательства на жизнь главы государства и членовъ семьи этого лица изъ числа политическихъ преступленій и допустило выдачу учинителей этихъ преступленій.

Съ теченіемъ же времени, нѣкоторыя изъ культурныхъ государствъ, напр., Россія, Голландія, стали развивать идею исключенія въ духѣ бельгійскаго закона 1856 г. еще и далѣе. Напр., Россія и Голландія, по договору 1893 г. о взаимной выдачѣ преступниковъ [5]), признали не политическими, но общими преступленіями, влекущими выдачу, слѣдующія преступныя дѣянія: „1⁰ а) посягательство на жизнь или свободу Государя, Государыни, Регента или другаго Главы дружественнаго государства, или посягательство, имѣющее цѣлью лишить

---

1) Garraud — Précis de droit criminel. 1903. p. 79 note 1.

2) П. С. З. (с. 2.). Т. XLII. № 44962. Сенатскій указъ 11 сентября 1867 г. „о Высочайше ратификованной конвенціи, заключенной между Россіею и Нидерландами 7/19 Апрѣля 1867 года, касательно взаимной выдачи преступниковъ".

„Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Королемъ Нидерландскимъ, 7/19 Апрѣля 1867 года", Высочайше ратификованная 3 мая 1867 г. Ст. 6: „Преступленія и проступки политическіе исключаются изъ настоящей конвенціи. Положительно постановляется, что лицо, на выдачу котораго послѣдовало согласіе не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть преслѣдуемо или подвергнуто наказанію ни за какой политическій проступокъ, предшествовавшій выдачѣ, ниже за какое либо дѣйствіе, стоящее въ связи съ проступкомъ такого рода.

Однако въ отношеніи примѣненія настоящей статьи само собою разумѣется, что не будетъ признаваемо за политическій проступокъ или за дѣйствіе, состоящее въ связи съ таковымъ проступкомъ, покушеніе противъ особы иностраннаго Государя или противъ кого либо изъ членовъ его дома, если это покушеніе составляетъ убійство, отравленіе или умерщвленіе".

3) Выше с. 389 прим. 2.

4) П. С. З. (с. 3.). Т. XIII. № 9483. „Высочайше ратификованные" [3 апрѣля 1893 г.]: „I. Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Соединенными Штатами Сѣверной Америки и II. Дополнительный къ этой Конвенціи Протоколъ".

Протоколъ Конференціи. Статья 3. (Параграфъ 2.): „Не будетъ считаться преступленіемъ политическимъ, ни дѣяніемъ, стоящимъ въ связи съ такимъ преступленіемъ, посягательство на жизнь Главы одного изъ договаривающихъ государствъ или членовъ его семьи, если это посягательство состоитъ либо въ самомъ совершеніи убійства съ умысломъ безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или въ отравленіи, либо въ участіи въ такомъ преступленіи".

5) П. С. З. (с. 3.). Т. XIII. № 10142. „Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ заключенная между Россіею и Нидерландами" 23 октября (4 ноября) 1893 г., „Высочайше ратификованная 12 декабря 1893 г. ст. 1-я въ связи съ ст. 6-й.

ихъ способности къ управленію; б) посягательство на жизнь или свободу не царствующей Королевы, предполагаемаго Наслѣдника Престола или кого-либо изъ Членовъ Царствующаго Дома".

Благодаря неудачной терминологіи, введенной бельгійскимъ закономъ 1856 г., принятой и распространенной впослѣдствіи большинствомъ культурныхъ государствъ, выраженіе: „политическое преступленіе и проступокъ" пріобрѣло весьма неудобное двусмысленное значеніе.

Такъ, въ разговорной рѣчи и до, и послѣ бельгійскаго закона 1856 г. всѣ преступныя дѣянія противъ государства или правительства одинаково называются политическими, безразлично къ тому, влекутъ ли они выдачу преступниковъ или нѣтъ.

Англія, Италія и Швейцарія какъ до, такъ и послѣ бельгійскаго закона 1856 г. одинаково продолжаютъ проводить въ своихъ законахъ и договорахъ съ другими государствами тотъ взглядъ, что всѣ государственныя и противоправительственныя преступныя дѣянія являются политическими и никакой выдачи преступниковъ не влекутъ.

Бельгія же съ 1856 г., а вслѣдъ за нею и большинство другихъ культурныхъ государствъ, допустивъ, въ видѣ исключенія, въ своихъ законахъ и въ договорахъ между собою, выдачу за нѣкоторыя изъ важныхъ государственныхъ преступленій, стали называть эти государственныя преступленія неполитическими, сохранивъ названіе политическихъ лишь за государственными и противоправительственными преступными дѣяніями, не влекущими выдачи преступниковъ. А между тѣмъ тѣ же самыя государства въ своихъ договорахъ съ Англіею, Италіею и Швейцаріею не допускаютъ никакихъ исключеній и ясно проводятъ мысль, что въ этихъ договорахъ всѣ преступныя дѣянія противъ государства и правительства считаются политическими и никакой выдачи среди этихъ договаривающихся государствъ не влекутъ. Такимъ образомъ, одно и то же государственное преступленіе, напр., убійство иностраннаго государя, оказывается то политическимъ преступленіемъ, то неполитическимъ, напр., политическимъ, по договору Россіи съ Италіей (ст. 4-я въ связи съ 2-й. — Выше с. 388 прим. 1.), и неполитическимъ, по договору Россіи съ Нидерландами 1893 г. (выше с. 389—390.).

Если принять во вниманіе, что наука требуетъ правильнаго изученія дѣйствительности и составленія представленій и понятій о дѣйствительности, согласно съ дѣйствительностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ настаиваетъ на облегченіи пониманія явленій; то необходимо согласиться, что мы должны рѣшительно и безповоротно отказаться отъ путаницы, созданной бельгійскими юристами и ихъ послѣдователями въ значеніи

выраженія: „политическія преступленія и проступки“ и признать политическій характеръ за всѣми государственными и противоправительственными преступными дѣяніями, безъ всякихъ исключеній, независимо отъ того, влекутъ ли эти дѣянія выдачу преступниковъ или нѣтъ. Такъ мы и поступаемъ. Мы признаемъ, что всѣ преступныя дѣянія противъ государства и правительства являются политическими преступными дѣяніями и что одни изъ политическихъ преступныхъ дѣяній не влекутъ выдачи преступниковъ, а другія влекутъ ее, если не во всѣхъ государствахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ или въ нѣкоторыхъ.

Оговорившись относительно терминологіи, мы можемъ изложить теперь, каково должно быть сдѣлано исключеніе изъ общаго правила о выдачѣ преступниковъ по отношенію къ политическимъ преступнымъ дѣяніямъ.

Это исключеніе можно выразить слѣдующимъ образомъ.

Если подданный культурнаго государства или иностранецъ находится въ данное время во власти или въ распоряженіи этого государства, а между тѣмъ, находясь ранѣе внѣ предѣловъ территоріи этого государства, внѣ предѣловъ его военныхъ или купеческихъ кораблей и внѣ территоріи некультурнаго государства, состоящей подъ протекторатомъ или въ арендѣ у этого культурнаго государства, онъ учинилъ преступленіе или проступокъ противъ другого государства или правительства или, короче сказать, учинилъ политическое преступленіе или проступокъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно тяжкихъ, а затѣмъ подвергся обвиненію въ учиненіи этого политическаго преступнаго дѣянія или даже осужденъ за него иностраннымъ уголовно-судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу; то этотъ учинитель не подлежитъ за это политическое преступное дѣяніе ни выдачѣ, ни суду, ни наказанію со стороны того государства, въ которомъ онъ находится.

Далѣе, обвиняемый или осужденный, при тѣхъ же условіяхъ, за учиненіе особенно тяжкаго государственнаго или политическаго преступленія, воплощающагося въ умышленномъ совершеніи или покушеніи на совершеніе (въ одиночку или въ соучастіи съ другими) убійства, или тѣлеснаго поврежденія, или лишенія свободы, или растлѣнія, или изнасилованія, или личнаго оскорбленія [1]) главы государства (т. е. царствующаго государя, царствующей государыни, регента, регентши и президента республики), или же супруга или супруги царствующаго

1) Подъ именемъ личнаго оскорбленія разумѣется оскорбленіе, нанесенное оскорбителемъ оскорбляемому не заочно, а въ личномъ присутствіи оскорбляемаго.

лица, или наслѣдника или наслѣдницы престола, подлежитъ выдачѣ со стороны того культурнаго государства, во власти котораго онъ находится, а если выдача — затруднительна, то — собственному суду и наказанію этого государства, если это — подданный, и — собственному суду и наказанію этого государства или высылкѣ, если это — иностранецъ.

Далѣе, обвиняемый или осужденный, при тѣхъ же условіяхъ, за за учиненіе общаго или особеннаго, неполитическаго преступнаго дѣянія, какъ напр., убійства артистки изъ ревности, связаннаго съ политическимъ преступленіемъ или проступкомъ, не влекущимъ выдачи, напр., съ участіемъ въ бунтѣ, подлежитъ, на тѣхъ же основаніяхъ, или выдачѣ, или суду и наказанію, или высылкѣ со стороны того культурнаго государства, во которомъ онъ находится, но только за общее или особенное, неполитическое преступное дѣяніе, съ устраненіемъ всякой уголовной отвѣтственности за связанное съ нимъ политическое преступное дѣяніе.

Общее или особенное, неполитическое преступное дѣяніе является связаннымъ съ политическимъ преступнымъ дѣяніемъ (le délit connexe) въ трехъ случаяхъ.

Первый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда общее или особенное, неполитическое преступное дѣяніе учинено съ цѣлью благопріятствованія политическому преступному дѣянію или, короче сказать, съ политическою цѣлью, какъ напр., ограбленіе почты съ цѣлью пріобрѣтенія денегъ на производство бунта.

Второй случай выступаетъ тогда, когда общее или особенное, неполитическое преступное дѣяніе учинено по поводу политическаго, какъ напр., убійство жандарма бунтовщикомъ въ отместку за поимку руководителя бунта.

Третій случай имѣетъ мѣсто тогда, когда общее или особенное неполитическое преступное дѣяніе учинено однимъ и тѣмъ же лицомъ совмѣстно или одновременно съ политическимъ преступнымъ дѣяніемъ, какъ напр., убійство артистки изъ ревности участникомъ бунта во время бунта.

Далѣе, обвиняемый или осужденный, при вышеизложенныхъ условіяхъ (с. 391.), за учиненіе общаго или особеннаго, неполитическаго преступнаго дѣянія, напр., кражи денегъ изъ банка, съ непреступной политической цѣлью, напр., съ цѣлью улучшенія образа жизни политическихъ преступниковъ въ ссылкѣ, подлежитъ, на общихъ основаніяхъ, или выдачѣ, или суду и наказанію со стороны того культурнаго государства, во власти котораго онъ находится.

Наконецъ, выданный подлежитъ суду и наказанію только за то общее, или особенное, или политическое преступное дѣяніе, за которое онъ выданъ на судъ и наказаніе, если только этимъ лицомъ не учинено новаго преступнаго дѣянія, послѣ выдачи, подсуднаго уголовному суду того государства, которому произведена выдача.

Указавъ исключеніе, приведемъ объясненія.

Отсутствіе выдачи, суда и наказанія въ культурномъ государствѣ за учиненіе многочисленнаго большинства политическихъ преступленій и проступковъ противъ другихъ государствъ и правительствъ въ чужихъ мѣстахъ вызывается тщательной заботливостью культурнаго государства объ обезпеченіи своего собственнаго благосостоянія и возможно большаго благосостоянія своего народа.

Въ самомъ дѣлѣ, благосостояніе культурной державы и ея народа обусловливается въ сильной степени тѣми отношеніями, которыя существуютъ между этой державой и ея народомъ съ одной стороны и другими державами съ ихъ народами съ другой. Вмѣшательство государства во внутреннія политическія движенія, волненія и столкновенія, происходящія въ другомъ государствѣ, обыкновенно вызываетъ недовольство какъ среди народа, подвергающагося этому вмѣшательству, такъ и среди другихъ государствъ и народовъ: въ этомъ вмѣшательствѣ обыкновенно предполагаются различные опасные своекористые разсчеты. Выдача, судъ и наказаніе политическихъ преступниковъ со стороны культурнаго государства за учиненіе политическихъ преступленій и проступковъ противъ другого государства и правительства въ чужихъ мѣстахъ, за исключеніемъ особенно тяжкихъ преступленій, представляетъ своеобразное вмѣшательство въ политическія столкновенія и своеобразную энергичную поддержку въ пользу одной партіи противъ другой. Въ виду этихъ обстоятельствъ, культурное государство, дорожа своимъ собственнымъ благосостояніемъ и благосостояніемъ своего народа, должно стремиться къ поддержанію хорошихъ отношеній съ другими государствами и народами, а для достиженія этихъ цѣлей должно, по возможности, отказываться отъ вмѣшательства въ политическія движенія и столкновенія, происходящія въ другихъ государствахъ, а въ томъ числѣ и отъ выдачи, суда и наказанія за учиненіе политическихъ преступленій и проступковъ противъ иностранныхъ государствъ въ чужихъ мѣстахъ, за исключеніемъ особенно тяжкихъ преступленій.

Въ пользу этого отрицательнаго рѣшенія говоритъ и то обстоятельство, что учинители политическихъ преступленій, за исключеніемъ особенно тяжкихъ, обыковенно опасны лишь для того государства и правительства, противъ которыхъ направлена ихъ преступная полити-

ческая дѣятельность, но обыкновенно безопасны для другихъ государствъ и правительствъ.

Наконецъ, въ пользу отрицательнаго рѣшенія относительно многихъ изъ политическихъ преступныхъ дѣяній свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что они имѣютъ преступный характеръ только условно, т. е. только по отношенію къ данному мѣсту и данному времени. Напр., государство, которое бунтовщики хотятъ превратить изъ монархіи въ республику, считаетъ ихъ дѣяніе преступленіемъ, а, превратившись въ республику, признаетъ доблестнымъ актомъ борьбы за свободу.

Что касается выдачи, суда и наказанія, а также высылки политическихъ преступниковъ, учинившихъ особенно тяжкія государственныя или политическія преступленія противъ другого государства въ чужихъ мѣстахъ, то эти мѣры являются необходимыми для культурнаго государства, служащаго мѣстопребываніемъ этихъ лицъ, и при томъ необходимыми въ интересахъ содѣйствія своему собственному благосостоянію и возможно большему благостоянію своего культурнаго народа.

Дѣло въ томъ, что не только умышленное совершеніе, но и умышленное покушеніе, какъ въ одиночку, такъ и въ соучастіи съ другими злоумышленниками, на совершеніе такого тяжкаго государственнаго или политическаго преступленія, какъ убійство, тѣлесное поврежденіе, лишеніе свободы, растлѣніе, изнасилованіе или личное оскорбленіе главы государства, супруга или супруги царствующаго лица и наслѣдника или наслѣдницы престола, ясно и несомнѣнно обнаруживаетъ, что учинитель страдаетъ сильнымъ развитіемъ внутренняго состоянія преступности, представляетъ опасность для правового порядка въ каждомъ государствѣ, гдѣ онъ находится, и въ обезпеченіе господства правового порядка и народнаго благосостоянія настоятельно нуждается въ надлежащемъ обузданіи путемъ наказанія.

Кромѣ того, тяжкія политическія преступленія этого рода сильно возмущаютъ людей, достигшихъ высокаго культурнаго развитія. Эти люди не могутъ мириться съ обращеніемъ ихъ отечества въ убѣжище для такихъ тяжкихъ и опасныхъ политическихъ преступниковъ и, въ свою очередь, приходятъ въ негодованіе, когда ихъ отечество не оказываетъ надлежащаго отпора этимъ преступникамъ. А дорожа любовью, уваженіемъ и довѣріемъ своихъ гражданъ и въ особенности людей высокаго культурнаго развитія, культурное государство не можетъ отказать въ производствѣ надлежащаго отпора этимъ преступникамъ.

Обыкновеннымъ лучшимъ средствомъ этого отпора служитъ

выдача преступника, къ ней и слѣдуетъ обращаться, какъ къ естественному выходу.

Если же къ выдачѣ встрѣчаются затрудненія; то культурному государству слѣдуетъ: своихъ преступныхъ подданныхъ предавать, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, своему собственному суду и наказанію, а иностранныхъ преступниковъ, по возможности, подвергать выдачѣ, въ случаѣ же невозможности или крайней затруднительности выдачи, предавать, съ соблюденіемъ надлежащихъ условій, своему собственному суду и наказанію и, наконецъ, при крайней затруднительности отправленія уголовнаго правосудія, подвергать высылкѣ.

Политическое преступное дѣяніе, не влекущее выдачи, вовсе не служитъ ни оправданіемъ, ни извиненіемъ для связаннаго съ нимъ общаго или особеннаго, неполитическаго преступнаго дѣянія; поэтому и культурное государство, въ виду этой связи, не имѣетъ никакого основанія отказывать въ выдачѣ преступника, но должно лишь взять предварительное обѣщаніе съ державы, получающей преступника, что она не подвергнетъ выданнаго ни суду, ни наказанію за это политическое преступное дѣяніе.

Если бы, однако, къ выдачѣ такихъ преступниковъ встрѣтились препятствія; то культурному государству слѣдуетъ подвергать: своихъ собственныхъ преступныхъ подданныхъ — своему собственному суду и наказанію, а иностранныхъ преступниковъ — своему собственному суду и наказанію или только высылкѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія нами только что указаны выше (с. 395.).

Наконецъ, политическая непреступная цѣль можетъ быть принимаема во вниманіе, при опредѣленіи степени виновности лица и назначеніи ему мѣры наказанія за общее или особенное, неполитическое преступное дѣяніе, учиненное съ этой цѣлью, но не можетъ служить ни извиненіемъ, ни оправданіемъ для этого дѣянія, ни основаніемъ къ избавленію учинителя отъ дѣйствія общихъ правилъ о выдачѣ или судѣ и наказаніи въ отношеніи къ этому дѣянію.

Въ положительномъ правѣ культурныхъ народовъ нашего времени вопросъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ не имѣетъ однообразнаго рѣшенія.

Культурныя государства нашего времени раздѣляются въ этомъ отношеніи на двѣ группы.

Первая группа представляетъ меньшинство. Сюда принадлежатъ три культурныхъ государства: Англія, Италія и Швейцарія.

Эти государства считаютъ политическими всѣ преступныя дѣянія противъ государства и правительства и признаютъ, что ни одно

политическое преступное дѣяніе не должно влечь выдачи преступника.

Этотъ взглядъ проводится этими государствами какъ въ ихъ законахъ, экстрадиціонныхъ (Англія, Швейцарія) или уголовныхъ (Италія. Codice penale. § 9.), такъ и въ ихъ договорахъ съ другими державами, а въ томъ числѣ и съ Россіей. Въ этихъ договорахъ и другія договаривающіяся государства, уступая Англіи, Италіи и Швейцаріи, признаютъ политическими всѣ государственныя и противоправительственныя преступныя дѣянія и, не получая выдачи политическихъ преступниковъ отъ Англіи, Италіи и Швейцаріи ни за какія политическія уголовныя правонарушенія, въ свою очередь, не допускаютъ выдачи политическихъ преступниковъ въ руки Англіи, Италіи и Швейцаріи ни за какія политическія преступныя дѣянія (выше с. 388.).

Вторая группа заключаетъ большинство культурныхъ государствъ нашего времени. Къ ней принадлежитъ, напр., Бельгія, многія изъ партикулярныхъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской Имперіи, Голландія, Испанія, Россія и т. д.

Государства второй группы дѣлятъ всѣ государственныя и противоправительственныя преступныя дѣянія на двѣ неравныя категоріи.

Первую категорію составляютъ всѣ или многія противоправительственныя преступныя дѣянія и большинство государственныхъ. Всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ этой категоріи культурныя государства второй группы даютъ названіе политическихъ и не допускаютъ за нихъ выдачи преступниковъ.

Вторую категорію представляетъ меньшинство изъ государственныхъ и противоправительственныхъ преступныхъ дѣяній.

Выдача преступниковъ за противоправительственныя преступныя дѣянія допускается только немногими изъ культурныхъ государствъ, напр., Россіей и Испаніей [1]).

Допуская выдачу преступниковъ за нѣкоторыя государственныя преступныя дѣянія, культурныя государства второй группы, по почину Бельгіи съ 1856 г., обыкновенно провозглашаютъ, что эти преступныя дѣянія не должны считаться ни политическими, ни связанными съ политическими (выше с. 387; 389—390.).

Перечень государственныхъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ выдачу преступниковъ по законамъ и договорамъ культурныхъ госу-

1) П. С. З. (с. з.). Т. VIII. № 5180. Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ между Россіею и Испаніею 1888 г. ст. 2: . . . „выдача будетъ производиться за слѣдующіе преступленія или преступки, а равно за покушеніе и соучастіе въ оныхъ: . . . 4) Посягательства противъ Правительственной власти и ея органовъ“.

дарствъ второй группы, не отличается постоянствомъ. Не только нерѣдко встрѣчается, что одна культурная держава допускаетъ выдачу государственныхъ преступниковъ за бо́льшее число родовъ государственнаго преступленія, а другая — за меньшее; но нерѣдко бываетъ, что одно и то же культурное государство, по договору съ одной культурной державой, допускаетъ выдачу государственныхъ преступниковъ за одно число родовъ государственнаго преступленія, а, по договору съ другой, — за другое.

Такъ, напр., по закону Бельгіи 22 марта 1856 г. (выше с. 387. прим. 2.), по договору Россіи съ Бельгіей 1872 г. [1]) и по договору Россіи съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки 1893 г. (выше с. 389 съ прим. 4.), выдача преступника полагается за преступное умышленное посягательство на жизнь Главы иностраннаго государства или Членовъ семьи этого Лица.

По договору Россіи съ Голландіей 1893 г. (выше с. 389 съ прим. 5.), выдача преступника полагается: 1) за преступное посягательство на жизнь царствующаго Государя, царствующей Государыни, Регента, Регентши, не царствующей Государыни, предполагаемаго Наслѣдника престола или кого либо изъ Членовъ Царствующаго Дома, 2) за преступное посягательство на свободу этихъ Лицъ и 3) за преступное посягательство на Главу государства, имѣющее цѣлью лишить это Лицо способности къ управленію государствомъ (Конвенція. ст. 1 п. 1°.).

По соглашеніямъ Россіи съ Пруссіей и съ Баваріей 1885 г. (выше с. 363 прим. 2 на с. 363—365.), выдача преступника полагается: 1) за „убійство“, 2) за „насильственныя дѣйствія“, 3) за „тѣлесныя поврежденія“, 4) за „умышленное лишеніе свободы“ и 5) за „оскорбленіе“ Государя или Членовъ Его Семейства“ (Нота Россійскаго Министра. ст. I п. 1. — Нота Баварскаго Посланника. ст. 1 п. 1.).

Наконецъ, самымъ щедрымъ изъ дѣйствующихъ договоровъ Россіи съ иностранными культурными государствами и при томъ самымъ щедрымъ въ отношеніи выдачи преступниковъ за государственныя преступленія,

---

1) П. С. З. (с. 2.). Т. XLVII. 2. № 51561. Сенатскій указъ 23 ноября 1872 г., по Высочайшему повелѣнію „объ обнародованіи конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенной между Россіею и Бельгіею“.

„Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Бельгіею 23 августа (4 сентября) 1872 года“, Высочайше ратификованная 17 сентября 1872 г. ст. 11.

является конвенція между Россіею и Испаніею 1888 г., допускающая также выдачу и за многія противоправительственныя преступныя дѣянія (выше с. 362 прим. 2; с. 396 прим. 1.). „Съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ изъятій, говоритъ вторая статья этой конвенціи, выдача будетъ производиться за слѣдующіе преступленія или проступки, а равно за покушеніе и соучастіе въ оныхъ:

1) Преступленія противъ Особы Государя или Членовъ Его Дома, а именно нижеозначенныя преступныя дѣянія: a) умышленное убійство или покушеніе на это преступленіе; b) насильственныя дѣянія; c) нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій; d) умышленное лишеніе личной свободы; e) оскорбленія;

2) Измѣна, подвергающая опасности спокойствіе или независимость Государства;

3) Заговоръ и возмущеніе;

4) Посягательства противъ Правительственной власти и ея органовъ".

Слѣдуетъ замѣтить, что, по дополненію устава уголовнаго судопроизводства, сдѣланному Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1. — Выше с. 353 прим. 2.) и предназначенному къ вступленію въ дѣйствіе одновременно съ уголовнымъ уложеніемъ, выдача политическихъ преступниковъ установлена за преступныя посягательства „внѣ предѣловъ Россіи" „на жизнь, здоровье или свободу главы иностраннаго государства или членовъ его семьи".

Что касается выдачи преступниковъ за неполитическія преступныя дѣянія, связанныя съ политическими, не влекущими выдачи, то и этотъ вопросъ не имѣетъ однообразнаго рѣшенія въ положительномъ правѣ.

Всѣ культурныя государства нашего времени раздѣляются по этому вопросу на четыре группы.

Государства первой группы, какъ напр., Голландія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, не высказываютъ въ этомъ отношеніи своего взгляда ясно и опредѣленно ни прямо, ни косвенно.

Культурныя государства второй группы прямо постановляютъ, что ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ выдачи преступника за учиненіе неполитическаго преступнаго дѣянія, связаннаго съ политическимъ преступленіемъ или проступкомъ, не влекущимъ выдачи.

Этого взгляда держится, напр., Италія (codice penale. § 9.) и рѣшительно проводитъ его въ своихъ договорахъ даже съ такими культурными государствами, которыя отдаютъ предпочтеніе другой точкѣ зрѣнія. Благодаря уступкѣ со стороны Россіи, въ договорѣ

между Россіей и Италіей 1871 г. о взаимной выдачѣ преступниковъ, проведенъ итальянскій взглядъ (ст. 4. — Выше с. 388. прим. 1.).

Культурныя государства третьей группы прямо постановляютъ, что они допускаютъ выдачу преступниковъ за учиненіе неполитическихъ преступныхъ дѣяній съ политической цѣлью.

Такъ, напр., въ соглашеніи между Россіей и Пруссіей 1885 г. [1]), въ соглашеніи между Россіей и Баваріей 1885 г.[2]) и въ договорѣ между Россіей и Испаніей 1888 г.[3]) прямо постановлено, что основаніемъ къ отказу въ выдачѣ преступника ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить то обстоятельство, что преступное дѣяніе, по поводу котораго требуется выдача, было учинено „съ политическою цѣлью".

Слѣдуетъ замѣтить, что, по дополненію устава уголовнаго судопроизводства, сдѣланному Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Отд. I п. 1. — Выше с. 353 прим. 2.) и предназначенному къ вступленію въ дѣйствіе одновременно съ уголовнымъ уложеніемъ, „иностранецъ, учинившій внѣ предѣловъ Россіи тяжкое преступленіе или преступленіе, хотя бы вызванное политическими побужденіями или совершенное совмѣстно съ преступнымъ дѣяніемъ, именуемымъ въ международныхъ договорахъ политическимъ, или по поводу такого дѣянія" „подлежитъ выдачѣ", по общимъ правиламъ.

Наконецъ, государства четвертой группы допускаютъ выдачу преступниковъ за учиненіе неполитическихъ преступныхъ дѣяній, связанныхъ съ политическими, не влекущими выдачи, но допускаютъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы выданные были судимы и наказуемы въ получившемъ ихъ государствѣ только на эти неполитическія преступныя дѣянія, съ устраненіемъ всякой уголовной или какой-либо иной отвѣтственности за связанныя съ этими дѣяніями политическія преступленія и проступки.

На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, напр., Швейцарія. „Такъ, въ 1879 г., по свидѣтельству Н. С. Таганцева (Рус. уг. право. Т. I. с. 362.), Швейцарія выдала Россіи Нечаева, обвиняемаго въ убійствѣ студента Иванова, бывшаго соучастникомъ политическаго заговора и потомъ заподозрѣннаго другими соучастниками въ доносѣ; въ 1884 г. Швейцарія также выдала Россіи Дейча, на основаніи подобнаго же обвиненія".

Познакомившись съ общимъ правиломъ о выдачѣ преступниковъ

1) Ст. III. — Выше с. 363 съ прим. 2 на с. 363—364.
2) Ст. 3. — Выше с. 363 съ прим. 2 на с. 363—365.
3) Ст. 4. — Выше с. 362 съ прим. 2.

и исключеніами, отмѣтимъ ограниченія въ судимости и уголовной отвѣтственности выданныхъ преступниковъ въ получившемъ ихъ культурномъ государствѣ.

Признавая выдачу преступниковъ общимъ правиломъ и обставляя это правило различными исключеніями, необходимо, въ интересахъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, ввести надлежащія ограниченія въ судимость и уголовную отвѣтственность выданныхъ преступниковъ въ получившемъ ихъ культурномъ государствѣ.

Въ интересахъ возможно большаго народнаго благосостоянія, необходимо установить въ этомъ отношеніи общее правило и два исключенія.

Это общее правило должно состоять въ томъ, что выданный на судъ и наказаніе можетъ быть судимъ и, въ случаѣ осужденія, наказуемъ, а выданный на исполненіе наказанія можетъ быть наказуемъ въ получившемъ это лицо государствѣ только за то преступное дѣяніе, за которое онъ былъ выданъ.

Это признано общимъ правиломъ въ всѣхъ культурныхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россіи [1]).

Изъ этого общаго правила необходимо допустить два исключенія.

Первое исключеніе должно состоять въ томъ, что выданный можетъ быть подвергаемъ суду или исполненію наказанія въ получившемъ это лицо государствѣ даже и за то дѣяніе, за которое онъ не былъ выданъ, если онъ самъ согласенъ на это.

Это исключеніе признается очень многими культурными государствами, а въ томъ числѣ и Россіей, но излагается казуистически. Обыкновенно говорится, что выданный не можетъ быть подвергаемъ ни суду, ни наказанію въ государствѣ, которому онъ выданъ, ни за какое другое преступное дѣяніе, предшествовавшее выдачѣ, кромѣ того, по поводу котораго состоялась выдача, если только онъ послѣ выдачи не былъ возвращенъ или не располагалъ возможностью вернуться въ то государство, которымъ былъ выданъ. Такая оговорка встрѣчается, напр., въ договорѣ Россіи съ Великобританіею 1886 г. (ст. 7. — Выше с. 362. прим. 1.) или въ договорѣ Россіи съ Испаніею 1888 г. (ст. 4. — Выше с. 362. прим. 2.).

Второе исключеніе должно состоять въ томъ, что выданный можетъ быть подвергаемъ суду и, въ случаѣ осужденія, наказанію за то преступное дѣяніе, которое онъ учинилъ послѣ выдачи въ получившемъ его государствѣ.

---

1) Смотрите, напр., договоръ между Россіею и Великобританіею 1886 г. ст. 7. — Выше с. 362. прим. 1.

Это исключеніе признано всѣми культурными государствами, а въ томъ числѣ и Россіей [1]).

Разсмотрѣвъ общее правило о выдачѣ преступниковъ, исключенія изъ этого правила, а также ограниченія относительно судимости и уголовной отвѣтственности выданныхъ лицъ, изложимъ теперь въ самыхъ краткихъ чертахъ важнѣйшія изъ принятыхъ правилъ производства выдачи.

Такихъ правилъ — четыре.

1. Выдача лица, обвиняемаго въ уголовномъ правонарушеніи или уже осужденнаго судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу, производится не иначе, какъ на основаніи требованія о выдачѣ. Это требованіе предъявляется дипломатическимъ путемъ черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Требованіе же о предварительномъ задержаніи обвиняемаго или осужденнаго, намѣченнаго для выдачи, можетъ быть предъявлено не только дипломатическимъ путемъ, но и путемъ непосредственнаго обращенія компетентныхъ судебныхъ или административныхъ органовъ одного культурнаго государства къ надлежащимъ административнымъ или судебнымъ органамъ другого культурнаго государства по почтѣ или даже телеграфу. Это отклоненіе отъ обычнаго дипломатическаго пути допускается тогда, когда есть вѣское основаніе опасаться, что, въ случаѣ промедленія, требуемое лицо скроется изъ рукъ правосудія.

2. Требованіе о выдачѣ должно исходить отъ компетентныхъ органовъ того государства, которое имѣетъ право суда и наказанія надъ требуемымъ лицомъ (выше с. 356—357.).

3. Требованіе о выдачѣ должно быть подкрѣплено удостовѣреніемъ тождества личности т. е. сообщеніемъ доказательствъ, что личность, находящаяся во власти даннаго государства, и личность, требуемая отъ него, составляютъ одно и то же лицо. Доказательствами этого тождества служатъ: описаніе примѣтъ, фотографическіе снимки, антропометрическія измѣренія и т. д.

4. Наконецъ, требованіе о выдачѣ должно быть подкрѣплено удостовѣреніемъ признанной или предполагаемой виновности требуемаго лица въ учиненіи уголовнаго правонарушенія.

Если требуется выдача лица, уже осужденнаго судебнымъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу; то вмѣстѣ съ требованіемъ о выдачѣ долженъ быть предъявленъ этотъ приговоръ или, по крайней мѣрѣ, надлежащая копія съ него.

---

1) Смотрите, напр., договоръ Россіи съ Великобританіею 1886 г. (ст. 7) или договоръ Россіи съ Испаніей 1888 г. (ст. 4.). — Выше с. 362 съ примѣчаніями 1 и 2.

Если же требуется выдача обвиняемаго въ уголовномъ правонарушеніи; то необходимо предъявленіе надлежащихъ документовъ, удостовѣряющихъ существованіе надлежащаго обвиненія противъ требуемаго лица въ учиненіи уголовнаго правонарушенія.

Въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ двѣ системы: англо-американская и континентальная.

По англо-американской системѣ, при требованіи государства о выдачѣ обвиняемаго въ уголовномъ правонарушеніи, должны быть предъявлены: 1) надлежащая копія съ постановленія компетентнаго суда этой державы о заключеніи обвиняемаго подъ стражу, по обвиненію въ опредѣленномъ уголовномъ правонарушеніи, или, по крайней мѣрѣ, по американской системѣ, надлежащая копія съ другого равносильнаго документа, исходящаго отъ судьи или иного компетентнаго органа судебнаго вѣдомства, и 2) надлежащій протоколъ или надлежащая копія съ протокола свидѣтельскихъ показаній относительно преступнаго дѣянія, за учиненіе котораго обвиняемый привлекается къ суду.

Если доказательствъ виновности, при требованіи о выдачѣ лица, вовсе не представлено или если компетентный уголовный судъ державы, получившей требованіе о выдачѣ, разсмотрѣвъ въ публичномъ засѣданіи представленныя доказательства и выслушавъ заявленіе явившагося обвиняемаго, признаетъ, что этихъ доказательствъ недостаточно для того, чтобы подвергнуть обвиняемаго заключенію или преданію суду, по дѣйствующему праву этого государства; то въ выдачѣ дается отказъ.

Нельзя не замѣтить, что англо-американская система условій выдачи обвиняемыхъ далеко не соотвѣтствуетъ интересамъ возможно большаго народнаго благосостоянія, такъ какъ своей излишней требовательностью относительно доказательствъ виновности обвиняемаго способствуетъ неосновательному избавленію виновныхъ отъ выдачи въ ущербъ интересамъ правильной защиты правового порядка отъ преступныхъ дѣяній и преступниковъ.

Согласно континентальной системѣ, при требованіи государства о выдачѣ обвиняемаго въ уголовномъ правонарушеніи, долженъ быть предъявленъ въ подлинникѣ или въ надлежащей копіи надлежащій актъ компетентнаго уголовнаго суда или компетентнаго органа прокуратуры этого государства, удостовѣряющій существованіе надлежащаго обвиненія противъ требуемаго лица въ учиненіи опредѣленнаго преступнаго дѣянія, съ обозначеніемъ какъ самого этого дѣянія, такъ и уголовнаго закона, предусматривающаго это дѣяніе.

Такимъ актомъ со стороны суда можетъ быть: 1) опредѣленіе компетентнаго уголовнаго суда данной державы о привлеченіи дан-

наго лица къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, по обвиненію въ опредѣленномъ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ дѣйствующемъ уголовномъ правѣ этого государства, 2) опредѣленіе компетентнаго уголовнаго суда о привлеченіи даннаго обвиняемаго къ суду, по обвиненію въ опредѣленномъ преступномъ дѣяніи, 3) опредѣленіе компетентнаго уголовнаго суда о преданіи даннаго лица уголовному суду, по обвиненію въ опредѣленномъ преступномъ дѣяніи, и 4) опредѣленіе компетентнаго уголовнаго суда о заключеніи даннаго лица подъ стражу, по обвиненію въ опредѣленномъ преступномъ дѣяніи.

Что же касается прокуратуры, то такимъ актомъ со стороны ея можетъ быть лишь обвинительный актъ компетентнаго органа прокуратуры требующаго государства, по обвиненію даннаго лица передъ компетентнымъ уголовнымъ судомъ въ учиненіи опредѣленнаго преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго дѣйствующимъ правомъ этого государства.

Континентальная система имѣетъ двѣ разновидности: первую — представляетъ французская система, а вторую — бельгійская.

По французской системѣ, предварительное изслѣдованіе и заключеніе о томъ, представленъ ли государствомъ, требующимъ выдачи обвиняемаго, надлежащій актъ въ удостовѣреніе надлежащаго обвиненія противъ требуемаго лица, принадлежитъ Министерству Юстиціи, а Министерство Юстиціи поручаетъ это прокуратурѣ. Окончательное же рѣшеніе этого вопроса производится по соглашенію Министра Юстиціи съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

По бельгійской системѣ, предварительное изслѣдованіе и заключеніе по вопросу о томъ, представленъ ли государствомъ, требующимъ выдачи обвиняемаго, надлежащій актъ въ удостовѣреніе надлежащаго обвиненія противъ требуемаго лица, принадлежитъ камерѣ преданія суду, соотвѣтствующей уголовному департаменту нашей судебной палаты. Камера преданія суду разсматриваетъ вопросъ о выдачѣ лица въ публичномъ засѣданіи и, по выслушаніи заявленій явившагося обвиняемаго и заключеній прокуратуры, постановляетъ свое заключеніе по вопросу о выдачѣ, а затѣмъ препровождаетъ это заключеніе Министру Иностранныхъ Дѣлъ, который и рѣшаетъ вопросъ о выдачѣ окончательно.

Нельзя не замѣтить, что французская система недостаточно соотвѣтствуетъ интересамъ возможно большаго народнаго благосостоянія, такъ какъ, отдавая провѣрку основательности и правомѣрности требованія о выдачѣ обвиняемаго всецѣло въ руки административныхъ и судебно-административныхъ органовъ государства, получившаго требованія о выдачѣ, недостаточно удовлетворяетъ общественную по-

требность въ охраненіи личности обвиняемаго отъ неосновательной и неправомѣрной выдачи. Бельгійская же система, обусловливая производство выдачи предварительнымъ изслѣдованіемъ и заключеніемъ коллегіальнаго уголовнаго суда по вопросу о выдачѣ даннаго обвиняемаго, достаточно отвѣчаетъ интересамъ возможно большаго народнаго благосостоянія потому, что достаточно удовлетворяетъ какъ общественной потребности въ надежной охранѣ правового порядка противъ уголовныхъ правонарушеній и преступниковъ, такъ и общественной потребности въ надежной охранѣ личности отъ излишнихъ стѣсненій, при защитѣ правового порядка противъ преступленій и преступниковъ.

§ 30. Толкованіе уголовнаго закона. Подраздѣленіе толкованія на два вида, по способу толкованія: толкованіе грамматическое и толкованіе логическое, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на систематическое и историческое. Подраздѣленіе толкованія на три вида, по разницѣ отношеній между словами и мыслью закона: толкованіе объяснительное, толкованіе распространительное и толкованіе ограничительное. Подраздѣленіе толкованія на два вида, по органу и цѣли толкованія: толкованіе судебное и толкованіе научное. Неправильность въ понятіи и названіи: „аутентическое толкованіе". Смѣна взглядовъ на полномочія уголовныхъ судовъ къ толкованію законовъ. Толкованіе закона уголовными судами по дѣйствующему русскому законодательству.

Толкованіемъ закона называется разъясненіе смысла закона. Цѣль толкованія состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть мысль и волю законодателя, выраженную въ законѣ. Толкованіе закона имѣетъ мѣсто тогда, когда существуетъ законъ, предусматривающій изслѣдуемые частные случаи, но необходимо разъяснить лишь смыслъ этого закона для примѣненія къ данному случаю.

Соотвѣтственно разницѣ самихъ способовъ толкованія, толкованіе закона раздѣляется на два вида.

Къ первому виду принадлежитъ грамматическое толкованіе, а ко второму — логическое.

При грамматическомъ толкованіи, смыслъ закона опредѣляется по грамматическому и синтаксическому разбору текста этого закона.

При логическомъ же толкованіи, смыслъ закона выводится логически изъ сопоставленія данныхъ, заключающихся въ текстѣ толкуемаго закона, съ другими данными, вѣскими, съ точки зрѣнія логики, и допустимыми, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ узаконеній.

Логическое толкованіе закона можетъ производиться различными способами.

Два изъ нихъ примѣняются часто и, благодаря нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, рѣзко бросающимся въ глаза, имѣютъ въ литературѣ свои особенныя не совсѣмъ точныя названія. Одинъ называется способомъ систематическаго толкованія, а другой — способомъ историческаго толкованія.

При такъ называемомъ систематическомъ толкованіи закона, смыслъ толкуемаго закона опредѣляется по внутренней связи между мыслями этого закона и мыслями другого одновременно съ нимъ дѣйствующаго закона, относящагося къ тому же предмету вѣдѣнія, предусмотрѣнному въ данное время тѣмъ же самымъ законодательствомъ того же самаго государства. Въ основаніи систематическаго толкованія лежитъ мысль о внутреннемъ единствѣ и послѣдовательности или, короче сказать, систематичности одновременно дѣйствующихъ постановленій одного и того же законодательства, относящихся къ одному и тому же предмету.

При такъ называемомъ историческомъ толкованіи, смыслъ толкуемаго послѣдующаго закона опредѣляется по внутренней связи между мыслями этого закона и мыслями другого непосредственно предшествующаго ему закона, относящагося къ тому же предмету вѣдѣнія, предусмотрѣнному законодательствомъ того же самаго государства въ разныя времена. Въ этомъ толкованіи послѣдующій законъ объясняется съ помощью предшествующаго, это и служитъ поводомъ къ наименованію этого толкованія историческимъ. Держась, однако, строго научнаго понятія объ историческомъ методѣ или пріемѣ изслѣдованія (выше с. 45—46.), мы можемъ правильно назвать историческимъ лишь такое толкованіе закона, которое добыто историческимъ методомъ или пріемомъ изслѣдованія.

Сообразно разницѣ отношеній между словами и мыслью закона, толкованіе бываетъ троякое: 1) объяснительное, 2) распространительное и 3) ограничительное.

При объяснительномъ толкованіи, толкуемому закону приписывается какъ разъ тотъ самый смыслъ, какой имѣютъ слова, поставленныя въ текстѣ закона самимъ законодателемъ. Тутъ предполагается, что законодатель сказалъ какъ разъ то, что хотѣлъ сказать.

При распространительномъ толкованіи, закону приписывается смыслъ шире того, какой имѣютъ слова текста. Здѣсь предполагается, что законодатель сказалъ меньше, чѣмъ хотѣлъ сказать.

Такъ, напр., 155-я статья устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ

мировыми судьями (по прод. 1902 г.), объявляетъ проступкомъ „самовольную порубку въ лѣсахъ“ и умалчиваетъ о самовольной пилкѣ чужихъ деревьевъ въ чужихъ лѣсахъ. Тѣмъ не менѣе, при сопоставленіи этой статьи съ 4-мъ и 5-мъ пунктами 156-й статьи того же устава (по прод. 1902 г.), логически необходимо заключить, что нашъ законодатель считаетъ проступкомъ въ 155-й статьѣ самовольное отдѣленіе ствола отъ корня въ чужомъ лѣсу какимъ бы то ни было способомъ и только называетъ это дѣяніе слишкомъ узкимъ названіемъ „порубки“.

При ограничительномъ же толкованіи, закону приписывается смыслъ тѣснѣе того, какой имѣютъ слова текста. Тутъ предполагается, что законодатель сказалъ больше, чѣмъ хотѣлъ сказать.

Такъ, въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ нерѣдко говорится, безъ дальнѣйшихъ ограниченій: „кто“ учинитъ такое-то дѣяніе; „тотъ“ подлежитъ такому-то наказанію. Напр., 272-я статья уложенія (по прод. 1902 г.) постановляетъ: „Кто удержитъ чиновника отъ законнаго исполненія обязанностей его по службѣ угрозами такого рода, что сей чиновникъ могъ и долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ считать себя въ опасности, тотъ за сіе: лишается всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, и подвергается отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по четвертой степени статьи 31 (по Прод.) сего Уложенія“ (т. е. на время отъ $1\frac{1}{2}$ года до $2\frac{1}{2}$ лѣтъ.). Однако, въ виду 5-й, 91-й, 92-й, 95—100-й статей того же уложенія, слѣдуетъ заключить съ логической необходимостью, что при словѣ „кто“ въ 272-й статьѣ и ей подобныхъ всегда необходимо подразумѣвать ограничительное условіе, требующее, чтобы учинитель, при учиненіи дѣянія, находился въ состояніи вмѣняемости, при наличности условій вмѣненія.

Наконецъ, по различію органа и цѣли толкованія, различается двоякое толкованіе закона: 1) судебное и 2) научное.

Судебное толкованіе закона имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда компетентный судъ разъясняетъ мысль закона для примѣненія его къ судимому дѣлу.

Научное же толкованіе закона выступаетъ тогда, когда смыслъ закона опредѣляется, съ соблюденіемъ научныхъ требованій, не судомъ для примѣненія къ судимому дѣлу, но судомъ для составленія заключенія о достоинствахъ и недостаткахъ закона или какимъ бы то ни было инымъ изслѣдователемъ для изученія смысла закона или даже для примѣненія закона къ судимому дѣлу.

Проводя твердо разницу между толкованіемъ и изданіемъ закона,

мы должны признать, что такъ называемое „аутентическое толкованіе“ закона т. е. разъясненіе смысла закона самимъ законодателемъ посредствомъ изданія другого закона представляетъ собой никакъ не толкованіе закона въ строго научномъ значеніи этихъ словъ, но изданіе закона. Дѣло въ томъ, что такъ называемое аутентическое толкованіе закона имѣетъ силу закона на будущее время относительно будущихъ соотвѣтствующихъ однородныхъ случаевъ. Судебное же толкованіе закона точно также, какъ и научное, не имѣетъ такой силы, и старый законъ попрежнему остается въ дѣйствіи. А если выводы этихъ толкованій и принимаются въ разсчетъ, при обсужденіи послѣдующихъ однородныхъ случаевъ; то — только вслѣдствіе разумности этихъ толкованій, а никакъ не вслѣдствіе присутствія въ нихъ силы закона.

Оставляя въ сторонѣ научное толкованіе, займемся судебнымъ.

Необходимость судебнаго толкованія законовъ, а въ томъ числѣ и уголовныхъ, не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, задача суда состоитъ въ примѣненіи закона къ частнымъ житейскимъ случаямъ. Примѣнять законъ, не опредѣливъ предварительно смыслъ его, — не возможно. Опредѣленіе же смысла закона есть несомнѣнное толкованіе закона. Отнять у суда возможность толкованія законовъ, это — отнять у суда возможность примѣненія ихъ.

Суду всегда принадлежало въ однихъ случаяхъ право, а въ другихъ обязанность примѣненія законовъ въ государствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда принадлежала обязанность толкованія законовъ.

Что же касается до размѣра полномочія судовъ къ толкованію уголовныхъ законовъ, то онъ не всегда былъ одинаковъ.

До конца XVIII-го вѣка въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ уголовные суды пользовались почти безграничнымъ просторомъ въ толкованіи уголовныхъ законовъ. Судья толковалъ законъ, по своему усмотрѣнію, то правильно, то неправильно и при томъ нерѣдко въ явный обходъ истиннаго смысла закона. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, въ судахъ царствовалъ страшный судейскій произволъ и попиралъ законы, подъ предлогомъ ихъ примѣненія.

Это явное вопіющее зло вызвало протестъ, который выступилъ съ особенной энергіей и силой во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Беккарія [1]), Фейербахъ [2]) и многіе изъ другихъ писателей энергично возстали противъ злоупотребленій, но въ порывѣ увлеченія впали въ

1) Выше с. 65 прим. 2.

2) Выше с. 66 прим. 2; 70 прим. 1; 71 прим. 7; 82—83; 85.

другую крайность. Они настойчиво совѣтовали законодателямъ допустить суду только грамматическое толкованіе уголовнаго закона и вспретить всякое иное.

Въ этомъ духѣ высказались и нѣкоторые государи XVIII-го вѣка, напр., русская Императрица Екатерина II въ ея наказѣ (Гл. X. ст. 151—153. — Выше с. 101 съ прим. 3 на с. 101—102.).

Баварскій же законодатель, подъ вліяніемъ Фейербаха, поступилъ еще рѣшительнѣе. Издавъ въ 1813 г. свое уголовное уложеніе (выше с. 240.), баварскій законодатель вмѣнилъ въ обязанность судамъ толковать это уложеніе только по тексту и буквѣ закона.

Однако, это крайнее направленіе удержалось недолго. При ближайшемъ спокойномъ и обстоятельномъ изслѣдованіи вопроса о толкованіи уголовнаго закона, оказалось, что вредно не толкованіе уголовнаго закона, а злоупотребленіе толкованіемъ. Въ виду этого, ученые признали необходимымъ, чтобы былъ открыть свободный доступъ суду къ толкованію уголовнаго закона въ духѣ законодателя и чтобы было устранено злоупотребленіе толкованіемъ и присвоеніе законодательной власти судами.

Въ этомъ смыслѣ и высказались дѣйствующія законодательства культурныхъ государствъ нашего времени.

Уголовному суду предоставлено дѣйствующими законодательствами культурныхъ государствъ не только грамматическое, но и логическое толкованіе всякаго закона, подлежащаго примѣненію къ судимому дѣлу. Но логическое толкованіе уголовнаго закона допущено подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы уголовный судъ свято соблюдалъ волю законодателя, когда она ясно выражена въ законѣ и не встрѣчаетъ не разрѣшимаго противорѣчія ни въ томъ же самомъ, ни въ другомъ дѣйствующемъ законѣ. Судъ обязанъ выяснить дѣйствительную мысль и волю законодателя, а выяснитъ ли судъ ее путемъ законнаго грамматическаго или законнаго логическаго толкованія закона, это — безразлично.

Слѣдуетъ замѣтить, что, въ случаѣ сомнѣнія, при выборѣ одного изъ нѣсколькихъ толкованій закона, одинаково вѣскихъ, необходимо отдавать предпочтеніе, въ видѣ общаго правила, за нѣкоторыми исключеніями, тому толкованію, которое выгоднѣе для обвиняемаго. Этого требуютъ въ интересахъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія какъ общественная потребность въ правильной и надежной защитѣ правового порядка противъ преступныхъ дѣяній и преступниковъ, такъ и общественная потребность въ прочномъ огражденіи личности отъ излишнихъ стѣсненій, при защитѣ этого порядка.

Англійскіе и сѣверо-американскіе юристы, имѣя въ виду случаи сомнѣній, при выборѣ одного изъ нѣсколькихъ толкованій со стороны суда, твердо проводятъ правило, что разумное сомнѣніе должно быть истолковываемо въ пользу обвиняемаго. Континентальные же юристы, не задумываясь надъ вопросомъ, довольствуются огульнымъ, но не совсѣмъ вѣрнымъ утвержденіемъ, что сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго (in dubio pro reo, in dubio mitius.).

Русскій законодатель самъ опредѣляетъ, какія правила должны соблюдать общіе уголовные суды Россійской Имперіи, при толкованіи законовъ. Эти правила указаны уставомъ уголовнаго судопроизводства (Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. XVI. Ч. I. Судебные Уставы Императора Александра II. Изданіе 1892 года. IV. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. ст. 12; 13; 916^2; 916^3 и 930.).

Смыслъ этихъ правилъ состоитъ въ слѣдующемъ.

1. Каждый уголовный судъ, за исключеніемъ случая, указаннаго въ самомъ законѣ (Уст. Уг. Суд. 930.), обязанъ толковать всѣ тѣ законы, которые онъ управомоченъ и находитъ нужнымъ примѣнить къ разбираемому имъ подсудному дѣлу (Уст. Уг. Суд. 13.). „Воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчіи законовъ. За нарушеніе сего правила, говоритъ 13-я статья устава уголовнаго судопроизводства, виновные подвергаются отвѣтственности какъ за противузаконное бездѣйствіе власти (Улож. Наказ., ст. 341—343)“.

2. Приступая къ толкованію закона, судъ обязанъ прежде всего обратиться къ грамматическому толкованію. Оно называется толкованіемъ по точному смыслу закона. „Всѣ судебныя установленія, гласитъ 12-я статья устава уголовнаго судопроизводства, обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ“.

3. Встрѣтясь съ какимъ нибудь изъ обстоятельствъ, перечисленныхъ нашимъ законодателемъ, логически исключающихъ возможность удовлетворенія грамматическимъ толкованіемъ закона, судъ обязанъ перейти къ логическому толкованію, указанному самимъ законодателемъ. Это логическое толкованіе называется толкованіемъ по общему смыслу законовъ. Оно выводится не иначе, какъ изъ логическаго сопоставленія данныхъ, заключающихся въ истолковываемомъ текстѣ закона, съ данными, почерпнутыми изъ другихъ частей нашего дѣйствующаго законодательства.

Три обстоятельства обязываютъ по закону уголовный судъ перейти отъ грамматическаго толкованія къ законному логическому. Это — неполнота закона, неясность и противорѣчіе. „Всѣ судебныя уста-

новленія, говоритъ 12-я статья устава уголовнаго судопроизводства, обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія, должны основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ".

Законъ — не полонъ въ томъ случаѣ, гдѣ мысль, выраженная въ текстѣ закона, не равняется дѣйствительной мысли законодателя, засвидѣтельствованной другими данными, содержащимися въ законахъ, но оказывается шире или уже послѣдней.

Законъ — не ясенъ тамъ, гдѣ изъ его текста — не возможно понять мысль законодателя въ надлежащей полнотѣ.

Противорѣчіе же закона имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на одинъ и тотъ же вопросъ даны различные отвѣты или въ текстѣ одного и того же закона, или въ разныхъ законахъ одного и того же законодателя, подлежащихъ примѣненію къ одному и тому же дѣлу.

4. Если Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената или Отдѣленіе этого Департамента кассировали т. е. отмѣнили приговоръ, постановленный уголовнымъ судомъ по уголовному дѣлу, и въ своемъ кассаціонномъ рѣшеніи сдѣлали разъясненіе закона; то судъ, въ который обращено дѣло для новаго разбирательства и рѣшенія, обязанъ принять и примѣнить толкованіе закона, сдѣланное по этому дѣлу Сенатомъ (Уст. Уг. Суд. 916^2; 916^3 и 930.). „Судъ, въ который обращено дѣло для новаго рѣшенія, говоритъ 930-я статья устава уголовнаго судопроизводства, обязанъ, въ изъясненіи точнаго разума закона, подчиниться сужденіямъ Правительствующаго Сената".

§ 31. Пополненіе уголовнаго закона по аналогіи уголовнымъ судомъ. Смѣна взглядовъ на полномочія уголовныхъ судовъ къ пополненію уголовнаго закона по аналогіи. Дѣйствующее русское законодательство и уголовное уложеніе.

Пополненіе закона судомъ по аналогіи имѣетъ мѣсто тогда, когда нѣтъ закона, который предусматривалъ бы разбираемый частный случай, и судъ примѣняетъ къ этому случаю существующій законъ, предусматривающій другіе аналогичные т. е. сходные случаи.

Между судебнымъ толкованіемъ закона и судебнымъ аналогическимъ пополненіемъ закона существуетъ важная разница. Судебное толкованіе закона имѣетъ мѣсто тогда, когда разбираемый частный случай предусмотрѣнъ закономъ, и судъ разъясняетъ лишь смыслъ

этого закона для примѣненія къ данному случаю. Судебное же аналогическое пополненіе закона выступаетъ тогда, когда разбираемый частный случай не предусмотрѣнъ закономъ, и судъ примѣняетъ къ этому случаю существующій законъ, предусматривающій только сходные случаи.

Благодаря этой существенной разницѣ, толкованіе и аналогическое пополненіе закона являются дѣйствіями разнаго рода. Тѣмъ не менѣе, многіе писатели, увлекаясь сходствомъ между распространительнымъ толкованіемъ закона и аналогическимъ пополненіемъ закона, а въ особенности сосредоточеніемъ распространительнаго толкованія и аналогическаго пополненія закона въ рукахъ суда, неправильно признаютъ эти дѣйствія различными видами одного и того же рода и одинаково называютъ толкованіемъ закона. При этомъ аналогическое пополненіе закона называется аналогическимъ толкованіемъ закона.

Судебное аналогическое пополненіе закона испытало на себѣ ту же участь, какъ и судебное толкованіе закона.

До конца XVIII-го вѣка въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ судья пользовался широкимъ просторомъ въ пополненіи закона путемъ аналогіи и сильно злоупотреблялъ этимъ. Многочисленныя злоупотребленія судовъ вызвали протестъ. Онъ особенно ярко выразился во второй половинѣ XVIII-вѣка. Въ пылу спора многіе писатели увлеклись до крайности и провозгласили, что уголовному суду должно быть всецѣло запрещено пополненіе уголовнаго закона по аналогіи въ уголовныхъ дѣлахъ. Этотъ отрицательный взглядъ нашелъ себѣ сочувствіе даже и въ нѣкоторыхъ государяхъ.

Однако, и эта крайность не долго пользовалась сочувствіемъ. При спокойномъ обстоятельномъ и разностороннемъ обсужденіи дѣла, какъ наука, такъ и большинство культурныхъ законодательствъ одинаково пришли къ убѣжденію, что необходимо допустить судамъ пополненіе закона съ помощью аналогіи, но не иначе, какъ съ ограниченіями, необходимыми въ общественныхъ интересахъ для пресѣченія особенно опасныхъ злоупотребленій.

Какъ наука, такъ и большинство дѣйствующихъ культурныхъ законодательствъ нашего времени одинаково установляютъ два ограниченія.

Первое ограниченіе состоитъ въ томъ, что суду запрещается установлять по аналогіи новыя уголовныя правонарушенія т. е. запрещается съ помощью аналогіи зачислять въ разрядъ уголовныхъ правонарушеній такія дѣянія, которыя не признаны уголовными или пре-

ступными со стороны законодателя. Преступно — только то, что законъ призналъ преступнымъ, nullum crimen sine lege.

Въ пользу этого запрещенія слѣдуетъ привести тѣ же доводы, которые были указаны выше въ пользу взгляда, что уголовный законъ долженъ быть единственнымъ источникомъ уголовнаго права у культурнаго народа (с. 253—255.).

По вѣрному указанію ученыхъ, приведенному Н. С. Таганцевымъ (Рус. уг. право. Т. I. с. 188—189.), предоставленіе права суду облагать наказаніемъ дѣянія, не предусмотрѣнныя закономъ въ числѣ преступныхъ, заключаетъ въ себѣ полное смѣшеніе судебной и законодательной дѣятельности, ставитъ судью выше законодателя и даетъ судьѣ право контроля надъ законодателемъ, наноситъ страшный ударъ гражданской свободѣ и спокойствію гражданъ и вовсе не требуется интересами общественнаго порядка и безопасности, такъ какъ законодатель, при первомъ указаніи практики на пробѣлъ закона, всегда можетъ самъ пополнить этотъ недостатокъ.

Второе ограниченіе суда въ пополненіи закона съ помощью аналогіи заключается въ томъ, что суду запрещается установлять по аналогіи новыя наказанія т. е. запрещается установлять съ помощью аналогіи такія наказанія, которыя вовсе не учреждены закономъ. Не должно быть никакого наказанія, кромѣ установленнаго закономъ, nulla poena sine lege. Но аналогическое примѣненіе узаконенныхъ наказаній, въ случаяхъ надобности, дозволяется суду.

Руководствуясь интересами всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, къ этимъ двумъ ограниченіямъ нужно присоединить еще третье. Оно должно состоять въ томъ, чтобы суду было запрещено установлять съ помощью аналогіи такія мѣры, стѣснительныя для личности, которыя не учреждены ни уголовно-охранительнымъ правомъ, ни уголовно-судебнымъ правомъ, ни уголовно-исполнительнымъ правомъ, ни гражданскимъ правомъ, ни гражданско-судебнымъ правомъ, ни гражданско-исполнительнымъ правомъ, ни административнымъ правомъ.

Съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, необходимо замѣтить, что, въ случаѣ сомнѣнія, при выборѣ одного изъ нѣсколькихъ законныхъ аналогическихъ пополненій закона, одинаково вѣскихъ, суду слѣдуетъ отдавать предпочтеніе, въ видѣ общаго правила, тому пополненію, которое выгоднѣе для обвиняемаго.

Нельзя не согласиться съ взглядомъ англійскихъ и сѣверо-американскихъ юристовъ, что разумное сомнѣніе должно быть истолковы-

ваемо въ пользу обвиняемаго. Огульное же утвержденіе континентальныхъ юристовъ, что сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго, не можетъ быть признано вполнѣ правильнымъ и въ отношеніи къ судебному аналогическому пополненію закона.

Относительно пополненія нашихъ общихъ русскихъ уголовныхъ законовъ, съ помощью аналогіи, нашими судами наше дѣйствующее русское законодательство даетъ нѣсколько весьма важныхъ указаній.

1. Какъ уложеніе о наказаніяхъ (ст. 1 и 370.), такъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 1.), ясно и несомнѣнно указываютъ, что эти общіе уголовные законы признаютъ преступнымъ въ области нашего общаго уголовнаго права только то, что самъ законъ предусмотрѣлъ въ качествѣ преступнаго дѣянія (выше с. 134—136.).

2. Нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства (ст. 12 и 771.), безъ всякихъ исключеній, запрещаетъ судамъ пополнять, съ помощью аналогіи, разрядъ уголовныхъ правонарушеній. Судъ не имѣетъ права пустить въ ходъ аналогію и съ ея помощью признать преступнымъ такое дѣяніе, которое не признано преступнымъ со стороны самого закона. Напротивъ, согласно уставу уголовнаго судопроизводства (ст. 771.), судъ обязанъ постановить оправдательный приговоръ обвиняемому, какъ только оказывается, что это лицо обвиняется въ такомъ дѣяніи, которое „признается . . . не воспрещеннымъ законами подъ страхомъ наказанія“.

Благодаря этимъ постановленіямъ нашего уложенія о наказаніяхъ, устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и устава уголовнаго судопроизводства, въ нашемъ общемъ уголовномъ правѣ твердо установлено самимъ закономъ разумное общее правило, что преступно только то, что законъ призналъ преступнымъ.

Наши уголовные суды обыкновенно соблюдаютъ это правило; но иногда и здѣсь бываютъ нарушенія. Ихъ позволяетъ иногда себѣ даже нашъ высшій уголовный судъ, предназначенный самимъ закономъ служить высшимъ блюстителемъ уголовнаго закона, а именно — нашъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената.

Напр., шантажъ т. е. полученіе имущественной выгоды человѣкомъ отъ другого лица посредствомъ угрозы оглашеніемъ дѣйствительнаго или вымышленнаго позорящаго обстоятельства или преступнаго дѣянія не считается преступленіемъ или проступкомъ по нашимъ дѣйствующимъ уголовнымъ законамъ. А между тѣмъ наши уголовные суды подъ предводительствомъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департа-

мента, находя нѣкоторое сходство между шантажемъ и мошенничествомъ, составляющимъ запрещенное уголовнымъ закономъ виновное умышленное пріобрѣтеніе чужого движимаго имущества посредствомъ обмана, распространяли на шантажъ уголовные законы о мошенничествѣ и, такимъ образомъ, съ помощью противозаконной аналогіи, возводили шантажъ въ число уголовныхъ правонарушеній и облагали наказаніями, узаконенными за мошенничество [К. р. 1871 г. № 91 д. Соколовскаго и № 712 д. Мельмана.] [1]). Въ послѣднее же время Уголовный Кассаціонный Департаментъ, со помощью аналогіи, сталъ подводить шантажъ подъ преступное принужденіе къ выдачѣ обязательствъ [К. р. 1897 г. № 14 д. Петрусей.] [2]). А это — не правильно, такъ какъ наше уложеніе о наказаніяхъ, говоря о преступномъ принужденіи ко вступленію въ обязательство (ст. 1686.), имѣетъ въ виду принужденіе физической силой или угрозой насильственныхъ дѣйствій, тѣлесныхъ поврежденій, лишенія свободы, лишенія жизни (ст. 1545; 1546 и 1687.), а шантажистъ добивается полученія имущественной выгоды посредствомъ угрозы оглашеніемъ дѣйствительнаго или вымышленнаго позорящаго обстоятельства или преступнаго дѣянія.

3. Какъ уложеніе о наказаніяхъ (ст. 90 и 151.), такъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 1.), вмѣняютъ въ обязанность суду налагать за учиненіе преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ этими законами, лишь такія наказанія, которыя установлены самими законами (выше с. 134—136.). При этомъ уложеніе о наказаніяхъ (ст. 151.) позволяетъ суду назначать по аналогіи одно изъ узаконенныхъ наказаній только въ томъ случаѣ, когда за предусмотрѣнное закономъ преступное дѣяніе (ст. 1 и 151.) не опредѣлено прямо самимъ закономъ никакого наказанія.

Благодаря этимъ постановленіямъ, въ нашемъ общемъ уголовномъ правѣ твердо установлено самимъ закономъ разумное общее правило, что не должно быть никакого наказанія, кромѣ установленнаго закономъ.

4. Если Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената или Отдѣленіе этого Департамента отмѣнили приговоръ, постановленный уголовнымъ судомъ по уголовному дѣлу, и въ своемъ

---

1) Противозаконность этого образа дѣйствій относительно шантажа основательно и энергично указана Н. А. Неклюдовымъ и отмѣчена И. Я. Фойницкимъ. Неклюдовъ — Руководство къ особ. части рус. уг. права. Т. II. с. 257—267. — Неклюдовъ — Руководство къ особ. части рус. уг. права. Изданіе К. Л. Харченко. с. 671—673. — Фойницкій — Курсъ уг. права. 1901. с. 238.

2) Фойницкій — Курсъ уг. права. 1901. с. 238.

кассаціонномъ рѣшеніи сдѣлали законное пополненіе уголовнаго закона, съ помощью аналогіи; то судъ, въ который обращено дѣло для новаго разбирательства и рѣшенія, обязанъ принять и примѣнить пополненіе закона, сдѣланное по этому дѣлу Сенатомъ (Уст. Уг. Суд. 916 [2]; 916 [3] и 930.).

Что касается нашего уголовнаго уложенія, то и оно, установляя понятія о преступномъ дѣяніи и наказаніи въ области нашего общаго уголовнаго права, узакониваемаго на будущее время, въ свою очередь, ясно и несомнѣнно, хотя и косвенно признаетъ, что въ этой области преступны только тѣ дѣянія, которыя признаны преступными со стороны закона [1]), и правомѣрны только тѣ наказанія, которыя установлены закономъ [2]).

§ 32. Законная сила судебнаго толкованія и аналогическаго пополненія уголовнаго закона. Дѣйствующее русское законодательство и неправильный взглядъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

Какъ толкованіе, такъ и пополненіе уголовнаго закона судомъ съ помощью аналогіи имѣетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, силу закона, но — только относительно того дѣла, по которому состоялось. Ни толкованіе, ни пополненіе уголовнаго закона, сдѣланное судомъ по одному дѣлу, не имѣетъ силы закона по отношенію къ другому дѣлу, хотя бы послѣднее было того же самого рода и вида и подлежало бы рѣшенію на основаніи того же самаго закона, какъ и первое.

Основаніемъ этого правила служитъ необходимость его въ интересахъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія. Она вызывается необходимостью единовластнаго господства уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ (выше с. 253—255.), необходимостью отдѣленія судебной дѣятельности отъ законодательной (выше с. 412.) и необходимостью обезпеченія судовъ первой и апелляціонной инстанцій отъ принужденія къ систематическому повторенію ошибокъ, сдѣланныхъ судами кассаціонной инстанціи, въ толкованіи и аналогическомъ пополненіи уголовнаго закона.

Для содѣйствія же единству въ законномъ толкованіи и законномъ аналогическомъ пополненіи уголовныхъ законовъ судами, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, кассаціонныя рѣшенія высшихъ кассаціон-

1) Уг. уложеніе. ст. 1-я въ связи со ст. 4-й, 5-й (п. 1.) и 14-й (ч. 2—3.). — Выше прим. 1 на с. 135—136.

2) Уг. уложеніе. ст. 1-я и 14-я въ связи со ст. 2—3; 4—5; 15—35; 36 (ч. 2.); 37 (ч. 2.) и 53—67. — Выше прим. 1 на с. 135—136.

ныхъ уголовныхъ судовъ въ государствѣ должны быть опубликовываемы во всеобщее свѣдѣніе и рекомендуемы закономъ вниманію подлежащихъ уголовныхъ судовъ первой и апелляціонной инстанцій, но должны быть рекомендуемы лишь для принятія къ свѣдѣнію, а не къ обязательному исполненію наравнѣ съ закономъ.

Къ этой точкѣ зрѣнія довольно близко подходитъ взглядъ большинства изслѣдователей вопроса о законной силѣ судебнаго толкованія и аналогическаго пополненія уголовныхъ законовъ, если мы обратимъ вниманіе на ученыхъ континентальной Европы.

Къ той же точкѣ зрѣнія болѣе или менѣе подходитъ и взглядъ большинства дѣйствующихъ европейскихъ континентальныхъ культурныхъ законодательствъ нашего времени.

Иного взгляда держится дѣйствующее англійское право, поддерживаемое и большинствомъ англійскихъ изслѣдователей. Къ нимъ тяготѣетъ и Г. В. Демченко (Судебный прецедентъ. Варшава. 1903. с. 129—184.). По мнѣнію большинства англійскихъ изслѣдователей, какъ толкованіе, такъ и аналогическое пополненіе уголовнаго закона, сдѣланное уголовнымъ судомъ въ его приговорѣ по уголовному дѣлу, должно имѣть обязательную силу для этого суда во всѣхъ дальнѣйшихъ однородныхъ дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока уголовный судъ вышей инстанціи не отвергнетъ этого толкованія или аналогическаго пополненія уголовнаго закона своимъ приговоромъ или рѣшеніемъ. Толкованіе же и аналогическое пополненіе уголовнаго закона, сдѣланное уголовнымъ судомъ высшей инстанціи въ его приговорѣ или рѣшеніи по уголовному дѣлу, должно имѣть обязательную силу какъ для этого суда, такъ и для всякаго суда подчиненныхъ ему инстанцій по всякому дальнѣйшему однородному дѣлу до тѣхъ поръ, пока новый законъ или, въ видѣ исключенія, новый приговоръ или новое рѣшеніе суда высшей инстанціи не отвергнетъ этого толкованія или аналогическаго пополненія закона.

Высказываясь въ этомъ смыслѣ, сторонники этого взгляда оправдываютъ этотъ взглядъ его полезностью въ интересахъ цѣлесообразнаго измѣненія правового порядка, въ интересахъ прочности правового порядка, въ интересахъ устойчивости и единства судебной практики, въ интересахъ огражденія личности отъ судейскаго произвола и въ интересахъ справедливости.

Съ этимъ взглядомъ, однако, нельзя согласиться, такъ какъ онъ далеко не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности интересамъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія культурнаго народа въ культурномъ государствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ интересахъ всесторонняго возможно боль-

шаго народнаго благосостоянія въ культурномъ государствѣ необходимо, чтобы уголовный законъ былъ единственнымъ источникомъ уголовнаго права въ культурномъ государствѣ, чтобы преступными признавались въ судахъ лишь дѣянія, признанныя преступными со стороны самого закона, и чтобы не было никакихъ наказаній, кромѣ установленныхъ закономъ. А между тѣмъ, признавая за состоявшимся судебнымъ толкованіемъ или аналогическимъ пополненіемъ уголовнаго закона обязательную силу по отношенію къ дальнѣйшимъ однороднымъ дѣламъ, хотя бы и съ нѣкоторыми ограниченіями, мы неминуемо ставимъ судебное толкованіе и аналогическое пополненіе уголовнаго закона выше самого закона, а судью выше законодателя и при томъ ставимъ не только въ теоріи, но и на дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни. Судейская функція смѣшивается въ уголовныхъ судахъ съ функціей законодателя по установленію, измѣненію и отмѣнѣ правилъ дѣйствующаго уголовнаго права, и вмѣсто одного законодателя культурной державы, обладающаго широкой возможностью сообразовать содержаніе своихъ уголовно-правовыхъ правилъ съ разносторонней массой потребностей и условій жизни своего народа и излагать содержаніе этихъ правилъ, съ надлежащей полнотой, точностью и ясностью, появляются въ лицѣ уголовныхъ судовъ сотни и тысячи замѣстителей законодателя, недостаточно обезпеченныхъ въ доброкачественности своей дѣятельности по установленію, измѣненію и отмѣнѣ правилъ уголовнаго права.

Врученіе же уголовнымъ судамъ, при этой системѣ, несвойственной имъ функціи уголовнаго законодателя ярко выступаетъ въ самой Англіи. „Приговоры или рѣшенія англійскихъ судовъ, говоритъ Г. В. Демченко (Суд. прецедентъ. с. 20.), имѣютъ огромное значеніе въ дѣлѣ созданія права, и очень часто при ихъ посредствѣ вполнѣ сознательно измѣняются и отмѣняются несовершенныя постановленія законовъ и вводятся новыя нормы, имѣющія обязательную силу". „Когда по дѣлу Толсонъ, продолжаетъ Г. В. Демченко (с. 20 прим. 3.), въ Палатѣ Лордовъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что высшій уголовный судъ (Court of crown cases reserved) явно измѣняетъ законы, то лордъ канцлеръ отвѣтилъ: „Приговоръ суда не подлежитъ обсужденію парламента, а судей нельзя обвинять въ нарушеніи закона, такъ какъ только они могутъ сказать, что такое законъ" (протоколъ засѣданія 16 мая 1889 г.)". „Въ дѣйствительности, говоритъ въ заключеніе Г. В. Демченко (с. 21.), англійскіе суды, въ особенности высшіе, безспорно пользуются правами законодательной власти. Важнѣйшіе институты частнаго или публичнаго

права создаются и измѣняются не столько съ помощью законовъ, сколько при посредствѣ судебныхъ рѣшеній. И характерно, что даже рабство было отмѣнено въ Англіи не актомъ законодательной власти, а судебнымъ прецедентомъ".

Если въ Англіи до сихъ поръ существуетъ смѣшеніе судейской функціи съ функціей законодателя по уголовному праву въ рукахъ множества англійскихъ уголовныхъ судовъ съ высшимъ уголовнымъ судомъ во главѣ; то это обстоятельство вовсе не доказываетъ, что это смѣшеніе дѣйствительно должно быть рекомендуемо въ качествѣ общечеловѣческаго учрежденія, необходимаго въ интересахъ возможно большаго народнаго благосостоянія въ каждомъ культурномъ государствѣ. Дѣло въ томъ, что это смѣшеніе функцій обусловливается въ Англіи медленностью и недостаточной производительностью англійскаго законодателя въ области уголовнаго права. Въ Англіи до сихъ поръ нѣтъ ни уголовнаго уложенія, ни свода уголовныхъ законовъ. Законъ, служащій въ Англіи однимъ изъ источниковъ общаго уголовнаго права и при томъ главнымъ, до сихъ поръ воплощается во множествѣ разновременныхъ англійскихъ уголовныхъ узаконеній. Соединены въ одинъ сводъ въ 1861 г. только пять законовъ объ уголовныхъ посягательствахъ противъ личности, имущества и доброкачественности денежныхъ знаковъ (выше с. 245—246.).

Наконецъ, если вредное вліяніе смѣшенія судейской функціи съ законодательной функціей по уголовному праву въ рукахъ множества уголовныхъ судовъ съ высшимъ уголовнымъ судомъ во главѣ и не особенно ощутительно въ Англіи; то это обусловливается совокупнымъ вліяніемъ цѣлаго ряда особенно благопріятныхъ условій англійской жизни. Таковы — высокое культурное развитіе народонаселенія Англіи, сильное издавна укоренившееся уваженіе къ правовому порядку, давнишнее прочное широкое участіе народа въ отправленіи правосудія, въ управленіи и законодательствѣ, хорошій личный составъ высшаго уголовнаго суда и большею частью хорошій или удовлетворительный личный составъ уголовныхъ судовъ первой и апелляціонной инстанцій, удовлетворительное уголовное судоустройство и удовлетворительное уголовное судопроизводство. При отсутствіи же прочной цѣпи сдерживающихъ условій, это смѣшеніе функцій, несомнѣнно, окажетъ быстрое и сильное вредное вліяніе на господство правового порядка, благосостояніе личности, благосостояніе народа и благосостояніе государства. Особенно опасно это смѣшеніе у насъ и въ особенности при нашихъ земскихъ начальникахъ, уѣздныхъ съѣздахъ и губернскихъ присутствіяхъ, въ качествѣ уголовныхъ судовъ.

Обращаясь къ нашему русскому праву, слѣдуетъ отмѣтить, что наше дѣйствующее законодательство само довольно ясно и твердо указываетъ, какую силу имѣетъ состоявшееся законное судебное толкованіе или аналогическое пополненіе закона.

Въ самомъ дѣлѣ, 68-я статья основныхъ законовъ Россійской Имперіи (Св. Зак. Т. I. Ч. I. Изданіе 1892 г.) говоритъ: „Окончательное судебное рѣшеніе частнаго дѣла имѣетъ силу закона для того дѣла, по коему оно состоялось"; а 69-я статья добавляетъ: „Судебныя рѣшенія дѣлъ частныхъ хотя могутъ быть приводимы въ поясненіе въ докладахъ, но не могутъ быть признаваемы закономъ общимъ, для всѣхъ обязательнымъ, ниже служить основаніемъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ подобнымъ".

12-я статья устава уголовнаго судопроизводства обязываетъ суды „рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія, . . . основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ".

930-я статья того же устава постановляетъ, что „судъ, въ который обращено дѣло для новаго рѣшенія, обязанъ, въ изъясненіи точнаго разума закона, подчиниться сужденіямъ Правительствующаго Сената".

Наконецъ, 933-я статья того же устава постановляетъ, что „всѣ рѣшенія и опредѣленія Кассаціоннаго Департамента, которыми разъясняется точный смыслъ законовъ, публикуются во всеобщее свѣденіе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію оныхъ".

Изъ сопоставленія этихъ постановленій нашего законодательства ясно и несомнѣнно, съ логической необходимостью, вытекаютъ слѣдующіе выводы.

1. Какъ законное толкованіе, такъ и законное пополненіе закона съ помощью аналогіи, сдѣланное уголовнымъ судомъ, при рѣшеніи уголовнаго дѣла, имѣетъ, при наличности законныхъ условій, силу закона, но — только относительно того дѣла, по которому состоялось. Толкованіе же и аналогическое пополненіе закона, сдѣланное судомъ относительно одного дѣла, не имѣетъ никакой силы закона по отношенію къ другому дѣлу, хотя бы послѣднее было того же самаго рода и вида и подлежало бы рѣшенію на основаніи того же самаго закона, какъ и первое.

2. Судебное толкованіе или судебное аналогическое пополненіе закона, состоявшееся по одному дѣлу, можетъ быть примѣнено къ другому дѣлу только въ томъ случаѣ, когда судъ, повинуясь логикѣ

и закону, найдетъ, что и въ новомъ дѣлѣ слѣдуетъ истолковать или пополнить законъ точно также, какъ и въ прежнемъ.

3. Для содѣйствія единству въ толкованіи и аналогическомъ пополненіи законовъ уголовными судами, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, всѣ рѣшенія и опредѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, разъясняющія точный смыслъ законовъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе, но не въ видѣ указаній, подлежащихъ обязательному примѣненію наравнѣ съ законами и даже преимущественно передъ противорѣчащими имъ законами, а лишь въ видѣ примѣровъ, предлагающихъ на обсужденіе уголовнымъ судамъ возможный, но не вынуждаемый выходъ изъ затрудненій, встрѣтившихся, при рѣшеніи дѣлъ. Судъ слѣдуетъ примѣру, поданному опубликованнымъ кассаціоннымъ рѣшеніемъ или опредѣленіемъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, только въ томъ случаѣ, когда, повинуясь логикѣ и закону, находитъ, что и въ разбираемомъ новомъ уголовномъ дѣлѣ нужно истолковать или пополнить законъ точно также, какъ это сдѣлано въ этомъ кассаціонномъ рѣшеніи или опредѣленіи.

Не такъ смотритъ на силу своихъ кассаціонныхъ рѣшеній Уголовной Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената. Ссылаясь на 933-ю статью устава уголовнаго судопроизводства, Уголовный Кассаціонный Департаментъ утверждаетъ, что его рѣшенія и опредѣленія, разъясняющія точный смыслъ закона, имѣютъ юридически обязательную силу не только относительно тѣхъ дѣлъ, по которымъ состоялись (ст. 930.), но и относительно всѣхъ прочихъ дѣлъ того же рода. Словомъ, Уголовный Кассаціонный Департаментъ утверждаетъ, что его рѣшенія и опредѣленія, разъясняющія точный смыслъ законовъ, имѣютъ общую обязательную силу. Эта претензія была высказана впервые Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ 1869 г. [1]) и настойчиво поддерживается до сихъ поръ [2]). Она отличалась сначала даже острымъ характеромъ. „Была пора, говоритъ И. Я. Фойницкій [3]), когда сенатъ весьма щедро расточалъ даже дисциплинарныя взысканія для тѣхъ членовъ судебныхъ мѣстъ, которые

---

1) К. р. 1869 г.: № 142, (7 февр.), д. о порубкѣ лѣса въ Макаровской дачѣ, № 440 д. крестьянина Петрушина и № 443 д. крестьянъ Фроловыхъ.

2) И. Я. Фойницкій — Курсъ уголовнаго судопроизводства. Изданіе 3. С.-Петербургъ. 1902. Т. I. с. 160—164. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 184—186.

3) Фойницкій — Курсъ уг. судопроизводства. 1902. Т. I. с. 164. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 184.

не подчинялись послѣдовавшимъ отъ него разъясненіямъ. Въ послѣднее время такіе случаи встрѣчаются рѣже и рѣже".

Эта претензія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената — совершенно противозаконна. Незаконность ея вполнѣ доказана многими писателями и учеными [1]). Главныя доказательства состоятъ въ слѣдующемъ.

1. Претензія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента противорѣчитъ прямому смыслу 12-й статьи устава уголовнаго судопроизводства. Эта статья требуетъ, чтобы судъ рѣшалъ дѣла на основаніи „законовъ", а рѣшенія и опредѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента не составляютъ закона.

2. Претензія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента противорѣчитъ прямому и ясному смыслу 68-й и 69-й статьи основныхъ государственныхъ законовъ Россійской Имперіи.

3. Претензія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента не имѣетъ оправданія въ прямыхъ и ясныхъ выраженіяхъ закона, а опирается на неправильное объясненіе словъ 933-й статьи устава уголовнаго судопроизводства. Эта статья говоритъ: „Всѣ рѣшенія и опредѣленія Кассаціоннаго Департамента, которыми разъясняется точный смыслъ законовъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію оныхъ". Выраженіе же этой статьи — „для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію" законовъ — при естественномъ толкованіи по ближайшему смыслу, безъ натяжекъ, означаетъ, что рѣшенія и опредѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, разъясняющія точный смыслъ законовъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе для содѣйствія единообразному истолкованію и примѣненію законовъ.

Правильность такого толкованія 933-й статьи устава уголовнаго судопроизводства вполнѣ подтверждается сопоставленіемъ этой статьи съ 919-й статьей того же устава и 69-й статьей нашихъ основныхъ государственныхъ законовъ съ одной стороны и съ 68-й статьей

---

1) Напр., Н. А. Неклюдовымъ (Руководство для Мировыхъ Судей. 2 изд. С.-Петербургъ. 1872. Т. I. с. 718—719.), А. Д. Градовскимъ (О судебномъ толкованіи законовъ по русскому праву. Журналъ гражданскаго и уголовнаго права. С.-Петербургъ. 1874. Книжка I. с. 36—62.), И. Я. Фойницкимъ (Курсъ уголовнаго судопроизводства. 1902. Т. I. с. 159—164.), Н. С. Таганцевымъ (Рус. уг. право. Т. I. с. 184—186.), Д. Г. Тальбергомъ (Русское уголовное судопроизводство. Кіевъ. 1889. Т. I. с. 129—130.), В. К. Случевскимъ (Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. С.-Петербургъ. 1895. Изд. 2. с. 91 и прим. 1 на с. 91 и 92.).

тѣхъ же основныхъ законовъ и 930-й статьей устава уголовнаго судопроизводства съ другой стороны.

Въ самомъ дѣлѣ, предписывая опубликованіе рѣшеній и опредѣленій Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, разъясняющихъ точный смыслъ законовъ, и при томъ предписывая опубликованіе этихъ рѣшеній и опредѣленій во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ, 933-я статья устава уголовнаго судопроизводства ясно и несомнѣнно имѣетъ въ виду не одни уголовные суды первой и апелляціонной инстанцій, подчиненные Уголовному Кассаціонному Департаменту, какъ кассаціонной инстанціи, но Уголовный Кассаціонный Департаментъ вмѣстѣ со всѣми подчиненными ему уголовными судами первой и апелляціонной инстанцій. Отсюда становится ясно, что рѣшенія и опредѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, разъясняющія точный смыслъ законовъ, публикуются, по волѣ закона, во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ, но публикуются одинаково какъ для руководства судамъ первой и апелляціонной инстанцій, подчиненнымъ Уголовному Кассаціонному Департаменту, въ качествѣ кассаціонной инстанціи, такъ и для руководства самому Уголовному Кассаціонному Департаменту.

Предписывая опубликованіе этихъ рѣшеній и опредѣленій Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента для руководства самому этому Департаменту, законодатель ясно отмѣчаетъ, что онъ не ставитъ эти опредѣленія и рѣшенія наравнѣ съ закономъ и не придаетъ имъ общей обязательной силы, свойственной закону. Это ясно видно изъ 919-й статьи устава уголовнаго судопроизводства, опредѣляющей, что должно быть изложено сенаторомъ, докладчикомъ дѣла въ его докладѣ Уголовному Кассаціонному Департаменту, при кассаціонномъ разбирательствѣ уголовнаго дѣла. „Докладъ дѣла Сенату, постановляетъ 919-я статья устава уголовнаго судопроизводства, заключается въ изложеніи: 1) обстоятельствъ дѣла, относящихся къ предмету жалобы или протеста; 2) обжалованнаго или протестованнаго приговора; 3) причинъ, на коихъ основывается ходатайство объ отмѣнѣ приговора; 4) законовъ приличныхъ дѣлу, и 5) примѣрныхъ рѣшеній, постановленныхъ Сенатомъ по дѣламъ однороднымъ". Законодатель не только рѣзко отдѣляетъ здѣсь законы отъ сенатскихъ рѣшеній, но и ясно указываетъ, что сенатскія рѣшенія, постановленныя по дѣламъ однороднымъ, должны быть приводимы лишь въ качествѣ примѣровъ. Точное же значеніе этого разграниченія вполнѣ ясно и несомнѣнно разъясняется 69-й статьей нашихъ основныхъ госу-

дарственныхъ законовъ. Она постановляетъ, что „судебныя рѣшенія дѣлъ частныхъ хотя и могутъ быть приводимы въ поясненіе въ докладахъ, но не могутъ быть признаваемы закономъ общимъ, для всѣхъ обязательнымъ, ниже служить основаніемъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ подобнымъ".

А такъ какъ 69-я статья основныхъ государственныхъ законовъ Россійской Имперіи является обязательной не только для Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, но и для всѣхъ подчиненныхъ ему уголовныхъ судовъ первой и апелляціонной инстанціи; то изъ сопоставленія этой статьи съ 919-й и 933-й статьей устава уголовнаго судопроизводства съ одной стороны и съ 68-й статьей нашихъ основныхъ государственныхъ законовъ и 930-й статьей устава уголовнаго судопроизводства съ другой стороны слѣдуетъ заключить, съ логической необходимостью, что законодатель, предписывая въ 933-й статьей устава уголовнаго судопроизводства публиковать рѣшенія и опредѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, разъясняющія точный смыслъ законовъ, во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ, имѣлъ въ виду оказать лишъ содѣйствіе судамъ къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ, а вовсе не подчинить суды этимъ кассаціоннымъ рѣшеніямъ и опредѣленіямъ, какъ законамъ или какимъ-то обязательнымъ предписаніямъ.

Наконецъ, если бы нашъ законодатель дѣйствительно желалъ придать кассаціоннымъ рѣшеніямъ и опредѣленіямъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента общую обязательную силу, свойственную закону; то, безъ сомнѣнія, съумѣлъ бы это сдѣлать прямо и просто, не прибѣгая къ выраженіямъ, не имѣющимъ такого значенія.

Въ виду этихъ обстоятельствъ и слѣдуетъ признать, что, предписывая публиковать во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ всѣ рѣшенія и опредѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, разъясняющія точный смыслъ законовъ, 933-я статья устава уголовнаго судопроизводства употребляетъ выраженіе „для руководства" не иначе, какъ въ смыслѣ выраженія „для содѣйствія" [1]).

---

1) Г. В. Демченко находитъ возможнымъ объяснить значеніе выраженія 933-й статьи: „для руководства" какъ буквальнымъ смысломъ слова: „руководство", такъ и употребленіемъ словъ: „руководство" и „руководить" въ нашихъ законахъ. „Для руководства, говоритъ Г. В. Демченко (Суд. прецедентъ. с. 225—226.), дается всегда то, что руководитъ или чѣмъ обязаны руководствоваться. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ преподаетъ „въ руководство волостнымъ судамъ

Указавъ третье доказательство противозаконности претензіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, приведемъ четвертое.

4. Претензія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента стоитъ въ явномъ притоворѣчіи съ двумя чрезвычайно важными общими правилами, ясно и твердо проводимыми нашимъ дѣйствующимъ общимъ уголовнымъ законодательствомъ, а именно — какъ съ правиломъ о томъ, что преступно только то, что законъ призналъ преступнымъ [nullum crimen sine lege][1]), такъ и съ правиломъ о томъ, что не должно быть никакого наказанія, кромѣ узаконеннаго [nulla poena sine lege][2]).

Слѣдуетъ замѣтить, что Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 8-го мая 1890 г., въ виду 68-й и 69-й статьи нашихъ основныхъ государственныхъ законовъ, рѣшительно отвергло общеобязательную силу одного изъ указовъ Перваго Департамента Правительствующаго Сената. „Что же касается ссылки просителя, говоритъ это мнѣніе (Собр. уз. 1890 г. № 89 ст. 896.), на указъ Сената по однородному дѣлу, состоявшійся въ смыслѣ противоположномъ вышеизъясненному, то указъ этотъ, въ виду ст. 68 и 69 т. I. ч. I зак. осн., не имѣетъ общеобязательной силы".

Наконецъ, нельзя не сказать, что претензія Уголовнаго Касса-

наставленіе относительно примѣненія устава о наказаніяхъ" (законъ 12 іюля 1889 г.); товарищи прокуроровъ дѣйствуютъ „подъ руководствомъ тѣхъ прокуроровъ, при коихъ они состоятъ" (у. с. у. ст. 129); при производствѣ дознаній жандармскіе чины „руководствуются правиломъ, изложеннымъ въ ст. 254 устава уголовнаго судопроизводства" (у. у. с. ст. 261); наконецъ, рѣшеніе суда содержитъ „указаніе на законы, которыми судъ руководствовался" (у. г. с. 711)".

Такой пріемъ объясненій Г. В. Демченко является, однако, совершенно неправильнымъ. Если слово, употребленное законодателемъ, при характеристикѣ какого-нибудь изучаемаго нами юридическаго отношенія, возбуждаетъ сомнѣнія; то мы можемъ брать для разъясненія различныя выраженія, заключающія въ себѣ это слово, употребленныя законодателемъ для характеристики другихъ отношеній, но — только въ томъ случаѣ, когда эти отношенія однородны съ изучаемымъ нами отношеніемъ. Въ противномъ случаѣ мы легко можемъ придать сомнительному слову, употребленному законодателемъ, при характеристикѣ изучаемаго нами отношенія, какъ разъ не тотъ смыслъ, въ которомъ оно употреблено законодателемъ, а совершенно иной. А между тѣмъ это необходимое предохранительное правило противъ ошибочности заключенія совершенно упущено изъ виду Г. В. Демченко, при его объясненіи выраженія: „для руководства" въ 933-й статьѣ устава уголовнаго судопроизводства.

1) Уложеніе о нак. ст. 1 и 370. — Уставъ о нак. ст. 1. — Уст. Уг. Суд. ст. 12 и 771. — Выше с. 134—136.

2) Ул. о нак. ст. 90 и 151. — Уст. о нак. ст. 1. — Выше с. 134—136.

ціоннаго Департамента Правительствующаго Сената на присвоеніе общей обязательной силы его кассаціоннымъ рѣшеніямъ и опредѣленіямъ, содержащимъ въ себѣ толкованіе и аналогическое пополненіе дѣйствующихъ законовъ Россійской Имперіи, вполнѣ противорѣчитъ разумному общему принципу отдѣленія судебной функціи отъ законодательной, ставитъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ выше законодателя, принуждаетъ уголовные суды къ систематическому повторенію ошибокъ, сдѣланныхъ этимъ Департаментомъ въ толкованіи и аналогическомъ пополненіи законовъ, и сильно затрудняетъ отправленіе уголовнаго правосудія, благодаря множеству противорѣчій въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ и опредѣленіяхъ этого Департамента.

Юрьевъ. 1904. V. 31.

Оглавленіе.

Программа лекцій по общей части русскаго уголовнаго права.

Введеніе.

Стр.

Глава I. Предварительныя свѣдѣнія. §§ 1—11 . . . 5

Общая часть русскаго уголовнаго права.

Отдѣлъ I. Источники уголовнаго права.

Глава II. Источники уголовнаго права. §§ 12—22 . 6

Глава III. Уголовный законъ. §§ 23—32 18

Краткое изложеніе нѣкоторыхъ понятій и разъясненій по общей части русскаго уголовнаго права.

Введеніе.

Глава I. Предварительныя свѣдѣнія.

§ 1. Матерьяльныя и духовныя потребности человѣка, стремленіе къ ихъ удовлетворенію, условія жизни, государство и право 21

§ 2. Культурное государство и высшій руководящій принципъ его общественной дѣятельности — поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, матерьяльнаго и духовнаго 29

§ 3. Уголовное право въ обширномъ смыслѣ слова . . . 31

§ 4. Подраздѣленіе уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ слова на двѣ и на четыре вѣтви 33

Двѣ вѣтви: уголовное право и уголовно-судебное право (с. 33.). Четыре вѣтви: уголовное или, точнѣе, уголовно опредѣлительное право, уголовно-охранительное право, уголовно-судебное право и уголовно-исполнительное право (34).

§ 5. Уголовное право и его подраздѣленіе на двѣ части: общую и особенную 39

Стр.

§ 6. Названія уголовнаго права 41
§ 7. Энциклопедическое мѣсто уголовнаго права 42
§ 8. Наука уголовнаго права, ея методъ съ его наиболѣе употребительными видами и ея составъ: исторія уголовнаго права, догма уголовнаго права и уголовная политика. 43

Опредѣленіе науки уголовнаго права (43). Метафизическій методъ и его ненаучность (43). Положительный или позитивный методъ (43). Виды позитивнаго метода, наиболѣе употребительные въ наукѣ уголовнаго права, извѣстные подъ именемъ методовъ: догматическаго, историческаго, сравнительно-историческаго и уголовно-политическаго (44). Догматическій методъ, догма уголовнаго права и ея подраздѣленіе на двѣ части: общую и особенную (44). Историческій методъ и исторія уголовнаго права (45). Сравнительно-историческій методъ (46). Уголовно-политическій методъ, уголовная политика и ея высшій руководящій принципъ у культурныхъ народовъ (46). Задачи уголовной политики, какъ науки, въ культурномъ государствѣ (50). Пріемы научной разработки уголовной политики: уголовно-политическій пріемъ, пріемъ наблюденія, пріемъ позволительнаго опыта, статистическій пріемъ, пользованіе указаніями исторіи уголовнаго права и пользованіе указаніями сравнительно-исторической разработки уголовнаго права (58). Составъ науки уголовнаго права (59).

§ 9. Литература уголовнаго права 59

XIII—XVI вѣкъ (59). XVII вѣкъ (62). XVIII вѣкъ (63). XIX вѣкъ (67): паденіе метафизическаго метода и распространеніе господства позитивнаго метода (67), историческій методъ (68), сравнительно-историческій методъ (69), догматическій методъ (69), уголовно-политическій методъ (71), уголовная антропологія (72), уголовная соціологія (76), уголовная антропосоціологія (78), криминалисты классическаго направленія (82) и криминалисты новыхъ направленій (82): уголовно-антропологическаго (85), уголовно-соціологическаго (86), уголовно-антрополого-соціологическаго (86) и прогрессивнаго уголовно-политическаго (86).

§ 10. Вспомогательныя науки и отрасли знанія 87

Наука уголовно-охранительнаго права, наука уголовно-судебнаго права, наука уголовно-исполнительнаго права, тюрьмовѣдѣніе, психологія, судебная психопатологія, судебная медицина, уголовная антропологія, уголовная соціологія, уголовная статистика, ученіе о дисциплинарномъ правѣ, наука государственнаго права, наука полицейскаго или, точнѣе, административнаго права, наука церковнаго права, наука международнаго права, исторія политической жизни народовъ и исторія цивилизаціи или культуры.

§ 11. Предметъ и планъ лекцій 90

Общая часть русскаго уголовнаго права.

Отдѣлъ I. Источники уголовнаго права.

Глава II. Источники уголовнаго права.

§ 12. Источники права 91
§ 13. Источники уголовнаго права вообще и источники его

Стр.

въ культурныхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россійской Имперіи 92

§ 14. Подраздѣленіе уголовнаго права на общее и особенное 96

§ 15. Подраздѣленіе уголовнаго права Россійской Имперіи на общее и особенное 96

§ 16. Подраздѣленіе общаго уголовнаго права на двѣ части: общую и особенную 96

§ 17. Краткій историческій очеркъ главныхъ законодательныхъ памятниковъ общаго уголовнаго права Россійской Имперіи. 97

Соборное „Уложеніе“ Царя Алексѣя Михайловича 29 января 1649 г. (98). „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“ Царя Петра I 30 марта 1716 г. (99). Комиссіи по составленію законопроектовъ (101), наказъ Императрицы Екатерины II (101). „Сводъ Законовъ Уголовныхъ“ Императора Николая I, по изданію 1832 г., удостоившійся Высочайшаго утвержденія 31 января 1833 г., съ послѣдующимъ изданіемъ 1842 г. (104). „Уложеніе о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ“ Императора Николая I 15 августа 1845 г., съ послѣдующими изданіями 1857-го, 1866-го и 1885-го годовъ (107—116). „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ Императора Александра II 20 ноября 1864 г., съ послѣдующими изданіями 1883-го и 1885-го годовъ (109). „Уголовное уложеніе“ Императора Николая II 22 марта 1903 г. съ подготовительными работами (116). Дополнительныя узаконенія къ уголовному уложенію, установленныя Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (130). Высочайше утвержденное постановленіе Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. о выработкѣ мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ уголовнаго уложенія (131). Комиссія, Высочайше учрежденная 13 мая 1903 г. для выработки этихъ мѣропріятій (132).

§ 18. Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника: уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 года, съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 года, съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями. Уголовное уложеніе 22 марта 1903 года 133

§ 19. Подраздѣленіе дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права на двѣ части: общую и особенную и соотвѣтствующее подраздѣленіе уголовнаго уложенія. 137

§ 20. Пособія къ изученію русскаго уголовнаго права: 1) пособія къ изученію текста дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи (139), II) пособія къ изученію судебной практики по общей и особенной части общаго уголовнаго права Россійской Имперіи (140) и III) литературныя пособія къ изученію общей и особенной части общаго уголовнаго права Россійской Имперіи (142) 138

Стр.

§ 21. Дѣйствующее особенное уголовное право Россійской Имперіи, его виды (8), ихъ источники и внѣшнія формы воплощенія этихъ источниковъ 147

1-й видъ — русское военно-уголовное право и двѣ его вѣтви (147). 2-й видъ — крестьянское уголовное право Россійской Имперіи и пять его вѣтвей (148). 3-й видъ — религіозно-уголовное право, дѣйствующее въ Россійской Имперіи, и шесть его вѣтвей (150). 4-й видъ — инородческое уголовное право, дѣйствующее въ Россійской Имперіи (152). 5-й видъ — уголовное право, установленное въ Россійской Имперіи для каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ (152). 6-й видъ — финансово-уголовное право Россійской Имперіи и двѣ его вѣтви (152). 7-й видъ — финляндское уголовное право (153): постепенное завоеваніе Финляндіи въ XVIII-мъ вѣкѣ (154) и началѣ XIX-го (157) русскимъ государствомъ и обращеніе ея, по волѣ русскихъ Императоровъ, въ обособленную составную часть русскаго государства (161—177), надѣленную названіемъ Великаго Княжества Финляндскаго (161—163; 174; 176—177.), опредѣленной территоріей (155—157; 172—173; 176—177.), участіемъ народонаселенія въ управленіи и отправленіи правосудія (178—182), а также въ законодательной дѣятельности относительно этой страны [въ царствованіе Императоровъ: Александра I (182), Николая I (190), Александра II (195), Александра III (205) и Николая II (221)] и сохраненіемъ большинства коренныхъ законовъ (162—163; 192—193; 206—209.)]; „Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 года и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденное для Великаго Княжества Финляндіи“, по изданію 1824 г. (207—209); „Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго“, Высочайше утвержденное 7 (19) декабря 1889 г. и снабженное до вступленія въ дѣйствіе нѣкоторыми измѣненіями, Высочайше утвержденными 2 (14) апрѣля 1894 г. и изложенными въ Высочайшемъ постановленіи 9 (21) апрѣля 1894 г. (206; 209—218; 232—233.). 8-й видъ — административно-уголовное право (233).

§ 22. Общее уголовное право, дѣйствующее въ нѣкоторыхъ выдающихся иностранныхъ культурныхъ государствахъ, его источники и нѣкоторыя пособія къ его изученію . 234

I. Франція (234). II. Австрія (235). III. Бельгія (236). IV. Германія (236). V. Голландія (243). VI. Италія (244). VII. Нью-Іоркъ (244). VIII. Англія (245).

Глава III. Уголовный законъ.

§ 23. Понятіе уголовнаго закона 247

§ 24. Основное содержаніе и главныя формы выраженія уголовныхъ законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова 248

§ 25. Санкція уголовнаго закона въ тѣсномъ смыслѣ слова, ея виды: 1) санкція абсолютно неопредѣленная, 2) санкція абсолютно опредѣленная и 3) санкція относительно опредѣленная, ихъ достоинства, недостатки и положеніе въ уголовномъ правѣ культурныхъ государствъ . . . 251

§ 26. Съ точки зрѣнія интересовъ наибольшаго народнаго благосостоянія, законъ долженъ быть единственнымъ источникомъ уголовнаго права въ культурномъ сосударствѣ. 253

Стр.

§ 27. Дѣйствіе уголовнаго закона во времени 255

Начало и конецъ дѣйствія уголовнаго закона (255). Понятіе о дѣйствіи уголовнаго закона (255). Столкновеніе между нѣсколькими уголовными законами относительно дѣйствія во времени (255). Рѣшеніе большинства ученыхъ: 1) общее правило — къ дѣянію долженъ быть примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствовалъ во время учиненія этого дѣянія, и 2) исключеніе — въ пользу новаго болѣе мягкаго уголовнаго закона (256). Рѣшеніе меньшинства ученыхъ: 1) общее правило — къ дѣянію долженъ быть примѣняемъ тотъ уголовный законъ, который дѣйствуетъ во время отправленія правосудія по этому дѣянію, и 2) исключенія въ различномъ объемѣ въ пользу прежняго болѣе мягкаго уголовнаго закона (258). Взгляды дѣйствующихъ иностранныхъ культурныхъ законодательствъ нашего времени (260). Взгляды отжившихъ законодательствъ въ небольшихъ нѣмецкихъ государствахъ (261). Система дѣйствія закона во времени, установленная основными государственными законами Россійской Имперіи (261), твердое проведеніе ея въ области уголовнаго права въ XIX вѣкѣ (262—269) и судебная практика: разъясненіе Государственнаго Совѣта въ 1848 г. (264; 269.) и разъясненія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената (269). Уголовное уложеніе (270).

§ 28. Дѣйствіе уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ по мѣсту и лицамъ 276

Поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, какъ высшій руководящій принципъ (277). Принципы, ближайшимъ образомъ опредѣляющіе дѣйствіе уголовнаго закона въ культурномъ государствѣ по мѣсту и лицамъ, (съ соотвѣтствующими указаніями на дѣйствующія культурныя законодательства и уголовное уложеніе): территоріальный принципъ, какъ выраженіе общаго правила (277—283), и принципы уголовной безотвѣтственности царствующаго туземнаго государя (283—284), уголовной безотвѣтственности царствующихъ иностранныхъ государей (284—287), національный (287—329) и реальный (329—345), какъ источники для установленія исключеній изъ общаго правила. Космополитическій принципъ и его несостоятельность (345).

§ 29. Выдача преступниковъ 348

Понятіе (349). Возникновеніе и развитіе учрежденія выдачи преступниковъ (350). Основаніе этого учрежденія (354). Строй учрежденія выдачи преступниковъ, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія, а также съ точки зрѣнія положительнаго права культурныхъ народовъ и нашего уголовнаго уложенія: общее правило о выдачѣ преступниковъ (356), исключенія изъ этого правила (365—399), а въ особенности — по отношенію къ собственнымъ подданнымъ (366—380) и политическимъ преступникамъ (385—399), необходимыя ограниченія въ судимости и уголовной отвѣтственности выданныхъ преступниковъ (399—401) и важнѣйшія изъ правилъ производства выдачи (401—404).

§ 30. Толкованіе уголовнаго закона 404

Понятіе (404). Подраздѣленіе толкованія на два вида, по способу толкованія: толкованіе грамматическое и толкованіе логическое, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на систематическое и историческое (404). Подраздѣленіе толкованія на три

Стр.

вида, по разницѣ отношеній между словами и мыслью закона: толкованіе объяснительное, толкованіе распространительное и толкованіе ограничительное (405). Подраздѣленіе толкованія на два вида, по органу и цѣли толкованія: толкованіе судебное и толкованіе научное (406). Неправильность въ понятіи и названіи: „аутентическое толкованіе“ (406). Смѣна взглядовъ на полномочія уголовныхъ судовъ къ толкованію законовъ (407). Толкованіе закона уголовными судами по дѣйствующему русскому законодательству (409).

§ 31. Пополненіе уголовнаго закона по аналогіи уголовнымъ судомъ 410

Понятіе (410). Смѣна взглядовъ на полномочія уголовныхъ судовъ къ пополненію уголовнаго закона по аналогіи (411). Дѣйствующее русское законодательство и уголовное уложеніе (413).

§ 32. Законная сила судебнаго толкованія и аналогическаго пополненія уголовнаго закона 415

Взгляды ученыхъ и положительное право иностранныхъ культурныхъ государствъ (415). Дѣйствующее русское законодательство (419) и неправильный взглядъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената (420).

Опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
11	8 и 13 сверху	Общее положеніе	Общее Положеніе
12	9 „	Общее положеніе	Общее Положеніе
13	14 „	мировыми судьями	Мировыми Судьями
13	14 „	уголовнаго судопроизводства	Уголовнаго Судопроизводства
15	20 „	ст. 168.	ст. 168 съ прим., по прод. 1902 г.
15	20 „	Приложеніе V.	Приложеніе V съ двумя примѣчаніями и указаніемъ на исключеніе IV-го отдѣла, по прод. 1902 г.
16	5 „	продолженію 1890 г.	изданію 1890 г.
18	25 „	исправленное въ 1898 г.	исправленное въ послѣдующіе года
20	31—32 „	закона	уголовнаго закона
50	11 „	чоловѣка	человѣка
56	37 „	e procedura	e della procedura
64	1 „	Е. Клейнъ	Э. Клейнъ
66	20 „	I.	Т. I.
66	21 „	А. Пыпина.	А. Н. Пыпина.
68	15 „	фицджемсъ	Фицджемсъ
141	3 „	уголовнаго	Уголовнаго
145	6 „	второго А. Ѳ. Кистяковскаго.	второго. А. Ѳ. Кистяковскаго.
160	18 „	Ботаннческій	Ботническій
217	41 „	1 13 день	1/13 день
235	32 „	1900.	1900. Полное изданіе — Paris, 1901. — 8-ème édition. Paris. 1903.
240	6 „	Фейрбахомъ	Фейербахомъ
256	3 „	p. 109—119.	p. 109—119. — 1903. p. 100—121.
381	11 и 29 „	363	353
382	11 „	363	353
383	17 „	363	353

Первое дополненіе

къ первому выпуску „Программы лекцій по общей части русскаго уголовнаго права съ краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ понятій и объясненій".

П. П. Пусторослева.

Проектъ уголовнаго уложенія удостоился Высочайшаго утвержденія 22 марта 1903 г. и съ этого дня обратился въ уголовное уложеніе [1]). Въ тотъ же день послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату „сдѣлать надлежащія распоряженія къ обнародованію" этого уложенія [2]). Этимъ указомъ устранено немедленное вступленіе уголовнаго уложенія въ дѣйствіе и предписано ввести уголовное уложеніе въ дѣйствіе впослѣдствіи въ тотъ „срокъ, который будетъ . . . особо къ тому назначенъ" Государемъ Императоромъ.

Въ тотъ же день 22 марта 1903 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія и мнѣніе Государственнаго Совѣта „по проекту уголовнаго уложенія" [3]). Это Высочайше утвержденное мнѣніе заключало въ себѣ нѣкоторыя дополнительныя узаконенія къ уголовному уложенію и, установляя нѣкоторыя новыя правила закона (Мнѣніе. Отд. I и II.), предписывало ввести ихъ въ дѣйствіе одновременно съ уголовнымъ уложеніемъ (Мнѣніе. Отд. III.), а, подтверждая нѣкоторыя старыя правила уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (ул. ст. 57

1) Собр. уз. 1903 г. Отд. I. № 38. Ст. 416. Объ утвержденіи уголовнаго уложенія. Приложеніе. Уголовное уложеніе.

2) Собр. уз. 1903 г. Отд. I. № 38. Ст. 416. Объ утв. уг. ул. Указъ Правительствующему Сенату.

3) Собр. уз. 1903 г. Отд. I. № 38. Ст. 416. Объ утв. уг. ул. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

съ прим. 1 и 2.), предписывало сохранить эти старыя правила въ дѣйствіи и по вступленіи уголовнаго уложенія въ дѣйствіе (Мнѣніе. Отд. IV.).

До іюня мѣсяца 1904 г. никакихъ Высочайшихъ указовъ о полномъ или частичномъ введеніи уголовнаго уложенія въ дѣйствіе не было издано.

Такимъ образомъ, до іюня мѣсяца 1904 г. какъ уголовное уложеніе, такъ и дополнительныя къ нему новыя узаконенія, созданныя Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта по проекту уголовнаго уложенія, 22 марта 1903 г., были законами, но только не дѣйствующими, а лишь ожидающими своего вступленія въ дѣйствіе.

Въ виду этого, и въ первомъ выпускѣ программы моихъ лекцій по общей части русскаго уголовнаго права, напечатанномъ до іюня мѣсяца 1904 г., какъ уголовное уложеніе, такъ и новыя дополнительныя къ нему узаконенія 22 марта 1903 г. указаны въ качествѣ законовъ, но только не дѣйствующихъ, а лишь ожидающихъ своего вступленія въ дѣйствіе.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1904 г. положеніе уголовнаго уложенія съ новыми дополнительными узаконеніями 22 марта 1903 г. нѣсколько измѣнилось.

7 іюня 1904 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго уголовнаго уложенія“.

Обнародованіе этого Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта состоялось въ концѣ іюня мѣсяца 1904 г. Этотъ законъ напечатанъ впервые въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства“ 24 іюня 1904 г.[1]) и вступилъ въ дѣйствіе немедленно, по обнародованіи: въ однихъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи — въ концѣ іюня, а въ другихъ — въ первой половинѣ іюля мѣсяца 1904 г.

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. между прочимъ предписало безотлагательно ввести въ дѣйствіе: а) нѣкоторыя части уголовнаго уложенія 22 марта 1903 г., указанныя въ этомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи[2]), а именно —

---

1) Собр. уз. 24 іюня 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго уголовнаго уложенія.

2) Собр. уз. 1904. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта 7 іюня 1904 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ. Отд. VII. ст. 1—7.

постановленія уголовнаго уложенія о государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, перечисленныхъ въ этомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи, съ постановленіями общей части уголовнаго уложенія, относящимися къ этимъ преступнымъ дѣяніямъ, б) большую часть дополнительныхъ узаконеній къ уголовному уложенію, установленныхъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта по проекту уголовнаго уложенія 22 марта 1903 г. [выше с. 433. прим. 3.], и в) нѣкоторыя дополнительныя узаконенія къ уголовному уложенію, установленныя самимъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. [Отдѣлъ VII. ст. 2—7.].

Это введеніе въ дѣйствіе произошло: въ однихъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи — въ концѣ іюня, а въ другихъ — въ первой половинѣ іюля мѣсяца 1904 г.

Такимъ образомъ, съ конца іюня мѣсяца 1904 г. нѣкоторыя части уголовнаго уложенія и нѣкоторыя части дополнительныхъ къ нему узаконеній, созданныхъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г., являются уже дѣйствующими законами.

Въ виду только что указанныхъ перемѣнъ въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, происшедшихъ по напечатаніи перваго выпуска программы моихъ лекцій по общей части русскаго уголовнаго права, я нахожу необходимымъ произвести въ текстѣ этого выпуска слѣдующія исправленія.

№ 1. На 9-й страницѣ въ концѣ 1-го примѣчанія слѣдуетъ прибавить фразу:

— О вступленіи нѣкоторыхъ частей уголовнаго уложенія въ дѣйствіе съ конца первой половины 1904 г. смотрите Собр. уз. 24 іюня 1904 г. Отд. I. № 98.

„VII. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній, постановить:

1) По дѣламъ, подвѣдомымъ судебнымъ мѣстамъ, означеннымъ въ статьѣ 1032 устава уголовнаго судопроизводства (отд. I сего узак.), не ожидая введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 года, уголовнаго уложенія (собр. узак., ст. 416) въ полномъ его объемѣ, одновременно съ примѣненіемъ настоящаго узаконенія, вступаютъ въ силу главы третья и четвертая сего уложенія, а также статьи онаго: 121, 123, 126—132, 134, 163, 164, 166 (ч. 2), 168 (ч. 3), 170, 173 (ч. 4), 437, 449, 643 (ч. 2 и 3), 644 (ч. 4), 645 (ч. 4) и 652 (ч. 3), а по примѣненію къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ указанными главами и статьями, и глава первая упомянутаго уложенія, а также отдѣлы I и II Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта по проекту уголовнаго уложенія.“

Ст. 966. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго уголовнаго уложенія. Отд. VII. ст. 1—7.

№ 2. На 9-й стр. 18-й параграфъ нужно изложить слѣдующими словами: Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника: а) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ", по изданію 1885 г.[2]), съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями[3]), б) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями", по изданію 1885 г.[4]), съ соотвѣтствующими позднѣйшими узаконеніями[5]), и в) нѣкоторыя части „Уголовнаго уложенія" 22 марта 1903 г.[6]), съ нѣкоторыми соотвѣтствующими добавочными одновременными[7]) и позднѣйшими[8]) узаконеніями.

№ 3. На 9-й стр. прибавить новое 6-е примѣчаніе:

6) Уголовное уложеніе. Приложеніе къ Собр. узак. и расп. Прав. за 1903 г., № 38 отд. I, ст. 416. — О вступленіи въ дѣйствіе нѣкоторыхъ частей уголовнаго уложенія съ конца первой половины 1904 г. смотрите Собр. уз. 24 іюня 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта 7 іюня 1904 г. Отд. VII. ст. 1—7.

Ст. 1. „По дѣламъ, подвѣдомымъ судебнымъ мѣстамъ, означеннымъ въ статьѣ 1032 устава уголовнаго судопроизводства (отд. I сего узак.), не ожидая введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 года, уголовнаго уложенія (собр. узак., ст. 416) въ полномъ его объемѣ, одновременно съ примѣненіемъ настоящаго узаконенія вступаютъ въ силу главы третья и четвертая сего уложенія, а также статьи онаго: 121, 123, 126—132, 134, 163, 164, 166 (ч. 2), 168 (ч. 3), 170, 173 (ч. 4), 437, 449, 643 (ч. 2 и 3), 644 (ч. 4), 645 (ч. 4) и 652 (ч. 3), а по примѣненію къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ указанными главами и статьями, и глава первая упомянутаго уложенія, а также отдѣлы I и II Высочайше утвержденнаго, 22 марта 1903 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта по проекту уголовнаго уложенія."

№ 4. На 9-й стр. прибавить 7-е примѣчаніе:

7) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. по проекту уголовнаго уложенія (Собр. уз. 1903 г. Отд. I. № 38. ст. 416.). — О вступленіи въ дѣйствіе нѣкоторыхъ постановленій этого Высочайше утвержденнаго мнѣнія съ конца первой половины 1904 г. смотрите Собр. уз. 24 іюня 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта 7 іюня 1904 г. Отд. VII. ст. 1—6. Текстъ этой 1-й статьи напечатанъ выше с. 436 № 3.

№ 5. На 9-й стр. прибавить 8-е примѣчаніе:

8) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго уголовнаго уложенія. Собр. уз. 24 іюня 1904. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 2—7.

№ 6. На 9-й стр. переименовать прежнее 6-е примѣчаніе въ 9-е.

№ 7. На 16-й стр. въ концѣ 2-го примѣчанія слѣдуетъ добавить:

Въ уголовномъ уложеніи есть неясный намекъ на существованіе акцизно-уголовнаго права въ Россійской Имперіи. ст. 5 п. 1: . . . „дѣянія, наказуемыя по . . . уставамъ казенныхъ . . . управленій".

№ 8. На 17-й стр. въ концѣ 1-го примѣчанія слѣдуетъ прибавить:

Въ уголовномъ уложеніи есть намекъ на существованіе таможенно-уголовнаго права въ Россійской Имперіи. ст. 5 п. 1: . . . „дѣянія, наказуемыя по . . . уставамъ казенныхъ . . . управленій".

№ 9. На 130-й стр. на строкахъ 14—16-й, считая сверху, выкинуть фразу: „Въ этомъ указѣ сказано" и т. д.

№ 10. На 130-й стр. послѣ 21-й строки поставить слѣдующія слова.

Оно предназначено замѣнить собою оба прежнихъ уголовныхъ сборника, съ относящимися къ нимъ узаконеніями: и уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

О введеніи уголовнаго уложенія въ дѣйствіе сдѣлано особое постановленіе со стороны законодателя. Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 22 марта 1903 г. устранено немедленное вступленіе уголовнаго уложенія въ дѣйствіе и предписано Сенату „сдѣлать надлежащія распоряженія . . . къ приведенію" уголовнаго уложенія въ дѣйствіе впослѣдствіи въ тотъ „срокъ, который будетъ . . . особо къ тому назначенъ" Государемъ Императоромъ.

Высочайшаго указа о введеніи уголовнаго уложенія въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ до сихъ поръ еще не послѣдовало. Вступленіе же нѣкоторыхъ частей уголовнаго уложенія въ дѣйствіе провозглашено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. Вступленіе ихъ въ дѣйствіе произошло: въ однихъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи — въ концѣ іюня, а въ другихъ — въ первой половинѣ іюля мѣсяца 1904 г.

Въ самомъ дѣлѣ, 7 іюня 1904 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго уголовнаго уложенія" (Собр. уз. 24 іюня 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта.).

Обнародованіе этого Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта произошло въ концѣ іюня мѣсяца 1904 г. Этотъ

законъ напечатанъ впервые въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства“ 24 іюня 1904 г., и вступилъ въ дѣйствіе немедленно, по обнародованіи: въ однихъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи — въ концѣ іюня, а въ другихъ — въ первой половинѣ іюля мѣсяца 1904 г.

Это Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. и предписало безотлагательно ввести въ дѣйствіе нѣкоторыя части уголовнаго уложенія, указанныя въ этомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи, а именно — постановленія уголовнаго уложенія о государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, перечисленныхъ въ этомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи, съ постановленіями общей части уголовнаго уложенія, относящимися къ этимъ преступнымъ дѣяніямъ (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 1—7.).

Познакомившись съ уголовнымъ уложеніемъ 22 марта 1903 г., скажемъ нѣсколько словъ о дополнительныхъ узаконеніяхъ къ этому уложенію, выдвинутыхъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г.

№ 11. На 131-й стр. между 6-й и 7-й строкой поставить слѣдующія фразы.

Этого не сдѣлало, однако, и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. Провозглашая вступленіе уголовнаго уложенія въ дѣйствіе по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ, это Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня удовольствовалось провозглашеніемъ относительно ареста, что „приговоренные къ аресту отбываютъ сіе наказаніе по правиламъ, установленнымъ для отбыванія ареста по уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ (Собр. уз. 1904. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 6.).

Что же касается другихъ дополнительныхъ узаконеній къ уголовному уложенію, выдвинутыхъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г., то они установляютъ нѣкоторыя новыя правила закона (Собр. уз. 16 апрѣля 1903 г. Отд. I. № 38. Ст. 416. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. I и II.).

Эти дополнительныя узаконенія новаго содержанія предписано ввести въ дѣйствіе одновременно съ введеніемъ уголовнаго уложенія (Собр. уз. 16 Апрѣля 1903 г. Отд. I. № 38. Ст. 416. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. III.).

Высочайшаго указа о введеніи этихъ дополнительныхъ узаконеній новаго содержанія въ полномъ ихъ объемѣ до сихъ поръ не состоялось. Вступленіе же нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дѣйствіе провоз-

глашено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г., но — только относительно государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступовъ, указанныхъ въ этомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи, подлежащихъ дѣйствію уголовнаго уложенія (Собр. уз. 1904. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 1—6.).

Вступленіе этихъ дополнительныхъ узаконеній 22 марта 1903 г. въ дѣйствіе произошло: въ однихъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи — въ концѣ іюня, а въ другихъ — въ первой половинѣ іюля мѣсяца 1904 г.

Слѣдуетъ замѣтить, что Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г., предписывая введеніе нѣкоторыхъ частей уголовнаго уложенія и нѣкоторыхъ дополнительныхъ къ нему узаконеній 22 марта 1903 г., въ свою очередь, и само установило нѣкоторыя дальнѣйшія дополнительныя узаконенія къ уголовному уложенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписало также и ихъ ввести въ дѣйствіе (Собр. уз. 24 іюня 1904. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 2—7.).

Отмѣтивъ дополнительныя узаконенія къ уголовному уложенію, укажемъ въ заключеніе текущіе труды по выработкѣ проектовъ относительно мѣропріятій и узаконеній по вопросамъ, стоящимъ въ тѣсной связи съ уголовнымъ уложеніемъ.

№ 12. На 133—137-й стр. нужно передѣлать 18-й параграфъ. Онъ можетъ быть изложенъ слѣдующимъ образомъ.

§ 18. Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника: а) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, б) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими позднѣйшими узаконеніями, и в) нѣкоторыя части „Уголовнаго уложенія“ 22 марта 1903 г., съ нѣкоторыми соотвѣтствующими добавочными одновременными и позднѣйшими узаконеніями.

Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право имѣетъ своимъ источникомъ законъ.

Оно установлено тремя законодательными сборниками съ относящимися къ нимъ узаконеніями: 1) „Уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями [выше с. 114.], 2) „Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими позднѣйшими узаконеніями [выше с. 111; 114.], и 3) „Уголовнымъ уложеніемъ“ 22 марта 1903 г., дѣйствующимъ съ середины 1904 г. лишь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, съ нѣкоторыми соотвѣтствующими узаконеніями 1903 года и послѣдующаго времени [выше с. 130—131.]. Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г., вступили въ дѣйствіе только тѣ части уголовнаго уложенія 22 марта 1903 г., которыя указаны въ этомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи (Собр. уз. 1904. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 1—7.). Таковы — постановленія уголовнаго уложенія о государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, перечисленныхъ въ этомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, съ постановленіями общей части уголовнаго уложенія, относящимися къ этимъ преступнымъ дѣяніямъ. Многія изъ этихъ постановленій уголовнаго уложенія частью нѣсколько пополнены, частью нѣсколько ограничены добавочными узаконеніями къ уголовному уложенію, установленными Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. (Собр. уз. 1903. Отд. I. № 38. ст. 416.) и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 2—7.).

Уголовныя узаконенія, которыми внесены какія-нибудь измѣненія въ постановленія уложенія о наказаніяхъ или устава о наказаніяхъ послѣ 1885 г., напечатаны въ двухъ офиціальныхъ изданіяхъ: 1) въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемомъ при Правительствующемъ Сенатѣ“, за послѣдующіе годы, начиная съ 1886-го, и 2) въ „Статьяхъ къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ“ Россійской Имперіи: а) по „Продолженію Свода Законовъ“ 1890 г., б) по Продолженію 1891 г., в) по продолженію 1895 г. и г) по „Продолженію Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года“ (Ч. II.). При чемъ уголовныя узаконенія, вышедшія съ 1 января 1902 г., помѣщены въ I-хъ отдѣлахъ „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“.

Уголовныя же узаконенія, которыми внесены какія-нибудь измѣненія въ дѣйствующія постановленія уголовнаго уложенія 1903 г.,

напечатаны въ I-хъ отдѣлахъ „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“ за соотвѣтствующіе годы, начиная съ 1903-го.

Законъ не только служитъ источникомъ дѣйствующаго общаго уголовнаго права Россійской Имперіи, но является въ то же время и единственнымъ источникомъ этого права. Здѣсь нѣтъ мѣста ни международнымъ договорамъ Россійской Имперіи съ другими государствами, ни обычаямъ, одобреннымъ ею, ни правиламъ религіозныхъ союзовъ людей, одобреннымъ ею. Это ясно и несомнѣнно указано самимъ русскимъ законодателемъ: 1) въ 1-й и 90-й статьѣ уложенія о наказаніяхъ, въ 1-й статьѣ устава о наказаніяхъ и въ 1-й — 5-й, 14-й — 37-й и 53-й — 67-й статьяхъ уголовнаго уложенія, дѣйствующихъ по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ, перечисленнымъ извѣстной статьей Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. [Собр. уз. 1904. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 1.], 2) въ постановленіяхъ о законномъ толкованіи и законномъ аналогическомъ пополненіи законовъ уголовными судами, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, и 3) въ постановленіяхъ о силѣ, присвоенной закономъ законному толкованію и законному аналогическому пополненію законовъ.

Убѣдиться въ этомъ не трудно.

„Преступленіемъ или проступкомъ, говоритъ 1-я статья уложенія о наказаніяхъ, признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано“. „Наказанія за преступленія и проступки, провозглашаетъ 90-я статья уложенія, опредѣляются не иначе, какъ на точномъ основаніи закона“.

„За проступки, означенные въ семъ уставѣ, постановляетъ 1-я статья устава о наказаніяхъ, Мировые Судьи опредѣляютъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, слѣдующія наказанія“.

Уголовное уложеніе, установляя понятія о преступномъ дѣяніи и наказаніи въ области русскаго общаго уголовнаго права, узаконеннаго на будущее время, въ свою очередь, несомнѣнно, признаетъ, что въ этой области преступны только тѣ дѣянія, которыя признаны преступными со стороны закона, и правомѣрны только тѣ наказанія, которыя установлены закономъ. Это не выражено въ уголовномъ уложеніи прямо и просто, но за то указано косвенно.

Въ самомъ дѣлѣ, 1-я статья уголовнаго уложенія, предназначенная законодателемъ къ опредѣленію общаго понятія о преступленіи въ области русскаго общаго уголовнаго права, говоритъ: „Преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ

подъ страхомъ наказанія". Отсюда ясно, что уголовное уложеніе предусматриваетъ преступныя дѣянія и выставляетъ разграничительнымъ признакомъ преступности дѣянія воспрещенность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія.

Но мы знаемъ, что наше русское законодательство точно также, какъ и законодательство всякаго другого культурнаго государства, запрещаетъ подъ страхомъ наказанія не только преступныя дѣянія, но и дисциплинарныя. Зачисленіе дисциплинарныхъ дѣяній въ преступныя составляетъ несомнѣнное и рѣзкое отступленіе отъ правильной расцѣнки человѣческихъ дѣяній въ жизни культурнаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и сильно нарушаетъ интересы всестороннаго народнаго благосостоянія. Въ виду этого, естественно возникаютъ вопросы, неужели наше новое уголовное уложеніе дѣйствительно дѣлаетъ эту непростительную ошибку, или же, избѣгнувъ ея, оно впадаетъ лишь въ редакціонную ошибку. А эта редакціонная ошибка состоитъ въ томъ, что составныя части законнаго разграничительнаго признака преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовнаго права изложены неточно.

Логическая необходимость отрицательнаго рѣшенія по первому вопросу и утвердительнаго по второму не подлежитъ сомнѣнію.

Изъ сопоставленія 1-й статьи уголовнаго уложенія со статьями 4-й и 5-й, а также со 2-й и 3-й частью 14-й статьи становится очевидно, что въ области нашего общаго уголовнаго права и на будущее время будетъ дѣйствовать только одинъ источникъ права — законъ, а главной внѣшней формой воплощенія этого источника будетъ служить уголовное уложеніе.

Далѣе, изъ сопоставленія 1-й статьи уголовнаго уложенія со статьей 4-й и съ 1-мъ пунктомъ 5-й статьи очевидно, что „дѣянія, наказуемыя по . . . уставамъ дисциплинарнымъ", не подлежатъ дѣйствію уголовнаго уложенія, а эти дѣянія и представляютъ собой не что иное, какъ дисциплинарныя правонарушенія.

Въ виду этихъ выводовъ, становится ясно, что уголовное уложеніе не считаетъ дисциплинарныхъ проступковъ, воспрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія, преступными дѣяніями, а потому выставляя въ 1-й статьѣ воспрещенность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія за общій разграничительный признакъ преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовнаго права, дѣлаетъ лишь редакціонную ошибку, хотя и въ свою очередь важную. Эта ошибка состоитъ въ томъ, что, при изложеніи законнаго разграничительнаго признака преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовнаго

права, отмѣчена одна весьма важная черта этого признака — предусмотрѣнность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія, но не отмѣчена другая весьма важная черта — предусмотрѣнность дѣянія закономъ въ качествѣ преступнаго дѣянія.

Чтобы выразить въ первой статьѣ уголовнаго уложенія во всей точности тѣ идеи о понятіи преступленія, которыя это уложеніе дѣйствительно проводитъ косвеннымъ путемъ въ своихъ постановленіяхъ, т. е. тѣ идеи, которыя вытекаютъ съ логической необходимостью изъ сопоставленія статей 1-й, 4-й, 5-й и 14-й, нужно было бы изложить эту 1-ю статью слѣдующимъ образомъ: „Преступно только то дѣяніе, которое предусмотрѣно закономъ, дѣйствующимъ во время его учиненія, признано преступнымъ и обложено наказаніемъ". Это было бы ясно, просто и точно.

Что касается идеи о недопустимости никакихъ иныхъ наказаній въ области нашего общаго уголовнаго права, кромѣ установленныхъ закономъ, то эта идея также, несомнѣнно, выражена въ нашемъ уголовномъ уложеніи, но не прямо, а только косвенно. Она вытекаетъ съ логической необходимостью изъ сопоставленія 1-й и 14-й статьи уголовнаго уложенія со статьями: 4—5; 2—3; 15—35 и 53—67. Наказанія, которыми обложены преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя уголовнымъ уложеніемъ, опредѣлены исчерпывающимъ образомъ статьями самого же уложенія (ст. 2—3; 15—35; 36-я ч. 2; 37-я ч. 2; 53—67.).

Нельзя не пожалѣть, что двадцатидвухлѣтніе труды по составленію нашего новаго уголовнаго уложенія не привели къ прямому простому и точному выраженію такихъ двухъ важныхъ и общеизвѣстныхъ принциповъ культурнаго уголовнаго права, какъ nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать отраднымъ, что оба эти принципа, хотя и косвенно, но ясно и несомнѣнно проведены уголовнымъ уложеніемъ въ его руководящихъ постановленіяхъ общей части.

Провозглашая же вступленіе уголовнаго уложенія въ дѣйствіе по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ и при томъ предписывая примѣненіе къ нимъ не только постановленій особенной, но и постановленій общей части уголовнаго уложенія, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. уже тѣмъ самымъ косвенно, но ясно и несомнѣнно обезпечиваетъ неизмѣнное господство этихъ двухъ принциповъ и по отношенію къ этимъ преступнымъ дѣяніямъ, подлежащимъ дѣйствію уголовнаго уложенія.

Сопоставляя общія руководящія постановленія нашего законодателя о преступленіи, проступкѣ и наказаніи по уложенію о наказаніяхъ, по уставу о наказаніяхъ и по уголовному уложенію, нельзя не признать, что эти постановленія, не только характеризуютъ общее понятіе нашего законодателя объ уголовномъ правонарушеніи и общее понятіе о наказаніи въ области нашего общаго уголовнаго права, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и несомнѣнно указываютъ намъ, что онъ твердо и несомнѣнно признаетъ въ этой области два разумныхъ общихъ правила: 1) преступно — только то, что законъ призналъ преступнымъ [nullum crimen sine lege], и 2) не должно быть никакого наказанія, кромѣ установленнаго закономъ [nulla poena sine lege].

Но этого мало. Нашъ законодатель ясно и несомнѣнно подтверждаетъ эти общія правила какъ въ своихъ постановленіяхъ о законномъ толкованіи [1]) и законномъ аналогическомъ пополненіи законовъ уголовными судами [2]), при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, такъ и въ своихъ постановленіяхъ о законной силѣ законнаго толкованія и законнаго аналогическаго пополненія законовъ [3]). Со всѣми этими постановленіями нашего законодательства мы подробно познакомимся впослѣдствіи, когда будемъ изучать толкованіе и аналогическое пополненіе уголовныхъ законовъ уголовными судами и законную силу законнаго судебнаго толкованія и аналогическаго пополненія законовъ.

Подводя общій итогъ постановленіямъ дѣйствующаго русскаго законодательства: 1) относительно общаго понятія объ уголовномъ правонарушеніи и общаго понятія о наказаніи въ области нашего общаго уголовнаго права, 2) относительно законнаго толкованія и законнаго аналогическаго пополненія нашихъ общихъ уголовныхъ законовъ уголовными судами, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, и 3) относительно силы, присвоенной закономъ этому законному толкованію и законному аналогическому пополненію нашихъ общихъ уголовныхъ законовъ, мы приходимъ къ выводу, что законъ не только служитъ источникомъ дѣйствующаго общаго уголовнаго права Россійской Имперіи, но является и единственнымъ источникомъ этого права.

№ 13. На 137—138-й стр. необходимо переработать 19-й параграфъ. Его можно изложить слѣдующимъ образомъ.

---

1) Уст. уг. суд. ст. 12; 13; 916^2; 916^3; 930.

2) Ул. ст. 1 и 151. — Уг. ул. ст. 1. — Уст. уг. суд. ст. 12 и 771.

3) Св. Зак. Т. I. Ч. I. ст. 68 и 69. — Уст. уг. суд. ст. 12; 930 и 933. — П. П. Пусторослевъ — Конспектъ лекцій по особенной части русскаго уголовнаго права. Вып. I. Юрьевъ. 1902. с. 15—24.

§ 19. Подраздѣленіе дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права на двѣ части: общую и особенную и соотвѣтствующее подраздѣленіе уголовнаго уложенія.

Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи можетъ быть раздѣлено по содержанію на двѣ части: общую и особенную.

Общей частью дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ общее понятіе объ уголовномъ правонарушеніи, общія понятія о преступленіи и проступкѣ и общее понятіе о наказаніи, принятыя въ этомъ правѣ.

Особенной же частью дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ, какія правонарушенія преступны и какими наказаніями они обложены въ Россійской Имперіи.

Общая часть дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права содержится: 1) въ постановленіяхъ 1-го раздѣла уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями [выше с. 439.], 2) въ 1-й главѣ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями [выше с. 439.], и 3) въ 1-й главѣ уголовнаго уложенія 22 марта 1903 г., дѣйствующей съ нѣкоторыми соотвѣтствующими добавочными узаконеніями, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г., лишь относительно государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступковъ, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ уложеніемъ и указанныхъ этимъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ [выше с. 439—440.].

Общія правила о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, содержащіяся въ уложеніи о наказаніяхъ, отличаются обыкновенно бо́льшей полнотой и ясностью, чѣмъ общія правила о проступкахъ и наказаніяхъ, заключающіяся въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Между общими правилами уложенія о наказаніяхъ и общими правилами устава о наказаніяхъ во многихъ отношеніяхъ нѣтъ противорѣчія, но за то во многихъ случаяхъ существуетъ несомнѣнное противорѣчіе.

Въ случаѣ противорѣчія, смыслъ постановленій устава о наказаніяхъ не можетъ быть истолковываемъ на основаніи постановленій уложенія о наказаніяхъ. Дѣло въ томъ, что законъ, болѣе поздній не

можетъ быть отмѣняемъ закономъ, болѣе раннимъ. А уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, удостоился Высочайшаго утвержденія, при первомъ своемъ изданіи, гораздо позднѣе, чѣмъ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, при первомъ его изданіи: уставъ утвержденъ впервые въ 1864 г., а уложеніе — въ 1845.

Въ случаѣ же отсутствія противорѣчія, толкованіе постановленій устава о наказаніяхъ на основаніи постановленій уложенія о наказаніяхъ возможно и допустимо.

Толкованіе постановленій уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ на основаніи постановленій уголовнаго уложенія противно закону. Основаніе — ясно. Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 22 марта 1903 г. (выше с. 130; 437.) отложилъ введеніе уголовнаго уложенія въ дѣйствіе до особаго Высочайшаго соизволенія. Высочайше же утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (выше с. 436 № 3; с. 440.) предписало примѣненіе общей части уголовнаго уложенія только къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ, предусмотрѣннымъ статьями уголовнаго уложенія, указанными этимъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ, и отмѣнило примѣненіе уложенія о наказаніяхъ къ этимъ преступнымъ дѣяніямъ.

Наконецъ, и толкованіе постановленій уголовнаго уложенія на основаніи постановленій уложенія о наказаніяхъ, въ свою очередь, противно закону, такъ какъ Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. предписало примѣненіе уголовнаго уложенія къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ взамѣнъ уложенія о наказаніяхъ. А кромѣ того, законъ, болѣе поздній не можетъ быть отмѣняемъ закономъ, болѣе раннимъ.

Отъ общей части дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права переходимъ къ особенной.

Особенная часть дѣйствующаго русскаго общаго уголовнаго права содержится: 1) въ постановленіяхъ десяти раздѣловъ (II; IV—XII.) уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, за исключеніемъ III-го раздѣла „о преступленіяхъ государственныхъ“ [выше с. 436 № 3; 114; 440.], 2) въ постановленіяхъ двѣнадцати послѣднихъ главъ (II—XII) устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими позднѣйшими узаконеніями [выше с. 111; 114; 440.], и 3) въ статьяхъ уголовнаго уложенія 22 марта 1903 г., съ нѣкоторыми добавочными узаконеніями, посвященныхъ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ

преступленіямъ и проступкамъ, указанныхъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. [Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 1. — См. выше с. 436 № 3; 438; 439—440.]. Эти статьи находятся въ шести главахъ уголовнаго уложенія: въ III-й [ст. 99—107.], въ IV-й [ст. 108—119.), въ V-й [ст. 121; 123; 126—132 и 134.), въ VII-й [ст. 163; 164; 166 (ч. 2.); 170 и 173 (ч. 4.)], въ XXI-й [ст. 437 и 449.] и въ XXXVII-й [ст. 643 (ч. 2 и 3.); 644 (ч. 4.); 645 (ч. 4.) и 652 (ч. 3.)].

Относительно уголовнаго уложенія слѣдуетъ замѣтить вообще, что оно раздѣляются на двѣ части: общую и особенную. Общая часть его изложена въ его I-й главѣ, а особенная — въ остальныхъ тридцати шести главахъ (II—XXXVII).

№ 14. На 140-й стр. на 11—13-й строкѣ замѣнить фразу: „Уголовное уложеніе“ и т. д. фразою: Уголовное уложеніе, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г., не вступило еще въ дѣйствіе въ полномъ своемъ объемѣ, но дѣйствуетъ только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, указанныхъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (выше с. 437—438.).

№ 15. На 144-й стр. на 2—3-й строкѣ къ словамъ: „уголовнаго уложенія, еще не вступившаго въ дѣйствіе“ прибавить слова: ни въ 1903 г., ни въ первые пять мѣсяцевъ 1904 г.

№ 16. На 147-й стр. на 12—13-й строкѣ къ словамъ: „уголовное уложеніе 22 марта 1903 г., еще не вступившее въ дѣйствіе“ прибавить слова: ни во время печатанія этого учебника, ни въ слѣдующіе мѣсяцы 1903 г., ни въ первые пять мѣсяцевъ 1904 г.

№ 17. На 147-й стр. на 13-й строкѣ вмѣсто словъ: „На это“ поставить слова: На этотъ образъ дѣйствій автора.

№ 18. На 234-й стр. послѣ 16-й строки въ концѣ 21-го параграфа поставить фразу: Познакомившись съ особеннымъ уголовнымъ правомъ, дѣйствующимъ въ Россійской Имперіи, отмѣтимъ въ заключеніе, что наше уголовное уложеніе не указываетъ прямо и ясно ни видовъ, ни развѣтвленій этого права, но довольствуется въ этомъ отношеніи намеками неяснаго характера въ сбивчивой формѣ [выше с. 9 прим. 9 (Первое дополненіе с. 437 № 6.); с. 10 прим. 1—3; с. 13 прим. 3; с. 15 прим. 4 на с. 15—16; с. 16 прим. 1 и прим. 2 (I-е дополненіе с. 437 № 7.); с. 17 прим. 1 (I-е дополненіе с. 437 № 8.) и прим. 3—4.].

№ 19. На 276-й стр. послѣ 7-й строки въ концѣ 27-го параграфа прибавить фразы:

Наше новое уголовное уложеніе не вступило еще въ дѣйствіе въ полномъ своемъ объемѣ, но съ середины 1904 г. вошли уже въ дѣйствіе нѣкоторыя части уголовнаго уложенія, указанныя Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. Таковы — постановленія уголовнаго уложенія о государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, перечисленныхъ этимъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ, съ постановленіями общей части уголовнаго уложенія, относящимися къ этимъ преступнымъ дѣяніямъ (Собр. уз. 24 іюня 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 1—7. — См. выше с. 436 № 3; с. 437—438 № 10; с. 439—444 № 12; с. 444—447 № 13.).

Такимъ образомъ, постановленія уголовнаго уложенія о дѣйствіи уголовнаго закона во времени (ст. 14.) уже вступили въ дѣйствіе съ середины 1904 г. по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ суду не по уложенію о наказаніяхъ, а по уголовному уложенію, указаннымъ съ точностью въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904. От. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. Мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 1. — См. выше с. 436 № 3.).

№ 20. На 279-й стр. на 16-й строкѣ вмѣсто словъ: „Оно высказываетъ этотъ взглядъ въ уложеніи о наказаніяхъ“ поставить слова: Оно высказываетъ этотъ взглядъ вообще въ уложеніи о наказаніяхъ и подтверждаетъ въ уголовномъ уложеніи, дѣйствующемъ съ середины 1904 г. относительно государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступковъ, указанныхъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 1.).

№ 21. На 280-й стр. послѣ 4-й строки вмѣсто фразы: „Оно установлено двумя законодательными сборниками“ . . . и „Уложеніе о наказаніяхъ гораздо полнѣе“ . . . поставить фразы слѣдующаго содержанія.

Оно установлено тремя законодательными сборниками съ относящимися къ нимъ узаконеніями: 1) „Уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, 2) „Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими позднѣйшими узаконеніями, и 3) „Уголовнымъ уложеніемъ“ 22 марта 1903 г., дѣйствующимъ съ середины 1904 г. лишь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, съ нѣкоторыми соотвѣтствующими узаконеніями 1903

года и послѣдующаго времени (выше с. 439—444 № 12). Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 1.), вступили въ дѣйствіе съ середины 1904 г. не всѣ постановленія уголовнаго уложенія, но только постановленія о государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, указанныхъ этимъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ, съ постановленіями общей части уголовнаго уложенія, относящимися къ этимъ преступнымъ дѣяніямъ.

Уголовное уложеніе кладетъ территоріальный принципъ въ основаніе своего общаго правила о дѣйствіи уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ. Уголовное уложеніе говоритъ (ст. 4): „Дѣйствіе сего уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя, въ предѣлахъ Россіи, какъ россійскими подданными, такъ и иностранцами, съ изъятіями, въ статьѣ 5 указанными“.

Обращаясь къ этому постановленію, мы должны прежде всего отмѣтить, что въ интересахъ точности изложенія необходимо было бы замѣнить выраженіе этой статьи: „въ предѣлахъ Россіи“ выраженіемъ: „въ предѣлахъ русскаго государства“.

Далѣе, мы должны сказать, что это постановленіе уголовнаго уложенія не выражаетъ собою общаго взгляда нашего дѣйствующаго общаго уголовнаго права на дѣйствіе уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ. Это постановленіе уголовнаго уложенія выражало бы собою этотъ взглядъ только въ томъ случаѣ, если бы уголовное уложеніе, предназначенное замѣнить собою и уложеніе о наказаніяхъ, по изданію 1885 г., и уставъ о наказаніяхъ, по изданію 1885 г., со всѣми дальнѣйшими узаконеніями, относящимися къ этимъ двумъ сборникамъ, вступило въ дѣйствіе въ полномъ своемъ объемѣ. Но уголовное уложеніе, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г., вступило въ дѣйствіе съ середины 1904 г. не въ полномъ своемъ объемѣ, а только въ своихъ постановленіяхъ о государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленіяхъ и проступкахъ и только въ тѣхъ постановленіяхъ своей общей части, которыя относятся къ этимъ преступнымъ дѣяніямъ, и при томъ вступило настолько, насколько эти постановленія ея касаются этихъ дѣяній. Въ прочей же области нашего дѣйствующаго общаго уголовнаго права остались въ дѣйствіи: и уложеніе о наказаніяхъ, по изданію 1885 г., и уставъ о наказаніяхъ, по изданію 1885 г., со всѣми дальнѣйшими узаконеніями, относящимися къ этимъ двумъ законодательнымъ сборникамъ. Отсюда ясно, что и постановленіе уголовнаго уложенія о дѣйствіи уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ, дѣйствуя

съ середины 1904 г. не по отношенію ко всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ въ области нашего общаго уголовнаго права, а только по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ, указаннымъ въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г., выражаетъ собою взглядъ нашего дѣйствующаго общаго уголовнаго права на дѣйствіе уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ только по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ.

Переходя къ уложенію о наказаніяхъ и уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, слѣдуетъ сказать, что уложеніе о наказаніяхъ гораздо полнѣе и яснѣе устава о наказаніяхъ въ отношеніи къ общей части.

№ 22. На 281-стр. на 19—38-й строкѣ замѣнить фразу: „Опираясь“ и т. д. слѣдующими фразами.

Подойдя къ концу нашего изслѣдованія по вопросу о томъ, какой принципъ кладетъ наше дѣйствующее общее уголовное право въ основаніе своего общаго правила о дѣйствіи уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ, сопоставимъ добытыя нами заключенія и сдѣлаемъ изъ нихъ общій выводъ.

Наше изслѣдованіе привело насъ къ тремъ заключеніямъ.

1. Общая система правилъ и исключеній относительно дѣйствія уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ, лежащая въ основаніи общихъ постановленій нашего дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ по этимъ вопросамъ, характеризуетъ собой взглядъ нашего дѣйствующаго общаго уголовнаго права на дѣйствіе уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ вообще, за исключеніемъ области государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступковъ, изъятыхъ съ середины 1904 г. изъ-подъ власти уложенія о наказаніяхъ и поставленныхъ подъ власть уголовнаго уложенія.

2. Общая система правилъ и исключеній относительно дѣйствія уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ, лежащая въ основаніи общихъ постановленій нашего уголовнаго уложенія по этимъ вопросамъ, дѣйствуетъ съ середины 1904 г. въ отношеніи къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ, поставленнымъ изъ-подъ власти уложенія о наказаніяхъ подъ власть уголовнаго уложенія.

3. Общее правило о дѣйствіи уголовнаго закона по мѣсту и лицамъ какъ въ уложеніи о наказаніяхъ (ст. 168 и 170.), такъ и въ уголовномъ уложеніи (ст. 4.) одинаково построено на территоріальномъ принципѣ.

Сопоставляя эти три заключенія и имѣя въ виду содержаніе

территоріальнаго принципа, мы имѣемъ полное основаніе придти къ тому общему выводу, что, по нашему дѣйствующему общему уголовному праву, преступное дѣяніе, учиненное на территоріи русскаго государства, подлежитъ, въ видѣ общаго правила, уголовному закону русскаго государства, безразлично къ тому, состоитъ ли учинитель русскимъ подданнымъ или иностранцемъ.

№ 23. На 282—283-й стр. выкинуть три фразы, находящіяся на 20—24-й строкѣ 282-й страницы и на семи первыхъ строкахъ 283-й страницы, начинающіяся словами: „Познакомившись“, „Наше уголовное уложеніе“ и „слѣдуетъ замѣтить“. Вмѣсто этихъ трехъ фразъ поставить слова: Познакомившись съ территоріальнымъ принципомъ, перейдемъ къ его ограниченіямъ и дополненіямъ.

№ 24. На 285-й стр. на 22-й строкѣ и на 317-й стр. на 27-й строкѣ вмѣсто словъ: „Наше уголовное уложеніе“ и т. д. поставить слова: Даже наше уголовное уложеніе.

№ 25. На 292-й стр. на 15—16-й строкѣ вмѣсто словъ: „наше дѣйствующее законодательство . . . не содержитъ постановленія“ поставить слова: какъ уложеніе о наказаніяхъ (ст. 171.), такъ и уставъ уголовнаго судопроизводства (ст. 214—215.) не содержатъ постановленія.

№ 26. На 293-й стр. на 4-й строкѣ вмѣсто словъ: „на почвѣ закона“ поставить слова: на почвѣ уложенія о наказаніяхъ и устава уголовнаго судопроизводства.

№ 27. На 294-й стр. на 9—10-й строкѣ вмѣсто фразы: „Выяснивъ“ и т. д. поставить фразу: Выяснивъ наше старое дѣйствующее уголовное законодательство и судебную практику, переходимъ къ уголовному уложенію, дѣйствующему съ средины 1904 г. относительно государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступковъ, указанныхъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 1.).

№ 28. На 304-й стр. на 3-й строкѣ, на 309-й стр. на 28-й строкѣ, на 312-й стр. на 17-й строкѣ, на 315-й стр. на 5-й строкѣ, на 318-й стр. на 24-й строкѣ, на 320-й стр. на 21-й строкѣ, на 322-й стр. на 26-й строкѣ, на 333-й стр. на 6-й и 17-й строкѣ, на 340-й стр. на 28-й и 40-й строкѣ и на 343-й стр. на 28 строкѣ вмѣсто словъ: „Наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ“ поставить слова: „Наше уложеніе о наказаніяхъ“.

№ 29. На 326-й стр. на 18—23-й строкѣ вмѣсто фразы: „что касается“ и т. д. поставить слѣдующія фразы.

Отъ уложенія о наказаніяхъ обратимся къ уголовному уложенію и опредѣлимъ сначала, на основаніи уголовнаго уложенія, общее рѣшеніе поставленнаго вопроса объ уголовной отвѣтственности подданнаго культурной державы за учиненіе преступнаго дѣянія на отечественномъ купеческомъ кораблѣ во время пребыванія этого корабля въ водахъ иностраннаго культурнаго государства.

Уголовное уложеніе постановляетъ, что его дѣйствіе распространяется, въ видѣ общаго правила, на всѣ преступныя дѣянія, учиненныя иностранцами въ предѣлахъ русскаго государства (ст. 4.), за исключеніемъ преступныхъ дѣяній со стороны „иностранцевъ, пользующихся въ Россіи правомъ внѣземельности“ (ст. 5 п. 4.).

№ 30. На 327-й стр. послѣ послѣдней строки прибавить фразы слѣдующаго содержанія.

Опредѣливъ общее рѣшеніе поставленнаго вопроса, на основаніи уголовнаго уложенія безъ ограниченій, напомнимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что это рѣшеніе выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ дѣйствуетъ уголовное уложеніе съ середины 1904 г. Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 1.), уголовное уложеніе вступило въ дѣйствіе съ середины 1904 г. только по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ. А потому, желая ставить и рѣшать вопросъ, съ точки зрѣнія уголовнаго уложенія, какъ дѣйствующаго закона, мы должны ставить и рѣшать вопросъ только по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ дѣйствію уголовнаго уложенія. Нечего и говорить, что, по рѣшеніи общаго вопроса, рѣшеніе частнаго не представляетъ никакихъ затрудненій.

№ 31. На 338-й стр. послѣ 23-й строки и на 343-й стр. послѣ 11-й строки добавить слѣдующія слова: Опредѣливъ общее рѣшеніе поставленнаго вопроса, на основаніи уголовнаго уложенія безъ ограниченій, мы должны, въ виду Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г., отмѣтить, что, желая ставить и рѣшать вопросъ, съ точки зрѣнія уголовнаго уложенія, какъ дѣйствующаго закона, мы должны ставить и рѣшать вопросъ только по отношенію къ государственнымъ и нѣкоторымъ инымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ дѣйствію уголовнаго уложенія (выше с. 452 № 30.).

№ 32. На 354-й стр. на 1-й строкѣ вмѣсто словъ: „должно вступить“ поставить слова: должно было вступить.

№ 33. На 354-й стр. послѣ 32-й строки сдѣлать слѣдующее добавленіе.

Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 1.), какъ постановленія уголовнаго уложенія о выдачѣ преступниковъ (ст. 10 п. 4 и ст. 13.), такъ и добавленіе къ уставу уголовнаго судопроизводства о выдачѣ преступниковъ, созданное Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г., вступили въ дѣйствіе съ середины 1904 г., но — только относительно государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступковъ, подчиненныхъ дѣйствію уголовнаго уложенія Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. Это необходимо имѣть въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи постановленій уголовнаго уложенія и дополненія къ уставу уголовнаго судопроизводства о выдачѣ преступниковъ.

№ 34. На 354-й стр. на 35—36-й строкѣ выкинуть слова: „какъ дѣйствующаго, такъ и предназначеннаго къ вступленію въ дѣйствіе“.

№ 35. На 364—365-й стр. на первыхъ строкахъ вмѣсто фразы: „Наши законы“ и т. д. поставить двѣ слѣдующія фразы.

Наши законы, дѣйствующіе съ середины 1904 г. не вполнѣ, но ожидающіе своего вступленія въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ, а именно — уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. (выше с. 130; Доп. I. с. 440 № 12; с. 353 съ прим. 1; Доп. I. с. 453 № 33.) и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 22 марта 1903 г. по проекту уголовнаго уложенія (выше с. 130—131; Доп. I. с. 438 № 11; с. 353 съ прим. 2; Доп. I. с. 453 № 33.), въ свою очередь, проводятъ общее правило о выдачѣ преступниковъ за учиненіе преступныхъ дѣяній за границею, но проводятъ только въ ограниченномъ видѣ, косвенно тѣмъ, что устанавливаютъ правило о выдачѣ преступниковъ, иностранцевъ за учиненіе какъ тяжкихъ преступленій, такъ и преступленій за предѣлами русскаго государства (Уг. ул. ст. 13. — Выс. утв. мнѣніе. Отд. I. Дополненіе къ уставу уг. суд. ст. 1.). Эти законы дѣйствуютъ съ середины 1904 г. только относительно государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступковъ, подчиненныхъ дѣйствію уголовнаго уложенія Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (выше Доп. I. с. 440 № 33.).

№ 36. На 398-й стр. на 24-й строкѣ добавить фразу: Это постановленіе этого дополнительнаго узаконенія о выдачѣ полити-

ческихъ преступниковъ за эти преступныя дѣянія не вступило еще въ дѣйствіе.

№ 37. На 399-й стр. на 21-й строкѣ добавить слѣдующія слова: Это постановленіе этого дополнительнаго узаконенія вступило въ дѣйствіе въ нѣкоторой своей части съ середины 1904 г. (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Высочайше утв. мнѣніе Гос. Совѣта. Отд. VII. ст. 1.).

№ 38. На 413-й стр. на 8—13-й строкѣ вмѣсто фразы: „1. Какъ уложеніе о наказаніяхъ“ и т. д. поставить фразу: 1. Какъ уложеніе о наказаніяхъ (ст. 1 и 370.), такъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 1.), а равно и уголовное уложеніе [ст. 1-я въ связи со ст. 4-й, 5-й (п. 1.) и 14-й (ч. 2 и 3.)], дѣйствующее съ середины 1904 г. относительно государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступковъ, подчиненныхъ дѣйствію этого уложенія Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 1—7.), ясно и несомнѣнно указываютъ, что эти общіе уголовные законы признаютъ преступнымъ въ области нашего общаго уголовнаго права только то, что самъ законъ предусмотрѣлъ въ качествѣ преступнаго дѣянія (выше Доп. I. с. 439—444 № 12.).

№ 39. На 413-й стр. на 25-й строкѣ послѣ словъ: „устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“ поставить слова: уголовнаго уложенія.

№ 40. На 414-й стр. на 19—23-й строкѣ вмѣсто фразы: „3. Какъ уложеніе о наказаніяхъ“ и т. д. поставить фразу: 3. Какъ уложеніе о наказаніяхъ (ст. 90 и 151.), такъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 1.), а равно и уголовное уложеніе [ст. 1-я и 14-я въ связи со ст. 2—3; 4—5; 15—35; 36 (ч. 2.); 37 (ч. 2.) и 53—67.], дѣйствующее съ середины 1904 г. относительно государственныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ преступленій и проступковъ, подчиненныхъ дѣйствію этого уложенія Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г., вмѣняютъ въ обязанность суду налагать за учиненіе преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ дѣйствующими законами, лишь такія наказанія, которыя установлены самими законами (выше Доп. I. с. 439—444 № 12.).

№ 41. На 415-й стр. на 6-й строкѣ къ словамъ: „Что касается нашего уголовнаго уложенія“ прибавить слово: вообще.

№ 42. На 424-й стр. на 40—41-й строкѣ примѣчаніе 1-е изложить слѣдующимъ образомъ:

1) Уложеніе о нак. ст. 1 и 370. — Уставъ о нак. ст. 1. — Уг. уложеніе ст. 1-я въ связи со ст. 4-й, 5-й (п. 1.) и 14-й (ч. 2—3.), при Высочайше утв. мнѣніи Гос. Совѣта (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 1.). — Уст. Уг. Суд. ст. 12 и 771. — Выше Доп. I. с. 439—444 № 12.

№ 43. На 424-й стр. на 42-й строкѣ примѣчаніе 2-е изложить въ слѣдующемъ видѣ:

2) Ул. о нак. ст. 90 и 151. — Уст. о нак. ст. 1. — Уг. ул. ст. 1-я и 14-я въ связи со ст. 2—3; 4—5; 15—35; 36 (ч. 2.); 37 (ч. 2.) и 53—67, при Высочайше утв. мнѣніи Гос. Совѣта 7 іюня 1904 г. (Собр. уз. 1904 г. Отд. I. № 98. Ст. 966. Отд. VII. ст. 1—7.). — Выше Доп. I. с. 439—444 № 12.

Юрьевъ. 1904. VIII. 23.

Того же автора:

Незамѣнимая саморасправа, какъ учрежденіе уголовнаго права, по ученію европейскихъ правовѣдовъ XVI—XVIII вѣка и т. д. Москва. 1889 г. Цѣна съ пересылкой 11 р.

Подсудность арестантовъ и арестантокъ за уголовныя правонарушенія, учиненныя во время пребыванія въ заключеніи. Москва 1889.

D'après quels principes devrait être faite la délimitation de la juridiction des tribunaux, du pouvoir disciplinaire pour les délits de droit commun commis par les détenus durant leur incarcération? Quels délits de ce genre devraient être jugés : ar les tribunaux et lesquels pourraient être punis par voie disciplinaire? Travaux préparatoires du IV Congrès Pénitentiaire International de Saint-Pétersbourg. Saint-Pétersbourg. 1890.

Понятіе о незамѣнимой саморасправѣ, какъ учрежденіи уголовнаго права. Москва. 1890.

Незамѣнимая саморасправа. Юридическій Вѣстникъ. Москва. 1890. № 11

Историческій очеркъ покровительства освобожденнымъ изъ заключенія Юридическій Вѣстникъ. 1890. № 12.

Понятіе о преступленіи. Москва. 1891.

Московскій комитетъ для разбора и призрѣнія просящимъ милостыни и борьба противъ преступнаго нищенства. Ю. В. 1891. № 12.

Тюрьмовѣдѣніе. Книга о книгахъ. Толковый указатель для выбора книгъ по важнѣйшимъ отраслямъ знанія. Часть I. Москва 1892.

Анализъ понятія о преступленіи. Москва. 1892.

Историческое развитіе наказанія. Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Юрьевъ 1893. № 1.

Наказательно-исправительныя заведенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Уч. Записки. 1893. № 4

Бестонская система испытанія преступниковъ. Юрьевъ. 1893.

Détermination de la nature des contraventions. Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal. Berlin. 1899. Huitième volume. Livrasion 1.

Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Quels sont les principes à suivre en déterminant les limites de la compétence de la justice criminelle quant à la poursuite de délits commis à l'étranger ou en coopération avec des individus, nationaux ou étrangers, résidant à l'étranger? Bulletin de la Commission Pénitentiaire Internationale. Bruxelles et Berne. 1899. Livraison 1.

Criminalité et imputabilité. Уч. Записки. 1900. № 1.

Отмѣна крѣпостного права въ Россійской Имперіи. У. З. 1901. № 5.

Конспектъ лекцій по особенной части русскаго уголовнаго права. Выпускъ I. Введеніе. Преступленія и проступки противъ вѣры. Государственныя преступленія. Уч. Записки. 1902. №№ 2 и 3.

Quelles sont, au point de vue de la codification pénale future, les conséquences du principe affirmé par l'Ecole nouvelle qu'il faut attacher plus d'importance aux facteurs psychiques qu'aux effets matériels? Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal. Berlin. 1902. Dixième volume. Livraison 1.

Каѳедра уголовнаго права. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, Университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902) Томъ I. Юрьевъ 1902.

А. С. Жиряевъ. Біографическій словарь и т. д. Т I. Юрьевъ. 1902.

Докладъ проф. П. П. Пусторослева по вопросу, нужно-ли предоставлять служебныя права лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Нар. Просвѣщенія. М. Н. П. Труды Высочайше учрежденной Коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній. С.-Петербургъ. 1903. Выпускъ III.

Профессорскій судъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. М. Н П. Труды. С.-Петербургъ. 1903. Выпускъ IV.

Отзывъ о сочиненіи І. В. Михайловскаго: „Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовнаго процесса". Уч. Зап. 1903. № 4.